Н. В. Малицкий

История Переславской епархии (1744—1788 г.)

Москва 2019

ББК 63.3(2Рос-4Яр)51+86.372.24-3
М 19

Издание подготовлено ПКИ — Переславской Краеведческой Инициативой.

Редактор А. Ю. Фоменко.

Печатается по:
Малицкий, Н. В. История Переславской епархии (1744—1788 г.) Выпуск первый // Труды Владимирской губернской учёной архивной комиссии. — Владимир: Типография губернского правления, 1911. — Том 13.
Малицкий, Н. В. История Переславской епархии (1744—1788 г.) Выпуск второй // Труды Владимирской губернской учёной архивной комиссии. — Владимир: Типография губернского правления, 1917—1918. — Том 18.

Малицкий Н. В.
М 19 История Переславской епархии (1744—1788 г.) / Н. В. Малицкий. — М.: MelanarЁ, 2019. — 338 с.

Книга рассказывает о том, как епископ и чиновники Переславской епархии с 1744 по 1788 год распоряжались жизнью священников. История доведена до 1766 года.

ББК 63.3(2Рос-4Яр)51+86.372.24-3

© Неофит Владимирович Малицкий, 1917.

Предисловие

Переславская епархия существовала всего 44 года, с 1744-го по 1788-й год. Несмотря *с. 3*
на такой короткий период существования Переславской епархии, её история сравнительно мало обследована. В недавно вышедшей книге М. И. Смирнова «Переславль-Залесский. Его прошлое и настоящее» (М., 1911) Переславской епархии посвящено всего 12 страниц, составленных на основании материалов, уже изданных в печати (160—171 стр.). Более самостоятельное и ценное значение для истории Переславской епархии имеют отдельные статьи и исследования покойного протоиерея А. И. Свирелина. В них он освещает многие вопросы из церковной жизни города Переславля второй половины XVIII века. Но эти статьи и исследования носят несколько отрывочный характер и составлены главным образом на основании архива Данилова монастыря, в котором жизнь Переславской епархии могла найти лишь частичное отображение, как в архиве одного из главных монастырей кафедрального города. Больше этого покойный почтенный историк города Переславля и сделать не мог, так как того архива, в котором сосредотачивались дела Переславской духовной консистории, в его распоряжении в городе Переславле не было.

Мне суждено было приступить к работам по истории Переславской епархии при более *с. 4*
счастливых условиях. В ноябре месяце 1902 года, благодаря просвещённому вниманию Архиепископа Владимирского Сергия, из города Суздаля был перевезён во Владимир архив Суздальской духовной консистории и Переславской.[1] В Суздале эти архивы были свалены в подвале соборной колокольни, в помещении, не отвечающем ни одному из тех требований, которые можно предъявить к местам, назначенным для хранения древних письменных памятников. По первому впечатлению казалось, что архив Переславской консистории пострадал больше, нежели Суздальской, так как помещался в тёмном сыром углу вдали от небольшого окошечка, через которое проникал свет в помещение подвала. Но при более внимательном обследовании оказалось, что это самое обстоятельство и содействовало отчасти сохранению Переславского архива. В то время как архив Суздальской консистории, помещавшийся у входа, был значительно расхищен, Переславский, к которому за кипами бумаг, за слоем грязи и пыли добраться было труднее, остался нетронутым. Правда, несколько пачек дел истлело до того, что при сортировке рассыпались на мелкие полусогнившие части. Но зато этот недостаток с избытком восполнился сохранностью книг, заключающих в себе консисторские протоколы (определения) и журналы. По этим книгам можно проследить всё епархиальное делопроизводство, день за днём, в течение 44 лет. Отдельные дела архива служат дополнением к объёмистым книгам протоколов. Они сообщают нам много бытовых, *с. 5*
ценных в историческом отношении подробностей, терявшихся при протокольном изложении дела. Всего в описи Переславского архива зарегистровано 10 524 дела и, кроме того, около 80 книг журналов и протоколов; некоторые из этих книг содержат до 1,5 тысяч протоколов и имеют в толщину свыше аршина.

Перечисленные материалы и легли в основу предлагаемого вниманию читателей исторического труда. Для большего удобства и раздельности содержания, изложение ведётся по периодам, соответствующим промежуткам времени управления епархией отдельных архиереев, влияние которых на ход епархиальной жизни было, конечно, очень значительно. Епархиальная жизнь в правление каждого отдельного архиерея рассматривается с разных

[1] См. об этом подробнее: *Малицкий, Н. В.* Владимирские консисторские архивы XVIII в. / Н. В. Малицкий // *Владимирские епархиальные ведомости (часть неофициальная)*. — 1903. — № 19, 21.

сторон, применительно к сохранившимся материалам. Попутно в отдельных главах идёт изложение истории Переславской духовной семинарии, материалы для которой хранятся в том же архиве. По обилию архивных материалов история Переславской семинарии может быть изложена с гораздо большею обстоятельностью и подробностями, чем это представлялось возможным в отношении семинарии Суздальской и даже Владимирской.

От редакции 2019 года

Опубликованный текст вышел двумя выпусками в Трудах Владимирской учёной архивной комиссии с отдельной пагинацией. История обрывается на 192 странице второго выпуска.

Судьбу остального текста мы не знаем. Должно быть, остальной текст находится в Государственном архиве Владимирской области в фонде ВУАК (фонд 526) или в личном фонде Неофита Владимировича Малицкого (фонд Р-1294).

Документы Переславской духовной консистории хранятся в Государственном архиве Ярославской области, фонд 1200, четыре описи, 2 710 дел за 1704—1790 годы.

Список церквей и приходов, данный в приложении, не входит в географический указатель. В нём указана Константиновская церковь (страница 284), однако последний раз она отмечена в окладных книгах в 1746 году, а в 1755 году её уже не было. (ГАЯО, фонд 1200, дело 147, лист 4.) Там же Малицкий упустил Покровскую церковь, которая существует в Переславле и посейчас.

Часть I

Переславская епархия при архиепископе Арсении и епископе Серапионе (1744—1753 г.)

Глава 1

Открытие Переславской епархии. — Архиепископ Арсений и епископ Серапион. — Можайская епископия.

Открытие Переславской епархии. До 1744 года уезды Московской, Владимирской и Смоленской губерний, вошедшие в состав открытой в 1744 году Переславской епархии, находились в ведении сперва патриархов, потом Святейшего Синода, а с открытием 1 сентября 1742 года Московской епархии подчинены были в административном отношении предстоятелю Московской кафедры. В 1744 году Святейший Синод вошёл к Императрице Елизавете Петровне с особым докладом об учреждении в некоторых городах, ближайших к Москве, самостоятельных кафедр. Святейший Синод мотивировал свой доклад тем, что в Московской епархии сосредоточено было до 5 тысяч церквей и до 200 монастырей, управить которые одному архиерею «весьма невозможно, отчего размножается раскол и в делах челобитчиковых, також производимых во священство и в церковный причет волокита и многое продолжение чинится». Высочайшим указом, последовавшим 16 июля 1744 года, велено было «учредить против прежнего в знатных городах четыре епархии» и между ними в Переславле-Залесском.[1] *с. 7* *с. 8*

К новой епархии, кроме Переславля-Залесского (в Переславле-Залесском с уездом было 253 церкви), приписаны были города: Александрова слобода и Дмитровск (139 церквей), Можайск с Гжатью (83 церкви), Верея (40 церквей), Волоколамск (46 церквей) и Руза (44 церкви). Всего в означенных городах с уездами числилось к тому времени 605 церквей, 15 мужских монастырей и 10 женских, во главе с Троице-Сергиевой лаврой.[2]

Архиепископ Арсений и епископ Серапион. Архиепископом Переславским был назначен архимандрит Троицкой Сергиевой лавры Арсений Могилянский, которому велено было писаться Переславским и Дмитровским и архимандритом Свято-Троицкой лавры. Для жительства и содержания его был отведён Переславский Горицкий монастырь.

Архимандрит Арсений Могилянский был выдающеюся личностью своего времени. Будучи уроженцем Киевской епархии (родился 17 марта 1711 года), он получил образование в Киевской академии, до средних классов её, и Харьковском коллегиуме, откуда в 1737 году поступил учителем Тверской семинарии. В 1741 году перешёл в Московскую академию, в 1742 году принял монашество и в 1743 году, как выдающийся оратор, назначен придворным проповедником. В 1744 году возведён в архимандрита Троицко-Сергиевой лавры и определён ректором местной духовной семинарии. В том же году назначен архиепископом Переславским. *с. 9*

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — Т. 1: 25 ноября 1741—1743 гг. — С. 195, № 171.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1907. — Т. 2: 1744—1745 гг. — С. 141 и 176, № 660 и № 692.

См. также: *Загорский, М. В.* Разбор и описание дел Переславского Духовного Правления / М. В. Загорский // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир: Типо-литография губернского правления, 1902. — Т. 4. — С. 6—9.

[2] Архив Святейшего Синода. Дело 1747 г., № 83, л. 341.

См. также: *Покровский, И. М.* Русские епархии в XVIII веке, открытие их, состав и пределы (Учреждение епархий: Московской, Переяславской, Костромской, Владимирской и Тамбовской) / И. М. Покровский // *Православный собеседник*. — 1911. — Ноябрь. — С. 551, примечание 2.

Императрица Елизавета осыпала Арсения великими милостями; она пожаловала ему при рукоположении драгоценную панагию в 60 тысяч рублей и бриллиантовый крест.[1]

25 июля 1744 года совершено было рукоположение Арсения во епископа; но так как ему предстояло сопровождать Императрицу во время её поездки в Киев, то временное управление новооткрытой епархией поручили Иосифу, архиепископу Московскому.[2] В ноябре месяце архиепископ Арсений был уже в Переславле. К этому времени все дела по Переславль-Залесской епархии и необходимое число канцелярских служителей были отправлены из Московской консистории в Переславль-Залесский.

Как член Святейшего Синода, как лицо близкое к придворным сферам, архиепископ Арсений не мог, конечно, жить постоянно в Переславле-Залесском и быть фактическим правителем епархии. Для непосредственного наблюдения за церковною жизнью в новооткрытой епархии ему понадобился помощник. Таким помощником в звании викарного епископа
с. 10 30 марта 1745 года был поставлен архимандрит Калязина монастыря Серапион (Лятошевич),[3] который, по словам Арсения, «произведён в помощь нам для исправления епархиальных дел, наипаче касающагося до благочиния церковнаго рукоположения достойных во священство и наставления их и для охранения всего стада Христова, дражайшею кровью Его искупленнаго, котораго нам самим по должности пастырской повсягодно посещать и ведать, как верные в вере живут и как благочестие содержат, за дальнейшим отсутствием весьма невозможно». Сообщая об этом консистории, архиепископ Арсений распорядился, чтобы со времени прибытия епископа Серапиона в Переславль «всякия дела, как епархиальныя, так и экономическия» представлялись на его разрешение и исполнялись согласно наложенным им резолюциям. Во всей епархии предписывалось «воздавать ему надлежащую архиерейскую честь и во всём должное послушание, под опасением за противность, хотя малейшую, Божия неблагословения и жесточайшаго штрафа». Местом пребывания нового епископа назначен был Переславский Никитский монастырь. В эктениях и великих возглашениях повелевалось его именовать: «и боголюбивого епископа Серапиона, викария архиепископа Переславского и Дмитровского».[4]

Можайская епископия. Через год произошли некоторые перемены в положении епископа Серапиона, сопровождавшиеся расширением его административных прав и улучшением
с. 11 средств содержания. 17 февраля 1746 года, по словесному докладу архиепископа Арсения, Императрица Елизавета Петровна изустным указом повелела Святейшему Синоду «преосвященному викарию Серапиону именоваться и писаться Можайским и Волоколамским и быть коадъютором Переславской архиепископии», причём «оной Можайской епископии повелевалось ныне и впредь принадлежать до означенной Переславской архиепископии».

На основании такого указа архиепископ Арсений распорядился, чтобы все дела по Можайской епископии (Можайский и Волоколамский округ) представлялись на окончательное разрешение (с некоторыми, впрочем, ограничениями, как увидим ниже) преосвященному Серапиону, у которого паства этого округа должна была находиться в полном ведомстве и чтить его, как своего епархиального пастыря. Местом пребывания епископа Серапио-

---

[1] Об архиепископе Арсении см.: Православная богословская энциклопедия / Под редакцией А. П. Лопухина. — Пг.: Типография А. П. Лопухина, 1900. — Т. 1. — С. 1071.

Об архиепископе Переславском Арсении, впоследствии митрополите Киевском, вышло недавно обширное исследование священника Н. Шпачинского: «Киевский митрополит Арсений Могилянский и состояние Киевской митрополии в его правление (1757—1770)». Киев. 1907. Об этом сочинении отзыв профессора С. Голубева см.: Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1909. IV. 5—27. В отзыве даётся особое объяснение необычно быстрой карьеры митрополита Арсения и внимания к нему Императрицы Елизаветы Петровны.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1907. — Т. 2: 1744—1745 гг. — С. 231, № 745.

[3] Родился в 1705 году, образование получил в Киевской духовной академии, в монашество постригся в Богоявленском братском монастыре, где был головщиком. 9 марта 1740 года произведён в архимандрита Тверского Отроча монастыря, а 3 февраля 1741 года перемещён в Троицкий Калязин монастырь.

[4] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1907. — Т. 2: 1744—1745 гг. — С. 329, № 832.

Архив Переславской духовной консистории. 1745 г., по описи № 2, дело № 4.

на по-прежнему имел остаться город Переславль. В случае, если бы Серапион пожелал отлучиться в свою епархию, он обязан был уведомлять об этом архиепископа Арсения и ждать его резолюции. Один из монастырей Можайской епархии приказано было выделить в качестве кафедрального и при нём для безостановочного решения дел учредить духовное правление. Только «о важных делах и к решению сумнительных по своей епископии» епископ Серапион «с надлежащим мнением для разсмотрения и решения» должен был представлять архиепископу Арсению.

Таково было положение и права епископа Серапиона в так называемой Можайской епархии. Что касается собственно Переславской архиепископии, то там административная *с. 12* власть епископа Серапиона была более ограничена. Здесь архиепископ Арсений распорядился представлять ему для окончательной конфирмации, кроме дел сомнительных и более важных, все дела о посвящении в священнический и диаконский чин.[1]

Кафедральным монастырём новой Можайской епископии был избран богатый Иосифов Волоцкий монастырь,[2] который и обязали на содержание преосвященного Серапиона и имевшихся при нём духовных и светских чиновников и монастырских служителей доставлять денежный и хлебный доход.[3]

27 мая 1752 года Высочайшим указом архиепископ Арсений по прошению, за болезнью его, был уволен от Синода, епархии и Троицкой лавры на покой в Новгород-Северский Спасо-Преображенский монастырь, который передан в ведомство его «по жизнь его».[4] В монастыре Арсений оставался недолго. В 1757 году он был назначен митрополитом *с. 13* Киевским. В Киеве Арсений и скончался 8 июня 1770 года и погребён в склепе Софийского собора, близ гроба митрополита Рафаила Заборовского.[5]

По увольнении на покой архиепископа Арсения, 3 марта следующего года Серапион был произведён во епископа Переславского, вследствие чего епископия Можайская упразднилась; а в октябре того же 1753 года — переведён в Вологду. 18 ноября 1759 года епископ Серапион поражён был параличом, после которого у него отнялся язык и не действовала правая рука, так что ставленников для посвящения посылали в Кострому и Новгород, а разрешение на постройку церквей давала консистория. В декабре 1761 года больной епископ уволен был на покой и скончался 22 апреля 1762 года. Погребён епископ Серапион в Вологодском соборе; в надгробной надписи изложена в стихах его биография.[6]

Надгробная надпись в настоящее время (1917 год) уже убрана с могилы епископа Серапиона. Текст надписи помещён в книге Н. Суворова «Описание Вологодского кафедрального Софийского собора» и читается так:

Здесь в гробе епископ телом почивает
Серапион, но духом в небе обитает;
В мире зван был Симеон, но измени имя
В Киеве, где плод снискал учений и семя.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1746 г., по описи № 2, дело № 7.

[2] Вотчины Волоцкого монастыря были в Московском, Дмитровском, Клинском, Рузском, Владимирском, Козельском, Тверском, Старицком, Ржевском и Зубцовском уездах. (Архив Министерства Юстиции, книги Коллегии Экономии окладные 1754 г., № 28, лл. 56—66.) В этих вотчинах насчитывалось 11 422 души крестьян; «заопределённых» в Коллегию Экономии поступало около 1 200 руб. (*Свирелин, А. И.* Семинария в Переславском Даниловом монастыре / А. И. Свирелин // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских. — М., 1859. — Т. 2, отделение 5. — С. 23.)

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1746 г., по описи № 2, дело № 2, ук. 12.

Так называемые «заопределённые суммы» Волоцкого монастыря всё же остались в ведении Экономического Правления. См.: *Покровский, И. М.* Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I-го до учреждения духовных штатов в 1764 г. / И. М. Покровский. — Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1907. — С. 117 и примечание 1.

[4] По распоряжению епископа Серапиона, архиепископ Арсений и после удаления на покой был поминаем во всех церквах Переславской и Можайской епархии, с выключением только слова «нашего».

Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1752 г., № 65.

[5] Некоторые из проповедей архиепископа Арсения были напечатаны в Москве отдельными изданиями в 1742—44 годах. Им сочинена и служба с акафистом святому Димитрию Ростовскому, изданная в Киеве. См.: *Филарет (Гумилевский)*. Обзор русской духовной литературы / Филарет (Гумилевский). — 2, дополненное изд. — Чернигов: Типография Ильинского монастыря, 1863. — Т. 2. — С. 81—82.

[6] Русский биографический словарь / Под наблюдением А. А. Половцова. — Спб.: Типография В. Демакова, 1904. — Т. 18: Сабанев—Смыслов. — С. 341—342.

Под спудом светильника не скры добродетель,
Но на верху быть ему восхоте Содетель.
Архимандрит будучи монастыря славна
Калязина, трудами показа ся хвальна,
За кои удостоен преславна града
Викарием и пастырем словесна стада.
Но за благочестие, чтоб сияло боле,
На престол церкве сея преведен оттоле.
Пасл и здешнее стадо шесть лет словом и делом,
Но лета два и пал, ах! недвижим был телом;
Пятьдесят семь лет имев от своего роду,
Семьсот шестьдесят и второго году,
Двадесять во второй день месяца апреля
В болезни его душа разлучилась тела;
Июня в день восьмый покрыся землею,
Провожден сукцессором[1] и паствою своею.

[1] То есть преемником, епископом Иосифом Золотым, † 1774 году.

Глава 2

Средства содержания Переславского архиерейского дома. — Материальная необеспеченность Переславской кафедры. — Перестройка Горицкого монастыря. — Сборы с епархии на построение консистории, на содержание служащих в ней лиц. — Сборы на архиерейскую ризницу и певчих. — Возрастание этих сборов и попытка урегулировать их.

Средства содержания Переславского архиерейского дома. Насколько можно видеть *с. 14* из изложенного выше, Переславская епархия по своём учреждении получила в архипастыри одного из видных и образованных деятелей своего времени. К сожалению только, править непосредственно епархиальными делами он не мог и поручил их ближайшему ведению своего викария Серапиона Лятошевича, которого произвели во епископа Можайского. Открытие особой, почти самостоятельной епископии Можайской, созданной специально для викария архиепископа Переславского, объясняется главным образом, если не исключительно, соображениями чисто материального свойства.

Выделивши из бывшей Синодальной области новые епархии, Святейший Синод постарался сохранить в целости доходы с них, на том основании, что церковные окладные и неокладные сборы по Московской епархии (Синодальной области), как-то: данные с церквей, венечные памяти, оброчные с пустовых земель и другие подобные статьи дохода ещё в 1720 году отданы на штат Святейшего Синода с его конторами, что подтверждено было затем 30 октября 1738 года. Для места жительства архиереев новых епархий и на содержание их с кафедральными штатами из духовных и светских чиновников с приказными служителями Святейший *с. 15* Синод нашёл удобным отдать со всеми денежными и хлебными доходами более богатые монастыри этих епархий. Так поступлено было и в отношении новооткрытой кафедры архиерея Переславского.[1]

Материальная необеспеченность Переславской кафедры. Ввиду такого положения дела новоучреждённая Переславская епархия оказалась материально мало обеспеченною и не давала достаточных средств не только для содержания викарного епископа, но и для удовлетворения расходов по содержанию кафедры архиепископа правящего.

«Для жительства Переславскому архиерею и содержания его и всякаго звания при нём имеющих быть духовных и светских разных чинов и приказных служителей» отдан был со всем денежным и хлебным доходом Переславский Горицкий монастырь, который стал именоваться кафедральным, был выключен из ведения коллегии экономии и освобождён от пропитания отставных военных чинов.

Горицкий Успенский монастырь ко времени открытия Переславской епархии обладал довольно значительными средствами. Ему принадлежали: 1 114 крестьянских дворов, 5 010 душ, земли 8 530 четвертей, [4 660 га] сена 10 354 копны, [1 131 га] лесу пашенного — 416 десятин, [454 га] непашенного 190 десятин, [208 га] рыбные ловли в реках Кубре, Сабле, Курстне, Чёрной, Трубеже, в Малом Киржаче, Шахе, в Костромском уезде в р. Солонице, в Дмитровском уезде в р. Нерли, Вели, в Ростовском уезде в р. Лехати, 4 озера, 3 пруда;

[1] См.: *Покровский, И. М.* Русские епархии в XVIII веке, открытие их, состав и пределы (Учреждение епархий: Московской, Переяславской, Костромской, Владимирской и Тамбовской) / И. М. Покровский // *Православный собеседник*. — 1911. — Ноябрь. — С. 547—548.

мельниц водяных 7, ветряных — 25; денег положено 1 316 р. 82,5 к., собиралось 1 370 р.
с. 16 85,25 к., хлеба 1 671 четвертей 1 четверик; [350,8 тыс. л] оставалось на содержание монастыря 586 р. 2 коп., отсылалось в коллегию экономии — 784 р. 83,25 к.[1]

Но и такие средства в общем оказались не вполне достаточными для удовлетворения всех нужд по содержанию архиепископии и учреждений при ней, — по крайней мере на первых порах существования Переславской епархии, когда расходы кафедры были особенно значительны.

Так, окладных денежных средств собрано было в первом году только 1 144 р. 29,25 к. Монастырского хлеба хватало на продовольствие содержимых лиц «с немалою нуждою». Вследствие такой материальной скудости уже в следующем году по учреждении кафедры был выдвинут вопрос об отдаче Переславского Борисоглебского монастыря на Песках на дом Его Преосвященства,[2] что, однако, не осуществилось. Архиепископ Арсений настоял только на удалении из Горицкого монастыря излишних монахов; при кафедре оставлено было всего лишь пять монашествующих, но и им жалованье «для катедральной пользы» определено было из других монастырей.[3]

Перестройка Горицкого монастыря. Кроме содержания значительного состава приказных чинов и лиц архиерейского дома, кафедре архиерейской в первые же годы нужно было изыскать средства по приведению в приличный вид монастырских зданий и устройству необходимых для епархиального управления помещений.

с. 17 Монастырские здания, давно не чинившиеся, требовали основательного ремонта. В 1747 году домовотчинный приказ архиерейского дома доносил, что кровля на монастырском храме и доме Его Преосвященства и братских кельях весьма обветшала, «от которой крышечной ветхости как в святых церквах, так и в прочих местах летом временами от дождевой воды происходит немалая теча».[4] Пришлось немедленно позаботиться о починке кровель на монастырских строениях в счёт, конечно, монастырских средств, «с крайним, — по словам одного из указов архиепископа Арсения, — присмотром эконома игумена Нифонта».[5]

Но лишь только приступили к составлению сметы по перекрытию крыш, как обнаружилось, что Горицкий монастырь, в особенности соборный храм его, нуждается в более фундаментальном ремонте. В письме к архиепископу Арсению преосвященный Серапион доводит до его сведения, что по всему храму и по преимуществу в алтаре идут расселины в сводах, которые необходимо исправить, и сделать это нужно без замедления, до покрытия крыши, чтобы впоследствии крыши не ломать. — Иначе говоря, требовалось приступить, не откладывая времени, к более серьёзным и продолжительным ремонтным работам.

Архиепископ Арсений для осмотра ветхостей Горицкого монастыря прислал из Троицкой лавры «гезеля» Ивана Жукова. Жуков по осмотре нашёл монастырские строение в довольно
с. 18 печальном положении. В своём доношении он писал о них следующее.

> Соборная церковь каменная Успения Пресвятыя Богородицы, над нею имеются пять глав каменных, которыя, повидимому, весьма повредились и во многих местах разселись; также под означенными главами перемычки весьма повреждение имеют; которыя главы и под ними перемычки надлежит разобрать и вновь сделать, а починкой поправить не можно... При помянутой церкви с северной стороны свод и перемычку надлежит разобрать и вновь сделать. При означенной же паперти у двух столбов контрафорсы или быки от столбов отстали, которые надлежит разобрать до фундаменту и сделать вновь с подбиркою из помянутых же столбов несколька кирпичьев и привязать железом. С южной стороны входную лестницу каменную надлежит сломать, того ради, что оная лестница ни с каким строением сообщения в линию не имеет, а сделать вместо оной лестницу с западной стороны. При вышеупомянутой же церкви имеются переходы к трапезе с северной стороны, при которых в сводах и стенах седины, надлежит побрав починить, а стены связать проёмными связями.

---

[1] Московский Архив Министерства Юстиции. Коллегия экономии. Монастырские ведомости, кн. 5, лл. 338—342.
Покровский, И. М. Средства и штаты великорусских архиерейских домов со времени Петра I-го до учреждения духовных штатов в 1764 г. / И. М. Покровский. — Казань: Типо-литография Императорского Университета, 1907. — С. 64.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 44.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Указы архиепископа Арсения 1747 г., № 27.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 33.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Указы архиепископа Арсения 1747 г., № 18.

Отмечая дефекты в других строениях, Жуков далее пишет:

> Во означенном же монастыре над церковью Иоанна Предтеча, над церковью Всех Святых, над трапезою и над переходами крышки тесовыя ветхи надлежит вновь покрыть. Во объявленном же монастыре церковь великаго мученика Георгия, при больничной палате, при которой как на стенах, так и на сводах имеются седины, которую надлежит разобрать до фундаменту, а починкою подкрепить никак не можно. При вышеобъявленном монастыре у трапезы с северной стороны *с. 19*
> крыльцо каменное весьма повредилось; надлежит разобрать и вновь сделать. Во объявленном монастыре над кельями братскими крышки деревянныя ветхи надлежит собрать и вновь покрыть, также изнутри и снаружи выбелить. Во означенной же линии над поварнею крышка ветха, надлежит вновь покрыть. При объявленном же монастыре башню к конюшенному двору, в которой имеются проезжия вороты, надлежит разобрать до фундаменту и вновь сделать. Кругом всего монастыря ограду и восемь башен надлежит покрыть вновь...

С сентября 1748 года началось заготовление материалов и некоторые мелкие необходимейшие перестройки, а через два года приступили к основательному ремонту Успенского собора по чертежам, присланным Иваном Жуковым.

Ремонт, затеянный в довольно широких размерах, истощил средства монастыря и скоро потребовал дополнительных сборов. В начале 1751 года архиепископ Арсений распорядился «собирать по всей катедральной вотчине, пока то церковное строение будет, в год по пяти копеек с души мужескаго пола, не минуя никого». Кроме того, велено было, «пока строение продолжится, всем крестьянам катедральным, как оброчным дальным, так и ближним, быть в неизъятном обращении около работ». Так как крестьянам дальних (Костромских, Юрьевских, Владимирской, Ростовской и Подмосковской) вотчин невозможно было выполнить это требование о неизъятном обращении в работах, то Арсений распорядился взимать с них, *с. 20* для уравнения в работе с остальными, вдвое, то есть в год по 10 копеек с души.

В 1752 году перестройка каменной церкви приходила к концу. Внешний вид Успенского собора в значительной степени изменился. Именно, собор стал выше прежнего на несколько аршин; прежний имел в высоту до купола 17 аршин 10 вершков, [12,5 м] теперь высота собора до купола достигала 24 аршин. [17,1 м] Само собою возникал вопрос о переделке старинного иконостаса. Первоначально имелось в виду устроить совершенно новый иконостас, а старый продать в одну из церквей. Но, так как охотников к приобретению старого иконостаса не выискалось, то пришлось по необходимости остановиться на переделке.

По распоряжению архиепископа Арсения, из лавры был прислан монах Павел Казанович для осмотра старого иконостаса и определения характера тех переделок, в которых иконостас нуждался. Иеромонах Павел по осмотре нашёл, что

> в прежнем иконостасе в резьбах и позолоте ветхостей не обозначилось, також и святыя иконы исправнаго мастерства и никакого повреждения неимеющия, — из них же местные два образа: первый Господа Вседержителя, другой Пресвятыя Богородицы — (как на оных в надписях значит) письма бывшаго государственнаго иконописца Симона Ушакова высокодостойным изображением учинены... Итако оный прежний иконостас со святыми иконами к постановлению в строющуюся в кафедре Успенскую церковь без всякаго сумнения признаётся быть благонадежден.

Ввиду такого состояния старого иконостаса, иеромонах Казанович полагал вновь его не переписывать, а только устроить вверху «приделку», соответствующую по стилю и письму *с. 21* старому иконостасу. Московских резных и столярных дел мастер дворовый человек князя Голицына Яков Ильин соглашался всю эту работу выполнить за 170 руб. 80 коп.[1] Старинный иконостас с иконами Симона Ушакова, казалось, таким образом был спасён. К сожалению, преосвященному Арсению и Серапиону не суждено было закончить начатые работы, а их преемник епископ Амвросий повёл их в более грандиозном масштабе, и драгоценные памятники старины обречены были на забвение, порчу, а некоторые из них и на окончательную гибель.[2]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1748 г., по описи № 2, дело № 15.

[2] Древними священными предметами в то время не дорожили, да и не понимали в них цены. В том же 1752 году, по докладу настоятеля Лукиановой пустыни игумена Пахомия, консистория разрешила ему снять старые оклады, жемчуг и камни со 130 «старинных образов», продать и деньги употребить на нужды монастыря, а самые иконы, чтобы в народе не произошло какого-нибудь соблазна, собрать в одно место и запечатать. (Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1752 г., № 95-2.)

Сборы с епархии на построение консистории, на содержание служащих в ней лиц. Перестройка Горицкого монастыря, как видим, связана была с значительными затратами средств архиерейского домовотчинного управления. Немало хлопот причинило архиерейскому дому и отыскание приличных помещений для духовной консистории. В Горицком монастыре не нашлось для консистории соответствующего здания. Первые консисторские заседания происходили в покоях Его Преосвященства. Затем впоследствии положено было выстроить новое здание. На покупку материалов, перевозку их и на постройку здания, ввиду
с. 22 недостаточности средств Горицкого монастыря, обложили особыми взносами переславские вотчинные монастыри по 1,5 к. с души вотчинного монастыря, что дало требуемую сумму в размере 189 р. 1,5 к.[1]

Безвотчинные монастыри были освобождены от взноса на постройку здания консистории, но с них, а равно со всех приходских церквей, было взято по 25 коп. на приобретение консисторской печати (стоила 12 руб.), на покупку четырёх лошадей для консисторских рассыльных солдат и содержание этих лошадей, на канцелярские принадлежности, зерцало, красное сукно, «пространное кресло архиерейское обитое бархатом зелёным» и прочую мебель для консисторского присутствия.[2] В последующие годы на удовлетворение консистории необходимыми канцелярскими принадлежностями, дровами и свечами взимался со всех поступающих в консисторию челобитий пятикопеечный сбор. Но в 1748 году обнаружилось, что и такого сбора на удовлетворение означенных потребностей не хватает, вследствие чего консистория распорядилась взимать в дополнение к этому пятикопеечному сбору со всех священно-церковнослужителей Переславской и Можайской епархии по $^1/_4$ коп. с каждого их приходского двора.[3] Сбор этот сначала взимался в духовных правлениях; но туда он поступал «весьма косно», ввиду чего с 1753 года стал собираться особыми командируемыми консисторией копиистами, которых снабжали соответствующими полномочиями.[4]

с. 23 Нанять особых специальных рассыльщиков для духовной консистории архиерейский дом на первых порах тоже не мог и постарался утилизировать для этой цели тех отставных военных чинов, которые со времени Петра Великого рассылались на пропитание в монастыри. Составлены были, по распоряжению консистории, реестры всех состоявших на содержании монастырей унтер-офицеров и солдат и затем «более способные из них» были отобраны в консисторию «для посылки и нарядов», причём эти рассыльные, несмотря на то, что исправляли службу при консистории, состояли на жалованье тех монастырей, откуда были взяты.[5] Во время рассылки солдат по делам, кошт людской и конский должен был производиться в счёт тех монастырей и церквей, куда солдаты посылались.[6] Впоследствии на подводы рассыльных был установлен особый сбор с приходских церквей в размере $^1/_2$ коп. с каждого приходского двора, а с ружных церквей по 21 коп.[7]

Сборы на архиерейскую ризницу и певчих. К таким мерам должен был обратиться на первых порах архиерейский дом, чтобы дать возможность так или иначе правильно функционировать новооткрывшемуся епархиальному управлению. Таким же путём приходилось восполнять разные дефекты архиерейской ризницы, а равным образом содержать лиц, необходимых для архиерейского богослужения. В 1745 году был разослан по всей
с. 24 епархии указ с приглашением прислать в архиерейский дом ризы в тех случаях, когда церковь ризами богата «и от взятия риз никакой обиды и недостатка воспоследовать не может». В указе выражалась надежда, что «в церковную и государственную пользу всякий по добросовестной ревности, видя в той архиерейской ризнице самопервейшую нужду, никак не потерпит остаться без удобовозможнаго вспомоществования».[8] В 1746 году рипиды, принадлежавшие Никитскому монастырю, по распоряжению епископа Серапиона были переданы в архиерейский дом, а старые рипиды Горицкого монастыря переделаны в блюдо.[9]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1744 г., №№ 3 и 15.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., №№ 5 и 131.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 78.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 3.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1744 г., № 7.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 270.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 5.
[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 45.
[8] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 326.
[9] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 15.

В 1746 году сшили архиерейским певчим особые кафтаны (мундиры). Но когда пришлось рассчитываться с мастером, в архиерейском приказе на уплату за них не хватило денег.[1] В один из последующих годов возник настоятельный вопрос и более общего свойства: в счёт каких средств вообще содержать архиерейских певчих. В 1749 году преосвященный Серапион определил отпускать на содержание певчих по 105 руб. в год из денег, собираемых со священно-церковнослужителей епархии на наём подвод для рассыльщиков,[2] а в следующем году распорядился в дополнение к этой сумме взимать ежегодно 30 рублей с монастырей Волоколамского, Можайского Лужицкого и Возмицкого.[3]

Возрастание этих сборов и попытка урегулировать их. В этом роде можно привести *с. 25*
ещё несколько распоряжений, касающихся епархиальных сборов, вызванных материальною необеспеченностью кафедрального монастыря. Сборы эти увеличивались с каждым годом и становились всё разнообразнее. Не говоря уже о том, что по своей величине они в конце концов определялись крупною суммой, тяжёлым бременем ложившеюся на платёжных силах епархии, самое взимание их и регистрация, вследствие постоянных видоизменений и перемен, представляли для начальства немало затруднений. В 1750 году видим попытку со стороны епархиальной власти, с одной стороны, прекратить их дальнейший рост, а с другой — определить величину их точною цифрой. Указ, изданный с целью упорядочить такие сборы, представляет для нас особый интерес, как подтверждающий, что и само епархиальное начальство сознавало как обременительность этих налогов, так и неудобство постоянной тенденции их к дальнейшему возрастанию.

> Переславская духовная консистория разсуждали, — говорится в указе, — о производящихся Переславской и Можайской епархий с священно и церковнослужителей на разные в речённой консистории потребные расходы сборах, дабы оным священно и церковнослужителям отягощения не нанести и в потребных по консистории расходах недостатка не учинить, приказали: отныне впредь повсягодно на содержание по консистории расходов, а именно: на покупку бумаги, сургуча, дров, чернил и прочаго, без чего пробыть невозможно, также на наём под посылающихся по разным государственным делам солдат подвод и на содержание Его Преосвященством *с. 26*
> преосвященным Серапионом, епископом Можайским и Волоколамским, определённаго числа певчих, собирать со оных священноцерковнослужителей по числу приходских дворов с каждаго приходскаго двора по две четверти коп., да к тому же в дополнение со входящих челобитьев и прочих по 5 коп., как то и прежде происходило. Сверх же онаго (разве на что чрезвычайная нужда востребует) ничего отнюдь не собирать. А чтобы и духовные заказы в таковых потребных расходах имели довольствие, для того из оных заказов в консисторию собираемаго с исповедных ведомостей пятикопеечнаго сбора отныне не присылать, а употреблять оный сбор в тех заказех на нужнопотребные расходы.[4]

Указ недолго оставался в силе. Вскоре явилась «чрезвычайная нужда» и последовал новый налог. В марте 1752 года епископа Серапиона уведомили, что жалованья певчим выдать не из чего,[5] а 9 сентября того же года он уже распорядился взимать со ставленников, производящихся во попы и диаконы, на содержание певчих по рублю да на архиерейскую ризницу по 50 коп.[6] В декабре 1753 года, за недостатком денег на покупку дров, консистория заставила монастыри города Переславля доставить ей дрова бесплатно.[7]

Таковы были материальные средства, которыми располагала на первых порах Переславская кафедра. Ограниченность их и стеснённость до некоторой степени и объясняют открытие, по ходатайству архиепископа Арсения, особой епископии Можайской и Волоколамской, один из монастырей которой давал материальную поддержку к содержанию Переславской кафедры, имевшей нужду в силу чрезвычайных обстоятельств в особом викарном епископе. *с. 27*

---

[1] Там же, № 45.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 45.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 39.
[4] Там же, № 53.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1752 г., № 30.
[6] Там же, № 85.
[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 103.

Глава 3

Органы епархиального управления. Духовная консистория. — Духовные правления. — Поповские старосты. — Десятоначальники. — Закащики. — Надзиратели благочиния. — Недочёты в деятельности органов епархиального управления.

Органы епархиального управления. Духовная консистория. Ближайшим к предстоятелям Переславской епархии административным учреждением, ведавшим все епархиальные дела, как и везде после указа от 9 июля 1744 года,[1] явилась Переславская духовная консистория. Указом от 8 ноября 1744 года архиепископ Арсений членами консистории назначил: наместника Горицкого монастыря архимандрита Аврамия (Галицкого), соборного иеромонаха Троицкой лавры Геннадия, настоятеля Никольского монастыря игумена Иакова и протопопа Василия Фёдорова. Секретарская должность возложена была на подканцеляриста Троицкой лавры Алексея Репьева,[2] которого вскоре сменил бухгалтер вотчинной коллегии Алексей Недликов. По уходе Недликова в августе 1745 года,[3] секретарскую должность стал ис-
с. 28 правлять канцелярист Алексей Андреев, а с 1717 года по 1758 год — Гавриил Сокольский, переведённый в 1758 году в секретари новооткрытой Тамбовской епархии.

Жалованья секретарю положено было 50 руб., кроме хлебного продовольствия, протоколистам по 20 руб., канцеляристам по 10 руб., подканцеляристам и пищикам «по препорции».[4]

Первое заседание консистории происходило 13 ноября 1744 года. За отсутствием соответствующих помещений члены консистории собрались в покоях Его Преосвященства.[5] Впоследствии консистория помещена была в покоях при церкви всех Святых.[6]

В скором времени состав членов консистории изменился. 12 ноября 1745 года архимандрит Аврамий был перемещён в Никитский монастырь, и ему велено было писаться вторым членом консистории, а первым стал Даниловский архимандрит Антоний Платковский.[7] В том же году в состав членов консистории введён был архимандрит Волоколамский, отказавшийся, впрочем, от этой чести и получивший за такое противодействие суровый выговор,[8] а в следующем году и совсем отставленный от управления монастырём за старостью.[9] В июне 1746 года архимандрит Антоний Платковский умер,[10] и его место в консистории занял новый Даниловский архимандрит Панкратий.[11]

с. 29 В 1753 году, когда Серапион сделался самостоятельным епископом, он в помощь к наличным членам консистории придал ключаря Переславского Преображенского собора Ивана Иванова. Увеличивая состав консистории, епископ Серапион имел в виду частые упущения членами консистории «по старости» очередных заседаний, вследствие чего «в течении государственных и епаршеских дел бывало не без остановки».[12]

---

[1] Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 12. — № 8988.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1744 г., № 1.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 249 и 264.
[4] Там же, № 11.
[5] Там же, № 3.
[6] Там же, № 96.
[7] Там же, № 9.
[8] Там же, № 235.
[9] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 50.
[10] Архимандрит Антоний Платковский умер 3 июня 1746 года. (Там же, № 68.)
[11] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., л. 212.
[12] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 55.

Духовные правления. Кроме консистории, помещавшейся в Переславле, в городах, входивших в состав Переславской архиепископии, существовали подчинённые консистории духовные правления. Такие правления были учреждены: в Дмитрове, Рузе, Верее, Александрове, Гжатске, Можайске и Волоколамске. Последнее именовалось «Можайской и Волоколамской епископии правление». Церкви г. Переславля и его уезда находились в непосредственном подчинении консистории и составляли так называемую Переславскую градскую и уездную десятину. В 1752 году, по распоряжению епископа Серапиона, было учреждено в Дмитрове и его уезде, за многочисленностью церквей и обширностью этого заказа, второе духовное правление, которое помещалось в Троицкой Нерльской слободе.[1] В духовные правления консистория посылала указы, распоряжения, а из духовных правлений распоряжения епархиального начальства делались ведомыми духовенству данного заказа. Содержание духовных правлений падало на священно и церковнослужителей, подведомых правлениям.

В состав духовного правления входил управитель духовных дел или присутствующий; *с. 30*
звание это доверялось часто настоятелю какого-нибудь видного монастыря.[2] В таких случаях в помощь ему для лучшего управления придавался помощник из белого духовенства.[3] Обычно же в состав духовного правления входил один только управитель, который имел в своём распоряжении нескольких подьячих. Управитель назначался епархиальною властью, а иногда и выбирался духовенством данного заказа. Такие выборы, например, часто происходили в Дмитровском духовном правлении.[4] Его обязанности в одном из консисторских указов определяются так: «Наблюдать, дабы по государственным и епаршеским делам добропорядочное и благопоспешное течение было, так и при разборе денежной казны окладных и неокладных с отпуску венечных памятей пошлин и прочих тому подобных доходов по похищению касательства не происходило».[5] В Верейском заказе на управителя (закащика), протопопа Василия Червинского, в 1748 году возложена была даже обязанность ведать самые сборы всех пошлин: таким образом, в этом заказе упразднялась должность поповского старосты, который для сбора пошлин обыкновенно и назначался. Впрочем, *с. 31*
этот случай является исключительным и обязан был особому доверию, каким пользовался протопоп Червинский, как бывший приказный консистории.[6]

Поповские старосты. Кроме духовных правлений, низшими вспомогательными органами епархиального управления являлись так называемые поповские старосты. Главная обязанность поповского старосты заключалась в сборе в подведомой ему десятине «окладных с церквей данных и с пустовых церковных земель оброчных, также и неокладных с отпуску венечных памятей денежных доходов». Должность поповского старосты была выборною на один год. При выборе священнослужители (священники и диаконы) давали подписку, что «выбранный ими поповский староста собранную им казну представит бездоимочно в Переславскую консисторию в два срока, в марте и в ноябре, и что в случае какого-нибудь недобора или утайки с его стороны, деньги будут взысканы — с их, выборщиков, неотменно».[7] Такое содержание подписки даёт ключ к уразумению того, почему должность поповского старосты была выборною, а не приказною.

О характере и величине тех сборов, которые ведали поповские старосты, можно судить на основании, например, доклада поповского старосты Переславской градской и уездной десятины на вторую половину 1747 года. Им собрано окладных сумм:

1) данных со 101 церкви 164 р. 98,5 к.,

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1752 г., № 74.

[2] В Александровском духовном правлении присутствующим был, например, настоятель Лукиановой пустыни (Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 85); в Волоколамском — архимандрит Возмицкого монастыря (Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 68).

[3] В Можайске, например, где присутствие имел архимандрит Лужецкого монастыря, в помощь ему в 1745 году придан был протопоп Можайского собора. (Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 278.)

[4] См., например: Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 22, и 1748 г., № 18.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 118.

[6] Там же.

[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 172.

2) казённых пошлин по 17 коп. с церкви	17 р.	34 к.,
3) полоняничных с поповых, диаконовых и причетниковых со 139 дворов по 4 к. со двора	5 р.	56 к.
Итого	187 р.	88,5 к.
1) С пустовых 16 земель	16 р.	69,5 к.,
2) пошлин с 29 статей по 8 коп. со статьи	2 р.	32 к.
Итого	19 р.	1,5 к.
Всего же окладных	206 р.	90 к.,
с оного числа «нужнейших» по 1,5 коп. с рубля	8 р.	10,25 к.,
на подмогу полковым попам по 10 коп. с церкви	10 р.	20 к.
Неокладных сборов:		
1) с отпуску венечных памятей пошлины с 245 отроков по 12 коп.	29 р.	40 к.;
2) с 52 полудвоеженцев (то есть полувторобрачных) по 17 коп.	7 р.	20 к.;
3) с 15 двоеженцев (второбрачных) по 25 коп.	3 р.	75 к.;
4) с 11 троеженцев (троебрачных) по 30 коп.	3 р.	30 к.
Итого с 311 свадеб — пошлин	43 р.	65 к.
На лазарет то же число —	43 р.	65 к.[1]
С обоего: пошлин и лазаретных —	87 р.	30 к.
А всего вышеписанных сборов	307 р.	50,75 к.[2]

Все эти деньги отсылались Переславской консисторией в канцелярию синодального экономического правления.

Впрочем, отпуск венечных памятей производился всеми поповскими старостами только до 1749 года. — 3 января 1749 года епископ Серапион, имея в виду, что отпуск этих памятей «для поповских старост не без дохода бывает от всяких случающихся доброхотов, те памяти получающих, и оным доходом те старосты корыстуются напрасно без всякаго и малейшаго
с. 33 труда, который доход и церкви святой может быть благополезен», распорядился отпуск венечных памятей по Переславской десятине производить соборному ключарю и получаемый доход от доброхотнодателей делить по равной части между ключарём и «трудящимся в духовной консистории по судному званию членом».[3]

Десятоначальники. Должность поповского старосты, как и духовные правления, существовали в Переславской епархии ещё до времени открытия епархии, до 1744 года. Из должностей, явившихся по учреждении епархии, прежде всего необходимо указать на должность так называемых десятоначальников. Должность эта появилась в 1747 году в силу особого распоряжения Святейшего Синода для наблюдения, «чтобы не происходили вымышленныя от народа, противныя Закону Божию суеверия». Десятоначальников предложено было учредить над каждыми десятью церквами из более достойных священников этих церквей. Эта должность была замещаема по назначению, но из лиц, удостоившихся «одобрения письменнозаручнаго» соседних священнослужителей.

Закащики. Согласно Синодальному распоряжению, десятоначальники должны были находиться в служебном подчинении закащикам, которые поставлялись для тех же целей, то есть в видах искоренения суеверий, в городах. В Переславской епархии институт закащиков при архиепископе Арсении ещё не вошёл в жизнь. В 1747 году, например, только десятоначальники по Переславской десятине подчинены были Спасскому священнику Ивану
с. 34 Макарьеву, который «обретался у исполнения по указом»; в других десятинах десятона-

[1] Согласно указам Святейшего Синода 1714, 1730 и 1731 г.
Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 5. — № 2821.
Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 8. — № 5575, 5746.
Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1890. — Т. 7. — № 2436.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1747 г., по описи № 1, дело № 46.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 1.

чальники вступали с докладами прямо в духовные правления, и управители последних в консисторских бумагах неоднократно именуются «закащиками».[1]

Надзиратели благочиния. Взамен закащиков в августе 1749 года учреждена была должность «надзирателя за благочинием во всех Переславских церквах и монастырях». Лицо это являлось как бы высшей инстанцией, объединяющей деятельность десятоначальников. На эту должность определён был архимандрит Дмитровского Борисоглебского монастыря Павел. В том же году Павел обратился в консисторию с запросом, на каком коште он будет состоять во время объездов и на какие средства будет нанимать подводы. Консистория определила: положить в оброк церковных бобылей и взимать с них по 50 коп. с души, что даст в год 32 руб. 50 коп., из коих 30 руб. отдавать архимандриту Павлу, а остальные отсылать на содержание семинаристов.[2]

Но архиепископ Арсений не утвердил этого постановления консистории и велел Павлу поездки по епархии, по единожды в год, совершать на лошадях Борисоглебского монастыря. В 1751 году архимандрит Павел вошёл вторично с просьбой. Согласно новому постановлению консистории, ему дозволено было ежегодно получать от находящихся в епархии монастырей и пустынь по 6 лошадей в год (кроме Никитского, где жил епископ Серапион, и Данилова, настоятель которого состоял членом консистории.[3]

Таковы были органы епархиального управления в Переславской епархии в ближайшие *с. 35*
годы по её основании. Правильное функционирование учреждений епархиального управления началось, конечно, не сразу, отчасти вследствие новизны дела, а может быть и вследствие «некоторой косности» лиц, призванных к управлению.

Недочёты в деятельности органов епархиального управления. Не на высоте требований оказались прежде всего духовные правления. По словам консисторского указа, «на посланные из консистории в духовныя правления указы репорты о получении их присылаются весьма косно, а действительное по оным указам исполнение ещё и вящше продолжается». В июне 1745 года консистория нашла необходимым напомнить духовным правлениям решительные на этот счёт распоряжения Петра Великого, по которым на другой день по получении указа, учреждение, получившее его, должно ответствовать о том, что «указ принят и что по оному можно и в какое время сделать, или чего не можно и за чем». В случае, если по характеру дела в такой короткий промежуток времени требуемый ответ не может быть дан, учреждение обязано было лишь уведомить, что указ получен, а «чрез неделю обстоятельно ответствовать по вышеписанному». (1719 года, марта 19.) За неисполнение виновные должны были подлежать жестоким штрафованиям за каждый просроченный месяц; именно, за первый — 100 руб., за второй — вдвое, за третий — втрое, за четвёртый — вчетверо, а за пятый — лишение всего и вечные работы на галеры (Указ 1721 года, мая 10).[4]

Применить эту угрозу о денежных штрафах в точном смысле требований указа кон- *с. 36*
систория, понятно, не могла за «малоимуществом» своих подчинённых. Тем не менее, в случае крайнего небрежения подвергала их и денежным штрафам, и телесному наказанию. Например, в конце сентября 1747 года в Верейское духовное правление послан был указ, на который до февраля месяца следующего года не последовало не только исполнения, но даже ответа о получении его. В феврале 1748 года указ повторили. Ответа снова не последовало. Тогда консистория в апреле распорядилась управителя правления священника Илариона Иванова оштрафовать 25 руб., а подьячего Гончакова взять в консисторию и учинить ему нещадное плетьми наказание.[5] 4 июня Гончаков действительно был наказан плетьми в Переславской консистории, причём за ним открылись и другие провинности. Представленная им за прошлые годы метрическая ведомость оказалась весьма неисправна. На основании всего этого его, в сопровождении солдата, велено было препроводить обратно в Верейское духовное правление и там держать под караулом неисходно, пока не исправит

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 39.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 135.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 46.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 178.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 40.

ведомости, причём приставленному солдату повелевалось принуждать его «непрестанно». На место Гончакова к исполнению дел в Верейское духовное правление и к понуждению подьячих к исправному исполнению консисторских указов послан был из консистории копиист Афанасий Русинов. Но и его в конце июля консистория, не получив ответа из Верейского
с. 37 духовного правления на своё распоряжение, постановила наказать «батоги». Управитель Верейского заказа священник Иларион Иванов отказался от внесения наложенного на него штрафа, ссылаясь на малоимущество и невиновность. Консистория сначала дала веру его словам. Но потом, после истории с Русиновым, «за его неочувствование, только творящее по указом опущении», постановила взыскать этот штраф неотменно.[1] Гончаков за разные провинности впоследствии был наказан ещё раз в Верейском духовном правлении. При народном собрании ему учинено здесь жестокое на теле наказание; именно, дано было до 80 ударов плетьми.[2]

Через некоторое время по учреждении Переславской епархии, обнаружились дефекты и в ведении епархиальных дел Переславскою консисторией. В указе от 20 февраля 1746 года архиепископ Арсений, как говорилось уже выше, все дела о посвящении во священнический и диаконский чин по Переславской епархии, пред надлежащим производством, распорядился на конфирмацию представлять ему. Прошло около года со времени получения указа, а между тем консистория не представила на конфирмацию архиепископу Арсению ни одного ставленнического дела. Архиепископ Арсений навёл соответствующие справки. Оказалось, за это время в производстве было десять человек, о поставлении которых консистория должна была делать представления на имя высокопреосвященного Арсения. Сделан был запрос
с. 38 с требованием дать объяснение случившегося. Консистория два раза посылала объяснения и главным образом ссылалась на недостаточно точную и ясную формулировку указных слов, или, как выразился архиепископ Арсений, давала «непотребныя и затемнелыя оговорки». Указом от 9 марта 1747 года архиепископ Арсений распорядился:

> Оной духовной консистории присутствующих, кои при тех делах были Никольскаго монастыря игумена Иакова Певницкаго, да Переславскаго протопопа Василия Феодорова за вышеписанное конфирмации Его Преоосвященству непредставление, а паче за неправдиво представленные на посланные указы ответы, хотя бы они подлежали и тягчайшему штрафованию, дабы впредь по посланным указам в делах осторожно поступали и неправдивых ответов предлагать не дерзали, — однако для того, что они таким неправильным ответом впервые представлять отважились, послать их в послушание в состоящие по Переславской епархии монастыри: игумена в Лукианову пустынь, протопопа в Дмитровский Борисоглебский монастырь или в Введенскую Островскую пустынь, коим быть в тех местах со определения их месяц.

Правящего секретарскую должность велено было от должности секретаря отрешить и обратить в копиисты, «дабы впредь другим таких ложных представлениев сочинять было неповадно».[3] — Через месяц опальные члены консистории возвращены были снова для присутствования в консистории; чрез полгода занял своё место и бывший секретарь.[4]

с. 39 Впрочем, к чести Переславской духовной консистории надобно сказать, что этот случай прямого нарушения указных распоряжений архиепископа Арсения за всё время правления Арсения Переславской епархией был единичным. В общем, делопроизводство, по крайней мере с формальной стороны, велось правильно, и в резолюциях архиепископа Арсения мы не встречаем таких резких отзывов и такой суровой характеристики деятельности членов консистории, какая одновременно высказывалась епископом соседней, тоже новоучреждённой епархии — Владимирской.

---

[1] Там же, № 61 и л. 118.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 163.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Указы архиепископа Арсения 1747 г., № 9.
[4] Там же, № 36.

Глава 4

Вопрос о подготовке кандидатов к занятию священнослужительских мест. — Возвращение беглецов в Московскую академию. — Указ об отсылке детей для обучения в Троицкую семинарию. — Средства содержания учеников. — Недостаток средств и проект устройства семинарии в Переславле. — Новые материальные затруднения и учреждение семинарии в Переславле.

Вопрос о подготовке кандидатов к занятию священнослужительских мест. Самым важным и настоятельным вопросом, возникшим с учреждением Переславской епархии, был вопрос о подготовке достойных кандидатов к замещению священнослужительских мест. Заботы о такой подготовке требовал Духовный Регламент; она вменялась в обязанность епархиальным архиереям в силу Высочайших именных указов;[1] она вызывалась, наконец, самою необходимостью дела — отсутствием образованных кандидатов для посвящения *с. 40*
во иерархические степени.

Ближайшим и верным разрешением этого вопроса было бы, конечно, учреждение в Переславле духовной семинарии, как сделал около того же времени епископ Платон во Владимире. Но из истории Владимирской духовной семинарии можно видеть, какими затруднениями сопровождалось открытие во Владимире духовной школы и какие большие препятствия встречало правильное течение учебной жизни в тех случаях, когда епархиальный епископ не имел возможности постоянно жить в епархиальном городе. А между тем таково именно было положение архиепископа Арсения. Этим, кажется, а не иным чем объясняется то несколько странное явление, что Арсений, хотя и принадлежал к числу просвещённых и образованных архиереев своего времени, был некоторое время ректором и организатором Троицкой лаврской семинарии, не открыл сразу в Переславле семинарии, а приложил лишь старание к усилению и упорядочению тех средств, при помощи которых дети переславского духовенства получали образование доселе.

До сих пор дети священнослужителей того округа, который соответствовал новоучреждённой Переславской епархии, обучались частью в Московской славяно-греко-латинской академии, частью в Троицкой лаврской семинарии.[2] Обучались в этих школах, конечно, сравнительно немногие, да и те, изведав горечь школьной науки, оставляли часто школу, едва вступив на порог её.

Возвращение беглецов в Московскую академию. Первое распоряжение архиепископа *с. 41*
Арсения по вступлении на Переславскую кафедру и касалось удержания в школах тех, которые туда вступили, но не смогли привить себе любовь к школьной науке. В год открытия Переславской епархии из Московской славяно-греко-латинской академии убежали 29 человек, по происхождению принадлежавших к новой Переславской епархии. В декабре 1744 года архиепископ Арсений послал указ о немедленной высылке их обратно в школу.

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1872. — Т. 2. — № 648.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1875. — Т. 3. — № 1098.

[2] Открыта была в 1742 году. См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — Т. 1: 25 ноября 1741—1743 гг. — С. 235, № 220.

Консистория, заслушав указ, распорядилась «доставить в Переславль отцов бежавших и взять с наикрепчайшим подтверждением с них верныя сказки. Буде окажется, что дети имеются в домах родителей, послать в домы отцов потребное число солдат, забрать там детей и под строгим караулом представить в консисторию». Кошт караула должен быть произведён в счёт отцов. «Буде же, паче чаяния, — говорилось в консисторском указе, — окажется, что беглецов в домах родителей нет, обязать отцов подписками, представить своих детей немедленно по явке их домой. А для сыску их всем священнослужителям епархии объявлять по отпуску литургии в церкви имена беглецов, с тем, чтобы встретивший их где бы то ни было брал и приводи к своим духовным отцам».[1] Как видим, приняты были самые радикальные, даже по тому времени, меры к предотвращению бегства из учебных заведений.

Приведённое распоряжение явилось только началом целого ряда последующих, направ-
с. 42 ленных к тому, чтобы обучение священнослужительских детей Переславской епархии носило не какой-нибудь случайный характер, а велось более или менее правильно, с соответствующими материальными затратами, вносимыми священно-церковнослужителями всей епархии. Местом обучения избрана была Троицкая лаврская семинария, ввиду, конечно, того, что архиепископ Арсений числился архимандритом Троицкой лавры[2] и был прежде ректором этой семинарии.

Указ об отсылке детей для обучения в Троицкую семинарию. 27 июля 1745 года архиепископ Арсений дал распоряжение консистории забрать по всей епархии сказки о священно-церковнослужительских детях, составить реестры годных к поступлению в духовную школу, реестры представить преосвященному Серапиону, а затем выбранных, по указанию епископа Серапиона, отослать в Троицкую семинарию. Для пребывания переславских учеников в Троицкой семинарии архиепископ Арсений распорядился отвести два или три братских покоя, а для пропитания посланных и дачи жалованья учителям повелел собирать, согласно указанию Духовного Регламента, одну двадцатую долю хлебного приплода с монастырей
с. 43 и одну тридцатую с церквей епархии. Сбор хлебного дохода велено было начать с 1744 года и производить повсягодно.[3] Хлеб мог быть доставляем в Троицкую лавру и Переславскую консисторию натурой, но мог быть переоцениваем и на деньги. В последнем случае вносилась ещё дополнительная плата, соответствующая стоимости подводы, которую пришлось бы нанять для доставки зерна к месту назначения. Заведывание хлебными сборами на семинарию было поручено консисторскому подканцеляристу Ивану Осипову.[4]

Новое и сложное дело составления реестров детей школьного возраста, оценочных ведомостей, как и следовало ожидать, совершилось не сразу и не без значительных затруднений.

В начале следующего года консистория, не получив ни денег, ни учеников, нашла необходимым послать повторительный указ с требованием представить хлеб и детей без замедления сроком не позже недели со дня получения указа, под опасением «неотменнаго штрафования».[5] Деньги и хлеб на этот раз не были представлены в консисторию, но дети, записанные в реестр, были действительно присланы в Троицкую лавру. Здесь им произвели экзамен, неграмотных отослали назад, а 26 человек, умеющих читать, приняли для обучения в школу. Приём переславских священно-церковнослужительских детей в Троицкую семинарию был произведён 3 марта 1746 года.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1744 г., № 38.

[2] В епархиальное ведение архиепископа Арсения отданы были и церкви, находившиеся в вотчине Троице-Сергиевой лавры, близ самой лавры. Их было шесть в разных слободах: Рождества Христова, Введения Пресвятой Богородицы, Вознесения Господня, Пресвятой Богородицы в чудесех Казанския, Воскресения Христова и Успения Пресвятой Богородицы. Архиепископ Арсений ведал их не только правлением, но и сборами данных и венечных денег. С уходом его на покой эти церкви вошли в состав Московской епархии. См.:

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1907. — Т. 2: 1744—1745 гг. — С. 294, № 793.

Архив Святейшего Синода. Дело 1753 г., № 78.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 195.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 27.

[5] Там же, № 10.

Прошёл год со времени этой присылки. Обучение и содержание присланных шло своим *с. 44*
чередом, но консистория на содержание обучавшихся не присылала ни копейки денег. Троицкая лавра нашла нужным ввиду такой неаккуратности снестись с консисторией особой промеморией и напомнить ей, что содержание пищей каждого семинариста обходится по одному рублю 20 коп., причём в этот счёт не идёт покупка дров, наём прислуги и другие потребности. Всего с 1 марта 1746 года по 1 января 1747 года начтено было на Переславской духовной консистории 223 р. 38 коп.; в том числе за хлебные и питейные припасы — 154 р. 69 к., на покупку дров для одного покоя и кухни — 54 р., лучины — 30 к., веников — 39 коп. и двоим рабочим — 14 р.

Началась продолжительная переписка между Троицкой лаврой и Переславской консисторией. Переславская консистория заметно старалась выиграть время, измышляя всякие ничтожные поводы к запросам, требуя ненужных разъяснений. Причина проволочек понятна. Хлебный сбор поступал в высшей степени неаккуратно и туго. По выражению одного консисторского указа, «хотя ведомости из всех монастырей и духовных правлений (кроме Дмитровскаго, Можайскаго и Гжатскаго) и собраны, но хлеба или денег на 1745 год в платеже ни откуда не поступало, а на 1746 год не точию онаго платежа, но и ведомостей ни откуда в присылке не имеется».[1] Следует третичный указ с новыми угрозами и прещениями, и только в конце мая была написана в консистории промемория о высылке в лавру *с. 45*
требуемых денег.[2]

Этот первый опыт расплаты за содержание семинаристов не мог не навести епархиальное начальство на печальные размышления. Содержалось в семинарии всего 26 человек (из них, впрочем, два бежало в течение первого же года, 3 в июле до отпуска на каникулы и два не явились из каникулярного отпуска),[3] вместо 50, как предполагалось вначале, а между тем в деньгах сразу же оказался недочёт. Надеяться на более исправное поступление денег впоследствии консистория едва ли могла. Сборы на семинарию, польза которой слабо сознавалась современным духовенством, везде встречались с большим противодействием и озлоблением. Необходимо было, таким образом, изыскать какой-нибудь вспомогательный источник средств, или же привлечь к более активному участию в расходах родителей обучавшихся семинаристов. Епархиальное начальство пошло по последнему пути.

Средства содержания учеников. Шаги в этом направлении были сделаны в том же 1747 году. 1 июля этого года епископ Серапион дал указ, в котором требовал обязать более богатых священников и диаконов, особенно тех, в приходах которых более ста дворов, содержать детей в семинарии на собственном коште. За это такие лица освобождались за всё время обучения их детей в семинарии от взноса тридцатой доли приплодного хлеба. Оценка состоятельности духовных лиц возложена была на духовные правления. В случае *с. 46*
разногласия в оценке между оценщиками и владельцами оцениваемого, земля, хлеб и скот описывались, и опись представлялась в консисторию. Путём такого привлечения к платежам состоятельных родителей предполагалось возможным не только содержать в Троицкой семинарии указную норму учеников (50 человек), но и одевать, обувать сирот.[4]

Предложенная епископом Серапионом мера оказалась не излишней, так как в начале августа архиепископ Арсений распорядился, чтобы «в сентябре месяце собрать в Переславскую консисторию всех священно-церковнослужительских детей указнаго возраста (7—15 лет) и всех, не минуя ни единаго, для обучения в надежду священства отослать в Троицкую семинарию к учителям с надлежащим реестром без всякаго послабления».[5] На этот раз распоряжение Владыки выполнялось с беспощадною строгостью. Из духовных правлений были посланы солдаты, которые силою высылали священно-церковнослужительских детей, попавших в реестры, в Переславскую консисторию.[6] Несколько мальчиков, однако, и при таких условиях как-то сумели возвратиться в дома родителей, не побывавши в консистории.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 18.
[2] Там же, № 45.
[3] Там же, № 90.
[4] Там же, № 59.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Указы архиепископа Арсения 1747 г., № 32.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 93.

Когда консистории сообщили о таких ослушниках, она постановила: «штрафовать отцов ослушников взиманием на содержание сиротствующих семинаристов с попа по два рубля,
с. 47 с диакона по 1 руб. 50 коп., с дьячка и пономаря по 1 руб. Буде же кто онаго штрафа платить не похощет, таковым чинить наказание плетьми до 60 ударов».[1] Благодаря принятию таких мер Переславской консистории удалось не только достигнуть назначенной нормы, но и превысить её. В конце сентября в Лаврской семинарии обучалось переславских семинаристов 68 человек, в том числе на казённом содержании состояло 58.[2]

Но архиепископ Арсений на этом не остановился. В октябре 1748 года им послано было новое распоряжение консистории — сообщить ему, сколько из уклонившихся священно-церковнослужительских детей сыскано и сколько остаётся ещё сыскать для представления в семинарию. Насколько можно понять из цитированного распоряжения, архиепископ Арсений имел в виду новое увеличение учащихся в Переславской епархии. Но консистория, заслушав этот указ, нашла, что дальнейшие мероприятия в этом направлении могут оказаться пагубными и для неё. «Ныне уже, — писали в консистории, — собираемаго ежегодно с монастырей и церквей денежнаго кошта видимое оказывается оскудение», ввиду чего консистория «за оным недостатком войти в неоплатные Свято-Троицкой лавре долги может». Подтверждая свою мысль фактами, консистория ссылалась на то, что в 1747 году за содержание казённокоштных уплачено ею 393 р. 36,25 к., — сумма, какую она ни в одном году, начиная с 1745 года, с епархии не собирала. Основываясь на этом, консистория ходатайствовала пред Арсением не только не увеличивать числа содержимых на казённый
с. 48 счёт семинаристов, но уменьшить и наличное число содержащихся на казённом коште на 9 человек.[3]

Просьба консистории не была уважена. В следующем году на казённом содержании числилась та же цифра учеников, благодаря чему, а также ввиду разных случайных обстоятельств (между прочим, потребовался особый расход для изготовления ученических мундиров для встречи Императрицы, посетившей лавру),[4] Переславской консистории был предъявлен от лавры к уплате счёт на 578 р. 68$^3/_4$ к. Следует второй доклад консистории, подкреплённый на этот раз точным подсчётом поступивших за прошлые годы сборов. Приведённые консисторией справки действительно показывают, что ни один из прошлых годов не дал суммы, достигающей той цифры, какая была предъявлена консистории к уплате за 1749 год. Именно,

за 1741 год в консисторию поступило	425 р. 80,25 к.,
за 1745 год —	236 р. 38,25 к.,
за 1746 год —	247 р. 66,75 к.,
за 1747 год —	212 р. 73 к.[5]

Консистория не имела особенных оснований надеяться на улучшение положения и в будущем, так как приведённый ею ряд цифр говорил скорее об обратном.[6] — В результате такого порядка вещей консистория ничего не предвидела, кроме неоплатного долга, для предотвращения которого и ходатайствовала снова о сокращении казённокоштных учеников Троицкой семинарии.

Доводы, представленные консисторией во втором ходатайстве, возымели действие. В сле-
с. 49 дующем 1751 году на казённом содержании в Троицкой семинарии состояло переславцев всего 41 человек, а в 1752 году — 40 человек.[7]

Недостаток средств и проект устройства семинарии в Переславле. Денежные затруднения, связанные с обучением переславских учеников Троицкой лавры, особенно сильно

---

[1] Там же, № 120.
[2] Там же, № 116.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 122.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 57.
[5] Там же, № 61.
[6] Так в действительности и произошло. За 1748 г. поступило 206 р. 39 коп., за 1749 г. 180 р. 75 коп., за 1750 г. 198 р. 43,25 к.
[7] Архив Переславской духовной консистории. 1747 г., по описи № 1, дело № 5.

сказавшиеся, как мы видели, в 1749—1750 году, естественно, заставили серьёзно подумать об учреждении семинарии своей местной. Действительно, 19 октября 1750 года архиепископом Арсением прислан был в Переславскую консисторию указ с требованием представить ему свои соображения относительно учреждения семинарии в Переславле. Консистория, заслушав указ, формулировала свои предположения в следующих пунктах:

1. Семинарию построить при Даниловом монастыре, вне его, в пристойном месте; здание имеет быть деревянное.
2. На покупку для стройки материалов, на наём рабочих людей собрать со всех монастырей епархии по 2 коп. с каждой ревизской души мужеского пола.
3. По открытии содержать в ней на казённый кошт 60 человек, из коих сирот довольствовать и одеждою. На содержание казённокоштных, кроме собираемого с церквей и монастырей кошта, употреблять оброчные деньги с церковных бобылей: Дмитровского уезда пог. Рождества Богородицы на реке Якоти по 40 руб. и церкви Рождества Богородицы в Старой Рузе по 30 руб. 50 коп., а равным образом и всякие штрафные деньги, поступающие в консисторию по разным случаям. Дети состоятельных родителей должны содержаться на собственном коште.
4. Дрова для отопления семинарских зданий имеют быть доставляемы Даниловым монастырём. *с. 50*
5. Учителей необходимо определить на первый раз двоих, которым отвести в Даниловом монастыре одну или две кельи и которым для келейных услуг дать два человека истопника. Хлебом, квасом и пивом и прочим, к тому принадлежащим, довольствовать их от монастыря. «Рыбу, мясо, вино виноградное и горячее, водку, мёд» они могут иметь из своего жалованья. За содержание учителей Данилов монастырь должен быть освобождён от платежа двадцатой доли хлебного дохода.
6. Жалованья учителям положить в год каждому по 100 руб. и заимствовать эти средства из окладных и неокладных доходов Переславской кафедры.
7. Кроме указанных выше источников, на содержание Переславской семинарии должны были идти сборы, поступавшие с монастырей и церквей епархии. Находя прежний способ обложения церквей в пользу семинарии неудовлетворительным и в высшей степени неустойчивым, вследствие зависимости его от урожая данного года, консистория предлагала обложить все церкви применительно к количеству десятин церковной земли, считая по 10 коп. с каждой десятины монастырских земель и по 5 коп. с церковных. Все эти сборы, вместе с поименованными выше, должны представляться в Данилов монастырь, настоятель которого обязывался представлять годовую отчётность духовной консистории.[1]

Консисторский проект учреждения семинарии в Даниловом монастыре, к сожалению, не получил осуществления в период управления епархией архиепископа Арсения. Обучение священно-церковнослужительских детей Переславской епархии до удаления Арсения на покой совершалось по-прежнему в Троицкой семинарии. *с. 51*

Новые материальные затруднения и учреждение семинарии в Переславле. В ожидании открытия своей семинарии Переславской духовной консистории приходилось, как и раньше, вести постоянную борьбу с недоимками и жаловаться на несоответствие получаемого с епархии сбора с теми счетами, которые предъявлялись конторой лавры. Особенно консистория оказалась в затруднительном положении в 1752 году, когда из лавры потребовали к уплате за два истекших года 1 142 руб. 53¾ коп., а между тем консистория располагала всего лишь 527 руб. 80¾ к. Сумма, затребованная на этот раз, показалась консистории подозрительно высокою. Она проверила предъявленные к уплате расходы и нашла в некоторых пунктах «неправильное произвождение и напрасныя в ценах прибавления». Заявив об этом жалобу епископу Серапиону, консистория ходатайствовала впредь до выплаты долгов, в которые она по необходимости впала, содержать на казённом коште не 40, а всего лишь 26 учеников. Для пресечения неаккуратности в сборах и усиления семинарских

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 174.

средств, которые с каждым годом уменьшались, консистория просила изменить прежний порядок обложения и взимать с монастырей по одной деньге с ревизской мужской души, а с церквей по 5 коп. с десятины церковной земли, состоящей в посеве. Соответственно этому предполагалось обложить особым сбором и соборы. Сбор, производимый на таких началах, по подсчёту консистории должен был давать ежегодно 426 руб. 85 коп. Из них
с. 52 208 руб. консистория назначала на содержание пищей казённокоштных учеников, считая по 8 руб. на человека, 9 руб. 60 коп. на сальные свечи, 8 руб. 40 к. на бумагу. Остальные деньги должны были назначаться в уплату лавре прежних долгов. Число всех обучающихся в Лаврской семинарии переславских семинаристов, считая в том числе и своекоштных, консистория проектировала ограничить, во избежание нового увеличения расходов, 100 учениками.[1]

С 1752 года сбор на семинарию денег стал производиться так, как предлагала консистория, а вместе с тем стал понемногу выплачиваться долг. Чтобы освободиться от него окончательно, епископ Серапион в 1753 году распорядился отослать в Троицкую лавру даже вкладные деньги, собранные от разных людей на покупку панагии, в размере 348 руб.[2]

Своя семинария в Переславле была открыта по удалении на покой архиепископа Арсения и по вступлении на Переславскую кафедру епископа Серапиона. Кроме материальных соображений, к скорейшему открытию в Переславле семинарии епископа Серапиона могло побуждать и то обстоятельство, что связь Переславля с Троицкой лаврой при нём стала значительно слабее, так как архимандритом лавры, подобно Арсению, он не числился, и лавра вместе с так называемой Троицкой десятиной вошла в состав Московской епархии.[3]

Указ об открытии в Переславле семинарии дан был 20 марта 1753 года.

с. 53

> Переславская епархия, — говорилось в указе, — как учреждена, тому ныне десятый год, а по Духовному Регламенту семинарии поныне ещё не имеется. Того ради оной семинарии для самопервейшей церкви святыя общеблагопотребныя пользы без всякаго времени опущения предписывается от нашего архиерейскаго разсмотрения быть в Свято-Троицком Даниловом монастыре таким порядком, как в Великом Новегороде, в Твери и в других епархиях. И всякий того Свято-Троицкаго Данилова монастыря сбор денежный и хлебный употреблять на единых имеющих быть учителей, а обретающагося ныне во оном Свято-Троицком Даниловом монастыре архимандрита Панкратия перевесть в Иосифов, бывший катедральный, что на волоку Ламском монастырь.[4]

При епископе Серапионе семинария и действительно была открыта в Даниловом монастыре. Более правильную организацию она получила уже при преемнике Серапиона, о чём будет сказано в своём месте.

Одним из последних распоряжений епископа Серапиона, направленных к поднятию образовательного уровня детей духовенства Переславской епархии, является его указ от 24 сентября 1753 года, объявленный всем священно-церковнослужителям епархии с подписками, «чтобы они имеющихся ныне при себе мужескаго пола малолетних детей своих обучали словесной грамоте и письму со всяким к скорому их обучению прилежанием под
с. 54 опасением за неисполнение истязания».[5] Распоряжение это, очевидно, вызвано было намерением епископа Серапиона привлечь в ближайшем будущем в новоучреждаемую семинарию возможно большее число учащихся.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1752 г., № 37 и 101.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 62.

[3] См. выше, стр. 22, примечание 2.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Дело об учреждении в Даниловом монастыре училища.

Архимандрит Панкратий умер настоятелем Елецкого Черниговского монастыря в 1773 году. (См.: *Строев, П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви / П. М. Строев. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1877. — С. 515.)

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 81.

Глава 5

Меры к возвышению образовательного уровня духовенства. — Обучение священно-церковнослужителей катехизису. — Распоряжение о толковании катехизиса в церквах. — Экзаменаторы и школьная подготовка ставленников.

Меры к возвышению образовательного уровня духовенства. В четвёртой главе мы видели, как епархиальная власть решила вопрос о подготовке достойных кандидатов к занятию священнослужительских мест. Но как Троицкая, так и Переславская семинария могли дать таких кандидатов только в будущем, не говоря уже о том, что они на первых порах выпускали их в очень ограниченном количестве. Епархиальной власти вследствие этого в первые же годы по основании епархии пришлось столкнуться с другим, не менее серьёзным вопросом — о поднятии религиозно-образовательного ценза наличного состава священнослужителей, которые, как малообразованные, были плохими руководителями своей тёмной паствы.

В видах поднятия образовательного уровня современного ему духовенства архиепископом Арсением предпринято было несколько мер, — правда, имевших значение паллиативов, ослабляющих зло, а не искореняющих его, но характерных для обрисовки тогдашнего состояния духовенства. *с. 55*

Обучение священно-церковнослужителей катехизису. 12 октября 1747 года архиепископ Арсений, «разсуждая, что хотя по церковным правилам всякий пресвитер в своей церкви на всякий день, наипаче же во всякую неделю, вручённые ему люди божественным повелениям должен поучати, но онаго учения от них пресвитеров ни в какой церкви не бывает, да и учить они других за неучением не в состоянии, приказал учинить следующее». Отныне, распорядился архиепископ Арсений, в городе Переславле в одной из церквей в каждый воскресный и праздничный день, в три часа пополудни, должно поучать людей духовного и светского чина десятословию, символу веры, молитве Господней и девяти заповедям блаженств с соответствующими толкованиями на основании отцов и учителей церкви. Толкование катехизиса поручалось настоятелю Данилова монастыря архимандриту Панкратию (Черныскому), ввиду того, что он ещё на прежней службе, когда был проповедником в Троицко-Сергиевой лавре, заявил себя проповедническими трудами, за что и произведён был в архимандрита Данилова монастыря.[1] Толкование должно было продолжаться в течение часа, и архимандрит Панкратий должен был вести его с амвона в мантии и епитрахили. К слушанию катехизических толкований приказано было приходить всем священно-церковнослужителям гор. Переславля и мирским обывателям по звону в колокол. Но главным образом имелись в виду не миряне, а именно священно-церковнослужители. *с. 56*
За исправным посещением со стороны их катехизических поучений архиепископом Арсением приказано было учинить строгий надзор. Архимандрит Панкратий должен был иметь в своём распоряжении точные реестры всех священно-церковнослужителей и избрать из их среды особых дозорщиков, которые бы по окончании беседы по реестру производили проверку собравшихся. За уклонение от посещения бесед положено было взыскивать штраф, именно со священника за каждый пропуск по рублю, с диакона по 50 коп. и с причетника по 25 коп. Штрафные деньги имели поступать на содержание семинаристов.

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1746 г., по описи № 1, дело № 151.

Кроме переславских священно-церковнослужителей, архимандриту Панкратию вверено было обучение катехизису и духовенства сёл, ближайших к гор. Переславлю, в расстоянии до 30 вёрст. [32 км] Так как духовным лицам, жившим вне Переславля, не всегда было удобно являться на воскресные и праздничные собеседования, то архиепископ Арсений распорядился давать им уроки по катехизису на дом. Для этой цели архимандриту Панкратию поручалось задавать всем им по книжке известное количество материала и на известное время. По истечении назначенного времени они обязаны были приезжать в Переславль и являться на экзамен к Панкратию. Если кто-нибудь из них не являлся в назначенный срок, за такими консистория обязана была посылать нарочных. В случае, если кто-нибудь из священно-церковнослужителей не усваивал заданного урока, с него положено было взыс-
с. 57 кивать денежный штраф в размере, указанном выше. К «конечному» изучению невыученного урока консистория должна была принимать в случае надобности принудительные меры.

Получив такое ответственное поручение, архимандрит Панкратий прежде всего снёсся с архиепископом Арсением и попросил руководственных указаний относительно возложенного на него дела. В ответ на это архиепископ Арсений посоветовал ему вести чтения применительно к порядку, принятому в книге «Православное исповедание веры» Петра Могилы. Книгу эту архиепископ Арсений настойчиво рекомендовал приобретать всем священникам, бывающим в Переславле.

30 ноября 1747 года архимандрит Панкратий доносил архиепископу Арсению нижайшим рапортом:

> Мой высокомилостивый архипастырь и надёжнейший патрон. Сего ноября в 21 день Божиею помощью начат мною преподаватися катихизис внутри города в соборной церкви. Для слушания священницы, диаконы и причетницы церковныи, кои означены, и мирские люди некоторые приходят. Только в том нужда, что при соборной церкви часов не имеется, ни русских, ни немецких, и для того, в кое время сигнал давать в колокол, не могут потрафить. Сельскии же священницы и диаконы, кои в ведомостях из консистории мне даны, некоторые являются, и я им задаю, протолковавши по несколько вопросов, по возможности их понятия.

В июле месяце 1748 года было закончено толкование третьей части катехизиса. В запросном докладе архимандрит Панкратий спрашивал у преосвященного Арсения, продолжать ли
с. 58 дальше толкование катехизиса в соборе, или же экзаменовать только в монастыре тех священников, которым давались уроки на дом. Архиепископ Арсений велел продолжать толкование катехизиса на основании прежде данных распоряжений.[1]

Дальнейших сведений о проповеднической и учительской деятельности архимандрита Панкратия не сохранилось. Известно только, что, например, в 1747 году вследствие летних полевых работ явка священно-церковнослужителей, живших вне Переславля, к экзамену была отсрочена до сентября месяца. — Надобно думать, что архимандрит Панкратий оставался в этом ответственном звании до ухода с кафедры Арсения и учреждения в Даниловом монастыре семинарии, когда он переведён был в Волоколамский монастырь.[2]

В тех же видах систематического ознакомления священнослужителей с истинами православной веры издано было в рассматриваемый период и несколько других, подобных по характеру, распоряжений. Так, в июле 1745 года, по приказу епископа Серапиона, Переславская консистория приобрела 15 книг катехизиса для обучения ставленников истинам веры.[3] 21 октября того же года консистория, по распоряжению снова епископа Серапиона, приказала настоятелям всех монастырей и церквей приобрести по книжице, «зовомой
с. 59 катихизис», для обучения в церкви народа и в ноябре месяце неотменно, под опасением штрафования, явиться с этой книжицей к Его Преосвященству.[4] Распоряжение это, кажется,

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1747 г., по описи № 2, дело № 20.

[2] См. подробнее: *Малицкий, Н. В.* Из прошлого Владимирской епархии / Н. В. Малицкий. — Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1904. — Т. 1. — С. 56—61.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 198.

О напечатании катехизисов и букварей для рассылки по церквам см.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — Т. 1: 25 ноября 1741—1743 гг. — С. 152, 349, № 128, 377.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 301.

не было выполнено, так что в 1747 году его пришлось повторить, причём книжки на этот раз разосланы были прямо из консистории. Священникам вменялось в обязанность, чтобы они по воскресным дням на литургии по заамвонной молитве имели чтение из этой книжицы, каждый раз по четыре вопроса и по четыре ответа, и это чтение «для всенароднаго слушания и удоборазсуднаго внимания употребляли бы весьма не скоро». [1]

Распоряжение о толковании катехизиса в церквах. Указы об учительности священников и толковании ими народу катехизиса повторялись не один раз и несомненно стояли в связи с общими распоряжениями на этот счёт, сделанными в царствование Императрицы Елизаветы Петровны.[2] Но духовенство, будучи само малообразовано, плохо понимало всю важность этой прямой своей обязанности. Так, в 1749 году епископ Серапион прямо говорит, что священники, «знатно пренебрегая вышеозначенными указами», катехизису прихожан не учат. Для изобличения «нерадивцев» епископ Серапион повелел некоторых священников, ближайших к Переславлю, привести в консисторию и здесь допросить, как и чему обучали свою паству, на чём остановились и что прошли, а затем, не выпуская их из консистории, о том же допросить церковнослужителей этих приходов, с тем, чтобы в случае разногласия *с. 60* «изобличить такия лживыя уверения».[3]

Характер таких же испытаний, такого же допроса носило свидетельствование, апробация ставленнических грамот священнослужителей, начатая сразу по вступлении архиепископа Арсения на кафедру. 8 ноября 1744 года архиепископ Арсений велел у священников, приходящих в консисторию, ставленные грамоты отнимать и присылать к нему для подписания, а священнослужителей свидетельствовать в священнослужении. Если священнослужители оказывались неисправными в каком-либо отношении, грамоты им не возвращались, и архиепископ Арсений делал о них соответствующее распоряжение.[4] Апробация ставленнических грамот производилась и впоследствии, при ревизиях и объездах епархии. Первое посещение епархии епископом Серапионом, пожелавшим наблюсти, «как его паства верно в вере живёт и как благочестие содержит», произошло летом 1746 года.[5]

Таковы были те меры, которые принимались епархиальным начальством для возвышения образовательного уровня наличного состава духовенства времени открытия Переславской епархии. — Но и замещать вновь священнослужительские места, как говорилось уже раньше, епархиальное начальство не имело возможности всякий раз из лиц, получивших школьное образование. Троицкая семинария и Московская славяно-греко-латинская академия выпускали сравнительно мало кандидатов на занятие священнослужительских мест, притом же часть их уходила в приказный чин. Отсюда вытекала необходимость для епархиального начальства быть особенно внимательным при поставлении на священнослужительские должности и рукополагать не иначе как после известного испытания, научения. *с. 61*

Экзаменаторы и школьная подготовка ставленников. Ввиду этого, по вступлении на кафедру, архиепископ Арсений издаёт приказ, чтобы ставленники были посылаемы для школьного обучения в Москву к иеромонаху Гавриилу Вицовскому, на пожалованный Высочайше архиепископу Арсению двор.[6] Такие лица, назначаемые к школьному подготовлению ставленников, существовали в то время и в других епархиях и носили название экзаменаторов. В 1746 году экзаменатором Переславской епархии назначили монаха Стефана Скибинского, которому в Горицком монастыре была отведена «келья честная» и определена пища «неоскудная».[7] Впрочем, в Горицком монастыре он оставался только до 1748 года. В начале этого года Стефан Скибинский отбыл в Троицкую лавру, куда ему в марте месяце

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 10.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — Т. 1: 25 ноября 1741—1743 гг. — С. 253, № 244.

[2] См.: Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 11. — № 8726 и 8743.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 62.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 6.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 59.

[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 3.

[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 23.

послали указ — в Горицкий монастырь более не возвращаться, так как «дела и проступки его не доброобходительны» и могут повести к «весьма опасным злоключениям». Ставленники для обучения с этого времени стали снова ездить в Троицкую лавру.[1] Для своей же Можайской
с. 62 епархии епископ Серапион назначил экзаменатором протопопа домовой церкви кафедрального Иосифова монастыря Симеона Покойского; за обучение у него ставленники должны были платить по рублю.[2] — Путешествие ставленников Переславской епархии для обучения в Троицкую лавру совершалось в последующее время не без затруднений и сопряжено было с некоторыми неудобствами. В 1750 году, например, консистория вступила с жалобой на экзаменатора монаха Евгения Асибинского в том, что он позволял себе частые отлучки из монастыря в разные вотчины за монастырскими нуждами, вследствие чего ставленникам «чинилась продолжительная в школьном обучении волокита».[3]

Все подобного рода мероприятия, как направленные к поднятию образовательного уровня наличного духовенства, так и к приготовлению ставленников, конечно, достигали своей цели лишь в слабой степени. В распоряжениях высшей епархиальной власти и в указах консисторских встречаем постоянные жалобы не только на неучительность духовных лиц, но даже и на неумение ими читать и писать.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 37.
[2] Там же, № 38.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 97.

Глава 6

Нравственное состояние духовенства. — Выборы священно-церковнослужителей. — Меры к упорядочению выборов. — Мероприятия к ослаблению пьянства и зазорной жизни духовенства. — Распределение доходов. — Исповедь духовенства. — Дисциплинарные меры взысканий за проступки духовенства. — Неслужение в царские дни. — Слово и дело Государево. — Неосторожные слова. — Неуважительное отношение к святыне. — Пьянство и буйство. — Телесные наказания в присутствии других священно-церковнослужителей. — Поклоны. — Заключение в монастырь. — Денежные штрафы. — Запрещение священнослужения. — Доносы. — Любовное примирение.

Нравственное состояние духовенства. Духовенству надлежит быть не только просве- *с. 63*
щённым руководителем религиозного сознания своей паствы, но и образцом для неё в своей нравственной жизни. И с этой стороны действительность была очень далека от идеала.

Выборы священно-церковнослужителей. При отсутствии известных епархиальному начальству кандидатов, ему при замещении священно-церковнослужительских мест приходилось руководствоваться рекомендацией тех лиц, которые данного кандидата выдвигали. Принятая практика того времени допускала самое широкое развитие выборного начала в форме ходатайств пред архиереем сельских и городских обществ или отдельных влиятельных представителей этих обществ. Выборное начало в применении к замещению священно-церковнослужительских должностей могло быть для церкви полезным только под условием правильной организации прихода и при высоком уровне религиозно-нравственной жизни членов этого прихода. Между тем наши приходы половины XVIII века ни тем ни другим не отличались, вследствие чего епархиальному начальству, которое вынуждено *с. 64*
было воспользоваться выборной рекомендацией как единственным средством к определению нравственного достоинства того или другого кандидата, пришлось сразу же серьёзно позаботиться об устранении вопиющих недостатков, связанных с практикой таких выборов на священно-церковнослужительские места.

Меры к упорядочению выборов. Епископ Серапион в первый же год по своём определении в епархию обратил внимание на то, что «ставленники приходят к нему с заручными челобитьями и доношениями и, по усмотрению его, некоторыя из оных челобитьев и доношеньев явились написаны весьма неисправно, иныя же и подложнаго письма и руки к ним прикладываны без ведома приходских людей». Имея в виду такие недочёты современных ему выборов, епископ Серапион повелел объявить во всех приходах, что, если они впредь задумают просить об определении известного им кандидата во священника, диакона, дьячка или пономаря, «то объявляли-бы об этом при полном мирском сходе» и никаких челобитьев, доношений отнюдь не писали и в своих выборных грамотах лишь свидетельствовали бы, что данное лицо знают как человека доброго, не пьяницу, в домостроении не ленивого, не клеветника, не сварливого, не любодейцу, не бийцу и тому подобного. Выборная грамота должна быть скреплена подписом тех крестьян, которые умеют подписаться; вместо же неграмотных руки пусть прикладывают священники других сёл, а не того, откуда посылается

с. 65 выборная грамота.[1] — Итак, ходатайство прихожан за известного кандидата имеет цену лишь постольку, поскольку оно удостоверяет пред епархиальным начальством нравственную правоспособность этого кандидата к занятию священно-церковнослужительского места.

Такую же попытку ограничения выборного начала можно видеть и в одном из последующих указов епископа Серапиона, по которому кандидаты на священно-церковнослужительские места могли обращаться к прихожанам с просьбами о выборах их только в отношении мест своих отцов, то есть в том селе, где они жили, где прихожане близко знали их и где, следовательно, аттестация последних могла иметь некоторое значение в глазах епархиального начальства при определении моральной правоспособности данного кандидата к занятию просимого места.[2]

Мероприятия к ослаблению пьянства и зазорной жизни духовенства. Кроме мер, предупреждающих возможность вступления в клир лиц недостойных, Переславскою епархиальною властью вскоре же по открытии епархии принимаются некоторые мероприятия и к тому, чтобы сделать духовенство благочинным, заставить его жить соответственно принятому званию.

28 ноября 1748 года в консистории, по распоряжению архиепископа Арсения, заслушан был 28 пункт прибавления к Духовному Регламенту о священно-церковнослужителях.

> Прочее не только наблюдать надлежит: не безчинствуют-ли священницы, и диаконы, и прочии церковники, не шумят ли по улицам пьяни, или что горшее, не шумят ли пьяни в церквах,
> *с. 66* не делают ли церковнаго молебствия двоегласно, не ссорятся ли помужичьи на обедах, не истязуют ли в гостях потчивания (а сие нестерпимое безстудие бывает), не храбрствуют ли в боях кулачных; и за таковыя вины жестоко их наказывати. Но и сие прилежно им заповедать епископ должен, чтобы хранили на себе благообразие, а именно: чтоб одеяние их верхнее, хотя убогое, но чистое было, и единой чёрной, а не иной краски, не ходили-б простовласы, не ложилися бы спать по улицам, не пили-б по кабакам, не являли бы в гостях силы и храбрости к питию, и прочая сим подобная. Таковая бо неблагообразия показуют их быти ярыжными: а они поставлены пастырьми и отцами в народе.

Заслушав процитованное место Духовного Регламента, консистория постановила объявить это всем священнослужителям и взять с них подписки, чтобы они «от несвойственных священническому и диаконскому чину проступков и действий всячески уклонялись, а ежели кто явится в пьянстве или в прочем тому подобном, те жестоко имеют быть наказаны». Для того, чтобы приведённая угроза возымела действительное значение, консистория определила в праздничные и торжественные дни назначать для наблюдения за священнослужителями отставных солдат, велеть им забирать из кабаков находящихся там священнослужителей, «не чиня никакой поманки», и приводить в консисторию, где над провинившимися должно быть учинено жестокое наказание.[3]

В Переславле эта ответственная миссия возложена была на отставного солдата Феодора
с. 67 Ускова. Привлечение солдата к надзору за поведением священнослужителей едва ли могло быть оправдано с какой бы то ни было точки зрения, и консистория, действительно, вскоре вынуждена была признать введённую ею практику надзора за поведением священнослужителей ненормальною. В 1751 году солдат Усков скончался; после его смерти консистория, указав на возможность пристрастия со стороны солдата (о высоте священного звания в то время ещё мало думали), постановила «определить честнаго из градских священников и быть при том наблюдательстве по приличеству из десятоначальников Вознесенскому священнику Андрею Иванову, которому и давать с переменою по неделе из консистории солдат по человеку».[4]

Кроме распоряжений, направленных к ограничению пьянства, шатания по кабакам, Переславская консистория в рассматриваемый период вынуждена была издать одно общее распоряжение, направленное к ослаблению вообще «зазорной жизни» духовенства. Имелись

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 15.
[2] Там же, № 290.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1744 г., по описи № 2, дело № 3.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 133.

в виду главным образом заштатные и вдовые священнослужители, находившиеся не на местах. Вдовые священнослужители, чтобы иметь право совершать богослужение, должны были брать из консистории особые епитрахильные и орарные грамоты, оплачиваемые пошлинами. Грамоты давались на три года. Лиц, дерзавших совершать богослужение без этих грамот или не сменивших их вовремя, подвергали жестокому наказанию.[1] Не имевшие таких грамот или не желавшие их брать обыкновенно богослужений не отправляли, состояли, как говорилось, «не у дел». «Проживая же в праздности, — по выражению одного консисторского *с. 68* указа, — возбуждающей многия страсти, весьма сумнительно, чтобы они могли иметь обращение своё без особеннаго соблазна». Исходя из такого предположения, — очевидно, основанного на фактах, — консистория распорядилась «всех таких священнослужителей, сыскав, представить в консисторию, здесь их освидетельствовать по надлежащему и, буде окажется кто из них способным к богослужению, таковых определить в монастыри, многие из которых за малоимуществом иеромонахов и иеродиаконов состоят в том не без нужды».[2]

Распределение доходов. Большим соблазном для прихожан являлись далее обычные среди нашего духовенства распри членов клира из-за распределения доходов. До 1747 года однообразной практики касательно деления доходов в Переславской епархии не было, и консистория завалена была жалобами и просьбами, которые, по словам указа, не только доставляли ей много затруднений, но и производили «смятение и соблазн в народе». На будущее время всем священно-церковнослужителям епархии консистория предписала при распределении доходов руководствоваться следующей нормой. В клире одноштатном поп от всего дохода, какой бы он ни был, кроме получаемого от обмолитвования и от «духовенства» (исповеди), мог брать половину; диакону, дьячку и пономарю предоставлялась вторая половина, с распределением этой части так, чтобы из неё половина доставалась диакону, а оставшееся делили между собою поровну дьячок и пономарь. В двухштатных клирах *с. 69* деление должно было производиться соответственно тому же. Так же должна распределяться пашенная и сенокосная земля.[3]

Исповедь духовенства. Как на одну из общих мер, принятых епархиальною властью к поднятию нравственности духовенства, можно указать, наконец, на учреждение особой должности духовников для священно-церковнослужителей. Требование о заведении таких духовников в монастырях, протопопиях (городах) и уездных десятинах из «искуснейших и честных» иеромонахов и священников было заявлено архиепископом Арсением в одном из частных писем к епископу Серапиону в январе месяце 1746 года. У таких духовников, согласно распоряжению архиепископа Арсения, священно-церковнослужители имели четыре раза в год очищать свою совесть исповедью, о чём каждый раз должна была делаться духовниками запись в особых книгах, и книги эти по прошествии каждого поста, то есть четыре раза в год, имели представляться для свидетельствования в консисторию. Такие духовники избраны были в городских десятинах по одному на городскую десятину и уездных — по одному на каждые десять церквей.[4]

Кроме приведённых общих положительных распоряжений, епархиальное начальство старалось воздействовать на духовенство в видах поднятия его нравственности и пресечения всякого рода преступных деяний тяжёлыми дисциплинарными взысканиями.

Дисциплинарные меры взысканий за проступки духовенства. Суровый режим, цар- *с. 70* ствовавший в то время в судебной светской практике, нашёл для себя применение и в области тех дисциплинарных взысканий, которым подвергала своих преступников и власть духовная. Это был период суровых мер, жестоких телесных истязаний. Битьё батогами, кнутом, шелепами, плетьми, заключение в консистории на хлеб и воду, сажание на цепь — являлись обычными мерами смирения преступников, «дабы и другим, глядя на то, делать было неповадно».

---

[1] См., например, там же, № 101.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 103.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 30.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 3, 17 и 94..

Для такого рода смирения при консисториях того времени отводились особые помещения, назначаемые «для колодников». Переславская консистория, вследствие материальной необеспеченности архиерейского дома, тесноты и неустроенности зданий Горицкого монастыря, на первых порах лишена была возможности завести такое помещение и колодники содержались вместе с приказными служителями, спали в их комнатах на сундуках с делами. Но один неприятный случай, происшедший в 1752 году, заставил консисторию подумать об устройстве и у себя особого помещения для колодников. Именно, в 1752 году лишённый сана священник Диомид Герасимов украл из сундука с делами, на котором спал, четыре ставленных священнических грамоты и с ними бежал из консистории. Когда при подсчёте грамот воровство обнаружилось, консистория распорядилась устроить и отвести для колодников особую, совершенно отдельную комнату.[1]

с. 71 Для ознакомления с характером преступлений духовных лиц того времени и теми дисциплинарными мерами, каким преступники подвергались, приведём несколько более характерных примеров, заимствованных из дел консистории и консисторских протоколов, относящихся к рассматриваемому периоду времени.

20 октября 1744 года в с. Будово Городище прибыл Пётр Васильев и предъявил местному священнику Ермолаю Севастьянову консисторский указ о назначении сына его Федота Петрова в означенное село дьячком. Дело происходило на погосте при церкви. Ермолай Севастьянов остался почему-то недоволен назначением ему такого сослуживца и в сердцах сказал: «плюю я на твой указ». Пётр Васильев сделал донос об этих словах в Гжатское духовное правление, сообщив всему делу чисто политическую окраску. «Поп Ермолай молвил, что он плюёт на мой указ,— жаловался Пётр Васильев, — а в указе написан титул Ея Императорскаго Величества». Гжатское духовное правление арестовало доносчика и обвиняемого и обоих, как колодников, препроводило в Переславль. Консистория, рассмотрев дело, нашла смягчающее вину обстоятельство в том, что поп Ермолай «молвил безумныя слова простотою своею без умысла», но тем не менее определила: «учинить ему плетьми наказание, а по учинении наказания сказать ему указ Высочайший 1742 года 16 апреля, дабы он впредь дерзостно говорить отнюдь не отваживался под опасением жестокаго штрафа».[2]

с. 72 **Неслужение в царские дни.** В 1748 году в консистории заслушан был донос пономаря с. Лихачёва, Волоколамской десятины, на своего приходского попа в том, что он накануне тезоименитства Императрицы Елизаветы Петровны, 5 сентября, не служил всенощного бдения и в самый день тезоименитства литургии, а ограничился лишь служением часов и благодарственного молебна со звоном. Поп на допросе оправдывался «приключившеюся ему головною и внутреннею болезнью, отчего тогда из носа его, попова, и кровь шла». Консистория нашла такие показания «вероятию сумнительными» и определила «учинить попу при консистории плетьми наказание до 50 ударов и обязать его подпискою, дабы он, по прибыли в приход, в три ближайшия воскресения служил всенощныя бдения, литургии и установленный во дни тезоименитства Императрицы молебен, по окончании котораго полагал в церкви по 100 поклонов».[3]

В 1750 году прапорщик с. Жилина Алексей Макаров в своём доносе сообщил, что поп с. Жилина Никита Васильев в день рождения Её Императорского Величества 18 декабря 1749 года всенощного бдения и литургии не отправлял, где был — неизвестно, причём и в другие дни тот поп, по заявлению Макарова, часто от церкви Божия отлучается, так что мирские требы исправляются сторонними священниками. На допросе поп сослался на запамятование, вследствие которого он с утра уехал с сыном в сельцо Балакирево и, только по дороге вспомнив, что ныне высокоторжественный день, поспешно вернулся
с. 73 и отслужил часы и молебен. Оправдывая себя, поп обвинял дьячка и пономаря, которые пред заутреней «к нему не захаживали спроситься для благовесту». Дьячок решительно заявил, что благовест — это дело пономаря, а не его, а пономарь утверждал, что для благовеста ко всенощному бдению он поутру заходил, но попадья ему сказала, что поп

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1752 г., № 42.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 10.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 89.

уехал с сыном. — По резолюции епископа Серапиона дьячок и пономарь подверглись более строгому взысканию, чем священник.

> Означеннаго с. Жилина священник, дьячёк и пономарь, — написал он, — за показанныя всенощное бдение и литургию, что таковой церковной церемонии не было, все виноваты, обаче неравно: священник за забвение таковаго высокоторжественнаго дня меньше, которому класть по сту поклонов до земли за ту свою вину чрез месяц в церкви при дьячке и пономаре с обыкновенною молитвою и править всенощныя бдения и молебны Пресвятой Богородице Деве о вседражайшем здравии и спасении Ея Императорскаго Величества и Их Императорских Высочеств, а пономарь во всей вине и с дьячком, что ведали о торжестве, да с вечера не объявили священнику, и за то им дать в поучение по 50 батоги и клали бы по сту поклонов при священнике в церкви святой с обыкновенною же молитвою.[1]

Слово и дело Государево. С такою же суровостью современные судебные инстанции относились к праздному произнесению так называемого «слова и дела Государева». Конечно, *с. 74*
многие порядки времени Анны Ивановны и Бирона[2] с воцарением Елизаветы Петровны исчезли навсегда, но тем не менее некоторые из старых традиций продолжали жить, особенно в провинции, ещё долго по воцарении Елизаветы Петровны, и «слово и дело Государево» принадлежало по-прежнему к числу самых страшных слов.[3]

В 1753 году в марте месяце в Переславской духовной консистории сидел под караулом поп с. Воронцова Симеон Стефанов по обвинению в пьянстве и побеге из Лукиановой пустыни. На допросах в консистории он притворялся «в помешательстве ума». Но вот 21 марта вечером «пред отдачею нощных часов» в разговорах с консисторскими приказными и солдатами он передал им один из случаев своей прошлой жизни, богатой, очевидно, всякими приключениями. «Однажды, — рассказывал поп Симеон Стефанов, — зашёл я в Переславль в кабак и увидал там своих мужиков за вином. Я подошёл к ним, закричал „слово и дело Государево“, и они со страху разбежались в разныя стороны, а я оставленное ими вино выпил». На другой день приказные представили в консисторию формальный донос по поводу вчерашнего разговора. Консистория под караулом отослала Симеона Стефанова за употребление слова и дела Государева в Переславскую провинциальную канцелярию для поступления с ним по законам. На допросе в провинциальной канцелярии поп, пользуясь *с. 75*
своим положением человека в помешательстве, учинил запирательство и твердил, что его оболгали приказные напрасно. Ввиду этого Симеона Стефанова из канцелярии обратно препроводили в консисторию. Консистория постановила:

> означенному попу в отвращение, дабы он впредь чинить так не дерзал, учинить в консистории жестокое плетьми наказание. Что же он поп показует себя в помешательстве ума, то на оном утвердиться весьма сумнительно... чего ради, не притворение ли он себя безумным оказывает, искусить его попа содержанием в тягчайших монастырских трудах, для коих отослать его закованнаго в железах в Переславский Борисоглебский монастырь на Горе и там по вся дни в церковь Божию на молитвословия приходить его попа принуждать, а быть ему в оном монастыре до того времени, дондеже он окажет себя в первобытном уме, под крепким смотрением, чтобы уйти не мог.[4]

Аналогичный случай произошёл в том же 1753 году в Дмитровском духовном правлении. 22 марта сюда в присутствие вошёл «в безмерном пьянстве» поп с. Ильина Иван Ерофеев и стал кричать и браниться. Его арестовали; он продолжал буйствовать. Тогда сторож посадил его на цепь, причём сильно придавил. Пьяный поп закричал: «если сейчас меня

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1750 г., по описи № 1, дело № 15.

О неотправлении богослужений в царские дни см.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1905. — Т. 9. — № 2943.

[2] См., например: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1898. — Т. 8. — № 2715, 2765.

[3] Особый указ о «сказывании слова и дела» в отмену указа 1733 года издан был Елизаветой Петровной 1742 годом. См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — Т. 1: 25 ноября 1741—1743 гг. — С. 100, № 86.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 27 и 39.

не отпустишь, то я закричу слово и дело Государево». На другой день Ивана Ерофеева отправили в Переславскую провинциальную канцелярию, где он подробно рассказал, как
с. 76 было дело, и оправдывался ссылкою «на своё не малое пьянство». Канцелярия возвратила обратно Ивана Ерофеева в консисторию. Консистория «за вышеявствующее непристойных слов употребление и пьянство» хотела первоначально отослать его в работы в монастырь, но, приняв во внимание его многосемейность, «дабы без него семья не претерпевала крайняго бедствия», определила только наказать нещадно плетьми.[1]

Неосторожные слова. Неуважительное и праздное употребление слов, касающихся Высочайших Особ и важных государственных деятелей, обычно в это время всегда влекло за собою суровые телесные наказания. Никакие отговорки, никакие извинения не принимались во внимание. Но в данное время мы встречаем применение жестоких взысканий также и за слова вообще неосторожные, безотносительно кого бы и чего они ни касались.

В 1748 году в Александровском духовном правлении находился по какому-то делу, возникшему на почве семейных раздоров, пономарь с. Никольского, Переславского уезда, Герасим Иванов и его вотчим церковник того же села Алексей Осипов. В присутствии сторожа Александровского правления пономарь имел неосторожность сказать, что его вотчим похваляется «его, Иванова, посадить на пеплу». Сторож донёс кому следует, и 30 июня консистория чинила подробный допрос. Из допроса консисторией усмотрено было, что Иванов находится «в несовершенном состоянии ума своего», тем не менее велено было
с. 77 «учинить ему в консистории нещадное плетьми наказание, дабы впредь от таковых и других подобных слов воздерживался».[2]

Пример подобного же жестокого наказания за напрасные слова встречаем далее в 1751 году. В больнице Данилова монастыря находился «в полоумии» трудник Козьма Феодоров. Присматривавший за больницей монах Варлаам сделал на него донос, будто бы им были произнесены такие непристойные слова: «на Москве де богородицу кнутом били», и что за то он, Варлаам, его Козьму в гневе зашиб деревянным ожегом. На допросе Козьма не запирался в произнесении инкриминируемых слов, но только восстановил их подлинную редакцию. «Я говорил, — показывал он, — что де назад тому лет с десять видел в Москве били странницу кнутом и слышал де за то, что она назвалась богородицей». Консистория постановила: «трудника Козьму за непристойныя речи и монаха Варлаама, дабы он впредь не дерзал безразсудно бить, наказать плетьми».[3]

Неуважительное отношение к святыне. Если так жестоко наказывались одни только неосторожные слова, то само собою понятно, что в тех случаях, когда консистория получала доказанные сведения о преступных деяниях духовных лиц, она воздействовала на провинившихся, для исправления их и в страх другим, не менее жестокими мерами.

28 мая 1750 года надзиратель благочиния церквей и монастырей Переславской епархии
с. 78 архимандрит Борисоглебского Дмитровского монастыря Павел донёс консистории, что, по сообщению десятоначальника, у попа Малой Бремболы Ильи Васильева оказались в церкви неисправности и опущения. Именно, на престоле в неподвижном киоте, в котором хранится святый агнец, усмотрена десятоначальником муха и вокруг неё паутина; агнец святый оказался чёрный и разделённый на великие части. Консистория формулировала свой приговор так.

> Разсуждая, что явльшаяся нечистота не от чего иного произошла, но токмо от нечастаго означенным попом Ильёю Васильевым святого агнца посещения, а святый агнец весьма чёрен и на великия части разделенным от его попова небрежения, за что оный поп, ежели бы он не впервые то учинил, жестоко надлежательно был бы штрафован, но на первый случай, в чаянии его попова исправления, можно ему учинить штрафование снисходительное, приказали: онаго попа Илью Васильева наказать плетьми.[4]

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 28.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 53.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 143.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 119.

Такому же наказанию подвергся в 1753 году священник Переславской церкви великомученицы Екатерины Сергий Осипов, который 20 июля, во время служения в этой церкви преосвященного Серапиона, не приготовил «для служения церковнаго добраго вина, а имел к тому служению окислое». Консистория распорядилась учинить ему за это наказание плетьми до 50 ударов.[1]

Случаи неуважительного отношения к святыне, проистекавшие не от небрежения, а от каких-нибудь более извинительных причин, наказывались, понятно, не так сильно, не телесными истязаниями, но тем не менее провинившиеся в них подвергались продол- *с. 79*
жительной и более или менее тяжёлой эпитимии.

В 1751 году священник с. Фалалеева донёс в консисторию, что он при приобщении младенцев нечаянно уронил частицу Тела Христова, тотчас же заметил это и поступил согласно требованиям церковных правил. Епископ Серапион на докладе наложил резолюцию:

> сему священнику отныне (20 марта) быть в консистории безысходно до Светлаго Воскресения (7 апреля) и кормиться ему единым хлебом с водою, не более в сутки фунта единаго хлеба и фунта единаго воды, быть в безпрестанной молитве, в том числе и коленопреклонённой молитве час един рано, час един в полдень и час един в отдачу дня, итого три часа, что и записывать, а в субботу великую отпустить его в дом по прежнему к священнослужению; упредительно в ту же субботу отправить его священника к духовнику ради святой исповеди за показанное благодетелю Господу Богу чувствительное его священника согрешение.[2]

Пьянство и буйство. Мерами суровых телесных истязаний каралось дальше пьянство священно-церковнослужителей и всякого рода дебоширство.

В апреле 1746 года на имя епископа Серапиона одновременно подано было два прошения от попа и диакона Покровской церкви гор. Переславля. Поп Никита Алексеев жаловался, что диакон «во время обхода прихожан со святыми иконами и крестом на дороге вблизи Борисоглебской часовни бросил на землю животворящий крест и бил его попа именованнаго, *с. 80*
таскал за волосы и окровенил неизвестно за что». Диакон, ссылаясь на давнишнюю злобу на него со стороны Никиты Алексеева, писал, что поп, напившись пьян, бил его против Николаевской часовни, «от которых побой у него шла кровь из ноздрей и ушей, и поваля на землю, хотел учинить душегубие. Спасли его диакона подоспевшие люди, ходившие с образами, которые с великою силою с него попа стащили». Епископ Серапион на прошениях положил резолюцию: «понеже оба виноваты и оба соблазн в народе учинили, обоим священнику и диакону учинить по равенству наказание, — дать плетьми в духовной консистории по 200 ударов».[3]

В том же году вступил с жалобою к епископу Серапиону дьячок с. Насакина Николай Степанов на побои, нанесённые ему в церкви с. Дубровиц дьячком этой церкви Алексеем Ивановым.

> 11 августа, — писал челобитчик, — по призыву помещицы Рудаковой, я прибыл в село Дубровицы, где показанная помещица взяла меня в церковь для исправления литургии. Вошёл я в церковь до начала литургии и остановился на клиросе. В то время входит в церковь дьячёк Алексей Иванов с крестьянами и начинает бить меня нижайшаго кулаками, не вем за что, и не удовольствуясь этим, схватил с образа подсвечник и им троекратно зашиб меня, не вем тоже за что.

Епископ Серапион написал на прошении:

> сего просителя в духовной консистории жестоко высечь плетьми и дать до 200 ударов за то, *с. 81*
> что он без позволения правильнаго Дубровицкой церкви настоящаго дьячка исправлял службу церковную в противность святым правилам, а означеннаго Дубровицкаго дьячка за бой в церкви во время Божественной литургии судить по церковным правилам и указам без опущения.[4]

Января 24-го 1750 года в Переславской духовной консистории заслушали жалобу дьячка Переславской Свято-Духовской церкви на дьякона той же церкви Андрея Петрова «в брани

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 66.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1751 г., по описи № 1, дело № 12.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1746 г., по описи № 1, дело № 49.
[4] Там же, дело № 104.

означенным диаконом дьячка после литургии в церкви пьяным образом матерны и в названии плутом». Разобрав дело, консистория постановила:

> диакона жестоко наказать батожьём до 50 ударов, чтобы он диакон не токмо в церкви, но и нигде, как весьма непристойных речей, так и хмельнаго питья не употреблял, в чём его диакона обязать подпискою под опасением лишения, ежели впредь изобличён в том будет, диаконскаго чина.[1]

Телесные наказания в присутствии других священно-церковнослужителей. Более усиленною формою того же наказания плетьми и батожьём являлись телесные истязания, производившиеся в присутствии других священно-церковнослужителей «в страх им, дабы и прочим чинить сие было неповадно».

В 1748 году в консисторию поступили исповедные ведомости за 1747 год, причём в числе их не оказалось ведомости церкви Рождества Христова Александровской слободы.
с. 82 По наведённым справкам узнали, что поп означенной церкви Матвей Лукианов, захватив черновые исповедные росписи, составленные другим попом, его товарищем по приходу, держит их у себя, не переписывает и в Александровское духовное правление не подаёт. Консистория постановила:

> сыскать означеннаго попа на его кошт в духовную консисторию и держать здесь безысходно, пока не подаст тех ведомостей, а по подании за его ослушание и за то, что ослушанием причинил консистории напрасное утруждение, а в сочинении краткаго экстракта остановку, при собрании ближних к консистории священнослужителей, учинив жестокое на теле наказание плетьми, отпустить в дом.[2]

В августе 1749 года в консистории рассмотрено было дело попа с. Ям Никифора Васильева, который кроме того, что отлучался самовольно без паспорта в Москву, неоднократно являлся в Александровский заказ «без всякаго призыву в пьянстве, приводя с собою подобных же себе с кабака онаго села крестьян и крестьянских жёнок со словесными просьбами о самых бездельных и сторонних делах, и не взирая ни на что, без всякаго опасения, на подобие кабацких ярыг, необычайно кричал и сквернословствовал». Постановили: «означеннаго попа сыскав, наказать при прочих священниках до 20 ударов, дабы и прочим таковых непорядков учинить было неотважно».[3]

В том же году вдовый священник Алексей Афанасьев, жительствовавший в Переслав-
с. 83 ском Николаевском монастыре, подал преосвященному Серапиону прошение, где показал, что «18 августа текущаго года с глупости своей и от уныния он напился пьян и за то по повелению игумена посажен был на цепь и в цепи вне ума ножиком, не помнит как, окровенил себя», за что игумен запретил ему священнослужение. В своём прошении Алексей Афанасьев просил разрешить ему священнослужение по прежнему. Консистория, основываясь на заявлении игумена, который сказал, что и после оного случая Алексей Афанасьев «в этом своём застарелом пьянстве, отлучась из монастыря, с неделю и более упражнялся и ныне упражняется», постановила:

> его Афанасьева в том Николаевском монастыре при всей братии, дабы и прочии были в страхе, наказать жестоко и запретить ему священнодействовать до времени того, пока он совершенно от пьянства воздержится и усмотрено будет за ним житие добропорядочное.[4]

Иногда такое наказание в присутствии других, в страх им, производилось и за проступки сравнительно малозначительные, но, очевидно, при наличии каких-нибудь особых условий, делавших и незначительные проступки в глазах епархиального начальства «предерзостными».

В 1750 году, например, в Петербурге, по распоряжению архиепископа Арсения, прибывавшего в то время там, приобретено было для троицких семинаристов 10 экземпляров пиитики, на сумму десять рублей. Необходимо было доставить следуемые за книги деньги. Консис-
с. 84 тория передала их священнику Переславского Феодоровского монастыря Борису Иванову,

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 6.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 42.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 121.
[4] Там же, № 170.

с тем, чтобы тот отправил эти книги через своего сына Михаила, выезжавшего в Петербург по вызову архиепископа Арсения для прислуживания, как надо думать, в богослужении, или для участия в хоре. Священник Феодоровского монастыря был недоволен вызовом своего сына и, под влиянием этого недовольства, денег не принял, ссылаясь на опасение, «чтобы паче чаяния воровскими людьми оныя деньги при проезде не были отняты». В консистории подняли формальное дело, припомнили и некоторые прежние предерзостные проступки Бориса Иванова; непринятие им денег признали «злобноупрямственным», которым «чинится не только консисторскому повелению, но указу Его Преосвященства презрение». На этом основании консистория сначала приговорила его к телесному истязанию при других, но затем смягчила наказание, приняв во внимание, что «оный поп Иванов не токмо силы правил не ведает, но едва ли и читывал их когда», и постановила сослать его на два года в монастырь с запрещением священнослужения. «А дабы, — заканчивает своё определение консистория, — Переславской епархии священно-церковнослужители по всем от консистории нарядам были благопослушны, того ради об оном речённаго попа штрафовании с прописанием вины его к объявлению всем священно-церковнослужителям с подписками послать, куда надлежит, указы».[1]

Поклоны. Из других мер дисциплинарного воздействия, применявшихся, впрочем, не столько в качестве самостоятельных, сколько в виде дополнительных к телесным наказаниям, на первом месте надобно поставить земные поклоны. Несколько случаев с применением такого взыскания мы уже видели. Земные поклоны, как наказание за проступки, полагались обыкновенно виновными в церкви во время или после богослужения. Но в данный период встречаем один пример, когда обвинённого приговорили выполнить это наказание в консисторском присутствии. *с. 85*

Дело возникло по жалобе священника с. Перцова Иосифа Андреева. Он заявил, что 17 июня 1750 года дьячок Яков Иванов не явился по благовесту к заутрене и пришёл в церковь лишь после шестой песни канона. Пономаря в этот день не было, так как он был отпущен в соседнее село к родственникам. Когда священник обратился к дьячку с распоряжением сходить за теплотою, дьячок дерзко ответил: «я де тебе не холоп», и не пошёл. Священник стал ему выговаривать и указал на прежние его ослушания. «Тогда дьячёк, кинувшись на меня, — пишет в жалобе священник, — и схватя за епитрахиль, вытащил через порог церковный в трапезу и бил меня смертным боем топками и кулаками и притом бранил матерщиной и другими сквернымi словами». По словам священника, обидевший его дьячок отличался и в прежнее время неисправностью по службе. — На допросе дьячок отрицал все предъявленные ему обвинения, но тем не менее предусмотрительно через десять дней подал заявление об увольнении его из дьячества. Между тем пострадавшего священника освидетельствовали и нашли действительно боевые знаки. Показания, данные свидетелями, подтверждали тоже в общем заявление священника. Консистория постановила: *с. 86*

> он дьячёк должен быть в церковных отправлениях у своего священника во всяком послушании, а не преслушании, чего ради за таковую его явно оказавшуюся вину должно, наказав его, дьячка, в консистории жестоко плетьми, написать за малознанием грамоты к оной церкви в сторожа и велеть ему до определения впредь настоящаго дьячка править дьячковскую должность и за то владеть по прежнему дьячковским всяким доходом.

Епископ Серапион не согласился с таким постановлением и написал несколько иную резолюцию:

> лучше за недовольство знания грамоте вовсе отставить от дьячковства и определить иного дьячка, а за дерзновение, что он отважился так священника обидеть, велеть поклоны класть через целый год в духовной консистории по 50 в заседающии дни, или бить батоги жестоко вместо плетей.[2]

Заключение в монастырь. Кроме поклонов, часто практиковалось заключение в монастыри для исполнения тяжких монастырских работ. Примеры такой посылки в монастыри

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 138.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1750 г., по описи № 1, дело № 45.

в связи с другими наказаниями встречались нам уже выше. Применение этой меры ставило иногда монастыри, особенно малообеспеченные, в положение несколько затруднительное. Так, в 1751 году вдовый священник Диомид за кражу некоторых церковных вещей в Николаевском монастыре сослан был в Введенскую пустынь на вечную работу. Но там,
с. 87 за малоимуществом монастыря, колоднику не оказалось ни пищи, ни людей для наблюдения за ним. Следует слёзная просьба братии монастыря о переводе Диомида в какое-нибудь другое место. Консистория рассмотрела дело, признала просьбу уважительною и перевела Диомида в Волоцкий монастырь, где чувствовался недостаток в людях по случаю начатой стройки.[1]

Денежные штрафы. Далее в качестве мер взыскания следуют денежные штрафы. Они взыскивались за непредставление детей в семинарию в указанные сроки, за разного рода опущения при взятии и предъявлении ставленных грамот, за венчание браков без венечных памятей и тому подобное. По малообеспеченности духовенства, епархиальному начальству приходилось сплошь и рядом сталкиваться с такими случаями, когда штрафуемые не только отказывались платить наложенный на них штраф, но и взять с них, действительно, было нечего.

В 1750 году наложен был штраф на священника Переславской Симеоновской церкви Петра Наумова за отбытие им по посвящении в свой дом без указа. Наумов заявил, что ему платить нечем, и просил о сложении штрафа. Консистория решила первоначально взыскать штраф силой, но по справке оказалось, что в его приходе всего четыре двора и что ему действительно платить не из чего. Штраф был сложен.[2]

Запрещение священнослужения. Самым тяжёлым наказанием для священнослужителей являлось запрещение в священнослужении и лишение священного сана. То и другое
с. 88 назначалось за самые тяжкие преступления и обыкновенно сопровождалось ещё одним из видов наказаний, перечисленных выше.

Запрещение в священнослужении в некоторых случаях простиралось на одно какое-нибудь из таинств в зависимости от характера погрешности провинившегося.

В 1749 году поп с. Вёсок Иван Михайлов явился к генерал-майору Шемякину, вотчина которого была здесь, и объявил, что приказчик Тюменев и жена приказчика Домна, присутствуя в церкви с. Вёсок у Божественной литургии, сказали ему, будто бы Шемякин тащил Домну на постель и хотел учинить с нею блудное дело. Согласно последующим разъяснениям оказалось, что поп открыл Шемякину то, что было сообщено ему на духу. Консистория распорядилась:

> священнику Ивану Михайлову за таковое весьма неразумное объявление, учинив в консистории жесточайшее наказание, как прихожан своих, так и никого в духовность себе исповедью принимать запретить; тот его приход оною духовностью ведать другому, как в совершеннейшем от него возрасте сущему священнику и жительствующему по близости.

Остальные священнодействия Ивану Михаилову не были запрещены.[3]

В 1750-х годах консистория несколько раз разбирала дела, где временное запрещение священнодействия впоследствии приходилось усилить новыми наказаниями, благодаря новым «продерзостям» осуждённого лица.

с. 89 Так, в 1750 году в Переславскую духовную консисторию поступило несколько жалоб из Александровского духовного правления на попа с. Панькова в разных его ослушаниях. Несмотря на многократные посылки и напоминания, поп с. Панькова Егор Петров не представил в духовное правление ни денег на содержание семинаристов, ни исповедных росписей. В консистории справились в делах и оказалось, что этот поп и раньше не только Александровскому духовному правлению, но и самой консистории чинил ослушания, за что в 1749 году был жестоко наказан плетьми. Консистория постановила: «дабы означенный поп пришёл в подобающее исправление, запретить ему священнослужение и определить

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 127.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 17.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 157.

в монастырь в работы на два года». Местом заключения избрана была Солбинская пустынь. О продерзостях Егора Петрова объявили чрез духовные правления священнослужителям всей епархии. — Наступило лето. Жена заключённого, оставшаяся с шестью малолетними детьми без всяких средств существования, подала в Переславскую консисторию слёзное челобитье об освобождении её мужа хотя для рабочей поры, «чтобы мне именованной, — писала она, — с таковою ватагою не помереть голодом». Епископ Серапион сжалился над малолетними детьми и согласился уволить Егора Петрова в дом до ноября месяца, но с тем только, чтобы после этого он снова отбывал епитимию. — Приближался конец отпуска. Поп вступил с просьбой совершенно освободить его от наказания и разрешить в священнослужении. Епископ Серапион нашёл дальнейшее послабление наказания вредным для просителя и написал на прошении: «един год пускай выживет, ибо скорое прощение скорейшее забвение *с. 90* заобыкло делает». Пришлось Егору Петрову возвращаться снова в пустынь, но он не только туда не явился, но не дал даже никакого ответа на посланный из Александровского правления указ. Из консистории в с. Паньково послали сторожа, чтобы взять попа силой. Сторож сыскал Егора Петрова, но на дороге «оный поп показанному сторожу сказал: я де с тобою не иду в консисторию, а взять тебе меня силой нельзя, ибо и ты и я один, — кому удастся?» — после чего повернулся назад и возвратился домой. Снарядили двоих сторожей, дав им обычную инструкцию: «сыскать попа и захватить, а буде укроется, забрать его жену и детей и представить в консисторию». На этот раз опальный поп был захвачен. Дело происходило уже в марте 1752 года; в тот же день его послали в пустынь под начал в сопровождении солдата. Но в ночное время он снова бежал и только «всевозможными способы был сыскан» и в мае подвергнут в консистории подробному допросу. На допросе выяснилось, что, несмотря на запрещение в священнослужении, Петров самовольно совершал и священнодействия, и мирския требы. Рассмотрев дело, консистория решила наказать его плетьми и отправить на два года с запрещением священнослужения в Солбинскую пустынь. Епископ Серапион в своей резолюции несколько изменил постановление консистории.

> Отправить его без священнослужения в монастырь Борисоглебский, что на Песках, в работу, или Святониколаевский, что на Болоте, где сверх работ на всякой заутрени, обедне и Божественной литургии чрез тот целый год поклонов он полагал бы до земли по 50, а прочее да будет *с. 91* по разсмотрению консистории.[1]

В 1747 году запрещено было священнослужение на один год священнику с. Протасьева Верейского заказа Алексею Яковлеву за побои, нанесённые им при погребении какого-то мирянина священнику того же села Кириллу Васильеву, причём Алексей Яковлев выхватил мёртвое тело и топтал ногами. Кроме того, Алексею Яковлеву учинено было, как обычно при отправлении в монастырь, «нещадное плетьми наказание».[2]

Доносы. При просмотре архивных дел за этот древнейший период существования Переславской епархии, невольно обращаешь внимание на одно, на первый взгляд несколько странное обстоятельство. Судебные разбирательства и процессы начинались не только по жалобе лиц потерпевших, заинтересованных, но часто доносчиками являлись люди, состоявшие с лицом, на которое они доносили, в отношениях далеко не враждебных. Объясняется это явление суровыми порядками нашего старого времени, по которым члены клира, заметившее опущения своего собрата или настоятеля и не сообщившие о них своевременно, подвергались такому же наказанию, какому должен был подвергнуться виновный.[3]

В 1747 году священник церкви Переславской Ямской слободы Илия Иванов не отслужил Божественной литургии с молебном по случаю царского дня. 15 декабря, по его словам, *с. 92* он выехал из села, о царском дне забыл, возвратился только 18 декабря вечером, и когда вспомнил об опущенном богослужении, отслужил на другой день 19 декабря положенную литургию с молебном и вскоре же (21 декабря) донёс о происшедшем в консисторию.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1750 г., по описи № 1, дело № 34.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 118.

[3] Ср.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1905. — Т. 9. — № 2956.

Одновременно с ним такое же доношение подано было и дьячком. На докладе провинившегося священника епископ Серапион написал: «дать ему священнику памятнаго по нагому телу в духовной консистории шелепами ударов 50 и велеть отправить по настоящему всю торжественную церемонию, как в табели указано». На докладе дьячка владыка написал: «за то, что означенный дьячёк на другой день об опущении церемонии не донёс, дать поучения шелепами по нагому телу 25 ударов».[1]

В 1748 году дьячок с. Рязанцева Иван Петров подал жалобу на своего попа Матвея Петрова капитану Воейкову, вотчиннику данного села, в опущении им попом по пьянству некоторых мирских треб, вследствие чего многие умирали без исповеди и причастия, умершие долго не погребались и так далее. Воейков передал жалобу консистории, а консистория распорядилась произвести подробное расследование о проступках священника, а пока дело окончится, дьячка Ивана Петрова за то, что он, зная все погрешности священника, не донёс консистории своевременно и подал бумагу Воейкову, а не епархиальной власти, наказать в консистории плетьми.[2]

с. 93 Но если плетьми наказывали лиц, не сделавших своевременного доноса о замеченных погрешностях и опущениях, то такому же наказанию подлежали те, кто доносил ложно.

В 1753 году священник Богословской церкви гор. Переславля Иван Иванов донёс на священника и дьячка Козмодамианской церкви, будто бы они во время службы подошли к нему и, взяв его за ворот, говорили: «чего ради ты на сугубой эктении не вспомянул Благовернаго Государя Великаго Князя Петра Феодоровича». Показаниями свидетелей обвинение не подтвердилось. Попа Ивана Иванова приказано было нещадно наказать плетьми.[3]

Любовное примирение. Судебные дела, возникавшие в консистории по жалобе обиженных и не касавшиеся грубых нарушений церковно-богослужебной практики, обыкновенно прекращались лишь только лицо обиженное заявило о примирении с обидчиком. Даже в тех случаях, когда обида свидетельствовала о несоответствующих священному званию действиях обидчика, наказание налагалось не всегда и, если налагалось, то не тяжёлого свойства.

В 1752 году священник с. Вёсок Иван Михайлов подал в консисторию жалобу на своего диакона в чинении ему побой до крови. Ссора открылась из-за кур, которые потравили диаконову капусту, причём диакон с работницей осиновым поленом бил смертно сперва попа, а потом прибежавшую на выручку мужа попадью. Началось дело. Боевые знаки на теле попа
с. 94 и попадьи действительно оказались и были серьёзны. Но вдруг неожиданно поп и диакон, «поговоря между собою», полюбовно примирились, о чём подали соответствующее заявление. Епископ Серапион на заявлении наложил резолюцию:

> Означеннаго междоусобнаго враждования своего поп и диакон должны покаянием и исповеданием примирение учинить, ибо великий грех нанесли своей душе, чего ради к отцу духовному и отослать с требованием свидетельства об удостоении вступить им попу и диакону в священнослужение.[4]

В 1750 году известный уже нам священник Богословской города Переславля церкви Иван Иванов за поминальным обедом одного из переславских рыболовов «пьяным обычаем» обругал непотребными словами ключаря соборного священника Ивана Иванова и всячески его поносил. Открылось дело. До окончания его епископ Серапион повелел ни тому, ни другому ни священнодействовать, ни благословлять, так как из поданной встречной жалобы со стороны обвиняемого Ивана Иванова видно, что обе стороны благопристойностью себя на этом обеде не заявили. Эта встречная челобитная приводит, по-видимому, точно весь ход взаимных попрёков, высказанных с обеих сторон за поминальным обедом. Она свидетельствует о безмерной грубости тогдашних нравов, находившей себе соответствующее выражение в действиях и языке. Дело угрожало большими неприятностями обоим, вследствие
с. 95 чего они сочли за лучшее примириться, о чём и сообщили преосвященному Серапиону. Епископ Серапион на их прошении написал:

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1747 г., по описи № 1, дело № 78.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 60.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 58.
[4] Архив Переславской духовной консистории. 1752 г., по описи № 1, дело № 43.

Приемлется мировое прошение и священнослужение по прежнему литургисать Бог да благословит, а было бы чувствительнее пред всевидящим Господом и Его святой церковью за междоусобное прегрешение с полным братским лобзанием любви такое прощение, то вместо всякаго подлежащаго удовольствованания со всех тех, кто привлечён к богонепризнанному собору (кроме указанных лиц в брани и сквернословии участвовали ближайшие их родственники), взять в святую кафедральную церковь ладану роснаго $^1/_2$ фунта.[1]

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1750 г., по описи № 1, дело № 56.

Глава 7

Монашество. — Экономическое положение монастырей. — Ослушания крестьян. — Хищения. Монастырские описи. — Пожары. — Условия, благоприятствовавшие падению монастырской жизни. — Распоряжения начальства к возвышению монашеской жизни. — Дисциплинарные взыскания. — Слово и дело Государево и жалоба не из общественной чернильницы. — Чтение псалтиря. — Дисциплинарные взыскания в женских монастырях. — Блудодеяния и побеги.

Монашество. Переславская епархия была учреждена в период заметного упадка монастырской жизни, когда ограничительные распоряжения Петра Великого сказались уже своими последствиями в области материально-экономической — обнищанием монастырей,
с. 96 в области морально-аскетической — понижением уровня монашеской жизни. Начала Афонского старчества ещё к тому времени на Русь не проникли, а старые формы монашеского подвижничества, под влиянием всяких опытов сделать монастыри утилитарно-полезными, лишились и того хорошего, что было в них до Петра Великого.

Экономическое положение монастырей. С материальной, внешней стороны показное положение монастырей было, по-видимому, вполне удовлетворительное. Они обладали обширными вотчинами (по крайней мере некоторые из них), собирали оброк с многочисленных крестьян; но это было только — по-видимому. На самом деле монастыри не могли распорядиться своими вотчинными доходами самостоятельно, а должны были довольствоваться из собираемого одними своими штатными окладами, всё же остальное отдавать целиком правительству. А между тем им же приходилось вести постоянную борьбу с крестьянами из-за неплатежа оброка, из-за ослушания. Канцелярия экономического синодального управления и провинциальные канцелярии завалены были жалобами на упорное непослушание крестьян и чинение ими всяких правонарушений.[1]

Ослушания крестьян. Некоторые из таких дел рассматривались местною духовною властью, которая иногда и производила соответствующие взыскания. Такую роль карательной инстанции пришлось, например, занять Переславской консистории по отношению к крестьянам Переславского Феодоровского монастыря, в одном из дел «о противностях
с. 97 и преслушаниях», где монастырские власти не хотели или не смогли использовать принадлежавшее им право наказания провинившихся крестьян.

28 июня 1753 года епископ Серапион, присутствуя в консистории, распорядился наказать при консистории батогами десять человек крестьян с. Ильинского, вотчины Переславского Феодоровского монастыря, «за происшедшия от них с прочими крестьянами той же волости ослушания игумении Александре», и кроме того, приказал и «впредь сыскивая крестьян, о которых упоминает игумения Александра в своём доношении, наказывать их, так как игумения объявила, что наказывать их при монастыре она не может».[2]

---

[1] См. указ Святейшего Синода от 7 февраля 1754 года. Архив Владимирской духовной консистории. 1754 г., № 1.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 56.

Хищения. Монастырские описи. Скудость монастырских средств усиливалась вследствие хищений монастырского движимого имущества, производимых разного рода лицами, проживавшими в монастырях. Консисторский архив за рассматриваемый промежуток времени заключает несколько дел, возбуждённых по поводу похищения монастырского имущества и даже священных предметов. С целью учредить некоторый контроль над монастырским имуществом епархиальное начальство потребовало составления подробных описей, в которые внесены были бы не только священные предметы и богослужебные книги, но и вся хозяйственная утварь, всё монастырское имущество. Но составление таких ведомостей шло медленно. В сентябре 1753 года епископ Серапион жалуется в одном из указов, что от многих монастырей таких описей ещё не поступало, и требует представить их в всякой скорости.[1]

Пожары. Материальному оскудению некоторых из больших монастырей гор. Переславля *с. 98*
содействовали пожары, сильно опустошившие эти обители. Ночью 23 сентября 1749 года сгорел Данилов монастырь. В доношении от 10 ноября урон, нанесённый пожаром монастырю, описывается в таких выражениях. «Означенный Данилов монастырь от случившагося пожара ныне находится в крайнем разорении и скудости. Что на церквах Божиих кровли и в них святые образа и прочая церковная утварь, так и внутри монастыря на кельях каменных кровля и прочее деревянное строение и вне монастыря монастырской житенной с хлебом да конюшенной с несколькими лошадьми двор деревянный всё сгорело, а поставить за неимением монастырской денежной казны нечем». Данилов монастырь ввиду своей крайней скудости просил дать ему позволение собирать от доброхотнодателей на восстановление монастыря в течение пяти лет. Резолюциею епископа Серапиона книга для сбора действительно была ему выдана.[2]

В ночь на 20 октября 1745 года случился пожар в Переславском Феодоровском монастыре, причём чуть было не сгорели монастырские церкви. По поводу этого пожара епископ Серапион издал по всей епархии распоряжение, чтобы монастырские и обывателей строения находились от монастырей расстоянием не менее 30 сажен. [64 м] В тех местах, где такие постройки помещаются ближе, велено перенести их на другое место.[3]

Условия, благоприятствовавшие падению монастырской жизни. Переходя к внут- *с. 99*
ренней жизни монастырей того времени, нельзя не отметить, что существовали некоторые условия, которые особенно сильно содействовали понижению уровня монастырской жизни. Таково было, например, содержание инвалидов на убылых монашеских вакансиях. Некоторые из этих инвалидов (по крайней мере до 60-х годов) жили в монастырях и вносили сюда с собою мирские привычки и наклонности, соблазнительные для иноков. Ссылка в монастыри провинившихся священно-церковнослужителей, в качестве карательно-исправительной меры, не могла остаться без такого же влияния, так как ссылались, конечно, далеко не лучшие элементы белого духовенства. Наконец, обычай заключать в монастыри безумных для содержания их под караулом и молитвенного смирения, практиковавшийся довольно часто в рассматриваемое время,[4] также не может быть оправдан ни в каком отношении. Не говоря уже о том, что больные этого рода своими безумными и часто непристойными речами вносили смущение в души простодушных насельников монастыря, они были небезопасны и в смысле внешней сохранности монастырского имущества. В 1752 году, например, безумная монахиня Ульяния, содержавшаяся в Петровском Можайском монастыре, сожгла весь монастырь «в нашедшей на неё тоскливости». Переславская консистория, подвергнув эту монахиню допросу, не могла не признать её малоумной, но тем не менее определила «предать её в пост на 12 лет, с тем, чтобы ей в двенадцатилетнее время в среду и пяток ничего не вкушать». Местом нового пребывания Ульянии назначен был Феодоровский Переславский *с. 100*
монастырь, в котором велено было «содержать её в тягчайших монастырских трудах и крепко

[1] Там же, № 83.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1749 г., по описи № 1, дело № 85.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., № 309.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 88.

смотреть, чтобы она, будучи в том монастыре, чего опаснаго, а наипаче огненнаго зажжения не учинила».[1]

Распоряжения начальства к возвышению монашеской жизни. Из распоряжений епархиального начальства, направленных к подъёму монастырской жизни, можно прежде всего указать на указ епископа Серапиона, изданный в целях ограничения пьянства в монастырях.

Присутствуя на монастырских храмовых праздниках, епископ Серапион неоднократно замечал, что «из приходящих для моления людей многие шатаются по тем монастырям пьяные и из них же бывают и у монашествующих в кельях, при которых и те монашествующие находятся пьяны, из чего происходит немало неблагочиния и прямо соблазна». После одного из таких праздников в Никитском монастыре епископ Серапион распорядился послать во все монастыри епархии указы, в которых написать:

> Дабы отныне в тех монастырях во время бываемых храмовых праздников, как в самые те праздники, так и по оных в следующие два дня по отпусте литургии присутствующих в монастыре людей приказным и служителям с монастыря ссылать, кроме молебщиков, во святой церкви бываемых, также в кельи к монашествующим отнюдь никого не допущать. А ежели кто в какой кельи явится, тех высылать за монастырь, а монашествующих (кроме благопотребных нужд)
> *с. 101* никого из монастыря через оные три дня отнюдь не спущать, чего ради и монастырския ворота запирать. И тако оным приказным служителям прилежно наблюдать. Буде же их неусмотрением кто нибудь из приходящих в показанные дни, кроме молебщиков на молебствии, или в кельи явится, за то оные приказные и служители жестоко наказаны быть имеют.[2]

В предотвращение растраты монастырской казны и отчасти к ограничению ростовщичества в монастырях, в 1753 году августа 2-го преосвященный Серапион, осведомившись, что архимандрит Лужецкого Можайского монастыря Никанор дал приказным этого монастыря взаймы несколько монастырских денег, распорядился объявить всем монастырям, чтобы «из монастырей казённых денег настоятели взаймы никому не давали и сами бы и от казны монастырской, и от своих, также и от сторонних людей взаймы не брали».[3]

Ещё один указ общего характера, изданный в этот период, касается однообразия в монашеской одежде. Поводом к изданию такого указа послужило введение игуменом Лукиановой пустыни Иессеем какой-то «короткой мантейки, примером больших эпанечных воротников». Мантейка эта была рассмотрена епископом Серапионом, и он нашёл введение её в обители со стороны настоятеля пустым самоволием, лишил Иессея игуменства и велел отослать его в Никольский Переславский, что на Песках, монастырь. Во все монастыри разосланы
с. 102 были указы с наикрепчайшим подтверждением, дабы впредь нигде означенных мантеек не было. Если же, паче чаяния, где сысканы будут, то начальники таких монастырей лишатся начальства, а братия — монашества.[4]

Дисциплинарные взыскания. Кроме этих общих распоряжений, изданных в видах поднятия монастырской жизни на должную высоту, остальные распоряжения и мероприятия епархиальной власти носят обычный характер дисциплинарных мер половины XVIII века с теми же жестокими взысканиями, какие практиковались тогда в отношении к белому духовенству. Особенность состоит разве в том, что жестоким наказаниям могла подвергать монашествующих не только высшая епархиальная власть, но и настоятели монастырей, которые в своих обителях являлись полными распорядителями и могли подвергать подчинённых таким наказаниям, какие находили для них заслуженными. Если настоятель попадался с суровым характером, в таком случае подчинённым приходилось испытать на себе всю тяжесть подобных полномочий.

Слово и дело Государево и жалоба не из общественной чернильницы. 21 января 1749 года был представлен в консисторию в железах монах Лукиановой пустыни Евсевий,

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 10.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 60.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 67.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1745 г., книга 2, указ от 16 августа 1745 г.

по обвинению его в сказывании слова и дела Государева. К допросу позван был настоятель Лукиановой пустыни игумен Иосиф и несколько монахов, слышавших, как Евсевий произнёс эти слова. Показания виновника происшествия и всех свидетелей разнились в частностях, но сходились в общем, в существенном. Именно, 18 декабря 1748 года, в высокоторжественный день рождения Её Императорского Величества, игумен Иосиф велел монаху Евсевию *с. 103* положить 300 земных поклонов, а после них приказал наказать его плетьми и заковать в кандалы, что при духовнике Герасиме и было учинено. За что постигла Евсевия такая кара, игумен выразился несколько неопределённо. «В одно время, — говорил Иосиф, — я послал к Евсевию за горшком, чтобы сварить чернослив. Евсевий дал худой горшок „как бы на смех“. Притом же, — сказал Иосиф, — он чинил мне и другия провинности, которых сказать я и не упомню». Свидетели к этому добавляли, что прочие провинности Евсевия состояли будто бы в том, что, когда однажды ему игумен сказал: «иди ко мне в келейники», Евсевий, выйдя за дверь, произнёс: «я де тебе не келейник». Как бы то ни было, посидев в кандалах сутки, Евсевий закричал: «слово и дело Государево» и попал под суд в ложном произнесении страшных слов. На допросе, когда Евсевию прочитали соответствующий Высочайший указ, он заявил, что никакого дела государственной важности он не знает, а сказал «слово и дело Государево», не стерпя чинимых ему Евсевию Иосифом жестоких побой. Определение консистории выражено было в обычной в таких случаях форме: «за сказывание слова и дела Государева ложно, дабы и впредь ему затевать было неповадно, наказать Евсевия плетьми (что ему и было учинено) и отослать паки в объявленную пустынь в прежнее послушание при указе».[1]

Строгие распоряжения Петра Великого, запрещавшие монахам держать по кельям бумагу *с. 104* и чернила и писать что-нибудь без ведома настоятеля, сохраняли свою силу и в царствование Елизаветы Петровны. На основании этих указов был жестоко наказан один из монахов, вступивший в тяжбу по личной обиде с одним из приходских священников.

В июле месяце 1746 года священник Филипповской церкви города Переславля Иван Титов подал жалобу на иеромонаха Никитского монастыря Исаакия, будто бы тот ежедневно, а иногда и по несколько раз в день ходит через его огород к вдове Переславской рыбной слободы Фёкле Фёдоровне, а зачем — неизвестно. Шатаясь постоянно чрез огород, он, по словам жалобщика, стоптал ему капусту и изломал частокол. 30 июня священник, увидя иеромонаха на огороде, снова подтвердил ему свой запрет. «Тогда иеромонах Исаакий, — продолжает в своей жалобе обиженный, — стал бранить меня всячески, называл плутом и винопродавцем и угрожал, что де я тебя сделаю без скуфьи». — На допросе иеромонах Исаакий сознался, что в дом вдовы Фёклы, живущей с своим сыном, он действительно многократно хаживал «для обучения сына ея в деле печей и труб», в остальном же он запирался. На докладе консистории епископ Серапион написал:

> Учинить ему Исаакию иеромонаху по силе Духовнаго Регламента жестокое наказание за безобразия и соблазн, который в противность монашеству и священству вознеистовился показать. И дать ему Исаакию по нагому телу до 70 ударов плетью в духовной консистории, а впредь взять подписку, что он Исаакий до той вдовы и в другие мирские дома никуда без благословения *с. 105* отходить не будет под страхом сугубаго наказания.

Получив положенное наказание, иеромонах Исаакий вступил в консисторию со встречной жалобой на попа Филипповской церкви. «В первых числах июля, — писал Исаакий, — проходил я мимо огорода Филипповскаго попа Ивана Титова, остановился, поклонился и доброхотно поздравил. Он же, не взирая на мой поклон, бранил меня неподобно и хотел меня колом бить. Не вытерпя обиды, я назвал его шинкарём, понеже действительно в 1739 году у него найдено было корчёмное вино, о чём имеющееся дело следствием и решением ещё и поныне не окончено». Иеромонах Исаакий просил вновь формально и обстоятельно пересмотреть дело и копию с жалобы Филипповского попа дать ему. «Учинить требование с надлежащим разсмотрением означеннаго просителя в духовной консистории без опущения и без замедлительной волокиты, — написал Серапион, — а за то, что в противность Духовному Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссийския

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1749 г., по описи № 1, дело № 13.

Регламенту[1] не в монастыре, в трапезе из общей чернильницы, но за монастырём без ведома начальническаго такое своё означенное донесение писал, или дать ему Исаакию шелепами по самой рубашке 200 ударов или без клобука и камилавки ходить при особливом послушании двадесять недель, и что сие избирёт, то ему Исаакию учинить в духовной консистории
с. 106 непременно». — Исаакий избрал особливое послушание и временное запрещение носить клобук и камилавку. — Дело для священника, по-видимому, закончилось благоприятно.[2]

Приведённые примеры говорят нам, что меры взысканий, применявшиеся к чёрному духовенству, если и отличались от мер дисциплинарного воздействия на белое духовенство, то только разве в количественном отношении: суд был более строгий и количество ударов назначалось более высокое.

Чтение псалтиря. Как особую меру, можно отметить только эпитимийное чтение псалтири за богослужением. Так, в 1752 году мая 23 дня иеродиакон Переславского Никольского монастыря, что на Болоте, пришёл к строителю Переславского Борисоглебского монастыря, что на Горе, Гурию и объявил, что послан к нему Его Преосвященством для исповеди и приобщения Святых Таин. Оказалось впоследствии, что он сослался на владыку лживо. Ночью после исповеди, в пьяном состоянии, иеродиакон Павел, как впоследствии рассказывал он сам, украл из кельи Гурия камилавку с клобуком и 50 коп. денег. Консистория, рассмотрев дело, постановила: «велеть ему Павлу во всю его жизнь читать псалтири по всякий день по четыре кафизмы и в церкви Божией по литургии в годичное время по всякий день класть по 100 земных поклонов». По распоряжению епископа Серапиона, для исполнения эпитимии иеродиакон Павел отослан был в Сольбинскую пустынь.[3]

с. 107 **Дисциплинарные взыскания в женских монастырях.** Те же дисциплинарные меры исправления — плети, шелепа, сажание на цепь применялись и в женских монастырях. И тут мы видим наказание в присутствии других, в страх прочим, и даже наказание в консистории.

В апреле месяце 1748 года настоятельница Переславского Феодоровского девича монастыря Александра вступила к Серапиону с всепокорнейшим доношением, изложенным в такой форме.

> Сего 1746 года апреля против 4-го числа в святей церкви во время утренняго пения на крылосе старицы крылошанки Александра, Измарагдина, Александра Рижская производили многой шум с криком, следующий мне именованной к немалому поношению, и которым от места своего посылала я будильницу, чтобы таковую молву прекратили, ибо всем монахиням от суесловия их соблазн произойти может. Того ради после отпуска утренняго пения я именованная, остановя оных стариц в церкви, о том же исправлении предлагала, на что оне не токмо к смирению склонность не показали, но паки с необычайною молвою и криком учинили мне многую противность, в которой и поныне находятся невозвратно. Того ради Вашему Преосвященству всепокорно доношу, дабы повелено было указом Вашего Преосвященства прописанных стариц привесть к смирению, понеже мне смирить невозможно за оказываемою их противностью, а без того в чувство им прити ненадёжно, но более в монастыре сёстрам от них паки следовать может смущение, а мне именованной безпокойство, ибо и напредь предписаннаго числа в разныя вре-
> *с. 108* мена от показанных стариц в церкви и в кельях таковыя производились суесловии, о которых по числам именно в сём доношении изъяснить не упомню. И чрез многия им словесныя от меня предложении, чтобы следовали пути благому, ожидано времени их исправления, а ныне Вашего Преосвященства сим доношением всепокорно достойной резолюции испросить к обороне осмеливаюсь.

На этом прошении епископ Серапион 8 апреля положил резолюцию:

> Сыскать в духовную консисторию игумению и при ней были бы другия старейшия, коих она игумения пожелает взять, до десяти сестёр, и в бытность оной игумении с сёстрами показанным безпокойным клирошанкам, церковным правилам и государственным указам в противность

---

[1] Высочайший указ от 31 января 1701 года. Духовный Регламент. О монахах, п. 36.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1872. — Т. 2. — С. 252, № 596.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1875. — Т. 3. — № 984.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1746 г., по описи № 1, дело № 80.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1752 г., № 57 и 66.

> разговоры в церкви святой производящим, учинить наказание такое: дать каждой шелепами по пятьдесят ударов, и дабы впредь порядков бы таких учинить не дерзали и были бы игумении благопослушны, взять с них стариц подписку, а в тот Феодоровский девич монастырь послать от духовной консистории указ, в котором обозначить, дабы игумения, как тех безпокойных стариц клирошанок, так и всех прочих без изъятия во всяком монашеском благочестии и страсе Божием содержала и по своепохотным страстем жительствовать бы им не попущала под опасением ей самой игумении жестокаго за небрежение истязания.

9 апреля в Переславской духовной консистории наказание над клирошанками Феодоровского монастыря было учинено согласно резолюции епископа Серапиона. Но положение настоятельницы в монастыре не улучшилось. Судя по другим делам, игумения Александра *с. 109* (1744—1753) не принадлежала к числу настоятельниц, пользовавшихся любовью и авторитетом в своём монастыре, что отчасти подтверждается и настоящим делом. Позорное наказание в консистории стариц клирошанок возбудило против ней много новых нападок. Александра вторично обращается с жалобой к Серапиону, но на этот раз не указывает уже имён тех лиц, «от которых происходит немалое на неё, игумению, негодование», а говорит в общих выражениях, что «негодование происходит от жительствующих в том монастыре некоторых белиц». Епископ Серапион распорядился всех белиц, которые жили в монастыре не для пострижения и никаких монастырских послушаний не несли и не несут, вывесть из монастыря, «ибо девичьи монастыри устроены не для жительства белиц, пачеж таковых и монахинь к неприличным поступкам навадниц, но для общаго и душеполезнаго жительства добросовестных монахинь».[1]

Блудодеяния и побеги. Среди дел и указов, относящихся к жизни женских монастырей, сравнительно значительный разряд составляют дела о блудном прижитии монахинею ребёнка. В своих определениях по поводу таких дел епархиальное начальство привлекало к ответственности не только виновных, но и настоятельницу обители «за нерачительное смотрение».

В 1749 году такое дело возникло в Александровском женском монастыре, где одна из белиц монастырская девка Наталия Семёнова прижила незаконно ребёнка. Виновную при *с. 110* собрании всех стариц наказали жестоко плетьми и на семь лет отлучили от таинства причащения. Игумении Митрополии велели: «через четыре недели в церковь Божию ходить без посоха и на игуменском месте не становиться».[2] — Игумения здесь подверглась сравнительно лёгкому наказанию ввиду того, что она действительно оказалась невиновною в происшедшей позорной для монастыря истории и история касалась только белиц, а не монахинь.

В 1746 году игумения Князь-Андреевского девича монастыря наказана была за «несмотрение» более строго. Одна из её монахинь, Евграфия, будучи отпущена из монастыря в с. Красное к своему дяде для взятия хлеба и прочего, на дороге подверглась насилию со стороны неизвестного ей человека, который «из-под неволи» учинил с нею блудное дело. Когда родился ребёнок и донесено было о происшедшем епископу Серапиону, он написал пространную резолюцию, которую приводим в извлечении:

> Понеже несмотрением Князь-Андреевской игумении в том монастыре... словесные овцы пришли в видимое расхищение... того ради означенную игумению нашим пастырским разсмотрением от игуменскаго звания и достоинства за такое небрежение вовсе отрешаем и в том монастыре Князь-Андреевском отныне впредь никогда не быть игуменству, а была бы только наместница и наместница та и всякое монастырское ея без изъятия правление и церковь Божия со всею церковною утварью и все монашествующия в полном ведомстве и команде были бы у игумении *с. 111* Феодоровскаго девича монастыря... Та игумения (Князь-Андреевского монастыря) молодых настригла девок да баб, а не правильных и честных лиц, коих лиц, как и о пострижении всех в бытность ея игумении монахинь и о вкладах требовать с нея игумении счёту без опущения и тот счёт снискала бы игумения Феодоровскаго монастыря с соборными обоих монастырей сёстрами.[3]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1746 г., по описи № 1, дело № 48.
См.: *Малицкий, Н. В.* Из прошлого Владимирской епархии / Н. В. Малицкий. — Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1906. — Т. 2. — С. 115—118.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1749 г., по описи № 1, дело № 56 и 59.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1746 г., по описи № 1, дело № 103.

Жестокие наказания, которым подвергались уличённые в блудодеянии, часто заставляли их убегать из монастыря, лишь только их преступление становилось так или иначе известным. Конечно, виновные были отыскиваемы, и побег только увеличивал степень наказания.

В 1749 году игумения Переславского Сретенского монастыря донесла, что рясофорная монахиня Августа впала в блудодеяние. Когда об этом игумения уведомилась, то до надлежащего распоряжения консистории приказала содержать виновную в железах. Пока началось расследование, колодница тайно бежала, разбила оковы и оказалась в Московском Страстном монастыре у одной белицы, своей знакомой. Знакомая содержала беглянку тайно до тех пор, пока это было возможно. А затем, когда её пребывание в Страстном монастыре сделалось известным властям, посоветовала ей возвратиться обратно в Сретенский монастырь. Здесь её арестовали, препроводили в консисторию, где и началось расследование. На допросе Августа
с. 112 объявила, что никакого блудодеяния она за собою не знает, что бежала из монастыря, единственно убоявшись невинного наказания. Тем не менее консистория определила «за бегство из монастыря наказать Августу плетьми в Сретенском монастыре при собрании всех сестёр, дабы оне, смотря на то, из онаго монастыря бегать не дерзали, и отослать в Феодоровский монастырь для содержания по смерть в оковах и трудах монастырских». Августа для наказания переведена была из Сретенского в другой монастырь, так как Сретенский не был общежительным и монахини его состояли на пропитании своих собственных трудов.[1]

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1747 г., по описи № 1, дело № 44.

Глава 8

Миряне. — Укомплектование приходов причтами. — Посещение прихожанами церкви в воскресные и праздничные дни. — Безмолвие в церквах. — Исповедь и приобщение. — Совершение браков. — Браки в родстве. — Незаконное сожительство. — Суеверия и расколы.

Миряне. В одной из предшествовавших глав мы уже видели, что духовенство половины XVIII века, как малообразованное, не могло быть хорошим руководителем и просветителем религиозного сознания простого народа. Но этим дело не ограничивается. Были обстоятельства, ещё более ухудшавшие положение прихожан. Ко времени открытия Переславской епархии многие приходы новоучреждённой епархии и совсем лишены были священнослужителей. По нескольку лет священнослужительские места в них пустовали в за- *с. 113*
висимости от материальной необеспеченности данного прихода, или по другим каким-нибудь причинам.

Укомплектование приходов причтами. В 1747 году на имя архиепископа Арсения был прислан Высочайший указ об укомплектовании приходских церквей указным числом священников, диаконов и причетников. В силу этого указа при 100—150 дворах полагалось по одному члену причта, при 200—250 по два члена причта, при 300 дворах назначено было по 3 священника, по 2 диакона, по 3 причетника и по 3 пономаря.[1] С этого года и начинается укомплектование приходов Переславской епархии указным числом священно-церковнослужителей. Для этой цели потребовалось большое количество кандидатов, так как многие из церквей пустовали, а в других число священно-церковнослужителей не достигало указной нормы. Пришлось несколько понизить образовательный ценз, и всё-таки укомплектование приходов шло медленно и с большим трудом.

В 1749 году Рузское духовное правление донесло в консисторию, что оно учинило попечение об исполнении указа, «но токмо онаго укомплектования за крайним недостатком в городе Рузе и Рузской десятине церковнослужителей и священно-церковнослужительских детей от разбора, бывшаго в прошлом 1737 году, и за высылкою ныне в оную консисторию для отсылки в Троицкую семинарию учинить в скорости невозможно». Рузское правление *с. 114*
в заключение доклада предлагало высланных детей (которые, конечно, были моложе 15-летнего возраста) возвратить обратно и ставить в церковнослужители. Консистория с этим предложением не согласилась.[2]

К концу 1752 года всех праздных церквей в Переславской епархии ещё состояло 29, из них большая часть числилась праздными с конца сороковых годов, а некоторые даже с 30-х. Причины незамещения священно-церковнослужительских мест в этих приходах указаны в ведомости, представленной в Святейший Синод в конце 1752 года. Формулировка этих причин обычно однообразна: ушёл или умер священник и на место его прихожанами никто не представлен. Например, «в селе Рязанцеве церковь праздна для того, что поп Матфей Петров умер, а от прихожан к произведению во священство кандидатом никто

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1747 г., по описи № 2, дело № 16.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — Т. 1: 25 ноября 1741—1743 гг. — С. 421, № 457.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 17.

не представлен, також и из саможелающих никто не явился»; или же: «в с. Парфёнове учинилась церковь быть праздна с 1747 года для того, что тоя церкви поп Василий Михайлов в том 1747 году отбыл в Москву к церкви Николая Чудотворца, что у Тайницких ворот, а от прихожан к произведению во священство кандидатом никто не представлен, також и из саможелающих никто не явился». А то бывало и так: «в с. Назарьеве отчего учинилась праздна и от какого году, неизвестно».[1]

Кроме этих общих распоряжений, преследовавших снабжение всех приходов
с. 115 священно-церковнослужителями, епархиальное начальство половины XVIII века издало ряд распоряжений, направленных к тому, чтобы самое богослужение, совершаемое священнослужителями, не осталось без морально-просветительного воздействия на паству, чтобы миряне не лишались по своему нерадению таинственного общения со Христом и церковью в таинствах. Распоряжения этого рода, как и первыя, стоят в связи с общим ходом церковных узаконений как ближайшего предшествовавшего времени, так в особенности царствования Елизаветы Петровны.

Посещение прихожанами церкви в воскресные и праздничные дни. Необходимо было прежде всего христианские праздники сделать днями, посвящёнными на служение Богу, и приучить мирян к посещению в эти дни храма Божия.

В 1746 году архиепископ Арсений, ссылаясь на указ Петра Великого от 16 июля 1722 года,[2] распорядился «во все духовныя правления и куда надлежит послать указ, коим велеть от этих мест всем находящимся в ведомстве каждаго правления священникам объявить с подписками, чтобы они священники каждый в приходе своём состоящим всякаго звания людем объявили с подписками, дабы они в господские праздники и воскресные дни к вечерням, заутреням, а паче к литургиям всегда приходили в церкви Божии, всяк в свою приходскую церковь неотменно, и те подписки оные священники объявили бы в духовных
с. 116 правлениях, и при том, ежели кто из приходских людей окажет себя в означенные дни к вечерням, утреням, литургиям в приходскую свою церковь не приходящим, о таковых священник донести имеет».[3]

Говоря короче, имелось в виду насильственными мерами воздействовать на мирян, дабы посещение храма сделать для них обязательным и, таким образом, постепенно приучить их к нему. Подписка и угрозы указа не остались только на бумаге. Когда епархиальному начальству делались известными случаи уклонения мирян от посещения церкви, оно подвергало виновных строгим взысканиям.

1-го августа 1748 года священник Ямской слободы, Переславского уезда, донёс, что 11 ямщиков означенной слободы 31 июля, в воскресный день, во весь день исправляли свои работы и не приходили к богослужению. Консистория распорядилась виновных сыскать «и по наказании нещадно батогами взять с них подписку в том, что, если они впредь в праздничные, воскресные, а также торжественные дни дерзнут исправлять какую работу и в этом изобличатся, то подлежательны будут жесточайшему наказанию и тяжкому штрафу».[4]

В 1750 году епископ Серапион во время одного из своих выездов усмотрел дьячка и пономаря с. Усолья на работе в воскресные дни. По его приказанию они были сысканы и жестоко наказаны в консистории батогами.[5]

Безмолвие в церквах. Высшая гражданская правительственная власть вместе с узако-
с. 117 нениями о неопускном посещении храмов Божиих в воскресные и праздничные дни издала также соответствующие указы относительно сохранения благочиния в церквах во время богослужения. Такой указ издан был ещё при Петре Великом 1718 года и затем подтверждён

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1752 г., по описи № 2, дело № 10.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1872. — Т. 2. — № 721.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 19.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 67.
Архив Переславской духовной консистории. 1746 г., по описи № 1, дело № 111.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 22.

был Святейшим Синодом в 1723 и 1742 году. На основании этих указов со всех лиц, ведущих себя во время богослужения неблагочинно, разговаривающих, повелевалось взимать, не выпуская их из церкви, по рублю штрафа и штрафные деньги употреблять в тех же церквах на строение.[1]

В Переславской епархии местное начальство в первый раз напомнило своим подчинённым об этом указе в 1747 году. 2 мая этого года повелено было при всех монастырских и приходских церквах

> определить к наблюдению за безмолвием в церкви к тому достойных людей, а именно в монастырях Кафедральном Горицком и Никитском из находящихся при оных отставных солдат, состоящих при консистории у содержания караула и никаких посылок неимеющих, по череду, — в Даниловом из обретающихся излишних служителей одного человека, в Феодоровском — живущаго в праздности служителя Феодора Фомина, в прочих же Переславской и Можайской епархии монастырях из находящихся при них отставных офицеров или солдат или излишних служителей определить по одному человеку, а в которых монастырях и пустынях отставных солдат и служителей не имеется, там определить из монашествующих кого или кто по усмотрению *с. 118*
> настоятельскому способен явится. В соборных же и приходских церквах к оному смотрению тех церквей священнослужителям обще с приходскими людьми велеть выбрать из тех же приходских людей к каждой церкви по одному человеку добрых и к церкви Божией почтительных. А чтобы оному штрафному сбору утайки не было, учинить во всех церквах шнурозапечатанныя книги...

Затем указ повелевал ежегодно представлять отчётные сведения о количестве штрафного сбора и употреблять этот сбор ни на что другое, как только на церковное строение, как это говорилось в Петровском указе.[2]

Исповедь и приобщение. Важнейшими христианскими таинствами, которых по долгу христианскому обязан сподобляться каждый христианин не менее одного раза в год, являются — таинство покаяния и приобщения. Высочайшим указом 1737 года велено было всякого чина людям во дни Святой Четыредесятницы исповедаться и приобщаться Святых Таин повсягодно. Если кто не будет выполнять этого, повелевалось с таковых брать штрафы и подвергать их наказаниям.[3]

Этот указ сохранял свою полную силу в первые годы существования Переславской епархии.

В 1748 году священник Переславской Ямской слободы Илия Иванов донёс в духовную консисторию, что крестьянин Алексей Посной четыре года не ходил в церковь и не сообщался *с. 119*
Святых Таин. Вызванный на допрос, крестьянин показал, что в церковь Ямской слободы он не ходил за дальностью расстояния (4 версты) [4 км] и что в воскресные и праздничные дни он присутствовал за богослужением в ближайшей к нему церкви Святого Духа; что касается исповеди и приобщения Святых Таин, то действительно не сообщался их своим нерачением. Консистория постановила:

> В искупление своего прегрешения он, Алексей Посный, во все четыре поста в течение одного года должен иметь жительство в Борисоглебском монастыре, что на Песках, в тягчайших

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1875. — Т. 3. — № 974.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — Т. 1: 25 ноября 1741—1743 гг. — №№ 98, 106, 146, 190 и 416.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 40.

См. также: *Малицкий, Н. В.* Из прошлого Владимирской епархии / Н. В. Малицкий. — Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1906. — Т. 2. — С. 50 и сл.; время издания первого указа в Переславской епархии о хранении безмолвия в храмах там указано, впрочем, ошибочно.

[3] Ср.: Духовный Регламент. Мирские особы, п. 2.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1889. — Т. 6. — № 2270.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1905. — Т. 9. — № 3069, 3073 и 3109.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1899. — Т. 1: 25 ноября 1741—1743 гг. — С. 332, № 355.

> монастырских трудах и во все четыре поста, в святую Четыредесятницу дважды, в остальные по одному разу исповедываться и приобщаться Святых Таин у своего приходскаго священника.

По просьбе Посного, ему впоследствии срок пребывания в Борисоглебском монастыре был сокращён и от работ в Успенский пост его освободили.[1]

В 1751 году консистория, по рассмотрении исповедных ведомостей за 1748—1750 годы, всех лиц, не бывших у исповеди в течение трёх лет, распорядилась вызвать в консисторию для допроса, «для чего они уклоняются от исповеди и от приобщения и не имеют ли за собою какого-нибудь раскола».[2]

В последующие годы консистория всячески торопила священнослужителей к возможно
с. 120 скорому представлению исповедных ведомостей за отчётные годы, с тем, чтобы на основании их можно было принять меры к сокращению числа не бывающих у исповеди. Но так как ведомости поступали с большим запаздыванием, то в 1753 году епископ Серапион в сентябре месяце распорядился всем священнослужителям Переславской и Можайской епархии немедленно подать заявление, кто и по каким причинам не был у исповеди в святую Четыредесятницу или же вместо Четыредесятницы в Петров пост.[3]

Параллельно с распоряжениями, касающимися исполнения великого долга христианской исповеди и причащения, идут указы о совершении священнослужителями величайшего христианского таинства соответственно требованиям церковных правил.

В 1750 году надзиратель благочиния сообщил консистории, что в некоторых монастырях и градских переславских церквах он нашёл престолы и жертвенники «поколебленными» и антиминсы ветхими, изодранными, замаранными и не на имя того храма, в котором имеются. Консистория немедленно приняла меры к устранению этих недостатков, издав соответствующие наставления касательно престолов и напечатав в типографской конторе 170 антиминсов — 20 атласных и 150 на холсте.[4]

В том же 1750 году архимандрит Павел сообщил консистории, что дорники, употреб-
с. 121 ляемые в епархии, не отличаются однообразием, и в то время как на одних имя Иисус изображено по новоисправленному служебнику (Iис.), в других сокращено в Iс. или Ис., что может повести к немалому соблазну (разумеется, конечно, раскольничье начертание имени Иисус). На основании этого доклада консистория сделала представление архиепископу Арсению об удовлетворении всех церквей епархии дорниками, соответствующими новоисправленному служебнику.[5] В 1751 году консистория разослала уже по духовным правлениям указы с требованием известия, кем новые дорники не приобретены, для наложения на ослушников соответствующего штрафа.[6]

Совершение браков. Из других таинств больше всего злоупотреблений было связано с таинством брака. Ряд распоряжений высшей духовной власти по ограничению таких злоупотреблений в Переславской епархии начинается с указа, изданного в 1750 году.

> Его Преосвященству, — говорится в указе, — известно учинилось, что имеющиеся при Переславских градских и сельских церквах приходские люди во время бываемаго браковенчания в те церкви из домов бракосочетавшихся приносят по безчинному простолюдному обыкновению вино и пиво, которыя по окончании браковенчания и пьют в оных же святых церквах, а тех церквей священники им прихожанам в таковом безчинии не воспрещают и напечатанную в требнике на разрешение венцов молитву читают по браковенчании в то же время, а не в осьмый, как
> *с. 122* по оному требнику повелено, день, также и у невест главы по женскому обыкновению допущают убирать в тех же святых церквах.

В предотвращение таких злоупотреблений впредь, консистория распорядилась послать указ по всей епархии о том, чтобы брачующиеся пред браком непременно исповедались

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1748 г., по описи № 1, дело № 47.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 122.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 73 и 77.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 76.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 72.
[5] Архив Переславской духовной консистории. 1750 г., по описи № 1, дело № 24.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 119.

и удостаивались приобщения Святых Таин и чтобы все указанные беспорядки на будущее время были прекращены. Священники обязывались к этому особыми подписками.[1]

В следующем году последовало распоряжение епископа Серапиона, объявленное всем священникам епархии, чтобы они браки венчали только в воскресные дни, а в прочие седмичные дни и не в своих приходских церквах отнюдь венчать не дерзали.[2]

В 1752 году всем поповским старостам, состоящим в отпуску венечных памятей, велено было «тем из желающих вступить в брачное сочетание, которые явятся самонужнейших молитв неумеющими, венечных памятей не выдавать, доколе они тех молитв не изучат».[3] Священникам Переславской градской и уездной десятины, состоявшим в непосредственном ведении консистории, приказано было епископом Серапионом для получения венечных памятей являться в консисторию вместе с желающими вступить в брачное сочетание. Здесь присутствующие в консистории должны были подвергать желающих брачится испытанию в знании самонужнейших молитв, и, «если они явятся умеющими, представлять для свидетельства Его Преосвященству, а в отсутствие Его Преосвященства их свидетельство *с. 123* подписывать можно присутствующим консистории на венечных памятях; буде же желающие брачится окажутся незнающими нужных молитв, тогда священника, бывшаго с ними, за необучение наказывать».[4]

Браки в родстве. Брак, заключённый в недозволенных степенях родства, — что тогда, даже при существовании венечных памятей, случалось нередко вследствие малообразованности священников, — по обнаружении расторгался и виновный священник подвергался взысканиям.

С 1747 года долго тянулось дело о незаконном браке, заключённом между Ерёмой Гавриловым и женой его Марией Якимовой, оказавшимися в родстве. Консистория постановила супругов разлучить и впредь им никогда не сходиться; в брачное сочетание с иными лицами, если того похотят, вступать не раньше полугодичного времени, «дабы через означенное время за принятый ими в этом беззаконном супружестве грех удобнейшее могли принести покаяние». Сверх сего, на них наложена была епитимия: в течение года в среды и пятки вкушать только однажды и класть во всякий из этих дней по 60 земных поклонов. Священнику, венчавшему их, «за неосторожный брачный обыск», хотя он и показал, что в его церкви нет Кормчей книги, откуда бы он мог узнать, как обыскивать, велено было отправлять священнослужение в Кафедральном соборе в течение месяца и всякий день класть по 50 поклонов. Все хлопоты Марии Якимовой, оставшейся с тремя малолетними *с. 124* детьми и жившей в крайнем убожестве, не увенчались успехом, хотя епископ Серапион, по-видимому, склонялся к тому, чтобы оказать сострадание несчастной и невинно пострадавшей женщине.[5]

Более строгому наказанию подвергся в 1751 году крестьянин Верейского уезда Козьма Константинов и Фёкла Павлова, обвенчанные в близком родстве и, вероятно, скрывшие это родство. Их постановлено было разослать в монастыри для пребывания в монастырских трудах, а в особенности в наблюдении за больными монашествующими. Во все время они должны были ежедневно присутствовать за богослужением и могли быть допущены к приобщению Святых Таин только ради смертного случая. Беззаконно прижитого ими младенца велено было отдать на воспитание родственникам. Приговор этот не пришлось сразу привести в исполнение. Пока шёл разбор дела, крестьянин бежал и сыскать его долго не могли, а затем, когда сыскали и пришли, чтобы разведённую чету взять в монастыри, то оказалось, что у Фёклы был уже не один младенец, а целых три, прижитых ею от своего мужа, признанного по суду консистории незаконным. Пришлось ограничиться ссылкой в монастырь одного Козьмы Константинова, а Фёклу Павлову отпустить домой для кормления новорождённых.[6]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 178.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 136.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1752 г., № 35.
[4] Там же, № 35.
[5] Архив Переславской духовной консистории. 1747 г., по описи № 1, дело № 41.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1751 г., № 141.

Незаконное сожительство. Если так наказывались лица, оказывавшиеся часто неумышленно виновными, то с тем большею строгостью епархиальная власть преследовала незаконное внебрачное сожительство.

с. 125

В 1749 году в Переславскую духовную консисторию прислан был при промемории заплечный мастер Переславской провинциальной канцелярии Лонгин Винокуров и дочь отставного подьячего той же канцелярии Фёкла Степанова, прижившая незаконно с Винокуровым ребёнка женского пола. По расследовании дела обвиняемые изъявили желание вступить в супружество и тем искупить содеянный грех. Консистория определила:

> Винокурова и Фёклу Степанову по желанию их в брачное супружество совокупить следует, токмо до браковенчания за показанное их согрешение надлежит учинить с ними следующее. Наказав их в консистории плетьми, разослать их в разные, куда пристойно, монастыри в работу в целый год, где им будучи через оное годичное время ходить по вся дни в церковь Божию на молитвословия, и в среды и пятки, кроме сухоядения, ни к каким брашнам не касаться и класть в оные дни по 50 земных поклонов, также в случающиеся в этом году святые посты иметь им надлежащее говение и по говении всяк пост исповедываться, а Святых Таин чрез оный весь год, кроме тяжкой болезни, не сподоблять. Когда же оному пребыванию их в монастырях годичное время окончится, тогда их, обязав в консистории подпискою, чтобы они, сверх исправленной в монастырях епитимии, по сочетании браком ещё чрез два года в показанные дни означенную епитимию исправляли неотменно, отослать для браковенчания.[1]

с. 126

В 1747 и 1748 годах в консистории производилось расследование о незаконном браке отставного майора Алексея Уварова, который в 1744 году женился на дворовой своей девке Лукерье Андреевой, оставив законную жену Василису Борисову. Брак венчал поп с. Запольского Иларион Григорьев в неуказное время — по захождении солнца, причём тут был дьячок Феодор Прокофьев. На допросе в консистории майор ни в чём не запирался, а показал, что с своею первою женою он разлучился «за скорбию ея», вследствие которой он с нею лет пять не совокуплялся. 15 лет по разлучении он пребывал без жены и женился на Лукерье с общего между ним и женой согласия, так как она желала принять монашество. По разлучении он дал ей и собственноручное письмо, что она свободна к пострижению, а от неё в свою очередь получил письмо за рукою отца её духовного, что она желает принять монашество, а ему Уварову жениться на другой препятствовать не будет. — Сделав такое показание, майор добавил, что о своём согрешении он имеет чувствительное раскаяние, что он согласен жить снова со своею законною женою, если та пожелает того, показанную же Лукерью увольняет от себя на волю вовсе без всякого препятствия. Василиса Борисова на допросе подтвердила показание мужа и настаивала на своём давнишнем желании постричься в монашество за болезнью. Приняв во внимание чистосердечное раскаяние майора, консистория определила:

> Оный беззаконный Уварова брак разрушить и уничтожить... послать его Уварова в пристойный мужской монастырь на два года, где быв ему, по вся дни приходить в церковь Божию к заутреням, вечерням и Божественным литургиям, сверх того исправлять в церкви Божией по вся дни, (кроме воскресных, праздничных и торжественных) на утрени, на литургии и на вечерни по 15 поклонов с молитвою Иисусовою и во все святые посты, а паче в среду и пяток, иметь пост с воздержанием, и то всё исполнять ему с сокрушением сердечным, жалея о толиком содеянном им гресе своём, и чрез первый весь год к Святым Таинам его не допускать, а приобщить по окончании обоих годов и по совершении всего вышеписаннаго, разве бы приключилась ему тяжкая болезнь... Жену его Василису Борисову за самовольное пущение онаго мужа своего и за позволение ему на другой жениться послать в девич монастырь на два же года и исправлять всё равно против мужа своего. По совершении же онаго запрещения, жить ему Уварову с оною первою его законною женою по прежнему. Аще же по каким законным препятствиям жить не восхотят, да пребудут в единстве и другому браку до кончины жизни своею не сочетаются и в этом обязать их подпискою... А рабу его Лукерью Андрееву, которая с ним в тот беззаконный брак добровольно вступила, послать в монастырь, отдельный от онаго Уварова, дабы она впредь никакого общения иметь не могла. А в оном монастыре, будучи ей, исправлять всё по вышеписанному, а по прошествии двух годов быть ей в том монастыре вечно и в оном ко всякому пению церковному обще с монахинями приходить, также и пристойное по разсмотрению

с. 127

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 154.

настоятельницы послушание велеть ей исправлять... А ежели она в том монастыре пожелает пострижения в монашество, о том учинить как Ея Императорскаго Величества закон повелевает. Прижитого оным майором с Лукерьею Андреевою младенца содержать ему до указных лет для обучения и воспитания при себе, а в пришедшия указныя лета объявить его, где по указом надлежит. Бывшаго при том противном браковенчании дьячка Феодора Прокофьева, который помянутому попу Илариону не воспрещал и нигде не доносил, по силе правил из церковнаго причта отрешить и отослать его для причисления в подушный оклад, куда надлежит. *с. 128*

Не было наложено наказание только на попа Илариона Григорьева, так как его в это время уже не было в живых.[1]

На постановлении консистории наложена была пространная мотивированная резолюция епископа Серапиона, несколько изменившего то, что предлагала консистория.

Майор Алексей Феодоров, сын Уваров, действительно оказавшийся в грехопадении прелюбодеяния, да подымет епитимию по святым правилам прелюбодеяния. Жена его Василиса Борисова за то, что молчанием своим согласие от себя ему, своему мужу, Алексею Уварову беззаконно жениться оказала и где надлежало для препятствия той женитьбы сама собою или через кого иного не доносила, да подымет против мужа своего Алексея Уварова в полы. Дворовая его раба Гликерия, на которой он майор богопротивно женился, имеется как настоящая блудница, понеже от времени того неблагословнаго с ним господином своим венчания чрез обыкновенные от священника вопросы она Гликерия той женитьбе согласовала доброхотно, и на венчание с ним майором то и на вступление во оный блудный брак самовольно похотела, а не отвращалась, как надлежало, ибо видно со всего дела, что и рабе своей Гликерии майор Уваров насилования или принуждения никакого не делал к такому грешному с собою сочетанию. Чего ради и епитимии подлежит в силу святых правил блудницы. Дьячку Феодору Прокофьеву за непрекословие и священника Илариона Григорьева того прелюбодейнаго венчания за допущение определяется нести покаяние блудника во всём. Священник Иларион Григорьев за неправильное венчание онаго прелюбодейнаго брака, ежели был бы в живых, то всеконечно подлежал бы извержению иерейства по святым правилам, но понеже нет его в живых, того ради наследники его священника из оставшихся его священниковых пожитков штраф и двойную по указу Ея Императорскаго Величества пошлину за то, что без надлежащей венечной памяти венчал означенный грешный брак, уплатить должны. В прочем да будет во всей силе изображённое от духовной консистории мнение. *с. 129*

Всё делопроизводство с резолюцией епископа Серапиона, ввиду важности инцидента, представлено было на рассмотрение архиепископа Арсения.

Прошли два года, назначенные для монастырского смирения майора. Согласно консисторскому определению, вслед за тем должно было последовать законное сожительство его с женою Василисою Борисовою. Майор соглашался и дал подписку ни в чём её не озлоблять и жить, как подобает мужу с женою, но Василиса Борисова «за сим, что имеет всеусердное желание постричься в монашество и за безпрестанными тяжёлыми болезнями объявила, что со своим мужем в первобытное супружество сойтись отнюдь не желает». Консистория не знала, что дальше предпринять, и постановила вторично их допросить и в особенности жену, «какия она к недопущению этого соития законныя причины имеет», кроме желания постричься в монашество. Майор заявил по-прежнему, что «конечно не себе угождая, но только страх Божий помня, со объявленною первозаконною женою своею жить желает». Послали солдат в Сретенский монастырь за Василисой Борисовой, но её там не оказалось. Игумения отпустила её к заболевшему брату поручику Григорию Борисову в с. Каллистово, Переславского уезда, причём игумения добавила, что, как ей известно, Василиса Борисова ныне лежит в тяжкой болезни и явиться в консисторию не может. Консистория, по долгом обсуждении, определила отправиться некоторым из членов консистории в с. Каллистово и допросить болящую там на месте. Василису Борисову застали в такой тяжкой болезни, что, по словам командированных для допроса, «с постели движения иметь не может и языком говорила с крайнею нуждою». В дополнение к раньше сказанному она прибавила только, что «если раньше по ея ещё тогдашней болезни и старости она мужа своего содержать так, как жена должна, не могла и для того его оставила, то ныне вящше по преувеличившимся болезням и старости не может». 8 марта 1751 года консистория заслушала этот доклад своих членов, посланных в с. Каллистово для допроса, и могла только постановить: «Помяненнаго *с. 130* *с. 131*

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1747 г., по описи № 1, дело № 55.

майора Алексея Уварова для самоперсональнаго Вашего Преосвященства о нём усмотрения и увещания представить и что по усмотрению Вашего Преосвященства окажется, о том ожидать архипастырской Вашего Преосвященства резолюции». Майор после этого был у епископа Серапиона, но, как видно из изложенного, его и увещевать было не в чем. Противодействие шло не от его лица, а со стороны его престарелой и болящей жены. Все затруднения, по-видимому, разрешились смертью Василисы Борисовой, последовавшей вскоре, так как в 1751 году, когда её увещевали к сожительству с мужем, ей было уже 75 лет.[1]

Так действовала епархиальная власть к сохранению должного отношения со стороны мирян к христианским таинствам. Так же каралось ею всякое проявление кощунственного непочтительного отношения к священным предметам православной веры.

В 1749 году крестьянин деревни Поповкина, Волоколамского уезда, Андрей Агапов в пьянстве учинил пред образом святого Иосифа Волоцкого «многия богопротивныя действия». Консистория, выслушав дело, распорядилась:

> Крестьянина означеннаго, наказав в консистории плетьми до 50 ударов, отослать при указе в Можайское духовное правление, от котораго с нарочным послать вышеозначеннаго крестьянина в деревню Поповкино и в ней при собрании всех тоя деревни жителей паки ему крестьянину учинить плетьми до 50 ударов наказания, дабы и прочии невежды, смотря на то, таковаго богопротивнаго действия чинить не отваживались, и потом велеть ему крестьянину пред святым Иосифа Чудотворца образом, пред коим он то богопротивное неистовство учинил, с сердечным сокрушением о содеянном отправить Иосифу Волоцкому Чудотворцу молебное пение.[2]

с. 132

Суеверия и расколы. Таковы были распоряжения епархиальной власти и взыскания, налагаемые ею за неисполнение мирянами требований, предъявляемых им званием православного христианина. Но в царствование Елизаветы Петровны духовная власть зорко следила не только за исполнением этих требований, но и за проявлениями, если так можно выразиться, излишней, ложной религиозности, или за так называемыми суевериями. Строгие указы о пресечении суеверий изданы были ещё в царствование Петра Великого. Для донесения о них епархиальным начальством в Переславской епархии по открытии её были учреждены особые десятоначальники, как об этом сообщалось уже раньше. Ежегодно в Святейший Синод делались доклады «о неимении в епархии никаких суеверий». О характере этих суеверий, о мерах борьбы с ними можно судить по следующим примерам.

В 1748 году канцелярист Рузского духовного правления Иван Протопопов сделал доношение, что в бытность его в гор. Верее он узнал от верейских жителей, будто бы в с. Косицах, Верейского уезда, имеется явленный чудотворный образ, к которому приходят многие из жителей для моления. Затребовали в Верейское духовное правление попа с. Косиц Феодора Трофимова. Но тот объявил, что такого образа в его церкви не имеется. Тогда протопоп Верейского духовного правления вместе с случившимся в Верее десятоначальником священником Василием Якимовым и диаконом Петром Максимовым для достоверного свидетельства об образе поехали в с. Косицы. На дороге они расспрашивали встречных крестьян, желая получить какие-нибудь сведения об образе в Косицах. Один из крестьян сказал им, что от этого образа происходят чудотворения таковы: «кто де бывает болен и просит от этого образа исцеления, то де польза бывает такова: кому умереть — умрёт, а кому быть живу — оживёт вскоре; явление же образа произошло назад тому два года чрез крестьянина Митрофана Артамонова». Следователи вошли в церковь и действительно здесь нашли небольшой резной на камне образ, вставленный в другой образ разных святых, писанный на деревянной доске. По допросе Митрофана Артамонова распространяемые сведения о явлении этого образа оказались ложными, и образ из с. Косиц был взят в Рузское духовное правление, а отсюда вытребован вместе с попом Феодором Трофимовым и другими причастными к делу лицами в Переславскую консисторию. — Конец дела неизвестен.[3]

с. 133

Одним из проявлений суеверного почитания икон являлись и так называемые привесы, покрывавшие в некоторых церквах в большом количестве почитаемые иконы. Между

с. 134

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1749 г., по описи № 1, дело № 3.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 153.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 88.

ними бывали привески, не отвечающие ни святости места, ни назначению христианских икон. По докладу надзирателя благочиния архимандрита Павла, консистория в 1750 году распорядилась в тех церквах, где за скудостью не из чего подчинить ветхие одежды на престолах и жертвенниках, продавать привесы на святых образах, особенно те, которые «являются неприличны», и деньги, вырученные от продажи, употреблять на починку ветхостей.[1]

Вместе с преследованием суеверного почитания икон шла борьба, согласно указаниям Духовного Регламента, против некоторых людей, ложно выдававших себя за подвижников и эксплуатировавших народное невежество.

14 августа 1747 года в консисторском присутствии члены консистории игумен Иаков Певницкий и протопоп Василий Феодоров заявили о двух таких подвижниках, содержащих себя «в непристойном народу показании». Первый из них проживал в мужской богадельне Никольского монастыря, что на Болоте. О нём носился слух, что он раньше «был безмолвен и содержал себя с большими волосами, ныне же говорит или нет, неизвестно». Второй жил в ограде Сретенского девичьего монастыря в состроенной им невеликой избушке и к нему приходили люди разного звания, «а чего ради, о том неизвестно». При расследовании более подозрительным оказался второй подвижник Иванов. В его избушке нашли много образов *с. 135* в окладах разных наименований, 7 серебряных малых крестов и 16 медных, власяницу, вериги, чётки, 4 книги печатных, одна письменная и одна белая с лицами. Подвижник заявил, что всё это он приобрёл на подаваемую ему милостыню, миряне приходили в его хижину не для чего иного, как только для подаяния милостыни; вериги он надевал только на ночь, а на день снимал, чтобы они не были видимы людьми. Консистория отпустила его обратно в хижину, но образа и священные предметы передала в ризницу Сретенского девичьего монастыря, «дабы от таковых вещей, состоянию его неприличных, от легкоразсудных, паче же от простого народа не причтено было в некую ему Иванову святость».[2]

В том же году консистория разбирала дело психически больной «ясновидящей деревни Аксентьева Пелагии Афанасьевой», которая своими ложными рассказами действительно производила сильное впечатление в окрестных сёлах. Её ясновидение, как обнаружилось при разборе дела, началось лет пять тому назад, когда она увидела дьячка в церкви на клиросе, как бы тьмою окружённого, на основании чего она после богослужения заявила, что у него тело нечисто. За это и в то время её, как полоумную, изгнали из церкви, но зато на дом к ней стали приходить люди, которым она провещавала от имени Христа, будто беседующего с нею, о мимошедшем и будущем. Под суд она попала после исповеди в Четыредесятницу 1746 года, на которой рассказала священнику с. Бакшева об одном из своих видений, — именно, будто бы «ей явился образ мужа старообразна, облачена одеждою, на подобие *с. 136* священнических белых риз, который де явленный муж сказался ей, якобы он Дух Свят, и потом сказал: тебе де будет Христос обручник и скажи де об этом отцу духовному». По рассмотрении дела, консистория не признала за девкою Пелагеею притворного юродства, но «точию случившееся ей по видимому разсудка помешательству диавольское мечтание». Но так как «вследствие такого диавольскаго мечтания, как она девка, так и простой народ весьма против первой заповеди Божией погрешили», то консистория, в предупреждение дальнейших соблазнов, постановила сослать Пелагею Афанасьеву в Феодоровский девичий монастырь на вечное жительство под начал какой-нибудь искусной монахине, дабы та монахиня «всячески разрушала легкомысленное мнение девки Пелагеи о мечтательных видениях». Всем крестьянам деревни Аксентьева велено было объявить, «чтобы никто из них слышанное от девки не принимал за истину и не разглашал бы; ежели же кто-нибудь впредь какия-нибудь такия безделицы уведал бы, доносил бы немедленно священнику». В Александровской слободе приказано было троекратно в торговые дни публиковать о том чрез две недели с обстоятельным изъяснением, что «оное бездельное разглашение не с каких

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 117.

Ср.: Распоряжение Святейшего Синода об обращении в церковную казну привесок на иконах, находящихся в церквах, и об употреблении оных привесок на построение церковных одежд и другие церковные потребности. 19 января 1722 года // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1872. — Т. 2. — № 364.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., № 85 и 100.

причин в означенной деревне произошло, точию от случившихся девке Пелагеи Афанасьевой диавольских мечтаний.[1]

В 1748 году жена посадского человека Домна Егорова объявила в Переславской духовной
с. 137 консистории:

> В то время, когда я была ещё в доме отца своего бобыля Св. Троицкия лавры, моя мать, умершая в прошлом году, приводила в дом какую то жёнку и называла её женою конюха Св. Троицкия лавры Василисою Прохоровою. Жёнка эта отвела мою мать в заднюю горницу, сняла с нея крест, положила на пол и сказала стать на этом кресте ногою и отречься от креста Христова и всего мира. Затем Василиса стала наговаривать над горшком с водою, который держала в руке, и, взяв у матери моей рубаху нечистую, в какой она с мужем спала, вымыла эту рубаху в наговоренной воде, вылила воду в скляницу и велела, по приезде в дом свёкра, положить ту воду в бочку с квасом, отчего все домашние будут ея любить.

Консистория распорядилась послать Домну Егорову в Троицкую лавру под караулом, просить собор Троицкой лавры забрать сведения, какие из конюховых жён называются Василисами, и сколько их окажется, забрать всех, не минуя ни одной, а Домне Егоровой велеть узнавать ту, которая была у её матери.[2]

Чем закончилось расследование, из консисторских документов не видно. Всё делопроизводство было передано в Троицкую лавру, в ведении которой находилась обвиняемая. Но если только преступление было доказано и личность преступницы установлена, о степени наказания можно судить по другому делу, тоже о волшебстве, не вполне, впрочем, аналогичному с данным.

В 1749 году в консисторском заключении томился слепец деревни Лисицына, Можайского
с. 138 уезда, крестьянин Яков Маркеллов по обвинению в том, что он производил «разные непотребные шепты и наговоры, а именно от любжи, от невстанихи, от ломоты, от залома и как свадьбы отпущать». Обвинение подтвердилось. Консистория, приняв во внимание, что Маркеллов своими наговорами и шептами православной вере противности никакой не оказывал и что от него суеверные бредни хотя и происходили, но только не с хулою имени Божия, нашла возможным смягчить ему наказание и определила

> учинить в консистории плетьми до 100 ударов и отослать в пристойный монастырь, где содержать его в соответствующих трудах через три года; класть ему по литургии каждый день по 50 поклонов; во всё время иметь за ним крепкое смотрение и ни с кем в тайные и явные разговоры не допускать; по окончании трёх лет, если всё будет исполнено по вышеозначенному, представить его паки в консисторию и обязать подпискою в неупотреблении нигде впредь таковых проступков под страхом смертной казни, о чём уведомить в своё время для соответствующаго наблюдения местнаго священника.[3]

Надо полагать, что если наказание за волшебство в смягчённом виде оказалось столь строгим, то оно действительно могло определиться смертною казнью в первом случае, когда волшебство соединено было с похулением имени Божия.[4]

В годичных докладах о суевериях обыкновенно сообщались и сведения о расколе,
с. 139 который считался одним из видов суеверия. Отношения к расколу епархиальной власти определялись, конечно, точно формулированными на этот счёт распоряжениями высшей гражданской и церковной власти. Лица, замеченные в уклонении из православия в раскол или в содержании потаённого раскола, были сыскиваемы, препровождаемы в консисторию и здесь допрашиваемы и увещеваемы.

Розыск и доставка в консисторию заподозренных в содержании потаённого раскола производились в счёт разыскиваемых. В 1748 году, когда пришлось доставить в Переславль крестьян деревни Чихилеева, Дмитровского уезда, обвиняемых в потаённом расколе, и когда не оказалось средств для доставки их, забрали вместе с ними двух лошадей, несколько книг и даже почему-то «штуку мышьяку». На всё время содержания сысканных в консистории

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1747 г., к № 77, л. 231.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 106.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1749 г., № 15.
[4] См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1890. — Т. 7. — № 2451.

одна лошадь была отдана ямщику, который привёз колодников, а другая консисторскому сторожу на прокорм и пользование, причём оба они были обнадёжены, что впоследствии им возвращены будут деньги, следуемые за корм лошадей, а извозчику кроме того и за провоз колодников.[1]

Пребывание сысканных под караулом в консистории продолжалось иногда довольно значительное время, даже иногда после того, когда увещеваемые изъявляли желание оставить раскол. В 1740 году крестьянин деревни Лебедева вотчины Святой Троицкой лавры Сергей Иванов, содержавшийся в консистории под строгим караулом по делу о расколе, *с. 140* вступил наконец с особым доношением, в котором, изъявляя своё желание раскол оставить, просил освободить его из-под консисторского караула и отослать для лучшего наставления в православной вере в какой угодно монастырь.[2]

В монастыри допрашиваемых и действительно отсылали в случаях длительности судебного процесса, но только — женщин, так как их считали неприличным долго держать при консистории под караулом. В таких случаях повелевалось настоятельнице монастыря содержать колодницу в крепких железах, «дабы из того монастыря утечка последовать не могла».[3]

Случаи такого бегства обвиняемых в расколе из-под консисторского караула действительно бывали. Например, в 1750 году консисторский солдат Семён Ушаков, отправившийся на торг для покупки хлеба, взял с собою раскольника колодника. Воспользовавшись тем, что Ушаков был пьян, колодник бежал. За такое упущение Ушакова велено было наказать в присутствии всех сторожей консистории «жестоко батоги».[4]

Если увещания не действовали, сысканного записывали в раскол, и он подвергался всем тем ограничениям, которые лежали тогда на раскольниках.

Относительно таких записанных в раскол епархиальная власть предписывала своим подчинённым органам только по крайней мере наблюдать, чтобы родившиеся от них дети, *с. 141* восприявшие православную веру, «в таковом же, якоже их родители богомерзком раскольничестве отнюдь не были».[5]

Вообще, судя по консисторскому архиву, дела о суевериях и расколах производились с особенною тщательностью, и привлечённые к допросу, если оказывались виновными, подвергались самым серьёзным взысканиям. В особенности это надобно сказать о тех случаях, когда виновными оказывались сами руководители народные — пастыри.

В 1746 году поп Космодамианской церкви города Вереи Пётр Ефимов донёс на своего товарища по службе, священника той же церкви Алексея Иванова, что тот совершал браки крестьян по солнцу и венчал их по старому требнику, по старому требнику крестил и некоторых младенцев. Когда Верейское духовное правление сообщило об этом в консисторию, консистория потребовала от духовного правления немедленного же расследования и ответа. Верейское духовное правление, которое вообще не отличалось поспешностью в исполнении консисторских распоряжений, на это предписание до 1748 года ничего не сообщало консистории, и только после строгого внушения с напоминанием Петровских указов прислало допросные акты. Позвали обвиняемого попа в Переславль, допросили и здесь и признали, что он совершил посолонное хождение на служениях по старому требнику умышленно, так как некоторые браки он венчал посолонно даже после доноса на него в 1746 году. — *с. 142* В консистории по разборе дела было постановлено:

> Отослать Алексея Иванова в Верейский духовный заказ, где при собрании всех градских и уездных священников и диаконов учинить ему нещадное плетьми наказание, не менее как до ста ударов. В священнослужение и исправление мирских треб не вступать ему через три года. Всех обвенчанных посолонь сыскать в Верейский заказ и здесь допросить, не имели ли они или родители их к оному попу прошения о венчании себя по солнцу, и буде имели, то чего ради. А потом, ежели за ними приличествующаго к содержанию раскола не окажется и вся раскольническия согласия ревностно проклинать будут, привести их к присяге.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 59 и 147.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1746 г., № 63.
[3] Архив Переславской духовной консистории. См., например, протоколы 1749 г., № 171.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1750 г., № 177.
[5] Там же, № 91.

Далее, — так как, по словам консистории, означенный поп, как обнаружилось на следствии, и раньше этого совершал браки посолонь, ещё со времени своего вступления на приход в 1741 году, только имена брачившихся не показаны, то консистория определила

> послать в означенный приход кого-нибудь из консисторских присутствующих или священника достойнаго по инструкции, по которой велеть ему обретающихся при Космодамианской церкви в приходе купцов чрез удобовозможный образ освидетельствовать, не имеет ли кто за собою какого-нибудь раскола, и буде ничего за ними к содержанию раскола не окажется, оных при том же привести также в соборной церкви к присяге.

В заключение консистория постановила разослать известия обо всём этом во все духовные
с. 143 правления епархии для сведения священнослужителям и напомнить, дабы все брачующиеся пред браком исповедались в своих приходских церквах и приобщались Святых Таин.[1]

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1748 г., № 30 и л. 148.

Часть II

Переславская епархия при епископе Амвросии Зертис-Каменском (1758—1761 г.)

Глава 1

Краткая биография епископа Амвросия Зертис-Каменского. — Его первый указ по вступлении на кафедру. — Роль в епархиальном управлении лиц монашествующих.

Краткая биография епископа Амвросия Зертис-Каменского. Епископ Амвросий Зертис-Каменский, как и Арсений Могилянский, принадлежал к числу видных архипастырей русской иерархии и пользовался, как и Арсений, большим расположением Императрицы Елизаветы Петровны. *с. 144*

Амвросий Зертис-Каменский был сын молдаванина, переселившегося в Малороссию и служившего при малороссийском гетмане переводчиком; в мире носил имя Андрей Степанович. Оставшись сиротою, он перешёл на попечение своего дяди по матери иеромонаха Киево-Печерской лавры Владимира Каменского, от которого и принял вторую фамилию. Первоначальное образование получил в Киевской академии, а затем продолжал его у иезуитов в Львове и закончил в 1733 году в Московской славяно-греко-латинской академии в Москве. *с. 145* В 1738 году Амвросий принял монашество в Петербурге, куда взял его ректор академии Стефан Калиновский, и был преподавателем, а потом и префектом Александро-Невской духовной семинарии. В 1748 году назначен архимандритом Воскресенского Новоиерусалимского монастыря, в видах восстановления запущенных зданий обители, а в 1753 году последовало назначение его епископом Вологодским. Но Амвросий, имея в виду строительные нужды монастыря, просил себе епархию вблизи Нового Иерусалима. Тогда епископа Переславского Серапиона перевели в Вологду, а Амвросия 29 октября определили в Переславль, причём, состоя епископом Переславским, он считался вместе с тем и настоятелем Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. В 1761 году Амвросий переведён в Крутицы и 7 октября возведён в сан архиепископа. 18 января 1768 года сделан архиепископом Московским, а 16 сентября 1771 года убит в Москве чернью во время чумы.

Объяснений этой суровой расправы паствы со своим архипастырем существует несколько. Более вероятным представляется то, что он пал жертвою своего старания не допускать опасных в заразное время скопищ народа и намеревался укрыть чудотворный образ Боголюбской иконы Божией Матери. Из разных памятников того времени известно, что с наступлением в Москве чумы в народе распространился суеверный слух, будто бы в сновидении кому-то было открыто, «Москва де наказывается мором за то, что пред образом Божия Матери, именуемой Боголюбския, при Варварских воротах, никто никогда не пел молебнов и свечей *с. 146* не ставил». Народ устремился к образу и начал петь молебны; приходское духовенство от своих церквей выходило с аналоями и отправляло пред образом молебные пения. Чтобы прекратить сборище народа, способствовавшее распространению мора, преосвященный Амвросий первоначально хотел образ Божией Матери снять с ворот; но затем, по совету отставного генерала П. Д. Еропкина, принявшего на себя охрану порядка в Москве, оставил образ на прежнем месте, а для сохранения жертвуемых в кружки, поставленные при образе, денег велел только те кружки запечатать консисторскою печатью. Консисторский повытчик Степанов с шестью солдатами и одним унтер-офицером, данными от г. Еропкина, 15 сентября вечером прибыли на место. Когда стали прикладывать печати к кружкам, некоторые из народа бросились бить солдат и Степанова. В Москве же между тем распространился слух, что грабят икону у Варварских ворот. При церквах ударили в набат: народ с разными орудиями побежал к воротам. Услыхав о народном мятеже, преосвященный Амвросий поехал из Чудова монастыря в Донской, куда и прибыл в 10 часов вечера. В то время

мятежники, недовольные распоряжениями архиепископа Амвросия, от Варварских ворот устремились к Чудову монастырю и разграбили архиерейские покои и погреб в монастыре с винами и другими напитками, отдаваемый на откуп для хранения тех напитков. Грабёж в монастыре продолжался целую ночь. Злоба на преосвященного Амвросия в душах мятеж-
с. 147 ников не утихла и на другой день. Очевидно, она подогревалась недовольством на Владыку со стороны некоторых отдельных лиц, ставших жертвою строгих распоряжений архиепископа Амвросия, изданных по вступлении его на Московскую кафедру в целях поднятия религиозно-нравственного уровня московского духовенства. 16-го сентября утром мятежники стали отыскивать преосвященного сперва в Даниловом монастыре, где разбили карантин и больницу, а оттуда направились в Донской монастырь. Преосвященный Амвросий, узнав утром чрез посланного служителя о разграблении Чудова монастыря, послал письмо с известием об этом к г. Еропкину, причём просил билета на выезд из Москвы, имея в виду укрыться от мятежников в Воскресенском монастыре. Еропкин прислал офицера, который посоветовал преосвященному переодеться, а сам поехал в условленное на пути место, чтобы там дождаться Амвросия и проводить его за Москву. Между тем во время сборов преосвященного толпа мятежников из Данилова монастыря успела прибыть в Донской, разломала ворота и стала везде разыскивать архиепископа Амвросия. Преосвященный удалился в соборную церковь, где шла в то время поздняя обедня, исповедался, приобщился Святых Таин у служащего там литургию иеромонаха и скрылся за иконостасом на хорах. Мятежники вторглись в алтарь, везде обыскали его и, наконец, по указанию находившегося между ними малолетка, нашли преосвященного на хорах, схватили его, вывели за монастырские ворота и там лишили жизни «самым тиранским и бесчеловечным образом», как говорится в журнале Московской
с. 148 консистории, составленном по случаю несчастной кончины архиепископа Амвросия. Тело архиепископа Амвросия найдено лежащим близ того же Донского монастыря «без всякого пристойного облачения, в простом мужичьем сером кафтане, ругательно поверженное». На воротах Чудова монастыря кто-то из духовенства с злорадством написал: «и память его погибе с шумом».

Избитое и окровавленное тело Амвросия лежало у Донского монастыря целый день и ночь. Только 17 числа, по распоряжению Московской Синодальной Конторы, при посредстве полицейской команды, оно поднято было с места и внесено в церковь, где и оставалось до времени прибытия из Санкт-Петербурга графа Орлова, присланного для борьбы с моровой язвой и водворения порядка в Москве. По приказанию графа Орлова, тело преосвященного погребено в Донском монастыре в трапезной церкви 4 октября, где ему воздвигнут на клиросе великолепный памятник. В Даниловом монастыре сохранился портрет, писанный масляными красками в конце XVIII столетия и изображающий убитого Владыку лежащим во гробу.

Мятежники преданы были суду и строго наказаны. Изобличённых в убийстве преосвященного Амвросия оказалось двое: дворовый человек г. Раевского Василий Андреев и московский купец Иван Дмитриев. Оба они повешены на том месте, где был убит Амвросий. Впрочем, в приговоре Комиссии над виновными и соучастниками в Москве мятежа сказано, что «главнейшие из них сами в своём остервенении и злодейству своему и жизни
с. 149 конец прияли». Но кто они были и каким способом «конец жизни прияли», этого приговор не говорит.[1]

Так страдальчески скончался один из ревностных архипастырей Москвы, святительская деятельность которого начата была на Переславской кафедре.

Екатерина II отзывалась об Амвросии, как о человеке «умном и заслуженном». Как знаток древних языков, архиепископ Амвросий занимался переводами святоотеческих писаний и священных книг. Из его переводов изданы:

- «Псалтирь в новом славянском переводе», первое издание в 1809 г., второе — М., 1878 г.;
- «Послания Святого Игнатия, епископа Антиохийского», М., 1772 г.;
- «Святого Кирилла, епископа Иерусалимского, огласительные поучения», М., 1772 г.;

[1] О кончине архиепископа Амвросия см.: *Розанов, Н.* История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода / Н. Розанов. — М.: Типография «Русских ведомостей», 1870. — Т. 2, книга 2. — С. 82—87.

- «Богословие или изложение православной веры» святого Иоанна Дамаскина, М., 1765—1781 гг.;
- с латинского — «Рассуждение против атеистов и натуралистов» Гуго Гроция, М., 1765 г.

Кроме того, архиепископ Амвросий составил «Службу святому митрополиту Димитрию Ростовскому», которая прежде была помещена и в печатных минеях, но потом оставлена. Напечатаны также два его письма, одно — о церковных имуществах в «Дне» 1865 года. — Биографические сведения об архиепископе Амвросии сохранились в книге Д. Бантыш-Каменского: «Жизнь преосвященного Амвросия, архиепископа Московского и Калужского», М., 1813 год. Здесь же помещён и портрет преосвященного.[1]

Его первый указ по вступлении на кафедру. Как видим, и на этот раз Переславская *с. 150* епархия получила одного из просвещённых и деятельных иерархов своего времени, который, как и его предшественник архиепископ Арсений, закончил свою жизнь на одной из столичных кафедр. К сожалению, и этот иерарх не мог отдать всего себя Переславлю, так как Воскресенский монастырь, настоятелем которого он остался и по рукоположении в сан епископа, отнимал у него значительную часть времени и сил и заставил его сразу же по вступлении на кафедру Переславскую предпринять несколько административных реформ, благодаря которым Переславль оказался в положении города, лишённого на время епископской кафедры.

20 декабря 1753 года епископом Амвросием подписан был указ, вносивший в Переславское епархиальное управление значительные изменения.

> По имянному Ея Императорскаго Величества Высочайшему за собственноручным Ея Императорскаго Величества подписанием минувшаго октября 29 числа сего 1753 года состоявшемуся о произведении нас в настоящую нашу Переславскую епархию во епископа Всемилостивейшему указу повелено нам в ставропигиальном Воскресенском монастыре, Новый Иерусалим именуемом, быть архимандритом по прежнему, в силу котораго во оном Воскресенском монастыре для происходящаго в нём, по имянному же Ея Императорскаго Величества Высочайшему указу, *с. 151* церковнаго здания безотлучное нам надлежит иметь и пребывание. А дабы и по оной нашей епархии как духовныя и государственныя, так и прочия, кои мы ведать, наблюдать и самоперсонально разсматривать по должности обязаны, удобнее и благопоспешнее течение своё дела имели, того ради о духовной нашей консистории и о прочем надлежащем от нас следующее определяется:
>
> 1) Оной консистории быть в помянутом Воскресенском, а в Переславле в Катедральном монастырях — конторе; потому что оной Воскресенский монастырь, как положением своим в самой средине тоя состоит, так и разстоянием ко всем епархии нашея городам перед Переславлем поближе обретается; да и речённой консистории во всяких по оным городам случающихся делах надлежащее исправление, а челобитчикам без дальних справок и излишних переписок способнее и скорейшее удовольствие своё иметь можно; в которыя учреждённыя оба места о делах государственных интересных и судных челобитныя с надлежащим указным титулом, а о здании и посвящении церквей, також и о хиротонисании священнослужителей и других сему подобных по обычаю прочих епархий на имя наше писать прошении и доношении с рукоприкладыванием на ставленнических для засвидетельствования своих десятоначальников, закащиков и духовных правителей.

---

[1] Кроме этой книги об архиепископе Амвросии см.:

Сборник императорского Русского исторического общества. — СПб.: Типография Императорской академии наук, 1874. — Т. 13. — С. 173—176.

Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы / Филарет (Гумилевский). — 2, дополненное изд. — Чернигов: Типография Ильинского монастыря, 1863. — Т. 2. — С. 83—84.

Амвросий, архиепископ Московский и Калужский // *Православный собеседник*. — 1865. — Т. 3.

Венгеров, С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и учёных / С. А. Венгеров. — СПб.: Семёновская типо-литография, 1889. — Т. 1.

Титов, А. А. Горицкий монастырь и два иерарха русской церкви XVIII столетия / А. А. Титов // *Исторический вестник*. — 1887. — Январь. — Т. 27. — С. 127—143.

Православная богословская энциклопедия / Под редакцией А. П. Лопухина. — Пг.: Типография А. П. Лопухина, 1900. — Т. 1. — С. 588—590.

Новый энциклопедический словарь. — СПб.: Типография АО «Брокгауз—Ефрон», 1911. — Т. 2. — С. 332—333.

2) Присутствие иметь в консистории пустынно-лукиановскаго монастыря игумену Боголепу
с. 152 да экзаменатору Осиповскому наместнику Илариону; в конторе — катедральному правителю — Никитскому Нифонту и с ним Переславским игуменам Никольскому Иакову, Борисоглебскому Никанору, а для исправнейшей экспедиции текущих дел при консисторских заседателях быть секретарю Гавриилу Сокольскому с пристойным числом канцелярских служителей, а при конторских и домовотчинных консисторскому канцеляристу Николаю Васильеву, да из подканцеляристов и копиистов без излишества; и иметь им всем содержание и довольствие духовным от своих монастырей, каждому по препорции своего сана, а светским по окладам определённаго от нас жалованья, не отягощавая отнюдь челобитчиков, — которым, сие наше объявив определение, привесть их по надлежащему к присяге.

3) Имеющияся ныне в Переславской конторе указныя и окладных сборов книги, о разных исполнениях указы, синодальныя определении, табелям формы, консисторскую печать, протоколы, разныя ведомости, приходныя и расходныя книги, також казённыя деньги, счётныя выписки и прочия следственныя и челобитныя, решённыя и нерешённыя дела, разобрав порознь по годам, с надлежащею описью, и убрав все то с прочими надобностями в сундуки, с обретающимися при тех делах приказными служительми, с солдатами и с розсыльщики и с лучшими сторожами, перевезть в речённой Воскресенский монастырь на катедральных и прочих тамошних монастырей подводах в показанныя на то келлии; а для сочинения по оной конторе указных
с. 153 ведомостей и прочих исполнений оставить в ней с чего подлежит точныя копии.

4) А дабы и во всех находящихся по епархии нашей духовных правлениях порядочное и благопоспешное в делах могло происходить течение, и потом как подобающее церковное благочиние, так и над причтом церковным благонадёжное смотрение, то подлежит учредить, ежели где нет, по всем десятинам десятоначальников и закащиков, а по городам духовных правителей, которых ведать и с ними дела обще править тех городов монастырским настоятелям, чего для и Гжатскому духовному правлению быть отселе в смотрении Можайскаго Колоцкаго игумена, где же из монастырских настоятелей тех правлений поручить отнюдь некому, тамо определить из священническаго чина закащиков достойных, дав им на основании духовных и гражданских указов инструкцию.

По сему определению как в помянутую Переславскую контору, во все духовныя правления и к монастырским настоятелям, так и куда надлежит, отправить консистории нашей указы.

Смиренный Амвросий Епископ Переславский и Дмитровский и Архимандрит Воскресенский Новоиерусалимский.[1]

Роль в епархиальном управлении лиц монашествующих. Таким образом, на основании этого указа Переславская консистория теряла своё прежнее значение высшей епархиальной инстанции и обращалась официально — в контору, а фактически в одно из духовных
с. 154 правлений. В указе бросается в глаза ещё одна черта — стремление епископа Амвросия поставить во главе епархиального управления лиц монашествующих. Вследствие этого в Переславской конторе лишился присутствия протопоп Василий Феодоров и был заменён Борисоглебским игуменом Никанором. Во главе духовных правлений везде должны были стать лица монашествующие, коим поручено было «ведать» духовных правителей из белого духовенства, тогда как раньше, как мы видели, в состав духовных правлений в звании управителей монашествующие входили не везде, и этот административный пост занимал нередко управитель из белого духовенства.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 109.

Глава 2

Епархиальное управление. Потеря Переславлем прежнего значения. — Духовная консистория. — Члены консистории. — Секретари. — Архив. — Контора Его Преосвященства. — Переславская катедральная контора. — Непорядки и продерзости её. — Казённый приказ. — Духовные правления. — Явка священно-церковнослужителей по вызовам в правления. — Ослушание духовных правлений и взыскания с них. — Состав духовных правлений. — Закащики. — Административное подразделение епархии. — Поповские старосты.

Епархиальное управление. Потеря Переславлем прежнего значения. Указ от 20 декабря 1753 года, как отмечено было выше, вносил существенный изменения в порядок епархиального управления. Переславль терял своё прежнее значение центра епархиальной жизни и обращался в одну из периферий, несколько, впрочем, возвышающуюся по значению над остальными. Место Горицкого монастыря заняла обитель, не входившая доселе в состав Переславской епархии, Воскресенская или Новый Иерусалим, в которой и помещена была *с. 155*
Переславская духовная консистория.

Духовная консистория. Члены консистории. Присутствие в консистории повелено было иметь игумену Лукиановой пустыни Боголепу, наместнику и экзаменатору Иосифовского монастыря иеромонаху Илариону и (несколько позже) иеродиакону Воскресенского монастыря Адриану. При исполнении секретарской должности пока был оставлен прежний секретарь Гавриил Сокольский.

К июню 1754 года экзаменатор Иларион «для многих благословных вин» оставлен был в Иосифове монастыре «на череде». Иеродиакон Адриан во время отлучек епископа Амвросия в Москву и поездок по епархии состоял присутствующим в конторе Его Преосвященства. Оставался у дел, таким образом, один игумен Лукиановский Боголеп. Обременённый тяжестью епархиальных дел, он обратился, наконец, с просьбою к епископу Амвросию о назначении какого-нибудь нового члена для присутствования в консистории. В ответ на это епископ Амвросий затребовал от консистории сведений относительно пригодных кандидатов, после чего началась продолжительная переписка, давшая материал для обширного дела. Из хода этого дела обнаружилось, что присутствование в консистории не только не рассматривалось настоятелями монастырей как искомая, желательная привилегия, а наоборот, трактовалось как тяжёлая повинность. Наиболее тяготил кандидатов в члены консистории вопрос о материальном содержании таких членов в период присутствования их в консистории, вдали от своего монастыря.

С утверждения епископа Амвросия консистория положила обратиться с запросом к настоя- *с. 156*
телям всех епархиальных монастырей, с тем, чтобы они, во-первых, указали желательных кандидатов для присутствования в консистории и, во вторых, определили «кошт их содержания, дабы одним пред другими отягощения не было». Через некоторое время в Переславской духовной консистории получены были самые разнообразные ответы. Архимандрит Иосифова монастыря Пахомий указывал на настоятеля Дмитровского Борисоглебского монастыря Павла, которому, по его мнению, «подлежательно быть присутствующим, не приемля от него в резон, хотя бы он и представлял, что прежде сего разными епаршескими послушаниями одолжен был, понеже в оном том Борисоглебском монастыре находится ещё до учреждения

Переславской епархии с 1740 года, чему уже 14 лет минуло, и через такое немалое время по монастырю экономию упорядочить и отдохновение от трудов иметь архимандриту удобно было можно». Вторым кандидатом Пахомий указал игумена Боголепа «за неимением ему по той пустыни крайней нужды, ибо оная пустынь строением во всякой исправности находится, а дел по той пустыни, как безвотчинной, никаких нет, без которых по его к делам привычке в той пустыни живучи будет ему не без скуки». Касаясь вопроса о коште, архимандрит Пахомий предлагал со всех вотчинных монастырских крестьян собирать с каждой души по 1,25 коп., что при 23 978 душ даст в год 299 р. 72 коп.

с. 157 Настоятель Переславского Николаевского монастыря игумен Иаков Певницкий,[1] витийственно перемешивая греческие слова с русскими, писал:

> Первое, долженствует чрез промемории взять ведение из прочих епархиев древних, какое определение и на каком коште или жаловании судящии и присутствующии содержатся, и тако будет нам парадигм добр на сие. Второе, надлежит в кандидаты — сии всечестнии и благоразумнии софологиотати отцы архимандриты: первый — полимафестатос и софологиотатос Лужецкаго монастыря архимандрит Панкратий; вторый — яко благоразумный и благосмышленный полилогос Волоколамскаго Осиповскаго монастыря архимандрит Пахомий. Понеже по достоинству, и по близкости, и по многокрестьянству, по мнению моему, суть достойнии.[2]

Неизвестно почему, но предпринятый консисторией по инициативе игумена Боголепа опрос монастырских настоятелей остался без результата. Третий член консистории в 1754 году не был назначен. В мае месяце 1755 года как игумен Боголеп, так и иеродиакон Адриан совсем отрешены были от присутствования в консистории по делу об описных книгах Лукиановой пустыни, не представленных епископу Амвросию по его требованию. Начатое по этому поводу следствие[3] обнаружило погрешности Боголепа как по управлению Лукиановой пустынью, так и по ведению консисторских тел. Резолюциею епископа Амвросия *с. 158* игумен Боголеп переведён был на иеромонашескую вакансию в Воскресенский монастырь, а консисторские подьячие подверглись жестокому плетьми наказанию, дабы, по словам епископа Амвросия, «могли узнать, что искусство приказнаго состоит не в ябедах и подлогах, а в изыскании настоящей истины».[4]

Присутствие в консистории с мая получил Колоцкий игумен Гермоген, но ненадолго. Вообще, по удалении игумена Боголепа мы видим постоянную перемену присутствующих в консистории, сменявших через самый короткий промежуток времени один другого. С ноября 1755 года присутствующим консистории подписывался под бумагами протопоп Переславского Преображенского собора Иоанн Иоаннов, с февраля 1756 года — архимандрит Дмитровского Борисоглебского монастыря Павел; с начала 1757 года — архимандрит Иосифова монастыря Пахомий; в августе — Дмитровский архимандрит Иакинф; в сентябре — Адриан, Лужецкий архимандрит; с апреля 1758 года — архимандрит Дмитровского Борисоглебского монастыря Нифонт (Червинский); с июля того же года — к нему присоединён Адриан Лужецкий; 17 ноября 1759 года, по распоряжению епископа Амвросия, вызван был для присутствия в консистории срочно опять архимандрит Дмитровского Борисоглебского монастыря Нифонт;[5] в начале 1760 года в подписях протоколов видим опять имя Адриана, которого по отказе *с. 159* сменил Колоцкий игумен Марк;[6] с 17 сентября 1760 года снова вызван был для присутствия в консистории Лужецкий архимандрит Адриан.[7]

При всех этих сменах присутствовал в консистории, решал консисторские дела большею частью только один член, который и подписывался под текущим делопроизводством. Очевидно, в такой форме нашёл для себя разрешение вопрос об уравнении настоятелей монастырских в отношении отягощавшей их консисторской повинности. С другой стороны, кроме этого обстоятельства, постоянная смена присутствовавших в консистории отчасти может быть объяснена частыми перемещениями самих настоятелей монастырей, какое мы наблюдаем в период управления Переславской епархией епископа Амвросия.

---

[1] Игумен Иаков произведён был во игумена Николаевского Переславского монастыря 11 февраля 1733 года.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1752 г., по описи № 2, дело № 20.

[3] О нём более подробно сказано будет ниже, с. 150.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 44 и 55.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 866.

[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 309.

[7] Там же, № 454.

Секретари. Исполнение секретарской должности в Переславской консистории поручено было с 1754 года, по распоряжению епископа Амвросия, двум секретарям. «Для исправнейшего отправления текущих дел по епархии» она разделена была по уездам на две равные части. Гавриилу Сокольскому поручены были город Переславль, Верея, Можайск с уездами, Троицкая Нерльская десятина и монастыри: Данилов, Никольский, Борисоглебский на Песках, Феодоровский девичий, Солбинская пустынь, Верейский Спасский, Можайский Лужецкий и Колоцкий. Новоприсланному из Синода секретарю Аполлосу Наумову — Дмитровск, Волоколамск, Руза, Гжатская пристань, Александрослободская десятина и монастыри Никитский, Борисоглебский на Горе, Лукианова и Введенская пустыни, Александровский Успенский монастырь, Дмитровский Борисоглебский, Волоколамский Иосифов и Возмицкий. *с. 160*
В экспедиции же Наумова повелено было быть приказному столу, «где чинилось исполнение в силу присылаемых из разных мест указов и промемориий».

Приведённая комбинация распределения епаршеских дел между двумя секретарями обусловливалась не столько обширностью епархиального делопроизводства, сколько желанием епископа Амвросия устроить и прежнего секретаря, который с назначением нового Аполлоса Наумова должен был остаться не у дел. Поэтому в июне 1758 года, когда Гавриил Сокольский уволен был в Тамбовскую епархию, Аполлос Наумов стал исправлять секретарскую должность один и оставался в Переславской епархии до половины июня 1761 года, когда с уходом епископа Амвросия в Крутицы переведён был на секретарскую должность в Крутицкую епархию. На место его в Переславле определён был секретарём в июне месяце того же года Николай Васильев.[1]

Жалованья секретарь консистории получал по 50 рублей в год из неокладных консисторских доходов и по 50 четвертей хлеба от архиерейской кафедры. Кроме сего, А. Наумову столько же выдавалось от Воскресенского монастыря за исправление вотчинных монастырских дел. Когда секретарь остался один, содержание его соответственно этому увеличилось вдвое.[2]

Средства, необходимые для покрытия канцелярских расходов консистории, по отоплению зданий, по содержанию рассыльных, собирались по-прежнему с священно-церковнослужи- *с. 161*
телей по числу приходских дворов, считая по две четверти со двора. Но сбор этот поступал в высшей степени «косно». Например, в конце октября 1760 года, несмотря на многократные указы, разосланные по епархии, консистория не получала ещё «ни откуда» денег, следуемых ей на 1760 год.[3]

На покрытие консисторских расходов шёл далее пятикопеечный сбор с поступавших в консисторию донесений и прошений[4] и так называемый «алтынный сбор» с венечных памятей. «Алтынный сбор» до 1754 года поступал в пользу поповских старост, взимавших при отпусках венечных памятей, сверх положенных пошлинных и лазаретных денег, по три копейки с каждой памяти на отвоз собираемой ими казны. В 1754 году епископ Амвросий распорядился передавать «алтынный сбор» на консисторский расход. Консистория им пользовалась до 1762 года включительно. Максимальная сумма годового поступления по этому сбору равнялась 159 р. 42 к. Но поповские старосты, лишившись заработка, стали вознаграждать себя новыми поборами с брачующихся, и «народу во взятках от венечных памятей чинились несносныя преобидения», как говорил в одном из указов епископ Сильвестр, преемник Амвросия. На этом основании с 1768 года «алтынный сбор» снова передан был поповским старостам.[5]

Архив. Со вступлением епископа Амвросия на Переславскую кафедру, при Переславской *с. 162*
духовной консистории учреждён был «особливый архив», тогда как доселе решённые дела хранились по всем повытьям в разных местах. Для хранения архивных дел определён был

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1761 г., по описи № 2, дело № 27.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 390, 391-2 и 399.
[2] Там же.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 565. В 1701 году сбор этот дал 363 р. 41 к.
[4] Цифра этого пятикопеечного сбора в разные годы была неодинакова; но в общем — небольшая. Максимум такого сбора, по показаниям консистории, не превышал суммы, поступившей в 1760 году, — а она равнялась всего 13 р. 25 к. (Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 8.)
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 738.

из канцеляристов особый архивариус Алексей Андреев.[1] В новоустроенный архив переданы были и дела Переславской консистории, хранившиеся в Горицком монастыре, — к сожалению только, не все. Пожаром, случившимся в Горицах в конце 1753 года, некоторые из дел были уничтожены, а другие «в торопости побраны, замараны и местами погорели». За отсутствием описей впоследствии не было возможности даже определить, какие из дел сгорели.[2]

Контора Его Преосвященства. Консистория, находившаяся в Воскресенском монастыре, действовала под наблюдением и руководством епископа Амвросия. В случаях отлучек из монастыря преосвященного Амвросия для ревизии епархии, или для поездок в Москву
с. 163 и другие города, он сносился с консисторией при посредстве домовой конторы. Контора эта была учреждена в силу особого распоряжения епископа Амвросия от 12 мая 1754 года. В указе говорилось:

> Определяется для таковых отлучек наших и в таковыя времена, чтобы впредь отныне была при нас домовая контора, в которой для исправления дел и подписывания отправляемых в консисторию и в другия места указов присутствие иметь обретающемуся при нас Воскресенскаго Новоиерусалимскаго монастыря иеродиакону Адриану. А когда пребывание наше будет во оном монастыре, тогда оному иеродиакону Адриану присутствовать во означенной Переславской духовной консистории и те производимыя в конторе дела отдавать и по ним, ежели по которому чего будет не окончано, указное произвождение чинить помянутой консистории, дабы оное делам произвождение было единственно, а не в разных местах. Особливо же оному иеродиакону Адриану надсмотрение иметь и по ставленническим делам, чтоб оныя производимы были по справедливости, надлежащим порядком и без продолжения излишняго времени.[3]

Как можно видеть из цитированного, домовая контора Его Преосвященства функционировала только в период отлучек из монастыря епископа Амвросия, являлась посредствующей инстанцией между владыкой и консисторией и прекращала свою деятельность с приездом Амвросия в монастырь, как бы сливаясь тогда с консисторией.

с. 164 **Переславская кафедральная контора.** С перенесением консистории в Воскресенский монастырь, в Переславле, согласно указу епископа Амвросия, учреждалась Переславская контора, с теми же правами и полномочиями в пределах известной территории, какие принадлежали Переславской консистории, но, вследствие отдалённости от епархиального архиерея, на практике занявшая положение гораздо более скромное. Ей подчинены были по всем делам Переславская градская и уездная десятины[4] и округ, который ведало раньше Александровское духовное правление. Присутствие в конторе указом от 20 декабря 1753 года предписано было иметь Никитскому архимандриту Нифонту и с ним переславским игуменам — Никольскому Иакову Певницкому и Борисоглебскому Никанору. Исправление секретарской должности при консисторских заседаниях поручено было канцеляристу Николаю Васильеву (впоследствии — с 1761 года — сделавшемуся секретарём консистории).

Первоприсутствующий конторы архимандрит Нифонт, кроме сего, получил особые полномочия. Резолюциями от 28 ноября 1753 года и 17 февраля 1754 года он назначен был правителем над всеми вотчинными служителями и монастырским строением в кафедральном Горицком и Даниловом монастырях, а также и над семинариею. Этим определялось и то особое положение, которое он должен был занять в Переславской конторе. — Но архимандрит Нифонт не оправдал возлагавшихся на него надежд. Да и вообще Переславская

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 66.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 9 и 15.

Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 31.

Вследствие этого пожара, уничтожившего немало собственноручных распоряжений епархиальных владык, некоторые стороны епархиального управления в период времени с 1744—1753 год не могут быть выяснены с желательною полнотой. Когда в 60-х годах XVIII столетия от Переславской консистории затребованы были Святейшим Синодом некоторые справки статистического характера, касавшиеся епархиальных сборов со времени учреждения епархии, Переславская консистория по многим пунктам не могла дать точного ответа и в оправдание ссылалась на пожар 1753 года, уничтоживший немало консисторских дел. (Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 8.)

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 58.

[4] См. выше, с. 17.

контора своею деятельностью в первые годы своего существования, по неопытности ли исправлявшего секретарскую должность, вследствие ли небрежения заседавших в ней членов, *с. 165* или, может быть, вследствие неопределённости положения, которое она заняла в общем строе епархиального управления, вызывала сильные прещения со стороны своего ближайшего начальника.

Непорядки и продерзости её. Прежде всего, в начале 1754 года Переславская контора уволила согласно прошению за старостью и слепотою от игуменства в Вознесенском девичьем монастыре (в Переславле-Залесском) игумению Велагрию и на место её назначила монахиню Проклу, о чём особым доношением от 7 марта 1754 года и сообщила преосвященному Амвросию. Епископ Амвросий на доношении положил резолюцию:

> Записав, послать в контору с репремантом запрещение, чтобы оная контора впредь ни под какими виды в производство в таковые чины отнюдь не мешалась под опасением штрафа, ибо сие собственно до нас надлежит. По этому и архимандритов следовало б иметь им производить.[1]

В июне месяце 1754 года (около 16 числа) преосвященный Амвросий посетил Переславль. В силу распоряжения, данного из Нового Иерусалима, в Переславле устроена была владыке подобающая торжественная встреча. Настоятели всех переславских монастырей приветствовали его при катедральной пустоши Собилке. В назначенное время ими послано было 200 лучших монастырских лошадей, которых распределили на двух станциях — при Троице-Сергиевой лавре и Лукиановой пустыни. В Троице-Сергиеву лавру послано было, *с. 166* кроме того, «в добром платье» 12 лучших служителей.[2] Владыка оставался в Переславле до августа месяца и успел довольно основательно ознакомиться со своим епархиальным городом и теми лицами, которых поставил в Переславле во главе духовного управления. Уехал владыка отсюда неудовлетворённым и недовольным. В одном из последующих его указов нарисована довольно неприглядная картина тех порядков, которые владыка застал в кафедральном доме.

> Во время присутствия Его Преосвященства в катедральном Горицком монастыре усмотрено, что оный архимандрит Нифонт ещё до прибытия Его Преосвященства находился и ныне находится в болезни,[3] за которою болезнью не точию никакого смотрения во оных монастырях иметь он не может, но и из того Никитскаго монастыря не выезжает, и за таковым несмотрением в строении Его Преосвященство самоперсонально усмотреть изволил крайния неисправности, и чрез немало прошедшее время после отбытия Его Преосвященства из Переславля в августе месяце в ставропигиальный Воскресенский монастырь немалым числом мастеровых и рабочих людей построено весьма недовольно; к томуж и в расходе катедральной суммы оказались крайние непорядки...

В октябре месяце 1754 года Нифонт отставлен был от возложенного на него ответственного дела и на его место определён игумен Никольского, что на Болоте, монастыря Иаков Певницкий, который стал именоваться «наместником катедрального Горицкого монастыря», оставаясь в то же время игуменом Никольским, «понеже, — как говорилось в указе, — по честности жития его и всегдашней трезвости уповательно он игумен в правлении исправиться может».[4] *с. 167*

После такого назначения игумен Иаков занял, конечно, и первое место в Переславской конторе. Впрочем, некоторое время по отъезде епископа Амвросия из Переславля присутствие в конторе имел иеродиакон Воскресенского монастыря Адриан, который, как известно, назначен был присутствующим в домовой конторе Его Преосвященства. Иеродиакона Адриана оставили в Переславле, имея в виду, вероятно, упорядочить течение конторских дел.

Злоключения Никитского архимандрита Нифонта не ограничились, однако, одним лишением возложенных на него почётных полномочий. Вскоре возникло дело «о плутнях

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 20.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 70.

В последующие годы владыка посещал Переславль неоднократно, как для служения в торжественные царские дни, так и в особенности для наблюдения за ходом строительных работ, производившихся в Горицком монастыре.

[3] Слово «болезнь» здесь, очевидно, технический термин; более подробно об этом будет ниже, с. 99.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 13.

и воровстве» заведывающего рыбными ловлями в Переславских архиерейских вотчинах иеродиакона Савватия, который воровски писал «щурёнки» в число щук и по нерачению которого много рыбы уснуло. По представлению конторы, епископ Амвросий велел взыскать с архимандрита Нифонта «за несмотрение» 20 руб., а с исправляющего секретарскую должность Николая Васильева за то, что он репортов об уловной рыбе не требовал, 10 руб.[1]

с. 168 В 1758 году Переславская контора и её первоприсутствующий наместник катедрального монастыря обличены были снова «в нерачительном и продерзостном» отношении к порученному им делу.

В 1757 году, в декабре месяце, для отправления торжества о высоком рождении Великой Княжны Анны Петровны епископ Амвросий прибыл в г. Переславль и здесь не нашёл ключаря собора священника Иоакима, отправившегося по зимнему пути в объезд своего благочиния. Епископ Амвросий усмотрел в таком поступке ключаря прямое нарушение своих распоряжений, основанных на требованиях Духовного Регламента, по которым епископам предписывалось объезжать приходы своей епархии летом, «во время... угоднейшее к посещению, нежели зимнее».[2] Ключарь Иоаким был сыскан на его коште, от ключарства отрешён, из катедрального клира выключен и отправлен под караулом в контору для подробного расследования дела. Когда при отъезде владыки из Переславля наместник Горицкого монастыря, присутствовавший в конторе Никитский архимандрит Каллистрат осведомился у владыки о дальнейшей судьбе ключаря, Амвросий ответил: «пускай без места и богослужения побьётся, научится — как-то зимою да ещё пред праздником для наживки под образом благочиния попов объезжать». Между тем контора не выполнила распоряжений Амвросия и даже допустила в отношении к Иоакиму значительные послабления. Несмотря *с. 169* на отрешение Иоакима владыкою от священнослужения и на то, что двухлетний срок его епитрахильной грамоты истёк, а грамота не была возобновлена, контора дозволила ему священнослужение. Когда епископ Амвросий прибыл в Переславль в следующий раз, он увидал Иоакима даже сослужащим ему в церкви Всех Святых. Тогда Амвросий повелел передать дело об отрешённом ключаре из Переславской конторы в консисторию, где оно и подверглось самому тщательному обследованию. Консистория по окончании следствия вынесла суровый приговор. Иоакима предполагалось наказать плетьми и отослать, яко вдового, в Лукианову пустынь в монастырские труды, Никитского настоятеля и катедрального наместника архимандрита Каллистрата оштрафовать 20 руб., других присутствующих каждого по 10 руб., регистратора Васильева 30 руб. на катедральное строение; кроме того, определено было «конторе настрого подтвердить указом, чтобы она в правлении дел и в надлежащем по должности своей наблюдательстве поступала во всём по силе святых правил и указов справедливо без малейшаго упущения под опасением лишения присутствующими и регистратором своих чинов». Епископ Амвросий смягчил приговор и написал:

> Хотя за сие как контора, так и Иоаким предписанному здесь штрафованию неотменно подлежат, однако, понеже мы правду, как её до сих пор не заглаживали, сыскали и тем паче всякия сатисфакции довольствуемся, того ради всем вины и штрафы оставляются, точию подтвердить из консистории, чтобы всяк во что зван, в том и пребывал, под лишением чести, кто какую *с. 170* имеет, а Иоакиму продерзателю для малолетних детей и понесённых кузнечных трудов велеть приискать себе праздное священническое место и нам явиться.[3]

Члены конторы на этот раз освобождены были от наказания. Но чрез несколько времени последовало распоряжение епископа Амвросия более общего характера, имевшее в виду обеспечить правильное и безостановочное ведение дел в конторе и до некоторой степени вовлечь в интересы жизни Горицкого монастыря и существовавшего при нём органа Духовного управления остальных монастырских настоятелей гор. Переславля. Последнее было необходимо особенно потому, что в это именно время в Горицком монастыре происходили крупные строительные работы по устройству Гефсимании, в успешном ходе которых преосвященный Амвросий был сильно заинтересован.

---

[1] Там же, № 15.

[2] Дела епископов, п. 8 и 17.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 228-б.

21 сентября 1758 года за его подписью было отправлено в Переславль определение такого содержания.

> Понеже из производимых в катедральной нашей конторе дел усмотрены нами многие непорядки, через которые та контора подвергает себя частым ответам и штрафованиям, и хотя по приказаниям нашим многими уже из консистории указами подтверждено, но лучшаго исправления доныне ещё не видно, оное же по большей части происходит от того, что присутствующие (как из подписания на репортах и доношениях видно) не всегда все в конторе бывают, но почасту един архимандрит и катедральный наместник Каллистрат, который сверх того присутствия конторскаго смотрением церковнаго строения занят, отчего и в делах продолжение и остановка бывает, прочие же при Переславле обывающие монастырские настоятели, которые никакими *с. 171*
> послушаниями не одолжены и в конторе при нашем присутствии редко, а без нас не токмо для священнослужения, но и не за чем никогда не бывают, и ежели кому из них случится приехать к нам, то равно как бы они из другой епархии были, ни о каких нужнейших по катедре потребностях на вопросы сказать ни о чём не знают; того ради для лучшаго и порядочнейшаго впредь исправления определяется учинить следующее: 1. В катедральной конторе обще с нынешними присутствовать Троицкаго Данилова училищнаго монастыря архимандриту и семинарии нашей директору Иакинфу и в указные по генеральному регламенту дни (кроме случающихся болезней и самокрайнейших нужд) быть в присутствии всем неотложно и отправление дел иметь не инако, как тем же регламентом и последующими присланными из консистории нашей указами определено без всякаго упущения. 2. Находящимся же при Переславле архимандритам и игуменам по примеру всех других епархей иметь в катедральном нашем соборе в праздничные дни поочерёдно священнослужение, в чём им всем объявить с подпискою, а кому когда в том служении быть, учинить той же конторе росписание и таковое ж одно в консисторию прислать, а другое катедральному ключарю отдать, который должен по оному черёдным за день чрез послушников церковных объявлять, а в случае чьей немощи другого под очередью состоящаго наряжать, а чтобы не взошло кому в повадку всегда немощию отрицатися и оттого б
> в росписании помешательства не было, то тому, за кого другой будет служить, по выздоровле- *с. 172*
> нии неотменно за того, исправлявшаго его чреду, служение исправить, и смотрить, дабы никто своей чреды проминовать не мог.[1]

Но приведённый указ действия не возымел. В конторских репортах и доношениях по-прежнему подписывались не все, иногда даже один, по той, вероятно, причине, что «присутствие в конторе имели неисправно». 20 ноября того же года консистория, на основании распоряжения епископа Амвросия, вновь подтвердила конторе подписываться на бумагах всем неотложно, так же как и иметь присутствие в конторе. О неприсутствовавших в собрании с обозначением причины отсутствия приказано было делать соответствующие пометки на представляемых доношениях и репортах.[2]

Казённый приказ. Кроме конторы, в Переславском Горицком монастыре существовал ещё казённый приказ, ведавший экономические дела архиерейского дома и находившийся в подчинённом отношении к наместнику монастыря, который, как говорилось выше, считался правителем над всеми вотчинными служителями и монастырским строением в Горицком монастыре. 29 апреля 1760 года епископ Амвросий распорядился в казённом приказе, по примеру прочих епархий, «председание» иметь катедральному казначею Лукиановскому игумену Иосифу, а по нём экономе, Борисоглебскому игумену Иерониму и в таком порядке *с. 173*
подписываться в репортах и ведомостях.[3]

Духовные правления. Переславская консистория и Переславская контора являлись при епископе Амвросии высшими административными учреждениями Переславской епархии, которым подчинён был целый ряд низших. В среде их первое место занимали по-прежнему духовные правления.

Число духовных правлений в Переславской епархии в сравнении с предшествующим временем уменьшилось на два. Именно, переименовано было в заказ духовное правление в Троицкой Нерльской слободе, учреждённое в 1752 году,[4] и затем, вследствие учреждения

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 239.
[2] Там же, № 442.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 203.
[4] См. выше, с. 17.

особой Переславской конторы, обращён был в 1754 году в заказ, подчинённый конторе, округ, который ведало раньше Александровское духовное правление.[1] С переименованием в заказ Александровского духовного правления, здания его остались в положении беспризорном, так как закащик в первое время жил и исправлял дела в с. Бакшеве. По небрежности истопника, вызванной нерачением закащика и подканцеляриста Воронина, здания духовного правления 10 января 1754 года сгорели. Сгорели при этом и многие дела бывшего Александровского духовного правления. Переславская консистория, разобрав дело, постановила устроить
с. 174 новые покои в счёт закащика и подканцеляриста; последние, сверх того, понесли и другое наказание: закащик поп Лука Стефанов устранён был от должности и послан в монастырские труды, а подканцелярист подвергнут истязанию плетьми.[2]

Около того же времени построены были вновь здания другого правления — Можайского. До 1756 года здания его состояли из избы чёрной с обвалившимися углами, пред которой были сенцы весьма ветхи. «В таком помещении, — по словам доклада, присланного в консисторию Можайским духовным правлением, — присутствие иметь и всякия государственныя дела и наблюдение сборной окладной и неокладной денежной казны весьма опасно». По проекту консистории положено было

> собрать со всех священно-церковнослужителей, находящихся в гор. Можайске и Можайской десятине, до 50 руб., расположа эти деньги по числу приходских дворов, и по собрании построить для присутствия просторную светлицу, при ней сени, в сенях для хранения государственных и епаршеских дел чулан бревенчатой, а не дощатой, против тех сеней для содержания колодников избу в пристойной пропорции без излишества; а буде паче чаяния таковых покоев вышеозначенною суммою вновь построить будет невозможно, в таком случае отыскать, где возможно, готовое новое, или хотя и пожилое, да твёрдое и к прочности надёжное в вышепотребную препорцию строение и, купя настоящее без передачи цены, поставить надлежащим порядком.

с. 175 Приведённые слова консисторского определения дают возможность составить некоторое представление о тех зданиях, в которых обычно имели присутствие лица, заседавшие в духовных правлениях. Епископ Амвросий утвердил постановление консистории, но прибавил: «токмо теми сборами до приходских людей нимало не касаться».[3]

Явка священно-церковнослужителей по вызовам в правления. Через духовные правления, как и в прежнее время, сообщались священно-церковнослужителям распоряжения, направляемые из духовной консистории, и приводились в исполнение распоряжения высшей епархиальной власти по делам, касающимся духовных лиц данного заказа. При выполнении этих функций духовным правлениям, как и раньше, приходилось неоднократно встречаться с ослушаниями и противностями. «Многие епархии нашей священно-церковнослужители, — как пишет в одном из указов епископ Амвросий, — по касающимся до них разным делам не только духовным правлениям, но и нарочно посланным для взятия их из консистории, чинят ослушания и, убегая от духовной своей команды, не явясь у оной, у мирских управы и защищения просят... сверх же того по их жалобе священно-церковнослужительскими наущениями присланные от духовных команд от посторонних людей биты бывают». Ещё 1 июля 1755 года издано было распоряжение, по которому, «если кто явится духовным правлениям и конторе ослушным, о таковых не представлять консистории, а сыскивать чрез понятых в контору и духовныя правления и из них имеющих чин священнический
с. 176 присылать в консисторию к усмотрению под караулом, а не имеющих священническаго чина наказывать в конторе и духовных правлениях».[4] 3-го сентября 1758 года преосвященным Амвросием издан новый указ, которым имелось в виду устранить случаи ослушаний и противностей, с какими приходилось часто считаться епархиальным учреждениям, особенно духовным правлениям, при вызове священно-церковнослужителей по касающимся до них делам. В случае возникновения какого-нибудь дела, касающегося того или другого священно-церковнослужителя, по указу епископа Амвросия предписывалось

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 584.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 11 и 97.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 61.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 99.

> нарочной посылки за такими лицами не чинить, а оповещать их письменно, с тем, чтобы они являлись в соответствующее учреждение беззамедлительно, полагая на проезд два дня на каждые сто вёрст, и с угрозою, если на этот срок не явятся, лишены будут своих званиев. Если за таковою повесткою священно-церковнослужители окажутся ослушными и в срок не явятся, тогда, не отлагая времени, закащику надлежало ехать к той церкви, где живут виновные, и от церкви их совсем отрешить. Если ослушником окажется священник, приход его должен быть поручен заведыванию ближайшаго священнослужителя. Буде же и после этих мер ослушники не явятся в те места, куда их призывают, о них должно быть представлено в консисторию, и консистория посылает нарочных на коште ослушников, кои, заарестовав их, скованных представляют в консисторию для поступления по указам без упущения.[1]

Но едва ли при посредстве письменных извещений, отправляемых духовными правлениями, можно было достигнуть тех результатов, на которые надеется указ епископа Амвросия. В конце концов дело завершалось обычно посылкою нарочных по инструкции, особенно в тех случаях, когда лицо, призываемое в епархиальное учреждение, чувствовало за собою какую-нибудь вину. *с. 177*

Ослушание духовных правлений и взыскания с них. Сами духовные правления с своей стороны нередко подавали соблазнительный пример не вполне внимательного и должного отношения к распоряжениям, идущим со стороны высшей епархиальной инстанции. Например, Переславская консистория указами неоднократно напоминала духовным правлениям об аккуратной присылке в указные термины репортов о суевериях для соответствующих докладов (два раза в год) Святейшему Синоду.[2] Но в 1754 году шёл уже июль месяц, а репортов за первое полугодие ни от одного духовного правления (кроме Гжатского) не поступало, вследствие чего в репортовании Святейшему Синоду «учинилась крайняя остановка». Консистория определила: «дабы впредь осторожно в том поступали и требуемые репорты на указные сроки в консисторию присылали неопустительно, всех духовных правлений управителей и подьячих (кроме Гжатскаго) штрафовать взысканием с них денег по пяти рублей с каждаго духовнаго правления».[3]

В означенный период это был не единичный случай штрафования духовных правлений. За разного рода провинности консистория подвергала их неоднократным взысканиям.

В 1756 году, например, священник с. Знаменского, Можайского уезда, Александр Дмитриев донёс консистории, что помещик-вотчинник означенного села отказывается исправлять церковные ветхости и отпускать к отправлению священнослужения свечи, ладан и вино. Консистория указом поручила Можайскому духовному правлению отправить в означенное село закащика, которому «пристойным образом объявить помещику», дабы он «благоволил оказавшуюся в с. Знаменском церковную кровлю и прочия ветхости, за неимением церковных денег и за скудостию приходских людей, непременно возобновить и ту церковь облачении и книги, да на исправление священнослужения свечами, ладаном, вином церковным довольствовал, и о том, что помещик ответит, репортовать в консисторию в скорости». В конце декабря 1756 года доношение на сделанный запрос духовным правлением действительно было прислано, «точию прописанныя в том доношении обстоятельства не токмо со изображённым в посланном указе повелением весьма несогласны, но натуральному человеческому разуму крайне противны и совсем безтолковы». Под доношением стояли подписи закащика священника Симеона Адрианова и находившегося в присутствии диакона Тимофея Прокофьева, а справлено было доношение копиистом Степаном Гончаковым. Помимо содержания, доношение, следовательно, не удовлетворяло указным требованиям и со стороны формы, так как подписи управителя, главного лица в духовном правлении, не было. Консистория приказала закащику вторично отправиться в с. Знаменское для выполнения указного предписания; за несоблюдение формы доношения взыскать с него и присутствовавшего в духовном правлении диакона по 5 руб., а копииста Стефана Гончакова, *с. 178* *с. 179*

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 187.

[2] Указ Святейшего Синода от 14 ноября 1737 года // Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1905. — Т. 9. — № 3158.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 83.

который «оное доношение в таких безтолковых обстоятельствах сочинил и справил», наказать плетьми. Управителю Можайского духовного правления архимандриту Лужецкого монастыря Панкратию поставлено было на вид, чтобы он посылаемые в консисторию доношения, кроме репортов о получении указов, «подписывал неотложно».[1]

В 1755 году закащику Переславской десятины священнику с. Хребтова Андрею Иванову с священно-церковнослужителями, состоящими в его заказе, приказано было 19 июля явиться в Переславскую контору по делу о разборе священно-церковнослужителей. Ни он, ни священно-церковнослужители к назначенному сроку не явились, в конторе определили:

> Онаго закащика за таковое самонужнаго указнаго требования на срок неисполнение и упущение, а священно-церковнослужителей приказов ненаблюдение и ослушание, дабы они впредь всё то, что от конторы указом требуется, опасно наблюдали и в определённые сроки неопустительно исполняли, наказать в конторе плетьми, в том числе закащика пред священно-церковнослужителями сугубо, для того, что в том он, как точно одолженный и указное повеление перво-слушавший, сугубою виною состоит, и об исполнении впредь по указным повелениям с крайнею осторожностью обязать его подпискою.[2]

с. 180 Уже из приведённых примеров можно видеть, что более жестокое взыскание за небрежение и ослушание выпадало на долю подьячих, ведавших делопроизводство в епархиальных учреждениях. Особенно сурово поступлено было в 1759 году с консисторским копиистом Михаилом Колчиным, которого приказано было

> за его пьянство и от того неприхождение по многим посылкам в консисторию (за что неоднократно был наказываван), заковав в ножныя железа, отослать в кузницу для битья молотом на неделю, а по прошествии недели наказать его батожьём и по наказании обязать его подпискою, чтобы он впредь не пьянствовал и в консисторию приходил без посылок и поступал бы добропорядочно, а ежели будет пьянствовать и в консисторию приходить без посылок не будет, то имеет быть отдан в солдаты.[3]

Состав духовных правлений. Состав духовных правлений в период епископства Амвросия Зертис-Каменского определяется с большею устойчивостью. Во главе духовного правления стоял управитель, настоятель монастыря. Подпись управителя требовалась во всех доношениях, исключая репортов о получении указов. Кроме управителя, присутствие в духовном правлении имел закащик данного округа, принимавший самое деятельное участие в решении всех дел, которые ведало духовное правление. В помощь закащику иногда присо-
с. 181 единялось другое духовное лицо, даже со степенью диакона, как это видим в Можайском духовном правлении. Для делопроизводства полагалось несколько подьячих, из которых один нёс ответственность за исправляемое дело.

Закащики. Институт закащиков, не вошедший ещё при архиепископе Арсении в жизнь епархии повсеместно и учреждённый только в некоторых городах, где закащики являлись иногда и управителями духовных правлений, во времена епископа Амвросия, в силу его распоряжения, учреждён был повсеместно. Закащики в своём лице объединили деятельность десятоначальников и во времена Амвросия стали именоваться иногда благочинными, каким названием определялся характер тех функций, исправление которых на них было возложено. В указе, которым учреждались повсеместно в епархии закащики, цитируется место из Духовного Регламента,[4] предписывающее епископу «указать по всем городам, чтоб закащики, или нарочно определённые к тому благочинные, аки духовные фискалы, тое всё надсматривали, и ему бы епископу доносили», и кроме того указываются некоторые мотивы местного характера, побудившие епархиальную власть сообщить этому институту более правильную и постоянную организацию.

> Хотя за силу Духовнаго Регламента Его Преосвященство в епархии своё надлежащее смотрение по пастырской деятельности и имеет над всею епархиею, но за немалым оныя разстоянием и за тем, что многия церкви состоят за лесами, болотами и грязями и за другими многими
> *с. 182* препятствиями посещать Его Преосвященству почасту неудобно, чего ради по всем епархии Его

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1757 г., № 5.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 7 (в конце).
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 410.
[4] Дела епископов, п. 8.

> Преосвященства городам и знатным местам учреждены от Его Преосвященства к тому нарочные закащики, которые и должны поступать во всём не иначе, как тем же Регламентом повелено, в чём и надлежащими инструкциями снабдены.[1]

Административное подразделение епархии. С учреждением повсеместно закащиков и с переименованием некоторых (Александровского и Троицкого Нерльского) духовных правлений, Переславская епархия в административном отношении получила следующее подразделение.

Переславской конторе были подчинены церкви города Переславля (29 церквей), Переславской уездной (134), Троицкой (в нынешнем Александровском уезде на границе с Тверской губернии 23 церкви) и Александровской десятины (79). Этот округ, в количестве 265 церквей, подразделялся на четыре заказа: Переславский, Сигорский, Серебужский и Александровский, и имел, кроме четырёх закащиков, двадцать десятоначальников, именно — в первом заказе пять, во втором — четыре, в третьем — четыре и в четвёртом (соответствовал приблизительно Александровской и Троицкой десятине) семь.[2] — В Переславскую духовную консисторию входили с докладами следующие епархиальныя учреждения. Дмитровское духовное правление, в ведении которого находились церкви гор. Дмитрова (8) и Дмитровскаго уезда (64), составлявшие Дмитровскую десятину. *с. 183* Церкви Троице-Нерльской десятины, в количестве 22, составляли так называемый Троице-Нерльский заказ, ближайшим образом подчинённый Дмитровскому духовному правлению, но по некоторым делам сносившийся прямо с Переславской консисторией. Такое же положение занимала так называемая Новоиерусалимская десятина, Дмитровского уезда, составлявшая Новоиерусалимский заказ и состоявшая из 49 церквей. Волоколамскому духовному правлению подчинены были церкви в гор. Волоколамске (8) и 34 церкви Волоколамской десятины. Рузскому духовному правлению — церкви гор. Рузы (4) и 38 церквей Рузской десятины. Верейскому духовному правлению — 5 церквей в гор. Верее и 40 по Верейской десятине. Можайскому духовному правлению — 9 церквей в гор. Можайске и 33 в Можайской десятине. Гжатскому духовному правлению — 2 церкви Гжатской пристани и 38 Гжатской десятины, Можайского уезда. — А всего в Переславской епархии по всем десятинам и городам в 1758 году числилось 619 церквей.[3]

Поповские старосты. Для сбора с церквей окладной и неокладной денежной казны, то есть с отпуску брачущимся венечных памятей и с церквей данных, а с пустовых земель оброчных денег, как говорилось уже выше,[4] духовенством избирались особые лица, носившие *с. 184* название поповских старост. Епископ Серапион сделал в этом отношении только исключение для Переславской десятины, где в видах материальной «поживки» отпуск венечных памятей производился сначала соборным ключарём, а затем соборными священниками (их было 4) по очереди. Незадолго до перехода в Вологду епископ Серапион, недовольный тем, что соборяне в новом прошении просили все доброхотные даяния, бываемые при отпуске венечных грамот, отдавать без дележа с членами консистории в их распоряжение, приказал отпуск венечных памятей по Переславской десятине производить из духовной консистории и доброхотные подаяния употреблять на семинарию и семинаристов Переславского уезда. Преосвященный Амвросий по вступлении на кафедру уничтожил это исключение и 18 апреля 1754 года предписал: «старост поповских должно выбирать по статьям патриаршим (патриарха Адриана) и по указам, а Серапионовския о сём, яко противныя, учреждения оставить».[5] Тем не менее, и после того в старосты поповские в городах выбирались священники только из соборных.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 228-б.

[2] О количестве десятоначальников см.: Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 2, дело № 48. В Троице-Нерльской десятине десятоначальников было 2, в Дмитровском уезде — 11, в Волоколамском округе — 3 (градские церкви г. Волоколамска подчинены были непосредственно закащику), в Рузском — 3, Верейском — 4 и Гжатском — 3.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 2, дело № 62. Список церквей Переславской епархии в конце 50-х годов XVIII столетия см. в приложениях с. 282 и следующие.

[4] См. с. 17.

[5] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 9.

Должность поповского старосты оставалась, таким образом, по-прежнему выборною, хотя круг избираемых лиц оказался, как видим, особенно в городах, несколько суженным. В экстренных случаях епархиальное начальство прямым распоряжением и из этого ограниченного (в городах) числа кандидатов исключало лиц, признаваемых им почему-либо неудобными
с. 185 для отправления обязанностей поповского старосты. В конце 1759 года, например, епископ Амвросий особым указом в Волоколамское духовное правление распорядился волоколамского протопопа Иосифа Васильева для сбора суммы на 1760 год не выбирать «за известные Его Преосвященству его непорядочные поступки».[1]

Должность поповского старосты и закащика очень часто объединялись, и священнослужители производили выбор «в старосты поповские и закащики».[2] А в некоторых местах (например, станы Серебужский и Кистемский Переславской десятины) для сбора данных и с отпуску венечных памятей денег, вместо выборных поповских старост, назначались прямо епархиальною властью закащики «за дальностью, а паче в вешнее время за водополью».[3]

Собранные окладные и неокладные деньги поповские старосты обязаны были представлять в консисторию для отсылки в канцелярию синодальную экономического правления дважды в год, первый раз в марте и второй раз в декабре. В 1754 году старосты запоздали доставлением денег за первое полугодие до 15 апреля, за что, по определению консистории, (кроме Гжатского) штрафованы были по 5 руб. с каждого. Тогда же им подтверждено было «венечныя памяти отпускать не в домах своих и не инде где, как в конторе и духовных правлениях под надзиранием тамошних присутствующих и управителей».[4]

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 966.

[2] См.: Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 1, дело № 93, и журналы консистории за 1757 года декабрь.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 9.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 37.

Глава 3

Средства содержания архиерейского дома. — Пожар в Горицком монастыре. — Состояние монастырских зданий. — Изыскание средств для строительных работ. — Опись Горицкого монастыря 1754 года. — Постройка соборного храма и освящение его. — Общий ход строительных работ и незаконченность их. — Церковь святого Александра Невского. — Другие источники строительных средств. — Архиерейская ризница. — Певчие. — Ставленнические пошлины. — Данные и оброчные сборы.

Средства содержания архиерейского дома. Пожар в Горицком монастыре. Вступление епископа Амвросия на Переславскую кафедру совпало с пожаром в архиерейском доме: *с. 186* сгорели деревянные покои по небрежности конюха Илариона Григорьева, отлучившегося после топки в свой дом. Убытки, какие понёс при этом архиерейский дом, исчислены были в 777 р. 15 коп. В возмещение их положено было продать с торгу охочим людям пожитки эконома архиерейского дома, стряпчего Верещагина и конюха Григорьева и полученные деньги взять в катедральную казну. Но пока тянулось дело, виновные лица успели скрыть свою движимость, и архиерейский дом должен был восполнить всё сделавшееся достоянием огня в счёт своих собственных средств.[1]

Затраты эти явились только началом целого ряда громадных расходов, которые в период правления Переславской кафедрой епископа Амвросия нёс архиерейский дом для оплаты материалов и строительных работ, производившихся в широких размерах в кафедральном монастыре.

Состояние монастырских зданий. Перестройки в Горицком монастыре, как мы видели, *с. 187* начаты были ещё в правление предшествовавших архиереев и, хотя к 1753 году приходили к концу, но в общем ведены были не особенно успешно, а главное, по недостатку присмотра, не вполне умело и доброкачественно. По крайней мере Переславская контора в начале 1754 года вошла к преосвященному Амвросию с представлением, в котором нарисована довольно мрачная картина как состояния полуразрушенных монастырских зданий, так и средств, которыми располагал к тому времени архиерейский дом.

> Катедральный Горицкий монастырь в такое почти всё обветшание и разорение от переломок и неосновательных перестроек пришёл, что не токмо архиерейских, но и самых последних настоятельских, а паче братских и служительских келий, да и самой соборной церкви, ещё же и во многих местах монастырской твёрдой ограды подлежащей крышки нет и почти весь пуст. Да и впредь оное всё как церковное, так и катедральное монастырское внутреннее строение не токмо продолжать и совершить или хотя потребное число материалов для совершения онаго припасти за неимением на то особливой немалочисленной суммы, но и начать наступающаго вешняго и летняго времени за малособираемыми с катедральных крестьян оброками и за отправляемыми самыми малотяглыми зделиями отнюдь невозможно и крайне не из чего.[2]

Таким образом, перестройки, начатые при архиепископе Арсении и епископе Серапионе, не были завершены, велись не вполне производительно и умело и сопровождались разру- *с. 188*

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 32.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 16.

шением и поломкой существовавших зданий, вследствие которых монастырь представлял к 1754 году вид разгрома и разрушения. Недаром в одном из указов настоятелю Никитского монастыря архимандриту Нифонту «о неломании старого до основания» епископ Амвросий даёт довольно суровую характеристику строительной деятельности своего предшественника епископа Серапиона:

> На свидетельство Преосвященнаго Серапиона не для чего ссылаться, понеже он и всё ломал, как известно, а ничего добраго вновь, как в Никитском, так и в других монастырях, не построил; чего ради смотреть накрепко теперь, не чтобы старое до основания ломать, но чтобы, по примеру, как мы сделали в Горицком, из стараго новое нечто, получше прежняго, не ломаючи до фундаменту напрасно, сделать.[1]

Между тем Высочайшим Именным указом, объявленным Святейшему Синоду 28 октября 1753 года, повелевалось «катедральный Горицкий монастырь и в нём святыя церкви в достодолжное к славе Божией благолепие привести». Для этой цели требовались, конечно, немалочисленные средства, которыми, как заявляла контора, архиерейский дом совершенно не располагал.

Изыскание средств для строительных работ. Согласно указу Святейшего Синода, присланному 28 октября 1744 года, велено было переоброчить всех монастырских и епар-
с. 189 ских крестьян против помещичьих со уменьшением четвёртой части оброчной. Указ этот в своё время в отношении к Горицкому монастырю не был выполнен. В настоящее время его припомнили и положили переоброчить катедральных крестьян, пока на один 1754 год, применительно к тому оброку (самому высшему), какой платили Горицкому монастырю кутуковские крестьяне, именно по 1 р. 41,5 к. с каждой души. Такою суммою положено было обложить всех крестьян, кои не несли никакого монастырского тягла (безтягольных). С тех, которые исправляли тягло, и бобылей положено было взыскивать только по рублю. Кроме сего, как тягольные, так и нетягольные обязывались отправить известное количество монастырского зделья, довольно значительное (брусья, стропильник, решётник, тёс, топорники, каменщики), или уплатить соответствующую за это сумму.

За Горицким монастырём в 1754 году числилось всех крестьян оброчных 2 484 души, деловых (тягольных) 1 851, бобылей 380, а всего 4 665 душ, с коих и было взыскано за 1754 год по указанному выше расценку 7 445 руб. 20 коп. За расходованием нужной сумму в 1754 году, наличных к концу года оставалось 6 787 р. 38¼ к. и в доимке числилось 1 143 р. 13 коп.

Конечно, эта сумма значительно превышала то, что собирали с монастырских крестьян раньше.[2] Но и она, понятно, далеко была недостаточна для покрытия расходов, связанных со всеми строительными работами, какие предполагалось вести в монастыре. Смета,
с. 190 составленная архитектором Карлом Бланком на одну соборную церковь, которую решено было вновь перестроить, выразилась в крупной сумме, превышающей деньги, собранный в 1754 году. Именно, кроме буту, щебню кирпичного и песку, что предполагалось исправить своими вотчинными крестьянами, для построения соборной церкви требовалось кирпича 1 730 000 на сумму 3 460 руб.; извести 4 268 бочек на сумму 512 р. 16 к.; камня белого длиною 1 аршин, [0,7 м] шириною восемь вершков, [36 см] толщиною 4—5 вершков, пять тысяч на сумму 500 руб.; железа связного 1 500 пудов, [24 571 кг] считая в сажени весу по 50 фунтов, [20,5 кг] 750 руб.; полосного железа 500 пудов [8 190 кг] 400 р.; за работу каменщикам 1 730 руб. А всего 7 372 руб. 16 коп. В эту смету кроме того не вошли расходы по внутренней отделке церкви, на приобретение материалов для покрытия её и на плату мастеровым. А затем предполагалось, кроме соборного храма, возобновить и прочее каменное и деревянное монастырское строение, не говоря уже о необходимости «оплачивать другие необходимые по кафедре Его Преосвященства расходы».

Ввиду таких обстоятельств в начале 1755 года консисторией было постановлено и епископом Амвросием утверждено собирать, начиная с этого года «до будущаго впредь разсмотрения» с нетягольных крестьян со всех по 1 р. 50 к., а с деловых по рублю с души, что должно

---

[1] *Смирнов, А. В.* Материалы для истории Владимирской губернии / А. В. Смирнов. — Владимир: Типо-литография губернского правления, 1906. — Т. 4. — № 641.

[2] См. выше, с. 11.

было дать в общей сумме 5 502 руб. в год. Доставку лесных материалов, каменщиков, топорников (зделье) положено было при этом с них сложить и в кафедру не требовать, чем предполагалось ослабить сильно повышенный и возвышающий нарекания и жалобы оброк. Оброчным крестьянам позволялось, кроме того, в случае, если они пожелают, переходить *с. 191* на зделье, то есть пахать подмонастырские земли, сенокосить и всякую работу по три дня в неделю отправлять и уплачивать в таком случае для уравнения тоже по рублю. Бобылей подмонастырных (247 душ) положено было утилизировать для обжигания кирпича в казённых сараях и станках. На каждую душу, не выключая малолетних и престарелых, они должны были представить по 2 тысячи кирпича в год, что давало всего в год 494 000. Вместе с увеличением оброка с монастырских крестьян, консистория постановила освидетельствовать все пахотные и сенокосные Горицкие монастырские пустоши, отдающиеся в оброк; лучшие из них постановлено было оставить при монастыре и не отдавать в оброк, а о прочих учинить публикацию и сдать с торгов в оброк тем, кто больше давать будет, или отдать своим крестьянам из платежа урожайного хлеба по ужину пятого снопа.[1]

Таковы были подготовительные распоряжения, направленные к изысканию средств, необходимых для затеянной в грандиозных размерах перестройки. Предполагалось не только вновь отстроить соборную церковь, но соединить её громадным зданием, названным Гефсиманией, с церковью Всех Святых. Сведущий в архитектурном деле, построивший ещё раньше в бытность свою архимандритом Новоиерусалимского монастыря чудный купол над Гробом Господним, большой любитель строиться, епископ Амвросий приложил всё старание к тому, чтобы возведённая при нём постройка осталась памятником, заслуживающим внимания *с. 192* не только современников, но и потомства. Архив Переславской духовной консистории сохранил много документов, связанных с этой постройкой, свидетельствующих о неутомимой ревности преосвященного строителя, об его обширных познаниях в строительном деле, а равно о тех затруднениях и противодействиях, какие он встречал. Несмотря на такие противодействия, сделано им было несравненно более, чем его предшественником епископом Серапионом. К сожалению только, и Амвросию не пришлось завершить своего грандиозного строительного дела. Кроме недостатка монастырских средств, это объясняется отчасти отдалённостью местожительства епископа Амвросия от гор. Переславля, а главное — скорым переводом его на новую кафедру — Крутицкую.

Опись Горицкого монастыря 1754 года. Постепенный ход строительных монастырских работ и характер их может быть до некоторой степени выяснен на основании сохранившейся в архиве описи Горицкого монастыря от 1754 года.[2] В ней на полях сделаны были в 1757 году пометы, которые дают нам возможность судить о том, что к 1757 году устроено было в Горицком монастыре епископом Амвросием, начавшим перестройку монастырских зданий с 1755 года. На основании её состояние монастырских зданий к 1757 году может быть представлено в следующем виде.

Церковь соборная во имя Успения Пресвятыя Богородицы, каменная, стояла без глав, *с. 193* с повреждёнными внутри столбами. Иконостаса в ней совсем не было, а старый хранился в кладовых палатах. К сожалению, в кладовых палатах он остался и в последующее время. Недавно, назад тому три года, с разрешения высокопреосвященного Николая, архиепископа Владимирского, иконы эти были извлечены из подвалов и внимательно осмотрены.[3] Все они оказались покрытыми толстым налётом плесени. Время и сырость сделали своё дело... Сохранившиеся остатки изображений свидетельствуют о высокой художественной ценности этих иконописных работ, разделанных по золотому полю. В особенности это надобно сказать об изображениях праотцев и пророков. Есть несколько изображений и нового итальянского письма. Всех икон, сохранившихся в подвале, насчитано было до 60. «Высокодостойного изображения» кисти Симона Ушакова[4] не удалось найти. Этих икон не оказалось среди других. По-видимому, они после разбора старого иконостаса поставлены были в кафедральной трапезной церкви около горнего места. В конце 1755 года по распоряжению епископа

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 16.
[2] Опись эта полностью помещена в приложениях. См. с. 237—250.
[3] Кроме меня при этом присутствовал В. Г. Добронравов.
[4] См. выше, с. 13.

Амвросия, были измерены их дски, причём оказалось: Спасителев образ мерою три аршина без четверти, [196 см] шириною два аршина без двух вершков, [133 см] — образ Богоматери (Иверской) — длиною три аршина без пяти вершков, [191 см] шириною два аршина без двух вершков.[1] — Дальнейшая судьба этих икон неизвестна.

с. 194 У соборной церкви в 1754 году стояла каменная колокольня с шатровым верхом об одной главе. Глава была крыта чешуёю, а закоморы и наугольники тёсом. В 1757 году колокольня эта была разобрана до нижнего пояса и на месте её строился ризничный осмерик.

Кроме собора, в монастыре находилась каменная церковь с трапезою и службами в честь Всех Святых; главы обиты были железом, церковь, трапеза, службы и сходы покрыты тёсом. В октябре месяце 1754 года наугольные главы свалились от бури и расшиблены; сходы сломаны были в правление епископа Серапиона. Между собором и храмом Всех Святых стояла церковь Иоанна Предтечи о трёх главах, обитых железом, крытая тёсом. В 1755 году эта церковь разобрана до фундамента и на том месте заложена была и стала строиться Гефсимания. Третья церковь в честь чудотворца Николая каменная находилась на святых вратах, покрыта была тёсом. До 1757 года она не была тронута и оставалась в таком же состоянии. Церковь великомученика Георгия, находившаяся при больничной палате, разобрана была до фундамента ещё до 1754 года.[2]

Кругом монастыря шла ограда ветхая, во многих местах с расщелинами. Над передними святыми вратами находился деревянный штиль, крытый тёсом; над задними — башня без крышки, весьма ветхая. Кругом монастыря возвышались три башни круглых и три четыреугольных. Ограда и башни крыты были тёсом. К 1757 году, как на них, так и на ограде крышка оказалась весьма ветха и во многих местах от ветхости обвалилась. Кельи архимандричьи каменные, крытые тёсом, с гнутой крышкой, и при них крытые тёсом кельи деревянные сгорели в 1753 году от несмотрения и небрежения и в 1757 году не были ещё восстановлены. У пруда стояли кельи братские о двух апартаментах, крытые тёсом; за ветхостью в 1754 году они были разобраны до фундамента. Девять хлебных амбаров были перестроены в 1754 году и перенесены при Даниловом монастыре на житенный двор. Далее следовали службы, значительная часть которых к 1754 году обветшала и требовала ремонта, или даже совершенного уничтожения.[3]

с. 195

Постройка соборного храма и освящение его. С 1755 года по 1757 год шла заготовка материалов, разбор обветшавших и уборка сломанного. С 1758 года началась стройка нового. В этом году консистория заготовила 12 шнурозапечатанных книг, переплела их в оставшуюся от шитья певческого платья крашенину и разослала во все правления и заказы для сбора денег от христолюбивых доброхотных дателей на достройку в Горицком монастыре святой церкви.[4] Ненастное лето 1758 года не позволило только в этом году сделать всего, что предполагал сделать преосвященный Амвросий.

За всё это время епископ Амвросий не переставал торопить и понуждать строителей и зорко следить за отчётами о производившихся работах. 30 января 1755 года на одном докладе он написал: «Подтвердить указом накрепко, для чего мало материалов привезено». В марте того же года: «Подтвердить в последний раз, чтобы к первому вешнему времени всё принадлежащее к строению было в готовности по силе прежних указов, а больше затейных оговорок не представляли бы».[5] В сентябре 1758 года, рассмотрев представленную из казённого приказа ведомость о происходивших с 15 августа по 5 сентября работах, епископ Амвросий сделал и передал на обсуждение консистории следующие пометы. «Сей пол в одну неделю при Его Преосвященстве был бы сделан; только, знатно, для единаго оскорбления чрез целое лето протянут». «И сих бедных (то есть крестьян) для того ж (очистка внутри соборного храма и уборка земли для братского строения) целое лето мучили, только прекратили, что уж осень наступила; так то нам легко сии безпутные порядки и наряды терпеть». Касательно строящегося флигеля владыка сделал пометку:

с. 196

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 2, дело № 1.
[2] См. выше, с. 13.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 2, дело № 50.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 226.
[5] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 2, дело № 1.

«очень мешкотно». О подрядном кирпиче: «подтвердить, чтобы в оном на будущий зачин остановки не было; Бог судия тому, кто с такими плутами связался».[1]

В 1759 году началась внутренняя отделка соборной церкви. Иконостас с дсками в собор и паперти его сделан был в Москве столярных и резных дел мастером Яковом Ильиным Жуковым.[2] В мае месяце происходили штукатурные работы и внутренняя раскраска собора. От этого времени сохранилось несколько консисторских указов, чрезвычайно характерных *с. 197* для обрисовки того близкого участия, какое принимал в постройке епископ Амвросий, предусматривавший, благодаря своим познаниям в строительно-художественном деле, буквально каждую мелочь.

> По помете Его Преосвященства, последовавшей сего мая 21 дня 1759 года, — читаем в одном из указов, — велено в катедральной соборной церкви при штукатурной работе раскрашивать в падинах шмелтью,[3] растворенною с молоком, а тело купленною мумиею самым высоким розовым цветом наводить, для чего надобное число шмелти купить... Ныне же Его Преосвященство по довольному усмотрению из убираемаго штукатурною работою в Новом Иерусалиме шатра, который раскрашивается по приличию мест одною шмелтью, соизволил приказать и в катедральной соборной церкви падины, тело и между штукатурною резьбою гладкия места раскрашивать одною же шмелтью, а розовой цвет отменить и мумии внутрь церкви не употреблять. А дабы можно было совершенно знать, как надлежит наперёд по алебастру серою известью наносить и оную краску растворять и употреблять, для того показания послать в Переславль нарочно Воскресенскаго иконописца Алексея Петрова.[4]

1 июня 1759 года к епископу Амвросию, с разрешения казённого приказа, явился подрядчик Иван Патрикеев и просил позволить, в противность контракта, в иконостасе статуи, столбы и капители позолотить в избах. Проситель получил отказ, а казённому *с. 198* приказу послан был суровый выговор,

> чтобы впредь как онаго Патрикеева, так и иных из Переславля с таковыми недельными представлениями отнюдь не допускать и тем в делах остановок и медления не наносить и онаго подрядчика в избах ничего золотить не допущать, а велеть золотить тот иконостас по контракту по поставке на место и настоять, чтобы оные все подрядчики по контрактам кончили дела свои со всем на то время, как в контрактах изображено без всякия отмены; а ежели оные подрядчики по контрактам чрез таковые прогулы на положенные сроки чего не доделают, то за то с казённаго приказа и кто у работы надсматривает непременно взысканы будут причинённые от того убытки со штрафом.[5]

Исполнение иконописных работ в соборном храме поручено было живописных дел мастеру Александру Дуракову. Он по контраку должен был представить к 15 августа «святые образа, написанные живописною самою доброю и исправною по преданию св. церкви благолепною работою своими добрыми венецейскими красками с прозолотою». Но оказалось, к 15 августа он представил иконостасные иконы только верхнего яруса, да и те были найдены написанными «и в лицах, в руках и в платье крайне несправными и красками весьма тёмными». По распоряжению епископа Амвросия написанные Дураковым иконы отданы для поправки Воскресенским мастеровым; им же поручено было написать и иконы местные. Дуракова же послали в Переславль с тем, чтобы он там на месте написал праздники и затем *с. 199* покрыл иконы лаком. «А дабы, — писал епископ Амвросий, — он, Дураков, как в иконах, так и лаку впредь не плутовал, отпущать ему, Дуракову, онаго лаку для прикровения икон по разсмотрению и под присмотром казённаго приказа».[6]

23 октября этого года епископ Амвросий дал распоряжение: «Церковное строение покрыть, не отлагая ни малаго времени как наискорее возможно, дабы от нынешних снегов не могло быть впредь сводам повреждения, что неотменно с казённаго приказа взыщется».[7]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 215.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 213 и 304.
[3] Шмелть, Schmalte = Blaufarbe, голубая краска.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 435.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 494.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 642, 645 и 672.
[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 799.

Вся осень 1759 года посвящена была спешным работам по окончанию соборной церкви. Вместе с тем шла постройка братских и консисторских келий. Эта постройка, производившаяся вне непосредственного надзора епископа Амвросия, совершалась не без недочётов и требовала по временам довольно решительных внушений, посылавшихся из Воскресенского монастыря. Например, 1 декабря 1759 года епископ Амвросий писал:

> Понеже нечаянно уведомились мы, что в построенных флигельных покоях в консисторском здании сделано трое печей, а дверей ни одних не вставлено, ещё же и трёх окончин нет и за тем оныя печи от нынешних морозов замёрзли и впредь, кроме всегдашней подчинки и опасности, прочности никакой быть не может; а в другом братском не токмо дверей, но и ни одной окончины не сделано и полов, которые давно было должно исправлять наёмными плотниками, ещё
с. 200 не начато, и так в прибытие наше в Переславль, хотя нарочно для того более тысячи рублёв употреблено, за крайним нерадением тех, кому поручено, поместиться отнюдь негде: того ради отправить в Переславль нарочно служителя Николая Недосекина, которому поручить первое в консисторском флигеле двери, начав от сеней и из тех в двух ближних покоях тотчас навесить, и сделанными печьми нагревая исподволь покои со всякою опасностью, в достальных печи скласть, а потом в братской флигель все окончины и двери, также полы и печи поделать в самой крайней скорости, чего ради к катедральным в прибавок из всех Переславских монастырей до последняго столярей отобрать, а печников из Воскресенскаго двоих отправить, коим оную работу исправлять денно и нощно со свещами, за что имеет быть им награждение.[1]

Такая необычайная спешность, потребовавшая работ при огне, обусловливалась тем, что преосвященный Амвросий решил новоотстроенную соборную церковь Успения Божией Матери освятить самоперсонально в праздник Рождества Христова. К этому дню приказано было казённому приказу сделать большие запасы всякой провизии, «сварить варю пива, квасу, кислых штей, да изготовить рыбы свежей разных родов предовольно».[2] Из всех монастырей Переславской епархии вызваны были «для сослужения Его Преосвященству» настоятели.[3]

с. 201 Прибыв в Переславль на освящение соборной церкви, епископ Амвросий самолично убедился, что его прещения и строгие указы всё же не достигли в должной мере преследуемой цели. В одном из своих указов, посланных в Переславль к началу следующего строительного сезона 1760 года, он в таких словах рисует небрежение лиц, поставленных надсматривать над стройкою:

> Во время присутствия нашего в катедре усмотрены нами за казённым нашим приказом, паче же за регистратором Николаем Васильевым многие непорядки, за которыми как при деле к церковному строению кирпича никакого наблюдательства не было, и оной из невымятой и обыденной глины делать допущен, невыправленной обжигаем и из печей вместо целаго по большей части половинник в противность контракта принимаем, от чего и в строении церковном повреждение последовало, так и лесной материал шестой год уже нами приуготовленной и покупной на немалую сумму весь переведён, а куда о том не токмо никаких записок не было, но и по делам отчёту никакого не дано, а вновь почти ничего и не приуготовлено... и прочия многия во всём упущении произошли...

Для устранения впредь подобного рода недочётов преосвященный Амвросий организует целую систему надсмотра, причём приём разного рода строительных материалов поручается отдельным лицам, которые и несут ответственность за доброкачественность принятого.
с. 202 Выдачу денег из казённого приказа всем, участвовавшим в строительных работах, без разрешения архиерейского епископ Амвросий велел пресечь.[4]

Под повреждениями, о которых упоминает епископ Амвросий, ближайшим образом надобно разуметь повреждение четырёх каменных столбов под куполом; они, по словам указа, «крайне повредились и к немалому падению склонны, на коих церковнаго строения окончить вовсе невозможно, да и опасно, чтобы людей до смерти не перебило». Епископ Амвросий главную причину непрочности этих столбов видел в том, что каменщики «с принуждения регистратора Николая Васильева вместо целаго кирпича больше половиннику употребляли».[5]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 915.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 919.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 924.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 97.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 167.

Общий ход строительных работ и незаконченность их. Разборка повреждённых столбов и установка новых сильно задержали общий ход строительных работ, так как исправлять повреждения приходилось с большою осторожностью и вниманием, ввиду того, что внутренняя отделка соборного храма была почти закончена. Быть может, в связи с этим обстоятельством повреждения соборных столбов стоит вскоре последовавшее (29 апреля) назначение для присмотра «при произведении в Горицком монастыре каменнаго строения синодальнаго архитектора Ивана Яковлева».[1]

Летом 1760 года производилась кладка стен Гефсимании. С августа месяца того же года началось золочение горнего места в соборной церкви, величественного сооружения (на семь ступеней в высоту), с резьбою и иконным письмом, а также более детальная *с. 203* отделка внутренней росписи и лепных украшений соборного храма и его приделов. Епископ Амвросий и здесь явился ближайшим руководителем, входившим во все мелочи штукатурных и художественных работ. Для примера можно привести начало одного из его указов от 8 августа 1760 года.

> Его Преосвященство приказал обретающихся в Воскресенском монастыре штукатуров и лепщиков и живописца Алексея Петрова со учеником отправить в катедральный Горицкий монастырь, которым по приезде исправлять следующее, а именно живописцу Алексею Петрову со учеником горнее место вызолотить против иконостаса тамошняго, и в большой церкви от верхняго большого карниза краску поправить той же шмелтью из клею и часть уксуса малую, а больше воды употреблять, а когда нецветно будет, то клею часть с водою, а уксусу не класть и также опробовать, и которая из оных лучше покажется, то оною от карниза верхняго, кроме купола, в большой церкви, по старым местам поправить, и к нему придать тамошних красильщиков, только чтобы очень искусно наносили, дабы другой работы не марали...[2]

В начале марта следующего 1761 года епископ Амвросий переведён был на Крутицкую кафедру, и строительные работы в Горицком монастыре приостановились. Переславская консистория не нашла возможным продолжать их в ближайший весенний и летний сезон, так как средства архиерейского дома были истощены. К июлю 1761 года, например, стро- *с. 204* ительного капитала всего оставалось 441 р. 93 к.[3] Ввиду этого Переславская духовная консистория вступила в Святейший Синод с особым запросом, как поступить с приготовленным материалом, нанятыми рабочими людьми и приступать ли к дальнейшей стройке в наступающей летний строительный сезон.[4] Ответ получен был лишь 17 июля 1761 года. В синодальном указе велено было «начатое в катедральном Горицком монастыре церковное строение под надлежащим через кого пристойно надсмотрением на таковом, как оному должно быть основании, производить без всякой остановки».[5]

Но дальнейшее производство постройки на тех же началах предполагало наличие в преемнике Амвросия такой же любви к строительному делу, таких же познаний в нём, какими обладал этот архипастырь, а кроме того, требовало такого же сильного напряжения платёжных сил Горицкого монастыря, какое предъявлено было к нему в последние семь лет. Между тем строительные дарования епископа Амвросия были явлением исключительным, неповторяющимся, платёжные же силы Горицкого монастыря доведены были при епископе Амвросии до крайней степени напряжения. Даже в том случае, если бы сборы с вотчинных крестьян Горицкого монастыря и повинности, какие они несли, оставлены были в прежнем размере, монастырь после перевода епископа Амвросия на другую кафедру не мог уже ассигновать из своих средств на строительные нужды той суммы, какую он ассигновал *с. 205* в правление епархией епископа Амвросия, так как преемник епископа Амвросия настоятелем Воскресенского монастыря уже не числился, и Горицкий монастырь должен был нести полностью все расходы по содержанию кафедры и учреждений при ней. При том же, — на что надобно обратить особенное внимание, — и вотчинные крестьяне к концу правления преосвященного Амвросия стали оказывать противодействие при сборах положенных с них денег. По крайней мере в 1761 году Переславская консистория сделала доклад в контору

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 199.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 363.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 504.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 344.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 508.

Святейшего Синода с тем, не благоволит ли оная контора о таковой сольских крестьян противности представить Святейшему Правительствующему Синоду, «дабы оные сольские крестьяне, без всякого винословия противящиеся, не могли далее пребывать в такой упорной закоснелости, соблагоизволил Святейший Правительствующий Синод по своему благоизобретению тех сольских крестьян в достодолжное послушание и повиновение принудить».[1] Эти преслушания и противности крестьян замечались и в вотчинах других монастырей,[2] и случаи их усиливались по мере приближения к году секуляризации церковных вотчин. В 1764 году последовала и самая секуляризация монастырских вотчин, подорвавшая окончательно платёжные средства архиерейского дома.

с. 206 Таким образом, ко времени перевода епископа Амвросия на Крутицкую кафедру закончена была только часть строительных работ. Насколько можно судить по сохранившимся документам, Горицкий монастырь в это время представлял следующий вид.

Отстроена была, хотя не совсем закончена внутренней отделкой, соборная церковь. Епископ Амвросий значительно её приподнял и устроил в ней художественный иконостас с резными работами в стиле рококо. С северной стороны алтаря приделана семигранная палата для жертвенника, с южной для ризницы. По ту и другую сторону соборного храма устроены были приделы: с правой стороны во имя Благовещения Богородицы, с левой — Рождества Богородицы. В алтаре выделялось величественное раззолоченное горнее место. Крыша на церкви и приделах крыта была тёсом; полы в храме лещадные.

Соборная колокольня была разрушена и вновь не построена.

От соборной церкви до трапезной на пространстве 12 сажен [26 м] длиною и 15,5 сажен [33 м] шириною застроили величественное здание Гефсимании для поставления здесь гроба Богоматери, по подобию Гроба Господня в Новоиерусалимском монастыре. Выведены были только наружные стены в два света и четыре внутренних столба, предназначавшиеся для поддержки купола. После ухода епископа Амвросия, летом 1761 года, в силу указа Святейшего Синода, производилась дальнейшая постройка Гефсимании и частью
с. 207 заготовлялись материалы для следующего строительного сезона. Но недостаток средств, отсутствие бдительного надзора, а главное, вдохновляющего всё дело инициатора затеянного сооружения заметно отразились на ходе дела...[3] Здание это так и осталось недостроенным, отданным в жертву всепожирающему времени. Автор «Истории Российской иерархии» говорит о Гефсимании в таких выражениях. Преосвященным Амвросием построена соборная церковь Успения Пресвятыя Богородицы; «в ряд против сего собора сделан огромный храм, называемой Гефсимания, где быть долженствовало гробу Богоматери, приличествующему к храму ея... Сие здание чрезвычайной бы вид великолепия могло зделать монастырю, естьлиб приведено было к окончанию».[4] В 1820 году граф Хвостов писал в том же роде. «Сей знаменитый Пастырь и строитель нового Иерусалима воздвигнул огромное здание, под именем Гефсимании, или Дома Богородицы, примкнул оное к западной стороне Собора, и назначил быть в нём многим церквам, или приделам. Сие здание прекращено строением в 1763 году — и прикрыто было дранью; теперь оно в жалком положении и кирпичи обваливаются».[5] При устроении Переславского духовного училища в Горицком монастыре в 80-х годах прошлого столетия Гефсимания, приходившая к этому времени в разрушение, была сломана.

Трапезная церковь Всех Святых в правление епископа Амвросия подверглась тоже
с. 208 изменениям и переделкам, хотя трудно сказать, каким. К концу пребывания Амвросия на Переславской кафедре застаём её в таком виде. При ней устроены были архиерейские покои, для которых приспособили монастырскую трапезу и бывшую при ней паперть, разделив их перегородками на несколько комнат. Кроме того, сделали новые двухэтажные пристройки

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 614.

[2] См., например, приложения, с. 265. Подробнее об этом в главе восьмой о монашестве.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1761 г., по описи № 2, дело № 21.

[4] *Амвросий (Орнатский)*. История российской иерархии / Амвросий (Орнатский). — М.: Синодальная типография, 1811. — Т. 3. — С. 744.

[5] *Хвостов, Д. И.* О знаменитости издревле Переславля Залесского / Д. И. Хвостов // *Благонамеренный*. — 1820. — Т. 10, № 8 (апрель).

Титов, А. А. Горицкий монастырь и два иерарха русской церкви XVIII столетия / А. А. Титов // *Исторический вестник*. — 1887. — Январь. — Т. 27. — С. 130—131.

на северной стороне трапезы и одноэтажную к южной стороне церкви. Образовалось вверху девять покоев. Для сохранения тепла в комнатах, устроенных внутри трапезы, по высоким сводам последней подделали деревянные потолки, оштукатуренные и украшенные лепною работою.[1] Кроме верхних комнат в распоряжение архиерея отведено было ещё несколько комнат внизу, где раньше была кладовая палата. В этих нижних комнатах до 1760 года помещались студенты Переславской семинарии.

Примыкая непосредственно к трапезной церкви, архиерейские покои во время отсутствия в Переславле архиерея делались предметом праздного любопытства со стороны посещавших церковь богомольцев, тем более, что стояли обыкновенно незапертыми. 2 февраля 1761 года преосвященный Амвросий издал по этому поводу особое распоряжение, вызванное загрязнением архиерейских комнат. «Его Преосвященство, — говорилось в консисторском указе, — уведомился, что во время отсутствия его из Переславля покои архиерейские находятся незапертыми и кто когда хочет, всегда в оные входят, а при том и в церковь трапезную случающиеся богомольцы, хотя и есть для оных церковныя двери, однако ходят *с. 209* чрез внутренний третий покой, чрез что как те Его Преосвященства, так и нижние все покои, за неимением смотрения приведены в крайнюю нечистоту»... Покои велено было запереть и содержать в такой же чистоте, в какой бывают во время приездов Его Преосвященства. Студентов из нижних покоев приказано было перевести поближе к семинарии в те покои, которые построены из дома секретаря Сокольского; вверху и внизу поместить особых сторожей.[2]

Из трапезной церкви был ход в каменный корпус (длиною 13,5 сажен, [29 м] поперёк 4,5 сажени), [10 м] в котором находились домовотчинное управление и два больших монашеских помещения, внизу ледник и два погреба.[3] Здание это помечено и в описи 1754 года. Оно, по-видимому, в правление епископа Амвросия оставалось без изменений. Без перестройки осталась и каменная церковь во имя чудотворца Николая на святых воротах.

Кроме каменных построек, воздвигнуто было на монастырском дворе и вне его несколько деревянных флигелей, из которых, впрочем, не все были отстроены вполне.[4]

Церковь святого Александра Невского. Начатые в широких размерах при епископе Амвросии строительные работы потребовали снесения некоторых старых обветшавших зданий, находившихся как в ограде монастыря, так и вне её. Приостановлена была даже *с. 210* постройка одной каменной церкви, воздвигавшейся вблизи самой монастырской ограды, а две деревянные, находившаяся тут, были совершенно снесены.

Именно, у самой кафедральной ограды стояли две деревянных церкви — одна в честь Сергия Чудотворца и другая тёплая во имя Сретения Господня.[5] В июне месяце 1753 года дано было разрешение на постройку вместо этих двух обветшавших храмов одного каменного в честь Сретения Господня с приделом имени Сергия Радонежского, в счёт некиих христолюбцев. Каменный храм и начат был стройкою. Но в это самое время, со вступлением на кафедру епископа Амвросия, были проектированы новые строительные работы в более грандиозном масштабе. Начатая стройкою каменная Сретенская церковь и две деревянные оказались не у места, «как отнимающия у настоящей катедральной соборной церкви проспект и красу», так и занимающие место, «нужнопотребное для других катедральных зданий». Распоряжением епископа Амвросия от 25 августа 1754 года велено было

> начатую строением каменную Сергиевскую церковь строить воспретить, и как оное каменное здание, так и деревянныя церкви близ онаго начатаго здания при катедральном Горицком монастыре состоящия для вышеписанных резонов велеть снесть, а вместо оных церквей как

[1] См. об этом подробнее: *Артлебен, Н. А.* Заметка о Переславском Горицком монастыре / Н. А. Артлебен // *Владимирские губернские ведомости*. — 1880. — № 36.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 80.

[3] См.: *Свирелин, А. И.* Переславский Горицкий, ныне упразднённый монастырь / А. И. Свирелин. — Владимир: Типо-литография губернского правления, 1902. — С. 26.

[4] См. там же.

[5] См.: *Холмогоров, В. И.* Материалы для истории Владимирской епархии / В. И. Холмогоров, Г. И. Холмогоров. — Владимир: Типо-литография В. А. Паркова, 1897. — Вып. 5: Переславская десятина жилых данных церквей и пустовых церковных оброчных земель. — С. 47.

с. 211

> Сергиевским прихожанам, так Даниловским и Феодоровским обывателям общим коштом на показанном благоспособном месте построить самым изрядным мастерством деревянную церковь, или ежели возможно каменную церковь с приделом; из которых настоящей быть во имя святаго благовернаго князя Александра Невскаго, по тому резону, что он (как из истории явствует) из князей Переславских, а придельной во имя преподобнаго Сергия Радонежскаго Чудотворца.

В силу такого определения все три церкви, находившиеся вблизи монастырской ограды, были снесены. Кирпич из новостроившегося каменного храма взят в архиерейский дом для строительных надобностей кафедры. Новой церкви, как предписывала консистория, однако, не построили, а перенесли лишь на то место, которое указала епархиальная власть, старую деревянную Сретенскую церковь. Церковь эта и освящена была в 1755 году во имя святого благоверного великого князя Александра Невского. Однако впоследствии прихожанами, на месте этой деревянной, выстроена была новая каменная, которую в 1785 году и освятили, но уже в честь Сретения Господня с приделом во имя Александра Невского.[1]

Другие источники строительных средств. На стройку соборного храма и монастырских зданий, кроме вотчинных доходов, шли разного рода неокладные — штрафные, доимочные и случайные доходы, какие собирала Переславская консистория. Например, 12 декабря 1754 года велено было всем священникам и диаконам, произведённым до вступления на кафедру епископа Амвросия, представить для подписания ставленные грамоты,

с. 212

причём за подписание взималось со священника по одному рублю и с диакона по 75 коп. Всего было собрано 495 руб.[2] Из них, согласно распоряжению епископа Амвросия, 463 р. 75 к. отосланы в кафедру на иконостас, а остальные переданы в келью Его Преосвященства. В следующем году собрано было с произведённых во священники и диаконы до вступления епископа Амвросия на кафедру, но пошлин ещё не заплативших, 480 р. 62 к. Из них 392 р. 62 к. в октябре этого года присланы были в казённый приказ на иконостас; остальные пошли на ризницу.[3] — 21 января 1755 года епископ Амвросий постановил:

> Священников и диаконов, которые до произведения Его Преосвященства в Переславской епархии посвящены и многие годы при своих церквах в противность правил без ставленных грамот служение имели и мирския требы исправляли, а особливо священники приходских людей на исповедь принимать дерзали, штрафовать денежным штрафом, считая с посвящения за каждый год по рублю, да сверх того, кои не платили с произведённых о них дел пошлин, брать против того, как ныне с таковых дел берётся, т.-е. с попа по 10 руб., с диакона по 7 руб., дабы впредь прочие священники и диаконы, на оное смотря, так чинить не дерзали.[4]

Таких штрафных денег со времени издания указа по 1762 год собрано было 550 руб. 89,5 коп.

с. 213

Из них 140 р. 24 к. в разное время отосланы были на иконостас, остальные употреблялись на выдачу жалованья секретарю и консисторским приказным.[5]

На этот же предмет поступали штрафные деньги, взыскиваемые с духовенства за разные другие провинности. Так, на кафедральное церковное строение епископом Амвросием велено было отдать штраф, взысканный со священника «за долговременное непрошение

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 111.
Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 1, дело № 2.
Архив Переславской духовной консистории. 1778 г., по описи № 1, дело № 7.
Подробнее см.: *Малицкий, Н. В.* Сретенская церковь в гор. Переславле / Н. В. Малицкий // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1912. — № 22.

[2] Кроме указанной суммы при этом же сборе с каждой священнической грамоты взыскано было по 25 коп. и диаконской по 15 коп. на келейников. Всего таких денег поступило 118 р. 45 к.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 62.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 47.

[5] Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 62.
На содержание секретаря и приказных, кроме того, шли следующие сборы. С епитрахильных и постихарных грамот, выдаваемых вдовым попам и диаконам, считая по рублю с попа и по 75 коп. с диакона. С 1755 года по 1762 год таких денег получено было всего 27 р. — С указов, выданных о строении и освящении церквей. С 1754 года по 1756 год такого сбора поступило 4 р. 4 к. С 1756 года сбор этот не производился. — С посылаемых по разным делам указов, считая по 25,25 коп. с указа. С 1754 года по 1762 год собрано было всего 7 р. 82,5 коп. — С увольнения от епархии церковников, по одному рублю с каждого. За тот же период получено 19 р. и др. См. там же.

о даче ставленной грамоты» (3 р.); туда же поступили девять рублей, взятые консисторией «за пролазничество к произведению во попа и диакона ниже указных лет» и другие.[1]

Архиерейская ризница. Оплатою строительных работ и материалов не исчерпывались, конечно, те денежные расходы, которые должен был нести катедральный Горицкий монастырь в правление епископа Амвросия. Приходилось прежде всего поддерживать, или лучше сказать, заводить архиерейскую ризницу. Амвросий застал её в очень скудном виде и, как большой любитель церковного благолепия, приложил немало стараний к её пополнению.

В соборной церкви гор. Переславля, где обыкновенно служил епископ Амвросий в высо- *с. 214*
которжественные дни, не оказалось, например, большого евангелия для выноса. По распоряжению Амвросия взято было для таких служений большое евангелие из Борисоглебского монастыря, что на Песках, на том основании, что в высокоторжественные дни игумен этого монастыря «по большей части находится и впредь должен быть в катедральном Горицком соборе».[2]

В октябре 1756 года Переславская контора, рассуждая, что «от Его Преосвященства давно уже приказано и неоднократно подтверждаемо было об устроении в катедральном монастыре архиерейской и прочей потребной к священнослужению ризницы и необходимо нужнаго приличествующаго к архиерейскому служению, как то рукомойника, лохани, трикирий и подсвечников серебряных, чего в том Горицком монастыре, яко новоучреждённом кафедрою, не имеется», приказала казённому приказу выслать немедленно две тысячи рублей на приобретение вышеписанных вещей (на которые серебра требовалось около пуда, равно 700 р.) и тысячу рублей на содержание Его Преосвященства и обретающихся при нём служителей и певчих.[3]

Певчие. Содержание певчих обходилось катедральному дому довольно дорого, главным образом вследствие необходимости снабжать их соответствующею приличною одеждою. В 1759 году Переславская консистория постановила иметь наблюдение над певчими бывшему в семинарии учителю Емелиану Мушинскому, «так как над ними, — по словам консистории, — указнаго должнаго смотрения и твёрдой команды не имелось, без чего те *с. 215*
певчие самовольничают в Воскресенском, а наипаче во время присутствия Его Преосвященства в Москве, кто куда хочет отлучается, и одежду, данную им дерут и марают и прочие непорядки делают».[4] — 17 февраля епископ Амвросий, усмотрев, что на певчих платье помарано и подрано, приказал за небрежение платья всех их наказать.[5]

Ставленнические пошлины. Средства, необходимые для пополнения ризницы и для содержания певчих, почерпались, как и на стройку, не только из доходов Горицкого монастыря, но и из других источников, главным образом из тех неокладных сборов, которые оставались в распоряжении Переславской кафедры.[6] Между такими сборами более крупную сумму давали так называемые ставленнические пошлины.

Несмотря на указ Святейшего Синода от 1723 года, устанавливавший определённую однообразную таксу неокладных сборов для всех епархий,[7] каждая епархия, очевидно, удерживала в этом отношении свою самостоятельную практику, повышая и понижая цифру сборов в зависимости от распоряжений местного архиерея.

---

[1] См. там же.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 119.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 104.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 712.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 117.

[6] В одном из синодальных указов эти сборы перечислены в таком порядке: «собираемые со вдовых священников, за служения без епитрахильных, а с диаконов без постихарных, штрафные, и с перехожих и с новоявленных, и настоятельских и поповских и диаконских ставленных, и о строении и освящении церквей с грамот и указов, и по челобитчиковым церковным и духовным делам пошлинные деньги». (Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1912. — Т. 3: 1746—1752 гг. — С. 139, № 1062.)

[7] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1875. — Т. 3. — № 1138.

с. 216 В Переславской епархии, по примеру Крутицкой, с 1744 года по 3 августа 1753 года ставленнические пошлины взимались в таких размерах. С производственного дела во попа из церковника бралось 4 р. 2 коп., во попа из диакона — 2 руб. 60 коп., во диакона 2 р. 60 коп.; с данных дьячкам и пономарям новоявленных памятей — 30 к.; с епитрахильных данных вдовым попам по 30 коп. и с постихарных данных вдовым диаконам по 15 коп., с увольнения в иные епархии с попов и диаконов по 1 р.; с перехожих грамот от церкви к церкви в пределах Переславской епархии — по 50 коп. с каждого человека. Все собранные за этот промежуток деньги пошли на персону Его Преосвященства.[1]

Со вступлением на Переславскую кафедру епископа Амвросия ставленнические пошлины стали собираться в увеличенном размере; именно, с производственных ставленнических дел поповских по 10 руб. с каждого, диаконских — по 7 р., дьячковских и пономарских — по 2 руб. 50 коп. Но собранные деньги теперь поступали не в пользу одного только архиерея, как раньше, а распределялись между разными лицами, имевшими то или иное отношение к поставлению на священно-церковнослужительские должности. Первое распределение
с. 217 ставленнических пошлин при епископе Амвросии произошло в октябре 1755 года. Собранные к этому времени деньги разделены были в такой пропорции: на персону Его Преосвященства — 30 р. 50 коп., на ризницу 79 р. $11\frac{1}{4}$ коп., духовнику — 4 р. $72\frac{3}{4}$ к., протодиакону — 7 р. $94\frac{1}{4}$ к., иподиаконам и певчим — 218 р. $71\frac{3}{4}$ к.

С конца 1755 года сбор и раздел ставленнических денег стал производиться, согласно резолюции епископа Амвросия, на несколько иных началах: с поповских дел бралось по 5 руб., с диаконских по 3 руб., с дьячковских и пономарских по 1 руб. 50 коп. Одна половина этих денег должна была идти на ризницу, а другая на певчих. Сверх сего взималось: на персону Его Преосвященства за подписание грамот по 1 руб. с поповских и диаконских и по 50 к. с дьячка и пономаря; по 1 руб. на братию с каждого попа и диакона и по 50 коп. с дьячка и пономаря и по 50 коп. на келейников с попа и диакона и 25 к. с дьячка и пономаря.

С 1758 года ставленнические пошлины были ещё увеличены; сверх прежнего, стало взиматься по 1 руб. с попа, по 50 к. с диакона и по 25 к. с причетников на церковное строение. Таким образом, с этого года ставленнические пошлины определялись следующей довольно высокой цифрой: с ставленнических дел во попа — 8 руб. 50 коп., во диакона — 6 руб. 50 к., дьячка и пономаря — 3 р.

С 26 октября 1755 года по 1 февраля 1762 года всех ставленнических пошлин состояло в сборе 1 626 руб. Из них на персоне Его Преосвященства взято 486 руб. 75 коп., в том
с. 218 числе епископом Амвросием 411 руб. 86 коп.; остальные деньги отданы были на братию, келейников, ризницу и певчих. На церковное катедральное строение с 1758 года (сентября 15) по 1 февраля 1762 года собрано было от ставленников и «от разных чинов людей» 788 р. 70 к.[2]

Данные и оброчные сборы. Кроме всех перечисленных сборов, употреблявшихся на местные епархиальные нужды, с церквей Переславской епархии по прежнему взимались для отсылки в Экономическую канцелярию с церквей данные, венечные и с церковных пустовых земель оброчные деньги. Сбор этих денег происходил не без затруднений и противодействия. Недоимка данных и прочих окладных сборов по Переславской епархии, представленных в Экономическую канцелярию к 1763 году, определилась в 2 140 руб. 8 коп. Указом, полученным в октябре 1763 года, предписывалось взыскать эту недоимку «беззамедлительно, под опасением штрафования духовных лиц, присутствующих в консистории, и заключения под караул секретаря и приказных».[3]

---

[1] Такое же назначение, кажется, получили деньги за отпускаемые в церкви новые антиминсы; за них при епископе Серапионе взималась плата двойная по сравнению с тем, во что они обошлись кафедре. Кафедра же платила за антиминсы — по 3 р. 42,25 коп. за атласные и по 55,25 коп. за антиминс на холсте. С 1 февраля 1756 года антиминсы стали отпускать в церкви с уплатою только их действительной стоимости.

Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 8.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 8.

Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 83.

Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 111-2.

О сборах при епископе Амвросии с епитрахильных и постихарных грамот и о назначении этих сборов см. выше, с. 90, прим. 5.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 2, дело № 64.

Глава 4

Переславская семинария. — Наборы детей в Троицкую семинарию. — Средства содержания Переславской семинарии. — Учитель Димитрий Дьячков. — Перерыв занятий и открытие их в 1755 году. — Новые учителя и распределение учебных предметов. — Ректоры семинарии и учащие. — Семинарская библиотека и рисование. — Учащиеся и набор учеников. — Содержание на казённом коште. — Заведывание семинарской суммой. — Воспитательное дело. — Исключение из семинарии. — Бегуны. — Неявка с вакации. — Церковники.

Переславская семинария. 20 марта 1753 года, как говорилось раньше,[1] епископом Серапионом издан был указ об открытии в зданиях Троицкого Данилова монастыря Переславской семинарии. Связь Переславля с Троицкой лаврой была, однако, порвана не сразу после указа. Переславские семинаристы, в количестве 61 человека, обучались в Троице-Сергиевой семинарии по сентябрь месяц 1753 года, когда они переведены были в Переславский Данилов монастырь. *с. 219*

Наборы детей в Троицкую семинарию. В последующий период существования Переславской епархии из детей её священно-церковнослужителей в Троицкую семинарию попадали лишь отдельные единицы, каждый раз по особым вызовам администрации лаврской семинарии. Вызовы эти производились на основании Синодального указа от 6 сентября 1755 года, которым велено было «из всех ближних к Свято-Троицкой Сергиевой лавре епархий из Троицких вотчин от тех церквей, кои небольше 200 вёрст [213 км] или ближе состоят, *с. 220* священно-церковнослужительских детей, российской грамоте читать и писать обученных и к наукам способных, как ныне, так и впредь для обучения в семинарию отсылать без всякаго прекословия постольку, поколику в числе имеемаго быть от оной лавры требования при тех церквах к обучению достойных сыскиваться может».

На практике приведённый синодальный указ приводил часто Переславское епархиальное начальство в столкновение с Троицкой лаврой, так как она иногда командировала учителей для сбора детей в пределах Переславской епархии без сношения с местной епархиальной властью.[2]

В 1758 году, во избежание разного рода недоразумений, Переславская консистория особой промеморией потребовала от Троицкой лавры, чтобы «впредь, когда востребуется нужда для набрания в Троицкую семинарию Переславских священно-церковнослужительских детей, Троицкая лавра заблаговременно, ещё не чиня для набора посылки, уведомляла бы консисторию, с тем, чтобы консистория могла послать и с своей стороны какого-нибудь уполномоченного, дабы при набрании детей в семинарию не было противодействия со стороны священнослужителей, а равным образом и им не было бы какого-либо отягощения». Кроме сего, консистория просила Троицкую лавру ежегодно о таких семинаристах доставлять ей ведомости по окончании вакаций, поелику эти семинаристы «ея епархиальные», а по окончании же полного учения присылать учеников при письменном сообщении, с по- *с. 221*

[1] См. выше, с. 26.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 2, дело № 65.

казанием успехов в учении, непосредственно в Переславскую консисторию, а не увольнять «с апшитами».[1]

Средства содержания Переславской семинарии. По переводе семинаристов из Троицкой лавры в Переславль, семинария в первое время содержалась на тех же началах, какие выработаны были консисторией и вошли в жизнь с 1752 года, то есть взималось с монастырей по одной деньге с ревизской мужской души, а с церквей по пяти копеек с десятины церковной земли, состоящей в посеве. Такой сбор дал в 1753 году 459 руб. 25 коп., в счёт которых необходимо было содержать семинарию и выплачивать постепенно прежний долг Троицкой лавре. К началу 1754 года за Переславской епархией числилось Троицкой лавре долга ещё 297 р. 79 коп.

В одном из своих докладов епископу Амвросию, подписанном 15 апреля 1754 года, консистория, произведя точный подсчёт собранных на семинарию денег, прямо заявила, что «таковой суммы не только на выплату долгов, но ниже на содержание оной семинарии никак быть не может». Составляется новый проект обложения церквей и монастырей, который, по мнению консистории, должен был значительно повысить сумму семинарских средств. Консисторией на этот раз предположено было обложить все монастыри, кроме Горицкого, взносами по три копейки с души состоящих в подушном окладе крестьян. Применительно к такому обложению, монастыри должны были ежегодно выплачивать:

Данилов	(3 153 д.)	94 р.	59 к.,
Никитский	(2 038 д.)	61 р.	14 к.,
Никольский что на Болоте	(276 д.)	8 р.	23 к.,
Борисоглебский на Песках	(48 д.)	1 р.	44 к.,
Борисоглебский на Горе	(225 д.)	6 р.	75 к.,
Успенский девичий в Александрове	(113 д.)	3 р.	39 к.,
Феодоровский девичий	(1 338 д.)	40 р.	14 к.,
Дмитровский Борисоглебский	(1 214 д.)	36 р.	42 к.,
Верейский Спасский Входоиерусалимский	(178 д.)	5 р.	34 к.,
Волоколамский Иосифов	(11 422 д.)	342 р.	66 к.,
Возмицкий	(502 д.)	15 р.	06 к.,
Варварский девичий	(44 д.)	1 р.	32 к.,
Можайский Лужецкий	(2 212 д.)	66 р.	36 к.,
Колоцкий	(1 069 д.)	32 р.	07 к.,
Петровский девичий	(146 д.)	4 р.	38 к.
Итого со всех монастырей	(23 978 д.)	719 р.	34 к.

К этим монастырям епископ Амвросий в своей резолюции присоединил и кафедральный Горицкий, «дабы одному монастырю пред другими не было изъятия и поноровки», и назначил взимать с него по 150 руб. в год.

С церквей и безвотчинных монастырей назначено было взимать по пяти копеек с десятины пахотной земли, да сверх того для уравнения сельских и городских священнослужителей по 1,5 к. с каждого приходского двора. 4 263 десятины, 4 263 кои числились при всех градских и сельских церквах, должны были дать 213 руб. 15 коп. Всех приходских дворов в Переславской епархии считалось по исповедным ведомостям 1744 года 4 534 двора, с которых, таким образом, имело поступить 668 руб. 1 коп. Кроме сего, предполагалось с церковных бобылей (218 душ) собирать по рублю с каждой души.

Годовой взнос на семинарию при таких сборах определялся, следовательно, в 1 968 р.
с. 223 50 к., сумму вчетверо больше той, какая собрана была в 1758 году.[2]

Правда, 1 декабря 1755 года преосвященный Амвросий, имея в виду обременительность семинарского налога, собираемого в таком размере, особенно для белого духовенства, несколько изменил условия взимания и приказал впредь «до будущаго по размежеванию церковных земель разсмотрения на содержание семинаристов собирать только по числу

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 197.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 38 и 39.

состоящих при церквах их приходских дворов, а с десятин пашенной земли, состоящей при церквах, на содержание семинаристов не собирать»,[1] тем не менее и, за вычетом этих 213 р. 15 коп., получалась немалая сумма, которая позволяла поставить дело содержания Переславской семинарии в довольно приличных условиях.

Но увеличение семинарского сбора, ставшего теперь довольно значительным, усилило на первых порах и противодействие со стороны тех лиц, которые этим сбором были обложены. Предварительно требовалось, конечно, составить необходимые и точные справочные ведомости. Для этого назначено было летнее время 1754 года. Но, как говорилось в одном из консисторских указов, «благоуспешное летнее время пришло в окончание, а требуемых ведомостей в консисторию ниоткуда не вступало». 25 августа подписан был вторичный указ «о всенепременной доставке в октябре месяце ведомостей и следуемых сборов».[2] А затем *с. 224* пошла обычная волокита, вызываемая утайкой дворов, земли, недоставкой денег. Посылались рассыльщики по инструкции, штрафовались неплатившие упрямством денег и чинившие ослушание...

В том же 1754 году оштрафованы были, например, священно-церковнослужители с. Нагорья, утаившие приходские дворы и землю. С них велено было взыскать на содержание семинаристов по числу укрытых дворов и десятин 8 руб. 29,5 коп.[3] В начале следующего года денежному штрафу за утайку дворов в с. Лучинском, Переславского уезда, подверглись не только священнослужители этого села, но и закащик, поп с. Сигори Михаил Никитин, за то, что «неправильное о числе дворов свидетельство подписал».[4] В 1758 году при производстве одного ставленнического дела обнаружилось, что причт с. Красного, Переславского уезда, утаил в ведомости 18 приходских дворов. Сделали подсчёт, и оказалось, что за пять лет, начиная с 1754 года, причтом не додано было семинарских денег, применительно к этой утайке, 1 руб. 35 коп. Консистория постановила взыскать с причта с. Красного за учинённую утайку вдвое против показанного числа.[5]

Вообще же, насколько можно видеть из сохранившихся дел, консистория, под воздействием епископа Амвросия, внимательно относившегося к вопросу о материальном содержании семинарии, действовала довольно решительно и старалась всеми мерами пресечь всякого рода *с. 225* проволочки в уплате денег и укрывательство. В таких случаях обычно виновные вызывались в консисторию или духовные правления для дачи показаний и, если замедляли явкою, то приводились силою. Когда в 1757 году поп с. Бородина Иосиф Васильев не явился в Можайское духовное правление, отговариваясь лихорадочною болезнью, консистория постановила: «не утверждаясь на таком его показании, присутствующим (духовного правления) осмотреть его в доме и что окажется репортовать».[6] Верейское духовное правление, которое к сентябрю месяцу 1758 года не дослало за прошлый год семинарских денег 129 руб. 14 коп., из коих 78 руб. 9 коп. были не досланы ещё за 1755 год,[7] подверглось суровым взысканиям со стороны епископа Амвросия. Недосланные деньги были взысканы с присутствующего в правлении протопопа Алексея Семёнова и подканцеляриста Петра Драгинского. Состав присутствующих для более исправного течения дел восполнен произведённым из семинаристов слушателем богословия священником Александром Сергеевым.[8]

Наиболее неисправными в платеже семинарских денег оказались монастыри и, как это ни странно, но именно те из них, которые обладали более значительными материальными средствами. В конце 1758 года на Феодоровском девичьем монастыре числилась недоимка ещё за 1756 год.[9] На Иосифове Волоцком монастыре к августу 1761 года было в недоимке *с. 226* 359 руб. 59 коп. Посылались неоднократно указы, но Иосифов монастырь отговаривался тем, что «записавшиеся в Осташковское купечество и прочие крестьяне и служители тех денег не платили ослушанием». В 1761 году в монастырь послан был указ с нарочным солдатом.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 133.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 95 и 96.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 106.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 11.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 340.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1757 г., № 32.
[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 232.
[8] Там же, № 238.
[9] Там же, № 398.

Солдату приказано было жить в монастыре до тех пор, пока доимка не будет выплачена, и «настоять в платеже».[1] С такими же полномочиями посланы были тогда солдаты и в другие места, за которыми числились недоимки.

Никитский и Данилов монастырь заплатили следуемые деньги только на один 1754 год. С 1755 по 1759 год отказались совершенно платить, ссылаясь на то, что вотчинные крестьяне ослушанием своим тех денег не платят. Посылались многочисленные указы, в которых разъяснялось, что этот налог не на крестьян, а на пашню, которую крестьяне пашут, но монастыри, пользуясь привилегированным положением своих настоятелей, по этим указам исполнения не чинили. Никитский монастырь в 1761 году изъявил, наконец, согласие заплатить недоимку, но только часть её, и отказался платить сбор семинарский с тех крестьян, которые были в вотчинах заопределённых, ссылаясь на то, что монастырь с них никаких доходов не получал и не получает.[2] Следуют новые указы консистории со ссылкою на определение епископа Амвросия, «которое консистория переменить не может и не должна».
с. 227 Данилов монастырь, за коим накопилось недоимочных денег 587 руб. 54 коп., на один из угрозительных указов 1761 года ответил тем, что ещё в 1753 году, в бытность Серапиона, взято было из Данилова монастыря и отослано в Троицкую лавру на выплату семинарского долга 650 руб.[3] Монастырь просил покрыть его долг в счёт этих взятых у него заимообразно и не возвращённых денег. Просьба монастыря была удовлетворена, и семинарская недоимка, таким образом, монастырём не была покрыта.[4]

Но все эти противодействия и проволочки были обычны в то время и в других епархиях.[5] При всех таких противодействиях консистория в правление епископа Амвросия, как уже говорилось выше, собирала семинарские деньги более тщательно и успешно, чем раньше, и если принять во внимание, что самая величина сборов при Амвросии была значительно повышена, то станет понятным, почему Переславская семинария, пережив счастливо невзгоды первых годов существования, во весь период правления епископа Амвросия функционировала правильно и в учебно-воспитательном отношении стояла довольно высоко.

Учитель Димитрий Дьячков. Указом от 20 марта 1753 года епископ Серапион распорядился, как мы видели выше, учредить в Троицком Даниловом монастыре семинарию. Настоятель этого монастыря архимандрит Панкратий переведён был в Иосифов Волоцкий
с. 228 монастырь на настоятельскую же должность. Перевод Панкратия из Данилова монастыря, кажется, не вызывался соображениями учебно-педагогического свойства. Епископ Серапион, как и архиепископ Арсений, ценил Панкратия довольно высоко и, вероятно, перевёл его в Волоцкий монастырь по каким-нибудь основаниям экономического характера. На это даёт некоторый намёк и указ Серапиона в том месте, где говорится о переводе архимандрита Панкратия в Волоколамский монастырь. — По его переводе долгое время в Данилов монастырь новый настоятель не назначался,[6] а епископ Серапион стал хлопотать в то время

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 613.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 440.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 339.

[3] См. выше, с. 26.

[4] Архив Данилова монастыря. 1761 г., л. 50 и 111.

[5] См.: *Малицкий, Н. В.* История Владимирской духовной семинарии / Н. В. Малицкий. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1900. — Т. 1. — С. 9—24.
Малицкий, Н. В. История Суздальской духовной семинарии / Н. В. Малицкий. — Владимир: Типография губернского правления, 1905. — С. 5—10.

[6] У протоиерея А. Свирелина в его книжке после Панкратия настоятелем назван «Вонифатий, первый ректор Переславской семинарии, с 1753 года марта 20 по 3 ноября того же года». (*Свирелин, А. И.* Переславский Троицкий Данилов монастырь / А. И. Свирелин. — 2 изд. — Владимир: Типография губернского правления, 1905. — С. 62.) Ср. статью: *Свирелин, А. И.* Епаршая Семинария и духовное училище в Переславле / А. И. Свирелин // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1866. — № 23, 24. — С. 1298. Отсюда, вероятно, и у Строева. (*Строев, П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви / П. М. Строев. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1877. — С. 668.) На самом деле такого настоятеля в Даниловом монастыре не было. Все указы после перевода Панкратия впредь до назначения Гермогена адресовались на имя казначея Данилова монастыря иеромонаха Арсения. (См. Исходящую книгу Переславской духовной консистории за 1753 год.) Преемник Панкратия Гермоген назначен был в 1755 году после особого доклада братии Данилова монастыря (доклад приведён ниже в главе VIII). Протоиерей А. Свирелин был введён в заблуждение, по всей вероятности, копиею одного письма епископа Серапиона, хранившегося в Даниловом монастыре. Письмо это приводится нами в буквальной передаче несколько ниже.

о приискании для своей епаршей семинарии особого учителя. Содействие в этих поисках оказано было епископу Серапиону некиим о. Вонифатием.[1] В архиве Данилова монастыря сохранилась копия письма епископа Серапиона к этому Вонифатию, из которого видно, *с. 229* что первый учитель для Переславской семинарии был отыскан именно им, о. Вонифатием. Письмо датировано: «28 августа. 1753 г. Гор. Переславль». Оно имеет большое значение для выяснения условий вознаграждения, на которых приглашён был в Переславскую семинарию её первый учитель.

> Преподобнейший отец Вонифатий! — писал епископ Серапион. — Писание ваше получил я весьма благоприятно, в котором изволите писать, что учитель на риторику и пиитику сыскался господин Димитрий Феодорович Дьячков, котораго по моей семинарии и довольно и больше учителей ненадобно, для того, что ретори ученики есть свои и школы меньшия могут совершенно учить. А ради прибытия ко мне в Переславль посылается дорожный прибор с сим же письмовручителем. При том объявить прошу господину учителю награждение за труды означенных школ риторики и пиитики, а именно в год круглый денег рублёв сто, хлеба четвертей 20, ярового 10, а ржи десять же четвертей, [2 099 л] на пиво солоду семь четвертей, [1 469 л] мяса пуд десять, [164 кг] масла пуд пять, келья, дрова и истопник, коляска и пара лошадей ради рекреации в неучащиеся дни будет даваться, когда господин учитель востребует куда проездиться. Сие всё объявить изволите ради знания контрактоваго его милости господину учителю, котораго прибытия и вашего свидания дожидаясь, с моею братскою любовию пребываю навсегда Преподобия вашего брата моего сердечнаго услужный архиерей смиренный Серапион епископ Переславский и Дмитровский.

Из других документов узнаём, что отысканный о. Вонифатием учитель обучался в Мос- *с. 230* ковской славяно-греко-латинской академии. Назначенное ему епископом Серапионом содержание значительно превышало тот денежный и хлебный трактамент, который отпускался учителям в половине XVIII столетия в других епархиях,[2] ввиду чего Димитрий Дьячков на сделанное предложение согласился. В сентябре месяце переведены были из Троицкой семинарии переславские семинаристы, и начались в Даниловом монастыре правильные занятия.

Согласно распоряжению епископа Серапиона, в Даниловом монастыре составлена была приблизительная смета на содержание учителя и 30 семинаристов на первую четверть года (с 1 сентября по 1 декабря). Смета составлена была с таким расчётом, чтобы не превысить того скромного бюджета, в пределах которого должна была сводить в 1753 году свой годичный баланс Переславская семинария.

На жалованье и трактамент учителю предположено было издержать 37 руб. 51,5 коп., а именно

на жалованье —			25 р.;
хлеба печёного в неделю	по одному пуду 30 фунтов	(80 к. четверть)	2 р. 30 к.;
солоду на пиво	одна четверть 6 четвериков,	по 80 к. четверть,	1 р. 40 к.;
пшеницы	2 четверти 4 четверика,	по 1 р. 60 к. четверть,	4 р.;
масла коровьего	24 фунта,	по 4 к. фунт,	96 к.;
масла постного	26 фунтов,	по 3,5 к. фунт,	91 к.;
мяса баранього	2 п. 22 ф.,	по 40 к. пуд,	1 р. 02 к.;
соли	1,5 пуда,	по 35 к. пуд,	52,5 к.;
свеч сальных	350,	по 40 к. сотня,	1 р. 40 к.

Содержание семинаристов за этот промежуток исчислено в 50 руб. 92,5 коп. Исчисление *с. 231* произведено в таких цифрах.

- Хлеба печёного 287 пудов, по 80 коп. четверть, 18 руб. 40 коп.
- На варение каши жидкой и густой овсяных круп 2 четверти 6 четвериков, по 1 р. 60 к. четверть, 4 руб. 40 коп.

---

[1] Быть может, разумеется Вонифатий Борецкий, поступивший из Киево-Софийского монастыря в сентябре 1751 года в иеромонахи проповедники в Московскую славяно-греко-латинскую академию. (История Московской славяно-греко-латинской академии. — М.: Типография В. Готье, 1855. — С. 214.)

[2] См.: *Малицкий, Н. В.* История Владимирской духовной семинарии / Н. В. Малицкий. — М.: Печатня А. И. Снегирёвой, 1900. — Т. 1. — С. 30, прим. 1.

- Гороху четверть 3 четверика, по 1 руб. 20 коп. четверть, 1 р. 65 коп.
- В воскресные и праздничные дни на печение караваев ситных муки ржаной две четверти 4 четверика, по 80 коп. четверть, 2 руб.
- Масла коровьего 2 пуда 15 ф., по 1 р. 60 к. пуд, 3 руб. 80 коп.
- Масла конопляного 1 п. 16 ф., по 1 р. 40 коп. пуд, 1 р. 96 коп.
- Мяса бараньего, по 40 коп. пуд, 4 руб.
- Мяса свиного, по 60 коп. пуд, 2 пуда 1 р. 20 к.
- Соли 3,5 пуда 1 р. 22,5 коп.
- Семя конопляное на заливание штей и кашицы в постные дни 2,5 четверика, по 15 к. четверик, 37,5 к.
- Солоду ржаного и яшнаго на квас 5 четвертей 6 четвериков, по 80 к. четверть, 4 р. 60 к.
- За подчинку обуви мастерам 69 коп.
- На мытьё рубашек с порты и в баню мыла крепкого 1 руб. 34 коп.
- Свеч сальных на каждую ночь по 9, итого 684, по 30 коп. сотня, 2 руб. 5,5 коп.[1]
- Бумаги писчей первого номера стопа и 5 дестей — 2 руб; бумаги второго номера стопа — 90 коп.; [2] чернил — 33 коп.

с. 232 Все расходы на содержание учителя и 30 учеников в три месяца определились, таким образом, по смете в 88 руб. 44 коп.[3]

Насколько можно видеть из приведённых цифр и наименования продуктов, смета по содержанию учеников рассчитана на довольно скромные и непритязательные требования. Сохранившееся в архиве Данилова монастыря прошение учеников, поданное вскоре по открытии занятий, говорит за то, что в действительности кормили ещё хуже, чем предполагалось по смете.

> Вашим архипастырским приказанием, — писали ученики, — повелено давать нам пищу добрую, а мы нижайшие получаем гнилой горох и в праздничные дни от мяса и в постные дни от рыбы ничего не получаем. Того ради Вашего Архипастырства слёзно просим, дабы соблаговолено было Вашим Архипастырским указанием определить нам в праздничные и постные дни для нашего расходу рыбы, поскольку Ваше Преосвященство изволите, а в мясопустные баранины давать в училищном Даниловом монастыре из обретающихся баранов.

Епископ Серапион написал: «Не было бы ничего меньше от пищи и пития, как и братии, а в воскресения и двунадесятые и высокоторжественные праздники вместо рыбы по $^1/_2$ фунта мяса на человека варить и в порцию давать. Октября 1 числа 1753».[4]

с. 233 Под прошением подписалось 32 человека. Этим определяется состав казённокоштных воспитанников новооткрытой Переславской семинарии. Из дел, сохранившихся в архиве Данилова монастыря, известно, что, кроме этих 32 учеников, ещё около 30 человек содержалось на своём коште.[5]

Перерыв занятий и открытие их в 1755 году. Учебным занятиям в новооткрытой семинарии суждено было продолжаться недолго. Выбор первого учителя, как это было и во Владимирской семинарии, оказался неудачным. Дело началось с жалобы, поданной на него в консисторию со стороны учеников, так как высшего начальника с правами ректора в то время в Переславской семинарии не было. Текст самой жалобы не сохранился; имеется лишь определение консистории от 11 ноября 1753 года, составленное по поводу жалобы. Это определение даёт возможность судить о характере провинностей первого учителя Переславской семинарии.

---

[1] О сальных свечах епископ Серапион дал такое распоряжение: «Свеч сальных на семинаристов давать во всяку ночь на четыре человека свеча едина, так, как и до кушания к единому блюду четыре человека должно быть. А учителю на всяку ночь давать по 3 свечи сальных же».

[2] О выдаче бумаги дано следующее распоряжение епископа Серапиона: «бумагу давать с записками по требованию учителей и учеников из казённаго приказа равно или неравно всем, сколько кому по школе ради школьных потребностей надобно».

[3] Архив Данилова монастыря. 1753 г., № 21, л. 146 и сл.

[4] Архив Данилова монастыря. 1753 год.

[5] Там же.

> Переславская консистория, слушав поданнаго сего ноября 10 дня в оную консисторию Переславскаго Данилова Троицкаго училищнаго монастыря от семинариста Якима Дьякова доношения об учинённых тоя семинарии учителем Дмитрием Дьячковым непорядках, значившихся именно в том поданном доношении, по которому для повестки посылаем был к оному учителю, дабы он по тому доношению явился в консисторию, консисторский копиист Иван Струнин, который, возвратясь, доношением объявил, что оный учитель ему, Струнину, сказал: «до меня де консистории нужды нет, я де не иду и не слушаю»; того ради приказали: всех тех семинаристов, которые показаны в том доношении именами, также того монастыря банщика Димитрия Максакова сыскать в консисторию и против онаго доношения, кого в чём подлежит, допросить, и буде по допросам дойдёт, чьи именно девки в бане (как о том в том же доношении значится) были, потому ж сыскать и допросить.[1] *с. 234*

Кажется, эта жалоба учеников, подтвердившаяся последующими расследованиями духовной консистории, послужила некоторым поводом к назначению в семинарию особого ректора. 28 ноября 1753 года резолюциею епископа Амвросия таким ректором назначен был настоятель Никитского монастыря архимандрит Нифонт, которому, как говорилось раньше,[2] велено было «и в Горицком доме над всеми вотчинными служителями и над церковным монастырским строением, а в Даниловом монастыре над семинариею до дальнейшаго разсмотрения быть правителем».[3]

Архимандрит Нифонт (Червинский) произведён был 25 ноября 1753 года настоятелем Никитского монастыря из игуменов Можайского Колоцкого. Как упоминалось выше, Нифонт, вследствие болезни, не оправдал надежд, возлагавшихся на него епископом Амвросием. Не приобрёл он расположения и в Никитском монастыре.

В июле месяце 1755 года выборные от крестьян Духовой слободки подали на него жалобу на незаконные поборы, а в 1757 году пожаловались на его «безчиния» монашествующие. *с. 235* «Вышеозначенный Никитскаго монастыря архимандрит Нифонт, — писала братия, — во время жительства своего во оном Никитском монастыре, имеет пьянственное пристрастие и в этом пьянстве чинит многия непорядочества»... Длинный перечень проступков, совершённых архимандритом Нифонтом, монашествующая братия заключала таким выразительным резюме:

> И за вышеписанным онаго архимандрита невоздержным пьянством и чинимыми в противность святых правил и государственных прав продерзостных проступков, сверх же того, что на келью его, архимандрита, употребляются расходы против прежних властей со излишеством, как о том из монастырских книг и счетов Переславская духовная консистория довольно усмотреть могла, святой Никицкой обители никакого добра, кроме всеконечнаго разорения, и приходящему для моления народу явных соблазнов и поношениев, ожидать никогда не надёжно.

По этим жалобам наряжено было следствие, на время которого архимандрит Нифонт содержался под арестом в Горицком монастыре. 18 декабря 1757 года ему дозволено было опять жить в Никитском монастыре и «для умоления Бога о своих согрешениях во всю Четыредесятницу служить преждеосвященныя литургии». Указом от 16 января 1758 года он переведён был в Дмитровский Борисоглебский монастырь. 17 апреля 1760 года Нифонт скончался в том же монастыре.[4]

Из этого краткого очерка жизни архимандрита Нифонта можно видеть, что новоназначенный епископом Амвросием первый ректор Переславской семинарии был мало пригоден *с. 236* для того, чтобы направить течение семинарской жизни в новооткрытом рассаднике по надлежащему руслу. Но и совершенно не отзываться на то, что творилось в то время в семинарии, он также, при всём своём «неращении», не мог, потому что распоряжения нового учителя приводили учебную жизнь к последствиям нежелательным и для дальнейшей судьбы молодой школы небезопасным.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1753 г., № 91.

[2] См. выше, с. 72.

[3] Архив Данилова монастыря. 1753 г., № 243.

[4] Архив Переславской духовной консистории. 1756 г., по описи № 1, дело № 84.
Архив Переславской духовной консистории. 1757 г., по описи № 1, дело № 25.
О нём см.: *Свирелин, А. И.* Описание Переславского Никитского монастыря в прежнее и нынешнее время / А. И. Свирелин. — М.: Типография А. А. Торлецкого и Ко, 1878. — С. 37.

12 декабря 1753 года, неизвестно по каким побуждениям, учитель Дьячков отпустил всех учеников из семинарии по домам на праздник Рождества Христова; в семинарии осталось всего лишь несколько человек. Рождественские праздники прошли, а из отпущенных питомцев семинарии никто, конечно, не возвратился. 14 января 1754 года архимандрит Нифонт донёс епископу Амвросию, что «по его усмотрению, обретающийся в Переславском Троицком Даниловом монастыре семинарии учитель Димитрий Дьячков весьма безобразно пьянствует и семинаристов, имеющихся на казённом и отцев коштах, почти всех пораспущал в домы, а осталось оных из 58 человек на казённом пять, отцовском коштах четыре человека, и как де ныне, так и впредь от онаго учителя учению быть, разве единых от оставших учеников шалостей, крайне ненадёжно».[1]

Епископ Амвросий 31 января 1754 года на докладе консистории написал резолюцию:

с. 237

> Переславской семинарии учитель Димитрий Дьячков житие имеет недобропорядочное, пьянственное, за которым пьянством и в семинарию не ходит... Онаго учителя за оное его пьянство от семинарии отказать, из монастыря выслать и заслуженнаго денежнаго и хлебнаго жалованья не давать... а обретающихся в том монастыре семинаристов учением и смотрением впредь до указу поручить из тех же семинаристов Феодору Богородицкому — учеников школы пиитики, Семёну Камкову — школы синтаксимы и грамматики, Исаю Елизаровскому — школы инфимы и фары, которым семинаристам велеть от бывшаго учителя той семинарии книги и прочее всё в целости принять с роспискою.[2]

Ученики, в силу консисторских распоряжений, были сысканы и, хотя не без затруднений, водворены в Даниловом монастыре. Но прерванное учение не могло уже скоро наладиться. Впоследствии об этом периоде семинарской жизни консисторский секретарь Гавриил Сокольский писал так:

> Находившийся в Переславской семинарии учитель, определённый преосвященным Серапионом, епископом бывым Переславским, Московской академии из студентов Димитрий Дьячков за пьянственные поступки от того звания по резолюции Его Преосвященства, а по докладу Переславской консистории генваря 31 дня онаго 1754 года отрешён, а вместо его, за неотысканием здесь к тому способных людей, никто в учителя не определён, с какого времени до вакационных 1754 года дней, хотя оные ученики в семинарии и находились, только без учителя в единой
>
> *с. 238*
>
> прежняго их учения репетиции упражнялись.

На вакации 1754 года учеников отпустили по домам, а после вакации снова не собирали. Не собирали, во-первых, потому, что учитель всё ещё не был отыскан, а затем «за неосновательным, — как выражается секретарь консистории, — прежним о содержании оной семинарии учреждением», то есть вследствие недостаточного материального обеспечения, каким могла располагать семинария по проекту, составленному в правление епископа Серапиона.

Новые учителя и распределение учебных предметов. Перерыв в занятиях продолжался целый год. Этот промежуток времени был употреблён епископом Амвросием на приискание новых учителей и на более правильную и продуктивную организацию епархиальных семинарских сборов. Лишь в июле 1755 года ученики собраны были в Данилов монастырь, и последовало как бы вторичное открытие занятий в Переславской семинарии, на этот раз более устойчивое.[3]

Новые учителя были отысканы из числа лиц, обучавшихся в Харьковском коллегиуме, студентов богословия. Дело произошло при следующих обстоятельствах.

Резолюциею епископа Амвросия от 10 января 1755 года положено было объявить в Харькове тем, кто «поохотится в учителя», что Его Преосвященства семинария имеет быть разделена на три класса: первый, второй и третий. В первом должно преподаваться всё то,

с. 239

что касается до грамматики; во втором — пиитика и риторика и при них древняя и новая историческая Целлариева география[4] и история; в третьем — философия и богословие,

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 2.

[2] Архив Данилова монастыря. 1753 г., № 7, л. 103.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1756 г., по описи № 2, дело № 15.

[4] Разумеется: *Cellarius, C.* Geographia antiqua et nova. — 1698.

причём первого класса учителю назначается 80, второго — 100, третьего — 150 рублей жалованья и подъём из Харькова Его Преосвященства.

Для отыскания охочих людей вскоре после этой резолюции был отправлен в Харьков секретарь консистории Г. Сокольский. Он, прибыв в Харьков, за невозможностью отыскать учителей из духовных персон, обратился к студентам богословия Харьковского коллегиума. Изъявили согласие Дамиан Малышевский и Никифор Родович, которые 10 марта и представились в Москве преосвященному Амвросию. 19 июля, по резолюции епископа Амвросия, им выдано было в зачёт будущего жалования, в поощрение трудов, по 40 руб.

В половине июля в Даниловом монастыре открыты были занятия с переславскими семинаристами, а с 1 сентября ученики подразделены были на два класса. Труд обучения старших взял на себя Дамиан Малышевский.

Кроме классов грамматики и риторики, к тому времени в Даниловом монастыре открылся ещё один класс, появление которого вызвано было безграмотностью, царившею тогда среди кандидатов в священно-церковнослужители. 23 ноября 1754 года епископ Амвросий приказал собрать всех священно-церковнослужительских возрастных детей в консисторию и Переславскую контору и здесь освидетельствовать в знании чтения, пения церковного, *с. 240*
устава, письма и гражданской печати. Кто из них окажется в чём-нибудь неисправным, тех приказано было отослать в Переславский Данилов монастырь, где учреждался для них особый класс под руководством вызванного из Тверской епархии «греческаго учителя» Ивана Евдокимова. Ивану Евдокимову определено было денег 50 руб. и пристойная при монастыре келья. Он обязывался ежемесячно представлять Амвросию ведомость об успехах порученных его заботам возрастных учеников, а затем на основании этих ведомостей должно было производиться определение на праздные священно-церковнослужительские места, «за крайнею нуждою до совершеннаго семинаристов обучения».[1] Класс Евдокимова, наполненный взрослыми питомцами, представлял из себя школу, которая в других епархиях называлась «российским классом», и являлся самым низшим в отношении к открытым с 1 сентября классам грамматики и риторики.

С 1 сентября по 25 октября 1755 года занятия в Переславской семинарии шли непрерывно и сравнительно успешно. Учитель Дамиан Малышевский за это время обучал риторов «слагать периоды и надлежащаго к периодам в слогах, коммах и мембрах украшения, також и фигур», а пиитам «экспликовал латинскую грамматику и русския вирши слагать показывал». Всех учащихся в риторике числилось 26 человек. В первом классе одни из учеников обучались рудиментам латинской грамматики, другие латинским элементам, писать по-русски и латыни и третьи писать по-русски. В этой школе считалось 66 учащихся. Общий *с. 241*
состав всех учеников, кроме русской школы, определился, таким образом, в 92 человека.[2]

Ректоры семинарии и учащие. Новая остановка и перерыв в занятиях произошли в конце октября. До 20-го октября учители, кроме обещанного денежного жалованья, получали готовый трактамент из семинарских средств. Но 20 октября епископ Амвросий, найдя получаемое ими содержание слишком высоким, распорядился не отпускать им из Данилова монастыря никаких «съестных вещей, кроме хлеба да пива». После этого Д. Малышевский оставляет своих учеников в Переславле беспризорными, является в Новый Иерусалим и заявляет епископу Амвросию, что за глазною болезнью, угрожающею ему слепотою, он не может дальше продолжать учения, и просит об обратном отпуске в Харьков. Другой учитель Никифор Родович вступает в консисторию с доношением, написанным в резком тоне, в котором обвиняет высшую школьную администрацию в нарушении контрактовых условий, заключённых с ним при вступлении на переславскую службу.

Епископ Амвросий 29 ноября на консисторском определении положил резолюцию, выражающую порицание всему учащему персоналу Переславской семинарии.

> Малышевскаго, как несостоятельнаго и к учению негоднаго, отпустить на прописанных здесь резонах (с пашепортом и известием в Белгородскую духовную консисторию о его непорядочных *с. 242*
> поступках), и вместо указнаго штрафа не изыскивать с него туне забранных денег, а зачесть

[1] Архив Переславской духовной консистории. Указы 1854 г., № 21.
[2] Архив Переславской семинарии. 1755 г., дело № 18.

> ему для его возвращения в Харьков на его посрамление. На место его во второй класс определить прокуратора Герасима Иванова Гусельщикова на основании прежняго нашего определения. О третьем же и о четвёртом, то есть о Родовиче и Евдокимове, быть так, как здесь написано.

А в определении консистории о них было написано: «Родовичу обучать по прежнему грамматику на таком жалованьи, какое ему объявлено было при выезде из Харькова, и впредь ничего не домогаться..., а учителю Евдокимову, призвав в Переславскую контору, учинить в собрании репремант, чтобы он так дерзновенно и ложно впредь не поступал»...[1]

Таким образом, состав начальствующих и учащих к началу 1756 года определился, кроме ректора архимандрита Нифонта, тремя лицами: старшим учителем был Герасим Гусельщиков, учителем первого класса Никифор Родович и российского И. Евдокимов. Ректор семинарии архимандрит Нифонт, как мы уже видели, числился высшим начальником Переславской семинарии до 1757 года, хотя после цитированного выше доклада он, кажется, не принимал в семинарских делах никакого участия. Перемена в составе учащих и в распорядке преподаваемых ими предметов произошла лишь в конце 1757 года, в связи с состоявшимся незадолго пред этим назначением нового ректора семинарии архимандрита Каллистрата.

с. 243 Указом консистории от 2 октября 1757 года учителем первого класса назначался ученик риторики Семён Камков. Учителю Никифору Родовичу велено было преподавать пиитику, а учителю и прокуратору Герасиму Гусельщикову риторику и философию. Гусельщикову, кроме того, приказано было обучать учеников географии и истории, для каковой цели прислана была Целлариева латинская книга и Цереиева русская история, называемая Mellificium historicum. По этим книгам он имел обучать всех учеников, начиная от пиитики, «по рекреациальным дням» после обеда. — Жалованье Родовичу и Гусельщикову назначено было по 100 р. «Хотя, — говорилось в консисторском указе, — Гусельщиков и более труда имеет, но в разсуждении оказанной ему Гусельщикову милости Его Преосвященства (коштом катедральным дом ему устроен) он должен быть жалованьем доволен». О жалованьи Семёна Камкова в консисторском указе было сказано: «Так как он не настоящий учитель и за тот резон, что содержится на епархиальном коште, производить ему то, что будет достоин».

Время для обучения назначено 8-й, 9-й, 10-й час, а после обеда 2-й, 3-й, 4-й час, «как везде по школам водится, а не так ходить в класс, как кому хочется». Вечером после вечерни поручено было кафедральному священнику Ивану Макарьеву обучать учеников партесному пению.

> И во всём том, — говорилось в заключение указа, — над всеми учителями иметь благопристойное смотрение архимандриту Каллистрату и о состоянии семинарии присылать в консисторию для предложения Его Преосвященству недельные репорты и при них собранныя с учеников экзерциции и оккупации для усмотрения, с каким успехом обучение производимо будет.[2]
>
> *с. 244*

В истории Переславской семинарии это первая регламентация учебных часов и учебных занятий и первый опыт строгого контроля над занятиями, путём поверки письменных ученических работ епархиальным архиереем.

Назначенный ректором семинарии архимандрит Каллистрат до 5 ноября 1753 года числился наместником Воскресенского Новый Иерусалим монастыря, находившегося под управлением архимандрита Амвросия Зертис-Каменского, где Каллистрат состоял у церковного строения. С назначением Амвросия епископом Переславским и Каллистрат синодальным указом переведён был во Владимирскую епархию для произведения во архимандрита и определён здесь настоятелем Спасского Арзамасского монастыря. Но во Владимирской епархии он не ужился. В декабре 1756 года им подано было прошение епископу Амвросию о принятии в Переславскую епархию. В прошении он, между прочим, писал: «И как в епархии Владимирской, так и в помяненном Спасском Арзамасском монастыре за некоторыми приключившимися мне от Его Преосвященства притеснениями более жить не желаю». Епископ Амвросий с радостью принял своего прежнего знакомого и в апреле 1757 года определил *с. 245* его настоятелем Данилова монастыря, «а в катедре на месте престарелаго игумена Иакова наместником и присутствующим как в катедральной конторе, так и в казённом приказе».

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 104.

[2] Архив Данилова монастыря. 1757 г., л. 118.

Ему же поручено было «и над катедральным строением иметь смотрение» и высший надзор над Переславской семинарией.[1]

Но вскоре епископу Амвросию пришлось раскаиваться в том великодушии, какое он проявил в отношении своего старого знакомого. 17 января следующего года Каллистрат переведён был в Никитский монастырь. Но здесь же вскоре (21 сентября) начался следственный процесс «о безпорядочном и безпутном производстве дела о корчёмстве», который обнаружил разного рода другие провинности, связанные с большими полномочиями, данными архимандриту Каллистрату в Переславской конторе. Оказалось, что он «многократно и самолично в епископския дела мешался», а именно:

> ко определённому не токмо ныне, но и от преждебывых архиереев закащику собою другого присутствующаго определил; попа Якима, бывшаго в запрещении, разсуждениями своими к священнослужению, да ещё в катедре Его Преосвящества допущал; церковника одного в другую епархию уволил, другого за небытие в высокоторжественные дни в своей приходской церкви у службы штрафовал; отбывающую 20-летнее время в девичьем монастыре и Богови обещавшуюся девку в градской суд за запретительным указом отослал; всякии церковныя строении без благословения Его Преосвящества у себя в монастыре самолично производил; Феодоровский монастырь через отнятие уступленной прежними властьми по записи мельничной земли *с. 246*
> и отдачу тоя двум воеводам для покосу, а третьему Угримову для выстройки избы, жалованной имянным указом мельничной пользы лишил; и другим обиды чинил, Даниловскаго иеромонаха Иосифа в конторском собрании без ведома Его Преосвящества камилавки и клобука лишил и, через две недели содержа в Данилове уже монастыре, паки оныя собою в противность Духовнаго Регламента возвратил.

Кроме того, архимандритом Каллистратом нанесены были и личные обиды Владыке, так как при разборе дела «подлинно оказалось, что он архимандрит Каллистрат о Его Преосвященстве пред знатными особами самое предосудительное сумнительство наводит».

Консистория обследовала дело и, приведя соответствующие указы, предложила на благоусмотрение епископа Амвросия: «отпустить Каллистрата из епархии по примеру покойнаго преосвященнаго Владимирскаго» (Платона Петрункевича). Епископ Амвросий 3 декабря 1759 года написал резолюцию:

> Хорошо того по прописанным правилам штрафовать, кто указное штрафование во исправление себе приемлет, а архимандрит Каллистрат от его несходственных с указами проступок многократно уже, как по делам значит, и от нас, и от консистории нашей был удерживан, однако в своенравном своём упорстве и до днесь неисправно пробыл. Того ради, не чиня ему никакого штрафования, дабы не возмнил, что мы его за свою обиду штрафуем, из нашей епархии с честью на основании консисторскаго мнения отпустить.[2]

По удалении из Переславской епархии архимандрит Каллистрат возвратился снова *с. 247*
в Арзамасский Спасский монастырь, настоятелем которого упоминается в 1761—1767 годах.[3]

По переводе Каллистрата из Данилова в Никитский монастырь, настоятелем Данилова монастыря 17 января 1758 года назначен был архимандрит Иакинф Карпинский, переведённый сюда из Дмитровского Борисоглебского монастыря. «Для твердейшаго и прочнейшаго Переславской семинарии содержания, как учёный, он определён быть и ректором оной семинарии». Но и на этот раз выбор начальника Переславской духовной школы оказался не совсем удачным.

Иакинф Карпинский родился около 1723 года; образование получил в Белгородской духовной семинарии в 1735—44 году, где прошёл все курсы в числе трудолюбивых, прилежных, весьма понятливых и доброй надежды воспитанников. В 1744 году постригся в монашество в Харьковском Покровском училищном монастыре и занял должность учителя и префекта в Харьковском коллегиуме, каковые обязанности нёс до 1757 года, когда определён был настоятелем Дмитровского Борисоглебского монастыря. Отсюда, как мы уже знаем, в начале 1758 года переведён в Переславский Данилов монастырь, где состоял настоятелем

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1757 г., по описи № 2, дело № 18.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 929.

[3] См.: *Строев, П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви / П. М. Строев. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1877. — С. 616.

по 1761 год, а затем последовательно был настоятелем: Севского Спасо-Преображенского (1761—1767), Рыльского Николаевского (1767—1771), Коломенского Голутвина (1771—1774),
с. 248 Новгородского Вяжицкого (1774), Кириллова Белозерского (1774—1792), Новгородского Юрьева (1792—1795), Московского Донского (1795—1797) и Новоспасского (1797—1798), в котором и скончался 23 ноября 1798 года. В соответствии с такими переменами настоятельских мест он состоял ректором Переславской, Коломенской и Новгородской семинарии, председательствовал в местных духовных правлениях, а по переезде в Москву назначен членом Московской синодальной конторы. В учёном мире за превосходное знание латинского языка он известен был под именем Цицерона. Сочинение его «Compendium theologiae dogmatico-polemicae» долгое время служило в семинариях в качестве учебного руководства по догматическому богословию. Осталась после него и целая книга проповедей: «Поучительные слова, в разное время сказанные Кирилло-Белозерским архимандритом Иакинфом Карпинским» (издано в Лейпциге в 1786 году и в Москве в 1790 и 1810 годах).

Частые перемещения архимандрита Иакинфа и то обстоятельство, что при своей почтенной учёности он не был произведён во епископа, объясняются его неуживчивым, вздорным характером. При перемещении Иакинфа из Севского Спасского монастыря архиерей написал такую резолюцию: «не точию покоев, чести его достойных, но пропитания пристойнаго ему у нас нет, — дать ему из епархии нашей обыкновенное, куда пожелает, увольнение для приискания себе места».[1] По этой причине он вынужден был оставить и Переславскую епархию.

с. 249 Нерачительность архимандрита Иакинфа в отношении семинарии епископ Амвросий отметил вскоре же по определении его ректором, — именно, Иакинф не счёл нужным выполнить архиерейское предписание, касавшееся подробных докладов о ходе учебного дела в семинарии; оккупации и экзерциции ученические им представлены были епископу Амвросию только один раз.

> Между тем, — по словам консистории, передававшей речь владыки, — бывший пиитический учитель Родович уволен, и что он учил и семинаристам оставил, так равно, как бы его не было, Его Преосвященству неизвестно. По прочим же всем великороссийским семинариям о состоянии ея и о преподаваемых учениях епархиальным своим преосвященным архиереям неотменно о всём репортуется, как и должно, ибо без того, что учители делают и какой успех происходит, Его Преосвященству усмотрить не из чего. А понеже Его Преосвященство прежде и сам учителем с нижних школ даже до философии и богословии находиться изволил, и каким образом учение происходит и над учителями смотрение бывает, довольно Его Преосвященству известно, почему вышеписанное всё, наипаче во отсутствии Его Преосвященства от Переславля, крайне потребно.

Ввиду такого небрежения архимандрита Иакинфа консистория, с утверждения епископа Амвросия, распорядилась:

> 1) что с вакации 1757 года по вакации сего года учителями — первым риторики и философии, вторым пиитическим, бывшим Родовичем, ученикам задавано и от онаго Родовича оставлено, оное в какой возможно скорости отобрав, прислать для предложения Его Преосвященству
> *с. 250* в консисторию; буде же Родовичем готовых прежних заданных учений чего не оставлено, то от учеников, кои получше, списанныя ими отобрать и прислать; 2) что впредь от учителей задаваться будет, считая с вакации сего года, списывая копии, купно с семинарскими оккупациями и экзерциями, присылать помесячно без всякаго упущения, дабы Его Преосвященству прилежность учительскую с того усматривать было можно, а для письма употреблять семинаристов, кои исправнее пишут, и стараться заводить в письме оным добрый характер, ибо и в том крайняя нужда настоит.

Вместе с тем архимандриту Иакинфу приказано было представить в копии проповеди, сказанные в отсутствие Его Преосвященства в Переславле,[2] и сведения о том, кто когда экспликовал с толкованием Священное Писание.[3]

---

[1] О нём см.: Православная богословская энциклопедия / Под редакцией Н. Н. Глубоковского. — СПб.: Типография Мильштейна, 1905. — Т. 6. — С. 9—10. Там же указание литературы об архимандрите Иакинфе.

[2] Архимандрит Иакинф считался выдающимся проповедником. В том же году в царский день ему поручено было от епископа Амвросия сказать проповедь в Московском Успенском соборе. С этою проповедью ему приказано было предварительно явиться к преосвященному Амвросию. (Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 411.)

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 306.

Удаление архимандрита Иакинфа из Переславского Данилова монастыря связано было с жалобой, поданной на него экономом монастыря Аароном, определённым в Данилов монастырь с тем, чтобы быть в катедральном монастыре у присмотра при работах.[1]

6 ноября 1760 года иеромонах Аарон возвратился из кирпичных заводов и направился *с. 251* в свою келью. Иакинф встретил его на дороге и выразил в резкой форме неудовольствие по поводу его отлучек из монастыря. Аарон сослался на распоряжение епископа Амвросия. «Ты, каналья, не в архиерейской команде, а в моей», возразил архимандрит. «Нет, Ваше Высокопреподобие, — сказал на это Аарон, — я в команде архипастыря моего, а не вашей». Такой ответ вывел Иакинфа из себя, и он «ударил Аарона в голову тростью своею, которая при нём имелась, из своих рук три раза, приговаривая, вот де тебе командир архипастырь». Эконом побежал в келью, но архимандрит с келейниками и двумя другими человеками нагнал его и избил колом смертно, «и приказал, — пишет эконом в обвинительном акте, — принести цепь и наложить на меня, яко на мёртваго, и долго стоял надо мною, яко над мёртвым, и очувствовався я именованный стал ему архимандриту говорить: за что Ваше Высокопреподобие так немилосердно и смертно изволите бить напрасно?» Архимандрит в ответ на это приказал отвести Аарона в караульню. Эконом снова сделал попытку уйти в келью. «Но токмо я пошёл было в келью с цепью и вошёл на лестницу, как выше показанный келейный Никитин взбежал вперёд меня и ударил меня по затылку, с котораго удара я упал с лестницы и потащили меня за цепь, и паки он архимандрит бил меня и за волосы и за бороду драл меня. И взяли за руки и за ноги и потащили меня по монастырю до караульной кельи, приказав трём солдатам меня стеречь во всю ночь со свечами»... «Во всю ночь от которых его побои, — заключает свою жалобу иеромонах *с. 252* Аарон, — харкал я кровью, о чём и свидетельствую караульными солдатами».

На допросе архимандрит Иакинф не отрицал совершенно того, что он бил Аарона, а старался оправдать свой образ действий слишком вызывающим поведением эконома, который будто бы первый затеял драку. Допрошены были свидетели и прикосновенные лица, в том числе один из учителей Переславской семинарии. Их показания были тоже не в пользу архимандрита Иакинфа.

Определением консистории на благоусмотрение епископа Амвросия предложено было: «архимандрита Иакинфа отставить и в другой монастырь без священнослужения под начал отослать». Кроме того, за увечия и бесчестие он обязывался вознаградить иеромонаха Аарона. Епископ Амвросий наложил резолюцию: «Поступить по сему. А дабы от него не было такого пролазу, как от Каллистрата, то за известие о сём представить в Святейший Синод». После такой резолюции архимандрит Иакинф обращается к епископу Амвросию и просит его об ослаблении наказания, ссылаясь на свою болезнь. Епископ Амвросий на прошении написал: «Когда монастырь игумену Иерониму при братии и приказных служителях по надлежащему сдаст, то его не за болезнию, но за оказавшееся по следствию поступки в силу консисторскаго определения отпустить на обещание в Белоградскую епархию, не лишая архимандрической чести. Что ж касается до штрафу, о том должен не нас, но того, кого обидел, просить».

Иеромонах Аарон простил свою обиду, и 5 марта 1761 года архимандриту Иакинфу выдан *с. 253* пашепорт, с которым ему, архимандриту, по прибытии в Белгород, велено было явиться «первее епархиальному преосвященному Иоасафу, епископу Белоградскому и Обоянскому, и о бытии в той епархии просить у Его Преосвященства благословения и определения».[2]

Преемником архимандрита Иакинфа по управлению семинарией был ректор Александро-Невской семинарии иеромонах Сильвестр Страгородский, оставивший Петербург за болезнью, требовавшей перемены климата. По просьбе епископа Амвросия Святейший

---

[1] Приводимый ниже инцидент стоит, вероятно, в связи с одним из докладов архимандрита Иакинфа, сообщившего епископу Амвросию о незаконных действиях иеромонаха Аарона, как присутствовавшего в казённом приказе. Доклад этот имел неприятные последствия для иеромонаха Аарона. Об этом будет сообщено ниже в главе 8 о монашестве.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1760 г., по описи № 1, дело № 120.

Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 87.

Более подробное изложение дела см.: *Смирнов, А. В.* К биографии архимандрита Иоакинфа (Карпинского) / А. В. Смирнов, Н. Бельчиков // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — Владимир: Типография губернского правления, 1910. — Т. 12. — С. 9—18.

Синод благословил его произвести в архимандрита Переславской епархии в пристойный монастырь «яко по довольным его употреблённым трудам достойнаго». 5 марта 1760 года епископ Амвросий, проживавший в то время в Москве, произвёл Сильвестра в Московском Успенском соборе в архимандрита и настоятеля Никитского монастыря.[1] 6 февраля 1761 года, незадолго до перехода из Переславской епархии, епископ Амвросий сдал в консисторию для соответствующих распоряжений следующую свою помету:

> Семинарию, что касается до обучения и надсмотрения учителей и учеников и определяемых расходчиков и приходчиков в их должностях, поручить Никитскому архимандриту Сильвестру,
с. 254 которому быть ректором, как бывал в Александроневской семинарии, и содержать Его Преосвященства Переславскую семинарию во всём таковом порядке, в каком оная Александроневская семинария за бытность Его Преосвященства учительскую бывала, а дабы за таковой труд не было без награждения, получать ему из неокладных Никитскаго монастыря доходов, буде сполна против Невскаго за чем невозможно, денежнаго в полы, то есть полутораста в год рублёв.[2]

Высшая начальственная власть в семинарии переходит, таким образом, снова к настоятелю другого, а не Данилова монастыря. Но это не сопряжено было с какими-нибудь особенными неудобствами, так как семинария к тому времени, как увидим ниже, выведена была из Данилова монастыря и помещалась в покоях катедральных.

Архимандрит Сильвестр был последним ректором в правление епископа Амвросия и его ближайшим преемником по Переславской кафедре. Более подробно о нём будет сказано в следующем выпуске.

Таковы были высшие начальники Переславской семинарии в период управления Переславской кафедрой епископа Амвросия.

В составе учащего персонала, начиная со 2 октября 1757 года, когда введён был новый распорядок учебных предметов, к 1761 году произошло также немало перемен.

с. 255 Высший класс в Переславской семинарии, как говорилось, поручен был Герасиму Гусельщикову, который выделен был среди прочих особым расположением к нему епархиальной власти. Это расположение сохранилось и в последующее время. Ещё в 1756 году ему разрешено было пользоваться диаконскими доходами Александроневской церкви, к которой он после бывшего разбора был причислен.[3] 14 июля 1758 года он рукоположен был во второго священника к той же церкви, причём на ставленническом допросе дал о себе такие сведения. Отец его был слуга Троице-Сергиевой лавры, положенный за Сергиевой лаврой в подушный оклад. Гусельщиков рано остался сиротою и в 1742 году взят был в Троицкую семинарию, в которой обучался по 1755 год, а отсюда с аттестатом уволен в Переславскую епархию, где был некоторое время прокуратором (экзаменатором), а затем и учителем.[4] — К июню месяцу 1759 года священник Герасим Гусельщиков закончил преподавание ученикам старшего класса философии,[5] и, само собою, снова возникал вопрос о новом распределении учебных предметов и наставников. Поднят этот вопрос был тем естественнее, что в составе учащего персонала к тому времени произошли уже изменения. В 1758 году оставил службу при семинарии Никифор Родович.[6] Его временно заместил прибывший из Белоградской епархии
с. 256 иеродиакон Емелиан Мушинский,[7] обучавший в Белгороде при архиерейском доме певчих русскому и латинскому языку. Иеродиакона Емелиана в 1759 году назначили надзирателем над архиерейскими певчими,[8] так как в семинарии он был сменён вызванным из Киева учителем Никифором Топольским.[9]

Ближайшим поводом к этому новому распределению предметов в 1759 году и открытию высшего класса в Переславской семинарии послужила просьба учеников философии Максима

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1760 г., по описи № 2, дело № 8.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 78.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 1 дополнительный.
[4] Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 1, дело № 88.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 447.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 265.
[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 305.
Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 1, дело № 77.
[8] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 712.
[9] Архив Данилова монастыря. 1761 г. Реестр указов, л. 27 сл.

Нагорского, Ивана Святухина, Исайи Елизаровского и Степана Березина об увольнении их из семинарии и назначении на священнослужительские места. Заслушав прошение, консистория определила:

> Понеже при помощи Божией в Переславской семинарии отныне с приказания Его Преосвященства имеет преподаваться богословия, в которой и философии ученики непременно быть должны, и, ежели означенных просителей от семинарии по их просьбе уволить, то к слушанию богословии останется только семь человек, которые, на оных взирая, также увольнения искать и Его Преосвященство утруждать могут, и когда по их воле уволить, то и богословии начинать будет не для кого, то не соблаговолено ли будет, означенных просителей от семинарии не увольнять и велеть им для пользы церкви святой оканчивать учение высших школ неотменно, а дабы как им учиться было авантажнее, так и другие, на них смотря, лучше во учении успех имели, *с. 257* для того определить им и другим, в богословии вступить имеющим, до того времени, когда и куда они по окончании учения произведутся, диаконские доходы.

Дальше следовал перечень мест, доходами с которых имели пользоваться до окончания наук студенты богословия. Кроме лиц, подавших прошение, к числу богословов здесь отнесены: Семён Камков, обучавший до сего времени в первом классе, Михаил Новлянский, Пётр Гжатский, Иван Судницын, Иван Семёнов и Иван Козин.

1 сентября 1759 года епископ Амвросий, на основании консисторского определения, велел всем перечисленным выше лицам явиться для изучения богословия. Назначение им диаконского дохода было, по-видимому, отклонено.[1]

18 сентября того же 1759 года последовало распоряжение епископа Амвросия об открытии в Переславской семинарии класса богословия и о новом распределении учителей.

Из этого распоряжения епископа Амвросия прежде всего видно, что преподавание богословия первоначально предлагалось архимандриту Иакинфу, но он отказался от такого почётного и ответственного поручения, сославшись на горловую болезнь.

> Хотя пред сим, — писал епископ Амвросий, — в бытность у нас в Новом Иерусалиме Переславскаго Троицкаго Данилова училищнаго монастыря архимандрита Иакинфа приказано было от нас ему архимандриту преподавать в нашей епархиальной семинарии богословию, на что и благословение от нас ему дано; но понеже при самом его отъезде объявил нам он архи- *с. 258* мандрит, что у него от внутренней болезни из гортани ежедневно идёт кровь, отчего и пользоваться он в Москву поехал, а по отъезде его, имея мы довольное разсуждение, дабы ему архимандриту чрез учение богословии от неминуемых трудов и большей болезни умножиться не могло, того ради определяется: 1) Оному архимандриту Иакинфу за таковою болезнию остаться при прежнем архимандрическом и директорском звании, а богословию преподавать Александроневскому священнику Герасиму Гусельщикову. 2) Понеже за переведением философических учеников в богословию, философии ныне преподаваться не будет, то принятому ныне Киевской академии студенту слышателю богословии Никифору Иосифову Топольскому учить риторики, пиитики и всех семинаристов греческаго языка со определением его Топольскаго учителем и с произвожденеем ему жалованья в силу прежняго нашего учреждения по сту рублёв в год. 3) Находившемуся ныне в Московской Заиконоспасской академии Переславскому студенту слышателю богословии Афанасию Ильинскому — нижний класс грамматику, для чего его сыскать и отправить в Переславль немедленно, а прежде обучавшаго тот класс семинариста Семёна Камкова, который должен сам слушать богословию, дабы помешательства ему не было, от того класса уволить. 4) При том же всех семинаристов обучать церковному чтению, нотному пению, чину и уставу церковному и писать добрым характером, как и прежними о том указами определено; к сему для обучения определить, выбрав из семинаристов достойных. 5) А какия *с. 259* школы, в которыя дни и часы обучать и в кои часы семинаристам ложиться спать, вставать, молитвы читать, пьесы обучать, о том для лучшаго порядка, учиня Даниловскому архимандриту, по согласию с учителями, росписание, представить при доношении к нам немедленно. 6) Чтоб семинаристы во время стола праздности и пустых разговоров не имели, но вместо того Священному Писанию и церковным историям приобучались, читать им поочереди Библию, Кормчую, Четьи-Минеи и Барония, для чего оныя Минеи новыя, также и Барония отыскав, на семинарския деньги купить и в семинарию отослать.[2]

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 702.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 704.

Таким образом, в 1759 году в Переславской семинарии открыт был высший богословский класс, чего достигнуть можно было только благодаря близкому и участливому отношению к новооткрытой школе со стороны её просвещённого архипастыря, зорко следившего за всем ходом школьной жизни.

Первым учителем богословского класса, как мы видели, назначен был учитель философии священник Герасим Гусельщиков. В течение 1759—1760 года им преподаны были «самонужнейшие трактаты», а затем слушатели богословии были «вовсе уволены от семинарии». Священник Гусельщиков после того «совершенно престал быть учителем и, следовательно, — по его словам, — и безжалованный остался». Правда, по распоряжению епископа Амвросия, ему дано было третье место между присутствующими в Переславской конторе. «Однако
с. 260 оттуда, — как писал он, — ничего ему больше разве единое против прежняго его звания прибыло преимущество, крайне безполезное и только единым именем, а не самою вещью при нём оное находится, потому что и в прошлые годы весьма мало, а ныне и никого к нему из ставленников не присылается». Что касается церковных доходов, то Гусельщикову приходило едва ли более десяти рублей, так как при Александроневской церкви три священника, состоящие кроме него, «партикулярныя и приватныя все требы отправляли». Гусельщиков пишет слёзное прошение епископу Амвросию о своём «беднейшем состоянии» и просит «в вящшее поощрение ныне сущих и впредь будущих учительских трудов, определить его в таковое звание, откуда бы ему к содержанию себе неоскудно иметь можно было довольство». Епископ Амвросий наложил на прошении резолюцию:

> Как семинаристов, так и учителей во всех семинариях пота жалованием и казённым коштом довольствуют, пока они в тех званиях пребывают; ныне же, чтобы от всего прихода сей проситель имел довольствие, то всем катедральным священникам отказать от Александроневскаго прихода и быть им по прежнему в катедре Его Преосвященства при священнослужении.[1]

7 января 1761 года священник Герасим Гусельщиков определён был преосвященным Амвросием снова в семинарию обучать учеников риторике, пиитике и греческому языку.[2] — Впоследствии Герасиму Гусельщикову суждено было играть в истории Переславской семинарии ещё более видную роль.

с. 261 Учителем пиитики, риторики и греческого языка, преподавание которого в 1759 году впервые введено было в Переславской семинарии, епископ Амвросий определил новоприбывшего из Киевской академии слушателя богословии Никифора Топольского. В 1761 году Топольский отказался от учительства, и 31 августа того же года ему выдан был из консистории «апшит».[3]

В первый грамматический класс епископ Амвросий определил тоже нового учителя Афанасия Ильинского, на место Семёна Камкова. Афанасий Ильинский, из переславских семинаристов, закончил курс учения в Московской славяно-греко-латинской академии, где в 1758 году слушал богословие. На содержание его, по распоряжению епископа Амвросия, выдавалось по десяти рублей в год из семинарских средств.[4] По определении Ильинского учителем на место Камкова, епископ Амвросий назначил ему то же жалованье, какое получал Камков, с прибавкою десяти рублей. В счёт этих денег он должен был и содержать себя.[5] Оклад его был повышен лишь в 1761 году, в связи, вероятно, с переходом в высший класс на место Топольского.[6]

Семён Камков после 1759 года больше уже не вступал на учебную службу и по окончании богословской школы вышел из семинарии на место. Незадолго до оставления учебной
с. 262 службы ему, в присутствии учителей, по распоряжению консистории, был «учинён крепкий репримант» за то, что самовольно, не спрашивая ректора, отпустил семинариста Илариона Протопопова в дом отца, священника Верейского уезда, «для взятия себе хлеба». По этому

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 592.

[2] Опись дел Переславской семинарии. 1760 г., № 37. Самого дела, к сожалению, не сохранилось.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 629.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 228-а.

Кроме Ильинского, такое же количество денег выдавалось и другому студенту Семёну Ключарёву. (Журналы консистории. 1756 г., № 44.)

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 752.

[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 721.

поводу консистория распорядилась обязать учителей подписками, чтобы «они семинаристов в домы и никуда сами отнюдь не увольняли и своевольств не учиняли».[1]

Четвёртым пунктом указа епископа Амвросия от 18 сентября 1759 года было распоряжение об обучении семинаристов церковному чтению, нотному пению, чину и уставу церковному и писать добрым характером, к чему приказано было определить достойных из семинаристов. Для обучения пению и чтению безграмотных возрастных священно-церковнослужительских детей ещё в 1754 году был назначен Иван Евдокимов с производством ему жалованья по 50 руб. в год. Распоряжением от 2 октября 1757 года, как упоминалось выше, назначен был к обучению семинаристов нотному пению кафедральный священник Иван Макарьев. Иван Евдокимов при этом по-прежнему оставался учителем в Переславской семинарии, что можно видеть из одного консисторского указа от 2 сентября 1758 года, по которому ему выдано было за первое полугодие жалованье.[2] — В ноябре месяце 1760 года обучать семинаристов нотному пению приказано было «назначенному для произведения в катедру во диакона Андрею Григорьеву, с тем, чтобы к приезду Его Преосвященства в Переславль *с. 263* (для освящения церкви) из певчих и семинаристов был церковной исправный хор».[3]

Вопрос о выработке доброго характера письма у семинаристов возникал ещё раньше до издания цитированного распоряжения епископа Амвросия. Ещё указом от 9 октября 1758 года директору семинарии архимандриту Иакинфу приказано было «стараться заводить в письме у семинаристов добрый характер, ибо и в том крайняя нужда настоит».[4] 15 июля консистория усмотрела из присланных семинарских оккупаций и экзерциций, «что надсмотрения и старания в том письме ни от кого нет». Послали вторичный указ директору «об обучении оных семинаристов самому доброму характеру письма и точно на попись катедральнаго казённаго приказа пищика Димитрия Борисова с таковым подтверждением, что ежели и ныне усмотрится в письме семинаристов худой характер и не такою описью, за то оный архимандрит и учители имеют быть штрафованы».[5] В распоряжении от 18 сентября 1759 года епископ Амвросий только, следовательно, подтверждает отмеченное в указе консистории.

В пятом пункте своего определения епископ Амвросий требует составления подробного расписания учебных часов и неучебного времени. Требование это не было выполнено сразу. Расписание было представлено, но в нём разметили лишь дни, «а о часах представлено безпорядочно, ибо в котором часу спать и вставать, также начинать учение всякое и выходить *с. 264* из школы не написано, знатно от великаго ума или от умыслу». Указом от 22 октября консистория вторично затребовала «особливаго росписания о днях и часах».[6] К сожалению, этого расписания в архивных делах не сохранилось.

Семинарская библиотека и рисование. Последний пункт распоряжения епископа Амвросия касался чтения книг за трапезой и приобретения семинарией для этой цели ценных изданий Четий-Миней и Барония.

Относительно приобретения книг вообще надо заметить, что епископ Амвросий, как просвещённый иерарх, понимал, насколько для успеха обучения в Переславской семинарии важно завести соответствующую библиотеку, и не только поручал семинарской администрации приобретать ту или другую нужную книгу, но по временам делал это и сам. В 1760 году, например, Амвросий приобрёл для семинарии у секунд-майора Льва Воинова в Москве 142 латинских книги разного наименования, которые и велел занести в каталог семинарской библиотеки.[7] 8 апреля того же 1760 года Амвросий приказал приобрести для семинарии вышедшую в 1757 году «Сокращённую анатомию» Гейстера, стоившую 8 руб. 45 коп.[8]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 513.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 174.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 589.
[4] См. выше, с. 104.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 552.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 793.
[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 8.
[8] Там же, № 148.

18 апреля распорядился приобрести для семинарии два глобуса — один небесный, другой земной, и атлас древних городов, за всё это заплачена солидная по тому времени сумма
с. 265 88 руб. 50 коп.[1] 27 апреля, по его распоряжению, куплено было для Переславской семинарии 15 альваров и пять лексиконов Целлариевых латинских с российским и немецким переводом.[2] В сентябре того же года в семинарию были присланы два экземпляра Четьи-Миней, за каждый из которых заплачено по 16 р. По одному экземпляру таких же Четьи-Миней было приобретено, по распоряжению епископа Амвросия, во все монастыри, располагавшие для этого средствами.[3] 7 декабря 1760 года, по приказанию Амвросия, приобретены были в Переславскую семинарию десять греко-латинских книг Иеремии, патриарха Константинопольского (по 1 р. 80 коп.), и несколько латинских, в числе которых были Цезарь, Саллюстий и римская история Евтропия. За все эти книги заплачено 32 руб. 45 коп.[4]

На основании этих небольших извлечений из архивных дел 1760—1761 года можно видеть, что семинария, благодаря вниманию и настойчивости епископа Амвросия, положила в период его управления епархией солидное основание для своей библиотеки. В этом отношении она была поставлена в более счастливые условия, чем её сверстницы и ближайшие соседки — семинарии Владимирская и Суздальская. Кроме просвещённого внимания епископа Амвросия, обогащением своей библиотеки книжными сокровищами Переславская семинария очень много обязана и сравнительно большей своей материальной обеспеченности, созданной опять-таки стараниями и усилиями её архипастыря.

с. 266 Школьные предметы, перечисленные выше, были обычны в школьной практике того времени. Кроме их, в Переславской семинарии преподавался ещё один, появление которого в системе семинарских наук и искусств объясняется чисто личными симпатиями к нему епископа Амвросия. Это — рисование. Открытие класса рисования в Переславской семинарии произошло при таких обстоятельствах.

18 октября 1759 года ректор Иакинф сообщил в консисторию письменный реестр учеников низшего класса, оказавшихся крайне неспособными к обучению, и просил уволить их от латинской школы и позволить обучать одной русской. Таких «безспособных» семинаристов оказалось 14 человек.[5] Впоследствии такой же реестр был представлен и относительно учеников других старших классов. Епископ Амвросий, прочитав поданные реестры, велел

> из числа сих семинаристов из каждаго заказа по два, а из градских Переславских переросльіх четыре выбрать и школу рисовальную и живописную для нужнопотребнаго церковнаго дела при семинарии Его Преосвященства завести, в которую по искусству сего художества определить дьячка Можайскаго собора Степана Степанова, с произвождением ему денежнаго и хлебнаго жалования противу окладу катедральных Его Преосвященства диаконов из семинарской суммы, и построить ему дом близ катедры казённый.

Назначение учителя рисования состоялось, конечно, без его согласия, и дьячок Степан
с. 267 Степанов, получивши консисторский указ, облекавший его новым званием, не проявил особой радости, а сразу же стал просить об отсрочке по явке в Переславль. Отсрочили до 1 мая.[6] Но он и к этому времени не явился, так что 17 июля выслан был в Переславль по особо присланному указу. Прожив в Переславле около месяца, Степан Степанов затосковал по родному городу и 7 сентября «учинил тайно утечку», забрав с собою свой небогатый скарб, хранившийся в небольшом сундучке. Начались немедленно самые тщательные розыски, вследствие которых дьячок 22 сентября явился с повинною в консисторию, где жаловался на ножную болезнь и просил уволить его за означенною болезнью в свой дом до выздоровления. Консистория, на основании указа Святейшего Синода 1732 года об отлучках священнослужителей,[7] постановила: «означенному дьячку Степану Степанову за побег учинить наказание и отослать паки в Переславскую контору». Епископ Амвросий

---

[1] Там же, № 179.
[2] Там же, № 189.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 445.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 647.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 845.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 142.
[7] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1890. — Т. 7. — № 2555.

30 сентября на консисторском определении написал: «Учинить по сему, точию наказание оставить, ежели подпишется быть рисовальным и художественным учителем при семинарии».[1] Степан Степанов дал требуемую подписку и не только не был наказан, но произведён даже во диакона кафедрального собора.

5 марта 1761 года консистория по докладу Степана Степанова определила купить «следующие потребные для рисовальнаго и живописнаго художества инструменты, а именно: *с. 268* две готовальни немецкия, печатную Санкт Петербургскую рисовальную азбуку, карандашей краснаго и чернаго по фунту, чернил китайских по бруску на человека, кистей бельих сто, для рисования бумаги подлежащее число, да свеч, считая по одной на два человека».[2]

Таковы были лица, учащие в Переславской семинарии в первый период её существования, и таков круг школьных предметов, которые здесь проходились.

Учащиеся и набор учеников. Число учеников в Переславской семинарии по возобновлении в ней занятий в 1755 году определено было распоряжением епископа Амвросия цифрой 106,[3] но достигло лишь 96 человек. В списке, составленном в июле 1758 года, их числится вместе с учениками русской школы только 92. Наборы детей в семинарию происходили не ежегодно, а периодически, по мере надобности, и производились на основании особых распоряжений консистории. Один из самых строгих наборов священно-церковнослужительских детей произведён был в 1759 году, когда семинария значительно восполнила свой состав учащихся новонабранными учениками.

Для производства этого набора консистория имела в своём распоряжении ведомости о родившихся после ревизии священно-церковнослужительских детях, с обозначением, кто чему обучен, присланные из духовных правлений в 1757 году. Но приняв во внимание, что *с. 269* «оныя сочинены, как из репортов видно, по сказкам отцов и родственников, кои обыкновенно учение детям, а паче лета для отбывательства от семинарии неправильно показывают, как то не единажды уже по делам явилось», консистория определила послать во все духовные правления и заказы распоряжения о составлении новых ведомостей. Ведомости эти должны были заключать пять линий. В первой линии имел обозначаться номер, во второй — название села и указание количества приходских дворов, в третьей — поимённый перечень священно-церковнослужительских детей с обозначением лет, в четвёртой — кто и чему из этих детей обучен или обучается, а пятую линию велено было оставлять попросторнее для отметки, кто к чему по рассмотрению способен окажется. Составление ведомостей должно было закончиться к 15 сентября. Под каждой ведомостью должна была находиться подпись закащика, «с подтверждением, что в ней все священно-церковнослужительския дети написаны без утайки и лета и учение их написаны правильно». За ложное показание консистория угрожала закащикам лишением званий. Все такие ведомости немедленно по составлении должны быть представлены духовными правлениями и заказами в консисторию. К 20 сентября дети, внесённые в списки по Переславской десятине и Александровскому заказу, кроме малолетних, — возрастом менее пяти лет, имели быть представлены в Переславскую контору и здесь освидетельствованы в порядке списка. Присутствующий конторы должен был отмечать в ведомости, кто чему обучен и к чему способен. Учитель *с. 270* иеродиакон Емельян имел при этом произвести выбор «алтистов и дишкантов» в певчие. По окончании освидетельствования, выбранных в певчие повелевалось немедленно передать для обучения иеродиакону Емельяну, а из остальных, кто окажется годным к учению, детей более состоятельных родителей (именно из приходов, где не менее ста дворов) приказано было отсылать для обучения на отцовском коште в семинарию, а сирот же и церковнических детей малоприходных сёл пока отпустить по домам до дальнейших распоряжений, составив только о них особливые реестры. Дети священно-церковнослужителей прочих уездов должны были собраться после 20 сентября по каждому уезду в свои духовные правления и заказы и затем вместе с закащиками и подьячими явиться в духовную консисторию в таком порядке: из Новоиерусалимского заказа к 23 сентября, из Дмитровского к 25, из Нерльского к 28, из Можайского к 1 октября, из Гжатского к 3, из Волоколамского к 5, из Рузского к 8

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 508.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 168.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 126.

и Верейского к 10 октября. В консистории имела произойти разборка такого же рода, какую предписано было сделать раньше в Переславской конторе.[1]

По окончании разбора к поступлению в семинарию назначено было всего 86 мальчиков. Но по просьбе родителей, все они после разбора на некоторое время отпущены были в дома, и в результате получилось, что к назначенному сроку из 86 мальчиков явились
с. 271 только 43. 6-го ноября из консистории во все духовные правления и заказы посланы были подтвердительные заказы, чтобы всех неявившихся семинаристов закащики самолично собирали и представляли в Переславль, где под расписку сдавали директору; в случае неисполнения сего во всякой скорости, консистория угрожала им лишением не только звания закащика, но и мест своих.[2]

В 1759 году произведён был генеральный набор учащихся. В другие годы приём в семинарию носил более частичный характер и производился на основании отдельных распоряжений, издаваемых епископской властью.

Содержание на казённом коште. Из поступавших в семинарию детей сироты и дети более бедных церковников содержались на казённый счёт, то есть пользовались помещением, столом, а некоторые из сирот и одеждою. Согласно расписанию, конфирмованному епископом Амвросием, из одежды выдавалось каждому сироте в зимнее время шапка и в летнее шляпа, затем кафтан и шуба. Сукно на кафтан, овчины и крашенина на шубы покупались отдельно и за-тем из этих материалов изготовлялась одежда по мере надобности. Так же шились и сапоги.[3] Из казённокоштных сирот не получали одежды только те, которые по великовозрастию или неспособности к латинскому языку обучались одной российской грамоте и письму, то есть состоявшие в так называемом российском классе.[4]

В архиве Данилова монастыря сохранилась полная роспись расходов на содержание
с. 272 бурсы в первый учебный год по возобновлении занятий, то есть 1755—1756 году. Расписание это значительно превышает сметную цифру расхода, установленную для семинарского общежития при открытии Переславской семинарии.[5] Но теперь содержалось уже не 80 казённокоштных воспитанников, а 60, из которых 20 были сиротами, пользовавшимися одеждою. Для такого увеличения расходов по содержанию бурсы семинария с этого года располагала и достаточными ресурсами, благодаря новой системе обложения, утверждённой епископом Амвросием. Расходы в 1755—56 учебном году производились в течение 319 кормовых дней для всех 60 казённокоштных воспитанников и 47 вакациальных для 20 сирот. В росписи расходы по содержанию семинаристов перечислены в таком виде.

- Хлеба печёного по 3 фунта [1 229 г] на каждого человека в день, в течение года 1 606 пудов [26 307 кг] на 160 руб. 60 коп.
- Мяса на 67 дней, в мясоястия, высокоторжественные дни, праздничные и субботние, по 20 фунтов в день, да в заговенья по 1 пуду — 36 п. 20 ф., [597,9 кг] да в вакацию 1 п. 36 ф., [31,1 кг] всего на 23 р. 4 коп.
- В постные таковые же дни белужины 4 п. 26,5 ф., [76,4 кг] всего на 3 р. 75 коп.
- Масла коровьего во щи и кашу по 3 фунта в день, всего на 17 р. 57,5 коп.
- Масла постного по 3 ф. в день — 13 п. 13,5 ф. — 20 руб.
- Снятков псковских во щи в посты по гарнцу, 3 четверти 57 гарнцев, [817 л] 4 руб. 40 коп.
- Толокна в великий пост, 2 ф. на три человека, 46 п., [754 кг] на 13 руб. 80 коп.
- *с. 273* На кисель овсяной муки по понедельникам, средам и пяткам в посты: Филиппов, Петров и Успенский по 4 четверика — 10 четвертей и 6 четвериков, [2 257 л] на 5 руб. 37,5 коп.
- На кашу овсяных круп или яшных, по 4 гарнца в день — 22 четверти, 7 четвериков, [4 802 л] 36 р. 60 коп.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 656.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 834.
Архив Переславской духовной консистории. 1759 г., по описи № 1, дело № 30.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Журналы 1757 г., № 316.
[4] Там же.
[5] См. выше, с. 97.

- Соли по 3 фунта в день — 25 п. 4 ф., [411,2 кг] 8 руб. 78,5 коп.
- Капусты по 6 вёдер в день, всего 2 008 вёдер, [24 697 л] на 30 руб. 12 коп.
- Квасу 9 вар, в каждую по 3,5 четверти солоду ржаного и столько же яшного, всего 63 четверти; [13 224 л] в каждой вари квасу 13 бочек сорокавёдерных, всего 117 бочек или 4 680 вёдер, [57 561 л] полагая в каждый день по 13 вёдер, на 53 р. 55 к.
- Рабочим за вари — 3 руб. 60 коп.
- Дров на отопление семинарии и бурсы 100 сажен, [324 куб. м] всего на 50 руб.
- Бумаги на каждого человека № 1-го и 2-го по две дести и № 3-го по три дести, всего на 27 р.
- Чернил пять вёдер на 1 р. 50 коп.
- Свеч сальных по свече на 4 человека с 1 сентября по 16 апреля, на 228 дней, всего 3 420 свеч, на 10 руб. 26 коп.
- 20 сиротам на два года выдавалась зимняя шапка кожаная с ушами, подпушкою выхухлевою по 40 коп. за шапку, 8 руб.
- Им же летом по шляпе в 20 коп. — 4 руб.
- Кафтан сермяжный по 1 руб. 50 коп.
- Шуба баранья по 2 руб. 07 коп.
- Казакин сукна сермяжного в 1 р. 38 коп.
- Пара сапогов и 1 головы, 2 пары белья.
- Хлебнику и двум поварам жалованья по 2 р., хлеба ржи и овса по 6 четвертей, [1 259 л] всего 6 руб. и хлеба на 9 руб. *с. 274*

Всего на содержание казённокоштных учеников с прислугою и прочим домашним обиходом исчислено в год 681 руб. 49 коп., а за выключением вещей, кои куплены не на один год, 607 р. 80 коп., полагая круглым числом в год на каждого человека по 10 руб. 13 коп.[1]

Комплект выдаваемой сиротам одежды и качество её, понятно, не всегда были одинаковы и находились в зависимости от состояния в данное время денежных семинарских сумм. В 1761 году, например, сиротам 34 человекам выдано было, кроме тулупов, крытых пестрядью, и пестрядинные камзолы с длинными штанами. Для такой выдачи на 34 человека пришлось приобрести 304 овчины на сумму 55 руб. 04 коп. (приблизительно по 18 коп. овчина) и 475 аршин [337,8 м] пестряди по 10,5 к. аршин на общую сумму 49 р. 87,5 коп. Кроме того, издержано было на нитки по 3 коп. на каждый комплект одежды, всего 1 р. 02 коп., да по 3 немецких пуговицы медных к каждым штанам, по деньге за каждую пуговицу, всего на 51 коп. В счёт этой суммы не вошла плата за пошитье одежды.[2]

Число казённокоштных воспитанников в разные годы также изменялось и после 1755 года значительно понизилось. Согласно первоначальному определению епископа Амвросия, положено было содержать на казённом коште 60 учеников при 106 человеках общего числа учащихся. Впоследствии епископ Амвросий понизил как норму общего количества учеников *с. 275* (до 81), так и содержимых на казённом коште (48).[3] В действительности же как общее число учащихся, так и казённокоштных не достигало и этой пониженной нормы. В 1761 году, например, числилось 35 казённокоштных учеников,[4] а к 1763 году всего лишь 28, при 62 учащихся.[5]

Заведывание семинарской суммой. Ближайшее заведывание семинарской суммой возложено было епископом Амвросием на катедральный казённый приказ. Ведали же всякие расходы по содержанию семинаристов особые расходчики. До 1 ноября 1757 года расходчиком состоял монастырский служитель Феодор Конюхов,[6] а с этого дня назначен был епископом Амвросием катедральный служитель Яков Яйцов. 18 мая 1761 года Яйцов умер, и на его место определён другой катедральный служитель Иван Халезов.[7] Расходчик обыкновенно

[1] *Свирелин, А. И.* Епаршая Семинария и духовное училище в Переславле / А. И. Свирелин // *Владимирские епархиальные ведомости*. — 1866. — № 23, 24. — С. 1304—1305.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 394.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 126.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 692.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 126.

[6] Архив Данилова монастыря. 1757 г., л. 72.

[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 395.

приобретал оптом провизию и другие необходимые предметы для ученического обихода и отпускал ежедневно согласно заявлениям директора, учителей или сениора, записывая каждую выдачу в особую приходо-расходную книгу. Казённый приказ контролировал правильность ведения записей и проверял сумму общих итогов.[1]

Выдача нужных предметов по содержанию семинаристов производилась не всегда по первому требованию семинарского начальства, что иногда давало повод к столкновениям и жалобам. 30 сентября 1758 года Переславская консистория заслушала доношение архимандрита Иакинфа, которым он представлял, что из казённого приказа по требованиям семинаристов бумаги не выдано, и просил «о поручении в его ведомство ведения семинарского прихода и расхода, или о безволокитной выдаче, как ныне, так и впредь потребнонужных к содержанию семинаристов потребностей». По поводу этой жалобы Переславской конторе и казённому приказу послан был угрозительный указ: «семинаристам пищу, бумагу и прочее, что от Его Преосвященства определено, выдавать без задержания под опасением за остановку штрафа».[2]

с. 276

Ученики, не пользовавшиеся казённым содержанием, но не располагавшие достаточными средствами к содержанию себя на своём, как и в других семинариях, получали доходы с утверждённых за ними священно-церковнослужительских мест. Такие места утверждались по преимуществу за учениками старших классов, утверждались по особым прошениям, на основании справок об успехах и поведении их, выдаваемых учителями.[3]

Несмотря на все приведённые выше расходы по содержанию как учителей, так и учеников, сбор, получаемый с епархии, за покрытием всех означенных издержек, давал некоторый излишек, открывший возможность епископу Амвросию в 1760 году возбудить вопрос о постройке для семинарии собственного здания.

с. 277

На смете, составленной архитектором, склонявшимся к постройке каменного здания, епископ Амвросий сделал помету:

> Как прописанные материалы, так и подрядчиков и мастеровых подрядить на семинарский счёт для семинарии, которую строить под горою против катедры Его Преосвященства, отступя от оной к озеру на 50 сажен [107 м] для жилого строения и от онаго жилья по обеим сторонам сделать полуциркульную ограду каменную в притику к Горицкой ограде.

Но при более тщательном подсчёте оказалось, что материалы для каменной стройки и оплата работ каменщиков, кроме всех остальных работ и приспособлений, обойдутся свыше трёх тысяч, тогда как стоимость материалов для деревянной стройки, по подсчёту консистории, не должна была превысить 800 руб. Основываясь на этом, консистория в своём определении более склонялась к стройке деревянной на каменном фундаменте, на том именно месте, которое указал епископ Амвросий. При этом консистория особенно настаивала, чтобы как вся постройка производилась, так и необходимые материалы были приобретаемы исключительно на семинарские средства, ввиду других строительных работ, производившихся одновременно в кафедре.[4]

На этом определении консистории положена была архиерейская резолюция: «оставить до общаго разсмотрения». Но, по-видимому, епископ Амвросий согласился с мнением консистории и начал необходимые приготовления к постройке семинарских корпусов. Часть материалов для них взята была из старого монастырского строения, но большая часть приобретена на семинарские средства.

с. 278

Самая постройка зданий производилась уже по переводе епископа Амвросия на Крутицкую кафедру, на порожнем месте, находившемся от западной стены ограды до конюшенного двора. Здесь на расстоянии 71 сажени [151 м] выстроены были четыре корпуса для семинаристов. В первом, длиною 19 сажен, [41 м] шириною 4 сажени, [9 м] помещались четыре покоя и кухня. Во втором, длиною 12,5 сажен [27 м] и четыре сажени шириною, имелись два покоя для школы; покои эти устроены были с выступом для жилья учителей. Третье здание, длиною 11 сажен, [23 м] предназначалось для семинарского общежития. В четвёртом,

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 635.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 272.
[3] См., например, протоколы 1761 г., № 692.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 557.

длиною 12,5 сажен, поперёк 2,5 сажени, [5 м] помещались два погреба и конюшня. Все корпуса крыты были тёсом и огорожены забором.[1]

Надобно думать, что постройка этих корпусов, хотя, может быть, и не всех, к концу 1762 года ещё не была закончена, так как в приходо-расходных семинарских книгах за 1763 год занесены расходы по оплате «построенных при кафедре для семинаристов покоев». Из этой же приходо-расходной книги можно видеть, что в Осиповой пустыни, приписанной к Борисоглебскому монастырю, что на Песках, куплены были какие-то деревянные покои за 70 руб., которые и перевезли в Горицкий монастырь, здесь собрали и покрыли.

За постройку семинарских покоев и за материалы для них уплачена была катедральному домовотчинному правлению довольно значительная сумма. Впрочем, и семинарская казна *с. 279* в то время располагала значительными средствами; например, после расплаты за постройку и оплаты всех расходов по содержанию семинаристов в 1762 году к 1 января 1763 года оставалось 3 665 руб. 88¾ коп.[2] Но это уже относится к последующему времени и более подробно имеет быть изложено в следующем выпуске...

Воспитательное дело. Воспитательное дело в Переславской семинарии поставлено было на таких же началах, на которых оно велось вообще в дореформенных семинариях. Учеников трактовали не как питомцев, воспитанников, а как полноправных граждан, ответственных за свои проступки и караемых по всей строгости существовавших законов. Режим семинарский являлся вообще суровым режимом, и «быть судиму по семинарским регулам» — являлось угрозой даже в отношении к таким лицам, которых могли смирять довольно жестоко и независимо от таких регул.

В декабре месяце 1757 года учитель Никифор Родович заявил епископу Амвросию жалобу на проживавшего в Даниловом монастыре Кондрата Нестерова, причинившего ему обиды. 30 декабря епископ Амвросий приказал объявить Даниловскому настоятелю Каллистрату, «дабы он вышеписаннаго Кондрата от таковых противных поступков усмирил, а ежели и за сим он Кондрат учителям обиды и озлобления оказывать дерзнёт, за то он усмирён *с. 280* будет самим учителем в семинарии по семинарским регулам».[3]

В 1758 году потребовалось даже из Переславской консистории послать в семинарию особый указ «о ненаказывании учителям семинаристов жестокими наказаниями».[4]

Исключение из семинарии. Сведений о каких-нибудь особенных нарушениях семинарской дисциплины за означенный период Переславский архив нам не сохранил. Известно только, что в 1756 году, по докладу учителей Герасима Гусельщикова и Никифора Родовича, семинаристу Михаилу Подмошкину за непорядочные его проступки, по распоряжению епископа Амвросия, учинили при собрании всех семинаристов наказание, после которого он отослан был «за его шалости» в катедральную работу, то есть к участию в строительных работах, производившихся при кафедре. Когда через некоторое время катедральная контора прислала его обратно в семинарию, учитель заявил, что «он словесно просил Его Преосвященство Подмошкина за худые его проступки исключить из семинарии, дабы и впредь прочим семинаристам не был он соблазном, на что Его Преосвященство соизволил».[5] Какого рода были шалости, допущенные Подмошкиным, архивные дела не говорят. Но, по всей вероятности, это было что-нибудь выходящее из ряда обыкновенного, так как увольнения в дореформенной семинарии допускались лишь в исключительных случаях.

29 мая 1757 года епископ Амвросий в ответ на доношение катедральной конторы *с. 281* «о исключении негодных семинаристов и о добавлении достойными» велел:

> Набранных семинаристов, как конторе, так и учителям, кроме вакации, отнюдь не распущать и за негодностью или неспособностью к школам от учения отнюдь не исключать, а буде таковые

[1] См.: *Свирелин, А. И.* Переславский Горицкий, ныне упразднённый монастырь / А. И. Свирелин. — Владимир: Типо-литография губернского правления, 1902. — С. 27. — Назначение семинарских корпусов у А. Свирелина определено неверно.

[2] Архив Переславской семинарии. 1765 г., № 59.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1757 г., № 1 дополнительный.

[4] Архив Данилова монастыря. 1761 г. Реестр указов, л. 27 сл.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Журналы 1756 г., № 36.

совершенно окажутся, о тех во время присутствия Его Преосвященства в Переславле представлять, где по самоперсональному усмотрению, ежели и подлинно таковые явятся, имеют быть они определены для обучения исправно российской грамоте, пению, чина и устава церковнаго, а в домы отпусканы не будут.[1]

Бегуны. Такие подневольные ученики представляли собою, естественно, плохой материал как для учебного, так и для воспитательного дела, и при первой возможности старались «избыть школьной науки». Ни одна из семинарий, расположенных на территории нынешней Владимирской губернии, не дала такого обильного количества дел, касающихся бегунов и неявившихся в семинарию, какое даёт семинария Переславская. Объясняется это обстоятельство, вероятно, не столько суровостью царившего здесь, по сравнению с другими семинариями, режима, сколько обычаем отпускать семинаристов на вакационные и праздничные дни, — обычаем, вошедшим в практику с первого же года по основании семинарии. После таких отпусков Переславская консистория вынуждена была постоянно начинать дело «об отцах укрывателях и семинаристах, неявившихся или состоящих в бегах». — Увеличивали, далее, число бегунов и те неспособные, которых насильно удерживали в российском
с. 282 классе, а особенно те взрослые дети церковников и сами церковники, которых присылали в Данилов монастырь для обучения славянской грамоте и церковному богослужению.

В предотвращение побегов из семинарии и неявки в срок, епархиальное начальство применяло меры строгих взысканий не только в отношении к ученикам, но и к лицам, удерживавшим детей дома.

30 мая 1757 года последовало распоряжение, чтобы катедральная контора для ускорения дела, в случае бегства семинаристов или неявки в срок, сносилась не с консисторией, а непосредственно с духовными правлениями, а при обнаружении послаблений со стороны духовных правлений доносила бы консистории, после чего с духовных правлений будет взыскиваться соответствующий штраф.

Августа 13-го 1757 года дано было распоряжение, чтобы из катедральной конторы во все духовные правления сообщались списки обучающихся в семинарии. Духовные правления должны были чинить наблюдение во всякую треть года «и кои явятся, кроме вакации, тех имая, без всякаго продолжения времени и без малейшей поноровки при письменных видах отсылать на коште отцов их или родственников в Переславскую катедральную контору, а отцов их за удержание к штрафованию присылать в консисторию».[2]

Но нелюбовь к школьной науке, жажда свободной жизни под родительским кровом, родительское снисхождение и привязанность к детям брали перевес над всеми угрозами и ожидаемыми последствиями послаблений, поноровок.

с. 283 В 1756 году в Московскую синодальную контору представлен был арестованный Московскою полицией с двенадцатью пилками, как беспаспортный, переславский семинарист Александр Соколов. По допросе его отправили 20 сентября того же года в Переславскую консисторию. Здесь он повинился в своём проступке и чистосердечно рассказал о своих странствованиях.

В марте месяце 1754 года, по его словам, он самовольно отлучился из Переславской семинарии в Москву для поступления в Московско-славяно-греко-латинскую академию. Соколов при этом передавал, будто бы у него была мысль попросить лично об определении в академию епископа Амвросия. Но в Москве Амвросия он не застал. Оставшись без средств к жизни в большом городе, Соколов нанялся учить сына одного поручика (Ушакова) за плату 90 коп. в месяц, на какие деньги содержался в Москве в течение двух лет. 25 июля 1756 года он отправился к своему бывшему учителю Димитрию Дьячкову, проживавшему у брата, учительствовавшего в Московском университете, попросить у него взаймы денег. Денег у Дьячкова не оказалось; он сказал ему зайти чрез два дня, и когда Соколов явился вторично, Дьячков вручил ему двенадцать стальных пилок и поручил продать какому-нибудь мастеру серебряных и золотых дел из Немецкой слободы. По дороге Соколова, как беспаспортного, арестовали и представили с пилками по начальству.

Консистория, выслушав показание, определила:

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 409.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 99.

> Понеже не токмо к наукам, но и в церковный причет за развращением во время побегу он неблагонадёжден, на страх прочих Переславской семинарии семинаристов для определения в военную службу отослать Государственной военной коллегии в контору; а дабы прочие семинаристы от подобных сему и других непристойных званию их проступков отвращены были, для того от Переславской катедральной конторы объявить оным семинаристам с подпискою. *с. 284*

Епископ Амвросий определение консистории утвердил.[1]

В том же 1756 году в консистории производилось дело о другом беглеце, розыски которого сопровождались сценами насильственного свойства.

В марте 1756 года бежал из семинарии семинарист Яков Вениаминов в с. Гиреево, Гжатской десятины, где жительствовал брат беглеца. Посланы были из духовного правления для сыску дьячок Герасим Леонтьев и пономарь Игнатий Харлампиев. Брат беглеца дьячок Онисим с другим братом пономарём с. Гиреева Феодором объявили уполномоченным по инструкции, что отыскивать в своём доме без других того села жителей они не позволят и, «браня, хотели их бить». Уполномоченные призвали «для вспоможения» попа того села и диакона и в присутствии их беглого семинариста нашли в избе в подполье. Вынув Вениаминова из подполья, уполномоченные повезли его вместе с братом дьячком Онисимом в Гжатскую пристань. Пономарь Феодор взять себя не дал. В верстах пяти от Гиреева на проезжавших напали собаки. Воспользовавшись суматохой, Онисим с семинаристом соскочили с телеги, укрылись на крестьянский двор и ворота заперли. Все поиски оказались *с. 285* безуспешными, и посланные по инструкции возвратились обратно в с. Гиреево. Часа в два ночи заднею калиткою подошли они к дому дьячка и застали семью в тот самый момент, когда она провожала Онисима куда-то в путь. «Стой!» — закричал один из уполномоченных. Но дьячок, отмахиваясь топором, отбился от них и скрылся в сарай. Один из уполномоченных вошёл тогда в избу добыть огня. В то время какая-то из жёнок домашних зашибла его палкою по лицу до крови, а дьячок Онисим, пользуясь происшедшею бранью и замешательством, перескочил забор и скрылся незнамо куда. — Семинарист беглец после такого происшествия почувствовал, что дальнейшее упорство может повести к последствиям слишком для него тяжёлым, и 21 октября явился в семинарию. Дьячка и пономаря наказали плетьми в консистории; семинарист принят обратно в семинарию, подвергшись лишь дисциплинарному взысканию.[2]

В 1757 году в бегах оказалось много семинаристов. Для розыска их посланы были из Переславской конторы в разные десятины конторские рассыльщики. В погосте Березниках, Дмитровского уезда, поп Иван Игнатьев и диакон Степан Яковлев объявили о своих детях, что их в доме не имеется, а себя взять не дали. При том диакон Степан сказал: «мы де на контору не взираем, а детей своих станем искать на учителей, они де не учители, а мучители и мздоимцы». Посланных рассыльщиков поп и диакон хотели прогнать «в поленья», *с. 286* причём диакон бранил контору и учителей «матерны». На допросе диакон отговаривался тем, что он был пьян. Консистория постановила: «Учинить ему жестокое плетьми наказание и отослать в Солбинскую пустынь в монастырские труды на целый год, а по истечении года диакону, яко вдовому, быть и вовсе там для священнодиаконскаго служения». Епископ Амвросий написал:

> Как пьяницу, продерзителя, сослать вовсе в монастырь, и вместо того оставить ему как телесное наказание, так и запрещение в священнослужении. На место же его представить сына его для производства во диакона.[3]

Этот инциндент с диаконом погоста Березников дал повод консистории издать одно из общих распоряжений, касавшееся отцов укрывателей и духовных правлений, чинивших поноровку укрывателям. Переславской конторе приказано было немедленно прислать список всех отцов, которые явились виновными в неотдаче своих детей в семинарию, к штрафованию как их за удержание детей, так и духовных правлений за поноровку. Соответственно этому списку, разосланы были с нарочными солдатами на коште духовных правлений указы в духовные правления, коими «велено было всех тех семинаристов, о которых сообщено Переславской конторой, сыскать и отослать в семинарию во всякой скорости,

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 107.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 126.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1757 г., № 38.

не продолжая более трёх дней, не приемля отнюдь от отцов оных семинаристов о болезнях и другом резонов». Кроме сего, приказано было объявить всем священно-церковнослужителям
с. 287 с подписками, чтобы «они своих детей, прибывших в дом без письменных от семинарии отпусков, отнюдь не держали, под опасением за держание, яко беглых, взыскания немалаго штрафа».[1]

В 1759 году в марте месяце бежало шесть семинаристов разных школ и до конца апреля в семинарию не возвращались. По докладе об этом директора семинарии Иакинфа консистория распорядилась доставить беглецов без замедления в семинарию, а за удержание их взыскать штраф по рублю за каждого семинариста с тех лиц, в домах которых они будут найдены.[2]

Неявка с вакации. Случаи неявки с вакационнаго отпуска были ещё более часты, чем бегства из семинарии, и составляли зло, с которым епархиальное начальство боролось постоянно. За недоставку сына с вакациального отпуска в семинарию обыкновенно с отца взимали довольно высокий штраф в размере пяти рублей и взимали, не обращая внимания ни на какие отговорки. Штраф этот слагался только в редких случаях.

В 1758 году, например, по сведениям, доставленным из Дмитровского духовного правления, ученик Степан Цветков не явился в семинарию после вакации из-за того, что отец его Терентий Степанов перешёл из Переславской епархии в Московскую в домовую церковь князя Юсупова, где вместе с ним жительствовал и сын. Другой ученик, тоже Степан Цветков, не явился в семинарию «за глазною болезнью», вследствие которой, по словам духовного правления, не может быть представлен к школьному учению и теперь. Консисто-
с. 288 рия распорядилась больного глазами доставить к освидетельствованию и, когда оказалось, что действительно из глаз его за болезнью текли слёзы и гной, постановила: 1) с брата больного семинариста штрафных денег не взыскивать и, когда оный семинарист от болезни освободится, выслать его в семинарию без всякого послабления; 2) в Московскую духовную консисторию сообщить промеморию, которою требовать, дабы благоволено было священника Терентия Степанова за долговременное удержание сына его семинариста у себя без всякого от епархии увольнения по усмотрению оной Московской консистории штрафовать, чтобы ему и впредь означенного сына своего удерживать повадно не было.[3]

Церковники. Кроме семинаристов, в Даниловом монастыре практически подготовлялись к совершению богослужения переросшие дети священно-церковнослужителей, церковники и неспособные к продолжению семинарских наук семинаристы. Этот элемент являлся особенно беспокойным и причинял семинарскому начальству множество хлопот, особенно потому, что их держали, по-видимому, в Даниловом монастыре целый год, и если отпускали домой, то экстренно, по соображениям хозяйственного свойства. В архиве Данилова монастыря сохранились любопытные подписки, которые семинарское начальство брало от своих перезревших питомцев, когда вынуждаемо было давать им отпуск.

> Апреля 5 числа 1759 года, — читаем в одной из таких подписок, — Переславскаго уезда,
> *с. 289* села Бремболы Большой диаконов сын Пётр Афанасьев уволен до вышепоказаннаго апреля 26 числа в дом свой на праздник Святыя Пасхи и для земледелия и на оный срок явится он в Данилов монастырь паки для обучения чтения и пения неотменно, а ежели не явится, за то повинен, чему подлежателен будет.

Далее следует собственноручная подпись. «К сей подписке Пётр Афанасьев руку приложил».

Но подписка плохо гарантировала выполнение обещанного. В срок церковники не являлись, а при случае бегали из Данилова монастыря целыми толпами. Сохранился от 1759 года «Реестр колико число имеется ныне на лицо детей священно-церковнослужителей в Переславском Троицком Даниловом монастыре для обучения исправнаго чтения и пения». Здесь названо 49 лиц. Из них, судя по пометам на полях, к месяцу июлю того же года числилось в бегах 31 человек.[4]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Журналы 1757 г., № 370.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 356.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 482.
[4] Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 1, дело № 98.

Глава 5

Белое духовенство. Определение на священно-церковнослужительские места. — Экзаменаторы и подготовка ставленников. — Штраф за небрежное обучение. — Канонический возраст ставленников. — Выборные прошения. — Ставленные грамоты. Апробация ставленных грамот. — Епитрахильные и постихарные грамоты. — Иподиаконы и подьяки.

Белое духовенство. Определение на священно-церковнослужительские места. Лицам, получившим образование в Переславской семинарии, епископ Амвросий отдавал предпочтение при замещении священнослужительских вакансий пред другими кандидатами. *с. 290* Они назначались или на лучшие городские места, или в такие приходы, где по составу прихожан к пастырю могли быть предъявлены требования более повышенные. В 1759 году, например, подано было прошение архимандритом Возмицкого монастыря Геннадием о произведении диакона села Спасского (вотчины монастыря) Стефана Симеонова в то же село во священника. Епископ Амвросий на прошении сделал помету: «Стараться отцу архимандриту, чтобы был из семинарист, понеже в тех сторонах раскол крепнет и сей кандидат так гнусно ходит, что и с простым простолюдином нельзя его распознать».[1]

Но Переславская семинария могла удовлетворить только частию духовно-просветительные нужды епархии. К 1764 году из священнослужителей Переславской епархии только 22 лица прослушали семинарский богословский курс и 1 философский.[2] Ввиду этого епископу Амвросию, как и его предшественникам, приходилось изыскивать разные меры к поднятию образовательного уровня тех многочисленных кандидатов на священно-церковнослужительские места, которые в духовной школе совсем не обучались.

Об одной из этих мер говорилось выше. Это — учреждение при семинарии российского класса, где подготовляли переростых детей и неграмотных церковников к занятию священно-церковнослужительских мест. Более ускоренная подготовка кандидатов во священники *с. 291* производилась затем экзаменаторами и даже закащиками.

Экзаменаторы и подготовка ставленников. В первый год управления епископа Амвросия Переславской епархией особого экзаменатора не было, и ставленники испытывались и наставлялись присутствующими консистории. В 1755 году экзаменатором Переславской епархии назначен Герасим Иванов Гусельщиков, слушатель богословии Троицкой семинарии, которому, как и всем экзаменаторам, приказано было «ставленников во всём, что до священнической должности принадлежит, а особливо же катихизиса, также и букваря со истолкованием Божественных заповедей обучать и наставлять».[3]

Экзаменатор Гусельщиков вскоре стал учителем Переславской семинарии; да и до учительства наставлять и обучать всех ставленников, число которых по временам было очень значительно, он, понятно, был не в состоянии. Ввиду этого труд подготовки ставленников, кроме его, начали возлагать и на других лиц, применительно к условиям времени и местожительства поставляемых во священные степени.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 64.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 48.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1751 г., по описи № 2, дело № 56.

В 1756 году, например, епископ Амвросий наметил многих церковнослужителей к посвящению во священники и диаконы. Таких кандидатов консистория распорядилась, сыскивая, отсылать при письменном виде в Переславле к экзаменатору Гусельщикову к экзаменаторскому учению в твёрдость, а в духовных правлениях к закащику для такого же научения.
с. 292 По научении велено было, снабдив их письменными апробациями, представлять в консисторию, наблюдая, чтобы при них были у каждого книги: служебник и требник, также и одеяние, то есть ряса, кафтан и сапоги исправные, «свои, а не чужие».[1]

20 марта 1758 года епископ Амвросий издал распоряжение, «всех ставленников, которые по свидетельству консистории в чтении и пении окажутся неисправными, отсылать для обучения к диакону Ивану Игнатьеву да к иподиакону Андрею Крылову и велеть им обучать ставленников всеприлежно по вся дни в трапезе и в том над ними наблюдательство иметь студенту Семёну Ключарёву, причём ему Ключарёву оных ставленников и священно-церковнослужительских детей, которые в Переславле не обучены, обучать экзаменаторской школе и букваря, и тех учащихся для свидетельства представлять в консисторию по все субботы».[2]

18 января 1759 года епископ Амвросий приказал ставленников Переславской епархии обучать в монастырях, кому по усмотрению настоятельскому приказано будет, а в Воскресенском монастыре иеромонаху Илариону. Порядок обучения указан епископом Амвросием таков.

> Начав первее им по складам, а потом речьми, ясно разделяя ять с естью, при чём накрепко наблюдать, чтобы оные ставленники во время чтения сторонних никаких речей, коих не напечатано, а именно мя или мне и прочих тому подобных не приговаривали, останавливаться же велеть
> *с. 293* по точкам и запятым. А доколе исправно, так, как вышеозначено, не обучатся, к посвящению их в священнические и диаконские чины и в протчий причет церковный не представлять.[3]

Штраф за небрежное обучение. Нерадение со стороны экзаменаторов и тех, которым поручалось обучение ставленников, каралось обычно денежным штрафом. В 1761 году, например, взыскано было штрафу пять рублей с Волоколамского протопопа Иосифа Васильева «за слабое над ставленниками в учении наблюдение».[4]

В 1757 году штраф в таком же размере был взыскан со всех закащиков за то, что посылаемые им для обучения ставленники присылались обратно в консисторию в чтении и пении мало исправными, а в конце концов и совсем не присылались, несмотря на недостаток священнослужителей, вследствие которого некоторые приходы оставались неукомплектованными.[5]

Желая побудить духовенство обратить более серьёзное внимание на обучение своих детей, будущих кандидатов к замещению священно-церковнослужительских мест, епископ Амвросий 7 августа 1755 года распорядился, «чтобы отныне впредь священно и церковнослужительския дети без позволения Переславской духовной консистории отнюдь не женились, а ежели кто из церковников, будучи в совершенных летах, пожелает брачитися, тогда от того заказа, в коем оный церковник жительствует, представлять в речённую консисторию доношение
с. 294 с засвидетельствованием о нём закащиковым, что он по церковной и гражданской печати читать, петь по ноте и писать доволен, а ежели из сих чего не знает, то до того времени, дондеже изучится, в консисторию не представлять и позволения к бракосочетанию не давать и венечных памятей не отпущать».[6]

Таковы были меры, принятые епархиальною властью к подготовке правоспособных кандидатов к замещению священно-церковнослужительских мест со стороны образования, или, выражаясь более точным языком, умения читать, писать и совершать богослужение. Но кандидаты во священство не только должны были обладать этим минимумом знаний; они должны были представлять некоторый образец и в нравственном отношении; по крайней

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1756 г., по описи № 2, дело № 13.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 40.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 38.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 180.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Журналы 1757 г., № 451.
[6] Там же, № 130.

мере должны были удовлетворять тем каноническим требованиям, какие предъявляются в этом отношении со стороны церкви.

Канонический возраст ставленников. Одним из таких требований является законный канонический возраст. Необходимые справки о летах ставленников обычно заимствовались из исповедных ведомостей. Но вскоре же по вступлении на кафедру епископа Амвросия обнаружилось, что в этих ведомостях лета показываются «весьма неисправно»: иным «с великою прибавкою», другим же «в разных годах единочисленныя», к тому же с поправками и подчистками. Консистория, обратив на это внимание, в 1754 году постановила снестись промеморіями с канцеляріями провинціальной и воеводских правлений и просить их прислать точные копии с составленных в недавнюю ревизию ведомостей о летах свя- *с. 295*
щенно-церковнослужителей и священно-церковнослужительских детей и теми ведомостями руководствоваться при производстве ставленников. Впредь же за неисправности в исповедных ведомостях духовные правления, представляющие ведомости, должны быть штрафованы без всякой отмены. Епископ Амвросий 20 октября 1754 года положил резолюцию:

> За прибавочныя лета поставить штраф денежный, а именно за каждый год прибавочной по полтине, а за убавочный в полы, потому что священники своим детям для упредительнаго прежде правильных лет производства с умыслу, а не с какой прошибки обыкли прибавлять лишние годы, чрез что оных своих детей приводят лгати Святому Духу, а не нам; чужих же и посторонних чрез умаление законных лет только удалением одним от степени обижают.[1]

Выборные прошения. При определении на священнослужительские места, как мы уже видели, современная практика допускала самое широкое применение так называемого выборного начала. Епископ Серапион принял некоторые меры к ограничению этого начала в тех его проявлениях, которые вели к нежелательным для церкви последствиям.[2] Епископ Амвросий по вступлении на кафедру вырабатывает особую форму выборных прошений, при которой бы «впредь в ставленнических делах благоосновательное и доброуспешное производство имелось». Для этого требовалось выборщикам сообщать самые подробные сведения о приходе, в котором освободилось место, о нравственных качествах выбранного ими *с. 296*
кандидата, о том, что других при той церкви церковнослужителей ближайших и достойных к такому чину, кроме оного избранного, не имеется, а буде имеются, то к такому чину не представлены за такими-то и такими резонами. С таким прошением ставленник обязан был явиться к управителю или закащику духовного правления, которым приказано было прибыть на то место, откуда последовало прошение, и забрать справки о достоверности всего прописанного в нём. Удостоверив своим подписом справку, равно и свидетельство об искусстве книжного чтения, управитель или закащик пересылал затем эти бумаги в консисторию или к владыке к учинению надлежащего производства.[3]

Ставленные грамоты. Апробация ставленных грамот. Рукоположенные во священный сан, как и ныне, получали ставленные грамоты. Переславское епархиальное начальство, как и раньше, зорко следило за тем, чтобы такие ставленные грамоты были у всех священнослужителей; совершавших богослужение без ставленных грамот строго наказывали.

В 1754 году обнаружилось, что поп с. Бакина, Александровской десятины, со времени своего посвящения в 1752 году ставленной грамоты не имеет. Консистория постановила оштрафовать его по 5 руб. за каждый год священнослужения, а всего на 10 рублей, и эти деньги употребить к церковному благолепию в катедральную ризницу, взыскав при том следуемые ставленные пошлины по тогдашнему положению — 4 р. 2 коп.; а затем, когда *с. 297*
выдана будет ставленная грамота, «велеть ему попу в церкви Божией в праздничный день, при свидетельстве закащика, при собрании народа, о том, что он в противность святых правил, не имея у себя ставленной грамоты и без благословения архиерейскаго, дерзнул их

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 100.
[2] См. выше, с. 31.
[3] См. в приложениях, с. 263—264.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 32.

к себе на исповедь принимать, объявить и в том пред народом просить прощения, а потом и их всех от прежняго неисправления по бывшей ему исповеди разрешить».[1]

По вступлении на Переславскую кафедру епископ Амвросий распорядился управителям духовных правлений находящихся в ведомстве их священников и диаконов освидетельствовать в священнослужении и их грамоты отобрать для подписания Его Преосвященства. Ведомость об освидетельствовании вместе с грамотами приказано было представить епископу Амвросию не позже 31 декабря 1754 года «без всякаго отлагательства». Это была, таким образом, генеральная апробация ставленнических грамот. Испытаниям подверглись все священнослужители, кроме свидетельствованных при архиепископе Арсении и епископе Серапионе. В ведомостях, доставленных епископу Амвросию, о некоторых священнослужителях сделаны были пометки: «в служении неисправен», или «в действии исправен, точию гугнив и тихогласен», «в действии мало довидит», «в действии и служении весьма робость имеет», «в служении неискусен»; «сей поп (с. Пушкина, Можайского уезда), как видно, Василиевой
с. 298 обедни никогда не служивал, ибо весьма худо читает, не только евангелие и служебник, но и требник не умеет»; «сей поп (с. Гиреева, Гжатской десятины) оказался по евангелию, служебнику и требнику зело туп». В Дмитровском уезде «неисправных» оказалось 15 человек, из которых о некоторых замечено: «неисправен весьма», о других — «неисправен да и грамоте недоволен». У многих не найдено ставленных грамот. По Дмитровскому уезду, например, таких лиц насчитано 27.[2] — К устранению всех таких неисправных лиц и к замене их другими правоспособными епископ Амвросий в 1755 году принял соответствующие меры.

Настойчивое требование епархиальной власти, чтобы все священнослужители брали и хранили у себя ставленные грамоты, вызывалось не одними только соображениями финансового свойства, не одним только старанием получить сполна соответствующие пошлины. Дела Переславского архива устанавливают наличие случаев, когда некоторые недобросовестные лица восхищали себе священный сан самозванно и отправляли незаконно священнослужение. Об этом говорит по крайней мере один из указов епископа Амвросия, подписанный в консистории 4 сентября 1757 года.

> Его Преосвященство, разсуждая, что по производящемуся в оной консистории следственному делу оказалось Верейския десятины погоста Никольскаго, что на Луже, церковник Пётр
> *с. 299* Тимофеев, сам назвавшийся в прошлом 1750 году диаконом, а потом и попом, который в оной церкви священнослужение и в приходе церковныя таинства дерзал исправлять, небезъизвестно Его Преосвященству, что в Переславской епархии многие попы и диаконы Божественную службу и мирския требы исправляют, а ставленных грамот не имеют, в чём сумнительно, нет ли между оными таковых же самозванцев, как и вышеписанный церковник оказался, того ради соизволил приказать: в Переславскую контору и все духовныя правления из Переславской духовной консистории послать указы, которыми велеть всех попов и диаконов до единаго, не имущих ставленных грамот, выслать в консисторию к даче им ставленных грамот в самой скорости при доношениях и при именных реестрах, с показанием с каждаго места, что более таких попов и диаконов, не имущих ставленных грамот, нигде не имеется... А ежели кто из таковых находящихся священнослужителей явятся в посвящении своём никакого вида не имущи, тех к особливому следствию прислать в консисторию за крепким караулом.[3]

Епитрахильные и постихарные грамоты. Такие же строгие требования предъявляло епархиальное начальство в отношении епитрахильных и постихарных грамот. Особая формула такой грамоты составлена была епископом Амвросием вскоре по вступлении на Переславскую
с. 300 кафедру.[4] Тогда же он распорядился подтвердить во все духовные правления, дабы закащики не допускали овдовевших священников и диаконов до священнослужения и немедленно представляли их в духовную консисторию для взятия епитрахильных и постихарных грамот.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 20 дополнительный.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 2, дело № 53.

У некоторых священнослужителей грамоты найдены полусгнившими. Такая небрежность виновным поставлена была также на вид. О попе с. Обухова, Дмитровского уезда, Михаиле Михайлове епископ Амвросий, например, написал: «За небрежением, понеже вся сгнила, а чуть ли не сам поп не таков ли опрятен, того ради освидетельствовав прежде самого попа, потом дать грамоту».

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1757 г., по описи № 2, дело № 49.

[4] См. в приложениях, стр. 252.

За невыполнение этого требования в надлежащей скорости угрожали штрафом по 10 руб. с каждого человека.[1]

Указ не возымел, по-видимому, силы. В 1757 году 27 февраля Переславская консистория, основываясь на том, что некоторые вдовые священники и диаконы совершают священнослужение без епитрахильных и постихарных грамот, распорядилась составить по каждой десятине реестры вдовых священнослужителей и при этом реестре всех овдовелых попов и диаконов выслать в консисторию к рассмотрению, а приходы их временно поручить другим по способности священнослужителям.[2]

Иподиаконы и подьяки. Разбор священно-церковнослужительских детей 1755 года побудил епархиальное начальство обратить внимание на так называемых иподиаконов, в значительном количестве поставленных в правление епископа Серапиона и занявших какое-то неопределённое положение. Поставлялись они епископом Серапионом не только к кафедральному собору, но и в сельские храмы, поставлялись, по выражению одного архивного документа, «без всякого производства, по собственному Его Преосвященства соизволению», часто «без грамоты и указа на оное звание»,[3] в штат не входили (закомплектные) и доходами, вероятно, не пользовались. Иногда такие иподиаконы ставились «в заставку» на место попа или диакона, то есть числились кандидатами при отце или тесте на их места по достижении законных лет и освобождении места.[4] На таких же основаниях произведены были некоторые из церковнослужительских детей в подьяки, причём такое производство сопровождалось посвящением в стихарь.[5] При епископе Амвросии большинство из них зачислены были на штатные места, посвящены во диаконы или произведены в дьячки. *с. 301*

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 2, дело № 8.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1757 г., по описи № 2, дело № 13.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1756 г., по описи № 1, дело № 58.
Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 1, дело № 23.
[4] См., например: Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 1, дело № 43.
[5] См., например: Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 943.

Глава 6

Богослужение. — Церковное вино. — Серебряные сосуды. — Исповедь и приобщение. — Приобщение тяжко больных и погребение скоропостижно умерших. — Сосуды для мира и елея. — Венчание несовершеннолетних. — Неискуснописанные образа. — Опись церквей и утвари. — Разрушение старых церквей. — Извлечение из дневника архиерейской ревизии. — Денежные средства церквей. — Продажа свеч. — Распределение доходов священно-церковнослужителей.

Богослужение. В предшествующей главе указаны были те меры, которые епархиальное
с. 302 начальство в правление епископа Амвросия приняло к возвышению образовательного ценза ставленников и при помощи которых хотело сделать их до известной степени подготовленными, в элементарной, конечно, форме, к совершению богослужения. С этим стоит в связи ряд распоряжений епархиальной власти, направленных к тому, чтобы самое совершение богослужения священнослужителями происходило при условиях и обстановке, требуемыми как святостью дела, так и существующими на этот счёт узаконениями.

Главное внимание обращено было, конечно, на величайшее христианское таинство, таинство евхаристии.

Церковное вино. В 1754 году, по случаю обнаружения у переславских купцов Глинских в продаже церковного вина со сладким примесом, поднято было Переславской консисторией громкое дело, которое доходило до Главного магистрата и по окончании которого в Переславскую контору и во все духовные правления посланы были указы, «коими подтверждено, чтобы в монастыри и во все церкви церковное вино покупали самое настоящее без всякой примеси осмотрительно, чего ради и монастырским настоятелям и священнослужителям наблюдать накрепко под опасением за неисполнение тягчайшаго по святым правилам и указам штрафования».[1]

Серебряные сосуды. Приняты были далее меры к замене евхаристических оловянных сосудов серебряными. Общего распоряжения относительно заведения в церквах серебряных
с. 303 сосудов епископ Амвросий не издал, так как подобного рода обновление церковной утвари было тесно связано с материальными средствами, которыми та или другая церковь располагала. Но при церковных ремонтах, при объезде епархии епископ Амвросий всегда настаивал, где была возможность, на таковой замене. Вот, например, одна расписка, сохранившаяся в архивных делах Переславской консистории.

> 1754 года июня 22 дня в домовой Его Преосвященства конторе Переславскаго уезда с. Самарова церкви богоотец Иоакима и Анны поп Василий Андреев да Иаков Михайлов подписуются в том, что вместо имеющихся в речённой церкви оловянных сосудов, тако ж и дориносицы исправят серебряныя и оную церковь, кая на правую сторону склонилась, поднять и подрубить, и крышку подчинить и крыльца по надлежащему переделать старание употребить должны, а ежели по той подписке они попы что не исполнят, за то подвергают себя лишению священническаго сана.[2]

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 93.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 48.

Но всё это были лишь первые попытки. Упразднение оловянных сосудов совершалось медленно. Известно, например, что к концу XVIII столетия, по упразднении Переславской епархии, Переславское духовное правление зарегистровало в своей описи 45 церквей, в которых найдены были оловянные сосуды.[1]

В 1755 году священник с. Андреевского, Верейской десятины, Пётр Ермолаев, отправившись для приобщения крестьянина в сельцо Цыплино, по дороге из этого сельца неизвестно *с. 304* кем был убит. По этому поводу епископом Амвросием издано было циркулярное распоряжение по епархии, чтобы священники, приглашённые для напутствования Святыми Тайнами больных, ездили туда и назад не иначе, как в сопровождении церковников и приходских людей, «дабы Святым Тайнам какого-либо попрания не последовало».[2]

Исповедь и приобщение. В 1761 году, уже после перевода епископа Амвросия на Крутицкую кафедру, Переславская духовная консистория по запросу Гжатского духовного правления о приобщении тяжко больных и погребении скоропостижно умерших, не напутствованных Святыми Тайнами, постановила представить на благоусмотрение конторы Святейшего Синода (епископа в то время ещё не было) следующие пункты. 1) Скоропостижно умершего, но не по своей вине и сообщавшегося раньше повсегодно Святых Тайн, сподоблять погребения по церковному чиноположению. 2) Таких больных,

> кои одно дыхание духовнику являют, а говорить не могут, со всяким опасением духовникам усматривать, не притворяют ли они, а особливо те, кои в правоверии сумнительны, себе безгласия для удаления от исповеди и святаго причастия и других каковых ради причин, при чём им духовникам вслухи тех больных взносить увещание о важности исповеди и святаго причастия и чтоб они, когда подлинно говорить не могут, то хотя бы сами в себе единым о содеянных гресех своих помышлением и сердечным сокрушением совесть свою очистили, прилежно им внушать, и потом, аще можно будет познать, что болящий телесными чувствами, то есть *с. 305* руками, или же глазами и слезами, оказывает сердечное сокрушение и желание сподобитися исповеди и святаго причастия, тогда оному болящему прочесть вслух чин исповедания, положенный в требнике, чтоб оный болящий, слышав то, лучше мог своя согрешения в самом себе воспоминать и в умиление прийти, и знаменовав его крестообразно десницею, святаго причастия сподобить, только опасно духовнику при том блюсти, чтоб оный болящий внутрь Святыя Тайны принял, а не извергнул... 3) С таковыми же, коих духовники застают с единым дыханием безгласных и умом от болезни нечувственных, которые никакого сокрушения и желания такова дара сподобиться иметь не могут, суть же не раскольники и повсягодно исповедывались и Святых Тайн сообщалися, что чинить, за неимением точных правил, предать в разсмотрение и решение оной Св. Синода конторе и просить на то определительнаго указа.[3]

Приобщение тяжко больных и погребение скоропостижно умерших. Указ, подробно разъясняющий вопросы, поднятые Переславской консисторией, дан был в 1763 году преемником Амвросия епископом Сильвестром. Так как указ этот служит ответом на цитированное определение консистории, то мы считаем нужным привести его здесь же и, ввиду его важности, полностью.

> 1) Если впредь кому прилучится скоропостижная смерть, о таковом первее с исповедными ведомостями справливаться, в тех ведомостях он умерший написан-ли и, как православным христианом подобает, повсягодно исповедывался ли и Святых Тайн сообщался ли, и в жизнь свою *с. 306* несумнителен ли был в правоверии и таковая смерть ему прилучилась не от себя ли самого, т. е. не утонул ли он купаючись и хваляся, либо не утопился ли, не зарезался ли, не удавился ли, избывая какой беды и наказания, либо иным каковым образом не погубил ли самохотно, как то бывает в кровопролитной драке и в надмерном при погублении чувств и разума пьянстве и подобных случаях, и ежели по следствию ничего того не явится, но подлинно окажется, что он скоропостижно незапным случаем умер, а хотя и из вышеписанных коею либо причиною постижен, да в изступлении ума своего и неразумия своего над собою действие оное учинил,

[1] Архив Владимирской духовной консистории. 1795 г., № 7.
См. подробнее: *Малицкий, Н. В.* Из прошлого Владимирской епархии / Н. В. Малицкий. — Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1906. — Т. 2. — С. 38—40.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 85.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 522.

а в жизнь свою повсягодно исповедывался и Святых Тайн сообщался и в исповедных ведомостях писан был сподобившимся оных, таковаго по силе правила Тимофея, архиепископа Александрийскаго, и по статьям святейшаго патриарха Адриана, при церквах Божиих по церковному чиноположению христианскаго сподоблять погребения. Если же над кем из вышепрописанных какое правильное препятствие явится, таковых при церквах Божиих не погребать, велеть вне церковнаго погоста зарывать в землю без надгробнаго пения.

2) Над таковыми болящими, к коим случится духовнику для исповеди прийти, а они только единое дыхание являть будут, а говорить не смогут, со всяким опасением ему духовнику присматривать, не притворяют ли себе умышленно безгласия, для удаления от таинств исповеди и святаго причастия, или других ради каковых причин, а особливо те, кои в правоверии
с. 307 сумнительны. И должен он духовник таковым болящим, во первых, душеполезное наставление чинить, представляя им вечнаго спасения лишение и неизбежную вечныя погибели казнь, ежели о покаянии своём в настоящее время вознерадят. И буде подлинно кто за немотою языка говорить не сможет, а действие ума в нём усмотрится непомешательно, то должен духовник прилежно внушать такому, дабы поне единым помыслом в себе о грехах своих жалел и, сокрушаяся, совесть свою очистить тщался, и имел бы произволение жизнь свою переменить на лучшее, буде бы благоизволил Бог возставить его от болезни; а от домашних бы он духовник наведывался, не имеет ли тот больной с кем вражды или ссоры, то по способности месторазстояния и времени всячески тщался бы миротворение учинить. И ежели больной не окажет в себе никакого отвращения от желания таинств исповеди и святаго причастия и от прочих ко спасению его предложений, а время ещё допустит, то прочесть ему вслух и чин исповедания по требнику, дабы то слыша, он и разуметь над собою действуемое лучшее возымел поощрение: совесть свою изследовать и понимая опасность кончины своей в сокрушение приходить и погрешения своя воображать, тогда духовник воспоминать пред ним должен наперво тягчайшая, которым наиболее немощь человеческая подвержена грехопадения, тако ж и о прочих грехах вопрошать более или меньше, смотря по состоянию и опасности болезни; а притом увещавать, дабы ежели в чём винность свою восчувствует, тое и явил бы ему духовнику некиими внеш-
с. 308 ними признаками; например сожалетельным сжиманием рук или воздыханием; когда же в чём из напомяненных им духовником грехопадений невинен, оное отражал бы тако ж внешними каковыми знаками, как то: главы покиванием, или отрицательным помаванием руки и прочими. И по таковом с больным обращении, ежели можно будет познать, что он на вопросы и напоминания духовниковы чрез каковые либо внешние признаки оказывает в себе признание грехов и сокрушение, то такое знаками изображённое исповедание за равносильное изустному приемля, разрешить его обыкновенною святаго причастия формою, и немедленно святаго причастия сподобить при других приходских тамошних церковнослужителях непременно для отвращения сумнительства в правоверии онаго болящаго. Буде же болящий никаких внешних знаков телодвижностью за изнеможением своим изъявить не сможет, а на увещание духовниково окажет хотя слёзы, или сожалительное воздыхание, или каковый либо умилительный взор, то в таком сумнительном случае, избирая безопаснейшее, довольствоваться ему духовнику и внутренними ума его действии и, разрешив его, сподобить святаго причастия, умершаго же по церковному чиноположению христиански погребсти.

3) О коих чрез долговременное обращение и из слушания исповеди духовнику приметно, что состояния богобоязнаго и совести чуткой, с таковыми в вышеписанных случаях поступать во всём беззамедлительнее, полагаясь более на раскаятельность нрава их и сердечное сокрушение, ибо если они кроме страха смертнаго таковыми были, много паче о себе в опасности
с. 309 кончины чувствительны. Прочия к напутствованию больным средства оставляются на разсуждение благоразумных духовников, которые, применяясь к самим болящим лицам и времени, и месту, могут при сих и более к созиданию душ употребить предосторожностей, только б памятовали, что приход их есть паства, для спасения душ им вручённая; хотя же и о всех своего прихода спасении неусыпно и всегда прилежать они долженствуют, но много паче о болящих при смертном случае, когда от их духовниковой помощи и попечения зависит или погибель душ или спасение, особливо в невежах, смотря по тому, какое напутствование при исходе им учинить имеют.

4) С таковыми же, коих духовники застают уже безгласных и как употребления членов, так и действий разума лишённых, поступать по изображению Учительнаго Известия на обороте 30 листа о изумлённых и обмерших, ибо во оном состоянии больные сходствуют с изумлёнными и обмершими, и потому никаких Тайн невместительны. А по каковой причине шестаго вселенскаго собора правилом 83-м возбранено приобщать умерших, по той должно и безчувственных; умерших же не приобщать потому, поелику ни ясти, ни пити не могут, противу оных предания Христова слов: приимите, ядите, пийте; чем самим то своё правило помянутый собор утверждает, то и чувств лишённый, понеже к каким действиям неудобен и действуемаго над собою

не чувствует, паче же и опаснее мёртвых, поелику вложенное себе в уста извергнути может, равномерно приобщения Святых Тайн невместителен; много паче исповеди, где требуется и познание грехов, и сокрушение сердечное, хотя нашими знаками изъявленное, и прочая. Того ради *с. 310*
при таковых безгласных и безчувственных надлежит духовнику быть безотлучно и пережидать, что с ним учинится; ежели он придёт в чувство, то поступить с ним по данному во 2-м пункте наставлению, буде же не очувствуясь умрёт, то по учинении о нём изображённых в 1-м пункте справок в христианском его при церкви Божии погребении, или того лишении, поступить с ним в разсуждении жития его, как из справок выведется.

5) Сверх всего вышеписаннаго, особливую предосторожность надлежит иметь в следующем. Понеже некоторые из противомудрствующих святей церкви раскольников во время болезненнаго изнеможения тем же образом, как и правоверные, призывая к себе священников, требуют от них обыкновенно в опасности живота подаемых таинств, но не с таковым духом и намерением, как правоверные, т. е. не в напутие живота вечнаго, но для того только, чтобы по кончине своей не были вне церкви без отпеву и христианскаго погребения повержены; то ежели о ком из болящих в каком либо месте священнику известно, что он подлинно в жизни своей был раскольником и как славословия церковнаго, так и таинств спасительных исповеди и святаго причастия чуждался; с таковым он священник, буде застанет его гласна и в разуме, не сподобляя по его прошению таинств, наперво должен поступать, как обыкновенно чинится с раскольниками, т. е. убеждать его ко отвращению и отрицанию своего заблуждения, и буде на то согласит, то удовольствовать его в требовании за раскаяние; буде же улучит на безгласнаго, то по вышеизображенным осторожностям, сколько время и другия обстоятельства допустят, *с. 311*
чрез внешния признаки, и совершать дело по его склонностям, однако так, что во всех сумнительствах избирать тое, что к благосостоянию болящаго и души его спасению безопаснейшее. Буде ж бы надчаяние из таковых ведомых священнику раскольников по призыве его на предложение его об обращении своём согласовать кто не хотел, и как правоверию церковному истины, так и святым таинствам силы и важности не причитал и в раскаяние от того заблуждения не приходил, таковаго по довольном увещании оставить на суд Божий, а ему священнику блюсти преданную в священном евангелии заповедь: не дати святая псом. А дабы преднаписанныя наблюдательства неминуемо при больных от священства хранимы были, для ведома и исполнения по епархии распубликовать о сём указами с точным всего прописанием, а с тех указов всех церквей священнослужителям для незабвеннаго исполнения ж списать и иметь за подписанием управителей копии, причём не точию управителям, но ниже приказным служителям отнюдь мздоимству не касаться.[1]

Чрез всё приведённое определение консистории и указ епископа Сильвестра заметно проходит боязнь, как бы духовник не встретился с симуляцией больным своего крайне болезненного состояния, в видах уклонения от исповеди и приобщения Святых Тайн. Такие случаи, несомненно, были нередки в практике священнослужителей XVIII столетия.

Сосуды для мира и елея. Особенно туго прививались к жизни распоряжения епархи- *с. 312*
альной власти, относящиеся к должному хранению и употреблению святого мира.

В 1755 году обнаружилось, что один священник, за неимением на сосудах надписи, помазывал вместо мира елеем и наоборот. Консистория по этому поводу распорядилась, чтобы во всех церквах епархии миро и елей хранились в особых сосудах с надписями, обозначающими, где находится миро и где елей. В следующем году из другого дела снова было усмотрено, что один священник, за неимением при церкви мира, помазывал сухим пером. По распоряжению епископа Амвросия наведена была справка и оказалось, что со времени вступления Амвросия на Переславскую кафедру никто из священников за получением мира не являлся «и откуда они то миро святое получают, неизвестно». Тогда епископ Амвросий приказал изготовить в Москве для хранения в церквах мира и елея особые сосуды, в количестве 1 240, из доброго олова с пробками и винтами и вырезанными надписями: «миро» и «елей», а затем эти сосуды разослать во все приходские церкви, истребовав с каждой церкви соответствующую стоимости сосуда денежную плату. Одновременно с сим дано было распоряжение закащикам освидетельствовать все церкви, «имеется ли в них миро, в какой брегомости и исправности содержится, и где явится, что святаго мира не имеется, или хотя и имеется, но от долгаго его стояния не в своём оно благоухании, также и елей

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 2, дело № 11.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 240.

неисправен, в те церкви из посланнаго консисторией святаго мира раздать священникам
с. 313 с роспискою и со взятием подписок, чтобы оное святое миро хранилось во всякой брегомости и с надписью о том святом мире на сосуде». То же поручалось сделать и относительно елея.[1]

Венчание несовершеннолетних. При совершении таинства брака в Переславской епархии наблюдались частые случаи нарушения церковных узаконений, относящихся к возрасту брачущихся. Этим вызвано было в 1756 году особое распоряжение епископа Амвросия, который, усмотрев, «что многие священно-церковнослужители и мирские детей своих, в малолетстве сущих, имущих от роду от десяти до тринадцати лет, оженили на возрастных девках, нимало им оженившимся не сверстных, из которых некия впали и в беззаконие», соизволил приказать в Переславскую контору и во все духовные правления послать указы и велеть

> всех находящихся у отпуску венечных памятей старост церковных, закащиков и священно-церковнослужителей обязать подписками, дабы старосты поповские при даче брачущимся венечных памятей о летах с имеющимися в духовных правлениях ведомостями чинили справки, и ежели жениху или невесте правильных лет нет, без указу консистории отнюдь венечных памятей не отпускали, чего и правителям духовным и закащикам наблюдать крепко. А священнослужители — желающихся брачитися, хотя бы они и венечныя памяти о венчании их приносили, а в летах окажутся сомнительны, таковых отнюдь не венчали и присылали бы те памяти
> *с. 314* к разсмотрению без всякой утайки. И при том в тех их подписках подтвердить, ежели кто, за помянутыми подписками их старост поповских и священно-церковнослужителей, в такия браковенчания вступят, за то имеют быть лишены священства вовсе неотменно, а браки будут разведены.[2]

Неискусноописанные образа. В 1759 году в марте месяце получен был в Переславской консистории синодальный указ «об отобрании всех, где имеются, в церквах святых и в лавках неискусноописанных икон и о присылке их в Святейший Правительствующий Синод или в контору онаго».[3] Консистория, заслушав его, распорядилась в Переславскую контору и во все духовные правления послать указы, коими велеть во всех церквах закащикам или настоятелям монастырей иконы внимательно осмотреть и составить именные реестры икон неискусноописанных, каковые иконы вместе с реестрами препроводить в консисторию. Буде таковые иконы окажутся в иконостасе, «или же в таких местах, где без икон святых для благолепия церковнаго быть неприлично», приказано было обязать подписками священно-
с. 315 церковнослужителей с приходскими людьми, написать вместо неискусноописанных икон другие новые и закащикам понуждать их к выполнению обещанного «почасту», дав отсрочку со времени подписки не более двух месяцев. Если после такого осмотра окажутся где-нибудь неискусноописанные иконы, за таковые катедральная контора, закащики и монастырские настоятели имели быть тяжко штрафованы. В последующее время, если где-нибудь в городах или слободах будет производиться торговля иконами, закащики, взяв от магистратов и ратушей нарочно выбранных людей, обще с ними те иконы должны были рассматривать и, если найдены будут неисправноописанные, отбирать и препровождать в консисторию.[4]

После такого распоряжения началось внимательное обследование всех образов, находившихся в храмах Переславской епархии, и некоторые из них, действительно, были изъяты из церковного употребления и отосланы в консисторию, согласно указному требованию. Так, в том же 1759 году найдено было семь неисправноописанных образов в Пятницком Дмитровском монастыре; на одном из них изображено было Рождество Богородицы, причём

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 83.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1756 г., по описи № 2, дело № 8.

[3] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 39. — № 39.

Епископ Амвросий, бывший в то время членом Святейшего Синода, отослал этот указ обратно в Синод и просил заменить его другим, так как в нём в титуле Её Величества усмотрена им описка: в слове «Императорскаго» не было буквы «м». Синод постановил выслать епископу Амвросию другой указ. Сделано это было епископом Амвросием в силу Высочайшего указа 7 апреля 1742 года. (Полное собрание законов Российской Империи. — СПб., 1830. — Т. 11. — № 8544.)

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 252.

«в противность евангельской истине, на том образе написано было, что Богородица пьёт воду и ест кушания». На других образах нельзя было различить ликов.[1]

Отобрание неискусноописанных образов производилось по разным поводам в Переславской епархии и до объявления синодального указа, на основании прежних распоряжений правительственной власти. В 1757 году, например, закащик Александровского духовного *с. 316* заказа донёс консистории, что в Рождественской церкви Александровского собора имеется образ Рождества Христова с изображением «не по преданию святой церкви, но с вымышленным таковым, якобы при святом Его непостижимом рождестве имелось бабие послужение и умовение над сосудом, подобие лохани, водою». На посланный запрос священники данной церкви ссылались на то, что образ этот написан по преданию церковному, и долгое время отписывались и оправдывались. В конце концов консистория постановила: «Бабье послужение и омовение на местном образе Рождества Христова закрасить красками,.. дабы чрез то от народа простого не происходило непщевания, якобы рождество Христово было, подобно рождеству человеческому, немощию естественною, что весьма странно и чуждо церкви святой мудрованию». Образ дозволено было оставить на прежнем месте, а с священнослужителей «за дерзновенный в противность церковным уставам спор, якобы оный образ написан по преданию церковному, и недельныя отговорки взыскать штраф в 15 р. без всякаго упущения».[2]

Опись церквей и утвари. Вместе с уничтожением предметов церковной утвари, не отвечающих святости своего назначения, епархиальная власть приняла меры к сохранению тех священных церковных предметов, которые подлежали хранению. Вскоре по вступлении на кафедру епископа Амвросия началось следственное дело, из которого выяснилось, что *с. 317* священник церкви Переславского Князь-Андреевского монастыря Иван Иванов продал церковные вещи, именно: царские вызолоченные двери вкладные за 60 руб. и образ Владимирской Божией Матери, низанный жемчугом, за 25 руб., да сверх того вкладные на ограду лес и тёс забрал себе и состроил во дворе погреб.[3] «Дабы таковую продажу церковным вещам вовсе пресечь и искоренить», епископ Амвросий распорядился при всех церквах «учинить описныя ведомости и прислать их в консисторию со всякаго заказу».[4]

Такие описные ведомости давали возможность контролировать наличие в церкви принадлежащих ей священных предметов, но они нисколько, конечно, не служили пунктом отправления при решении вопроса о сохранении памятников старинных, в археологическом отношении ценных. Епископ Амвросий в этом отношении не возвышался над воззрениями своей эпохи и ещё в 1755 году августа 8 велел: «об исправлении церковных ветхостей, не утруждая Его Преосвященство об этом докладом, давать позволительные указы Переславской духовной консистории».[5]

В 1758 году из Александровского духовного заказа было донесено, что в этом заказе имеются пять ветхих церквей, вместо которых построены новые каменные и деревянные. «Мимо этих церквей, — говорилось в докладе, — ходить уже опасно, а без позволительнаго указа разобрать их приходские люди не смеют». Такие церкви оказались: в с. Новинках, *с. 318* Лаврове, Коробовщине, Никульском и пог. Ильинском. Заслушав этот доклад, консистория на основании указа Святейшего Синода от 29 сентября 1742 года распорядилась: все эти церкви разобрать, на тех местах, где были престолы, сделать невысокие обрубы, а прочий лес с тех церквей употребить на церковное топление или на печение просфор.[6]

Разрушение старых церквей. Таковы общие распоряжения Переславской епархиальной власти с 1754—1761 года, касавшиеся богослужебной практики и содержания в должном порядке церковной утвари. Кроме их, издано было немало частных, вызванных отдельными случаями епархиальной жизни. Особенно много таких распоряжений издавалось после

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 537.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1757 г., по описи № 1, дело № 35.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 94.
[4] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 96.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 167.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 51-б.

объезда владыкой епархии, по поводу замеченных им в том или другом селе упущений и неисправностей. Такие распоряжения ближе всего, понятно, касались тех причтов, в сёлах которых замечены были те или иные непорядки; иногда на основании их запечатывались даже самые церкви. Но, как сообщаемые затем к сведению причтам всего данного заказа, они имели до некоторой степени и общеепархиальное значение. Вот некоторые из таких распоряжений, вызванных объездом епархии епископом Амвросием в июне месяце 1754 года.

Извлечение из дневника архиерейской ревизии. 3 июня, например, в с. Казанове, Рузского уезда, владыка нашёл «церковь подгнившею и на бок пошатнувшеюся, антиминс
с. 319 не подписанным, вместо жертвенника сделанный на подобие избного залавка шкапчик, на престоле крашенинное одеяние, вместо иконостаса к стене непорядочно приставленныя иконы, сосуды свинцовые и почернелые, ризницу обветшалую». По распоряжению епископа Амвросия тут же при нём и под его руководством церковь была поднята и подведена каменным фундаментом; консистории приказано было позаботиться об исправлении всех замеченных в церкви недочётов.

В с. Спасском, того же уезда, епископ Амвросий в дароносице не нашёл запасных даров. Священник объяснил, что он дароносицей не пользуется, а держит святые дары у себя дома. Послан был в дом иеродиакон Адриан и протодиакон для осмотра святых даров. У образа на полке действительно нашли медную обветшалую дароносицу, в которой был только один потирец, запасные же дары хранились в бумажке, обернутой разодранным лоскуточком. С попа взята была подписка устроить серебряный потир и дискос, а святые дары дома не держать.

В с. Васильевском, Чернецкое тож, Рузского уезда, священника не оказалось, так как он оставил приход ещё с Фоминой недели; во всех местах святые образа найдены с написанием руки по раскольничьему суемудрию; антиминс не подписан. Церковь была запечатана, управитель Рузского духовного правления потребован к ответу.

В с. Песках, Рузского уезда, вместо жертвенника оказалась поставленная и крашениною одетая скамейка, а священник, «как и из образу его видно», пьяница; священно-церковно-
с. 320 служители находились в родстве. Церковь была запечатана, священно-церковнослужители отправлены в консисторию.

В с. Козлове, Рузского уезда, церковь как снаружи, так и внутри оказалась весьма ветха; окна вместо оконниц забиты ставнями; антиминс не подписан; на престоле пыль; образ мучеников Флора и Лавра написан несправно «с изображением» и надписанием имени неизвестных лиц; служебник ветх; миро, где взято, поп, как и сам объявил, не знает. Церковь была запечатана, священник с образом, антиминсом и служебником представлен в консисторию.

В с. Ивойлове, Рузского уезда, в церкви Воскресения Христова два придела, один в честь Николая Чудотворца, другой Святителя Алексия, при чём престолы этих приделов помещаются в том же, и так тесном, настоящей церкви алтаре; вместо жертвенников устроены скамейки; дверей царских, хотя и трое, но пономарских только двое; на одном престоле антиминса совершенно не было, на двух других не подписаны. Церковь тоже была запечатана.[1]

Денежные средства церквей. Приведённые выдержки из дневника архиерейского объезда епархии говорят нам не только о небрежении духовенства в отношении благоприличного содержания храмов, но и о крайней бедности некоторых храмов, вследствие которой они приходили в тот печальный вид, в каком нашёл их епископ Амвросий.

с. 321 Скудость денежных церковных средств наблюдалась не только в храмах сельских, но по временам и в соборных. Например, в городе Можайске при соборной Николаевской церкви по недостатку доходов, по словам епископа Амвросия, «украшения и ризницы почти ничего нет». Содержание соборян было тоже в высшей степени скудное. Указом от 30 декабря 1757 года к поднятию доходов Можайского собора епископом Амвросием приняты были такие меры.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 69-б.

Получаемый в соборе доход приказано было собирать в особую кружку за печатью духовного правления, и кроме этой кружки поручного дохода никому и ничего не брать. Кружку распечатывать по прошествии каждой трети года и сборные деньги, сосчитав в присутствии закащика и всех соборян, разделить так, чтобы третья часть шла на церковные потребности и была занесена в приходо-расходные книги, а остальные две трети делились между соборянами. Затем, для приращения церковного дохода, торговлю свечами производить от собора, покупая для этого воск и не допуская к продаже свеч никого из посторонних людей; если таковые объявятся, ловить их и приводить в Можайское духовное правление, а оттуда в консисторию. Для наблюдения за всем этим выбрать в старосты церковные человека вероятного и никакого порока не имеющего. «Таковых старост, — продолжает епископ Амвросий, — и по прочим епархии нашей церквам учредить». Всех соборных священно-церковнослужителей обязать подписками, чтобы они не чинили никакой утайки в сборе дохода, в противном случае будут штрафованы «лишением своих мест и взысканием похищеннаго ими втрое».[1] *с. 322*

Это первое распоряжение Переславской епархиальной власти, предписывающее учредить в церквах так называемых церковных старост. Основывается оно на Высочайшем указе от 28 февраля 1721 года о церковных старостах и о продаже при церквах свеч, с тем, чтобы доход с них шёл на учреждение при церквах богаделен и больниц.[2] Конечно, распоряжение епископа Амвросия об учреждении при всех церквах церковных старост пока оставалось на бумаге и, если проведено было в жизнь, то разве только в немногих местах. Даже церковная свечная монополия при Можайском соборе встретила сильное противодействие со стороны местных городских торговцев и повела к враждебным столкновениям их с собором.

Продажа свеч. Можайские купцы Иван Варварин и Иоаким Катков продолжали по-прежнему свечную торговлю на веках при Никольском мосту и, когда соборный протопоп велел у них веки со свечами отнять, «бранили протопопа ругательными словами, вором, разбойником, грабителем, а по окончании литургии с другими купецкими людьми, нарядным делом, с дубьём, знатно хотели его протопопа бить, токмо он едва мог спастися». Можайское духовное правление жаловалось в городскую ратушу, но оттуда не отвечали. Тогда оно вошло с жалобой в консисторию, которая, разобрав дело, постановила снестись промемориею с Главным магистратом. Епископ Амвросий на определении консистории написал такую резолюцию. *с. 323*

> Дондеже сии ослушники свещопродавцы от сего запрещеннаго торгу не престанут и доходу церковнаго, коим они святотатски корыстуются, церкви святой, в силу Именного указа, не оставят, дотоль их, яко противников церковных и преслушателей Высокомонарших указов, не принимать в сообщение церковное; но прежде всего в очувствование объявить публично в церкви троекратно архиерейское наше неблагословение, и буде по троекратном обьявлении ещё упорствовать станут, то с ними тогда по первому поступить, как и Священное Писание повелевает: «аще кто и церковь преслушает, буди тебе яко язычник и мытарь».[3]

Дело этим не закончилось. Из дальнейших докладов Можайского духовного правления видно, что купцы, несмотря на публичное объявление архипастырского неблагословения, послушания не оказали и торговлю свечами не прекратили.[4]

Распределение доходов священно-церковнослужителей. По вопросу о дележе доходов между членами причтов, кроме приведённого выше распоряжения, касающегося Можайского

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1757 г., № 2 дополнительный.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — 2 изд. — СПб.: Синодальная типография, 1879. — Т. 1. — С. 39, № 17.

Высочайшим указом 1747 года доход от продажи церковных свеч разрешено было употреблять «на самонужнейшия церковныя строения».

(Архив Переславской духовной консистории. 1748 г., по описи № 2, дело № 16.

Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1912. — Т. 3: 1746—1752 гг. — С. 81, № 1005.)

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 129.

[4] Там же, № 322.

собора, от времени Амвросия сохранилось другое, более общего характера, видоизменявшее практику, введённую в последние годы правления епископа Серапиона. Именно, епископ
с. 324 Серапион изменил норму распределения доходов, выработанную епархиальною властью в 1747 году,[1] и распорядился:

> Впредь ради изъятия между ими, священником, диаконом и дьячком, междоусобной вражды и ссоры, пахатныя и сенокосныя земли и всякий подаваемый доход, кроме за духовность святыя исповеди, имеют разделяемы быть на две части, половина священническая, сколько бы ни было при какой церкви священников, а другая половина диаконская, дьячковская и пономарская, тако ж сколько бы ни было при какой церкви диаконов, дьячков и пономарей, ибо о диаконах разсуждать тое надобно, что без диаконской услужности священник в церкви может справиться во всяких церковных требованиях, а без дьячка и пономаря не исправится; к тому же дьячковской и пономарской должности во всём больше, нежели услужности диаконской, чего ради диаконы да будут довольны равномерным с дьячками и пономарями по вышеозначенному жребодаянием.[2]

Епископ Амвросий, вскоре же по вступлении на кафедру, отменил это распоряжение и велел возвратиться к практике, рекомендованной епархиальною властью в 1747 году, «ибо, — говорится в указе, — сколько священник имеет преимущество пред диаконом, столько должен и диакон преимуществовать пред прочими церковниками, чего для, как священник берёт половину всяких доходов и земли, а другую оставляет диакону и прочим церковникам, так и диакону законно и правильно следует из оставшейся другой половины получать в полы против всех церковников».[3]

---

[1] См. выше, с. 33.

[2] Дело с этой резолюцией епископа Серапиона сгорело во время пожара 1754 года.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 30.

Глава 7

Проступки духовенства и взыскания. — «Непристойные слова». — Неслужение в высокоторжественные дни и самовольная отлучка из прихода. — Погрешности при совершении таинств причащения, миропомазания, брака. — Блудодеяние, воровство. — Пьянство и соединённые с ним продерзости. — Меры дисциплинарных взысканий. — Снисходительность епископа Амвросия. — Защита им духовных лиц.

Проступки духовенства и взыскания. Архивные дела времени епископа Амвросия *с. 325* сохранили нам много криминального материала, свидетельствующего об отступлениях духовенства от тех норм, которыми оно должно было руководствоваться в своей жизни и богослужебной практике. Но в общем эти криминальные дела по характеру и составу преступления таковы же, как и те, с которыми мы встречались в правление предшественников епископа Амвросия.

Тот же суровый дух царил в епархиальном судопроизводстве и при определении наказаний за проступки духовенства; здесь видим те же меры взысканий, ту же жестокость приговоров, изредка только смягчаемую личною гуманною снисходительностью епископа Амвросия. Но и гуманность эта не всегда приводила к желательным результатам. В 1754 году, например, консисторский колодник, под присмотром караульного солдата Василия Насонова, в ножных железах счищал с травы щепы у соборной церкви Воскресенского монастыря. Случайно проходил владыка. Караульный солдат донёс владыке о том, что у колодника железа перетёрли ноги. Епископ Амвросий распорядился произвести по этому поводу тщательное *с. 326* дознание. Но консистория направила дело так, что караульный солдат подвергся пред прочими караульными наказанию батоги за то, что осмелился утруждать Его Преосвященство.[1]

«Непристойные слова». Из числа следственных дел, вызывавших раньше суровые взыскания, в правление епископа Амвросия исчезают дела, возбуждаемые по поводу произнесения слова и дела Государева. За весь этот период в Переславском архиве сохранилось одно только дело, связанное с упоминанием грозной Тайной канцелярии.

3 мая 1755 года из Переславской конторы в Переславскую консисторию прислан был под караулом поп Переславского Борисоглебского монастыря Василий Григорьев, продавший в апреле месяце без ведома игумена монастырские яблони каким-то неизвестным людям. Яблони были выкопаны и увезены. Когда игумен ему и неизвестным людям запрещал выкапывать деревья, поп Василий Григорьев хотел игумена бить и ухватил его за руку так сильно, что «оная рука и доныне больна». Игумен тогда за показанное озорничество и своеволие приказал попа посадить в цепь; но поп закричал: «Куйте меня и игумена и повезите в Тайную». — На допросе поп Василий Григорьев показывал, что ничего из сказанного не помнит, «понеже был с похмелья». Консистория постановила: «учинить ему в консистории жестокое плетьми наказание и отослать в монастырь под начальство на год». Епископ Амвросий смягчил наказание: «Учинить по сему, точию понеже с мая месяца по ныне содержится под караулом, то освободить его от посылки под начал». *с. 327*

Однако этим злоключения попа Василия Григорьева не закончились. Прилежание к хмельному питью создало ему новые беды. Отпросившись у караульного солдата Ивана Агапова,

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 64.

он вечером на 10 июля отправился в соборную Воскресенскую церковь ко всенощной. После всенощной по дороге в консисторию Василию Григорьеву попался иеромонах Николай, попросивший его сходить в кружало и принести вина на 24 коп., что поп Василий Григорьев и исполнил. Когда поп возвращался с вином, в монастырских воротах его остановил приворотенный иеромонах Герасим, вино отнял, а Василия Григорьева посадил на цепь. Донесли монастырскому начальству. В подворотную келью прислан был приставленный к присмотру над столярными работниками Тимофей Григорьев. Он освободил Василия Григорьева от цепи, но отвёл его в токарню «для верчения колеса». Произошло как-то так, что во время работы поп сдружился со своим надзирателем и по окончании работ они вместе оказались в кружале для пития вина, а из кружала направились в одно подмонастырное село ночевать. По дороге их пьяных встретил секретарь консистории Гавриил Сокольский, и поп Василий Григорьев снова попал под караул. Началось новое следственное дело, закончившееся тем, что поп Василий Григорьев за свои продерзости определён был на целую неделю «к деланию при здешнем Воскресенском монастыре прудов», а караульный Иван Агапов посажен на цепь.[1]

с. 328 Так сравнительно благополучно для попа Василия Григорьева закончилось дело о «непристойных», страшных в былое время словах.

Но если дела о праздном произнесении слова и дела Государева почти исчезают из консисторского архива, то обильный бытовой материал по-прежнему дают судебные процессы, начатые по обвинению духовных лиц в неотправлении положенных служб в царские и высокоторжественные дни.

Неслужение в высокоторжественные дни и самовольная отлучка из прихода. В 1754 году закончилось дело, начатое ещё в 1746 году, по обвинению попа села Протасьева, Верейской десятины, Кирилла Васильева в том, что он в 1742 году во время трёхдневного торжества коронации погребал усопших, служил панихиды и кроме того он же допустил в разное время двоим младенцам умереть без крещения. После долгой волокиты консистория определила: «За отправление в торжественный день панихиды наказать Кирилла Васильева в консистории плетьми жестоко; за допущение младенцев умереть без погребения назначить ему епитимию, яко вдовому, вечное пребывание в Воскресенском монастыре, причём один год он должен воздержаться от священнослужения и ежедневно класть по 100 поклонов с молитвою Иисусовою». 5 октября 1754 года епископ Амвросий написал: «За отправление панихид в толь высокое торжество наказать телесно. А за упущение младенцев без крещения, понеже свидетели... не малое разногласие показуют, чрез что не безсумнитель-
с. 329 ными оказуются, а особливо тех младенцев родители, да и доносчик спустя четыре года донос производит, учинить посему духовное исполнение, приемля его за крайнее покаяние к принятию монашества нелестное намерение».[2]

Таким образом, объявленное попом Кириллом Васильевым намерение принять монашество посодействовало смягчению его наказания. Даже более: через некоторое время он освобождён был и от телесного взыскания. 24 мая следующего года епископ Амвросий распорядился: «Кириака (монашеское имя Кирилла), понеже его за старостию нельзя наказывать, отлучить на месяц от священнослужения, а вместо того исправлять ему чтение за трапезой для братии».[3]

В том же 1755 году аналогичное дело возникло по донесению дьячка Преображенской церкви г. Дмитрова на своего попа Игнатия Афанасьева в том, что он в высокоторжественные дни 27 и 29 июня не отправил всенощного бдения и литургии, ограничившись молебном со звоном. Поп оправдывался тем, что всенощных бдений и литургии не мог отправлять «за случившеюся ему от побой объявленнаго дьячка немощью» и что по отправлении молебна со звоном он присутствовал в исправлении торжественного молебна в соборе. Доноситель же дьячок, по его словам, не только не был в своей церкви для отправления торжественных служб, но и в соборе на торжественном молебствии. Дьячок в оправдание ссылался на побои, якобы полученные им от попа, из-за которых он не мог присутствовать в церкви.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., №№ 69 и 70.
Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 1, дело № 31.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 107.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 66.

Расследование велось довольно долго и, хотя духовное правление допустило в производстве *с. 330*
следствия немало формальных погрешностей, но было твёрдо установлено, что поп не служил всенощных бдений и литургий за пьянством, причём являлся и в собор «пьяным образом». По той же причине не присутствовал за богослужениями в эти дни и дьячок, «и по всему оказалось видимо, что у онаго дьячка Алексеева с помянутым попом Игнатием имелась драка общая в пьянстве». Консистория определила попа за неслужение в торжественные дни, за пьянство, отослать в мужской монастырь в мукосейные труды на целый год; дьячка Якова Алексеева исключить из церковного чина и наказать плетьми; присутствующего Дмитровского духовного правления протопопа Петра Наумова за неправильную выправку оштрафовать 50 руб., а подканцеляриста Михаила Чистякова записать в копиисты на год и наказать плетьми. — Резолюция епископа Амвросия.

> Учинить по сему, точию протопопа оштрафовать 10 руб., а подканцеляриста написать в копиисты на полгода, или ежели похочет, взыскать вместо того то же число, что и с протопопа; а с попом Игнатием учинить, что указом 736 года повелено, т.-е. наказать плетьми, сослать в монастырские труды на месяц за скудостью в священниках, с подпискою о бытии ему всеконечно в трезвости, а с дьячком поступить по сему мнению.[1]

В сентябре месяце 1760 года дьячок Антон Петров донёс на своего священника и диакона, что они 20 сентября в высокоторжественный день не служили. Поп и диакон извинялись запамятованием, вследствие которого 20 числа они ездили в Катедральную контору для *с. 331*
платежа семинарских денег. На следствии дьячок к изложенному в своём докладе добавил, что он напоминал попу о табельном дне, но поп будто бы ему сказал: «Поди прочь». Это дополнение не подтвердилось при разборе дела. Выяснилось только, что дьячок знал о табельном дне, но своих священнослужителей не предупредил. Консистория постановила: «На основании указа 1736 года наказать попа и диакона плетьми и отослать для священнослужения в монастырь на один месяц; дьячка же, понеже он священнику и диакону заблаговременно о том напамятовать должен был, а он не токмо того не учинил, но ещё небывалыя речи на попа к вящшему истязанию возводить дерзнул, учинить наказание плетьми и перевести в другое село во дьячка». Резолюция: «Попа и диакона определить на две недели в катедру нашу, а о дьячке учинить по сему определению без перевода в другое село».[2]

Таким образом, общим взысканием за неслужение в царские дни являлось наказание плетьми, соединённое с временною отсылкою в монастырские труды. Этого требовали действовавшие суровые законы. Епископ Амвросий, как видно из приведённых резолюций, смягчал лишь, где была возможность, суровость законных требований. А требования эти в отношении к службам в высокоторжественные и царские дни выполнялись вообще с беспощадною строгостью, так что, например, даже священнослужители, оставившие приход и находившиеся долгое время в бегах, судились и наказывались не столько за самовольную *с. 332*
отлучку из приходов, сколько за неслужение всенощных бдений и литургий в царские и высокоторжественные дни, случившиеся в период их отлучки.

Так, в 1758 году в июле месяце Переславская консистория через Переславскую контору распорядилась взыскать с попа с. Голопёрова Кирилла Иванова за допущение им диакона к священнослужению без ставленной грамоты 11 руб. 25 коп. В ответ на это консистории ответили, что поп Кирилл Иванов ещё с 1757 года имеется в бегах. Позвали к допросу сына его, дьячка того же села Козьму Кириллова. Но тот мог только сообщить, что отец его отлучился в 1757 году в Москву, и где жительствует, он Козьма неизвестен. Козьму обязали подпискою сыскать отца, а ежели не сыщет, то к 4 числу мая полностью заплатить штраф 11 руб. 25 коп. 10 июня Козьма вступил с заявлением, что отец его всё ещё находится в бегах, внёс за него пять рублей и просил отсрочить выплату остальных. Консистория деньги приняла, но постановила: если он, дьячок, и после сего отца своего не сыщет, то повинен будет отдаче в солдаты. Угроза возымела действие, и 16 марта 1759 года поп Кирилл Иванов приведён был своим сыном в Москве в контору Его Преосвященства, а оттуда отправлен под караулом в Переславскую консисторию. На допросе Кирилл Иванов

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 79.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 21.

показал следующее. По просьбе помещиков с. Голопёрова в декабре 1757 года он ушёл из своего прихода в Москву для исправления при домах их вечерень и заутрень. В домах
с. 333 этих помещиков, переходя от одного к другому, он жительствовал по июль месяц 1758 года, а затем, по просьбе поручика морского флота Фёдора Алексеева Лодыженского, перешёл в Орловский уезд. Здесь он исправлял вечерни и заутрени по февраль 1759 года, когда вместе с Лодыженским приехал снова в Москву, где и был сыном представлен в контору Его Преосвященства. Консистория определила — попу Кириллу Иванову за побег и за неисправление с декабря 1757 года в высокоторжественные дни священнослужения и молебных пений, в силу указа 1736 года, учинить наказание плетьми и определить в отдалённый от Переславля Иосифов монастырь в монастырские труды на год, а потом в том же монастыре исправлять ему священнослужение; о «держателях» показанного попа помещиках и поручике сообщить в соответствующие светские учреждения для поступления с ними по законам. Резолюция Амвросия: «Учинить по сему, точию определить не в Осипов, но в Николаевский монастырь с священнослужением, а наказать в конторе».[1]

С такими отлучками священнослужителей Переславской епархии в Москву, с целью прокормиться заработком, епархиальному начальству, по-видимому, приходилось считаться довольно часто. По крайней мере в феврале 1761 года епископ Амвросий прямо заявляет в одном из своих указов:

> Многие священно-церковнослужители, отлучаясь от своих церквей, самовольно ездят под
> *с. 334* видом исправления церковных потребностей в Москву, которая состоит в другой епархии, и бывают во оной по немалому времени, из коих уповательно не без таковых сыщется, что без воли и благословения местнаго архиерея и священнослужение отправляют, что церковным правилам весьма противно; другие же, приезжая, кто когда захотят, в Новый Иерусалим, в котором консистория Его Преосвященства находится, и долговременно во оной не являясь, волочатся праздно, а от духовных правлениев, которым оные священно и церковнослужители в смотрение поручены, не токмо пашепортов ни един не имеет, но о той своей отлучке и знать не дают, чрез каковыя, не имев правильной вины, отлучки, многие в неотправлении в торжественные дни Божественныя службы (как по делам явилось) под следствии и по преступлению их во истязание впадают.

Для пресечения таких непорядков епископ Амвросий распорядился объявить всем священно-церковнослужителям с подписками, чтобы они в Москву и другие города Переславской епархии, даже на малое время, без явки в духовные правления и заказы и без пашпортов отнюдь не отлучались, причём выдачу этих пашпортов предписывалось духовным правлениям и заказам производить после обследования винословия отлучки, с обращением особенного внимания на торжественные дни, какие могут встретиться в период отпуска. Такие же пашпорта священно-церковнослужители должны были брать в тех случаях, когда отправлялись в консисторию. Не исполнившие сего подлежали штрафованию по усмотрению консистории. Священно-церковнослужителям, испрашивающим паспортов для поездки в го-
с. 335 рода и места других епархий, или «для жительства на некоторое время», такие паспорта должны были выдаваться из духовных правлений не иначе, как с ведома и указа духовной консистории.[2]

Погрешности при совершении таинств причащения, миропомазания, брака. Из проступков духовенства, связанных с неблагоговейным или неуказным совершением таинств, наиболее строгим взысканиям подвергалось пролитие Святых Тайн. Руководящее значение при определении наказания за этот проступок имела резолюция епископа Амвросия, положенная на консисторском определении от 16 июля 1759 года.

В Гжатской соборной церкви во время приобщения священнослужителей упало внезапно напрестольное евангелие (ветхое), и хотя потир был подхвачен рукой и удержан, но несколько капель Крови Христовой пролилось на антиминс. Служил в это время заменявший протопопа священник с. Дровнина Иван Иванов с соборным диаконом Феодором Феодоровым. Консистория, принимая во внимание, что пролитие Святых Тайн произошло

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 290.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 95.

нечаянно, а не по воле священнослужителей, определила священника, как чужеприходного, совершенно освободить от вины, а диакона, который о повреждении евангелия знал, но ничего не предпринял к предотвращению такого случая, наказать запрещением священнослужения на 40 дней. Епископ Амвросий наложил резолюцию. «Помнится в 1735 году в Санкт-Петербурге в Вознесенском приходе поп Лев, кой в Пруссии был, по совершении Святых Тайн, причащал своих причастников, и в то самое время оборвалась над царскими *с. 336* дверьми икона, которая ему на руки упала и Тайны Божественныя опролила, о чём он сам, а не кто иной донёс: однако Святейший Синод отлучил его от священнослужения на шесть недель и велел ему в Невском монастыре чрез шестинедельное время муку сеять. Чего ради и по сему случаю учинить то же».[1] — Последующей резолюцией епископ Амвросий несколько сократил время пребывания гжатских священнослужителей в мукосейных трудах, но шестинедельный период запрещения в священнослужении оставил во всей силе, согласно прежнему определению.[2]

Из других таинств наибольшее число упущений и погрешностей допускалось священнослужителями при совершении таинства миропомазания. Как упоминалось уже выше, в Переславской епархии священнослужители миро часто смешивали с елеем и не считали нужным получать новое миро, когда чувствовался в нём недостаток.

В с. Пречистенском, Дмитровского уезда, например, при объезде епископом Амвросием епархии, священник Адриан Саввин представил владыке «святое миро за елей, а елей за миро». Священника взяли в консисторию, долго здесь допрашивали и обнаружили его малограмотность. В заключение дела епископ Амвросий 13 марта 1755 года распорядился:

> Дабы не праздновала церковь: 1) попа за его нерадение таковое наказать плетьми гораздо в консистории и, обучив экзаменаторской школы достаточно, нам для экзамену представить. *с. 337* А дабы впредь в таковой Тайне не ошибался, сделать на его кошт один сосуд мирохранительный, а другой на елей с подписанием точным, из чистаго олова, что и по всем церквам учредить. 2) Перемазание оставить, понеже грех не на помазанных, но на помазавшаго, так неправильно, падает; довлеет помазанным, яко правильно крещены суть и в том разуме и намерении святое миропомазание приняли, в котором святая церковь учредила и доныне содержит.[3]

При совершении таинства брака обычною погрешностью священнослужителей было венчание брачущихся без венечных памятей. За такую погрешность карали обыкновенно на основании указа Святейшего Синода, присланного 28 сентября 1744 года, взысканием штрафа за каждую свадьбу по 2 руб. и пошлин вдвое.

В 1754 году началось дело о венчании попом с. Шарапова Иваном Иовлевым 19 браков без венечных памятей. За это он был приговорён к уплате пошлин 13 р. 74 к. и штрафу в 38 р. К этому присоединили штраф за написание в исповедных росписях неисповедавшихся исповедавшимся — 5 руб.,[4] да за неисповедь приходивших 194 приходских людей — 9 р. 70 к. Всего составилось 66 руб. 44 коп. Поп оказался не в состоянии уплатить таких денег. Стоимость его пожитков определилась тоже значительно ниже этой цифры. Консистория, по долгом обсуждении, приняв во внимание другие проступки Ивана Иовлева,[5] определила *с. 338* «сослать попа в смирение в Лукианову пустынь для зарабатывания означенных денег на два года с уплатой этой пустынью объявленных денег и с произвождением ему в разсуждении его трудов братской порции». Епископ Амвросий не утвердил такого строгого приговора и приказал доследовать дело, «по недостаточеству ли своему, или небрежению показаннаго штрафа не уплачивает».[6]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 561.

[2] Там же, № 629.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 35.

[4] Именной указ от 17 февраля 1718 года.

[5] Поп Иван Иовлев, кроме вышеписанного, уличён был в пьянстве и соединённых с ним крайне соблазнительных действиях. Например, ехал на лошади в облачении с крестом пред иконами и говорил народу: «Знайте же меня такова властелина, яко ни генерал, ни губернатор и никакой господин власти таковы не имеет». Во время брака имел ссору с диаконом и, возложив венцы на брачущихся, «Исайе, ликуй» не пел и вокруг престола их не водил и другое. За все эти соблазнительные поступки он наказан был, по определению консистории, жестоко плетьми. (Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 80.)

[6] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 121.

Как и в приведённом, так и в других случаях венчание без венечных памятей часто осложнялось другими проступками, ставившими иногда епархиальную власть в довольно затруднительное положение.

В 1758 году поп с. Мурикова, Волоколамской десятины, Иван Васильев при разборе, учинённом Его Преосвященством, оказался «в чтении недоволен» и был запрещён в священнослужении, а для обучения чтению отослан в Возмицкий монастырь. Дома осталась жена с малолетними детьми, которая, лишившись пропитания, стала скитаться и просить по миру. Поп подаёт прошение разрешить его в священнослужении и уволить из монастыря в с. Муриково по-прежнему. Епископ Амвросий наложил резолюцию: «Безсовестной, хочет, чтобы его в знании книжнаго учения разрешить, и потому подписать под оным доношением свидетельство, как он по книгам читает». Попа Васильева на основании этой пометы потребовали из монастыря в консисторию. Но он по дороге зашёл в своё село, прогнал оттуда священника, назначенного для исправления треб, и, несмотря на то, что был запрещён в священнослужении, стал совершать мирские требы: несколько младенцев крестил и обвенчал два брака, — без венечных, конечно, памятей. Когда всё это обнаружилось, консистория определила попа Ивана Васильева священства лишить и за венчание браков взыскать соответствующий штраф. Дьячок и пономарь с. Мурикова наказаны жестоко плетьми за то, что об исправлении треб означенным попом знать в консисторию не дали. Епископ Амвросий пожалел обречённую на голод семью и написал:

с. 339

> Хотя за преступление своё и подлежит прописанному штрафованию, однако за известную свою неисправность понеже и так четвёртый год уже находится, а и теперь, аще и по пастырскому снисходительству, обаче вместо извержения тому ж запрещению следует: того ради, доправив денежный штраф, учинить ему за главную его противу правил поступку плетьми наказание. А впредь он к священнослужению надёжен будет или ни, велеть ему для самоприсутственнаго нашего усмотрения читать в соборной Воскресенской церкви, начав от часовника и псалтири даже до канонов и апостола. А потом, когда поисправнее в чтении окажется, с сим же определением и общим засвидетельствованием нам для конечнаго об нём решения представить.[1]

с. 340

Блудодеяние, воровство. Далее следуют более грубые проступки жизни и поведения духовенства, не соответствующие их званию, как руководителей нравственной жизни народа.

В 1754 году в Можайском духовном правлении начато производством дело о покраже у попа с. Купелиц Прокопия Григорьева и сына его Петра попом с. Александрова Петром Васильевым на большую сумму домашнего платья, разных материй и денег. В деле сохранился подробный список уворованного платья, представляющий интерес для характеристики среднего достатка духовных лиц половины XVIII века и восстановления того типа одежды, которую носили в это время духовные и их домашние.

У попа Прокопия Григорьева оказались украденными следующие предметы домашнего гардероба. Четыре шубы китайчатых на овчинных мехах, опушённых пухом бобровым, ценою в 20 руб. Кафтан зелёный суконный, на жёлтой крашенине — 8 р. 50 коп. Кафтан васильковый на холстинке белой в 5 р. 50 коп. Два полукафтанья китайчатые на подкладке холстинной белой в 6 руб. Остатков кисейных и ростовских холстинных 25 аршин [17,8 м] в 2 руб. 30 коп. 30 холстов «ольняных», каждый холст мерою в 25 аршин, [17,8 м] на 33 р. 50 коп. Два конца с половиною кумачу красного на 4 руб. 60 коп. Платков холстинных с кружевом и без кружева 30 на рубль 50 коп. Два платка гарнитуровых в 2 руб. Фата итальянская дволишиневая в 1 руб. 80 коп. Четыре фатки шёлковых разных цветов в 2 р. 10 коп. Две скатерти бранных в 3 руб. 80 коп. Три скатерти простых в 50 коп. Цепочка серебряная, на ней четыре креста серебряных в 3 р. 30 коп. Четверы серги серебряные, в том числе двои с подвесками жемчужными, а двои с подвесками половинчатыми в 3 руб. 26 коп. Шесть кокошников женских, из коих один травчатый, по шёлку травы золотые с позументом золотным в 6 р. 90 коп. Бобрового пуху четыре звена на 1 руб. 80 коп. Две душегрейки китайчатых, одна тёплая на заячьем меху, другая холодная в 1 руб. 50 коп. Четыре стакана да четыре тарелки оловянных в 1 руб. 24 коп. Лента золотная в 1 руб. 80 коп. Девять пуговиц серебряных в 60 коп. Да кроме того, собственных денег 24 руб.

с. 341

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 58.

На следствии поп Пётр Васильев, сначала запиравшийся, потом повинился во всём и рассказал, как он с дьячком, братом своим Данилом Васильевым, подъехал ночью к задней горнице, выбрал оттуда всё, уложил на сани и скрыл похищенное в снегу недалеко от своего дома, а затем, отрывая из снегу, продавал по частям в Можайске и Москве. При разборе дела за попом Петром Васильевым обнаружились и другие проступки, в том числе блудодеяние, в чём он также повинился. За всё это поп Пётр Васильев лишён был священного сана и отослан в Можайскую воеводскую канцелярию для поступления с ним по законам.[1]

В том же году обнаружилось, что поп с. Самарова Яков Михайлов имел блудное *с. 342* падение с сестрою дьячка девкою Дарьею, от которого падения родился младенец, вскоре же по рождении скончавшийся. Поп во всём повинился. Консистория на основании церковных канонов вынесла суровый приговор в отношении ко всем лицам, прикосновенным к делу. Епископ Амвросий написал:

> Показанный падший поп с девкою и прочии за свои согрешения, хотя подлежали таковой епитимии, как в сём определении показано: но для того, яко они в тех своих согрешениях при первых допросех признались без дальняго испытания, к тому ж что у него попа четверо малолетних детей имеется, которыя остаются без всякаго призрения, разсуждая пастырски и о умалении епитимии шестому вселенскому собору и разсуждению святаго Иоанна Постника и Духовному Регламенту последуя, определили: 1) Падшему попу священноиерейская действовать и рукою благословлять и до епитрахили касаться запретить вовсе, и в том его подпискою под судом Божиим обязать, — и сего осуждённому тако, осудившему себя тако, довольно, а в монастырь, да не сугубо накажется, не отсылать. 2) Дарью Алексееву, которая в том же селе, где и оный поп жительствует, за ея падение и небрежение о рождшемся младенце своём, для удобнейшаго покаяния и чтоб она в том селе не жительствовала и более соблазна не чинила, отослать в Феодоровский монастырь, где держать под крепким наблюдательством в монастырских трудех по написанному зде о ней учреждению. 3) Онаго попа жену и дьячка с женою, которые о паде-
> нии того попа с июня по август месяц настоящаго года хотя и знали, а может быть за недоуме- *с. 343*
> нием и краткостью времени о том нигде доносить не посмели да и не успели, в разсуждении добровольнаго их в том признания, от прописанной зде их епитимии освободить и в монастырь не отсылать, а быть им в долгех своих и исполнять канон покаяния чрез воздержание от рыб и варёной пищи по средам и пяткам на два месяца, понеже толикое время о падении таковом, подлинно ли за предписанными от нас винословиями, Бог весть, как надлежало не доносили.

Незадолго до перевода епископа Амвросия на Крутицкую кафедру от того же попа, лишённого сана и состоявшего дьячком, поступает на имя Амвросия прошение, в котором Яков Михайлов, касаясь своего прежнего дела, пишет:

> Хотя я такому грехопадению вовсе ни с тою девкою, ни с другим ни с кем невиновен, но по причине той, что означенной девке по прижитии ею незнамо с кем младенца и по рождении онаго младенца мёртваго я нижайший, будучи попом, молитву давал и нигде о том не донёс, и за то, также и за показанием самою тою девкою на меня блудодеяния, опасаясь, чтобы я не отослан был обще с нею в гражданский суд, а притом читая в церковных историях о житии святых отцев многие таковые примеры, что и оные святые, когда на них таковая клевета бывала, не доводя других до истязания, сами на себя таковые грехи невинно снимали, то и я нижайший за потребно в себе разсудил означенное девкино на меня показание на себя принять и при
> следствии утвердить за правильное и в том во всём сам признался, за что конфирмованным *с. 344*
> от Вашего Преосвященства Переславской духовной консистории определением лишён священства вовсе и нахожусь седьмой год дьячком. А понеже у меня нижайшаго имеется малолетних шестеро детей, которых к пропитанию пришёл я не в состояние и затем означенной неповинно признанной за собою вины более сносить не могу,

то... запрещённый священник в заключение просил возвратить ему снова священство.

Епископ Амвросий распорядился отослать Якова Михайлова на исповедь к духовнику иеромонаху Герасиму. Духовник засвидетельствовал, что к священнодействию у запрещённого попа Якова Михайлова препятствий не оказалось. Тогда епископ Амвросий написал:

> Прежде добровольно повинился и сам себе священства лишил, а ныне как прошением своим, так и пред отцем духовным на исповеди во всём том запирается, и потому таково о себе сумнение подал, что кроме совести его собственной духовному суду разобрать ничем. Того ради за силу

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 86.

исповеди отдаётся ему Иакову священство на его совесть, точию перевесть его в другое какое отдалённое место.[1]

Пьянство и соединённые с ним продерзости. Дела о пьянственных проступках священнослужителей и соединённых с этим пьянством безобразиях и дебоширствах, как и в прежний период, составляют довольно значительный процент общего числа судных дел.
с. 345 Каралось пьянство различно, в зависимости от условий, его вызвавших, и тех скандальных эксцессов, которыми оно сопровождалось. В подтверждение приведём только несколько примеров.

В 1755 году донесено было на попа Преображенского гор. Переславля собора Петра Иванова, что он явился в собор к вечернему пению пьяный, прогнал с клироса диакона Ивана Яковлева, ударив тростью, и не допустил очередного священника к вечернему пению, которое «крайне неистово и против церковнаго устава служить начал», чем учинил «церковный мятеж». По наведённой справке оказалось, что и раньше во время епископа Серапиона он бывшего протопопа Василия Феодорова «в пьянственном образе назвал плутом и бранил матерны» и в том же пьянственном образе служил литургию, за что, по резолюции епископа Серапиона, 5 октября 1753 года он наказан был в консистории плетьми. С утверждения епископа Амвросия, Петру Иванову и на сей раз учинено было в Переславской конторе, при собрании градских священно и церковнослужителей, нещадное шелепами наказание и, кроме того, запрещено священнослужение, «понеже, как дело значит, он не впервые пьянствует и безчинствует».[2] Однако вскоре владыка нашёл возможным смягчить наказание. 14 апреля 1756 года, «в самый всерадостный Воскресения Христова праздник Его Преосвященством он в той вине его был прощён» и определён к Переславскому Преображенскому собору по-прежнему.[3]

с. 346 В 1759 году 27 ноября епископ Амвросий усмотрел, что «протодиакон Иван Игнатьев пред наступлением бывших сего 24—25 ноября высокоторжественных дней от пьянства голос свой так повредил, что ему, протодиакону, в означенные дни служение с Его Преосвященством иметь было невозможно и не служил». Амвросий приказал наказать протодиакона в консистории плетьми и для смирения отослать в Введенскую Островскую пустынь.[4] Но прошло два дня, и владыка смягчил свой гнев. Протодиакон был отослан в чередное служение в Горицкий монастырь; конторе дан был приказ «надсматривать над ним, чтобы он пьянственных и других непристойных его званию проступков отнюдь не чинил». Жалованье велено было производить ему половинное.[5]

21 мая 1758 года в Дмитровское духовное правление явился поп с. Семёновского Кондратий Никифоров для платежа штрафных денег за служение им без ставленной грамоты. Как пьяный, он для истрезвления задержан был в духовном правлении, после чего «необычайно кричал и всякими сквернымии и непотребными словами бранил управителя Дмитровскаго духовнаго правления, приказных и служителей называл плутами и говорил: „я де сделаю возмущение“». Посланный на допрос в консисторию, Кондратий Никифоров оправдывался «тогдашним пьянством». Консистория определила: 1) за брань и крики в присутственном
с. 347 месте взыскать с него штраф 10 р.; 2) за пьянство наказать плетьми и обязать подпискою; 3) за поносительные речи управителю, приказным и служителям испросить у них христианского прощения, а если не испросит, то удовольствовать за обесчещение, что по их званиям надлежит. Епископ Амвросий написал: «За присутственное место вместо денежнаго штрафа и за пьянство наказать плетьми, а за безчестие присутствующих учинить по сему».[6]

Следственные дела, как и в прежний период, возникали большею частью по жалобе одних членов клира на других, так как священно и церковнослужители, знавшие погрешность за своим сослуживцем и не донёсшие своевременно о ней, подвергались строгому взысканию. Впрочем, в случае, если обвинение не подтвердилось, они подвергались такому же наказанию,

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 82.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 1, дело № 75.
[3] Там же, № 89.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 903.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 910.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 186.

какое угрожало обвиняемому. Настоятель храма сверх сего обязывался строго наблюдать над остальными членами клира; он не только должен был доносить о тех их погрешностях, которые замечал, но и отвечал за такие погрешности, о которых не был осведомлён.

В 1756 году, например, церковник погоста Кумыши, Переславского уезда, был уличён в корчёмстве. Священнику того села Ивану Андрееву, «которому, как настоятелю, над находящимися при нём церковниками долженствует всегдашнее иметь смотрение, не чинят ли оные церковники каковых противных указам проступков, а паче корчёмства, а он *с. 348* по должности своей за вышеписанным церковником корчёмства не усмотрел, приказано было, при собрании градских священно и церковнослужителей учинить в конторе жестокое плетьми наказание».[1]

Меры дисциплинарных взысканий. Из приведённых примеров можно видеть, что меры дисциплинарных взысканий, налагаемых епархиальною властью, в правление епископа Амвросия оставались те же, что и в предшествующее время. Как на особенность можно указать разве на частое применение в качестве наказания работ при кафедральном доме. Эта новая мера дисциплинарных взысканий возникла, конечно, в связи со строительными работами, производившимися при кафедре во весь период управления Переславской епархией епископа Амвросия.

В 1758 году поп Сретенской церкви гор. Дмитрова сообщил доношением, что во время совершения им литургии и приобщения приходских людей часть Тела и Крови Христовой уканула на помост. Произведённое следствие установило за ним и другие погрешности: во время совершения литургии на великом выходе он оставил на жертвеннике потир и выходил с одним только дискосом; будучи со святою водою в кабаке, позабыл там от безмерного пьянства крест и прочее. «Так как все таковыя приключения делаются ему едва ли не от того, что он безмерным пьянством ум и память имеет помрачену», определила консистория, то наказать его жестоко плетьми, запретить в священнослужении и отослать в Лукианову пустынь на год для содержания в тягчайших монастырских трудах. Епископ *с. 349* Амвросий написал: «Учинить по сему, точию как скоро в катедре церковныя работы начнутся, то определить его тогда туда».[2]

В том же году в с. Раменье, Волоколамского уезда, на молебном пении о торжестве Турецкой акции не присутствовал диакон Савва Михайлов. Диакон отговаривался тем, что накануне пропала его собственная лошадь, для отыскания которой он и отлучился. На основании указа 1736 года консистория постановила подвергнуть его жестокому наказанию плетьми. Епископ Амвросий изменил определение: «Вместо телеснаго наказания отослать на неделю в кузницу для церковной работы».[3]

В том же 1758 году возникло дело по жалобе священника Рождественской церкви в Александровской слободе Матфея Матвеева на дьячка Николая Михайлова в чинении дьячком во время вечерни смехотворений и названии его, попа, «раком и куропаткой», на что «он, поп, от крайней своей нестерпимости пинул дьячка в плечо, а он, дьячек, его попа искровенил». Произведённым следствием драка, происшедшая в Рождественской церкви, освещена была в несколько ином свете. Свидетели согласно показали, что дьячок попа не бранил и не пихал, а что сам поп был пьян и, выговаривая дьячку, для чего ты смеёшься, дважды ударил дьячка, на что и дьячок его, попа, от себя оттолкнул. Консистория определила попа Матфея за то, что «он пьяный служить вечерню отважился и в том пьянстве драку начал и окровавлением ту церковь осквернил, оштрафовать церковными же *с. 350* трудами, а именно в летнее время вынести ему к церковному строению две тысячи кирпича и на столько же кирпича извести потребное число». Дьячок штрафован был положением в той самой церкви, где драка происходила, 200 поклонов.[4]

Наконец, некоторые дисциплинарные взыскания носили исключительный характер в связи с исключительною особенностью проступков и тех последствий, к которым проступки приводили.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 26.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 10.
[3] Там же, № 188.
[4] Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 1, дело № 139.

В ночь на 26 декабря 1757 года в с. Самарине, Александровской десятины, сгорела церковь со всею утварью. Пономарь успел только вытащить кочергой три небольших колокола, помещавшихся на паперти. Постройка нового храма встретила большие затруднения вследствие незначительного количества в с. Самарине приходских дворов (76 дворов). Насколько можно было видеть из показаний священника Ивана Иванова, пономаря Степана Петрова и приходских людей, пожар произошёл вследствие недостаточного осмотра храма со стороны членов причта после Рождественского богослужения. Консистория определила: священника «за такое церкви Божией небрежение» сослать без священнослужения в Лукианову пустынь на полгода, пономаря в Александровском заказе, при собрании церковников, на страх другим высечь плетьми. Епископ Амвросий заменил эту кару денежным взысканием. «Вместо
с. 351 штрафования, написал он в резолюции, — изыскать с попа на погоревшую церковь с каждаго приходскаго двора по 10 коп., а с пономаря третью часть и, оныя деньги взыскав, закащик должен отдать старосте церковному при прихожанах».[1]

В 1759 году сгорел придел каменного храма в с. Тропарёве, Верейской десятины. Пожар произошёл от углей в кадиле, которые поп не залил по отправлении треб, в надежде, что они сами погаснут. Консистория, по рассмотрении дела, вынесла определение в смысле резолюции, наложенной по делу о пожаре в с. Самарине, но епископ Амвросий написал: «Понеже поп пожарному случаю сему состоит виною, дать ему указ и шнурозапечатанную книгу для испрошения от доброхотных подателей на возобновление погоревшей церкви, с тем, что, ежели он чрез год не возобновит оную церковь, то лишён будет вовсе своего прихода».[2]

Снисходительность епископа Амвросия. Сопоставляя консисторские определения по следственным делам, составлявшиеся на основании действовавших узаконений, и резолюции епископа Амвросия, нельзя не обратить внимания на одно обстоятельство, резко бросающееся в глаза, — на стремление епископа Амвросия везде смягчить суровость закона, уменьшить кару, найти некоторое оправдание для провинившегося. Это стремление может быть объяснено ничем иным, как только гуманностью характера преосвященного влады-
с. 352 ки. Правда, установившийся в истории взгляд на личность епископа Амвросия несколько не согласуется с таким предположением; его рисуют больше человеком суровым, крайне взыскательным. Но, во всяком случае, дела Переславского архива в период управления епископа Амвросия Переславской епархией не дают материала и данных для такой характеристики, а говорят скорее о чертах характера совершенно противоположных.

Вот, для примера, ещё одна выдержка из журнала консистории от 26 января 1756 года:

> Его Преосвященство по предлагаемому для конфирмации определению, учинённому о лишении Переславскаго Введенскаго девича монастыря диакона Петра Петрова диаконскаго чина вовсе, за то, что он Пётр, будучи назначен к произведению во священника к Переславской градской церкви святаго пророка Илии, дьячка Петра Иванова, произведённаго на его место во диакона, презирая данную ему Иванову ставленную грамоту, к той церкви не допускал и тем архипастырской Богом данной власти оказал непослушание, — соизволил приказать: оную его диакона продерзость, яко до собственнаго Его Преосвященства касающуюся, и своею архипастырскою милостью отпустить и учинить ему подлежащее во священника производство.[3]

Защита им духовных лиц. Относясь милостиво, в пределах возможности, к провинившимся, епископ Амвросий твёрдо отстаивал интересы духовных лиц и там, где духовные лица и их интересы подвергались оскорблениям и ограничениям со стороны светских
с. 353 особ, так или иначе чувствовавших свою власть и безнаказанность и вследствие этого злоупотреблявших этою властью.

Так, в 1753 году, ещё в правление епископа Серапиона, священник Казанской церкви Выползовой слободы Василий Максимов просил о переводе его в с. Мякишево «по происходимых ему от прихожанина князя Ивана Александровича Черкасскаго многим обидам».

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 271.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 517.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 3.

Просьба была удовлетворена, а Казанская церковь после того оставалась без священника. По уходе из села священника, князь Черкасский позвал чрез приказчика в свой дом дьячка и со словами: «Для чего вы с пономарём отпустили попа?» — приказал приказчику «бить его дьячка по щекам и дать сорок плесков, по которому его приказу и бит он был немилостиво до крови, от которых де побои уже не мог стоять на ногах и лежал, едва чувство имея, и был болен от тех побоев пять недель». Не удовольствуясь этим, Черкасский после экзекуции, учинённой над дьячком, позвал пономаря. Пономаря не застали дома, а взамен его взяли лошадь ценою в 8 рублей и отвели к Черкасскому на конюшню, где она и осталась. Этим дело не ограничилось. Через несколько дней князь И. Черкасский прислал в дом пономаря 8 человек, чтобы взять его силой. Пономарь заперся в доме, «а оные люди у сеней двери брёвнами отломали и по отломке сенных дверей стали уже деревянныя трубы рубить и избу ломать, от котораго великаго страху принуждён был он в окно уйти, а те люди, также и пришедшие ещё до ста человек крестьян, оную избу его всю разломали и унесли со скарбом». Так же поступили с избой и постройками дьячка. Потерпевшие подали жалобу в Переславскую провинциальную канцелярию, но, конечно, безрезультатно, — *с. 354*
а князь Черкасский между тем нашёл кандидата и представил для посвящения в попа.[1] По наведённым по этому поводу справкам всплыло всё прежнее, и кроме того обнаружилось, что этот помещик своевольно завладел частью пахотной и сенокосной церковной земли. В поставлении рекомендованного им кандидата было отказано, и сверх того епископ Амвросий распорядился церковь запечатать и не открывать до тех пор, пока он обиженных причетников не удовольствует и не возвратит захваченной земли. После долгого противодействия князь Черкасский вынужден был сделать то, чего требовал епископ Амвросий, и только после этого в 1760 году церковь была распечатана.[2]

В 1758 году в погост Андреевский, Александровского заказа, из Московской корчёмной конторы явился офицер с командою для обыска в доме попа и пономаря корчёмного вина. В домах ничего не нашли, но били попа и пономаря и увезли с собой связанных в колодках, а попа и в цепи. Переславская консистория снеслась с корчёмной конторой и требовала объяснений, каким образом контора, вопреки указу 1721 года, забирала людей духовной команды. Но ответ не был получен. В том же году 14 сентября канцелярист корчёмной конторы, бывший раньше подканцеляристом Александровского заказа и отрешённый оттуда, Гавриил Воронин явился в приход Александровского закащика, священника Иосифа *с. 355*
Селинского, расставил у всех дверей и окон церковных караул, сам вошёл с командой в церковь и по отпуске хотел попа арестовать, а дом его разграбить. Затея не удалась только потому, что дворцовый управитель той же слободы со своею командою сделать этого не дозволил. 22 сентября Воронин явился к закащику вторично с драгунами и с немалым угрожением требовал 30 руб. и чинил в доме всякие ругательства. Отправлена была снова промемория в корчёмную канцелярию, но с таким же успехом. Тогда, по распоряжению епископа Амвросия, сообщили об этих случаях в контору Святейшего Синода, прося потребовать объяснений от корчёмной канцелярии и истребовать из Правительствующего Сената в защищение духовной команды подтверждения прежнего указа.[3]

Случаев, аналогичных приведённым, можно в период управления епископа Амвросия указать несколько. Более характерным из них является дело об избиении диакона с. Большой Бремболы помещиком Редриковым.

8 февраля 1759 года диакон с. Большой Бремболы Михаил Михайлов с приходскими людьми и работником своим поехал в лесные угодья капитана Янова для рубки, с разрешения его, на топливо дров. В лесу на диакона наехал помещик сельца Шапошниц, Переславского уезда, Иван Редриков с дворовыми четырьмя людьми, захватил его «и, раздев наголо, *с. 356*
бил и увечил тирански, мучительски на снегу езжалым и кнутьём по спине, брюху,

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 105.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 55.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 26.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1760 г., № 46.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 1, дело № 123.
Ср.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. — СПб.: Синодальная типография, 1912. — Т. 3: 1746—1752 гг. — С. 13, № 958.

бокам и рукам и пробил всё тело до крови, битаго же и обнажённаго моря на снегу часа два и более уехал». На осмотре в Катедральной конторе справедливость жалобы диакона подтвердилась большими пораненіями (боевые знаки), которые найдены были на его теле. О всём происшедшем доложили епископу Амвросию. Помещик Редриков, узнав о ходе дела, явился к владыке и просил у него прощения. Епископ Амвросий ему на это сказал, чтобы он «не его в чужой обиде, а обиженнаго просил и удовольствовал», на что Редриков, хотя и изъявил согласие, но обещанное не торопился выполнить. Консистория, с распоряжения епископа Амвросия, дабы Редриков скорее очувствовался, определила увещевать его приходскому священнику, а доколе не удовольствует за обиду диакона, «до того времени ему, Редрикову, исповедь и святых Тайн сообщения удержать». Священник с. Вашки, в приходе которого числился Редриков, призванный 3 мая в Катедральную контору, объявил, что он «речённаго помещика пристойным образом о вышепрописанном увещавал, точию он, Редриков, такого увещания не приемлет». Епископ Амвросий переходит тогда к более решительным мерам. «Когда не хочет добровольно обиженнаго удовольствовать, то и конторе сообщить в Провинцию промемориею, а от обиженных подать исковое челобитье и, дабы скоряе можно получить исковое решение, послать им из конторы адвоката, коему настоять, чтобы непременно не далее указнаго срока оное дело было окончено».

с. 357 Но тут встретилось неожиданное, но серьёзное препятствие. По своей ли бедности, или по страху пред Редриковым, диакон заявил, что он не имеет на что купить гербовой бумаги и заплатить пошлины, и от иска ввиду такого обстоятельства совершенно отказывался. Епископ Амвросий, желая довести дело до конца и рассматривая его как общеепархиальное, разрешил употребить на этот предмет из собираемых на консисторские расходы денег до трёх рублей и внушил Переславской конторе иметь особенное старание об этом деле, «дабы через то других священнослужителей помещики обижать не отваживались». Контора командирует для подачи искового прошения и ходатайства по делу в Переславской провинциальной канцелярии особого нарочного, служителя Переславского Данилова монастыря Александра Охотина. Под влиянием такой настойчивости со стороны епархиального начальства Провинциальная канцелярия сыскала Редрикова для предания суду.

Только после этого Редриков пошёл на уступки и согласился удовольствовать обиженного им диакона. Епископ Амвросий дозволил примириться диакону с обидчиком, но только после того, как узнал о кондициях примирения. Редриков выдал диакону за обиду десять рублей и дал обещание «впредь никогда его диакона не обижать». Дело закончилось лишь в конце 1760 года.[1]

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1759 г., по описи № 1, дело № 71.

Глава 8

Монашество. — Материальное состояние монастырей. — Приходо-расходные книги. — Обучение монастырских крестьян ремёслам и художествам. — Меры к поднятию внутренней монастырской жизни. — Дисциплинарные меры и проступки. — Наказание монахинь.

Монашество. В 1781 году, ко времени вступления епископа Амвросия на Крутицкую *с. 358*
кафедру, за всеми монастырями Переславской епархии, кроме обширных вотчин, числилось 23 978 душ крестьян. Но, как и в предшествовавшее время, доходами с этих вотчин монастыри не могли распоряжаться самостоятельно и довольствовались тем, что им было положено по штату. Кроме того, в правление епископа Амвросия переславские монастыри почувствовали значительное материальное отягощение вследствие частой присылки в монастыри, несоразмеряемой с их средствами, отставных солдат. Таких солдат стали посылать не только на убылые монашеские порции, но, после заполнения таковых, и сверх сего, по числу состоявших за этим монастырём душ, и не только в монастыри «определённые», но и в «неопределённые», и при том, как оказалось в 1700 году, иногда совершенно не соображаясь даже с количеством душ, каким владел монастырь, и числом призреваемых им инвалидов. Особенно в тяжёлом материальном положении оказались четыре монастыря: Иосифов, Переславский Данилов, Никитский и Дмитровский Борисоглебский, которые и без содержания инвалидных солдат обязаны были повсягодным платежом в Экономическую канцелярию. «В 1761 году, — писала консистория, — с насланными в те монастыри отставными приходит *с. 359*
платёжным в Экономическую канцелярию оброком на душу в Иосифове по $13\frac{3}{4}$ коп., в Данилове 15 коп. с долями, в Никитском $24\frac{3}{4}$ коп., в Дмитровском Борисоглебском $21\frac{3}{4}$ коп.»[1]

Материальное состояние монастырей. «Противности» монастырских крестьян и противодействия их духовной власти не только не ослабевают, но усиливаются по мере приближения к году секуляризации церковных вотчин. В подтверждение сказанного достаточно обратить внимание на один из докладов Переславской катедральной конторы, посланный 21 июня 1755 года преосвященному Амвросию.

> До вступления Вашего Преосвященства в Переславскую епархию, — писала контора, — преосвященным Серапионом, епископом бывым Переславским и Дмитровским, из Переславскаго Троицкаго Данилова монастыря бывый архимандрит Панкратий переведён в Волоколамский Иосифов монастырь, а в том Даниловом монастыре учреждена Его Преосвященством семинария... Архимандрита во оный Данилов монастырь, за недовольством в епархии Вашего Преосвященства достойных персон, никого не определено. Ныне же вотчинные того монастыря крестьяне, как и сами Ваше Преосвященство по прибытии в Переславль усмотреть изволили, во всяких подлежащих к исправлению в том монастыре монастырских работах, за неимением кому их к тому добропорядочно содержать, взирая Переславскаго Никицкаго монастыря *с. 360*
> на противящихся крестьян (на которых и в Переславскую провинциальную канцелярию сообщено, точию из той канцелярии никакого известия ещё не получено) являются противными и чинят крайнее монастырю непослушание и во всём остановки...

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 224 и 648. — Подробнее о количестве монастырских душ и содержимых монастырями инвалидах см. ведомость 1759 года в приложениях, с. 265—281.

По этому докладу постановлено было определить в Данилов монастырь настоятелем Колоцкого игумена Гермогена[1] (умер 31 августа 1756 года).[2]

Архимандрит Гермоген застал монастырь в состоянии крайней запущенности.

> В том монастыре, — писал он в своём докладе епископу Амвросию, — в церквах Божиих все иконостасы и святые образа весьма обветшалые и в новопостроенном в трапезной церкви новом иконостасе образа не дописаны, и во многих местах, а с одной стороны и вся оградная каменная стена обвалилась и имевшийся при обители пруд выпущен, росчат чисткою и неоконченный брошен... и другия многия монастырския требующия подчинки ветхости во всеконечной остановке имеются. И для того приказал было я именованный нарядить с вотчинных крестьян против прежняго обыкновения работников, чтобы ими хотя малое что нужнейшее поисправить, и ради онаго наряду посланы были монастырские служители. Точию оные крестьяне и на работы монастырския никто не явилися же, а посланным сказали, что они в монастырь не пойдут и никаких работ исправлять не будут, показывая при том, что де от них крестьян послано
с. 361 в Санкт Петербург в Святейший Правительствующий Синод на властей Данилова монастыря прошение.

В своём прошении крестьяне имели в виду главным образом те новые поборы с них, которые были вызваны ремонтом монастыря после пожара 1749 года.[3] Но при этом они указывали и на другие «чинимые им от монастыря отягощения».

> Итак, ныне означенной монастырь, — писал в заключение своего обширного доклада архимандрит Гермоген, — за вышеявствующими крестьянскими противностями остался якобы безвотчинный без всяких доходов и работников, отчего ежели оные крестьяне усмирены и в послушание монастырю приведены не будут, то означенной монастырь может придти в крайнее запустение и разорение... А хотя об оном крестьян усмирении и подлежало бы просить мне в Переславской провинциальной канцелярии, но как небезъизвестно, что в той канцелярии и по требованию консистории Вашего Преосвященства о противных же Никицкаго монастыря крестьянах не токмо никакого удовольствия не учинено, но ещё и в наивящшее непослушание оные крестьяне поноровкою той канцелярии приведены, зачем и мне во оной просить и искать вовсе безнадёжно, а без такового усмирения, за крайними крестьянскими непослушаниями и противностями, и в монастыре быть мне не для чего.[4]

Противности вотчинных крестьян Данилова монастыря, «продолжавшиеся через многие
с. 362 годы», повели к тому, что в 1759 году братии не было выдано ещё жалованье за целых три предшествовавших года, так как «в монастырской казне денег имелось малое число». В 1759 году братия обратилась с просьбою к новому архимандриту монастыря Иакинфу о выдаче им этого заслуженного за прошлые годы жалованья. Архимандрит Иакинф, не имея под руками надлежащих справок, отказал просителям. Тогда они обратились в казённый приказ, присутствовавший которого эконом Данилова монастыря иеромонах Аарон наложил резолюцию о выдаче жалованья для их келейных нужд заимообразно — иеромонахам и монахам по рублю, а псаломщикам по 50 к. Казначей монастыря иеромонах Антоний, на основании пометы Аарона, и стал производить выдачу без записи в приходо-расходную книгу. Архимандрит Иакинф донёс тогда обо всём епископу Амвросию. Амвросий наложил резолюцию:

> 1759 года февраля 27 дня. Братию за то, что на архимандрита мимо нас и нашей конторы подала в казённый приказ, наказать поклонами, а псаломщиков — плетьми; безпутных таковых властей — казначея отставить от казначейства и поручить прежнему старому казначею оную должность, а эконома учинить подэкономием и подчинить архимандриту в послушание; доправить напредь выданныя деньги в казну.[5]

Кроме Данилова и Никитского монастыря, ослушания и противности вотчинных крестьян проявились в рассматриваемый период и в Волоколамском Иосифовом монастыре. Здесь,
с. 363 по докладу архимандрита Пахомия, вследствие подстрекательства со стороны крестьянина

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 1, дело № 40.

[2] *Строев, П. М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российския церкви / П. М. Строев. — СПб.: Типография В. С. Балашева, 1877. — С. 668.

[3] См. выше, с. 45.

[4] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 1, дело № 76.

[5] Архив Переславской духовной консистории. 1759 г., по описи № 1, дело № 26.

Савелия Маторина, крестьяне с. Болашкова с деревнями «не стали ослушанием своим исправлять монастырских работ и в даче на монастырское строение не только надлежащаго числа, но и единой копейки» отказали. Кроме сего, «составя ложно злодейски челобитную» в 23 пунктах на епархиальную и монастырские власти, подали её в Сенат. Обширная челобитная, поданная крестьянами, потребовала подробных оправдательных объяснений со стороны настоятеля монастыря и создала волокитное дело.[1]

Приходо-расходные книги. Для упорядочения монастырского хозяйства, страдавшего сильно от бесконтрольности, допускавшей возможность растраты и утайки монастырских сумм, епископ Амвросий вскоре же по вступлении на кафедру распорядился во всех монастырях завести приходо-расходные книги за монастырскою печатью и скрепою консисторского секретаря, в которые велено было записывать неопускно монастырскую денежную казну и хлеб и вместе с которыми казначеям, для освидетельствования правильности счетов, приказано было являться в январе в консисторию.[2]

Епархиальное распоряжение о заведении приходо-расходных книг неожиданно встретило противодействие со стороны игумении Александровского монастыря Эсфирии. В особом репорте настоятельница Успенского монастыря с сёстрами писала, что «при прежде бывших *с. 364* игуменияхъ таких книг не было и никто не требовал, а оне ныне зачать и выслать такия книги без доклада Ея Императорскаго Величества не смеют, для того, что оне получают годовое жалованье с начала обители их от их великой Государской милости и приходы и расходы повсямесячно пишутся и исчисляются в годовыя казённыя книги, а вотчин за их монастырём нет и приходов неоткуда, кроме того, что кто пожалует ручную милостыню, которая раздаётся сёстрам на одежду и обувь». Ввиду этого игумения с сёстрами просили, чтобы тех книг от них не требовать, и к этому добавляли, что они «сподеваются просить Ея Императорское Величество о случающихся недостатках и о шнурованных книгах».

Консистория постановила призвать настоятельницу с казначеею в консисторию, прочитать им их доклад и спросить, кем он писан и по их ли игумении с сёстрами велению; если окажется, что по их, то выяснить, что доклад этот Духовному Регламенту и Высочайшим указам весьма противен, и отдать его им обратно, взяв подписку, «дабы оне, игумения, казначея и сёстры, впредь таковых недельных предложений к Его Преосвященству не присылали, а паче бы Ея Императорское Величество, не бив челом прежде во учреждённых местах, утруждать не дерзали под опасением определённых за то штрафов». Если же игумения и казначея от этого доклада откажутся, приказано было произвести расследование, кем он и для чего учинён.[3]

Поводом к изданию указа о заведении во всех монастырях приходо-расходных книг для *с. 365* учёта монастырских средств, по-видимому, послужило дело об утайке монастырских денег игуменией Феодоровского монастыря Александрой. Дело возникло по поданному игуменией Александрой прошению об увольнении её за старостью от игуменства для определения в Москву в Георгиевский монастырь на обещание. Преемницей её была назначена одна из монахинь Феодоровского монастыря Феогния, которой велели принять всё монастырское имущество. 13 сентября 1753 года игумения Феогния вошла в консисторию с докладом, в котором заявляла, что после умершей монахини Наталии Взимковой осталась богатая денежная казна, несколько образов в окладах и дорогих на мехах платьев, и что всё это имущество бывшая игумения Александра забрала себе, не учиня ему никакой описи.

Произведённое расследование подтвердило доклад Феогнии. Консистория постановила взыскать с Александры 493 р. 15 коп. и несколько вещей. Доколе та сумма не будет отдана, велено было не отпускать Александру из монастыря и содержать под крепким караулом скованною неисходно; Феогнию с сёстрами за то, что они всё это видели раньше и не доносили «и сами потакали ей, покупным оною Александрою виноградным горячим вином безпутно довольствуясь, пьянствовали», оштрафовать 50 руб. Такой же штраф наложен был на подьячего монастыря Ивана Фомина, который не только ей Александре по должности своей в расточении монастырских денег не препятствовал, но и ещё сам принял участие

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 1, дело № 33 и 76.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 2, дело № 8.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 16.

с. 366 в преступлении неправильным показанием расхода». Епископ Амвросий написал: «Понеже бывшая игумения в потерянии и похищении подлежащаго монастырю имения явственно оказалась подозрительно виновною, а в раскаяние не приходит, того ради как с нею, так и с прочими потачиками и причастными сего дела учинить по сему определению».[1]

Обучение монастырских крестьян ремёслам и художествам. Для возвышения производительности крепостного труда монастырских крестьян Святейшим Синодом издано было в 1759 году распоряжение о заведении при архиерейских домах и монастырях «для благополезной экономии рукомесленных собственных своих людей».[2] На основании этого синодального указа преосвященный Амвросий 17 июня 1759 года распорядился прислать в консисторию от переславских монастырей именные «вероятные» (заслуживающие веры) ведомости имеющихся мастеровых людей, которых затем представить в Переславскую контору, — исправных для освидетельствования, а неисправных для обучения в катедральном Горицком монастыре, где «не токмо кирпичныя, каменныя, столярныя, плотничныя, кузнечныя, но и штукатурныя, лепныя и золотарныя самыя искусныя работы производятся и где на катедральном собственном, а не на их монастырей коште переславским монастырям каж-
с. 367 дому мастерству своих людей туне весьма благоуспешно, да и без потеряния долгогодичнаго времени, обучать можно».

По полученным сведениям, при монастырях гор. Переславля и Александровском Успенском девичьем имелось мастеровых людей 135 человек, из коих отосланы были для освидетельствования и для обучения только 19, а относительно остальных монастырями объявлено, что они отпущены, а иные имеют быть посланы в Москву, а не в катедру. — 3 августа 1759 года последовал вторичный указ: «без всякаго упущения, не приемля никаких отрицательств, взять от настоятелей подписки о присылке всех мастеровых для определения в катедральную работу в Катедральную контору».[3]

Меры к поднятию внутренней монастырской жизни. Из распоряжений епархиального начальства, направленных к поднятию внутренней монастырской жизни, в рассматриваемый период можно указать только некоторые, вызванные разными случайными обстоятельствами и имеющие отношение к отдельным монастырям.

В 1754 году в апреле месяце епископу Амвросию «известно учинилось, что города Переславля Залесскаго в самом внутри Вознесенскаго монастыря священно-церковнослужители собственные свои дома имеют, в которых и жительство препровождают, где во время кампаней бывают ссоры и драки, отчего жительствующим в том монастыре монахиням происходит душевредный соблазн». Осведомившись об этом, епископ Амвросий приказал
с. 368 Переславской конторе: «взяв довольное число людей, тех священно-церковнослужителей, жительствующих в оном монастыре, из того монастыря с имеющимися их дворами изринуть вон». Распоряжение епископа Амвросия выполнено было с буквальною точностью.[4]

Другое распоряжение, объявленное в том же 1754 году, касалось клиросного пения в Феодоровском монастыре.

> Его Преосвященство, будучи в Переславском Феодоровском монастыре, — говорилось в указе, — изволил усмотреть, что в том монастыре клиросныя монахини поют весьма не согласно, а к обучению и наставлению их в пении искусных монахинь в том монастыре не имеется. Того ради соизволил приказать, для надлежащаго их в том пении обучения и учреждения клироснаго порядка взять из Александровскаго Успенскаго девича монастыря искусных в пении крылосных разных голосов четырёх монахинь, которым в том Феодоровском девичьем монастыре и жительство иметь в особливых частных кельях до того времени, доколе онаго Феодоровскаго девича монастыря монахини совершенно тому пению, как в девичьем Успенском монастыре поют, обучатся, и трапезу им иметь того Феодоровскаго девича монастыря обще с игуменией.[5]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 17 дополнительный.

[2] Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 39. — № 82.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 623.

[4] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 29.

[5] Там же, дело № 114.

В 1758 году от игуменства в Феодоровском девичьем монастыре удалена была упоминаемая выше Феогния «за неграмотностью». В собственноручном определении епископ Амвросий по поводу её управления монастырём писал:

с. 369

> Понеже епархии нашей Переславский Феодоровский девичий монастырь имеется вотчинной, почему исправления монастырскаго и в делах разсмотрения требует порядочнейшаго, а игуменья того монастыря, как ныне нам стало быть известно, грамоте ни аза не знает, чрез что и исправности в том монастыре никакой не видно; а того ж монастыря казначея монахиня Нектария находится в монашестве лет более сорока, которая жития честнаго, грамотная, она ж из дворян и казначейское послушание исправляла немалое время добропорядочно без всякаго порока и подозрения, того ради Нектарию определить настоятельницей в Феодоровский монастырь, а игумению Феогнию перевести в безвотчинный Князь-Андреевский Переславский монастырь.[1]

Перевод Феогнии в безвотчинный Князь-Андреевский монастырь обусловливался не одною только её безграмотностью, но и большими непорядками, которые епархиальная власть нашла по управлению ею богатого и большого монастыря. Вследствие «её несмотрения», во-первых, как святые церкви, так и прочее строение в немалую ветхость приведены; затем, монахиням «попущено, как бы мирским, в городе по торгам и ярмаркам для покупки льна и пряжи и продажи холстов весьма неприличный из монастыря выход иметь»; в самом монастыре общежитная трапеза не учреждена; доходы с вотчинных крестьян собирались по давним окладам, когда их против нынешнего числа душ и половины не было, отчего монастырь пришёл в скудость.

с. 370

Новой игумении вскоре после её назначения дан был наказ, требовавший коренной ломки установившихся неблагоустройств. Прежде всего предписано в церквах девича монастыря иконостас и прочие ветхости исправить, «а дабы от неискуства мастеров в чём какого повреждения и употребления напраснаго кошту не произошло», план перестройки и смету представить предварительно в катедральную контору. Монахинь приказано было содержать без всякого послабления и выход на торги и ярмарки вовсе пресечь. Лиц мужеского пола по монашеским кельям ходить и гостить отнюдь не пропускать; если же кому необходимая нужда случится, таковых принимать с ведома игумении в гостиной келье в присутствии честных стариц, для чего учредить воротниц вероятных. А для того, чтобы монахини, за невыпуском из монастыря, не лишились своего рукоделия и от того в одеянии скудость иметь не могли, сеять льну на потребу по числу монастырских сестёр и собирать его крестьянскими и бобыльскими жёнами, как это водится и в женских монастырях, а затем собранный лён разделять сёстрам для пряжи и шитья «уравнительно». Для продажи и покупки монастырских и прочих нужд посылать в город и другие места выборных двоих достойных вероятия монахинь, которые бы исправляли вместо других только это послушание и деньги по продаже отдавали тем, «кто что своим трудом приобрящет». Для приведения монастырского хозяйства в лучшее состояние приказано было составить подробную ведомость о монастырских крестьянах, о количестве оброка, взимаемого с них, о пашенной и сенокосной земле и о всём монастырском имуществе, и ведомость эту представить в консисторию. Для лучшего наблюдения и управления монастырём учреждалась в Феодоровском монастыре, кроме должности игумении, должность наместницы, и в этом звании утверждалась монахиня из дворян Евфросиния. Всё, что касается до вотчинного правления, монастырского содержания и увеличения экономии, приказано было решать в казённом приказе, в общем присутствии игумении, наместницы, казначеи и уставщицы, ввиду чего и казначею избрать из монахинь грамотную.[2]

с. 371

Дисциплинарные меры и проступки. Меры дисциплинарных взысканий, применяемые к монашествующим, оставались прежние. Из более крупных и выделявшихся проступков монашествующих лиц в рассматриваемый период можно, для характеристики и обрисовки современных порядков, указать следующие.

В 1754 году из Никольского Переславского монастыря бежал иеромонах Герман. Через пять дней он явился в Переславскую консисторию и в объяснение своего бегства рассказал

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 98.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1758 г., № 98 и 106.
Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 91.

о притеснениях, чинимых ему со стороны игумена. Игумен Никольского монастыря Иаков посадил его в цепь за то, что он просился у него в отпуск в Можайский Колоцкий монастырь для забрания своего скарба. В цепи он пробыл один день, а затем одним из имевшихся у него ключей цепь отпер и в ночное время бежал, убоявшись телесного наказания, которому должен был подвергнуться за побег. В консистории определено:

с. 372

> Так как он учинил побег не с тем намерением, чтобы в бегах жительствовать, поступить с ним снисходительно, а именно, заковав его в железа, отослать в Никольский монастырь и там содержать его в тех железах шесть недель безвыпускно.[1]

Но понесённое наказание не исправило иеромонаха Германа. Прошло около двух лет, и он, напившись пьян, учинил ссору, а затем и драку с проживавшим в монастыре ради пострижения московским вкладчиком, купцом Владимиром Васильевым. По-прежнему Герман посажен был на цепь, по-прежнему, цепь сняв, тайно бежал из монастыря и явился в консисторию. По расследовании дела консистория постановила:

> За двукратный его самовольный из монастыря побег, дабы впредь ему так делать было неповадно, учинить сугубое наказание, то есть, первое здесь его в консистории наказать, а по наказании отослать его паки в Никольский монастырь к настоятелю с братиею под караулом при указе, которым велеть там ему Герману при братии учинить наказание же.

Дело же о побоях, нанесённых Германом купцу, должно было подвергнуться особливому монастырскому суду, то есть, иначе говоря, за эти побои и пьянство иеромонах Герман подвергнут был в третий раз телесному наказанию.[2]

В том же 1754 году консистория рассмотрела более тяжкое по последствиям дело о великих злословиях, касающихся до порицания Его Преосвященства, произнесённых иеро-

с. 373

монахом Воскресенского монастыря Иринархом, который при посторонних лицах 1) порицал Его Преосвященство вором, 2) бранил всячески, 3) говорил: «отрубили одному архиерею голову и Его Преосвященству то же будет», 4) говорил — «я де его достану за то, что он не хотел выдать мне 15 руб.» Монах оправдывался «тогдашним пьянством». В консистории определили:

> Онаго монаха Иринарха за столь знатную его вину по силе правила от свитка новых заповедей царя Юстиниана лишить вовсе монашескаго чина и, остригши ему на голове и бороде при всей братии в трапезе волосы и учиня нещадное плетьми наказание, облещи его в одежду мужичью и отослать при указе в катедральную контору с караулом, а оттуда при указе велеть отослать Переславскаго уезда в Солбинскую пустынь на вечное жительство в монастырские труды, где будучи, называться ему тем именем, как в бельцах его звали, Иваном, а не монашеским; пожитки же его монашеские, все какие есть, описать и взять в казну Воскресенскаго монастыря, понеже на него мужичье платье должно быть употреблено из Воскресенскаго монастыря, да и отвезти его до Переславля на Воскресенских подводах.[3]

Третье крупное дело в 1754 году возникло против члена Переславской консистории игумена Лукиановой пустыни Боголепа.

Летом 1754 года епископом Амвросием посещена была Лукианова пустынь. За несколько дней до приезда владыки игумен Лукиановой пустыни, находившийся в Воскресенском

с. 374

монастыре, вытребовал из пустыни от казначея все домохозяйственные книги с явным умыслом укрыть некоторые погрешности ведения монастырского хозяйства от архипастырского контроля. По предложению Амвросия, консисторией начато было расследование этого дела, но, благодаря влиянию игумена Боголепа, поведено в таком направлении, что виновным во всём оказался казначей Аарон. Устанавливая этот факт, консистория, насколько была возможность, постаралась смягчить ему наказание, чтобы таким образом весь судебный процесс свести к нулю.

> Хотя, — говорилось в консисторском определении, — и следовало бы непременно учинить ему нещадное плетьми наказание, но понеже он, казначей, имеется весьма престарел и дряхл и для

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 34.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 124.
Архив Переславской духовной консистории. 1756 г., по описи № 2, дело № 81.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 35 и 36.

того, вместо наказания, подлежит его оштрафовать духовно и, объявля самому ему, при свидетельстве закащиковом свою вину всему тоя пустыни братству, через месяц класть при братии, кроме обыкновенных молитв на каждый день, по 20 поклонов земных.

Доклад консистории представлен был владыке, и владыка испещрил его резкими замечаниями, в последнем из которых (14) говорилось: «Сей Шемякин суд оставить, а учредить следствие на основании указном; в оное определить членов, в которых быть и Александровскому закащику, ежели через добровольное признание искомая правда ещё не окажется».

13 мая 1755 года в Переславской духовной консистории объявили игумену Боголепу это распоряжение владыки, и он во всём признался. «Ничем себя не извиняя, — заявил он, — принимаю грех и вину свою, подвергая себя достойным всякому истязанию, всепокорнейше и раболепственно прошу у Его Преосвященства всемилостиваго архипастырскаго прощения».[1] *с. 375*
После этого признания игумен Боголеп был прощён епископом Амвросием, но уволен от настоятельского места в Лукиановой пустыни и определён казначеем в Воскресенский монастырь. Лукианова пустынь осталась в наблюдении казначея Серапиона. В начале 1756 года Серапион от старости ослеп, и Боголеп получил прежнее настоятельское место.[2]

Наибольшее число следственных монастырских дел по-прежнему дал порок нетрезвой жизни, соединённый с разного рода грубыми выходками, нарушающими монастырскую дисциплину.

В феврале месяце 1755 года проживавший на обещании в Никольском Переславском монастыре архимандрит Филарет донёс преосвященному Амвросию о бесчинии двух иеромонахов этого монастыря — Марка да Феодосия, которые в два часа ночи ушли из монастыря в кружало, напились допьяна «и явились весьма безобразны». Игумен, узнав о таковом бесчинии, посадил их обоих в смирение в холодную башню, а к всенощному пению позволил их освободить и привести в церковь. «Пришли они сюда весьма безобразны от их пьянства». Архимандрит Филарет, увидав их в таком состоянии, подошёл к клиросу и сказал Марку тихо: «отец Марк, памятуй свою подписку, которую ты дал в конторе под опасением *с. 376*
низвержения своего священства». «Тогда оный Марко, обратясь к Филарету, почал кричать во всю церковь и в том крику говорил всем вслух: сожгите де меня или в котле сварите, кровь де моя уже говорит», и после таких слов ушёл в келью. По приказанию игумена его привели вторично, но весьма пьяного, так что архимандрит Филарет высказывал подозрение, «не пил-ли он паки в кельи». Игумен на всё это, по докладу Филарета, «по своему смирению оному мятежнику ничего не изрёк». «Просил я его, игумена, — пишет Филарет, — чтобы таковаго безчинника при собрании братства наказать плетьми, токмо игумен того моего совета не послушал и сказал: я де муж духовный, словами де духовными и наказую, а бить не хощу». Другой иеромонах Феодосий «в том своём пьянстве всю заутреню проспал и дерзнул того дня раннюю литургию служить, поправ такую свою пьянственную совесть». День этот притом был высокоторжественным.

По наведённым справкам, иеромонах Марк за разные пьянственные дерзости ещё в прошлые годы сослан был в работу в Катедральный монастырь и при освобождении от работ дал ту подписку, о которой в своём докладе упоминает архимандрит Филарет.

Дело тянулось целый год, вызвало целый ряд дополнительных дознаний и сильно тормозилось главным образом потому, что настоятель игумен Иаков не сочувствовал доносу, сделанному сторонним человеком — архимандритом Филаретом. Наконец консистория по расследовании определила:

Феодосию и Марку учинить шелепами наказание, игумена Иакова за то, что не донёс и провинившихся монахов не штрафовал, в уважение его монастырских трудов, сослать только на месяц в Лукианову пустынь, а через то месячное время в показанном Николаевском монастыре правление иметь архимандриту Филарету, котораго яко в добродетельном житии и в правлении монастырском довольно искуснаго, полезные советы и впредь оному игумену с братиею принимать. *с. 377*

Епископ Амвросий наложил резолюцию:

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 72.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1756 г., по описи № 1, дело № 8.

> Учинить по сему, точию Феодосию усугубить пред Марком двойное наказание и сослать его в Лукианову пустынь скована, а Марка в Солбинскую пустынь; игумену же быть вне правления своего на месяц в Переславле, понеже при катедре и в конторе некому править.

От желез Феодосия освободили только летом, ввиду наступивших огородных трудов, а сентября 4-го по резолюции владыки как Феодосия, так и Марка возвратили в Никольский монастырь.[1]

В 1759 году консистория разбирала несколько необычное для духовного судопроизводства дело, определение по которому она не могла обосновать на каких-нибудь специальных узаконениях церковной и гражданской власти.

В Переславскую контору поступила жалоба попа Василия Григорьева, который объявил, что

с. 378

> игумен Борисоглебскаго монастыря, что на Горе, завёл в том монастыре три меделянских собаки больших да шесть малых для травли медведей, что де он самым делом оказывал, сперва над козлом, а после припуская на имеющихся при нём малых медведей, да апреля 14 дня сего года на приведённаго к монастырю по найму его игумена посадским человеком Дмитрием Яковлевым сыном Пашиным большого медведя, что де видели при том монастыре жители и собравшиеся из города для смотрения той травли люди, человек до ста; коих де собак он, игумен, кормит монастырским хлебом, купя две подпалошныя лошади, ободрав со оных наёмным посадским человеком в монастыре кожи. Из каковой де его, игумена, потехи те собаки по оным травлям так злы учинились, что по спуске с цепей, бросаясь на людей, сына его Дмитрия Васильева одна двоекратно изувечила.

Консистория определила: медведей перебить, собак перевесть, у игумена, призвав в контору, снять допрос, для чего им это учинено; если собаки необходимы для сохранения монастырского имущества от воровских людей, то их оставить, но не больше двух, которых днём содержать на крепких цепях; изувеченного сына попа Василия Григорьева пользовать на кошт виновного игумена.[2]

Наказание монахинь. Характер дисциплинарных взысканий, применявшихся к мона-
с. 379 хиням, был по-прежнему так же суров, как и в отношении монахов; разница состояла только в степени и силе взысканий, особенно когда дело шло о наказании на теле.

В 1754 году игумения Князь-Андреевского монастыря Прокла вступила с прошением, в котором жаловалась на обветшание обители.

> Означеннаго Князь-Андреевскаго девича монастыря в каменных святителя Николая Чудотворца, где имеются чудотворныя мощи св. благовернаго князя Андрея Переславскаго Чудотворца, да придельной великомученика Димитрия Селунскаго церквах святые образа и иконостасы, царския двери и полы имеются ветхи, в церковной же утвари крайний недостаток, а вкруг гроба святаго благовернаго князя Андрея решётка железная и в прочем благолепии находится крайнее недовольствие, а монастырская ограда, забранная в столбы, досчатая весьма ветхая, на исправление же того денег, за неимением вотчин, получить неоткуда.

Игумения просила уволить её для сбора подаяний в Москву и другие грады и дать за шнуром и за печатью для сбора книгу. Просьба была удовлетворена. Игумения собрала по выданной книге 33 руб. 68 коп., но, возвратившись из Москвы, не представила в консисторию отчёта о сборе, а деньги собранные между тем стала расходовать. Возбуждено было дело, во время производства которого выяснилось, что Прокла часть собранных денег употребила «на непринадлежащие расходы, то есть на вино белое и горячее», часть (17 руб.) отдала в другие руки. По окончании следствия консистория определила: «Дабы прочим настоятельницам чинить так было неповадно, наказать в Переславской катедральной конторе игумению Проклу, при всех того Князь-Андреевскаго монастыря сёстрах, шелепами».
с. 380 О всех последующих сборах на строение велено было игумении репортовать в консисторию по третям года.[3]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 1, дело № 14.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 8.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 622.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 105.

Глава 9

Прихожане. — Укомплектование приходов. — Праздные церкви. — Обучение молитвам. — Исповедь и причастие Святых Тайн. — Розыски раскольников. — Укрывательство раскольников. — Извержение Святых Тайн. — Совершение священниками треб по раскольническому обряду. — Дела о чудотворных иконах и мощах. — Общий взгляд.

Прихожане. Высочайшим указом от 23 декабря 1754 года велено было всех, как действительно, так и недействительно служащих священно-церковнослужителей и их детей, по учинённой при ревизии переписи разобрать и распределить к церквам, дабы везде церкви святые теми священно-церковнослужителями указным числом без всякого недостатка удовольствованы были.

В 1755 году, в силу этого указа, означенный разбор и начат был, и при нём обнаружилось, что «в городе Переславле церкви большею частью малоприходныя, так что при многих имелось по 2—5 дворов, а при иных ни единаго, при ружных же церквах руга от Провинциальнаго магистрата на содержание церкви и на довольствие священно-церковнослужителей производилась в размере не более 8 руб. на год, то есть в количестве, на которое не только священно-церковнослужителям себя довольствовать было нельзя, но и церкви содержать крайне нечем». За таким скудным содержанием при многих переславских церквах оказалось *с. 381* только по одному священнику, а церковных причетников никого не было и никто поступать не хотел, «объявляя желание лучше быть в крестьянстве, чем при таких малоприходных церквах в церковничестве». По справке, учинённой в Переславской катедральной конторе, в городе Переславле, кроме собора, оказалось 24 приходских церкви и 4 ружных. Всего приходских дворов за ними числилось 821.

Укомплектование приходов. Епископ Амвросий, осведомившись о таком положении дела, «дабы священнослужители в своём благосостоянии находиться могли и удобнее возможно было священникам каждому над своими прихожанами указное надзирание иметь и над исповедающимися и причащающимися прихожанами наблюдательство чинить и раскольников с правоверными признавать», распорядился все переславские приходские церкви уравнять приходскими дворами и расписать при всякой приходской церкви по 30 дворов, а при ружной по 20. Оставшиеся за таким разделом дворы «росписать по препорции прежних приходских дворов и по способности к старым приходам». При росписи дворов должна была приниматься во внимание пространственная близость двора к той или иной церкви. Дабы переславские священники каждый ведал только свои приходские дворы, в том обязали их строгою подпискою. «Находящимся же, — говорилось в конце указа, — при девичьих монастырях приходским людям венчание браков и крещение младенцев не только за неприличеством, но и за соблазн в таких местах отселе отнюдь не исправлять, ибо оное и антецессором нашим преосвященным архиепископом Арсением яко при начатии епархии *с. 382* было учреждено, а исправлять таковыя требы в Переславском градском соборе онаго собора священно-церковнослужителям».

Указ этот епископом Амвросием подписан был 26 июня 1755 года, но выполнен был не сразу. Потребовались ещё повторительные распоряжения.[1]

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 56 и № 1 дополнительный.

Через некоторое время в Переславской епархии получен другой Высочайший указ, касавшийся укомплектования приходов нужным числом священно-церковнослужителей.

В Высочайшем указе от 17 августа 1755 года говорилось, что «Ея Императорскому Величеству известно учинилось, что в некоторых епархиях находятся церкви Божии без священников, а чрез то приходские люди в потребах своих по христианскому закону лишаются исправлений», ввиду чего предписывалось: 1) чтобы все церкви Божии как священно, так и церковнослужителями были непременно укомплектованы и отныне нигде церквей без священно-церковнослужителей не было; 2) «до вышеозначеннаго тех церквей укомплектования и впредь, ежели по каковому-либо случаю через некоторое время где церкви без священников случатся, мирския самонужнейшия требы, как то крещения младенцев и больных исповедывание и приобщение исправлять, когда позваны будут, как близших к оным тех же епархий, так и других смежных со оными епархей же церквей (которыя ко оным во близости состоят) священникам».[1]

с. 383

Праздные церкви. Осуществление Высочайшего распоряжения об укомплектовании церквей встретило сильное затруднение как со стороны недостатка подготовленных кандидатов к замещению священно-церковнослужительских мест, так и со стороны малодоходности некоторых приходов. Вследствие таких обстоятельств многие приходы по-прежнему были праздны, а прихожане оставались без удовлетворения насущных религиозных потребностей. В 1759 году, например, согласно ведомости о праздных церквах, праздных церквей «от давних лет» в одной Переславской десятине считалось семь. Некоторые из них числились праздными ещё до учреждения Переславской епархии. Например, о ружной церкви с. Хомякова замечено: «в нём церковь учинилась праздна оттого, что бывший при той церкви поп Иван Лукин более десяти лет отбыл в Москву ещё до учреждения Переславской епархии собою, а где ныне находится, неизвестно; на место его, также дьячка и пономаря при бывшем разборе никто не назначен, так и из саможелающих от других церквей никто к произведению не явился, знатно за малоопределённою к той церкви на содержание священно и церковнослужителей ругою». В с. Зарое церковь была праздна с 1752 года «за малоимением при той церкви для священно и церковнослужителей земли, как только по 2 десятины в поле, а в дву потому ж». [2,2 га] В с. Калистове, Волоколамской десятины, церковь Николая Чудотворца праздна была с 1744 года. В этом году умер священник с. Калистова. При разборе в 1755 году назначен сюда Дмитровского уезда с. Савельева поп Василий Андреев,

с. 384

но только он и в 1759 году к месту своего назначения не явился. В с. Ореховне, Гжатской десятины, церковь учинилась праздна в 1755 году за смертью попа. В 1755 году при разборе священно-церковнослужителей к произведению во священника назначен диакон того села Савва Иванов, «но за необучением его в твёрдость книжному чтению, он и в 1759 году к посвящению не был ещё представлен».[2]

Обучение молитвам. Для религиозного просвещения прихожан ещё архиепископом Арсением предписано было не выдавать желающим брачится венечных памятей до тех пор, пока не изучат самонужнейших молитв («Господи Иисусе», «Слава Тебе, Боже наш», «Царю Небесный», «Слава Отцу и Сыну», «Пресвятая Троице», «Отче наш», «Верую во единого Бога», «Богородице, Дево»).[3] Кроме того, епископ Серапион для создания в народе должного отношения к святости брака в 1751 году издал распоряжение о том, чтобы брачущиеся постились пред совершением таинства брака целую неделю, исповедались и приобщались и чтобы по венчании разрешение венцов происходило в 8-й день, до какого времени брачущиеся не должны были иметь сожительства в одном доме, а разводились по домам их родителей.

Когда по вступлении епископа Амвросия на Переславскую кафедру консистория донесла ему о таких распоряжениях его предшественников, епископ Амвросий 18 апреля 1754 года написал резолюцию:

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1755 г., по описи № 2, дело № 70.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1758 г., по описи № 2, дело № 62.
[3] См. выше, с. 55.

Преосвященнаго Арсения, хотя и полезное, однак понеже народу, а наипаче брачущимся тяжестное уставление о изучении в таком скором времени молитв и за неизучение венчальное запрещение отставить, а вместо того определить во всей епархии указами, дабы показанных молитв священницы обучали в воскресные и праздничные дни после литургии всех своих прихожан, проговариваючи им со всяким вниманием оныя молитвы и десять заповедей косно и гласно под опасением за неучение правильнаго запрещения. Серапионовское толь странное и неудобоносное обременение — о приуготовлении недельном прежде как к причастию и по вступлении во оный бракосочетавшихся чрез другую неделю без законнаго и благословеннаго уже сожительства об отлучении — вовсе запретить и уничтожить, понеже в Греко-российской церкви, яко нововводительное никогда не бывало, но у одних только римлян в обычае содержится и то прежде брака одним днём, а на другой день венчаются и по венчании ниже на один день не разлучаются.[1] *с. 385*

Исповедь и причастие Святых Тайн. Одною из принудительных мер к исполнению мирянами долга исповеди и святого причастия являлись денежные штрафы, налагавшиеся в силу закона 1737 года на лиц небрегущих о сих святых таинствах. Штрафные деньги взыскивались обыкновенно светскими командами и отсылались на содержание военных госпиталей в военную коллегию.[2] 1755 года августа 31 дня указом Святого Синода велено было именные перечневые ведомости о небывших у исповеди для взыскания по ним указного штрафа отсылать в Главный комиссариат. Количество штрафных денег, взыскиваемых за небытие у исповеди, достигало по временам довольно значительной суммы. Например, в 1755 году Гжатская ратуша имела взыскать с гжатских купцов за небытие у исповеди в разные годы 663 руб. 5 коп.[3] *с. 386*

Розыски раскольников. Значительная часть взимаемых денег падала, конечно, на содержащих раскол, за которыми как светская, так и духовная власть по-прежнему зорко следила и которых карала применительно к существовавшим узаконениям.

В 1754 году, например, для поимки потаённых раскольников и сыску их книг, зарытых, как определилось из дела, в землю, послана была особая команда из консистории, но в д. Коренках, Московского уезда, крестьяне, потаённые раскольники, перебили эту команду «дубьём смертно». Тогда Переславская консистория обратилась в Синодальную контору с заявлением, после которого прислано было из Москвы 40 человек гренадёров Коломенского полка, во главе с поручиком Иваном Прокопьевым. Команда два раза посылалась в разные места и, хотя многих раскольников сыскала и объявила в консистории, но, как выяснилось из дальнейшего разбирательства дела, далеко не все заподозренные в потаённом расколе были сысканы и привлечены к ответу. Между тем по уходе команды, консистория «за неимением при ней довольной команды, сыскивать их была не сильна». По обсуждении решено было в Московскую провинциальную канцелярию послать промеморию с требованием за силу государственных указов прислать в наискорейшем времени для сыску раскольников и их книг военную команду из вооружённых драгун до 12 человек; «и дабы в сыску и в искоренении таковых злодеев лучший мог следовать успех, для того оное командирование благоволено было бы учинить секретно».[4] *с. 387*

Укрывательство раскольников. Суровым взысканиям подвергались и те священнослужители, которые потворствовали раскольникам и являлись укрывателями их. В 1754 году производилось волокитное дело о гжатских раскольниках. По окончании его протопоп Гжатской соборной церкви Павел Евфимиев за укрывательство гжатских раскольников, выразившееся в том, что он не всех жительствующих в его приходе показывал в своих исповедных ведомостях, утаивал двуперстное раскольническое сложение многих из своих прихожан, освятил в соборных церквах много образов с перстосложением по раскольническому мудрованию, — лишён был священства вовсе и отослан в отдалённый монастырь, где положено было ему пребывать до кончины жизни в послушании монастырском, к какому

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 9.
[2] См. выше, с. 53.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 99.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 88.

по рассмотрению настоятельскому способен явится. Гжатский поп Максим Иосифов, ута-
с. 388 ивший о принадлежности к расколу 365 человек своих прихожан, крестившихся двуперстно, священнодействовавший без ставленной грамоты и при произвождении в попа скрывший коварно физический недостаток в левой руке, был запрещён в священнослужении и сослан в монастырь под начал впредь до исправления и раскаяния. Другой соборный священник Иоаким Иванов за то, что не донёс о священнослужении попа Максима, наказан плетьми в консистории. Престарелый и вдовый поп с. Будаева Севастьян Архиппов за то, что при исповеди жёнки Анны Егоровны, оказавшейся раскольницей, не спрашивал, как она крестится, и в исповедных ведомостях записать её запомнил, за глубокой старостью (79 лет) от посылки в монастырь был освобождён, но обязан подпискою никаких церковных треб не исправлять. «О том, каким образом с вышеозначенными протопопом и попами за те их вины поступлено, для ведома и дабы прочии Переславской епархии священно-причетники, на то смотря, страх имели и таковых вин, а паче прикрывать раскольников не дерзали, в надлежащия места, — приказано было, — разослать указы».[1]

Извержение Святых Тайн. При производстве цитированного волокитного дела установлен был факт извержения гжатскою жёнкою Анною Егоровою в теплоту и на платок Святых Тайн, совершившей такой кощунственный поступок вследствие тайнаго содержания раскола. На допросах Анна Егоровна учинила запирательство и за беременностью отослана была
с. 389 в Гжатское духовное правление для отдачи с распискою на поруки. Здесь Анну Егоровну передали мужу, но проживать она стала в доме диакона Михаила Степанова, приходившегося ей племянником. В ноябре 1754 года она бежала, и из дел консисторского архива не видно, чтобы власти её поймали. Привлечён был к ответственности муж и диакон, у которого она проживала.[2]

18 апреля 1755 года скончалась в Переславской консистории колодница крестьянская жёнка вдова Ксения Евдокимова. Прислана она была из Гжатского духовного правления по обвинению в извержении в плат при приобщении Святых Тайн в своём приходе в с. Воронцове. На допросах она не проявила раскаяния и «не устыдилась вымышлять непотребныя измышления», ссылаясь на свои кривые зубы. Консистория постановила: «Не чиня над нею по церковному чиноположению погребальных молитвословий, отвезши, зарыть в поле просто, при чём нарядить быть всех Воскресенскаго монастыря села Вознесенскаго жителей,[3] паче же тех, кои в расколе находились и подозрительны к тому имеются, дабы, на то смотря, и они страх имели и так безстрашно чинить не дерзали; и для зарытия отдать её мёртвую жёнку консисторскому дежурному капралу, которому, когда то с нею учинено будет, представит в консисторию доношением».[4]

19 апреля 1754 года началось дело по доношению священнослужителей с. Пречистенского, Гжатской десятины, об извержении Святых Тайн в ковш с теплотою крестьянскою жёнкою
с. 390 Екатериною Евфимиевою. По обследовании, консистория постановила: «Надлежит оную жёнку судить, яко богохульную раскольницу, и понеже она во оном своём злодеянии запирается и о том ни малаго раскаяния не имеет, но ещё и ябеднические извинения употребляет, того ради надлежит её отослать в гражданский суд для учинения ей указнаго розыска, ибо духовный суд иного способу к испытанию самой сущей истины в таком важном богохульном деле не имеет». Подверглись каре и священнослужители, которые вовремя не сообщили о происшедшем проступке в консисторию.[5]

Совершение священниками треб по раскольническому обряду. Переславский архив указывает несколько случаев, когда священнослужители не только укрывали раскольников, но совершали им требы по их просьбе «по раскольничьему мудрованию».

В 1755 году сделан был донос на вдового попа села Богородского, Дмитровского уезда, Симеона Степанова в том, что он знал о расколе харчевника Григория Алексеева, но

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 89.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 122.
[3] Подозревались в содержании раскола.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 48.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 23.

исповедывал его и детей у него крестил по-раскольнически с хождением вокруг купели по солнцу. Поп сознался в своей вине, но заявил, что он исповедывал раскольников, крестил, не записывая в книгу, «простотою своею». Консистория для осмотра в дом обвиняемого попа и в церковь, в которой он служил, «не имеется ли каких старопечатных и письменных раскольнических книг и других приличествующих к расколу вещей», отрядила в село *с. 391* Богородское нарочного подканцеляриста по инструкции. Подканцелярист по осмотре объявил найденную в доме попа тетрадку с надписью «Начало гадания пророка и царя Давида, сиречь зернометания». Поп не принёс истинного раскаяния и ссылался на запоминание. Консистория постановила:

> Понеже оный поп в своих многих прегрешениях истины не объявляет и ложно показывает, следовательно за силу Духовнаго Регламента, не есть ли и не думает ли быть раскольником, первое — привесть его по печатной чиновной, изданной на раскольников книге к присяге и потом для очувствования.... отослать его в Лукианову пустынь, где быть без священнослужения, донележе он во всём истинное признание и покаяние принесёт, в монастырских трудах, и для того ему, попу, пред общим пустыни духовником в четыре поста исповедываться, а от сообщения Святых Тайн (кроме смертнаго случая) удерживаться.

За двукратное исповедывание раскольника, но ненаписание его в ведомостях, консистория приговорила Симеона Степанова к 15-рублёвому штрафу. Тетрадку постановлено было сжечь в присутствии обвиняемого. — Епископ Амвросий написал: «Учинить по сему, а денежный штраф ради возрастной дочери для выдачи её в замужество оставить».[1]

В 1756 году поп Верейского собора Алексей Иванов за венчание браков и крещение младенцев с раскольническим суеверием по солнцу определением консистории приговорён был к лишению священничества и отсылке в гражданский суд для поступления с ним *с. 392* по закону.[2] Кроме сего, его обвинили в неслужении в царские дни, за что он приговорён был к жестокому плетьми наказанию. Епископ Амвросий положил резолюцию: «Учинить по сему, аще в прежнем своём непокорении пребудет, а о служении высокоторжественных молебствий учинить непременно по указам».[3]

Мирские люди, исправлявшие обряды по раскольническому мудрованию, наказывались даже в тех случаях, когда от раскола отказывались и его проклинали.

В 1755 году в консистории рассматривалось дело о купце Сергее Петрове Богданове и его детях Гаврииле и Екатерине. Дело возникло по докладу Богоявленского Гжатского попа, к которому пришли приобщаться дети Богданова Гавриил и Екатерина, замеченные пред причастием в двуперстном сложении. Уличённые в таком перстосложении, Гавриил и Екатерина заявили Богоявленскому попу, что так креститься они научены своим отцом Сергеем Петровым. Сергей Богданов на допросе во всём заперся, публично проклиная все раскольнические согласия, и заявил, что он и дети его желают исповедываться и сообщаться Святых Тайн. Консистория определила:

> Его, Сергея Богданова, за ложное в допросе показание и в той же лжи детей своих за утверждение, которыя свидетельством канцеляриста Семёнова точно изобличены, дабы он впредь так чинить и священническое правильное свидетельством показание неправыми своими вымыслами ложно опровергать не отваживался, вместо епитимии (в которой в должном исполнении поверить ему сумнительно) учинить ему Сергею Богданову в консистории плетьми наказание; по наказании, его Богданова с детьми Екатериною и Гавриилом в день недельный здесь в Воскресенской Новоиерусалимской церкви пред Божественною литургиею публично привесть к присяге, какова явствует в чине о принятии раскольников, и велеть им под тою присягою с надлежащим по силе Духовнаго Регламента обязательством подписаться; после того отослать его Богданова с детьми в Гжатское духовное правление при указе, коим велеть от онаго правления ему Богданову с женою и детьми в грядущий ныне пост, чрез целую седмицу, постяся, приходить в приходскую свою церковь Божию к вечерне, утрени и Божественной литургии и в день недельный пред Божественною литургиею жену онаго Богданова привесть к присяге же *с. 393*

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 43.

[2] В силу указа 1720 года и определения Святейшего Синода 1722 года. (Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. — СПб.: Синодальная типография, 1872. — Т. 2. — № 454, п. 31.)

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1756 г., № 24.

и всех их исповедать и в той же день Св. Тайн Тела и Крови Христовой приобщить... о чём всем и в Гжатскую ратушу для ведома и о прилежном от той ратуши как за показанным купцом Богдановым с женою и детьми, так и другими Гжатскими купцами, дабы они в душепагубный раскол не впадали, наблюдательстве послать указ.[1]

Дела о чудотворных иконах и мощах. Ведя борьбу с расколом на почве действовавших в то время узаконений, Переславская епархиальная власть, согласно Духовному Регла-
с. 394 менту, преследовала по-прежнему и обнаружения всякого рода суеверий, проявлявшихся в разглашении ложных чудес, ложном объявлении чудотворных икон, мощей и прочего. Одно из таких дел, возникших в рассматриваемый период, тесно соприкасается с делами, приведёнными выше, и стоит в связи с пропагандой раскола среди православных.

17 января 1757 года конюший иеродиакон Горицкого монастыря Варлаам ехал по Большой Московской дороге из катедральной пустоши Маринкиной и, недоезжая катедральной пустоши Собилки, усмотрел на сосне образ Спасителя, которого допрежь сего никогда не было. Иеродиакон слез с саней, подошёл к сосне и заметил, что благословляющая рука Спасителя написана по раскольничьему мудрованию двуперстным сложением. По сторонам изображения сделана была полууставная надпись, «знатно, от раскольника какого-нибудь вымышленная на соблазн простому народу»: «Истинное изображение сего образа подобает всякому христианину, како креститься, тако и благословлять. Аще кто смеет сей образ с сосны взяти в церковь или дом, или переписать, да будет проклят в сём свете и будущем». У образа насыпано было доброхотных подаяний 11 копеек. Иеродиакон Варлаам, «дабы простой народ не мог разсеевать по тому вдаль пустых каких плевел», образ с сосны снял и представил в консисторию. Консистория определила: «изображение благословляющей руки переправить и вымышленное от раскольников надписание пристойными красками
с. 395 закрыть». Для этой цели икона передана была Воскресенскому иконописцу Алексею Петрову. Одиннадцать копеек, найденные при иконе, были выданы Алексею Петрову в вознаграждение за труды по исправлению образа.[2]

В 1757 году консистории донесено было, что в с. Богородском (Базулино тож), Троице-Нерльской десятины, в доме вдовы д. Мышина Анны Васильевой собираются из разных мест богомольцы, служат молебны пред иконой Смоленской Божией Матери и ставят пред нею свечи. На допросе поп с. Богородского Андрей Никонов указал, что образ Смоленской Божией Матери найден был на пашне в земле мужем Анны Васильевой лет пять тому назад. Образ этот как прихожане с. Богородского, так и обыватели Кашинского уезда многократно выпрашивали у означенной крестьянки, приносили в церковь с. Богородского, в которой он, поп Андрей Никонов, пред иконой служивал, по просьбе этих обывателей, молебствия с прочтением канона, напечатанного в месячной минее за 28 июля, а иногда и параклисиса. Из допроса крестьянки Анны Васильевой консистория узнала, что она с юных лет повсегодно исповедалась, но не разу не приобщалась, не потому, чтобы она удалялась сообщения святого причастия, а оттого, что от своего духовника о приготовлении к принятию Святых Тайн она ни разу не слыхивала. Приобщения Святых Тайн она стала сообщаться только по смерти мужа, приобщившегося первый раз тоже лишь пред самою смертью. Икона, по её словам, найдена была не мужем, а отцом мужа. Лет пять-шесть тому назад в летнее
с. 396 время в сенокос какая-то жёнка подошла к окошку её дома и спросила: «Есть ли в доме образ Одигитрии Смоленския Пресвятыя Богородицы, найденный?» Когда она отвечала утвердительно, неизвестная крестьянка подала полушку и сказала: «Поставьте на эти деньги пред иконою свечку». С этого времени стали приходить в её дом и свечки ставить сторонние обоего пола обыватели, а кто они, каковы и откуда, она Анна за многопрошедшим временем не помнит. В 1756 году неизвестной вкладчицей её образ обложен был серебряным окладом, после чего богомольцы стали приходить в её дом ещё чаще.

Ввиду разноречия между показаниями попа Андрея Никонова и Анны Васильевой, потребовалась между ними очная ставка. Понадобились для допроса и обыватели Кашинского

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1755 г., № 100.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1757 г., № 14.

уезда. Дело, таким образом, по необходимости затянулось. Конец его в архивных делах не найден. Икона была, конечно, изъята из употребления.[1]

В гор. Можайске из давних лет находилась часовня, зовомая часовней Иоанна Блаженного. В апреле месяце 1754 года, по словесному распоряжению епископа Амвросия, часовня была запечатана и с можайского протопопа с братиею в Можайском духовном правлении взята была подписка не отправлять в часовне ни панихид, ни других каких-нибудь треб. Вместе с тем начато производством дело о времени построения этой часовни и её наименовании.

Протопоп с братьею сказкою объявили следующее:

> Оная часовня построена из давних лет, а в котором году и при указе ль, никто из них соборян не упомнит, в которой де сделана издавна же гробница деревянная и при ней ископанный кладезь, в коей де часовне, как наперёд сего бывым протопопом и попами, так и ныне оными соборными от приходящих всякаго звания людей над гробом токмо одни панихиды отправлялись. А почему де оная часовня и в ней гробница Иоанна Блаженнаго назывались и ныне называются, известия и описания в том соборе никакого не имеется, а собираемой де напредь сего по 750 год в той часовне от доброхотнодателей по деньге и по полушке сбор ими соборяны употребляем был на всякия церковныя подчинки, а в 750 году по наезду в тот город Можайск воевода Извеков, запечатав ящик и к нему приставя солдата, как деньги, так и поставляемыя в той часовне ко образу святаго Николая Чудотворца свечи и огарки собирал, и по собрании в тот собор никогда не давал, а куда девал, неизвестно. *с. 397*

То же показали градские обыватели и ближних сёл священнослужители. Извеков на сделанный запрос о взятых деньгах отвечал молчанием. Дело затормозилось.

В 1758 году епископ Амвросий приказал игумену Колоцкого монастыря Марку совместно с игуменом Верейского Спасского монастыря Иосифом освидетельствовать часовню при градских священнослужителях и градских людях, какие окажутся, всё описать и доложить подробно консистории. 28 октября 1758 года часовня была распечатана и описана. О результатах описи донесено было консистории в таких выражениях.

> При той де описи в находящейся деревянной гробнице ничего не явилось, а под оным местом по разобрании пола и по разрытии земли близ кладезя найден гроб ветх, который стоял в земле глубиною два аршина с половиною, [1,8 м] и как де стали гроб окапывать, то пошла со сторон из гроба вода; а по вскрытии со онаго гроба верхней доски в том гробе оказались токмо одне кости, по подобию человеческому, как и прочие мёртвые погребаются. А кем оный гроб на том месте зарыт и в том гробе кости Блаженнаго ли Иоанна или чьи другия, вида никакого не оказалось. Которой де гроб, по общему согласию их, чтоб никто со онаго гроба не мог чего взять, обвязан вервою и запечатан и оставлен не зарыт землёю до указа, тако ж и помянутая часовня по прежнему забита досками и запечатана и караул от духовнаго правления приставлен. Ознаменная часовня срублена как в длину, так и в ширину равномерно по семи аршин, [5 м] крыта тёсом и на ней крест железной. Внутри оной часовни на восток у стены на лавке в углу стоит Распятие Господне разное с предстоящими Пресвятыя Богоматери, Иоанна Богослова, в киоте за затворами, на которых затворах писаны евангелисты; образ Николая Чудотворца писан на холсте; на южной стороне образ Иоанна Блаженнаго писан на холсте без одеяния, токмо о чреслех едино препоясание, на голове волосы тёмные, продолговатые, на бороде волосы тёмные ж с проседью, очи сожменныя, руки сложенныя к персем, над главою надпись: «Святый Иоанн Блаженный»; распятие Господне небольшое, писанное на холсте же. Близ стены южной на полу гробница деревянная, по сторонам обита крашениною, огорожена балясами, к коей ничего не явилось. Да в той же часовне к северной стене выкопан кладезь, в коем вставлен деревянный обруб и покрыт доскою на петлях. *с. 398* *с. 399*

При освидетельствовании часовни присутствовал престарелый заштатный протопоп Можайского собора Феодор Семёнов. Он сказкою показал, что означенная часовня построена в 1733 году бывым в гор. Можайске у подушного сбора капитаном Петром Щербачёвым, вместо обветшалой, стоявшей на том же месте раньше деревянной часовни; а по какому указу и с чьего позволения он, капитан Щербачёв, помянутую часовню вновь построил, того он точно показать не знает. Капитан этот, по словам протопопа, в 1734 году помер. Старанием же этого капитана писаны находящиеся в часовне образа, в том числе образ

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1757 г., № 27.

Иоанна Блаженного. «Когда была построена бывая обветшавшая часовня, того он, протопоп, как сам не знает, так и от отца своего не слыхивал».

4 января 1759 года епископ Амвросий дал письменное распоряжение игумену Марку съездить в Можайск вместе с соборными священнослужителями, над найденными человеческими костями отправить панихиду и гроб зарыть, а образа, гробницу взять из часовни и поставить в пристойном месте в Можайском соборе, изображение же Иоанна Блаженного прислать в консисторию с нарочным из соборян немедленно; в часовне двери и окна забить
с. 400 гвоздями и запечатать, дабы в неё входа отнюдь не было; надсмотр над печатями поручить соборному протопопу, а всегдашнее смотрение сторожам под расписку.

Консистория обследовала дело в начале 1761 года и вынесла такое мотивированное постановление:

> Вышеобъявленную часовню, в которой найден при кладезе гроб с человеческими костьми,.. по силе пунктов из Духовнаго Регламента[1] и 737 году указа разобрать и лес той часовни употребить на топление Николаевскаго собора, а место, где оный гроб найден, чтобы впредь признаку не было, землёю заровнять, кладезь же землёю засыпать, и впредь оное мёртвое тело за мощи неизвестнаго Иоанна Блаженнаго, паче же за святыя не почитать, и о том по городу Можайску и уезду распубликовать с таковым угрожением, если кто упрямством своим отныне за святого почитать или образ его иметь будет и в том обличится, таковые за то, яко противники церковные, клятве преданы будут. 2) Присланную на холсте картину с надписанием на ней святаго Иоанна Блаженнаго, запечатав консисторскою печатью, хранить в катедральной ризнице свёрнутою и никому её не распечатывать и на стены прибивать не велеть, и для того, закрасив над ней надписание, не упоминая, чья она есть, отослать в катедральную контору при указе. (На полях против этого пункта консисторского определения епископ Амвросий написал: «Не токмо надписание, но всю картину прежде краскою закрасить, а потом и истребить, а не хранить».) 3) Протопопа Феодора Семёнова и всех того Николаевскаго собора священно и церковнослужителей, которые, как сами показывают, не имея о вышеписанной часовне и на-
> *с. 401* ходившейся в ней гробнице, кем она и для чего оне устроены и чьё подлинно под той гробницей тело имелось, известия, не точию, где надлежало, не доносили, но для своего сверноприбыточествия и панихиды приходящим людем отправляли, а кому именно, будто за непамятством ни одного не показали, да ещё на картине и святым именовать допустили и никогда о том, ежели бы Его Преосвященство через сторонних людей не известился, доносить не намеревались, — по силе вышепрописаннаго 737 года указа следовало бы отослать для учинения с ними по указом в светскую команду, но понеже оный протопоп, который наибольшею виною в том состоит, крайне уже престарел, каковые по процессам и от пыток изъяты, а прочие его уже поступкам следовали, и для того от таковой отсылки их освободить, а дабы и без штрафа остаться не могли, то всех тех, кои по ревизии при оном соборе написаны, оштрафовать на построение и украшение тамошняго же собора взысканием денег, а именно с онаго протопопа десять рублей, с попов Тихона Григорьева, Дмитрия Феодорова по пяти рублей, с диакона Ивана Яковлева пять рублей, после же ревизии в 758 году протопопа Симеона Адрианова, в 752 году диакона Ивана Семёнова, в 745 году пономаря Ивана Петрова, в 755 году другого пономаря Ивана Тихонова, сторожей Степана Феодорова, Дмитрия Мартынова, яко недавно в тех званиях находящихся, оставить без штрафа. 4) Что ж следует до капитана Щербачёва, перестроившаго часовню, гробницу и дописавшаго картину с надписанием Иоанна Блаженнаго святым, тако ж
> *с. 402* и до бывшаго воеводы Извекова, который подаваемыя в ту часовню деньги и свечные огарки отбирал, об оных, дабы учинено было с ними по указом, хотя бы и следовало писать из консистории по команде, но понеже, где они ныне имеются, паче же Щербачёв, который и в 733 году, чему минуло двадцать восемь лет, был в отставке, в живых ли находится, неизвестно, и для того оное оставить, — паче же сие мнение консистория предаёт в главное разсмотрение Его Преосвященства.

Преосвященный Амвросий на обширном докладе консистории, касающемся рассмотренного дела, написал резолюцию: «1761 года. Генваря 8 дня. Учинить по сему, точию, вместо денежнаго штрафа, определить тех, кои в силах и к вине причастными находятся, чтоб они сами, а не наймом запечатанную часовню разобрали и лес тот в дрова перерубили, и колодезь землёю засыпали и заровняли».[2]

---

[1] Вторая часть, 8 и 9 пункты.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 8.

В гор. Можайске часовня была разломана вследствие связанного с нею почитания неканонизованного святого. В других местах часовни уничтожались в видах предотвращения суеверных религиозных, а в особенности раскольнических собраний.

Так, в 1754 году епископ Амвросий усмотрел в приходе с. Бакшева, Александровской десятины, в деревнях Игнатьеве и Оксентьеве деревянные часовни. Немедленно дан был закащику приказ из часовни в д. Оксентьеве образа выбрать, а часовню разломать; часовню в д. Игнатьеве, которая устроена была на том месте, где издавна стояла церковь, позволено *с. 403* было оставить «на прежнем основании», но закащику подтвердили накрепко: «по должности своей наблюдать, дабы во оной часовне под видом благочестия не могло происходить каковых раскольнических прельщений».[1]

В том же году с попа с. Дубровы, Александровской десятины, Василия Григорьева взята была подписка под угрозою «лишения чина» в том, что он из часовни, находившейся исстари в д. Неумоине и в 1750 году крестьянами возобновлённой, выберет святые образа, а самую часовню разломает. В июле месяце этого года часовня действительно была разломана, о чём поп Василий Григорьев сообщил в Переславскую контору особым доношением.[2]

Общий взгляд. Заканчивая историю Переславской епархии в период управления ею первых трёх архипастырей, в заключение скажем несколько слов об общем ходе епархиальной жизни, насколько она, конечно, проявилась в этот сравнительно короткий, рассмотренный нами промежуток времени.

Первому архипастырю города Переславля архиепископу Арсению предстояла трудная задача организации епархиального управления в новоучреждённой епархии, применительно к тем порядкам и узаконениям, какие в то время действовали в других местах. Но архиепископ Арсений, занятый другими делами, проживая в других местах,[3] с жизнью *с. 404* вверенной ему епархии соприкасался мало и сведения о ней получал главным образом через доклады епископа Серапиона и консистории. Вследствие такого положения дел в первый период существования Переславской епархии больше приходится говорить о деятельности викарного епископа Серапиона, чем правящего Арсения. Этим, вероятно, объясняется и то обстоятельство, что в эти первые десять лет многое было намечено епархиальною властью, начато, но не проведено последовательно до конца, не закончено, строго не организовано. Суровый отзыв, который дал епископ Амвросий о строительных работах своего предшественника по кафедре,[4] отчасти применим и вообще к деятельности епископа Серапиона, как фактического предстоятеля Переславской кафедры. Епархиальное управление при нём не получило ещё стройной, законченной организации; функции отдельных органов управления не везде и не всегда точно были определены и разграничены; в составе их наблюдается такой же недостаток однообразия. Финансовые сборы с епархии, видоизменяясь и возрастая с каждым годом, вносили немало путаницы в отправление экономических епархиальных дел, и случайно устанавливаемые, временно взимаемые, естественно, составляли большую *с. 405* обузу не только для тех, кто их платил, но и для тех, кто собирал. Отсюда недоимки, неплатежи, противности... Епаршеская семинария, хотя и была учреждена, но на таких условиях материального обеспечения, при которых дальнейшее её существование становилось в высшей степени проблематичным. Даже и в резолюциях владыки, большею частью строгих и даже суровых, и в его распоряжениях, не всегда согласованных с действующими узаконениями, по местам замечается скорее проявление личного чувства, минутного, временного настроения, чем строго обдуманной, обоснованной на требованиях закона архипастырской распорядительности. Правда, пожар 1753 года, уничтоживший немало документов из периода

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 1, дело № 45.

[2] Там же, № 46.

[3] Архиепископ Арсений состоял членом Святейшего Синода и большею частью жил в Петербурге. 9 мая 1751 года Государыня через своего духовника протоиерея Дубянского повелела, чтобы Арсений «за болезнию успокоил себя от занятий в Синоде, по епархии и от домовых дел на 6 месяцев». (Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего правительствующего синода. — СПб.: Синодальная типография, 1909. — Т. 31. — № 116.) Отдых Арсения продолжался по декабрь 1751 года, а весной 1752 года последовало увольнение, по его прошению, за болезнью, на покой в Новгород-Северский монастырь.

[4] См. выше, с. 82.

правления епископа Серапиона, не даёт нам возможности воспроизвести во всей полноте и ясности деятельность этого архипастыря; затем — должно быть принято во внимание и то, что во многих случаях ему приходилось лишь начинать, делать первые шаги и, наконец, как викарному, всегда считаться с волею отсутствовавшего правящего архиепископа, контролировавшего его деятельность. Но и при всём том, общее впечатление при рассмотрении этого периода истории Переславской епархии остаётся именно таким...

Со вступлением на кафедру епископа Амвросия Переславская епархия получила в лице его администратора энергичного и даровитого. Конечно, настоятельство и жизнь в Воскресенском монастыре и увлечение строительными работами несколько отдаляли его от других
с. 406 более первостепенных и неотложных задач епархиального управления. Правда, что перенесение консистории в Воскресенский монастырь и создание в Переславле с особыми полномочиями катедральной конторы вносило некоторую путаницу в нормальное течение епархиальных дел и несколько нарушало стройность системы епархиального управления. Но зато эта система при нём получила своё завершение и правильную организацию, с точным разграничением пределов и функций отдельных её органов. Консисторское делопроизводство подвергалось со стороны Амвросия самому внимательному просмотру и контролю. Поля консисторских протоколов и журналов испещрены сплошь и рядом его заметками и пометами, из которых нами приведена только незначительная часть. Требуя от консистории строго обоснованных определений, он себе, как главному руководителю правильного течения епархиальной жизни, предоставлял лишь право смягчать суровость закона в тех случаях, где необходимость этого вызывалась смягчающими вину обстоятельствами. Епископом Амвросием, далее, положено было солидное основание для дальнейшего существования Переславской семинарии. При нём она была обеспечена как учебными пособиями, так и пищевым довольством и соответствующими помещениями. Необходимые для этого средства были добыты епископом Амвросием с избытком. Найдены были средства и для грандиозных строительных работ, затеянных им в Горицком монастыре.

Перевод Амвросия на Крутицкую кафедру не дал ему возможности закончить всего,
с. 407 что было им начато; но и то, что он сделал, даёт ему право считаться деятельнейшим и энергичнейшим архипастырем Переславской епархии.

При преемнике Амвросия епископе Сильвестре в 1764 году последовала секуляризация церковных вотчин, введение штатов, отмена многих епархиальных сборов, а затем несколько позже и телесных наказаний для священнослужителей. Все эти узаконения заметно отразились на общем ходе церковной жизни во всей России, в том числе и в Переславской епархии, и сказались большими переменами и важными последствиями. По этим основаниям последним годом правления епископа Амвросия мы считаем возможным закончить первый выпуск «Истории Переславской епархии», как годом, который почти совпал с концом особого периода в истории русской церкви. В правление преемников епископа Амвросия епархиальная жизнь потекла уже при иных условиях и вылилась в свои особые формы.

Часть III

Переславская епархия при епископе Сильвестре Страгородском (1761—1768 г.)

Глава 1

Епископ Сильвестр. — Биографические сведения о нём до вступления на Переславскую кафедру. — Управление Переславской епархией. — Последующая судьба епископа Сильвестра. — Литературные труды.

Епископ Сильвестр. Епископа Амвросия (Зертис-Каменского) на Переславской кафедре *с. 3*
сменил в 1761 году Сильвестр Страгородский, управлявший Переславской епархией 6,5 лет. И на этот раз Переславская епархия, как ближайшая к Москве, в лице Сильвестра приобрела одного из даровитых и выдающихся иерархов второй половины XVIII столетия. Правда, болезненное состояние организма не позволяло ему быть до такой степени энергичным и практически деятельным, каким был его предшественник Амвросий. Епископ Сильвестр принадлежал скорее к типу архиереев кабинетно замкнутых и несколько сторонившихся от жизни; мелочи и дрязги епархиального управления заметно тяготили его. Но, как человек умный и просвещённый, он и при таких индивидуальных особенностях внёс в епархиальное *с. 4*
управление много элементов, смягчавших современную грубость, жестокость взглядов и нравов, и приложил много стараний к возвышению уровня учебно-воспитательной жизни Переславской духовной школы, к ослаблению взяточничества и произвола правителей епархиальных учреждений.

Биографические сведения о нём до вступления на Переславскую кафедру. Епископ Сильвестр, в мире Симеон Игнатьевич Страгородский, был сын царскосельского придворного священника, родился в 1725 году и своею крестною матерью имел великую княжну, впоследствии Императрицу, Елизавету Петровну. В 1735 году Симеон Страгородский поступил в Невскую семинарию, осиротел, заболел глазами и в 1743 году должен был выйти из школы. Получив облегчение от болезни, он снова вернулся в Невскую семинарию, окончил курс и в 1745 году был оставлен в ней учителем. В 1748 году Страгородский постригся в монашество с именем Сергия. Затем последовало обычное возвышение по учебным степеням. Именно, монах Сергий, переименованный впоследствии Сильвестром из признательности к архиепископу Санкт-Петербургскому Сильвестру Кулябке, сначала сделан был префектом семинарии. В 1756 году префект Сильвестр, хотя и просил, ссылаясь на свою болезненность, «приобретённую от неосторожной в учебном деле безумеренности», уволить его от учительства и от префектства, так как «в правлении семинарии много припадает необходимых случаев, которые причину дают к печальной задумчивости и к острожелчию», но вместо *с. 5*
увольнения назначен был ректором Невской семинарии. При этом ему дан был совет иметь «в учении умеренность» и «в трудех роздых». Во главе семинарии Сильвестр стоял недолго. В июне 1757 года по расстроенному здоровью он взял отпуск на год. Чрез год вернулся, но в должность ректора уже не вступал, а снова взял отпуск на два года.[1]

По просьбе епископа Переславского Амвросия, хорошо знавшего Сильвестра как ученика и учителя Александро-Невской школы,[2] Святейший Синод в 1760 году, имея в виду болезненное состояние Сильвестра, благословил произвести его в архимандрита Переславской епархии в пристойный монастырь. 5 марта 1760 года Сильвестр был произведён

[1] Архив Святейшего Синода. 1756 г., августа 6, № 222.
Ср.: *Рункевич, С. Г.* Александро-Невская Лавра / С. Г. Рункевич. — СПб.: Синодальная типография, 1913. — С. 740—741.

[2] См. История Переславской епархии, с. 65.

в архимандрита и настоятеля Никитского монастыря и определён ректором Переславской семинарии.[1]

Управление Переславской епархией. 19 октября 1761 года в Святейшем Синоде объявлен был Высочайший указ о назначении архимандрита Сильвестра епископом Переславским и Дмитровским. 23 декабря состоялась хиротония, а 26 февраля дан пашпорт для следования в город Переславль.[2] Некоторая задержка в выезде из Петрограда вызывалась, по словам Сильвестра, «препятствием известных приключений», но письменные сношения со своей
с. 6 епархией у новоназначенного епископа установились ещё с начала января. Указом от 7 января консистории предписывалось представить владыке самые подробные сведения о течении епархиальных дел и количестве епархиальных сборов.[3]

8 сентября того же 1762 года епископ Сильвестр с богатой ризницей выезжал для встречи Императрицы в Москву,[4] а в конце года выбыл на продолжительное время в Москву для присутствования в Комиссии об учреждении штатов.[5] Указом Святейшего Синода от 1763 года епископ Сильвестр назначается присутствующим в Московской Синодальной Конторе вместе с Московским митрополитом Тимофеем и Амвросием Крутицким, с правом «переменяться через год или два».[6] Названные архиереи согласились иметь присутствие погодно, и с 7 ноября 1765 года Сильвестр должен был оставить Переславль для присутствования в Синодальной Конторе в течение целого года.[7] В 1768 году в феврале месяце последовала такая же отлучка.[8]

Эти продолжительные отлучки не давали, конечно, возможности епископу Сильвестру всецело сосредоточиться на епархиальных делах. Но и помимо отлучек, слабость здоровья,
с. 7 особый склад характера служили для Сильвестра большим препятствием к непосредственному и непрестанному веданию епаршескими делами. Ещё в апреле 1764 года им подано было прошение в Святейший Синод об увольнении его на покой в один из монастырей. Прошение говорит о том, что новый епископ сильно тяготился епархиальным управлением.

> По указу блаженныя и вечныя славы достойныя памяти Великия Государыни Императрицы Елизаветы Петровны, — писал епископ Сильвестр, — мимошедшаго 1761 года произведён я в епископа в Переславскую епархию, и хотя от давних лет здоровьем всегда был я слабосилен, почему и правлению епархии чувствовал себя недовольным, однакож принять на себя оное бремя за Высокомонаршую власть и благоволение Вашего Святейшества, тем паче что не предусмотрел имевших из того последовать тягостей, не отрёкся: ныне же от множества епаршеских дел и разных по оным затруднений в конечное пришёл изнеможение, почему и должность свою исправлять не в состоянии, да и способу к возстановлению сил, по довольном всего искусе, не обретаю. Того ради Вашего Святейшества всепокорнейше прошу от означенной епархии меня за неспособность мою уволить и определить на жительство и пропитание в какой Вашему Святейшеству заблагоразсудится монастырь.

В заседании Святейшего Синода от 17 мая прошение епископа Сильвестра об увольнении его за болезнью от епархии было заслушано, но решения не состоялось. Постановлено было означенное прошение доложить потом в полном собрании членов Святейшего Синода.
с. 8 Неизвестно по каким причинам, но вторичный доклад прошения епископа Сильвестра не состоялся.[9]

Последующая судьба епископа Сильвестра. В январе месяце 1768 года архиепископ Амвросий Крутицкий переведён был на Московскую кафедру. 13 марта того же года Кру-

---

[1] См. с. 105.
[2] Архив Святейшего Синода. 1761 г., октября 19, № 92.
Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 13.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 20.
[4] Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 74.
[5] Там же, дело № 74.
[6] Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 2, дело № 72.
[7] Архив Переславской духовной консистории. 1765 г., по описи № 2, дело № 59.
[8] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1768 г., № 33.
[9] Архив Святейшего Синода. 1764 г., мая 16, № 96.

тицкая кафедра была предоставлена епископу Сильвестру, члену Московской Синодальной Конторы.[1]

Но болезненный и аскетически настроенный епископ Сильвестр по-прежнему искал уединения и старался освободиться от дел епархиального управления. Высочайшим указом от 24 февраля 1771 года велено было епископа Сильвестра, по его прошению, за слабостью здоровья, уволить от епархии вечно, с производжением ему по смерть из Коллегии экономии по 500 руб. на год, для жительства же его определить ему какой-нибудь штатный монастырь, которому и быть в его смотрении и управлении. Таким монастырём избран был Воскресенский Новоиерусалимский. Высочайшим указом от 15 сентября 1775 года велено было сверх пенсии епископу Сильвестру выдавать содержание и жалование по месту им управляемого Воскресенского монастыря.

3 октября 1785 года епископ Сильвестр, за старостью и слабостью здоровья, от управления Воскресенским монастырём уволен. Для спокойного его пребывания позволено было ему избрать место, какое он пожелает, с производжением ему по смерть, как той пенсии, которая была пожалована, так и получаемого им по месту настоятеля Воскресенского монастыря жалования.

Но духовно-административная деятельность епископа Сильвестра на этом не закончилась. *с. 9*
22 февраля 1788 года епископу Сильвестру, по его желанию, велено было занять место настоятеля Московского Андроникова монастыря, причём означенный монастырь с того времени имел состоять в непосредственном ведомстве Святейшего Синода и его Конторы. Пенсия Сильвестру в это время производилась в размере 1 000 рублей.[2]

Утром 19 октября 1802 года епископ Сильвестр скончался. В завещании, оставленном им,[3] главным своим имуществом он называет книги, которые и передаёт митрополиту Московскому, в том рассуждении, что они могут пригодиться в разных училищах, состоящих в ведении предстоятеля Московской кафедры.[4] Митрополит Платон разделил библиотеку епископа Сильвестра между монастырём и духовными училищами: монастырь получил 83 экземпляра, а в училища отправлено 426 экземпляров.

Похоронен был епископ Сильвестр при входе в Знаменскую церковь. Он ещё при жизни написал себе эпитафию, которая и помещена на над его могилою:

На месте сём Сильвестр епископ погребен;
Безвестной участи скончав последний день,
Он стать на суд и дать отчёт в делах обязан,
По списку совести в них должен быть истязан, *с. 10*
Где истец враг души, а иск тщета ея,
Суд не приемный лиц, Всеведущий Судья,
Где все дела, слова и помыслы сердечны,
Приемлют мзду свою иль казнь, а казнь огнь вечный.
О помощи души он просит всех своей
В столь страшном подвиге спастись от бедства ей,
Он просит всех простить, кому в чём был виною,
И, вспомня общий рок, вздохнуть об нём с мольбою.
А ты, кой чтешь сие, прохожий мой любезный,
Смотря на тлен и прах, что гробный кроет спуд,
Прими умершаго совет тебе полезный:
Чтоб, помня смерть, всегда готову быть на суд.[5]

Литературные труды. Из богословских литературных трудов епископа Сильвестра известны следующие. «Историческое и хронологическое описание ставропигиального Воскре-

[1] Архив Святейшего Синода. 1768 г., января 16, № 45.

[2] Занимаясь физическими опытами, епископ Сильвестр повредил себе лицо. Происшествие это, по-видимому, относится ко времени пребывания Сильвестра в Андрониковом монастыре. (См.: Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. — М.: Университетская типография, 1865. — С. 68.)

[3] Текст завещания см. в приложениях, с. 296.

[4] Архив Святейшего Синода. 1802 г., октября 30, № 799.

[5] См.: Историческое описание Московского Спасо-Андроникова монастыря. — М.: Университетская типография, 1865. — С. 68—69.

сенского монастыря, Новый Иерусалим именуемого». Новые ежемесячные сочинения, ч. 4, 23.— «Правила монашеского жития», Спб., 1805 и 1823. — В 1767 году Святейший Синод, приступая к составлению наказа назначенному от Синода депутату в учреждённую Императрицею Комиссию по составлению Уложения, предварительно запросив от каждого из своих
с. 11 членов, как бывших налицо в Синоде, так и отсутствовавших, отдельных соображений о том, какие, по их мнению, желательны были бы для блага церкви предположения и новые законоположения в области церковного и гражданского законодательства в России. Присутствовавшие члены Синода изложили свои соображения устно, отсутствовавшие — письменно. Епископ Сильвестр, находившийся в то время в епархии, письменно изложил свои законодательные предположения в 40 пунктах (см. Приложения). Пункты эти имеют важное значение для характеристики личности и взглядов епископа Сильвестра, и на некоторых из них будет остановлено внимание в своё время при рассмотрении соответствующих сторон епархиальной жизни. — Кроме того, сохранилось и напечатано в «Христианском чтении» (1873 год, I, стр. 340—341) одно из писем епископа Сильвестра к митрополиту Петроградскому Гавриилу (см. Приложения), свидетельствующее о том, какие горькие мысли и чувства вызвало у более интеллигентных представителей современной иерархии постановление одной из секций Екатерининской комиссии для составления Уложения о причислении духовенства «к мещанству или среднему роду людей».[1]

[1]О епископе Сильвестре см.:

Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы / Филарет (Гумилевский). — 2, дополненное изд. — Чернигов: Типография Ильинского монастыря, 1863. — Т. 2. — С. 149.

Русский биографический словарь / Под наблюдением А. А. Половцова. — Спб.: Типография В. Демакова, 1904. — Т. 18: Сабанев—Смыслов. — С. 445—446.

Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. — СПб.: Типография АО «Издательское дело», Брокгауз—Ефрон, 1900. — Т. 29-а. — С. 893.

Глава 2

Епархиальное управление. — Духовная консистория. — Присутствующие в консистории и посещение ими присутствия. — Секретарь и канцелярские служащие. — Сокращение консисторского делопроизводства. — Архив. — Средства содержания консистории. — Контора Его Преосвященства. — Домовое правление. — Духовные правления. — Новое расписание городов и уездов. — Закащики и поповские старосты. — Сношения духовной консистории с светскими учреждениями. — Взяточничество и борьба с ним. — Противности священно-церковнослужителей. — Колодницкая комната. — Жалоба в Священный Синод.

Епархиальное управление. Со вступлением на Переславскую кафедру епископа Сильвестра городу Переславлю снова было возвращено значение административного центра епархии. Переславль опять стал местопребыванием епархиального архиерея, и консистория со всеми архивными делами перешла на старое место. *с. 12*

Духовная консистория. Ко времени назначения епископа Сильвестра на Переславскую кафедру присутствующим консистории состоял Борисоглебский игумен Иероним[1] и протопоп Преображенского собора Иоанн Иоаннов. 1 июня 1762 года епископ Сильвестр, исходя из того соображения, что «известнее изыскуется истина соборным сословием и что, согласно греческому пословию, другие помыслы мудрейшие суть паче первых», присоединил к наличным присутствующим ещё двоих — Даниловского архимандрита и семинарии ректора Иоанникия и Никитского архимандрита Галактиона. Первенство приказано было иметь ректору семинарии Иоанникию. Такое увеличение присутствующих в консистории вызвано было тем, что в последнее время консисторские определения часто подписывались одним только лицом.[2] 16 июня игумен Иероним произведён был в архимандрита Дмитровского Борисоглебского монастыря и в консистории перестал присутствовать. Место его занял настоятель Борисоглебского монастыря, что на Горе, архимандрит Боголеп (Городецкий).[3] Распоряжением епископа Сильвестра от 17 октября того же года архимандриту Иерониму велено было по-прежнему присутствовать в консистории. Вызывалось это, вероятно, тем, что Никитский настоятель Галактион к тому времени получил отпуск в Москву для излечения от болезни.[4] 5 декабря 1762 года архимандрит Иероним переведён был из Дмитровского Борисоглебского монастыря в Никитский на место настоятеля.[5] К тому времени в состав консисторского присутствия на место Галактиона введён был новый член новоназначенный настоятель Борисоглебского монастыря, что на Песках, бывший катедральный эконом, иеромонах Алипий. *с. 13*

---

[1] Игумен Иероним в 1760 году определён был экономом кафедры, а затем игуменом Борисоглебского монастыря, что на Горе, с оставлением в экономской должности 1 июня 1762 года, согласно просьбе, от экономской должности был уволен.

Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 1, дело № 1.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 366.

[3] Переведён был в Борисоглебский монастырь 21 июня 1762 года. В консисторских бумагах подписывался постоянно с фамилией «Городецкий».

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 492 и 595.

[5] Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 2, дело № 4.

Присутствие в консистории к началу 1763 года, таким образом, имели: Иоанникий,
с. 14 Даниловский архимандрит, Никитский архимандрит Иероним, Борисоглебский архимандрит Боголеп Городецкий, Борисоглебский настоятель иеромонах Алипий и протоиерей Преображенского собора Иоанн Иоаннов. Увеличение состава присутствующих в консистории в сравнении с распоряжением от 1 июня 1762 года объясняется тем, что и при четырёх присутствующих под определениями нередко подписывались только двое.

27 января 1764 года архимандрит Боголеп по прошению уволен от настоятельства и присутствия в консистории «по преумножившейся старости и болезням».[1] На место его новый член не был назначен. В июне месяце того же года с прошением об увольнении от присутствия в консистории вступил и другой член протопоп Преображенского собора Иоанн Иоаннов. Свою просьбу он мотивировал дальностью Переславской консистории от его дома и Преображенского собора. Епископ Сильвестр 20 июля приказал учинить по его прошению, «как для означенных в прошении резонов, так особливо и для нынешнего дел уменьшения».[2] Уменьшение консисторского делопроизводства, как увидим ниже, стояло в связи с введением штатов и ограниченностью материальных средств, которыми со времени введения штатов стала располагать консистория. — В таком составе консисторское присутствие осталось до перехода епископа Сильвестра на Крутицкую кафедру.

с. 15 **Присутствующие в консистории и посещение ими присутствия.** С уменьшением количества присутствующих в консистории, со стороны их требовалось, конечно, более внимательное отношение к своим обязанностям или, по крайней мере, к посещению присутственного места. Однако протоколы консистории в некоторых местах подписаны одним из членов присутствия. Епископ Сильвестр неоднократно делал за это внушения членам епархиальной коллегии, но внушения эти скоро забывались. Например, в сентябре 1764 года епископ Сильвестр прислал в консисторию определение такого содержания:

> 1. Промемориями ни с какими присутственными местами не сноситься, не представляя их прежде для апробации моей, для пресечения чвани и (в)здоров, коим образом и приказано было, да приказание уничтожено: а представлять оныя промемории по подписании присутствующими, чтобы не было чего прибавливано по конфирмации, как прибавливается. 2. Определении все без изъятия подписывать всем присутствующим, а когда кому прилучится немощь, то или посылать для подписания в домы, или же ожидать прибытия в консисторию; а без подписания всеми присутствующими и к конфирмации моей не представлять. 3. Указы в определении выписывать, не ссылаясь на то, что помнят их сами присутствующие, ибо это в мутной воде лов, да и закону на то нет. 4. Буде что по запамятствованию мною или присутствующими приказано было учинить инако как, нежели коим образом указы одолжают; то против таких приказаний напоминать словесно или письменно самое указов препятствие, а бы того Высокомонаршия повеления
> *с. 16* непреминовывать за партикулярными приказами и по человекоугождению не подвергать себя клятвопреступству.[3]

Приведённое определение, кроме неисправности членов консистории в посещении присутствия и подписи под журналами, отмечает и другие недочёты консисторского делопроизводства. Определение епископа Сильвестра не изменило утвердившегося порядка вещей.

Не оказал должного воздействия в этом отношении и Высочайший указ от 17 августа 1767 года, по которому членам присутственных мест велено было съезжаться к своим должностям в указное время.[4]

Секретарь и канцелярские служащие. Секретарём Переславской консистории после Аполлоса Наумова в 1761 году определён был Священным Синодом Николай Васильев, который состоял в разных званиях при Переславской консистории с 1745 года. В 1767 году

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 1, дело № 27.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 1, дело № 117.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 443.

[4] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 436, № 383.

Ср.: Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 2, дело № 73.

Николай Васильев обратился с просьбою к епископу Сильвестру о выдаче ему аттестата в добропорядочной службе и увольнении его в отпуск на двадцать дней в Москву для исхлопотания, где надлежит, за труды свои награждения повышением чина. Аттестат был дан, и Николай Васильев в 1768 году произведён был из регистраторов в чин коллежского секретаря.[1]

Число канцеляристов консистории с введением штатов 1764 года значительно сократилось. *с. 17*
Переславская епархия по штатам отнесена была к третьему классу. Кроме секретаря с жалованьем в 80 рублей в год, при консистории положено быть трём канцеляристам с жалованьем по 40 руб., шести копиистам с жалованьем по 20 руб., двум сторожам и шести приставам с жалованьем по 6 рублей. Кроме сего, 50 руб. положено было на канцелярские расходы.[2]

Епископ Сильвестр строго стоял на почве закона и, когда в 1765 году консистория представила к производству в канцеляристы, кроме существующих трёх, ещё два лица, на основании их «доброуспешнаго в произвождении искусства», то на докладе консистории он положил резолюцию: «Хотя награждения чином он и достоин, но за неположением в штат при здешней консистории кроме трёх канцеляристов увеличить оных смелость на себя не приемлю».[3]

Сокращение консисторского делопроизводства. Сокращение канцеляристов, естественно, вызвало и сокращение консисторского делопроизводства, а оно со вступлением на кафедру епископа Сильвестра особенно разрослось. При предшественнике епископа Сильвестра разного рода челобитья, прошения подавались обыкновенно на имя владыки и по возможности непосредственно ему. Определением от 5 декабря 1762 года епископ Сильвестр признал такой порядок «неимеющим основательнаго резону».

> Ежели помянутому обыкновению последуя, — писал епископ Сильвестр, — самому те по- *с. 18*
> дачи принимать и о принятии их надписывать, то сим небольшее что учиню, как единое тое, в чём должность состоит секретаря, на себя прииму. А сверх того, сколько на прочтение каждаго прошения или доношения времени мною будет употреблено, столько на иное по званию моему и нужнейшее того проронено. Буде же над чаяние при недосуге или в торопливости, или по другой какой причине, а особливо при множестве дел, случилось бы помету учинить несходственную с теми обстоятельствы, кои в общем правлении по прежде поступившим делам сведомы, или по сходству указов потребны; в таком случае консистории может произойти великое запинательство, ибо едино из двох ей делать останется: или, наблюдая справедливость, ту помету опорочить, с подвержением себя негодованию, или преступить правила и указы, а тем и свою присягу за стыд человеческой по угождению.

Исходя из таких взглядов, епископ Сильвестр определил впредь все прошения, доношения, исключая жалоб на консисторию, принимать консистории, для чего челобитчики должны быть допускаемы с письменною просьбою в судейскую палату, чтобы здесь предъявлять свои прошения.[4]

Такой порядок ведения дел, конечно, несколько отдалял епископа от близкого общения с подчинёнными и управляемыми им лицами и в этом отношении был неудобен. Но вместе с тем он вводил строгую регистрацию поступающих прошений, докладов, а через это увеличивал количество дел и умножал бумажное делопроизводство, так как теперь все *с. 19*
жалобы и доношения подвергались канцелярскому расследованию и рассмотрению. Книги консисторских журналов, протоколов разрослись до увесистых томов, толщиною свыше аршина. Появились реестры входящих и исходящих бумаг. Всё это потребовало сразу значительного увеличения состава канцеляристов.

Но такой порядок, рассчитанный на значительные средства по содержанию консисторской канцелярии, пришлось вскоре оставить. В 1764 году, когда вследствие введения штатов

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 2, дело № 84.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 186, № 167.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 21.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 748.

последовало сокращение канцеляристов и сокращение значительное, по необходимости поставлен был вопрос и о сокращении бумажного делопроизводства. В резолюции, положенной на деле о консисторских копиистах, оставшихся за штатом, которых консистория предлагала держать до освобождения мест без жалованья, епископ Сильвестр написал:

> Ивану Петрову в просьбе и во определении при консистории до убылого впредь копеистскаго места без жалованья, хотя б он и пожелал, отказать, ибо на пропитание и содержание его жалованья взять неоткуда, а без жалованья быть ему при консистории и содержать себя во всех потребностях не из чего, как из акциденции, что с Высокомонаршими настоящаго времени указами несходственно, почему вместо того, чтобы умножать консисторских служителей, выискивать нужно кратчайший производства дел способ, которой бы был к понесению штатному людей числу в трудах пропорциональной, ибо по числу людей напредь сего и дела множимыя
> *с. 20* не виделись тягостны; а и до штатов, кажется мне, лишним было в ставленнических делах те же в каждом выписки с подвластными, близ жительство имеющими письменныя сношении и прочая, что следовало бы переиначить; а к сему дача храмозданных грамот вместо погоревших и обветшалых церквей видится мне особливо производств не требует; о бедственных приключениях при священнослужении в консистории дела вносить воспретить, а представлять самых доносителей мне; определения по делам писать решительныя только, а прочее ко окрестности дел подлежащее довольно записывать в журнал, что тое де есть определение краткое; из правил и указов в дела выписывать те только обстоятельства, кои точно к делам приличествуют, оставляя прочее; штрафы, в гражданских указах за преступления назначенные, с церковными законами сводить, и кои в разсуждении духовнаго правительства и чина лиц до него принадлежащих сходственнее, во мнениях полагать: а чего уже в тех законах и в Регламенте Духовном или в прочих из Св. Синода полученных и получаемых законах не сыщется, тогда из гражданских прав заимствовать, применяясь токмо к разсуждениям, а не одолжительно всё на всё выписывая. По поданным в духовныя правлении доношениям дела — следствиями производить велеть в тех же правлениях, а для решения представлять в консисторию, и буди в чём проронка будет усмотрена, тогда оное пополнять консистории, дабы через сие здесь дел умалилось, а доносители, ответчики и свидетели волокит избыли, ибо в правлениях ныне и приказные
> *с. 21* служители имеются в делах достаточные. О просящих ставленных грамат по прежде произведённым делам вновь справок и определений не чинить, а предлагать граматы к подписанию с теми делами. Тако же и в других по делам случаях о сокращении оных, особливое консистории учиня разсмотрение, представить.[1]

После такой резолюции, с утверждения епископа Сильвестра, консистория сделала постановление — все жалобы по Переславскому уезду, касающиеся неправильного взимания доходов, притеснений в партикулярных обидах, ссорах и драках и в прочих маловажных случаях, записывать только в журнал для разбирательства, не производя об этом особых дел, а в прочих уездах духовные правления должны всемерно стремиться не допускать в подобного рода делах просителей в консисторию, обследуя такие жалобы и доносы на местах.[2]

Постановление это было лишь осуществлено в первой половине, в той, где оно касается Переславского уезда. Вследствие малообеспеченности канцелярских служащих с введением новых штатов, вскоре началось их усиленное бегство, особенно из духовных правлений. На нищенские оклады, положенные по штатам, можно было завербовать только не вполне грамотных подьячих, которые к самостоятельному ведению дел, во всяком случае, были неспособны, так что, по словам епископа Сильвестра, «просители вместо малоубыточнаго и безволокитнаго за единую к правлениям домов их близость удовольствия, по неимению
с. 22 в оных к производству дел достойных подьячих, большим волокитам и издержкам подвергаются».

Ввиду недостатка опытных и грамотных подьячих, в 1765 году пришлось возвратиться к старому порядку. Резолюциею епископа Сильвестра от 29 ноября 1765 года было предписано

> следственныя дела и суд производить в консистории таким образом, как оныя до объявленной 1764 года резолюции производились; а в духовных правлениях управителям исправлять такия дела, какия ими до оной резолюции были исправляемы, и в следствия и суды (кроме словесных по жалобам священно-церковнослужителей между ими разбирательств) не вступать.[3]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 398.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 430.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 180.

С 1766 года консисторское делопроизводство снова, таким образом, стало возрастать и, несмотря на всё желание епископа Сильвестра строго держаться буквы закона, количество консисторских подьячих пришлось увеличить, отнеся содержание их на епархиальный счёт. К началу 1767 года состав канцелярских служащих в Переславской консистории определился, например, в таком виде. Канцеляристы: Иван Каменев, Семён Струнин и Максим Нагорский — в штатном сорокарублёвом содержании, Михаил Плишкин — на стряпческом — тридцатирублёвом и Григорий Егоров — на копиистском двадцатирублёвом. Канцелярист Иван Каменев ведал ставленнический стол; в его повытьи на штатном двадцатирублёвом жалованьи были копиисты: Давид Бурнашев и Василий Струнин. Канцелярист Семён Струнин заведывал десятинами по городу Переславлю, по Дмитровскому, Клинскому уездам *с. 23* и Гжатской пристани; у него — копиист Пётр Гончаков на штатном двадцатирублёвом жалованьи и Василий Шихирев на десятирублёвом жалованьи из бываемых штрафных денег. Канцеляристу Нагорскому принадлежали: Сигорский и Серебужский заказы, Александровская и Волоколамская десятины, заведывание архивом, регистрация протоколов и ведение приходо-расходных книг; в его повытьи — копиист Василий Верещагин на таком же содержании, как и Шихирев. Стряпчий Михаил Плишкин ведал город Рузу и Верею; в его повытьи состоял копиист Игнатьев на штатном двадцатирублёвом жалованьи. Егоров находился при исполнении указов, ведал входящие и исходящие книги с настольными реестрами; копииста при нём не было.[1]

При таком распределении должностей и штатных денег консистория, хотя содержала двоих подьячих на епархиальные средства, но в то же время имела некоторый остаток от штатных сумм. Излишек этот шёл обыкновенно в награду тем из канцелярских служащих, которые трудились в течение года более добросовестно и усердно.

Как бы то ни было, введение штатов сопровождалось уходом лучших подканцеляристов не только из духовных правлений, но и из консистории. В некоторых случаях желающих уволиться приходилось удерживать силой или карать штрафом. Характерный инцидент в этом отношении произошёл в 1761 году, при самом введении штатов. Узнав о введении *с. 24* штатов и сокращении консисторских служащих, подканцелярист Иван Шихирев подал епископу Сильвестру прошение, в котором просил об увольнении от должности, ссылаясь на то, что звание подканцеляриста по новым штатам уничтожено. Епископ Сильвестр велел забрать в консистории соответствующие справки. По справкам оказалось, что Шихирев назначен в 1755 году в дьячка к Никитской церкви, но обратился с просьбою дать ему место в консистории, куда и определён был писчиком, затем повышен в подканцеляриста, при введении же штатов оставлен впредь до вакансии стряпчим на копиистском жалованьи с прибавкою десяти рублей. Консистория в прошении Шихирева усмотрела желание освободиться от трудов, которые должны были увеличиться с умалением в консистории служащих, и определила штрафовать Шихирева определением на место, назначенное ему до поступления в консисторию. Епископ Сильвестр положил резолюцию:

> Как общее добро по всем законам предпочитается единственному, так и единоличный просителя кураж, явствующий в сём определении, об общей пользе промыслу уступить должен; для чего быть по мнению консистории.[2]

Архив. Ещё со времени вступления на кафедру епископа Амвросия при Переславской консистории был заведён «особливый архив», для наблюдения за которым определялся особый архивариус.[3] Со времени введения штатов, по недостатку средств, заведывание архивом *с. 25* поручалось одному из канцеляристов, обременённому, кроме того, и другими поручениями, касающимися консисторского делопроизводства. Архив до 1762 года помещался в «полатях», устроенных под алтарём кафедрального собора. Полати эти были очень тесны. Дела в них от сырости плесневели и гнили. Помещение не отапливалось. По докладу канцеляриста Нагорского, в 1762 году определено было перенести архивные дела в большую каменную

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1767 г., № 4-а.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 513.
[3] См. с. 71.

келью при Николаевской, что на кафедральных вратах, церкви. В келье этой положено было устроить печь.[1]

Средства содержания консистории. Средства содержания консистории с 1764 года стали ещё более ограниченными, чем те суммы, какие собирались на консисторию в прежнее время. Штатная сумма на содержание консистории, как мы видели, рассчитана была с большою экономиею, а между тем разного рода епархиальные сборы, в счёт которых содержалась консистория раньше, с введением штатов были отменены. Единственным пособием, с помощью которого восполнялись скудные штатные средства, оставались разного рода штрафные деньги. Но и они мало увиличивали консисторский бюджет. Так, например, в 1766 году таких штрафных денег поступило всего лишь 26 руб. 65 коп.,[2] да оставалось
с. 26 невзысканных, главным образом по ставленническим делам, 44 руб. 50 коп. В счёт этих денег выдано было жалованье копиистам, состоявшим на епархиальном окладе, покупались дрова, бумага, свечи, сургуч и прочее.[3]

Контора Его Преосвященства. Кроме консистории, высшим органом епархиального управления, чрез посредство которого епископ Сильвестр сносился с консисториею, в тех случаях, когда по каким-нибудь обстоятельствам отлучался из Переславля, являлась контора Его Преосвященства. Такая контора первый раз учреждена была епископом Сильвестром 7 января 1762 года, когда разного рода препятствия удержали его на неопределённое время в Петрограде. Она докладывала епископу Сильвестру поступавшие для конфирмации дела и посылала в разного рода епархиальные учреждения архиерейские резолюции. Контора состояла из духовника епископа Сильвестра иеромонаха Аарона и протоколиста актуариуса Льва Колесова.[4]

с. 27 В 1766 году епископ Сильвестр должен был отлучиться для присутствования в Московской Синодальной Конторе на годичное время. Вторично учреждается контора Его Преосвященства, на этот раз с большим составом присутствующих и с большими полномочиями. К присутствованию в ней назначен был духовник Сильвестра Иоасаф и, кроме его, архимандриты Иосифовский и Борисоглебский, с переменою по четвертям года. Делопроизводство поручено было канцеляристу Ивану Каменеву и копиисту Давиду Бурнашеву. О всех входящих и исходящих делах в конторе должны были вестись записные книги и журналы. Круг деятельности её в сравнении с конторой, учреждённой в 1762 году, значительно расширился. Она не только сообщала епархиальным учреждениям архиерейские резолюции и определения, но принимала просителей, удовлетворяла их просьбы в случаях, не требующих консисторских справок. С консисторией и домовым правлением контора сносилась сообщениями, в духовные правления и заказы посылала указы. Деньги на канцелярские принадлежности, дрова и другие надобности контора получала из положенной по штату суммы на консисторские канцелярские расходы.[5]

В начале 1768 года, незадолго до перевода на Крутицкую кафедру, епископ Сильвестр готовился снова к отъезду в Москву для присутствования в Синодальной Конторе. По-видимому, издержки по содержанию особой архиерейской конторы отразились тяжёлыми
с. 28 последствиями на консисторском бюджете, вследствие чего епископ Сильвестр нашёл, что «в разсуждении расхода и предвидимым в содержании недостаткам, для исправления епаршеских дел конторы при себе по прежнему порядку ныне учредить вовсе неудобно».

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 685.

[2] Именно, с священника с. Лихачёва за ложное показание в ведомости об исповедавшихся — 5 руб.; с священника с. Алексина за долговременное невзятие ставленной грамоты — 3 руб.; с Рузского протопопа за неосмотрительный в делах проступок — 2 руб.; с иеромонаха Данилова монастыря Макария вычтено похищенных им в бытность его в Волоколамском Возмицком монастыре из оставшейся после умершего архимандрита Аврамия 500-рублёвой суммы — 7 р.; с. Нестерова с священно-церковнослужителей за утайку ими приходских дворов — 1 р. 65 к.; с с. Вёсок священника Ивана Михайлова за допущение им того села дьячка стихарь употреблять и должность дьячковскую исправлять без ставленной грамоты — 3 руб.; с Верейского протопопа Алексея Семёнова за дачу просившему в пономаря несправедливого свидетельства — 5 руб. — Кроме того, в том же году поступило с подачи прошений и доношений — 16 р. 78,25 к. и за проданную гербовую бумагу — 4 р. 80 коп.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1766 г., по описи № 1, дело № 100.

[4] Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 2.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 182.

Всё делопроизводство должно было сосредоточиться в консистории. Дела для доклада и конфирмации приказано было присылать (кроме самых нужных и времени не терпящих) чрез консисторского канцеляриста Каменева чрез один или два месяца, смотря по состоянию нужд. По епархии велено было подтвердить, что к владыке в Москву могут являться одни только священнослужители с просьбами о резолюциях касательно прилучившихся во время священнослужения бедственных случаев; по другим же делам с просьбами, доносами ни сами, ни через посторонних лиц, а особливо чрез помещиков отнюдь бы к владыке не являлись, под опасением штрафов. Консистории предписано было в таких случаях действовать с ослушниками без понуровки, и владыка, тяготившийся вообще дрязгами и мелочами епархиальной жизни, с грустью в своём определении отмечал, что, хотя о том и раньше было распубликовано, «но таковых безпутных, к единому моему безпокойству и затруднению, просьб и доносов и ныне ожидать чаятельно».[1]

Домовое правление. Кроме консистории, в Переславле в правление епископа Амвросия при архиерейском доме существовал казённый приказ, ведавший экономические дела архиерейского дома. При епископе Сильвестре этот приказ стал именоваться в бумагах *с. 29* «домовым правлением» и потерял прежнее коллегиальное устройство. Дела в нём ведались одним экономом домового правления. Должность эту вначале исправлял Борисоглебский игумен Иероним, а потом в том же 1762 году иеромонах Данилова монастыря Алипий.[2] 30 ноября 1762 года экономом определён служивший раньше в экономском послушании в Новоиерусалимском монастыре иеромонах Владимир. В апреле месяце 1763 года Владимир по его прошению был уволен в епархию Амвросия Крутицкого.[3] В 1767 году в бумагах домового правления подписывался Иоанникий.[4]

Сокращение числа присутствующих в домовом правлении находит для себя объяснение в значительном сокращении грандиозных строительных работ, начатых в архиерейском доме в правление епископа Амвросия.

В 1762 году, по определению домового правления, конфимированному Его Преосвященством, учреждена была особая должность дворецкого кафедрального дома к «домостру поваров, поварни, лакеев, для исправности стола и прочих надобностей». На должность дворецкого определён консисторский копиист Василий Дьячков. Подканцеляристы Шихирев и Бурнашев и копиист Пётр Гончаков получили приказ быть безотлучно в приём обедом гостей и для проезду с гостьми. Копиисту Димитрию Борисову приказано быть при приёме *с. 30* гостей в лакеях, с переменою с катедральными служителями.[5]

Духовные правления. В ряду органов епархиального управления, подчинённых духовной консистории, первое место занимали духовные правления. Значительные изменения в числе и составе их произошли в 1764 году. До того же времени в период правления епископа Сильвестра приняты были только некоторые мероприятия, направленные к увеличению числа присутствующих в духовных правлениях и объединению более мелких административных единиц с крупными.

В 1762 году обнаружилось, что, несмотря на распоряжения епископа Амвросия, в некоторых духовных правлениях и заказах, как в Гжатском, Дмитровском, Александровском и Новоиерусалимском, имелось по одному только присутствующему, причём в Дмитровском, Александровском правлениях и Новоиерусалимском заказе присутствующие, кроме того, ведали сборы пошлин с венечных памятей и состояли закащиками при наблюдении за церковным благочинием. Консистория 15 ноября 1762 года определила учредить во всех духовных правлениях по два присутствующих, кроме заказов Новоиерусалимского, Хребтовского, Сигорского и Нерльского. Закащику Новоиерусалимскому и Нерльскому приказано было ведать лишь одни окладные и неокладные денежные сборы.[6]

В том же году, по представлению консистории, Новоиерусалимский и Нерльский заказы *с. 31*

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1768 г., № 33.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 1, дело № 1.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 1, дело № 100.
[4] Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 1, дело № 77.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 676.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 517 и 701.

были вовсе уничтожены. Своё представление об уничтожении этих заказов консистория мотивировала тем, что «с самаго учреждения Переславской епархии до 1756 года их не было,[1] а учинены они по бытности только в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре тогда Переславской духовной консистории, из которых один по близкому от Воскресенскаго монастыря разстоянию и проименован Новоиерусалимским; оба сии заказы со всеми своими делами и состоят не в особливых, как прочия присутственныя места, казённых покоях, но в партикулярных их же закащиковых домех, где им быть не токмо непристойно, но от пожарных и других случаев крайне опасно». Все церкви этих заказов положено было подчинить Дмитровскому духовному правлению. Для церквей этих округов некоторым напоминанием прежняго их положения в административном строе епархии осталось право иметь самостоятельных закащиков для сбора окладной и неокладной суммы. Исправлять какие бы то ни было другия дела этим закащикам было запрещено.[2]

В следующем году объединены были два духовных правления — Можайское и Гжатское. Поводом к объединению послужили два прошения, полученные в консистории. Архимандрит Можайского Колоцкого монастыря Иоасаф, на полученный им указ из консистории о бытии
с. 32 ему присутствующим в Можайском духовном правлении, подал прошение об увольнении его от присутствия «за всегдашними болезнями и скорбными внутренними в голове и по всему телу припадками», вследствие которых он никак не может ездить из монастыря в Можайск за 20 вёрст [21 км] несколько раз в неделю. Одновременно поступило и другое прошение канцеляриста Гжатского правления Николая Семёнова о переводе его в Дмитровское правление «за крайнею опасностью жить от потаённых раскольников». Консистория, принимая во внимание малочисленность церквей Гжатской пристани и необходимость иметь первоприсутствующим в духовных правлениях лицо монашеского звания, «ибо заемлющий присутствие из духовных и светских лиц по свойству дружбы и прочим окрестностям всякое подлежащее пресечению зло укрыть и не донести пред Его Преосвященством может», постановила соединить Гжатское духовное правление с Можайским. Можайское духовное правление определено было учредить в Колоцком монастыре; присутствующим назначен был архимандрит Иоасаф и в помощь ему приказано было выбрать, с согласия всех священно-церковнослужителей, одного достойного священника. По Гжатскому округу священнослужители тех 24 церквей, которые находились в ведении Гжатского духовного правления до учреждения Переславской епархии,[3] для сбора денежной казны могли выбирать своего особого закащика, который вместе с Можайским поповским старостой должен был находиться в ведении Можайского духовного правления.[4]

с. 33 Таким образом, ко времени введения штатов одно духовное правление Переславской епархии было закрыто. Взамен того в 1762 году Александровский заказ снова преобразован был в духовное правление. Обращение этого правления в заказ в 1754 году вызывалось учреждением особой Переславской конторы, в непосредственное ведение которой и включили округ, подчинённый раньше Александровскому духовному правлению. С перенесением консистории в Переславль, в Александрове духовное правление было восстановлено.[5]

Но судьба преследовала Александровское правление. В марте месяце 1763 года здания его, отстроенные 1754 года, вторично сгорели. Спасены были только архивные дела правления, но и то не все. Пожар произошёл по вине сторожа, дряхлого старика, который едва ходил и мало видел, причём отличался крупным физическим недостатком — не имел на руках пальцев, кроме больших перстов. Управителем Александровского духовного правления он специально приставлен был к наблюдению за зданиями духовного правления, в то время как два других сторожа употреблялись на посылку и для разных домашних услуг присутствующих в духовном правлении. Епархиальная власть, расследовав дело, определила присутствующего в правлении протопопа Иосифа Селинского и подьячего Ивана Струнина, «дабы они впредь в должностях своих обережно поступали», оштрафовать тем, чтобы они к будущему 1764 году из своего кошту построили на духовное правление «таковы же

[1] В отношении к Нерльскому заказу эта цифра является не совсем точною. См. с. 17.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 634.
[3] Остальные церкви Гжатской десятины присоединены были к ней в 1744 году из десятины Можайской.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 408.
[5] См. 76.

покои с сеньми, каковы сгорели». Струнин обязан был расходами по постройке вполовину *с. 34*
в сравнении с Селинским. Такое определение епархиальной власти мотивировано было тем, что топка печей в сгоревшем здании поручена была правлением человеку дряхлому, ненадёжному. Ещё в 1755 году священно-церковнослужители Александровской десятины вступали в Переславскую духовную консисторию с жалобой на означенного сторожа Андрея Алексеева в том, что он всегда пьянствует, «от коего де пьянства и руки ознобил, и во время случающихся по той десятине посылок он, Андрей, ходит недели по две и более и пьянствует, а приходя в домы их пьянски озорничает и ругает и незнамо в чём всегда грозит, чего де они от такого пьяницы опасны всяких причин».[1] Все хлопоты присутствующего и подьячего об отмене определения не увенчались успехом. Тогда они избрали другой путь. Произведено было, по-видимому, давление на священно-церковнослужителей Александровской десятины, и те составили письменный приговор собрать по деньге с каждого приходского двора на постройку здания духовного правления. Но, так как приговор этот не был добровольным, то в течение 1765 года успели собрать очень небольшую сумму денег, на которую оказалось возможным приобрести лишь некоторые лесные материалы. Следует просьба в консисторию об отсрочке стройки ещё на год; покамест же предполагалось поместить духовное правление в праздных покоях при Успенском женском монастыре. Но
лишь только узнали об этом монахини Успенского монастыря, как немедленно вступили *с. 35*
в консисторию с слёзным прошением «уволить их от духовнаго правления». Праздные покои, которые имелось в виду занять духовным правлением, по словам настоятельницы, стоят без печей и в наступающую четыредесятницу имеют быть разобраны для устроения поварни. Кроме того, заявляли монахини, близость духовного правления для них опасна и в пожарном случае. Двукратный пожар Александровского духовного правления, очевидно, создал уже некоторую репутацию за лицами, которым вверялся надзор за зданиями епархиального присутственного места. Следует новый указ о незамедлительной постройке в 1765 году помещений для Александровского духовного правления.[2]

Новое расписание городов и уездов. В 1764 году, согласно Высочайшему распоряжению, составлено было учреждённою о церковных имениях комиссиею новое расписание городов и уездов применительно близости их к епархиальному городу, которое коснулось в значительной степени и Переславской епархии. К ней из Тверской епархии присоединён был Клинский уезд с 37 церквами и отходил к Крутицкой епархии город Можайск с 14 церквами.[3]

Получив указ с новым расписанием, Переславская консистория поставлена была в большое затруднение. Незадолго пред тем Гжатская и Можайская десятины объединены были *с. 36*
в один округ с духовным правлением в Колоцком монастыре, ближайшем к Можайску. Теперь приходилось снова восстановлять Гжатское духовное правление, так как город Можайск с находящимися в нём церквами отходил к Крутицкой епархии. Далее, в городе Можайске числилось в то время всего 9 церквей; в расписании же не указывалось, какие церкви из Можайского уезда, кроме этих девяти, должны были отойти от Переславской епархии. Затем, в новом расписании по Гжатской десятине указано было всего 39 церквей; оставалось непонятным, таким образом, куда отнести те церкви Можайской десятины, которые оставались за переходом 14 церквей к Крутицкой епархии. Не знала, наконец, консистория, в какой епархии мыслить Лужецкий и Колоцкий монастыри.

12 октября 1764 года Святейшим Синодом, по рассмотрении доклада епископа Сильвестра, прислан был указ в Переславль, чтобы городу Можайску с 46 церквами[4] и двумя

[1] Надобно заметить, что этому челобитью в своё время почему-то консисториею не дано было хода; теперь же консистория вспомнила о нём и сослалась на него.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 1, дело № 76.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 254 и 596.

[3] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 166, № 167.

[4] Кроме 42 церквей, указанных в приложении (см. с. 293), к Можайской десятине отнесены из Гжатской десятины: с. Вешки и Илово и новые церкви в погосте Егорьевском, что на реке Рузе, Живоначальной Троицы и Пророка Илии, что при бумажном заводе, содержателя Масаловых.

монастырями Колоцким и Лужецким состоять в Крутицкой епархии, а Гжатской пристани с 38 церквами[1] по-прежнему остаться в Переславской епархии.[2]

с. 37 По получении Синодального указа вопрос о переводе Можайского духовного правления, находившегося в Колоцком монастыре, решался сам собою, так как вся Можайская десятина отходила в ведение предстоятеля Крутицкой епархии. Определено было Гжатскому духовному правлению быть снова в Гжатской пристани, а в правлении присутствовать тамошнего собора протопопу Ивану Никитину да диакону Михаилу Новлянскому. Диакон Новлянский избран был в присутствующие, как окончивший богословский курс в Переславской семинарии.[3] Для исправления дел в Гжатском правлении назначены были регистратор Ефим Львов и копиист Иван Львов.[4]

В следующем году консистория поставлена была в большое затруднение, оказавшись совершенно не осведомлённой о местопребывании двух духовных правлений — Волоколамского и Верейского. До сего времени Волоколамское духовное правление помещалось в Вязмицком Волоколамском монастыре, а Верейское — в Верейском Спасском. Оба монастыря по штатам 1764 года оказались упразднёнными. Настоятели их, присутствовавшие в духовных правлениях, были переведены в другие монастыри, и духовные правления остались, таким образом, без присутствовавших и без определённых мест для присутствия. Священно-церковнослужители Волоколамской десятины начали было сбор на постройку здания для духовного правления, но вскоре подали в консисторию заявление, что «они
с. 38 в сборе для постройки на духовное правление покоев денег оказались не в состоянии». Консистория определила «быть духовным правлениям в прежних монастырях, теперь упразднённых, на место настоятелей присутствующими избрать священников достойных вероятия и прислать известие, где ныне помещаются духовныя правления».[5]

В том же году консистория подтвердила своё прежнее определение о присутствовали во всех духовных правлениях двум членам. Определение это касалось главным образом Клинского духовного правления и вызвано было тем, что священно-церковнослужители Клинской десятины прислали в консисторию доношение с заявлением, что, «кроме присутствующаго протопопа Феодора Феодорова в правлении быть никто из священнослужителей не желает и двоим де быть в правлении не у чего». Консистория по поводу такого доношения строго подтвердила Клинскому духовному правлению «о имении присутствия двоим членам — кроме протопопа прежде определённому соприсутствующему священнику Воскресенской церкви Петру Симеонову, и дабы все дела присылались за подписом того и другого».[6]

Насколько можно видеть из изложенного, присутствующими в духовных правлениях были обыкновенно лица монашествующие из настоятелей близлежащих к правлениям монастырей. Епархиальная власть с особенною настойчивостью со времени епископа Амвросия требовала
с. 39 этого, хотя по временам и вынуждалась делать в этом отношении уступки. Присутствующий духовного правления обыкновенно назначался, а не выбирался.

Вторым лицом был соприсутствующий из священнослужителей данного округа, по преимуществу уездного города. Соприсутствующий выбирался обычно священнослужителями округа, согласно распоряжению консистории, а иногда и назначался консисторией, согласно прошению, поступавшему от окружного духовенства. Так, в 1763 году духовенство Волоколамской десятины обратилось в консисторию с прошением «о бытии в Волоколамском духовном правлении, вместо ныне присутствующаго соборнаго священника Петра Никитина, находящегося в престарелости и частых болезнях и по незнанию дел в том присутствии неспособнаго, присутствующим по прежнему протопопу Волоколамскаго собора Иосифу Васильеву». Просьба была удовлетворена.[7]

---

[1] Из числа церквей, отнесённых во втором выпуске к Гжатской десятине (294), исключены церкви с. Вешки и Илово.

[2] Архив Святейшего Синода. 1764 г., 16 июня, № 47.

Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 423.

[3] См. выпуск 1, именной указатель.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 476.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 40.

[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 89.

[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 509.

Закащики и поповские старосты. Соприсутствующий духовного правления в период управления епархией Сильвестра почти всегда состоял и закащиком, которому поручалось наблюдение за церковным благочинием в округе. Такое совмещение по временам было затруднительным и вызывало многочисленные просьбы об освобождении от должности закащика.

В 1765 году, например, соприсутствующий Дмитровского духовного правления протопоп Пётр Наумов в прошении, поданном в консисторию, заявил, что он с 1754 года состоит присутствующим в правлении и с 1755 года и закащиком по Дмитровской, а иногда по Новоиерусалимской и Нерльской десятинам. Последняя должность требовала от него продолжительных отлучек, во время которых «он полагался по досмотру над домом на верность жены своея». Теперь он овдовел; на руках осталось две дочери, из которых старшей 15, а меньшей — 10 лет. Чинить ему продолжительные отлучки стало невозможно, «чтобы дочери без призрения не могли бы впасть в какие-либо пороки и не заражены были бы злонравием, что всё взыскаться имеет от Бога и от человеков законно на нём протопопе». Ввиду таких обстоятельств он просил консисторию от духовного правления и от закащичества по десятинам его уволить. На консисторском протоколе последовала резолюция владыки: *с. 40*

> Показанному протопопу в духовном правлении, поелику оно состоит в близости от его дому, присутствовать по прежнему, а смотрение церковнаго благочиния для вышеписаннаго правильнаго к неотлучке ему протопопу от дому резона с него снять и определить к лучшему и точнейшему онаго церковнаго благочиния смотрению особливаго из священников.[1]

Но не только в тех случаях, когда должность закащика объединялась с должностью присутствующего в правлении, она становилась в тягость тому лицу, которое её несло; ею вообще тяготилось духовенство как должностью, связанною с дальними поездками по округу и большою ответственностью пред консисторией. В 1767 году серебужский закащик священник села Заболотья Фёдор Иванов вступил в консисторию с прошением, в котором жаловался на то, что священно-церковнослужители для поездки по округу подвод ему не дают, «и от того он имеет немалое изнурение, а притом и убытки». Консистория определила: «давать ему закащику от церкви до церкви священно-церковнослужителям по очереди подводу; буде же касаться будет чьего нибудь партикулярнаго дела, то ему закащику иметь поездку на кошт онаго».[2] *с. 41*

Должность поповского старосты, как самостоятельная, постепенно исчезает и сливается с должностью закащика. Но вообще же строгого единства в этом отношении и до сих пор не было. Например, в 1764 году по городу Переславлю с уездом административные должности распределены были в таком порядке. Протопоп Преображенского собора назначен был для смотрения церковного благочиния; ему же поручено было освящение церквей в городе и уезде. Раздача антиминса и мира находилась в ведении ключаря кафедрального собора, а для отпуска венечных памятей и сбора доходов избрано было особое лицо.[3]

Так как сбор венечных пошлин и доимочных денег с пустовых земель продолжался и после 1764 года, то поповские старосты не сразу прекратили своё существование со времени введения штатов. Именно, 14 февраля 1765 года в Переславской консистории получен был указ из Коллегии экономии *с. 42*

> с венечных памятей пошлинныя деньги собирать в ведомство коллежское по прежним указаниям в епархии старостам поповским, и сколько где, когда собрано будет, в Коллегию по полугодно репортовать, и для того во все места из городовых канцеляриев дать приходныя книги, а по прошествии каждаго полугода те собранныя деньги старостам поповским, отдалённым от Москвы, отдавать в городовыя канцелярии, а ближним в коллегии, которых по объявленным данным им приходным книгам считать без упущения.

Указ этот вызвал недоумение в Переславской консистории, которая нашла, что Коллегия экономии подчинила старост поповских канцеляриям. «Священников же, чтобы в этом сборе ведать, кроме духовной команды, светской команде, с прежними указами несходственно».[4]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 194.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1767 г., № 21.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 1, дело № 160.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 18.

Высочайшим указом от 14 июля 1765 года взимание сбора за венечные памяти велено было вовсе оставить и довольствоваться прежде венчания вступающих в брак производством обыска.[1] Так как и многие другие епархиальные сборы к этому времени были уничтожены, то институт поповских старост сам собою прекратил своё существование.

с. 43 Если к перечисленным лицам присоединим десятиначальников, в положении которых в период правления епископа Сильвестра каких-нибудь значительных перемен не произошло, то мы исчерпаем весь круг тех лиц и учреждений, при посредстве которых епархиальный архиерей ведал свою епархию.

Сношения духовной консистории с светскими учреждениями. В правление епископа Сильвестра возник вопрос об отношении высшего епархиального учреждения — духовной консистории к светским учреждениям, с которыми консистория вступала в те или иные деловые сношения. Поводом к возникновению такого вопроса послужило издание Высочайшего указа, по которому консисторские секретари сравнивались в чинах с губернскими секретарями.[2] На указе епископ Сильвестр наложил резолюцию с распоряжением навести соответствующие справки о том, «каким образом консистория с провинциальными и городовыми канцеляриями сношение имеет». Консистория представила целый ряд выписок, прочитав которые, епископ Сильвестр определил:

> Консистория епаршеская, под одною Св. Синода дирекциею состоящая, со всеми государственными коллегиями имеет сношение промемориями, а как коллегии, под дирекциею Правительствующаго Сената состоящия, в провинциальныя и городовыя канцелярии отправляют указы, так равно... и из консистории древних епархий в провинциальныя и городовыя канцелярии посылают указы.

с. 44 Такой порядок, по словам владыки, существует в Московской, Крутицкой, Смоленской, Псковской и других епархиях. Переславская консистория, недавно учреждённая, за множеством дел не имея возможности навести справки о порядке сношений с светскими учреждениями, начала сноситься с городовыми канцеляриями промемориями и тем дала повод к медлительному исполнению со стороны этих канцелярий консисторских самонужнейших дел.

Епископ Сильвестр в особенности указывает на три таких дела. Во-первых — дело солдата Колпакова, в принуждении жены его помещиком Протопоповым вступить в беззаконный брак с крестьянином его Протопопова, по которому консистория вступала более чем с двадцатью промемориями. Затем, дело об Утроковском священнике Иакове по убийству пономарицы и дело о бурмистре Сунбурове о посажении священника села Столбова на цепь и говорении дерзких об имени Спасителя речей. Задержка в ведении этих дел привела: по первому — к увеличению беззакония, по второму — к долговременному колодников задержанию и по третьему — к потачке виновному. «Да и в прочих консистории требованиях, — пишет Сильвестр, — провинциальныя и городовыя канцелярии, (как то по делам консисторским видно), почитая оную консисторию по одним с ними промемориями сношениям за равную, в надлежащее время исполнения не чинят».

Ввиду всего этого епископ Сильвестр делает распоряжение отныне сноситься с про-
с. 45 винциальными городовыми канцеляриями указами, наблюдая, что «если таковые указы не будут принимаемы, донести о таковых чинимых в духовных делах остановках означенными канцелярии в Св. Синод».[3]

Взяточничество и борьба с ним. В деятельности органов епархиального управления в период правления епископа Сильвестра, как и в предшествовавшее время, замечались по временам серьёзные уклонения, вызывавшие грозные прещения владыки.

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 285, № 248.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 313, № 268.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 7.

Главнейшим злом, с которым приходилось бороться — хотя и канцелярским более путём — епископу Сильвестру, было взяточничество, сильно распространённое среди членов епархиальной администрации и частью объясняющееся скудостью материальных средств, в счёт которых эта администрация содержалась. Сразу же по вступлении на кафедру епископ Сильвестр, до слуха которого доносились жалобы на вымогательства представителей епархиальной власти, принял некоторые меры к пресечению злоупотреблений этого рода. В резолюции, положенной на следственном деле о канцеляристе Дмитровского духовного правления Михаиле Чистякове, епископ Сильвестр написал:

> Повсюды эхо носится, как и жалобами от многих помещиков словесно и письменно мне представливано, также и здесь частыми от простолюдинства подтверждается, что в епархии здешней, коим образом и в означенном Дмитровском духовном правлении, как и в других, закащиками и при них подьячими, чинятся народу во взятках от венечных памятей несносныя *с. 46* преобидения. Того для повелевается консистории особливым разсуждением изобрести способ, как бы оное лихоимственное зло в сходство с Высокомонаршими указами пресечь.

Консистория, на основании приведённой резолюции, в своём определении проектировала следующие меры к ограничению зла.

1. При выборе старост поповских и закащиков на следующий год требовать собственноручной подписки священнослужителей данного округа. Если не подписавшиеся не укажут «правильной причины», будут штрафованы по законам.
2. Всех поповских старост и закащиков по выбору представить в Переславль, привести к присяге и обязать подпискою, чтобы они «в сборе с венечных памятей пошлинных и лазаретных денег всеконечно поступали по Высочайшим указам и к взяткам отнюдь не касались».
3. Алтынный сбор, взимавшийся на отвоз венечных денег и поступавший доселе в консисторский расход, оставлять впредь поповским старостам у себя, дабы своё лихоимство они не оправдывали недостатком материальных средств на отвоз венечных денег.
4. Дать знать от духовных правлений и заказов чрез священнослужителей с подписками[1] всем прихожанам, сколько именно по силе указа 1780 года с которой памяти установлено брать пошлин, дабы «за их прихожан неведением излишних взяток под видом настоящаго брано не было».[2] *с. 47*

Вскоре после приведённой резолюции епископ Сильвестр и на деле заявил себя решительным сторонником строгих мер в борьбе со взяточничеством. В конце 1762 года в консистории рассматривалось дело об обвенчании Борисоглебского Левкиева монастыря священником Максимом Иосифовым без венечных памятей 39 вдов. В Волоколамском духовном правлении, куда сделан был донос, положили жалобу под сукно, так как виновный уплатил присутствующему протопопу Иосифу Васильеву 80 рублей. Небезгрешным оказался и другой член присутствия архимандрит Манассия. Согласно резолюции епископа Сильвестра, оба присутствующие от духовного правления были отрешены. Взятые деньги приказано было возвратить. При новых выборах присутствующего приказано было наблюдать, «дабы ежели там имеется из учёных в семинарии, а особливо добродетелен кто, обойдён не был бы».[3]

Но оказалось, что на выборах в конце 1762 года протопоп Иосиф Васильев снова был избран в старосты поповские по сбору окладной и неокладной денежной казны на 1763 год. Консистория утвердила его поповским старостою только на первую половину 1763 года. Протопоп Иосиф Васильев после этого обращается к епископу Сильвестру с просьбою «снять *с. 48* с него претерпеваемое поношение и определить по прежнему присутствующим и поповским старостою». 4 апреля 1763 года на определении консистории, обсуждавшей эту просьбу, епископ Сильвестр написал:

---

[1] К концу февраля следующего года таких подписок не поступило в консисторию ни с одного места. Справедливо подозревая, что указ консисторский относительно оповещения прихожан о величине венечных пошлин не выполнен, консистория распорядилась, чтобы чрез неделю или в крайнем случае две по получении указа духовные правления и заказы беззамедлительно представили подписки под опасением штрафования присутствующих и подьячих. Представлены ли были подписки после этого повторительного указа, из дел консисторских не видно. (Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 166.)

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 606 и 738.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 619.

> В присутствие определить, за определением на протопопское место иных, на которых никакого подозрения не оказалось, его протопопа не можно: а при сборе денежной казны в нынешнем году по выбору священно и церковнослужителей, кои за него, в случае утраты, платить обязались, быть непрепятственно.[1]

Противности священно-церковнослужителей. Как и в предшествующее время, епархиальным административным учреждениям приходилось считаться с разного рода противностями со стороны лиц подчинённых. Противности эти принимали по временам грубую и резкую форму в духе, жизненных условий того времени. С таким, например, случаем консистория имела дело в 1762 году.

Поп села Вёсок Михаил Андреев не послал в срок трёхчастных книг за 1761 год. После троекратного напоминания книги были присланы с каким-то крестьянином, но в черновом виде. Сколько ни вызывали Михаила Андреева в Александровское духовное правление, он сюда не явился. Одновременно с тем в Переславской духовной консистории возникло о нём
с. 49 другое дело: им был устранён от богослужений и доходов пономарь, должность которого стал исправлять малолетний сын Михаила Андреева Григорий. Консистория для прекращения ссоры постановила забрать малолетнего сына, как годного к обучению, в семинарию. Но посланный в с. Вёски из консистории капрал для сыску мальчика в с. Вёсках его не застал. Сестра объявила, что её брат вместе с матерью уехали в Москву. Следует вторая посылка, причём солдату дана была инструкция, «ежели мальчика не застанет, представить в консисторию отца». Результат получился тот же. Солдат не застал ни сына, ни отца. Посылается указ в Александровское духовное правление, которым приказано было попова сына не позже как чрез неделю представить в консисторию; если же отец станет его укрывать, то взять отца под караул и держать до тех пор, пока не представит сына; приход Вёски исправлением треб поручить ближайшему священнику. Но священник Михаил Андреев «учинился силён и сказал такими речьми: „я де сына своего до приезду Его Преосвященства никогда не дам и сам с вами ныне впредь, хотя бы человек до десяти или больше пришлите, не поеду“». После такого ответа из правления послали копииста с солдатами. Но посланные попа не застали дома. Тогда консистория, на основании распоряжения епископа Амвросия от 1758 года, приказала управителю духовного правления поехать лично в с. Вёски, взять ослушника силой и привести в духовную консисторию. Для вспоможения управителю из консистории прислали двух солдат. Управитель захворал и вместо себя прислал копииста
с. 50 Александровского духовного правления Ивана Струнина с солдатами и посторонними понятыми людьми. О результатах своего путешествия копиист донёс так.

> Оный поп во взятии себя учинился силён, а сказал такими речьми, что де я с вами никогда не поеду, хотя пришлите по меня до ста человек, разве де меня отсюда повезёте мёртваго, я сам себя умерщвлю, а жив в руки не дамся. А ежели теперь из домашних моих кого станете брать, то всех перережу. А церковных ключей никому не дам. И схватя нож, положа себе в пазуху, бросился от них на приуготовленную нарочно к тому свою лошадь и ускакал неведомо куда. А буде бы кто в его приход вступать станет, то он зарежет его ножом.

Копиист Струнин после таких речей и угроз запечатал церковь и о случившемся донёс в консисторию. Следует новое постановление консистории — означенного ослушника через сотских и десятских, по сношении со светскою командой, представить в консисторию и, здесь наказав плетьми, отправить в Солбинскую пустынь в монастырские труды без священнослужения на два месяца, сына же его отдать в семинарию для преднего исправления лозами. Но пока в консистории обсуждался доклад Струнина и составлялось приведённое выше определение, поп Михаил Андреев проявил новое ослушание. Вскоре по выезде Струнина из с. Вёсок он возвратился обратно в свой приход, церковь распечатал и в ней самовольно стал совершать священнослужение. 4 марта консистория вновь обсудила все проступки, совершенные Михаилом Андреевым, и решила оставить прежде определённое ею наказание
с. 51 в силе, усугубив его переводом Михаила Андреева из Вёсок в с. Овчинино, где имелся всего 21 приходский двор.[2] Как отнёсся к этому определению епископ Сильвестр, из дела

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 225.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 191.

не видно. Надо думать, судя по другим делам, что наказание плетьми не было утверждено. Несомненно только то, что ослушник в конце концов был захвачен, так как в таких случаях консистория обыкновенно не останавливалась ни пред какими мероприятиями.

Например, в том же 1762 году в Троице-Нерльскую слободу, Дмитровского уезда, послан был по наказу солдат Григорий Жильцов для взятия под караул священника той слободы Феодора Иванова. По возвращении в Переславль солдат донёс, что «оный священник Феодор Иванов при закащике и того села священноцерковнослужителях взять себя ослушанием не дал». Заслушав такое донесение, в консистории постановили:

> в вышеписанную Троицкую Нерльскую слободу послать нарочнаго по наказу, которому обще с поминаемым Нерльским закащиком Гавриилом Степановым, взяв посторонних по близости человек до десяти церковников, в дом вышеписаннаго ослушника священника Феодора Иванова приехав, взять его, священника Феодора, и при них закащике с церковниками в железа сковать, в чём, если будет противиться, учинить тому посланному вспомоществование оному закащику с церковниками, и привезши онаго ослушника объявить в консистории при доношении, буде же он из дому укроется, то дабы скорее мог явиться в поставке его, взять жену, или кто из домашних прилучится, и потому ж представить в консистории при доношении в скорости.[1] *с. 52*

Колодницкая комната. Для содержания всех такого рода захваченных и представленных для дознания в консисторию лиц, при консистории по-прежнему существовала особая колодницкая комната. По временам в ней скапливалось довольно значительное количество лиц, подлежащих взысканиям по производящимся о них в консистории делам. Особенно много скопилось их пред прибытием во Владимир из Петрограда епископа Сильвестра, когда по многим делам консисторское определение было уже учинено, но конфирмации архиерейской определения ещё не получили. Поставленная в затруднительное положение, консистория вынуждена была обратиться по этому поводу с особым докладом к епископу Сильвестру, прося его дать соответствующие указания.[2]

Содержание заключённых в консисторской колодницкой не могло быть, конечно, не строгим. За весь период правления епископа Сильвестра в протоколах консистории занесён только один расход по колодницкой, — именно, в 1762 году куплено для ночника в колодницкую комнату постного масла на 35 к.[3] А бывали случаи, когда заключённые при консистории и духовных правлениях подвергались и увечьям со стороны лиц, надзирающих *с. 53* за ними. В 1762 году, например, в духовную консисторию поступила жалоба от священника города Вереи Климента Иванова в том, что он посажен был присутствующими Верейского духовного правления на цепь безвинно и что копиист правления Иван Стрельцов бил его попа по щекам и драл за бороду. Судя по тому, что Верейское духовное правление долго не давало ответа на запрос, посланный по этой жалобе из консистории, и что потребовался для этого повторный указ, жалоба священника Климента Иванова не принадлежала к числу так называемых «напрасных волокитных наговоров».[4]

Жалоба в Святейший Синод. Высшею инстанциею в рассмотрении жалоб на епархиальную власть являлся по действующему положению Святейший Синод. В период правления Переславской епархиею епископа Сильвестра встречаем одну такую жалобу, поданную на епархиальное начальство в Святейший Синод дьячком с. Минеева, Дмитровского уезда, Семёном Ивановым. В своём прошении дьячок пишет, что «священник тоя церкви, имея детей нигде неопределённых, льстясь и усиливаясь их на место его дьячка произвести, а его каким либо образом отрешить, вместе с дьяконом подал на него в Переславскую духовную консисторию лжесвидетельство вымышленное, в котором показал на него разныя подозрения и проступки непорядочныя, а особливо в зажигании им в том селе двора, в подговоре воров и разбойников для ограбления попова и дьяконова двора, по которому их *с. 54* лжесвидетельству Переславская консистория за похлебством своим определила отослать его и сына его в Дмитровскую воеводскую канцелярию для положения в подушный оклад».

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 617.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 50.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 137.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 202.

На дороге в канцелярию он, опасаясь напрасных и безвинных побой, бежал. В заключение своей просьбы дьячок добавлял, что он имел в виду защищаться лично пред преосвященным Сильвестром, но за содержанием под караулом не мог. Из Святейшего Синода прошение отослали для отзыва епископу Сильвестру. В своём докладе Святейшему Синоду епископ Сильвестр писал, что дело дьячка с. Минеева было решено не консисторией, а им самим, и в разъяснение своего решения препроводил краткий экстракт из дела. Оказалось, что в 1753 году дьячок бил смертно жену церковника Меланию за то, что она кричала на пришедших ко двору воров; в 1761 году выловил из диаконова садка рыбу; в 1762 году отлучился без ведома священника в Москву; ноября 16-го 1762 года у него ночевали два каких-то подозрительных человека, во время заутрени он выпроваживал их из дома и вскоре после этого произошёл пожар; 5 декабря разбойники многолюдством с копьями наехали на с. Минеево, язык у колокола подвязали, а когда из дьяконова окна выстрелили по ним из пистолета, они побежали по той дороге, по которой дьячок раньше провожал неизвестных людей. Кроме сего, из дел явствовали и другие проступки дьячка. По отзывам крестьян, он часто пьянствует, ссорится, дерётся, похваляется худыми делами; крестьянина Афанасия Борисова хотел зарезать ножом.

с. 55 По рассмотрении дела в Святейшем Синоде 10 августа 1765 года приказано было: «Быть по определению Его Преосвященства».[1]

[1] Архив Святейшего Синода. 1764 г., 11 ноября, № 191.

Глава 3

Приостановка строительных работ в Горицком монастыре. — Средства содержания консистории и архиерейского дома до введения штатов. — Введение штатов. — Отмена сборов. — Рыбные ловли. — Архиерейское подворье. — Ассигновка денежных средств на достройку зданий в Горицком монастыре. — Богадельни.

Приостановка строительных работ в Горицком монастыре. Перевод епископа Амвросия на Крутицкую кафедру не дал ему возможности привести к концу начатые им грандиозные строительные работы в Горицком монастыре. В мае месяце 1761 года в Святейшем Синоде заслушано было доношение Московской Синодальной Конторы, присланное ввиду представления, сделанного из Переславской консистории. В этом представлении говорилось, что «катедральное строение началось и производилось по бытности в Переславской епархии синодальнаго члена Преосвященнаго Амвросия, епископа нынешняго Сарскаго и Подонскаго, на которое и в последующее сего года лето материалов приготовлено не малое число и работники к тому из своих определены». Консистория в своём представлении указывает, что кирпича заготовлено до 400 тысяч, железа 1 569 пудов 23,25 фунта, [25 710,5 кг] извести 3 957,25 пудов, [64 822 кг] белого камня 2 000 пудов, [32 761 кг] каменщиков и кирпичников нанято по 60 человек. «По бывшему от Его Преосвященства расположению, — *с. 56*
продолжает консистория, — надлежало бы производить и окончать в наступающем лете внутри строющейся церкви под купол второго апартамента столпы со сводами, точию оное строение как производить, так и оставить, за опасность, чтобы заготовленные материалы и самое строение без крышки пропадать не могли, консистория без указу не может».

По рассмотрении доклада, в Святейшем Синоде 20 июня 1761 года определили:

> означенное начатое строение под надлежащим чрез кого пристойно надсмотрением на таковом, как оному быть должно основании, производить без всякой остановки, с таким притом крайним наблюдением, чтобы заготовленный материал не инако, как на то строение употребляем был, а притом бы и из епархиальной суммы излишних расходов в издержке не было, дабы будущему в оной Переславской епархии архиерею в содержании своём не могло недостатка последовать.[1]

Такое определение высшей духовной власти, как сообщалось уже раньше,[2] не могло быть приведено в исполнение, и главным образом потому, что преемник епископа Амвросия не располагал ни любовью к строительному делу, ни строительными знаниями, ни, наконец, достаточными для стройки средствами. Правда, работы в катедральном монастыре в течение 1762 и 1763 года не прекращались,[3] но шли они чрезвычайно медленно, так как им *с. 57*
недоставало умелого и энергичного руководителя, да и не было, кажется, особого желания закончить их.

Как уже сообщалось выше,[4] стройка соборного храма и монастырских зданий производилась в счёт вотчинных доходов и разных неокладных сборов, какие выдала Переславская консистория. Сборы эти при епископе Амвросии достигли крупной величины и ложились

---

[1] Архив Святейшего Синода. 1761 г., мая 16, № 49.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 508.

[2] См. стр. 87.

[3] См., например, Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1761 г., № 531 и 562.

[4] См. с. 90 и следующую.

тяжёлым бременем на платёжные силы епархии. В первые годы правления епископа Сильвестра епархиальные сборы не были уменьшены, но он сообщил некоторым из них другое назначение в ущерб строительным надобностям кафедры. Так, например, ставленнические пошлины в 1762 году взимались в таком размере: со священника —

1. на певчих — по 2 руб. 50 к.,
2. за подписание грамоты по 1 рублю,
3. на келейников — по 50 к.,
4. на ризницу — по 2 р. 50 к.,
5. на братию — по 1 руб.,
6. на катедральное церковное строение — по 1 руб.

Первые три пункта епископ Сильвестр оставил без изменения.[1] Против четвёртого пункта сборов на ризницу епископ Сильвестр написал: «на ризницу довольно брать по два рубля, поелику меньше ныне переездов и волокиты, а 50 коп. откладывать имеющему обучать
с. 58 церковной и гражданской печати ставленников». Против 5 пункта — на братию, Сильвестр написал: «сей приход был учреждён для братии Воскресенскаго монастыря, коих числом до 40 человек, а здешнему монастырю, из коего и монахов вывести указом велено, тое не служит: и для того из рубля 50 к. поверстать на обучающаго церковной и гражданской печати ставленников, а остальные 50 коп. на тех, кои священнослужения и треб обучать их имеют». Против пункта шестого — на катедральное церковное строение: «как строение ныне имеет остановку, да и производить его нечем и некем, то сей рубль поверстать на экзаменатора». Соответственно этому были развёрстаны пошлины, взимаемые с диаконов, дьячков и пономарей.[2]

Цитированные изменения достаточно ясно определяют отношение новоназначенного епископа к начатым его предшественником постройкам.

Средства содержания консистории и архиерейского дома до введения штатов. В величине и назначении других епархиальных сборов в первые годы правления епископа Сильвестра произошли изменения лишь незначительные, так что ко времени введения штатов средства содержания Переславского архиерейского дома и епархиальных учреждений могут быть представлены в следующем виде. На консисторский расход шёл прежде всего сбор с священно-церковнослужителей по числу состоящих в каждом приходе дворов, с каждого по деньге, всего по окладу 274 руб. 73,5 коп., из которых 100 руб. предназначалось на покуп-
с. 59 ку бумаги, сургуча, свеч, дров и прочего. На содержание консистории назначались и разного рода штрафные деньги, перечень которых в одной консисторской ведомости даётся в такой форме: «штрафныя по разным внутренним консисторским делам, яко то за дачу неисправных ставленникам свидетельств, за неподачу на срок исповедных ведомостей, за неприезд старост на срок, а священников — на выбор оных старост и за прочия в должностях своих упущения, сколько на кого по усмотрению положено будет». Количество штрафного сбора не могло быть, понятно, всегда одинаково. В 1762 году в приход поступило 71 рубль. Далее на тот же предмет шёл сбор с мировых челобитьев; он никогда не достигал крупной суммы и в 1762 году, например, вместе с остаточными от прошлого года определился в 8 руб. 30 коп. Наконец, сюда же поступали пошлины с сданных по разным делам указов и наказов,[3] сборы с епитрахильных и постихарных грамот, с указов о построении церквей, об увольнении в другие епархии и прочих.[4]

Все перечисленные сборы во время Сильвестра шли на содержание консистории. Из них выплачивалось ежегодно жалованье служащим при консистории, в размере 145 р. 50 к., не считая 198 четвертей хлеба, выдававшегося из катедры. [41 563 л] Из них же производились и другие разные случайные консисторские расходы, достигавшие в некоторые годы значительной, по сравнению с общим бюджетом, суммы. Так, в 1762 году, например,
с. 60 куплены были в Петрограде для консистории стенные часы стоимостью в 70 руб.[5]

[1] В следующем 1763 году по пункту второму и третьему деньги приказано было собирать на певческое содержание. (Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 155.)

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 174, ставленнические дела.

[3] В 1762 году с остаточными по этой статье поступило 11 р. 36,25 коп.

[4] См. стр. 90, примечание 5.

На содержание архиерейской катедры и на расходы, необходимые для строительных работ в монастыре, шёл прежде всего складный рублёвый оброк с катедральных вотчин крестьян. Оброк этот давал сборов на год по 3 406 руб. 30 к.[1] Кроме сего, неокладных сборов с пустошей и мельниц поступало по 167 руб. 30 коп. Деньги эти в 1763 году предполагалось распределить так. На содержание в Москве преосвященного Сильвестра по 100 руб. в месяц, всего 1 200 рублей; катедральным служителям и монашествующим в жалованье 512 р. 50 к.; семинарским учителям по апробованному от Его Преосвященства о семинарии штату половинное от катедры жалованье 224 руб. 50 к.; в Переславскую провинциальную канцелярию с мельниц и рыбных ловель 6 руб. 02 к.; в консисторию за церковные земли по 1 р. 27 коп. А всего в расходе предположено было 1 944 руб. 29 к. Оставшиеся деньги имели быть расходованы на содержание архиерейского дома и разные по нему потребности.[2]

По-прежнему много обходилось архиерейской катедре содержание певчих. Сумм, собранных с епархии на содержание певчих, часто не хватало, вследствие чего приходилось делать заимствование на эту статью расхода из других источников. В 1762 году, например, было *с. 61* куплено материала для пошитья певческого парадного платья на 138 р. 67 коп.[3] В том же году заимствовано было из суммы на содержание архиерейской ризницы 99 руб. 39 коп. в уплату в Москве за разные покупки для певчих.[4] В 1763 году консистория вынуждена была по недостатку средств обратить внимание на то, что некоторые из певчих изодрали в год по четыре пары сапог, и вошла с докладом к епископу Сильвестру об ограничении выдаваемой обуви и одежды известною нормою. Именно, положено было каждому певчему выдавать по две пары сапог, по одной паре башмаков, по две пары чулков, по одним рукавицам с варегами и по три пары рубах, и кроме того, «чтобы они ту обувь и рубахи не так как прежде, но со всею бережливостью носили и на целый год ставать им она могла», поручено было за ними смотреть канцеляристу Камневу, «яко тем смотрением по семинарии точно одолженному и, если что усмотрит хотя мало ветхое, то не допуская, чтобы совсем оно развалилось, велеть починивать, и что на оное ныне и впредь потребно будет денег, также и на верхнее платье — кафтан, шубу и прочее, о том заблаговременно, не доводя самих тех певчих до просьб, об оном представлять в консисторию письменно». В дополнение к этому консистория определила: «о певчих в катедральное домовотчинное правление, а о живописных учениках в семинарскую экспедицию послать указы, коими велеть тех *с. 62* певчих и живописных учеников пищею довольствовать, а живописных учеников в одежде содержать в силу прежняго определения, конфирмованнаго Его Преосвященством 18 марта 1763 года».[5]

Новый набор певчих произведён был при епископе Сильвестре в 1763 году. По распоряжению консистории, всем семинаристам приказано было явиться в назначенный день в консисторское присутствие, и здесь их освидетельствовал в голосах певчий Гавриил Крылов. Годных к поступлению в архиерейский хор оказалось из семинаристов мало. Тогда произведён был выбор и освидетельствование в голосах священно-церковнослужительских мальчиков г. Переславля, а потом посланы были во все духовные правления указы о высылке в консисторию детей духовенства, годных к поступлению в архиерейский хор. Присланных в консистории переосвидетельствовал тот же певчий Гавриил Крылов.[6] Таким путём набрано было 42 человека. Всех их подразделили на три группы или на три покоя по степени грамотности и поручили для обучения опытным певчим, под общим наблюдением ризничего иеромонаха Алипия. Обучающим запрещено было как наказывать кого-бы то ни было из набранных детей без ведома ризничего, так и куда бы то ни было увольнять их. Для обучения назначены были определённые часы.[7]

---

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 447.

[1] Крестьянский оброк при епископе Сильвестре, как можно видеть из приведённых цифр, был уменьшен.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 311.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 280, 294, 329.

[4] Там же, № 664.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 272.

[6] Там же, № 281, 630..

[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 20.

с. 63 Главная роль в обучении мальчиков архиерейского хора принадлежала упомянутому выше певчему Гавриилу Крылову, произведённому епископом Сильвестром во диакона. Его в 1765 году епископ Сильвестр, во время пребывания в Москве членом Московской Синодальной Конторы, взял с собою, но вскоре возвратил обратно в дом «за неисправность и невоздержность в особливый просмотр Даниловскаго архимандрита». Гавриилу Крылову приказано быть праздну диаконского чина. Архимандриту позволено было «употреблять его в одно обучение певчих с произвождением певческаго первой станицы 20 рублёваго жалованья, а в случае проступков и лености штрафовать по разсуждению и телесным наказанием, а ежели за всем тем неисправен будет, отыскать ему от консистории место дьячковское».[1] В начале следующего года Амвросий, епископ Крутицкий, просил епископа Сильвестра об увольнении Гавриила Крылова в его епархию для обучения певчих. Крылову приказано было объявить от имени Его Преосвященства: «имеет ли он желание быть в Крутицкой епархии, с тем обнадёживанием, что ежели на то согласится, то будет уволен с чином диаконства, буде же объявит, что желания его к выбытию из епархии нет, в таком случае дотоле, пока он совершенно исправит себя, поступать с ним по предписанному прежде».[2]

Введение штатов. С 1764 года материальное положение Переславской и вообще всех
с. 64 русских епархий резко изменилось. Высочайшим указом от 26 февраля 1764 года все монастырские и церковные вотчины были секуляризованы. На архиерейские дома и монастыри определены были штаты, с отпуском из государственных средств, по словам указа, «знатных», но на самом деле весьма скудных средств. Переславская епархия отнесена по содержанию к третьему классу. Всего на жалованье архиерею, монашествующим, певчим, разным служителям, на церковные потребы, ризницу и консисторию положено было отпускать ежегодно 4 232 руб. 20 коп.[3] Между тем в 50-х годах XVIII столетия с одних крестьян Горицкого монастыря собиралось около 5,5 тысяч в год,[4] не считая хлебного дохода и разных даровых изделий. Кроме вотчинного дохода, на содержание архиерейского дома и епархиальных учреждений, как мы видели, шли многочисленные окладные и неокладные сборы, взимаемые с епархии; точную цифру их определить трудно, так как они менялись в зависимости от разного рода условий, но она, во всяком случае по сравнению с штатной суммой, не была величиной малозначительной. С введением же штатов большинство епархиальных сборов было упразднено.

Отмена сборов. Именно, согласно докладу Комиссии о церковных имениях, Высочайше утверждённому 28 февраля 1765 года,

> все вышеозначенные по прежним патриаршим постановлениям и по Синодальным определени-
> *с. 65* ям положенные с священно и церковнослужителей сборы, яко то: с производимых на степени настоятельския, в архимандриты, игумены, в протопопы и иеромонахи, также с благословенных о строении и о освящении церквей, а вдовым попам и диаконам с епитрахильных, с постихарных и перехожих грамот следует отставить и тех епитрахильных и постихарных грамот не давать, кроме одних только тех, у которых настоящия при поставлении их в те чины грамоты утратятся, также и новопосвящённым и переведённым в епархии архиереям прежних данных тем священно и церковнослужителям грамот не подписывать, понеже такого обычая и в древния времена не было, и для того их в епархии отнюдь не забирать. А во время архиерейскаго в епархии своей посещения на подводы и на прочее ничего с них отнюдь не требовать, а поступать в силу духовнаго регламента непременно, точию с одних в священный чин и в церковный причет поставляемых по древнему обыкновению и по патриаршим установлениям на стол клиру сбирать с поставляемых из диаконов в попы и из дьячков в диаконы по два рубли, а с дьячков и пономарей по рублю, а более того отнюдь ни под каким видом не домогаться, да и самим во оные чины производимым ничего более означеннаго положения никому не давать. Что же следует до дачи

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 211.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 14.

[3] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 166 и следующие, № 167.

[4] См. с. 83.

> о строении и о освящении церквей грамот, то оныя давать безденежно и не делая ни малейшей в том остановки и затруднения, а при отдаче антиминсов брать только за один холст по пятьдесят копеек, а старых антиминсов не переменять, разве которые вовсе обветшают.[1]

Кроме штатной суммы, архиерейским домам и епархиальным учреждениям приходилось, *с. 66*
таким образом, с 1765 года довольствоваться небольшими сборами со ставленников, разного рода штрафными деньгами и сборами с челобитьев. О количестве штрафных денег говорилось уже выше.[2] С явочных челобитьев собиралась сравнительно незначительная сумма. В 1766 году в Переславской консистории собрано было, например, 1 руб. 50 коп., в Дмитровском духовном правлении — 4 руб. 50 коп., в Волоколамском — 25 коп., в Верейском и Гжатском — по 50 коп. В других правлениях ничего не поступало. Всего было собрано в 1766 году, таким образом, 7 руб. 25 коп.[3]

Рыбные ловли. Архиерейский дом лишился своих богатых монастырских вотчин, доставлявших, кроме значительных денежных средств, пищевое довольствие владыке и его свите, и поставлен был после введения штатов в крайне затруднительное положение даже по вопросу о доставке необходимой для архиерейского стола рыбы. В одном из доношений консистории по этому поводу говорилось так: «За неимением при здешнем Переславском архиерейском доме рыбных ловель, кроме непротечных небольших прудов, оставленных в штатном положении, для стола архиерейскаго, как бы мало не случилось, и домовую монашествующую братью снабдевать хотя временно каковою ни есть рыбою вовсе нечем». *с. 67*
Ввиду такого положения консистория 5 ноября 1764 года обратилась в Коллегию Экономии с просьбою об отдаче архиерейскому дому бывших за Переславским Даниловым монастырём при с. Усолье и д. Савельевой рыбных ловель по невеликим двум озёрам — Савельевском и Сомине и по речкам Нерли и Вёксе. Коллегия Экономии разрешила пользоваться означенными рыбными ловлями, но из оброку, за плату с торга, производящегося чрез каждые четыре года. Архиерейский дом платил за эти ловли по 12 руб. 40 коп.[4]

Архиерейское подворье. За архиерейским домом после введения штатов осталось в Москве подворье, находившееся за Мясницкими воротами, в Земляном городе, в приходе Харитония Исповедника, в Фокине улице. Подворье приобретено было Горицким монастырём по разным купчим в первой половине XVIII столетия. При секуляризации церковных вотчин Московское подворье оставлено было за архиерейским домом ввиду возможных случайных приездов владыки в Москву, но удержалось за архиерейским домом недолго. В 1771 году во время бунта московской черни оно было «разорено и растащено». Архиерейское домовое правление, «за неимением к тому суммы, вновь строить признало для себя в безвыгодную тягость» и обратилось чрез консисторию в Государственную Коллегию Экономии с просьбою «взять оное подворье под своё ведение к поступлению с ним по своему благоусмотрению». *с. 68*
Подворье было, кончено, взято.[5] Непрактичность и ошибочность такого шага в XVIII столетии органами епархиального управления ещё не могла быть предусмотрена.

Ассигновка денежных средств на достройку зданий в Горицком монастыре. Как отразилось введение штатов на содержании Переславской духовной консистории, говорилось уже раньше. Не менее печально сказалось оно и в области начатого в архиерейском доме строительства. 1 июля 1766 года, по определению епископа Сильвестра, духовная консистория обратилась в Государственную Коллегию Экономии с просьбой об отпуске в дом Его Преосвященства необходимой суммы для достройки неоконченных церковных зданий, именно — на достройку соборной церкви с Гефсиманиею и двумя приделами, на возобновление трапезной церкви с трапезою и каменных, где было вотчинное правление,

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 266—268, № 226.

[2] См. стр. 186.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1766 г., по описи № 2, дело № 93.

[4] Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 2, дело № 51.

[5] Архив Переславской духовной консистории. 1772 г., по описи № 1, дело № 126.

покоев, Николаевской церкви с палатами, оградою и башнями и на постройку вновь колокольни. Коллегия Экономии поручила архитектору, определённому для постройки колокольни Свято-Троицкой лавры, князю Ухтомскому, составить план и смету на работы в Горицком монастыре. Князь Ухтомский послал для осмотра зданий Горицкого монастыря состоявшего при нём гезеля Метлина. Гезель Метлин в декабре 1766 года сделал опись ветхостей Горицкого монастыря и составил план и смету нужнейших построек. По этой смете на исправление всяких ветхостей в Горицком монастыре и достройку начатого требовалось
с. 69 9 557 р. 76 к. Но на том дело и остановилось. 25 апреля 1767 года эконом архиерейского дома иеромонах Иоанникий сообщил, что домовое архиерейское правление до сего времени каких бы то ни было известий ни от Ухтомского, ни от Коллегии Экономии не имеет, а между тем «самонужнейшия церковныя и домовыя строения ныне приходят не только в вящшее обветшание, но и в разрушение». Только в 1770 году из Государственной Коллегии Экономии получен был указ об отпуске на починку в архиерейском доме домовых и церковных ветхостей и на построение вновь колокольни денежной суммы. К сожалению, ассигновано было не 9,5 тысяч, как требовалось по самому скромному расчислению Метлина, а 500 руб., то есть максимальная цифра, которую на основании Высочайшей инструкции могла отпустить на церковное строение Коллегия Экономии. Переславской консистории напомнили при этом, что согласно штатам в ведение Переславской епархиальной власти ежегодно отпускается в числе 4 232 руб. 20 коп. 400 руб. на починку церковных зданий. К августу 1773 года ассигнованные деньги вместе с отпускаемыми ежегодно по штату 400 р. были издержаны; отчёт о стройке отослан в государственную счётную экспедицию.[1]

Грандиозные строительные планы преосвященного Амвросия не получили, следовательно, своего полного осуществления. Удобное время для приведения постройки в окончание было опущено. С введением штатов материальное положение Переславской епархии значительно
с. 70 изменилось к худшему, и затеянные в широком масштабе постройки пришлось сократить до возможного минимума, а частью оставить и совсем неоконченными.

Богадельни. В Высочайшем указе о штатах был особый пункт, относящийся к содержанию богаделен при архиерейских домах.

> При архиерейских же домах, — говорилось в указе, — для всяких разночинцев самых увечных и пропитания никакого достать, а при том и родственников никого, которые б пропитать их могли, не имеющих, учредить особливыя богадельни... Всем же тем богадельням состоять на таком основании, чтоб число богаделенных обоего пола людей содержано было при первом архиерейскаго дома классе по 50, при втором по 30, при третьем по 25 человек, с жалованьем на каждаго действительно в тех богадельнях будущаго человека по 5 рублей в год; и того имеет быть в 26 епархиях двадцать же шесть богаделен, а богаделенных обоего пола 765 человек, на них суммы по 5 рублей каждому; а всего 3 825 рублей, которая б сумма употребляема была на таких непременно, которые в те богадельни из самых неимущих и увечных приняты, и действительно в оный штат вмещены будут; и для того, чтоб никто ни под каким видом по улицам не шатались, и милостыни просить не отваживались, всем полицейским командам, в силу указов, наиприлежнейшее иметь смотрение.[2]

В Переславской епархии ещё до введения штатов издано было относительно богаделен
с. 71 особое распоряжение епископа Сильвестра. На консисторском доношении о богадельнях им, вскоре по вступлении на кафедру, было положено определение:

> Все состоящия в Переславле и других епархии Переславской городех где есть богадельни принять в своё ведомство и попечительство, и описав наличное строение и собрав о богаделенных (кроме Переславля) от духовных правлений подлежащия ведомости, поручить их в должное смотрение и призрение в Переславле протопопу, а в прочих городех духовным правлениям, которым во объявленных богадельнях для жительства оставить мужеска пола тех только, кои ни за кем в подушный оклад не положены, и о вольности их безсумнительные письменные виды имеют, а жён с такими же письменными видами уволенных, и точно в богадельни на жительство

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 1, дело № 77.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 182—183, № 167.

> указами определённых, а крепостных, чьи б они ни были, мужска и женска пола, с письмами и без писем, в богадельнях живущих, отослать на прежния их жительства с пашпортами.

Такие богадельни до введения штатов обычно строились на средства и по желанию приходских людей, причём на открытие богаделен испрашивалось благословение и разрешение епархиальной власти. Так, в 1763 году дано было разрешение на постройку каменных богаделен с часовнями при Гжатском соборе и Богоявленской церкви гор. Гжатска. Та и другая богадельня выстроены были на кошт прихожан по их желанию.[1]

После введения штатов в положении всех таких богаделен произошла существенная перемена. Согласно штатному положению, в городе Переславле в зданиях упразднённого *с. 72*
Борисоглебского, что на Песках, монастыря учреждена была особая епархиальная богадельня и в ней помещены жительствовавшие в Переславских градских богадельнях обоего пола разночинцы. За учреждением такой богадельни три градских переславских богадельни и четвёртая Феодоровского монастыря остались праздными. Возникал вопрос, продолжать ли им существование на прежних основаниях и, в случае упразднения, как поступить с их зданиями? Епархиальная власть в 1767 году при разрешении этого вопроса обосновалась на одном из пунктов Высочайшего указа о штатах, где говорилось: «в прочих городах таковыя богадельни содержать от магистратов, или кто пожелает на своём коште... точию по разсмотрению полиции, чтоб оныя в пристойных и от проезжих дорог в отдалённых местах были; а в те вольныя богадельни не инако принимать, как с дозволения духовных консисторий».[2] На этом основании все переславские богадельни, как внутри города и на большой дороге, епископ Сильвестр приказал упразднить, «и строения их, дабы праздно не стояли и напрасно не гнили, продать с торгу за настоящую цену охочим людям, а по продаже принятыя за то деньги употребить на исправление отведённых в упразднённом Борисоглебском монастыре богаделенных покоев». Иконы, имевшиеся в этих богадельнях, приказано было отдать в Переславский градской собор.

Кроме указанных четырёх богаделен, в Переславле имелась ещё одна богадельня при Переславском Николаевском монастыре. Эту богадельню, как состоявшую в отдалённости *с. 73*
от проезжих дорог, позволено было оставить, но под условием, если только её согласится поддерживать Переславский магистрат, или кто-нибудь из градских обывателей. О богадельнях, находившихся в Гжатской пристани, о которых была речь выше, а равно состоявших и в других городах епархии, епископ Сильвестр распорядился представить ему точные известия, дабы на основании таких известий можно было решить вопрос о дальнейшем существовании этих благотворительных учреждений.[3]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 493.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 182, № 167, 20 пункт, 3 абзац.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1767 г., № 6.

Глава 4

Переславская семинария. — Проект о купножительстве и порядочном содержании учащихся. — Поступление семинарских денег и взыскание недоимок. — Семинарские приходо-расходные книги за 1764 и 1765 гг. — Отпуск штатной суммы. — Содержание семинарии при новых условиях. — Учебный распорядок. — Ректоры и учителя. — Школа живописи. — Обучение грамоте, письму и пению. — Дисциплинарно-инспекторский надзор. — Число учащихся. — Исключение из семинарии непонятных. — Наборы учеников. — Отпуск на каникулы. — Неявка с вакаций и бегуны. — Дело о семинарском пашквиле.

Переславская семинария. Тяготясь мелочными дрязгами епархиальной жизни, епископ Сильвестр, прошлая жизнь которого посвящена была главным образом учебно-воспитательному делу, с особенною любовью относился к Переславской семинарии. Достигши
с. 74 значительного образовательного уровня ещё при епископе Амвросии, она при Сильвестре являлась несомненно одною из лучших провинциальных семинарий первых годов царствования императрицы Екатерины II.

Проект о купножительстве и порядочном содержании учащихся. Ко времени вступления на Переславскую кафедру епископ Сильвестр был достаточно знаком с состоянием Переславской семинарии, хорошо знал недочёты, ближайшие нужды её и вскоре же по вступлении на кафедру сделал консистории предложение выработать проект «купножительства и порядочнаго во всём учащихся семинаристов содержании».

Приступая к выработке такого проекта, консистория устанавливает прежде всего наличное число учащихся в Переславской семинарии. Оказывается к началу 1763 года всех семинаристов числилось 62 человека, в том числе на казённом содержании 28 и на своём 24. Кроме семинаристов, в семинарии обучалось 5 певчих и 12 учеников живописной школы.[1] Общее число учащихся в Переславской семинарии, включая певчих и учеников живописной школы, простиралось, таким образом, до 80 человек. На казённом коште содержались, кроме сирот, дети тех родителей, у которых при церквах состояло меньше ста дворов. Содержавшиеся на своём коште жили в обывательских домах подмонастырных слобод, где за ними, по словам консистории, «не точию удобнаго в их содержании и в прочем состоянии присмотра по заочности навсегда иметь не можно, но случаемыя народнаго шума
с. 75 окказии к учению прилежать им мешают, а вместо ожидаемой в них, како воспитанных при семинарии, пользы, по таковому за ними неприсмотру от своеволия не сделалися бы они в нравах развращёнными». Вследствие дальности расстояния и распутия, своекоштные ученики часто в доставке им от отцов на содержание провизии претерпевали замедление и остановку, благодаря чему «в содержании их не без скудости, а в учении не без препятствия бывает». Да и тем, которые содержались на казённом коште, пища и одеяние, по словам консистории, производятся скудные, как это самоперсонально от Его Преосвященства довольно просмотрено. Главною причиною указанной скудости является отсутствие особого надзирателя, который бы присматривал за приходом и расходом денег и выдачей пищи

[1] В числе последних церковников 8, певчих 3 и поддьяков 2.

и одежды. Правда, в последние годы некоторым из семинаристов в поощрение к учению и к лучшему содержанию давались праздные причетнические места с получением по тем званиям доходов. Но консистория находит такой порядок обеспечения учащихся практически трудно осуществимым и педагогически неприемлемым. Священно-церковнослужители, по словам консистории, доход от семинаристов утаивают, а иным и вовсе не дают. «А чрез такую утайку первые удержанием неопределённаго дохода грех себе приемлют, а другие, обнадеясь на готовыя определённыя им места, далее к учению прилагать труда не будут, производимой же им во время учения кошт туне потерян быть может, а по выпуске их из семинарии не к тем уже местам, кои им для лучшаго их содержания были определены, но избирая довольнейший старается получить, уступая прежние сделками родственникам своим, *с. 76* как точно оказал ученик риторики Гаврило Спасской». — Весь годовой сбор на семинарию, по справкам, наведённым в консистории, определился в 1763 году за год в 1 594 руб. 14,5 коп. С остаточными от прошлых годов к 17 февраля 1763 года имелось в наличии 5 207 р. 23¼ коп. Применительно к прежнему расписанию, на 40 человек учащихся и на содержание учащих и служителей предполагалось отпускать в год 1 555 р. 99¼ коп. 38 р. 15¼ коп., остававшиеся от годового поступления, имели идти на починку зданий и строения.

Приняв во внимание все приведённые данные и руководствуясь законоположениями Духовного Регламента, консистория проектировала к возвышению образовательного уровня семинаристов и к улучшению их материального положения принять следующие меры.

1) Из обучающихся семинаристов ректору выбрать 40 человек благонадёжных и оставить их в учении, остальных непонятных и к учению неспособных, чтобы не терять на них напрасно кошту, из семинарии выпустить. За оставшимися в учении не утверждать священно-церковнослужительских мест в отвращение лени.

2) Всех выбранных 40 человек, кроме певчих, содержать на казённом коште.

3) Всем им жить в том доме, где ныне живут содержащиеся на казённом коште, так как по Духовному Регламенту (п. 10) семинаристам не точию вне семинарии жительства иметь не дозволено, но и до 3 лет из семинариум испускать их никуды не повелено.

4) Каждому из семинаристов давать на каждый год кафтан серого сукна, две рубашки, *с. 77* двои порты, двои чулки, двои башмаки с железными пряжками, да на два года шубу, шапку, шляпу, две простыни, войлок холстом обшитый, одеяло серого сукна холстом обшитое, штаны ирошные, рукавицы козловые, чёрные с варигами и кушак. Дети родителей состоятельных, в приходе которых имеется свыше 100 дворов, обязаны за сшитую одежду и обувь уплачивать ежегодно по 8 руб. Взамен этого предполагалось сложить с их отцов плату в семинарский сбор, которую выплачивали священно-церковнослужители всей епархии. От этого сбора они освобождались на всё время, пока их дети обучались в семинарии.

5) Для пропитания семинаристов каждому из них отпускать хлеба по 21 фунту в неделю. [8,6 кг] В воскресные и праздничные дни каждому пшеничную булку, весом по одному фунту. В мясоед в двунадесятые, воскресные и праздничные дни по фунту мяса на каждого человека в шти и по полуфунту в сладкую уху и по четверику [26 л] овсяных или яшных или гречневых круп и по 3 фунта масла коровьего. [1 229 г] В прочие дни по 1 фунту мяса во шти и по четверику на кашу овсяных или яшных или гречневых круп и по 3 фунта масла коровьего. В постные дни в двунадесятые, высокоторжественные и воскресные дни по фунту на каждого коренной осетрины или белужины, шти со снятками или постным маслом, ухи со свежей рыбой и в кашу по четверику овсяных или яшных или гречневых круп и по три фунта масла постного; в простые же дни постные шти со снятками или с маслом постным, горох и каша толоконная или из круп яшных или гречневых с маслом же постным. *с. 78*

6) В той же семинарии обучать певчих до 12 человек и содержать их, кроме вышеозначенной семинарской, на особливой и лучшей от катедры пище; одеждою же снабдевать их в счёт особых собираемых консисторией доходов.

7) Для ведения приходо-расходных книг и наблюдения за содержанием семинаристов учредить особую должность прокуратора и при ней копииста. Для записи прихода и расхода денег выдать из консистории за скрепою и печатью приходо-расходную книгу; завести в консистории или в казённом приказе особую экспедицию, которая бы ведала семинарские сборы и отсылала бы при указе из консистории деньги для соответствующей записи на приход. Прокуратор должен состоять в команде духовной консистории в числе её служителей. В случае каких-нибудь предосудительных проступков прокуратора ректор семинарии должен

входить на него с представлением в консисторию. Жалованья прокуратору назначается из семинарских средств 30 руб. в год и 18 четвертей хлеба; [3 778 л] копиисту столько же хлеба и 15 руб. деньгами.

8) Для нужд семинарии необходимо нанимать двух портных, двух поваров, одного столяра, четырёх истопников (из которых двое были бы каменщиками и двое сапожниками), и двух портомойниц. Всем этим служащим жалованья выдавать по 3 руб. в год, да за хлеб деньгами, считая на каждого по 6 четвертей ржи и по 6 четвертей овса. [1 259 л]

с. 79 Епископ Сильвестр утвердил постановление консистории, но при этом сделал существенные дополнения, касающиеся устройства бани, врачебной помощи учащимся, содержания учителей. Дополнения эти свидетельствуют о том, что епископ Сильвестр хорошо знал нужды духовной школы и близко принимал их к сердцу. В видах улучшения материального содержания семинарии епископ Сильвестр нашёл возможным поступиться даже средствами свой кафедры.

> Число семинаристов, — написал епископ Сильвестр на консисторском проекте, — оставить такое, какое годных и надёжных ко обучению по экзаменованию ректора окажется, однако желалось бы не менее 50 человек содержать, буде можно. Кроватки оставить до постройки новой семинарии, ибо их ныне поместить негде. Рубашки и портки шитые давать крайне безродным, кои во время отпусков на вакации имеют нужду оставаться при семинарии, а прочим родственников имущим — холстом при отпуске на вакации. Вместо того, что давать двои башмаки с пряжками, вышней школы ученикам — по две пары сапогов, а меньших школ ученикам — чирики. Шапки, шляпы, рукавицы, чулки давать сиротам крайне безродным, а у коих отцы и матери есть хотя небогатые, однак в таких мелочах снабдевать могут. Простыни и одеяла отменить же, как не гораздо нужное. А понеже при нынешнем о семинарии учреждении не то намерение предъприемлется, чтоб священно-церковнослужителей тех, которые детей своих в семинарии содержат и впредь содержать могут, без просьб их в содержании том облегчить и всю
> *с. 80* тягость на семинарскую сумму сложить: но чтоб семинаристов в сходство с Духовным Регламентом в купножительство под общую регулу свесть и от развратности нравов предохранить; то платьем и обувью содержать им детей своих, как напредь сего содержали, однак, чтоб не хуже было семинарскаго, а вместо квартиры, пищи, свеч, бумаги, чернил брать с них по самой нижней прежняго их содержания цене по шести рублёв в год. А от платежа семинарскаго сбору их не увольнять, дабы помешательства в счетах погодной суммы не произошло. Буде же бы кто из родителей, содержащих своим коштом детей, вознерадел снабдевать их одеждою или обувью, таковым искупать потребности из кошту семинарскаго, а по исправлении того, что употреблено будет, взыскивать с родителей безопустительно. Жалованья прокуратору и подьячему довольно первоозначеннаго без наддачи за хлеб. Из служителей семинарских довольно быть портному одному, а столяру делать нечего. Портомойку нанять одну ж, да семьянистую, а жалованья ей определить денег по четыре рубли по 50 коп., на хлеб за пять четвертей, или как договориться удобнее. Сверх означенных во определении потребностей построить для семинаристов просторную и хорошую баню у пруда, что против семинарии, или где пристойнее разсудится, и во время мытья в бане из тех же служителей, выбрав человека добраго, которой других состоятельнее, поручить ему смотрение над маловозрастными семинаристами, чтоб они мылись и чесались и платье б выжаривали, и что клонится может к болезни отвращал б. А по-
> *с. 81* неже по многолюдству семинаристов и по неосторожности юнаго возраста, частые случаются болезненные припадки, а лекарь в городе Переславле имеется, то в сходство с Духовным Регламентом нанять его к семинарии, а по приличию и к дому для монашествующих и служителей, тако ж и для консисторских служителей, подговорясь с ним, за что подрядится, и от каждаго места по равным частям чинить плату, а лекарства, какия самим запасать нам для обыкновенных болезней, и каких в чрезвычайном случае от него требовать, в том особливым договором условиться; для удобнейшаго же больных по наставлениям лекарским присмотру в его отлучки придать к нему в ученики двоих из семинаристов высшей школы, кои к продолжению учения окажутся не столь надёжны, а к тому лекарскому делу способны и охотны. А понеже по росписанию консисторскому против приходу за расходом имеет оставаться денег весьма мало, а для построения семинарии и на покупку книг и для прочих нечаянных надобностей неминуемо надлежит быть всегда довольной сумме; того ради (хотя в катедральных сборах состоит скудость) однако отныне впредь учителем жалованье производить из катедральных и из семинарских доходов по равным частям. Сверх же того учителем из холостых, живущим при семинарии, дабы они в приготовлении для себя пищи стужения в мелочах не имели, производить (им) из катедры хлеб, капусту, или бураки, также квас, или кислые шти вседневно, количеством по разсуждению ректорскому, да полпива или пива в простые дни по бутылке, а в воскресные и праздничные
> *с. 82* по две; а прочие к пище припасы иметь им учителям от себя. Приготовлять же оное по их

> требованиям тем же семинарским поварам безотрицательно, и для услужения им быть из истопников по человеку. В добавку к вышеписанным напоминается, чтоб при учреждении трапезы семинаристам столы, где трактамент свой иметь будут, были чёрною клеёнкою скрыты и чтение б производилось с другими к благочинию принадлежностями по прежнему учреждению. В прочем поступить консистории по изображённому в определении мнению. Марта 18 дня 1763 года.[1]

Главным пунктом всего определения является, конечно, устройство семинарского общежития, вызванное желанием епископа Сильвестра упорядочить учебно-воспитательный надзор за всеми учащимися. Естественно, что наиболее благоприятными последствиями новое распоряжение епархиальной власти отразилось на положении учеников квартирных, содержавшихся вследствие скудости материальных средств при самых неблагоприятных условиях. Вот для примера показание одного из отцов (диакона пог. Введенского, что на Чёрной Грязи, Дмитровской десятины), содержавшего сына своего — Василия Козлова на квартире в 1761 году.

> Оставил я ему, сыну своему, для содержания его деньги 20 коп., да яшной муки 4 четверика, [105 л] пшеничной четверик, и наняв катедральнаго Горицкаго монастыря в подмонастырной слободе у вдовы по отчеству Васильевой дочери, а как имя и прозвание — не упомню, для призрения его квартиру, с тем договором, чтобы она его щами, солью и квасом довольствовала и на него рубашку с порты вымыла, ценою в год по 1 руб. 40 коп.[2] *с. 83*

Правда, отец ученика Козлова, о котором шла сейчас речь, принадлежал к числу малоимущих.[3] Возможно, что здесь дана минимальная цифра квартирного содержания ученика. Но и в определении епископа Сильвестра годовое довольствие учащихся квартирою и пищею определяется средней цифрою в 6 рублей. Насколько улучшилось содержание учащихся с введением «купножития», видно из того, что на довольствие пищею и прочим каждого ученика, кроме одежды и обуви, в 1763 году, когда общежитие уже функционировало, издержано было по 17 рублей 97,5 коп.[4]

Поступление семинарских денег и взыскание недоимок. Отцы принятых в общежитие детей, как и предполагал епископ Сильвестр, поняли новое распоряжение епархиальной власти в смысле освобождения их от всяких денежных обязательств по содержанию своих детей, и взыскание шестирублёвого взноса, особенно в первый год, происходило не без затруднений.[5] Но при Сильвестре, как и при Амвросии, консистория принимала самые энергичные меры к взысканию всякого рода семинарских недоимок, и с этой стороны семинария не терпела какого-нибудь ущерба. Некоторая заминка в поступлении семинарских сборов произошла только в 1764 году. Косвенный повод к этому дан был одним *с. 84* из распоряжений епархиальной власти. Епископ Сильвестр, находя, что денежный сбор с монастырей на семинарию, определяемый числом состоящих за монастырём вотчинных душ, не согласуется с 11 пунктом Духовного Регламента, где сказано от «знатнейших в епархии монастырей брать всякаго хлеба двадцатую долю», распорядился отправить во все монастыри из консистории указы с требованием справок, сколько при каждом монастыре в 759, 760 и 761 годах было в приплоде всего монастырского хлеба, «к усмотрению, не возможно ли будет лучшаго в том монастырском сборе учинить постановления». Составление вероятных ведомостей во всех епархиях, где ни предпринималось, сопровождалось большими проволочками и давало результаты сомнительной достоверности. Так произошло и на этот раз. Ведомости, хотя и были собраны, но по рассмотрении консисторией «некоторыя явились против требования недостаточными». А между тем монастыри Никитский, Борисоглебский на Горе, Волоколамский Иосифов, Можайский Лужецкий, Верейский Спасский, Петровский, Дмитровский Борисоглебский, в ожидании нового «установления», семинарских денег за 1763 год не представили. Консистория, с утверждения епископа Сильвестра, постановила, ввиду

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 126.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 211.

[3] Впоследствии, когда сын его поступил в общежитие, шестирублёвый взнос на пищевое довольствие сына с него взыскивали «за скудостью его» по третям.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1763 г., № 53.

[5] См., например, там же.

предстоящей выработки генеральных штатов, держаться в сборе семинарских денег прежней практики, а перечисленным монастырям прислать недоимочные деньги беззамедлительно, не ожидая повторительного указа.[1]

с. 85 Таковы были средства и условия содержания Переславской семинарии в годы, ближайшие к переходу духовно-учебных заведений на штатный оклад. Более детальное представление о ходе денежных поступлений и о расходовании семинарских денег дают нам сохранившиеся за 1763—1764 годы приходо-расходные книги, ведённые рукою прокуратора.[2] Кроме цифровых данных, в них находим по местам бытовой материал, восполняющий те скудные сведения, какими мы располагаем относительно тогдашней семинарской жизни.

Семинарские приходо-расходные книги за 1764 и 1765 годы. В 1763 году прокуратором состоял канцелярист Иван Каменев. Денег на семинарию за этот год поступило 1 348 руб. 74 коп. В том числе значатся поступления: 13 руб. 20 коп., взысканных за утайку при свидетельстве закащиком церковной земли; 6 руб. 24 коп., взысканных с закащиков за дачу ставленникам несправедливых свидетельств; 405 руб. 60 коп., собранных за розданные в церкви книжицы «Истинные основания христианской веры»[3] и другие. С церквей и монастырей в сборе за этот год числилось всего из общей суммы поступлений — 842 руб. 48 коп. В остатке к 1 января 1763 года имелось семинарской казны 5 187 р. 53¾ коп. Таким образом, общая сумма поступлений к 1 января 1764 года определилась цифрою 6 536 руб. 27¾ коп. — Из этих денег на содержание семинаристов пищею издержано 438 руб. 64¾ коп.
с. 86 На строительные надобности при семинарии 658 руб. 95¼ коп. Деньги эти были употреблены главным образом на покупку, перевозку и приспособление под помещение семинаристов двух новых братских келий, купленных и перевезённых из приписной к Борисоглебскому, что на Песках, монастырю Осиповой пустыни. Кельи эти взяты были по распоряжению епископа Сильвестра. Монастырю за них уплачено из семинарских сумм 70 рублей.[4] Из перечня строительных расходов в приходо-расходной книге видно, что, кроме семинарских покоев, во дворе Горицкого монастыря в том же году строилась для семинаристов баня. В числе мелочных расходов по той же статье значится плата «за сделание сундука к содержанию семинарских лекарств». Это первое указание на попытку епископа Сильвестра завести при семинарии аптеку. По производству жалованья учащим и служащим при семинарии издержано 303 руб. 2¾ коп. Жалованье выдано по расчёту:

- ректору 200 рублей в год,
- риторическому учителю — 120 р.,
- грамматическому — 50 р.,
- другому 25 р.,
- учителю живописной науки — 50 руб.,
- учителю чтения российских книг и письма — 18 руб.

Половина означенной суммы, согласно распоряжению епископа Сильвестра, выдана из средств катедрального дома. — На починку старой посуды и покупку новой издержано — 13 руб. 86,5 коп., на письменные принадлежности — 23 руб. 58¾ коп., в том числе за три ведра чернил — 62 коп. — На покупку книг и кунштов рисовальных и на дачу при покупке
с. 87 оных извозчикам — 466 руб. 48 коп. Названия некоторых приобретённых книг указаны, именно: минея месячная (25 р.), печатные псалтири (8 экз. 20 р. 80 к.), Новые заветы (10 книг 17 р. 70 к.). Об остальных книгах, приобретённых для семинарской библиотеки, сделана общая заметка: «отдано разнаго звания людям за купленныя на разных диалектах и российския книги, а какия именно значит в особливых реестрах — 340 р. 94 коп.» Делать такие солидные приобретения для своей библиотеки Переславская семинария могла, конечно, лишь благодаря тем значительным суммам, какими она располагала в остатке от прошлых

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 18 и 182.

[2] См. приложения, с. 304.

[3] Книги эти были напечатаны в счёт семинарских средств, вследствие чего и деньги, вырученные от рассылки их по церквам, поступили в семинарскую казну. (Протоколы 1763 г., № 51-б.) В 1765 году на таких же основаниях в Черниговской типографии была напечатана книга «Изложение о вере». (См. об этом ниже, с. 197.)

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 257.

годов. — Мелочные расходы (веники в баню, клеёнка, сани и другое) определились в 8 р. 97,5 к. На покупку дров — 102 р. 10 к. — На пошитье семинаристам платья — 236 р. 25¼ к. — На покупку красок для живописной науки — 48 руб. 97 коп. — На дачу лекарю и на покупку в аптеку разных принадлежностей — 1 руб. 45,5 коп. В счёт этой небольшой суммы сделана была выдача гонорарной платы лекарю за лечение ученика живописной школы (40 коп.) и приобретён необходимый инвентарь для семинарской аптеки. Инвентарь этот был в высшей степени немногосложен, а именно: ножик складной, ножницы, 4 аршина холста на пластыри, [2,8 м] гребень костяной да гребёнка роговая, глиняных 9 горшков да три кувшина и рукомойник, две чашки деревянных, деревянная лохань, подсвечник и съёмцы железные и деревянный ковш. Все эти принадлежности выданы были лекарским ученикам, которые служили помощниками лекаря при пользовании больных. — Отдано в катедральное домовотчинное правление за купленные из катедральной казны в семинарию в 748, 749, 750, 751, 761 и 762 годах на российском и разных диалектах книги *с. 88* и за построенные катедральным коштом для жительства семинаристов покои, по особой ведомости, представленной из домовотчинного катедрального правления — 568 р. 7¾ коп. — А всего в 1763 году состояло в расходе 2 870 р. 39 коп. В остатке к 1 января 1764 года имелось, таким образом, 3 665 руб. 88¾ коп.

В 1764 году в семинарскую казну поступило денег всего 883 р. 42 коп. (в том числе штрафа от священника 2 р. за чинимые дьячку и пономарю обиды). Израсходовано в том же году 4 541 р. 98 коп. — В числе расходов значится 128 руб. 79¾ к., уплаченных Переславскому провинциальному лекарю Августу Тейбелю за пользование больных семинаристов с 1 октября 1763 года по 1 января 1765 года; 4 руб. 25 коп. на покупку в семинарский лазаретный покой посуды и крупная цифра в 180 руб. 10 коп. на приобретение для пользования больных семинаристов лекарств. Лекарства приобретены были в Московской главной и разных партикулярных аптеках. Для приобретения лекарств командирован был специально в Москву семинарский копиист Давид Бурнашев и лекарский ученик Гавриил Спасский. — Расходы по семинарской библиотеке в 1764 году оказались ещё более значительными, чем в 1763 году. По этой статье в приходо-расходной книге записано 1 176 руб. 92 коп. Правда, в этой сумме значатся расходы по напечатанию в Черниговской типографии 1 000 книг «Изложение о вере» для рассылки этой книжки по церквам. Но и за вычетом этих 110 рублей издержки на пополнение семинарской библиотеки в 1764 году достигли такой высокой цифры, какой *с. 89* они не достигали во весь период существования Переславской семинарии. — В статье по выдаче жалованья учителям обращает на себя внимание добавочное вознаграждение им «в силу особливых от Его Преосвященства резолюцей и приказаниев». Именно, учителю протопопу Герасиму Гусельщикову «за долговременные его в разных науках труды» выдано было сукна дикого на рясу, камки голубой на полукафтанье и 30 руб. деньгами. Грамматическому учителю Петру Гжатскому «за малоопределённым жалованьем» выдано кофейного сукна на кафтан и прикладу к нему, всего на 10 руб. Катихизическому учителю соборному священнику Афанасию Ильинскому «за понесённые им при исповеди семинаристов труды» — 10 рублей. Двоим семинаристам, обучавшим низшие школы и не получавшим ничего за труды, по распоряжению епископа Сильвестра выдано: инспектору Афанасию Крылову — 28 руб., Аврамию Крапухину — 18 руб. Кроме указанных лиц, в приходо-расходной книге за этот год упоминается «надсмотрщик над поступками семинаристов Никитскаго монастыря слуга Иван Игнатьев»; ему выдано в вознаграждение за труды 12 рублей в год. — Расходы по строительным надобностям семинарии определены снова крупной цифрой 786 р. 95,5 коп. Деньги эти истрачены на внутреннюю отделку семинарских покоев и достройку бани. Кроме того, за 100 руб. куплен деревянный дом для жительства катехизическому учителю Афанасию Ильинскому. Из расходов, записанных по этой статье, можно видеть, что в 1764 году одно из помещений семинарских покоев специально приспособлялось для надобностей библиотеки. Изготовлены были шкафы, одни стёкла для которых (384) обошлись в 30 руб. *с. 90* 72 коп. — Особой статьёй помечен расход на приобретение семинарских стенных часов с боем, репетицией и числами в лаковом корпусе. С установкой часы обошлись семинарии в 57 рублей. — За всеми этими расходами остаток к 1 января 1765 года определился скромной цифрой всего в 7 руб. 32¾ коп.

Насколько можно видеть из приведённых цифровых данных, заимствованных из семинарских приходо-расходных книг, в 1763 и 1764 годах семинария израсходовала не только

годичные поступления, но и тот большой остаток, которым она располагала к началу 1763 года. Такая кажущаяся расточительность объясняется строительными нуждами семинарии, обзаводившейся собственными зданиями в ограде Горицкого монастыря, расходами, связанными с устройством «купножития» учащихся, с значительным пополнением библиотеки и прочим. Но возможно, что расточительность эта подсказывалась и тёмными слухами, ходившими насчёт введения новых штатов, когда всякого рода остатки могут быть отняты или обращены в счёт штатных ассигновок. Слухи эти, как увидим ниже, оказались не без оснований.

Отпуск штатной суммы. Первое официальное известие об ассигновке на содержание Переславской семинарии штатной суммы получено было в Переславле в феврале 1765 года. 10 февраля этого года в Переславль послан был указ из Святейшего Синода с уведомлением, что, согласно Высочайше аппробованному распределению отпущенных штатных сумм на содержание семинарий впредь до учреждения штатов, в Переславскую семинарию
с. 91 на январскую в майскую треть 1765 года назначено 544 р. 62,5 к.[1] Через некоторое время, в марте месяце, получается новый указ с требованием сообщить известие о тех остатках, какими семинария располагала от прошлых годов для приобщения этих остатков к штатной сумме. Указ этот вызван был особым докладом Комиссии о церковных имениях. Комиссия сносилась с Коллегией Экономии особой промеморией, в которой указывала, что, хотя Высочайшим повелением и велено отпустить на две трети сего года на содержание в великороссийских епархиях семинарий до 25 тысяч рублей, «но понеже де до состояния духовным местам штатов на содержание оных семинарий собираны были с монастырей двадцатая, а с церквей тридцатая хлеба части, в иных местах вместо онаго хлеба деньги, каковых де доходов уповательно и ныне некоторые остатки есть, того ради... не разсудит ли оная Коллегия потребовать о тех остатках из всех епархий, в кои по означенному росписанию на содержание семинарий денежный отпуск будет ведомостей, для причисления оных остатков к той отпускаемой сумме».[2]

На сделанный запрос семинария ответила, что в остатке от прошлого года имелось всего лишь 7 р. 32¾ коп., что остаток этот издержан был ещё в январе и что сверх того семинария в 1765 году израсходовала значительную сумму, позаимствовав её в долг
с. 92 из средств катедрального дома. Всего по 25 апреля издержано было 311 руб. 40 коп.; никаких сборов на своё содержание семинария от духовенства в 1765 году не получала.

Обещанную штатную сумму за две трети — январскую и майскую Переславская семинария получила лишь в августе, но получила без всякого вычета. В августе же 11-го числа последовал Высочайший указ такого содержания: «пока совершится новое учреждение о всех епархиальных семинариях, о которых Мы теперь прилагаем непременное попечение, то повелеваем продолжать старое оным содержание впредь до указу».[3] Основываясь на этом указе, семинария в августе начала хлопотать об отпуске штатных средств и на сентябрьскую треть. Таким образом, хотя и с большим опозданием, но в 1765 году Переславская семинария получила на своё содержание всю штатную сумму в размере 816 руб. 93¾ коп.[4]

Содержание семинарии при новых условиях. Штатная сумма, отпущенная на Переславскую семинарию, как и в других семинариях, значительно была ниже той, которая собиралась с церквей и монастырей епархии. В Переславле, как и в других местах, ввиду сокращения приходных поступлений должны были обратиться к сокращению состава учащихся и количества казённокоштных. Определением епископа Сильвестра от 3 октября 1765 года
с. 93 повелено было «до воспоследования о семинарии штатов на казённом коште семинаристов содержать из всех школ лучших и понятных в учении 20 человек».[5]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1765 г., № 57.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 268—269, № 228.

[3] Там же. — № 256, с. 297.

[4] Подробнее об этом см.: Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1765 г., № 57.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1767 г., № 15.

Но и этих 20 человек не представлялось возможным содержать полностью казённым столом, как это делалось раньше. С утверждения епископа Сильвестра в Переславской семинарии, как и в других, на покупку муки и всякого рода харчи, одежду, обувь и прочее стали производить казённое «жалованье» в размере 9 рублей в треть ученику риторического класса и 7 рублей грамматических классов.[1]

Насколько сократился семинарский бюджет с ассигнованием штатной суммы, можно судить по счётной выписке из семинарских приходо-расходных книг за 1868 год. В этом году на жалованьи состояло 9 человек риторического класса, 13 человек высших и низших грамматических классов. Всего им выдано было в год 516 р., причём в этой сумме засчитано им пособие на одежду и обувь, чернила, свечи и дрова. Жалованья учителям выдано 250 рублей. Именно, ректору 100 руб., учителю риторики и пиитики протопопу Гусельщикову 80 руб., учителю священнику Афанасию Ильинскому 35 руб. и инспектору школы ученику Сергею Ансерову 35 руб.[2] Для топления семинарских покоев и «варения про семинаристов» кушания поварам двум человекам выдано было 24 рубля. Консисторскому канцеляристу Ивану Шишкину, определённому к приёму из Переславской канцелярии денежной суммы *с. 94* и к выдаче её семинаристам в расход — 15 руб. в год. На починку семинарских покоев и библиотеку в год 11 руб. $93\frac{3}{4}$ коп. Всего 816 руб. $93\frac{3}{4}$ коп.[3]

Как видим, из семинарской приходо-расходной совершенно исчезли статьи по лечению учеников и оплате лекаря, по вознаграждению учителям и ученикам, нёсшим обязанности надзора за низшими классами; выдача на пропитание и одежду сокращена до минимума: раньше одно содержание столом обходилось в 17 рублей в год, теперь на полное содержание учеников низших классов ассигновался всего лишь 21 рубль. На ремонт семинарских зданий и пополнение библиотеки шли лишь остатки, выразившиеся в высшей степени скромной цифре — 11 руб. $93\frac{3}{4}$ коп.

Таким образом, введение штатов сопровождалось для Переславской семинарии последствиями тяжёлого характера. Тот широкий размах, с которым епископ Сильвестр начал улучшение разных сторон семинарской жизни, поневоле должен был сократиться. Пришлось, наоборот, подумать об ограничениях и всякого рода экономии, что в свою очередь отразилось на всём ходе учебно-воспитательного дела Переславской духовной школы.

Учебный распорядок. 10 июня 1762 года епископ Сильвестр издаёт распоряжение, которым определяется «надлежащий семинарский распорядок». Приводим это определение *с. 95* полностью.

> Разсуждая, что о Переславской семинарии и определённом в неё ректоре Даниловском архимандрите Иоанникии, о учителях и учениках и что должно о той семинарии в общую церкви святей пользу происходить, за другими многими по новости вступления моего в епархии делами, до днесь не имел я свободнаго времени надлежащаго распорядка учинить, ныне же определяется следующее:
>
> 1-е. Вышеозначенному Даниловскому архимандриту, яко ректору, над семинариею команду иметь поручается, которому во-первых изследовать всех семинаристов понятие и успех и представить особливою ведомостью, ему же учить три утра в неделю, во вторник, четверток и субботу, что от меня назначится. А понеже по малому числу семинаристов во учреждении особливой для содержания их, по примеру других некоторых епархий, конторы большой нужды не усматривается, где бы ему приличествовало присутствовать, а частые случаи могут воспоследовать, чтобы ему ректору о удержке в домах отцами детей из учеников семинарии, о побеге их, о приёме и выпуске и прочем нужда будет сношение иметь с консисториею, то для отвращения лишних переписок, дабы безостановочнее дело шло, иметь в свободные от учения дни в консистории присутствие, сколько труды семинарские не воспрепятствуют, как в особливом о том определении изображено. Ему же в воскресный день в Переславском Преображенском соборе преподавать и христианских должностей наставление по разуму Православныя Греко-восточныя *с. 96* церкве и по толкованию оныя Божественных учителей. А жалованье до дальшаго разсмотрения и сочинения обещанных указами штатов производить ему из семинарской суммы по 200 р.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1768 г., № 88.

[2] Из счётной выписки не видно, чтобы катедральный дом с своей стороны выдавал по стольку же, как это было до введения штатов.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1768 г., № 73.

в год. В прочем поступать ему в управлении школ и наблюдении учения, как в Духовном Регламенте изображено о должности ректорской, а дабы точнее успех каждаго сведом ему был, то ученические нисших школ переводы, а высшей школы оккупации брать ему помесячно к себе на разсмотрение, и по третям года, особливо же пред Пасхою, Рождеством и вакациями письменные о состоянии всех репорты мне подавать.

2-е. Реторическому и пиитическому учителю священнику Герасиму Гусельщикову учить три в седмице дни — понедельник, среду и пяток, тем порядком, как уже назначено, а в день воскресный в здешней соборной церкви для семинаристов и случающихся ставленников катихизическое учение и о должностях христианских производить. По школе же своей иметь старание, дабы каждой месяц по единой проповеди в церкви к народу имели ученики его, наченши от острейших, а для аппробации за неделю до изучения приносить ко мне на разсмотрение, а материи избирать из аппробованных (каковых довольно в покупке имеется) проповеднических книг, для чего к жалованью его прибавить ему ещё двадцать рублёв.

3-е. В грамматической школе, за невозможность одному ныне находящемуся учителю Афанасию Ильинскому исправиться, быть другому учителю Дмитрию Синьковскому, которому
с. 97 во вторник по обеде и по гречески высшей школы учеников обучать два часа, и для того жалованье ему производить одинакое с его товарищем означенным учителем Ильинским по пятидесяти рублёв в год, а кому из них первоначальные грамматическия основания, или высшую грамматику обучать, то на разсмотрение отца ректора оставляется.

4-е. В четверток по обеде высшей же школы учеников обучать географии находящемуся при келии студенту Гавриилу Иванову Бейеру, а между тем как совокупной с географиею науке и арифметике, а всего чрез два часа.

5-е. При оной же семинарии вместо назначенной, по силе Духовнаго Регламента 20 пункта, явствующаго под надписью о домах училищных на листу 60-м инструментальной музыки и оной майстера (в чём дальней нужды ныне не видится), для размножения живописных майстеров, чрез которых впредь святыя иконы к достодолжному в святых церквах благолепию могут быть писаны искусным мастерством, как то имянным блаженныя и вечной славы достойныя памяти Великия Государыни Императрицы Елисавет Петровны Самодержицы Всероссийския и во исполнение онаго из Святейшаго Правительствующаго Синода прошлаго 759 года указами точно в наблюдательство епархиальных архиереев отдано, быть живописнаго художества майстеру катедральному диакону Степану Степанову, определённому к тому ещё преосвященным Амвросием, которому обучать живописному художеству только годных и надёжных семинаристов, присовокупя к ним и певчих средовозрастных, за что ему живописному майстеру, по прежнему Преосвященнаго Амвросия намерению, как дом построить, так и жалованье денежное сверх
с. 98 получаемаго им хлеба производить против грамматическаго учителя из семинарской суммы по пятидесяти рублёв в год, с таким обнадёживанием, что буде с его стороны рачение, а с ученической добрый успех окажется, то и особливым при том награждением снабдеван быть имеет. А как он в минувшее время пристойнаго, в разсуждении сего художества, ни жалованья, ни покойной квартиры не имея, при всём том живописное учение производил: то о успехе учеников прилежно исследовав, представить от консистории особо. Которые же не годились в живописную науку семинаристы, из тех грамотных на дьячковския и пономарския места без допущения к дальшим священства степенем из семинарии исключить, а кои окажутся и в российской грамоте недостаточны, таких обучать при семинарии, содержа в услужении семинаристам.

6-е. Всех тех учеников, в том числе и живописнаго художества, кои недовольны в церковной и гражданской грамоте окажутся по пробе, обучать исправному чтению и пению Дмитрию Березину, гражданской печати по листочку каждой месяц давая и по прошествии месяца выслушивая. Також и писать исправно по академическим азбукам обучать. А дабы как на поправку почерка, так и на чтение гражданской печати и прочаго времени всем ставало, то во всех вышеозначенных школах обыкновенно полуденные и на праздники задаваемые уроки вовсе уничтожить. А семинаристов (взяв наперво пробу письма их) обязывать подписками, что ежели от Рождества до Пасхи и от Пасхи до вакации характера в писании против той пробы лучшаго
с. 99 или в чтении исправности большей не окажут, то без отпуску в домы содержаться будут здесь во обучении в то время, когда другие гулять имеют. Ему же Березину за оные труды из семинарской суммы производить жалованье, применяясь к тому, как было поступано с градскими напредь сего дьячками, кои в подобном труде упражнялись, а именно осемнадцать рублёв в год.

7-е. Инспектором вместо Новлянскаго быть для всех единому Афанасию Крылову, а в каждой жилой избе, или школе по ценсору, в реторической Петру Катышеву, в грамматической Гавриилу Спасскому, в живописной Льву Колесову, которым, ежели исправно себя весть и порученное исполнять имеют, и содержанием против прочих лучшим обнадёжить, почему их и к посвящению в стихари представить.

> 8-е. О имеющихся в здешней библиотеке книгах сочинить реестры, и держать у себя, как ректору, так и учителям, дабы какия когда книги понадобятся, брать их под росписку и для себя, и для учеников удобне.
>
> 9-е. Ежели в консистории не имеется, то от духовных правлений и заказов истребовать ведомостей, у кого из священно-церковнослужителей имеются мужеска пола и каких лет дети, и чему именно кто обучен или обучается, и генеральною ведомостью представить.[1]

В приведённом определении епископа Сильвестра, знакомого, по прежней должности ректора семинарии, с порядками Переславской духовной школы, даны руководящие указания по всем частям учебно-воспитательной школьной жизни, и указания эти за небольшими ис- *с. 100*
ключениями, вызванными особыми условиями, создавшимися введением штатов, оставались действующими во весь период правления епископа Сильвестра.

Ректоры и учителя. Ректором семинарии, как видно из этого определения, в 1762 году состоял настоятель Данилова монастыря архимандрит Иоанникий. Места ректора в Переславской семинарии освободилось за назначением Сильвестра епископом Переславским. Назначение ректора состоялось ещё до прибытия Сильвестра в Переславль во время его пребывания в Петрограде и связано было с замещением должности архимандрита в Даниловом монастыре. «Хотя, — писал епископ Сильвестр в своём указе Переславской консистории, — в епархии моей и имеются в означенный монастырь в настоятельство достойные, но в разсуждении ближайшаго от семинарии того монастыря месторазстояния... необходимость резон подала искать мне отъинуды к предписанной должности способнаго». По просьбе Сильвестра к определению настоятелем Данилова монастыря и ректором Переславской семинарии из Новгородской епархии прислан учитель богословия и еврейского языка игумен Сковородского монастыря Иоанникий (Микрыцкий), известный, очевидно, ещё раньше епископу Сильвестру.

Иоанникий Микрыцкий, в мире Иоанн, был сын диакона Новгородского уезда, погоста Успенского Сийского, родился около 1730 года. Учился в Новгородской семинарии и в 1758 году пострижен в монашество в Новгородском Антониевом монастыре ректором семинарии, *с. 101*
впоследствии епископом Смоленским, Парфением.[2]

Димитрий (Сеченов), архиепископ Новгородский, из епархии которого взят был Иоанникий, снабдил кандидата на Переславскую ректуру самой лестной рекомендацией.

> Почтенное Вашего Преосвященства писание, — писал Димитрий в конце января 1762 года, — сего генваря 29 дня получил исправно, в котором изволите требовать из Новгородской моей епархии Богословии и еврейскаго языка учителя Сковородскаго монастыря игумена Иоанникия в Переславскую Вашу епархию для произведения в Данилов монастырь во архимандрита и к правлению в семинарии Вашей ректорской должности, которой хотя и нам весьма благопотребен по честному житию своему и искусству в науках, но разсуждая прошение Ваше и обстоящую нужду, онаго игумена Иоанникия увольняю, котораго соблаговолите Ваше Преосвященство в епархию свою принять и определить в назначенные в письме Вашем послушания и в пастырской Вашей любви и милости содержать, а оной игумен в житии добродетелен, в учении доволен и тщалив и послушаниям по воли вашей готов, всегда славы Божией, а не своей пользы ищущий, о нём же правильно засвидетельствуя, остаюсь Вашего Преосвященства моего во Христе брата и служителя богомолец и слуга смиренный Димитрий Архиепископ Новгородский.

2 февраля 1762 года в церкви Всех Святых на Новгородском подворье, Васильевском *с. 102*
острове, в Петрограде состоялось производство игумена Иоанникия в архимандрита Данилова монастыря. Сообщая об этом указом консистории, епископ Сильвестр распорядился вступлением в ректорство Иоанникию обождать «до прибытия моего в Переславль», хотя учителям и ученикам велено было объявить о назначении нового ректора, которого приказано было им «признавать и в надлежащем почтении иметь», с подписками.[3]

На основании архивных дел нельзя с точностью установить, какие предметы поручено было читать в семинарии архимандриту Иоанникию. Во всяком случае нет оснований

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 391.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1765 г., по описи № 1, дело № 37.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 143.

предполагать, что Иоанникий читал курс богословия, так как после 1760 года класс богословия в Переславской семинарии, кажется, не существовал. По-видимому, он обучал в риторическом и пиитическом классе в те дни, в которые по расписанию был свободен риторический учитель Герасим Гусельщиков. Как бы то ни было, архимандрит Иоанникий оправдал как по управлению Даниловым монастырём, так и семинариею ту лестную рекомендацию, какая ему была дана архиепископом Новгородским Димитрием. В 1767 году в апреле месяце епископ Сильвестр в одном из своих указов засвидетельствовал, что архимандрит Иоанникий «кроме консисторскаго присутствия и в ректорском звании поступал ревностно и достохвально: в награждение чего определяется ему, по примеру
с. 103 прочих монастырских настоятелей, коих или знатность места, или оказанные обществу труды отличают, отныне ему, архимандриту, мантию носить со скрижалями, с таким предписанием, дабы сим преимуществом он, архимандрит, единственно за вышеизображённые труды его в бытность в оном монастыре настоятелем пользовался, а не преемственно будущие по нём сукцессоры».[1]

Архимандрит Иоанникий оставался настоятелем Данилова монастыря и ректором семинарии до перевода епископа Сильвестра на Крутицкую кафедру. 25 августа 1768 года он был перемещён снова в Новгород в Юрьевский монастырь. 17 мая 1775 года хиротонисан во епископа Олонецкого и Каргопольского, викария Новгородской епархии. 10 марта 1782 года Иоанникий уволен на покой. В ноябре 1785 года скончался.

Старейшим учителем Переславской семинарии оставался уже известный из прежней истории Переславской семинарии священник Герасим Гусельщиков.[2] Ему поручено было обучение риторическому и пиитическому классу три дня в неделю. 6 августа 1764 года священник Герасим Гусельщиков произведён был на штатную должность в протопопа к кафедральному собору с произведением ему жалованья по этой должности 60 руб. и с оставлением в учительской службе.[3] Этим не закончилось служебное движение Герасима Гусельщикова. Долговременная и усердная служба Гусельщикова нашла себе достойное
с. 104 завершение в должности начальника заведения, редко в то время предоставляемой лицам белого духовенства. По уходе из Переславля архимандрита Иоанникия семинария некоторое время оставалась совершенно без начальника. 8 октября 1768 года преемник Сильвестра епископ Геннадий определил: «учителю протопопу Герасиму Гусельщикову быть той семинарии префектом, коему как над учителями в порядочном их должности исправлении, так и учениками в учении и содержании их пищею и одеждою во всём иметь наблюдательство и попечение».[4] В звании префекта протопоп Герасим Гусельщиков с этого года стал, таким образом, во главе Переславской семинарии.

В грамматические классы для преподавания назначено было два учителя — Афанасий Ильинский и Димитрий Синьковский, с платою жалованья каждому по 50 руб. в год.

Афанасий Ильинский исправлял учительскую должность в семинарии ещё до назначения Сильвестра епископом Переславским.[5] 14 июля 1763 года Ильинский определён был священником к Александровскому девичью монастырю и службу при семинарии оставил.[6] В 1764 году священник Афанасий Ильинский переведён был к кафедральному собору, назначен экзаменатором и снова стал обучать в семинарии. За 1764 год ему было выдано годовое жалованье в размере 40 руб.

Димитрий Николаевич Синьковский при епископе Сильвестре появляется первый раз
с. 105 в числе учащих. Он, по-видимому, был питомец Переславской семинарии. В марте месяце 1762 года, по прибытии Сильвестра в Переславль, Синьковский обратился к владыке с просьбой о произведении его во священники в с. Сеньково, Дмитровского уезда. Просьба его не была удовлетворена «за неприспением совершенных лет», и Синьковский, согласно резолюции, определён был к учительству. Но учительские труды тяготили его. В декабре того же года он снова вступает с прошением уволить его как от семинарии, так и из епархии.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1767 г., № 19.
[2] Выпуск 1, страницы смотри по указателю.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 338.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1768 г., № 107.
[5] См. с. 108.
[6] Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 1, дело № 147. Дела нет.

Епископ Сильвестр на прошении наложил резолюцию: «от семинарии уволить, а от епархии на неизвестное место и без требования удовлетворять не можно».[1] С учительской должности при семинарии Синьковский переходит в Московский университет. По окончании университета некоторое время состоит информатором истории и географии в Московской дворянской гимназии. В 1768 году, уже при епископе Геннадии, опять является в Переславль, занимает учительскую должность и преподаёт латинский и эллино-греческий язык, историю универсальную и географию. Чрез год обращается с просьбою о выдаче ему увольнительного отпуска, так как «имеет намерение и охоту обращаться в других училищных местах». Епископ Геннадий разрешает «по сему прошению уволить его, дав при сём честной аттестат». Конец 1769 года застаёт Синьковского учителем риторики и пиитики в Ростовской Спасоярославской семинарии.[2] Служба Синьковского в Переславской семинарии была сравнительно *с. 106*
кратковременна и, судя по его частым переходам, едва ли особенно плодотворна.

По выходе в 1763 году из семинарии Афанасия Ильинского место его занял Пётр Гжатский, прослушавший в 1759—1760 году богословский курс в Переславской семинарии. Жалованья ему было положено всего лишь 25 рублей в год. Пётр Гжатский остался в семинарии и по возвращении на учительскую службу Ильинского, ввиду того, что второй грамматический учитель Синьковский скоро, как мы видели, с семинарской службы ушёл. С введением штатов и сокращением семинарских средств Пётр Гжатский оставляет службу в Переславской семинарии и назначается диаконом к Богоявленской церкви Гжатской пристани; в грамматическом классе остаётся лишь один священник Афанасий Ильинский.

В 1767 году в низших классах видим учителем Ивана Гусева,[3] имя которого не встречаем уже в списках учеников за 1768 год.

Для обучения географии и арифметике отведено было два часа в неделю по четвергам в послеобеденное время. Обучение этих предметов поручено студенту, находящемуся при келии, Гавриилу Иванову. Кто был этот студент, как долго преподавал порученные ему предметы, сказать нельзя. В Переславском архиве имя этого учителя встречается единственный раз в приведённом определении епископа Сильвестра.

Школа живописи. Иконописный класс, учреждённый епископом Амвросием, остаёт- *с. 107*
ся существовать и в первые годы правления епископа Сильвестра. Епископ Сильвестр только несколько изменил те основания, на которых доселе производился приём учеников в иконописное обучение. В правление епископа Амвросия класс рисования был составлен главным образом «из безуспешных и переросльх семинаристов», к изучению латинской школы непригодных.[4] Насколько эти «безуспешные в науке» обладали способностью и склонностью к рисованию, при определении их в живописную школу в особенное внимание не принималось, благодаря чему класс живописи имел в своём составе лиц, непригодных не только к наукам, но и к тому искусству, которое изучать заставляли их насильно. Так обстояло дело и в ректорство Сильвестра. Например, в июле 1761 года ученики Переславской семинарии: Лука Суслов, Герасим Воронцов, Карп Кремишенский, Иван Трубин, Матвей Смирнов, Василий Вознесенский, Иван Патокин, Сергей Ильинский, Василий Полетаев, Сергей Виноградов за непонятностью отданы в обучение живописной науке. «За крайним неприлежанием и небрежностью» к исправлению, на страх другим, по распоряжению ректора, определены были через некоторое время «к службам трудиться про учащихся семинаристов». Но потом, в ожидании их исправления, 28 декабря 1761 года они поручены были диакону Степану Степанову с подпискою, чтобы «отныне впредь к обучению сему живописному художеству прилагать будут всетщательное старание, а ежели и за тою подпискою в обу- *с. 108*
чении том старания и понятия оказывать не станут, за то подвергнут себя исключению из церковничества». Подписка, конечно, не возымела действия. 18 января следующего года все эти ученики вступили в консисторию с доношением о том, что показанный диакон их не обучает, вследствие чего «находящиеся на казённом кошту напрасно тому кошту ущерб наносят, а на собственном содержании от того имеют тягость». Запрошенный по этому

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 191.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1769 г., № 81.
[3] Списки учеников Переславской семинарии за 1767 год смотри в приложении.
[4] См. с. 110.

поводу диакон Степан Степанов показал, что «учеников этих за непонятностью обучать никак невозможно и впредь к обучению живописному художеству вовсе надежды в них нет, чего ради он диакон, дабы напраснаго труда себе не нести и в обучении понятных времени не потерять, и не обучает их». По справке, наведённой в семинарии, оказалось, что некоторые из этих непонятных и неусердных учеников имели по 22 года.[1]

Епископ Сильвестр, знакомый по своему прежнему званию с положением дела, распорядился весь этот негодный контингент живописного класса освободить от обучения живописи, грамотных из них определить на дьячковские и пономарские места, а остальных обучать российской грамоте, содержа в услужении семинаристов.

Обратил внимание епископ Сильвестр и на скудное материальное обеспечение катедрального диакона Степана Степанова. Весной 1763 года в счёт семинарских средств был куплен
с. 109 мастеру живописи Степану Степанову дом, принадлежащий вдове умершего священника катедрального собора. Дом вместе с необходимым ремонтом обошёлся семинарской казне в 180 рублей.[2]

Закончил своё существование класс живописи с введением штатов и последовавшими затем сокращениями во всех областях семинарской жизни. Ликвидация преподавания живописи шла постепенно. В июле 1764 года епископ Сильвестр распорядился учеников живописной школы обязать подписками, «дабы не одни на казённом коште содержащиеся, но и те, которые на своём коште содержатся, по выучке за научение их готовым учителем по готовым книгам, готовыми материалами и инструментами и в готовых покоях (на что всё кошт знатный издерживается), здешнему архиерейскому дому трудами своими, что определено будет, заработали, или по расценке кошт возвратили непременно».

13 апреля 1765 года семь учеников живописной школы были отпущены в домы их родителей и родственников с обязательством, чтобы они «начатое и продолжаемое казённым иждивением живописное обучение в пользу общества окончили у искусных мастеров, учиня с оными или о надлежащей плате из собственнаго родительскаго кошта или же о времени за таковое учение пристойном договоры, а по учинении тех договоров для получения пашпортов явились в консисторию». По-видимому, архиерейское приказание приведено было в исполнение с особенною настойчивостью, так как из дела известно, что некоторые
с. 110 из таких учеников действительно попали в выучку к мастерам живописи. Так, Василий Армановский поступил к живописцу Тверского архиерейского дома Дмитрию Крыжеву; Фёдор Завьялов — в Москве к служителю камергера Петра Нарышкина живописцу Михаилу Ушакову; Евгений Сабуровский — в Москве к Ивану Рурскому, состоявшему в ведомстве Московской типографии. Правда, наёмные договоры были большею частью нарушены; ученики оставили своих учителей раньше назначенных сроков, вероятно, из-за денежных расчётов, но всё-таки кое-какие познания, несомненно, были приобретены.[3]

В 1766 году класс живописи был совершенно закрыт. Учитель Степан Степанов назначен был священником к Рузскому собору. Все ученики живописной школы, исключая Ивана Вишнякова, были определены на праздные причетнические места. Ивана Вишнякова, отличавшегося талантливостью в живописном искусстве, решено было не увольнять из семинарии, а дать ему возможность продолжать своё живописное образование у того же мастера Степана Степанова. Но прошло полгода, Вишняков жил в семинарии, пользовался казённым жалованьем, а живописного обучения продолжать не мог за выбытием из Переславля Степана Степанова в Рузу. Следует прошение на имя епископа Сильвестра, на котором владыка положил следующую резолюцию:

> Понеже находившийся при семинарии живописной науки учитель Рузскаго собора священник Степан Степанов и уволен от того звания и произведён во священники по просьбе его с тем,
> *с. 111* чтобы он объявленнаго просителя Ивана Вишнякова всему тому, какое он в живописи имеет искусство, через два года в пользу общества в своём доме совершенно доучить обязался: того ради определяется помянутаго Вишнякова к означенному священнику отправить при указе из консистории, с таким подтверждением, чтобы он о совершенном онаго Вишнякова, в сходство прописаннаго обязательства, доучении всеприлежно старался. А как сия наука нужно потребна

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 63 и 97.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 194.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1767 г., № 8 и 17.

> в пользу церкви и общества и в сходственность высокомонарших указов, того для оному ученику на пищу, одежду и обувь производить консистории из собираемых на дела богоугодныя деньги каждый год по 27 рублей. Чтобы же учителево прилежание и учениковы успехи удобнее можно было видеть, то обязать онаго ученика подпискою, чтобы он по прошествии каждаго года трети присылал к усмотрению моему написанных им самим с хороших кунштов по одной картине, для чего и давать ему на покупку холста, красок и других материалов из объявленных же на дела богоугодныя собираемой суммы по три рубля в год.

Резолюция датирована 1 февраля 1768 года. Вскоре последовал перевод епископа Сильвестра на Крутицкую кафедру, и Вишняков в течение года, вместо 27 рублей, получил только 10 рублей. В январе 1769 года Вишняков обращается к епископу Геннадию с подробным изложением всей тягости того положения, в котором он оказался. Епископ Геннадий на прошении написал: «определить к месту по близости с таким обязательством, когда он потребен будет к казённой работе, был бы готов». Места по близости не оказалось. *с. 112*
Снова следует слёзное прошение Вишнякова к епископу Геннадию «защитить его своею архипастырскою владычнею десницею, чтобы ему бедному, праздно шатаясь, не попасть напрасно в какое бедствие». Епископ Геннадий затребовал образчик работ Вишнякова и распорядился отослать его в архиерейское домовое управление с тем, чтобы домовое управление нашло ему соответствующее послушание.[1]

Обучение грамоте, письму и пению. Для обучения церковной и гражданской грамоте тех учеников, которые по пробе окажутся в том неисправными, определялся бывший ученик Переславской семинарии Димитрий Березин. Каждому малоуспешному он должен был давать на месяц по листочку гражданской печати и по прошествии месяца прослушивать. Ему же поручено было обучение пению и исправному письму по академическим азбукам. Малоуспешных в церковной и гражданской грамоте оказалось 40 человек, которые и присланы были для обучения к Димитрию Березину. Березин, приступая к занятиям, поставлен был в большое затруднение вследствие недостатка соответствующих книг церковной печати. По его докладу, в счёт семинарских сумм для обучения малограмотных приобретено было 10 псалтирей с последованием, столько же Новых Заветов и годичный круг миней.[2]

В видах улучшения «характера письма» у всех учеников взяты были пробы письма, и они обязаны были подпиской, что если «от Рождества до Пасхи и от Пасхи до вакаций *с. 113*
характера письма против той пробы лучшаго или в чтении исправности большей не окажут, то без отпуску в домы содержаться будут здесь во обучении в то время, когда другие гулять имеют».

Таковы были классы и предметы, какие, согласно приведённому определению епископа Сильвестра, имели преподаваться в Переславской семинарии. Кроме перечисленных дисциплин, в семинарии практически преподавались ещё и начатки медицины, впрочем, самому ограниченному кругу учащихся. Как упоминалось выше, епископ Сильвестр в 1763 году приказал для присмотра за больными в отсутствие врача избрать в ученики лекарю двух семинаристов высшей школы, которые «к продолжению учения окажутся не столь надёжны, а к этому лекарскому делу способны и охотны». Такие ученики помещались в ежегодных школьных списках в особой группе, под рубрикою «подлекарских учеников». В период правления Сильвестра подлекарскими учениками были: Гавриил Спасский и Феодор Заболотский, «за неспособностью к высшим наукам» определённые в это звание. К 1768 году остался один Гавриил Спасский, а в списках 1769 года не числилось уже ни одного лекарского ученика, так как Спасский в 1768 году рукоположен был в с. Раменье, Волоколамского уезда, во диакона.[3]

Дисциплинарно-инспекторский надзор. Дисциплинарно-воспитательный надзор по ин- *с. 114*
струкции епископа Сильвестра предполагалось организовать на началах сотрудничества старших учеников. Инспектором над учениками, вместо вышедшего на епархиальную службу

[1] Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1768 г., № 70.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 375.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1767 г., № 65.

Новлянского,[1] назначался Афанасий Крылов и, кроме того, три цензора. Инспектор Крылов в 1765 году произведён во диакона в с. Никольское.[2] В приходо-расходной книге за 1764 год упоминается ещё «надсмотрщик над поступками семинаристов Никитскаго монастыря слуга, Иван Игнатьев», которому выдано было в вознаграждение за его труды 12 рублей в год. Должно быть, роль этого слуги сводилась к внешкольному надзору за семинаристами во время их прогулок во дворе Горицкого монастыря.

Число учащихся. Число учащихся в Переславской семинарии к началу 1763 года, включая сюда певчих и учеников живописной школы, как говорилось выше, определялось цифрой 80 человек. С учреждением «купножития», цифра эта несколько понизилась, так как, «по исследовании понятия всех семинаристов и успехов», некоторые из них были из семинарии уволены для определения к церковнослужительским местам. Необходимость сокращения наличного состава учащихся, с учреждением купножития, обусловливалась
с. 115 тем, что приходилось считаться с поместительностью зданий семинарского общежития и наличностью материальных средств.

Исключение из семинарии непонятных. В конце 1762 года ректором Иоанникием представлены были к увольнению из обучающихся в семинарии 25 учеников: четыре за великовозрастием, двадцать за непонятностью, один живописной науки за великовозрастием; они аттестованы были как «к наукам неспособны и впредь надежды в них не чаятельно». Всех представленных к увольнению в консистории подвергли новому испытанию в знании церковной и гражданской печати и пении, и оказавшихся в чтении и пении достаточными — отпустили домой с пашпортами, взяв с них подписку, чтобы «они в праздности жительства не имели, но приискали бы себе по Переславской епархии способныя по церквам места и, истребовав от приходских тех церквей людей желательныя прошения, а от закащиков обыкновенныя свидетельства, просили бы об определении в звании». Недостаточные в чтении и пении, для научения их тому и другому, отосланы были к катедральному диакону Григорию Патокину. При обучении они должны были содержаться собственным коштом.[3] В это же время три ученика были уволены из семинарии по болезненному состоянию. У двоих из них вследствие золотухи на спине выросли горбы, третий захворал каменною болезнью.[4] Были в этом и последующем годах и другие случаи увольнения из семинарии, значительно сократившие состав учащихся.

с. 116 В восполнение убылых в 1765 году произведён был при епископе Сильвестре первый набор мальчиков в семинарию. Ближайшим поводом к этому набору послужили не столько нужды семинарии, сколько потребности укомплектования архиерейского хора. В 1763 году во все духовные правления разосланы были указы переписать священно-церковнослужительских детей в возрасте от 7—15 лет, обученных российской грамоте, освидетельствовать их в голосе и способных к пению прислать в консисторию в самой скорости. На основании этого указа в консисторию было представлено 77 мальчиков. Из них выбрано в певчие только 5, после чего в архиерейском хоре оказалось 12 человек, тогда как по штатам при Переславском архиерейском доме положено было быть 24 певчим. Консистория, принимая во внимание, что и в Переславской семинарии «иные за великовозрастием, другие за непонятностью имеют быть уволены из семинарии», распорядилась, с утверждения епископа Сильвестра, снова прислать в декабре 1764 года и январе 1765 года из всех духовных правлений священно-церковнослужительских детей в возрасте от 7—15 лет. Кто из священно-церковнослужителей своих детей к названному сроку не доставит, с тех приказано было брать штраф, в размере одного рубля, через особых рассыльных, которых предполагалось послать на кошт провинившихся.[5]

Судя по ученическим спискам 1767 года, в этот набор взято было около 60 мальчиков.
с. 117 Тогда же произошёл обмен учениками между Переславской и другими семинариями в связи

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 192.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1765 г., по описи № 1, дело № 82.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 133.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 129.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 48-б.

с состоявшимся новым распределением епархиальных округов. Синодальное определение, касающееся этого обмена, выполнено было с буквальною точностью, исключающею какую бы то ни было уступку. Из Тверской семинарии, например, взяты были ученики не только из высшей школы, но и информатор Тверской семинарии Михаил Хрептов.[1]

Наборы учеников. Разрешив пополнить новым набором состав учеников, епископ Сильвестр настаивал только по-прежнему на основательной проверке успехов учащихся с целью удаления из семинарии неспособных и малоуспешных. Характерное определение в этом отношении им издано было 8 октября 1764 года.

> В семинарии как ныне, так и впредь, — предписал епископ Сильвестр, — погодно переследовать понятных с непонятными и кои по довольному учителями их талантов наблюдении окажутся худо понятны, таковых, непередерживая до великовозрастия, исключать завременно из латинских школ или к изучению простой да в совершенстве грамоты, или в домы отцов, дабы общий кошт их и лета не погибали. Но кои также по довольном усмотрении разсудятся за понятных и доброуспешных, а потом (как часто случается), приходя в возраст, или разленясь, или развратись нравами, надежды по себе к общей пользе не окажут, из тех искусных в российской грамоте высылать к сельским церквам в дьячки и пономари без всякой к степеням священства впредь надежды, а худограмотных определять в сторожевское и истопническое для обучающихся семинаристов услужение, пока совершенно всего изучатся: и в том никакого обоим им тем не оказывать снисходительства, ибо такие ленивцы, не смотря на то, что невозвратное юности время и общий кошт погубили, ещё несноснее всякаго неука пустыми о себе мечтании и продерзами по выходе из семинарии бывают, то хотя бы из презрения своего смиренный помысл иметь навыкали, едино им точию дозволяется, что кто пожелает быть диаконом или священником, а не по развратности своей, но безуспешеству учения только исключён, то бы по расчёту общий кошт всуе издержанный на него уплатил.[2] *с. 118*

Основываясь на приведённом определении епископа Сильвестра, семинарская администрация приступила к новому очищению своей школы от элементов в учении ненадёжных. Введение штатов со всеми связанными с ним ограничениями побуждало семинарское начальство действовать в этом отношении без послаблений. Насколько разбор способных и неспособных произведён был строго, видно из того, что из 139 семинаристов, оказавшихся в Переславской семинарии после набора 1765 года, к 1767 году осталось всего лишь 47 человек, включая сюда одного подлекаря. Все учащиеся в этом году подразделены были на две школы — школу риторики и грамматики. В следующем году было вновь принято пять мальчиков и, за исключением из семинарии одного, в школе оставался 51 человек. Классы подразделены были таким же образом. С вступлением на кафедру епископа Геннадия произведён был новый набор учащихся.[3] *с. 119*

Отпуск на каникулы. Учебный год со времени епископа Сильвестра точно определяется сроками с 1 сентября по 15 июля. Кроме летних каникул, учеников отпускали на рождественские и пасхальные, причём отпуск на Рождество и Пасху, судя по некоторым архивным данным, происходил гораздо раньше, чем это принято отпускать ныне. Так, в 1764 году отпуск на рождественские каникулы состоялся ещё 2 декабря.[4]

Неявка с вакаций и бегуны. Случаи неявки с каникул в период управления семинарией архимандрита Иоанникия были сравнительно редки. В 1762 году к 30 сентября не явился в школу один только ученик риторики Иван Курачкин.[5] В следующем году к тому же времени не явился семинарист Рузского уезда с. Кожина Василий Кожинский и несколько учеников, отпущенных в домы для облегчения болезни. Относительно последних консистория постановила:

> Означенных семинаристов, если они освободились от болезни, выслать в консисторию и из нея для учения в семинарию в самой скорости. Буде же и ныне домашние их будут объявлять оных *с. 120*

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 514.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 1, дело № 48.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1767 г., № 17.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1768 г., № 105.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 91.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 593.

> семинаристов в болезни находящимися, то, не полагаясь на оное, самим духовных правлений управителям тех семинаристов, подлинно ли они в болезни находятся и за тем в консисторию высланы быть не могут, освидетельствовать, и ежели по свидетельству явятся подлинно больны, о том в консисторию правлениям отрепортовать и впредь, дондеже выздоровеют, репортовать неукоснительно, дабы под образом болезни они семинаристы в домах своих небыли.[1]

О бегунах в правление семинарией ректора Иоанникия Переславский архив не даёт указаний. Только в 1762 году, ещё до вступления архимандрита Иоанникия в ректорскую должность, есть указание на то, что три бегуна, водворённые из бегов в семинарию, были лишены казённого содержания, которым раньше пользовались, и получали каждый только по три фунта хлеба на день.[2]

Дело о семинарском пашквиле. Внутренняя бытовая жизнь семинарии нашла себе мало отражения в архивных делах времени правления Переславской епархией епископа Сильвестра. Сохранилось только одно дело о так называемом «семинарском пашквиле», рисующее один из волокитных процессов, где обвиняемым оказался семинарист. Помимо общего интереса, дело это заслуживает внимания ещё и в том отношении, что здесь приведён образ-
с. 121 чик литературных опытов ученика семинарии того времени, при том в области не школьного, а чисто свободного творчества. Дело возникло при следующих обстоятельствах.

В 1764 году вдова помещица Прасковья Ивановна Палицына, проживавшая в одном сельце погоста Березников, Дмитровского уезда, вступила с жалобой на попова сына того погоста, обучающегося в живописной школе Переславской семинарии Аврамия Дрождина (Дроздина) и племянника его диакона означенного погоста Сергея Степанова. В жалобе помещица доносила, что 5 декабря 1763 года в дом её вошёл Аврамий Дрождин и подал ей лично запечатанное письмо, сказав, что письмо это прислано из Переславля-Залесского, после чего вышел. Распечатав, вдова Палицына начала читать письмо и нашла в нём «превеликий пашквиль к поношению ея дворянской чести весьма обидный». Особенно обидными показались ей прописанные в конце письма несколько латинских слов, смысл которых для неё остался тайным. Вдова высказала подозрение в составлении «пашквиля» на подателя письма Аврамия Дрождина и его племянника диакона Сергея Степанова, который «похвалился пред многими людьми, что Палицына де получила пашквиль против письма ею писаннаго». В жалобе приведён был и текст инкриминируемого «пашквиля».

> Высокопочтеннейшей и благороднейшей госпоже, Прасковье Ивановне, сердечно желаю многолетняго здравия и всесчастливаго пребывания и нижайший отдаю поклон, покорно прошу Вашего Благородия не восприять сего за зло, что я отважился Вам самим сим посланным толь
> *с. 122* скудным и неучтивым письмецом поклон отдать, нелицемерно Вам, милостивая моя сударыня, за сие благодарствую, что для меня толь подлаго человека изволили в писании письма себя утруждать, которое я от письмодателя с радостью принял, принявши же, как скоро его прочитал, в тую же самую минуту в превеликое пришёл безпокойство и задумчивость, потому что никогда я не бывал в Вашей конверсации причастен, а такое письмо получил, которое может назваться и шуточным и насмешливым, однак я его больше примечаю за шуточное, для того, что писано в нём отпущение моей пред Вами погрешности, а прочее в нём писанное, касающееся до безчестия, я принимаю за шутку, за тем, что сему безчестию не я виновник, и ежели сие моё мнение с Вашим намерением сходны, то покорно прошу меня не лишить своей милости и все мои в сём письмеце недостатки терпеливо снести, а меня в число своих рабов высокоприязненно включить, я же буду тшиться сию особливую приязнь с возможнейшим показанием услуг заслужить, а ничего больше не ожидаю, кроме Вашего повеления, в котором бы я своё прилежание показать могл. При сём вручаю себя в доброе Ваше о мне напоминание и благополучно остаюсь Вашего Благородия покорнейший слуга и не противник Вашему намерению. А о имени моём упоминать ещё не смею, однак можете и сами приметить, могл бы написать более и приятнее, однак опасаюсь, дабы Вам не было в противность и сие письмецо. Наконец, ежели я известен буду о сём письме, что оно Вам противности никакой не показало, то должен писать впредь иным манером. Valeat, valeat is, quem toto pectore diligo atque medullitus amo.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 538.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 124 и 185.

Начался допрос. Показание Дрождина запутало в дело ещё несколько семинаристов *с. 123*
и в конце концов обнаружилось, что все они стали жертвою обмана со стороны своего бывшего сотоварища Максима Коноплина, сына священника из того же погоста в Березниках.

В ноябре месяце 1763 года Максим Коноплин, уволенный из семинарии и произведённый во дьячка в погост Березники, поручил трём мужикам, поехавшим в Переславль, взять в доме столяра Петра Глазова, где Коноплин раньше квартировал, его сапоги. Жена столяра отказалась выдать сапоги, так как Коноплин за квартиру с нею не расплатился. Тогда один из мужиков вынул письмецо не запечатанное и подал ей со словами, что Коноплин прислал это письмо вместо денег, следуемых за квартиру. Жена столяра была неграмотна, письмо приняла и воткнула в стену над окном. Прошло около недели. В дом столяра вошёл семинарист из погоста Березников Игнатий Дрождин за рубашкой, которая здесь на него стиралась. Заметив письмо и узнав, что оно прислано из Березников чрез Коноплина, Игнатий Дрождин взял его, прочитал и почему-то признал адресованным на своё имя. Возможно, что Коноплин, шутки ради, чрез мужиков сказал передать письмо именно Дрождину. Письмо в документах не приводится, но оно написано было, без сомнения, Коноплиным и являлось шутливым анонимным изъяснением в любви. Игнатий Дрождин несколько раз перечитал письмо своим сотоварищам, похваляясь пред ними: «натко де, какие письма ко мне пишут».

Спустя короткое время после описанного случая в семинарский покой вошёл сам виновник *с. 124*
этой истории Максим Коноплин. Тогда Игнатий Дрождин, «сидя на кровати своей и закрыв верхния слова того письма, показывая Коноплину только одно слово „боярыня“, спрашивал, чьею рукою оное письмо писано?» — «Будто ты не знаешь», — усмехаясь, ответил ему Коноплин. — «Не знаю», — сказал Дрождин. — «Писано тем, — продолжал Коноплин, — кто подле нас живёт недалеко». —– «Подле нас живёт много народу; скажи кто писал, ведь можно сказать». Тогда Коноплин решительно заявил и при этом несколько раз подтвердил: «Как де ты не знаешь? боярыня Прасковья Ивановна писала: я руку её совершенно знаю».

По уходе из семинарии Коноплина у Игнатия Дрождина созрел план дать ответ Палицыной на её любезное письмо. Вследствие ли неискусности в работах подобного рода, или за болезнью, как Дрождин потом объяснил, он смог написать всего лишь десять строчек; письмо переписал и окончил другой семинарист — Пётр Рязанцев.[1] Рязанцев же вручил письмо Аврамию Дрождину, пред отправлением последнего 2 декабря на рождественские каникулы, для передачи Палицыной.

По обследовании дела консистория подыскала соответствующие узаконения и вывела на справку Кормчей книги главу первую, правило 75-е, где напечатано: «во устех двою или триех послух станет всяк глагол», и Военные Артикулы главы 18-й артикул 149-й, где говорилось: «кто пасквили или ругательныя письма тайно сочинит, прибьёт и распространит, *с. 125*
и тако кому непристойным образом какую страсть или зло причтёт, чрез что его доброму имени никакой стыд причинён быть может, онаго надлежит наказать таким наказанием, каковою страстию он обруганаго хотел обвинить; сверх того такое письмо сжечь». В толковании на приведённый артикул было объяснено, что «пашквилянт по разсмотрению судейскому тюрьмою, сосланием на каторгу, шпицрутеном и прочим наказан быть имеет, понеже он истинным путём не пошёл, дабы другого погрешение объявить».

Приведённые выписки и законы консистория положила в основу своего решения и прежде всего признала всех прикосновенных к делу лиц виновными и подлежащими наказанию.

> Аврамия Дрождина показание о том, от кого и кем означенное письмо, отданное ему Петром Рязанцевым, писано и надписано, будто он не знает, за истинное признать никак не можно... Петру Рязанцеву по просьбе Дрождина соответствовательное письмо, не означа в нём имени от кого оное, писать к женскому да ещё вдовствующему лицу, и приписывать внизу по латыне (чего она прочитать не знает), не только было вовсе непристойно, но ещё долженствовало ему, Рязанцеву, видя прописанное пашквильное письмо, в то ж самое время кому надлежит объявить, или по последней мере от того пред ним Дрождиным отречься, но он, Рязанцев, презирая то... сделался ему, Дрождину, вящше других соучастником. Игнатий Дрождин, если бы

[1] Впоследствии в 1768 году Пётр Рязанцев, по окончании школы риторики, был посвящён во священника к Рождественскому г. Александрова собору. (Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1767 г., № 64.)

с. 126

> к худым поступкам своей склонности не имел, то бы, взявши из дому столяра Глазова, не запечатанное и по обыкновению не подписанное письмо и видевши в нём непристойныя речи, а паче не зная точно, от кого оное письмо, в то ж самое время не разглашая о нём никому, уничтожил бы, а он, Игнатий... за радостный случай то почёл, и не довольно то, что соученикам своим об оном тогда объявил, но как бы о необходимо нужном ему деле не упустил наведаться и через сторонняго человека, т. е. Максима Коноплина, и своим письмом, ко оной вдовствующей госпоже, не имея с нею прежде того никакой партикулярной переписки... причинил ей немалую обиду... и в том он, Дрождин, яко начинатель всего, больше всех состоит виновным.

Максим Коноплин на следствии заперся и отрицал не только составление им фальшивого письма, приписанного Палицыной, но и то, что он в собрании учеников уверял Дрождина в написании письма именно Палицыною. К Коноплину, изобличенному показаниями учеников, слышавших его речи к Дрождину, относилась приведённая консисторией выписка из книги Кормчей. Диакон Сергей Степанов, по определению консистории, «если бы имел доброй разсудок, то б как скоро от брата своего Игнатия о том письме услышал, то надлежало ему брату своему советовать, что бы он к принятию таковых пустых писем не охотился, а он, диакон, не токмо таковаго совета ему не подал, но ещё и сам без всякой нужды о том письме пред другими посторонними разгласил, через что оной вдовствующей госпоже немалую же обиду нанёс».

Приняв всё это во внимание, в консистории, на основании 149-го военного артикула, приказали:

с. 127

> Всех означенных за показанные их непристойные званию своему поступки, дабы они впредь так чинить не отваживались, при собрании всех Переславской семинарии учеников, на страх другим, жестоко, а больше Игнатия Дрождина, яко и другим соученикам через то к соблазну причину подавшаго, наказать плетьми, а диакона Сергея Степанова вместо наказания, за то, что он, слыша о прописанном письме, при посторонних людях разгласил, отослать в Никитский монастырь под начал в работу на один месяц, и после того у объявленной госпожи Палицыной испросил бы христианскаго прощения, без чего ему к священнодиаконскому служению отнюдь не приступать; от объявленной же госпожи Палицыной подлинное письмо, писанное к ней от Игнатия Дрождина, истребовать, о чём и о присылке онаго в консисторию для публичнаго сожжения купно с пашквильным, якобы рукою оной госпожи писанным письмом, при оных же Переславской семинарии учениках, к Нерльскому закащику послать указ, в коем велеть ему закащику при требовании онаго письма помянутой госпоже Палицыной о всём, что с прописанными виновниками учинено, пристойным образом объявить, и о том в консисторию отрепортовать.

Консисторское определение утверждено было епископом Сильвестром и в точности выполнено. Но неожиданно Палицына консисторским судом осталась недовольна, закащику пасквильного письма не возвратила, диакону прощения не объявила, потому что якобы её дело Его Преосвященству в докладе предложено не было. Консистория вторично командировала к вдове Палицыной закащика, дабы тот убедил её, что определение конфирмовано

с. 128

Его Преосвященством, в чём она может удостовериться или лично в консистории или чрез особое доверенное лицо. О диаконе, просившем неоднократно прощения у вдовы Палицыной, но не получившем его, постановлено было представить Его Преосвященству о дозволении ему священнослужения, «яко исполнившему свой христианский долг».

Отдала ли после этого вдова Палицына пашквильное письмо, из консисторских дел неизвестно. Равным образом неизвестно, какого наказания желало для преступников, хотя и не малолетних,[1] но всё же учащихся и притом ставших жертвою обмана, озлобленное сердце дворянки вдовы, благородная честь которой была так оскорблена. Неужели нужно было применить в точности военные артикулы?[2]

---

[1] Игнатию Дрождину в 1764 году исполнилось 19 лет.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., №№ 91 и 312.

Глава 5

«Учёные» кандидаты во священство. — Экзаменаторы. — Разрешение церковникам вступать в брак. — Испытание кандидатов на церковнослужительские места в духовных правлениях и монастырях. — Ставленные грамоты и проверка их. — Епитрахильные и постихарные грамоты. — Экстренное испытание в знании догматов и священнослужения. — Выборное начало. — Помещики и отношение их к священно-церковнослужителям. — Вмешательство светской власти в церковные дела. — Корчёмные дела. — Праздные церкви. — Материальное положение духовенства.

«Учёные» кандидаты во священство. Лица, окончившие курс высших школ Переславской семинарии, естественно, являлись ближайшими и самыми достойными кандидатами *с. 129* к замещению священнослужительских мест в епархии. Да и вышедшие из низших классов семинарии должны были являться сильными конкурентами для священно-церковнослужительских детей, получивших лишь домашнее элементарное образование. Епископ Сильвестр, как и его предшественник, действительно, отдавал при замещении священнослужительских мест предпочтение кандидатам «учёным». В своих «пунктах» к составлению наказа депутату в учреждённую императрицею Комиссию об Уложении епископ Сильвестр проектирует даже увеличить содержание священникам, обучавшимся в духовных школах.

> Священникам, — писал он, — обучавшимся в семинарии, учинить основательное содержание и неоскудное довольство, кроме земледельчества, как для отличия их от дрождия народнаго по преимуществу наук, так и потому, что они долговременно пребывая в семинариях ни искусства или способности к хлебопашеству, ни сил к тому, по изнурительности чрез учение, ни времени к пользованию народа чрез учение, в каком единственно намерении и обучаемы бывают, не имеют; кроме того, определить им приходские дворы уравнительно, также довольную и неоскудную ругу.[1]

Тем не менее, выборное начало, имевшее за собою крепкие корни в прошлом, служило большой помехой к утверждению нарождающихся новых порядков, и епархиальная власть нередко вынуждалась делать уступки под его давлением.

Чрезвычайно характерным в этом отношении является аттестат, выданный консисторией одному из семинаристов, у которого конкурентом при занятии священнослужительского *с. 130* места являлся безграмотный церковник, заручившийся выборным «желательным» прошением.

> Из Переславской духовной консистории дан сей аттестат находившемуся в Переславской семинарии во учении семинаристу Волоколамского уезда с. Ивашкова пономарёву сыну Гавриилу Дмитриеву Спасскому в том, что он Спасской имелся в той семинарии во учении с 1755 года, из школы риторики уволен за великовозрастием для произведения во священнический чин, который (Спасской) чрез всё время в семинарии поступал честно и добропорядочно, а в силу Духовнаго Регламента следует ему, Спасскому, дать по его прошению состоящее в том же Волоколамском уезде в вотчине лейб-гвардии коннаго полку ротмистра князь Ивана княж Иванова сына Лобанова Ростовскаго в селе Раменье диаконское место, представленному же от вотчинника того села церковнику Ивану Прохорову, в семинарии неучившемуся и за средственным книг чтением, отказать; и для того с сим аттестатом явиться ему, Спасскому, речённому вотчиннику

[1] См. приложения.

и просить о производстве его в с. Раменье во диакона желательнаго прошения, и если оное получит, то с тем явиться к производству в консисторию в немедленности. 9 ноября 1767 года.[1]

Но и при таких ограничениях, создаваемых старыми традициями приходской жизни, время заявляло всё более и более настойчивые требования о замещении, по крайней мере городских,
с. 131 священнослужительских мест полноправными в образовательном смысле кандидатами. В городах «учёные» священники требовались прежде всего для исправления разного рода административных функций. Когда в 1763 году в городе Волоколамске необходимо было выбрать присутствующего духовного правления и надзирателя за благочинием по городу Волоколамску, духовная консистория указала избрать присутствующим и надзирающим за церковным благочинием священника Исаакия Петрова, который обучался в Переславской семинарии и выслушал школу богословия.[2]

Указом Святейшего Синода от 4 декабря 1762 года приказано было «всех тех, которые по делам дойдут до пыток, не чиня им оных, прежде о показании истины увещевать учёным священникам».[3] В Переславской епархии в силу этого указа 4 апреля 1763 года к такому увещанию был определён священник Александроневской церкви, окончивший Переславскую семинарию, Иван Святухин. В другие города консистория не назначила увещателей, мотивируя своё решение тем, что в других городах имеются воеводские, а не провинциальные канцелярии, коим пыток чинить не велено.[4] Но светская власть смотрела несколько иначе, и если возникало какое-нибудь серьёзное дело и в уездных городах, делали запрос в консисторию и требовали учёного увещателя.[5]

с. 132 **Экзаменаторы.** Подготовка и испытание кандидатов на священно-церковнослужительские места, не получивших семинарского образования, по-прежнему производилась экзаменаторами, закащиками и настоятелями монастырей. В первые годы управления епископом Сильвестром Переславской епархией экзаменатором, преподававшим катехизическое учение ставленникам, состоял Егор Бутылицкий, а в обучении ставленников чтению, письму и пению состоял соборный диакон Димитрий Березин. В ноябре 1763 года труд обучения ставленников письму, чтению и пению вместе с Березиным стал разделять другой соборный кафедральный диакон Григорий Патокин. Назначение Патокина в сотрудники Березину обусловливалось экономическими соображениями. Патокин не получал по своей должности никакого жалованья, и его положено было обеспечить из сумм, взимавшихся со ставленников за ставленническое научение.[6] С того же года исправление экзаменаторской должности, вместо Бутылицкого, поручено было семинарским учителям Афанасию Ильинскому и Петру Гжатскому; Ильинский подготовлял кандидатов во священники и диаконы, Гжатский — в дьячки и пономари. Егор Бутылицкий, подавший при вступлении на кафедру епископа Сильвестра прошение о пострижении в монашество, в 1763 году усмотрел, что «иго монашества для него трудно», вследствие чего попросил отпуска из епархии.[7]

Таким образом, в Переславле при епископе Сильвестре учреждалось нечто вроде особой
с. 133 школы для кандидатов на священно-церковнослужительские места, связанной частью с семинарией, а частью с кафедральным домом. Число учащихся великовозрастных неучей достигало иногда высокой цифры, причём эта мало дисциплинированная толпа учащихся не всегда оказывала своим учителям должное почтение и послушание. Так, в декабре 1762 года три ставленника, присланные для обучения Димитрию Березину, от него бежали и неизвестно куда скрылись. Консистория распорядилась сыскать их по наказу и посадить в «катедральную работу под крепкий присмотр, пока ставленнического учения не изучать».[8]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Семинарские дела 1767 г., № 65.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 215.

[3] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 77, № 80.

[4] Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 2, дело № 2.

[5] Ср.: Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 1, дело № 182.

[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 62.

[7] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 84.

[8] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 260.

Разрешение церковникам вступать в брак. В июле месяце 1763 года епископ Сильвестр на одном из докладов консистории по вопросу о разрешении брачится желающим церковникам написал обширную резолюцию, в которой постарался точно выяснить и значительно облегчить обязанности экзаменаторов в отношении к посылаемым к ним ставленникам.

> Понеже, — написал епископ Сильвестр, — как диакон Березин, так и правящие экзаменаторскую должность определены для единаго освидетельствования только производящихся в священно и церковнопричетнические чины обучившихся уже чтению, пению, букварю и прочему, и если которые при свидетельстве чтение произносить будут не по грамматическому смыслу, то таковых диакон Березин должен в том исправлять; а правящие экзаменаторскую должность к большему и лучшему уразумению догматы христианскаго благочестия и прочее экспликовать. Вновь же чтения и пения и прочаго обучать и на то как бы особливую школу учреждать *с. 134* никогда намерения не было, понеже за множеством неучёных ни диакону Березину, ни правящим экзаменаторскую должность в том обучении отнюдь исправиться неможно, а церковники от того в Переславле иметь будут долговременное и изнурительное прожитие; того ради таковым неумеющим церковникам, доколе они исправно в домех не обучатся, от производства во священники, диаконы, дьячки и пономари вовсе отказывать и брачитися дозволениев не давать, а сверх того и штрафовать отсылкою по разсмотрению в работы, дабы таковые неуки не отваживались покушаться незаконными средствы произвождения в причет искать, а от требующих сочетания брачнаго о каждом представлять по прежнему, чтобы все способы пресечены быть могли им к получению их желаний без совершеннаго во всём, что касается до исправнаго церковника, ибо по женитве ко обучению того надежды на них полагать вовсе не можно.[1]

По вопросу о браке детей священно-церковнослужителей, затронутом приведённым определением, оставалось в силе, таким образом, к 1763 году распоряжение предшественника епископа Сильвестра — епископа Амвросия, по которому разрешение на брак они получали из консистории, предварительно заручившись свидетельством закащика в умении читать и писать,[2] а за выдачу венечных памятей без разрешения консистории закащиков по прежнему штрафовали.

Так, в 1762 году закащик Дмитровской десятины священник Симеон Яковлев отпустил *с. 135* двум церковникам венечные памяти без указа консистории. Церковники были испытаны в 1763 году и оказались: в чтении церковной печати посредственны, гражданской — тупы, букваря вовсе не знали, по ноте петь мало знали. Возникло дело. Закащика консистория определила оштрафовать десятью рублями, а церковников отослать в монастырскую работу. Епископ Сильвестр положил резолюцию:

> Штраф со священника взыскать по мнению консистории, а неисправных церковников обучать ему же священнику, кои вместо отсылки в монастырь в работу должны между учебным временем работать на него священника за общую сплетню в преступке указов; а ему священнику о исправности их обучения по получении указа чрез полгода в консисторию отрепортовать и их для освидетельствования представить.[3]

Впоследствии такой способ разрешения браков церковникам показался консистории волокитным и во все правления предполагалось разослать указы, уполномочивающие духовные правления, в случае, если испытуемый окажется исправным в знании грамоты и письма, отпускать ему венечную память, а в консисторию о каждом лишь репортовать. Для предупреждения злоупотреблений консистория присутствующим духовных правлений угрожала низведением их с начальнических мест в братство, белому духовенству — переводом к малоприходным церквам, а приказным служителям — жестоким истязанием. Епископ Сильвестр не согласился с консисторским определением, да и вообще, самое определение *с. 136* епископа Амвросия о браках церковнослужителей он на этот раз признал вызванным «по причине оказавшихся тогда продерзостных между священно-церковнослужителями происшествий, о коих в его определении значит, и по другим ведомым ему резонам; а точнаго обязательства к последованию тому в разсуждении церковных правил и указов

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 236.
[2] См. с. 120.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 661.

не усматривается». Принимая во внимание опасность, «дабы приуготовляемые к священству, а за тупостью ума или памяти, сиротством, небрежением родителей, либо по иным каковым резонам, кроме всякой своей виновности, совершенной в грамоте исправности, какая указами требуется, недостигшии, а летами уже взрослые, не учинились на конец за отлагательством брака и в священство неключимыми», епископ Сильвестр 12 марта 1764 года определил:

> бракосочетание церковников отселе оставить на их или родителей их произвольности, о чём и указами распубликовать по епархии, с тем токмо наблюдательством, дабы меру лет правилами узаконенную, и каковы требуются по Духовному Регламенту к принятию детей в семинарию, в женитьбе не предваряли, под тяжким в силу тех же правил и указов истязанием.[1]

Испытание кандидатов на церковнослужительские места в духовных правлениях и монастырях. Определение епископа Амвросия, как противное действующим законоположениям, было, таким образом, отменено. Подверглось одновременно с этим изменению и всё вообще цитированное выше определение епископа Сильвестра 1763 года, указывавшее круг обязанностей экзаменатора. Сама жизнь требовала от экзаменатора и его помощников
с. 137 не только проверки знаний кандидатов на священно-церковнослужительские места, но и действительного научения ставленников.

Именно, в 1764 году консистория сделала представление епископу Сильвестру с таким мнением:

> Не повелено ли будет экзаменатором быть отныне впредь священнику Афанасию Ильинскому,[2] к коему всех ставленников отсылать для наставления, с тем, чтобы он их ставленников обучал чему подлежит неторопно, со всякою исправностью, вразумительно, и каждую неделю по единажды представлял для аппробации Его Преосвященству, а сверх того имел бы он, священник Ильинский, крайнее над поступками тех отосланных к нему ставленников о состоянии их наблюдательство... Когда же совершенно которые ставленники им экзаменатором, священником Ильинским, наставлены будут, тогда не точию о том одном, но и о их усмотренном житии, разуме и нраве, свидетельствуя письменно, подписывать.

Епископ Сильвестр согласился с представлением консистории.[3]

В 1768 году во время выезда епископа Сильвестра для присутствования в Московскую Синодальную Контору на священника Афанасия Ильинского возложена была обязанность исповедовать ставленников и приводить их к присяге.[4]

с. 138 Кроме экзаменатора с его помощниками, испытание ищущих причетнических мест производилось в духовных правлениях закащиками и в монастырях настоятелями. К свидетельствам закащиков в консистории относились с некоторым недоверием, часто производили переосвидетельствование и поднимали дела о пристрастных показаниях закащиков. Дела эти заканчивались обычно наложением на закащика штрафа в размере одного рубля.[5] В 1766 году обнаружилось, что Хрептовский закащик священник с. Константиновского Никита Степанов дал четырём церковникам, неисправным в чтении и пении, свидетельства. За это виновный был оштрафован 15 рублями денег и отсылкою в монастырскую работу на полмесяца; когда же отказался уплатить штраф, то лишён был и должности закащика.[6]

Ещё в правление епископа Амвросия подготовка ставленников и испытание их знаний, кроме экзаменатора и закащиков, поручена была монастырям. При епископе Сильвестре для этой цели указаны были три переславских монастыря: Троицкий Данилов, Никитский и Никольский. Но переславские монастыри встретили это распоряжение с большим противодействием. Никольский игумен Филарет вскоре же прислал прошение об освобождении его от наставления ставленников «за имеющейся в нём болезнью». Никитский архимандрит Иероним в 1766 году вступил по этому поводу в консисторию с пространным докладом,
с. 139 в котором хлопотал о распределении присланных в Никитский монастырь ставленников

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 165.

[2] Временно исправлял эту должность перед тем кафедральный священник Илия Путилов; он состоял экзаменатором с 3 октября 1763 года по 1 апреля 1764 года.

Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 92.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 252.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1768 г., № 32.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Ср.: Протоколы ставленнические, 1763 г., № 50 и 64.

[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 92.

по другим монастырям «в виду вышепрописанных для ставленников невыгодностях и для Никитскаго монастыря неспособностях».

Как оказалось, в Никитский монастырь прислано было для обучения 13 ставленников. Архимандрит Иероним приказал обучать ставленников в особливой хлебенной келии, причём ризничий монах Антоний обучал их уставу, а чтению церковному и гражданскому иеромонах Дамаскин. Среди ставленников установлена была очередь для чтения псалтиря, канона и прочего в церкви, где в случае прошибок исправлял их сам настоятель, «а по способности и возможности, в чём понаставились, и в келии пробовал». Несмотря на такую, по-видимому, строгую организацию обучения, замечены, по словам архимандрита Иеронима, «многия невыгодности». Во-первых, хотя для ставленников отведена была особливая отапливаемая келия, но они, «оную оставя, в кельях братских пребывают, отчего монашествующим делается безпокойство, да и за неприличность признаётся, чтобы им по тем кельям шататься». Во-вторых, вследствие отдалённости Никитского монастыря от города, ставленникам ходить за покупкой хлеба и прочего «не без трудности бывает». В-третьих, те, которые требуют наставления о христианских должностях, за дальностью от экзаменатора «общекупно не могут быть наставлены». В-четвёртых, при испытании ставленников, обучающихся шесть недель, они, хотя и оказались не знающими наизусть устава, но это не представляется особенно важным, так как при исполнении служб они могут разобраться печатно по главам *с. 140* устава и по богослужебным книгам. Гражданскую печать ставленники читают средственно, но научить их читать по-настоящему он и чрез многое время не надеется. По всем этим резонам архимандрит Иероним просил освободить Никитский монастырь от ставленников и впредь их сюда не присылать.

Прямого распоряжения епископа Сильвестра консистория не могла, конечно, отменить, но она вступила к епископу Сильвестру с особым представлением, после которого посылка ставленников в монастыри, по-видимому, прекратилась.[1]

Ставленные грамоты и проверка их. Рукоположённые и определённые к местам священнослужители получали ставленные грамоты. При определении нового архиерея ставленные грамоты обыкновенно предъявлялись к подписи и при этом производилась генеральная проверка их. Не имеющие грамот подвергались взысканиям и испытанию правоспособности к исправлению священно-церковнослужительских мест. Как и в прежнее время, предъявление грамот сопровождалось большими проволочками. Грамоты представлены были не сразу и далеко не всеми.[2] Пришлось сделать повторительные и угрозительные указы. Далее, при поверке грамот консистория нашла, что многие священнослужители отправляли свои звания без соответствующих на то ставленных грамот. Так, по одному Можайскому духовному правлению таких лиц зарегистровано было 16.[3] Священник Можайского Петровского мо- *с. 141* настыря Пётр Львов отправлял священнослужение без ставленной грамоты с 1756 года и ставленной грамоты в своё время не взял, не желая подвергаться связанному со взятием ставленной грамоты расходу. Все такие священнослужители вызваны были в духовную консисторию для испытания и соответствующих взысканий. Поп Пётр Львов, например, за шестилетнее служение без грамоты, согласно указу епископа Амвросия от 1755 года, подвергся денежному штрафу в размере шести рублей, считая по одному рублю за каждый год.[4] Поп с. Афанасьева, Александровского уезда, Тимофей Марков за служение им с самого посвящения без ставленной грамоты был приговорён к штрафу в размере четырёх рублей. Наложенного штрафа Марков не хотел платить и в Александровском правлении под караулом сказкою показал, «якобы онаго штрафа за неимением у него в доме из недвижимаго (?) никакого имения, кроме единой лошади да коровы, заплатить он священник не в состоянии, паче же за недородом года с три всякаго хлеба; а если де сего года приспеет всякий полевой хлеб, то он священник, хотя посрочно, тот штраф выплатит». В консистории, заслушав доклад Александровского духовного правления, постановили, «обождав до сентября месяца, сыскать онаго священника в консисторию, и если он и тогда положенных на него штрафных

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1766 г., по описи № 1, дело № 148.
[2] См., например: Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 243.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 59.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 640.

денег не заплатит, то, с докладу Его Преосвященства, определить его в работу, дабы
с. 142 он не мог за свою небрежность преминовать штрафования, а тем поползнуться впредь к небрежению о своей должности». После такого определения деньги в сентябре 1767 года были уплачены. Кроме того, особый штраф в размере четырёх рублей был наложен консисторией на Александровское духовное правление за допущение священника Тимофея Маркова священнодействовать в селе Афанасьеве. Такова, по крайней мере, была официальная мотивировка взыскания, постигшего Александровское духовное правление. На самом же деле штраф был наложен, вероятно, за ту волокиту, какою сопровождалось взыскание штрафных денег с священника Тимофея Маркова.[1]

Оказавшиеся при проверке ставленных грамот неисправными в чтении и пении отосланы были для обучения к разным лицам из состава Переславского епархиального управления, с предписанием, чтобы «они тех священно-церковнослужителей, доколе они не обучатся в твёрдость, в дом не отпускали». Оторванные от домов и семьи, эти подневольные, а иногда и престарелые ученики при первой возможности старались избыть непосильного им учения и пробраться в свои дома, чем давали богатый материал для волокитной консисторской переписки. В 1762 году, например, священник с. Дерюзина Сергей Петров и Шарапова Иван Андреев, сказавшиеся в чтении неисправными и отданные в Переславль для обучения, отпросились в дом за хлебом на неделю и назад не возвратились. Александровское духовное правление не нашло их в домах. Стали отбирать сказки от приходских людей, затеяли
с. 143 длинную переписку, сделали строгое внушение Александровскому духовному правлению, но беглецов долго не могли отыскать. Чем кончилось дело и какое наказание постигло виновных, из архивных дел не видно.[2]

Не всегда служение без ставленных грамот обусловливалось небрежением и противностью священнослужащих. Когда в 1765 году после отбытия канцеляриста Михаила Плишкина был произведён осмотр сундука в его повытьи, то там найдено было много грамот, присланных в консисторию в разные годы, начиная со времени епископа Амвросия, но не возвращённых им обратно. Всего в сундуке оказалось 141 грамота. В числе этих грамот были перехожие, постихарные и епитрахильные. Епархиальная власть по обнаружении этого случая поставлена была в большое затруднение, так как некоторые грамоты принадлежали священно-церковнослужителям церквей Можайского уезда, отошедших по новому распределению приходов в состав Крутицкой епархии. В конце концов, после длинной переписки, грамоты возвращены были священно-церковнослужителям с расписками, а четыре утерянных написаны вновь. Плишкин, совершивший этот проступок не с умыслом, а по оплошности, оставлен был без наказания ввиду «долголетняго и безпорочнаго его при исправлении консисторских дел обращения».[3]

Некоторый повод к злоупотреблениям в пользовании ставленными грамотами давал
с. 144 установившийся в Переславской епархии обычай, по которому ставленные грамоты после смерти священнослужителей не отбирались в консисторию. Епископ Сильвестр в 1766 году обратил внимание на это упущение и в одной из своих резолюций (по упомянутому делу Плишкина) написал:

> По случаю сего дела приемлется в разсуждение и то, что по смерти священников и диаконов ставленныя их грамоты остаются в домех их без всякой сохранности, а потому предвидится опасность, дабы самоназывающие себя священнослужителями (каковых как по здешней, так и по другим епархиям есть немалочисленно), у наследников священнослужительских те остающияся грамоты выкрав, или другим каким способом получа, не могли оныя подбором имени обращать в свою плутоватую пользу. Того ради для отвращения оной опасности, консистории в духовныя правления и заказы определить указами, чтобы они, по смерти священников и диаконов ставленныя их грамоты отбирая, присылали в консисторию при обыкновенных о кончине оных священнослужителях репортах, а консистории, получая оныя, отдавать для хранения в архив.[4]

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1760 г., по описи № 2, дело № 83.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 168.
Ср.: Архив Переславской духовной консистории. 1766 г., по описи № 2, дело № 83.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 189.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 189.
[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 48.

Епитрахильные и постихарные грамоты. Вместе с ставленными грамотами при вступлении епископа Сильвестра на Переславскую кафедру подверглись проверке епитрахильные и постихарные. В июне месяце 1762 года Переславская духовная консистория сделала представление епископу Сильвестру о том, что многие из вдовых попов и диаконов назначены были к отсылке в монастыри, но не были отосланы и оставлены при своих церквах *с. 145* впредь до рассмотрения за последовавшими узаконениями о пострижении в монашество. Такие священники и диаконы отправляют богослужение, не имея соответствующих на то епитрахильных и постихарных грамот. На основании приведённого консисторского представления сделано было распоряжение по миновании рабочей поры, к 1 октября, всем вдовым священникам и диаконам явиться в консисторию для освидетельствования грамот.[1] Октябрь пришёл к концу, а вдовые попы и диаконы в консисторию не были представлены. Следует новый консисторский указ во все духовные правления и заказы, усиливавший прежнее распоряжение. На этот раз предписывалось выслать вдовых попов и диаконов «с самосправедливым от всех приходских людей, а притом духовных правлений управителей или закащиков о состоянии каждаго, каков и кто, засвидетельствованием к разсмотрению Его Преосвященства». Срок для исполнения указа давался в неделю со дня получения указа. Отправили указ 25 октября.[2]

При свидетельствовали епитрахильных и постихарных грамот поступали таким же образом, как и при осмотре ставленных. Отправлявшие священнослужение без грамот были штрафованы по одному рублю за каждый год служения без грамоты. В сравнении с прежней практикой перемена произошла только в отмене исповеди для свидетельствуемых, как не указанной законом 1723 года.[3]

В феврале 1763 года получен был Высочайший указ о непринуждении вдовых попов *с. 146* и диаконов и никого без самопроизвольного их желания к пострижению в монашество.[4] А в начале 1764 года Переславская консистория снова распорядилась управителям духовных правлений, а по Переславскому уезду протопопу Иоанну Иоаннову съездить во все те места, где имеются вдовые попы и диаконы, по приезде, от всех без изъятия приходских людей взять по всей справедливости, не чиня ни малейших поноровок, сказки или руки — оные вдовые попы и диаконы житие препровождают добропорядочно ль, трезвенно ль и в исправлении мирских треб не чинят ли каких остановок.[5] Очевидно, консисторское определение конца 1762 года не было выполнено в той форме, какая тогда желательна была для консистории, и вопрос о правоспособности, по преимуществу с нравственной стороны, вдовых попов и диаконов к священнослужению пришлось возбудить вновь, и притом в самой решительной постановке. Однако, несмотря на такую постановку, обследование не дало результатов для вдовых священнослужителей особенно тяжёлых. Вероятно, не остался без влияния на такой исход дела Высочайший указ о непринуждении вдовых попов и диаконов к пострижению в монашество, так как значительно осложнил вопрос о дальнейшей судьбе вдовых попов и диаконов, признанных неправоспособными к прохождению приходской службы. А такое принуждение в прежнее время, внося деморализацию в монастырскую жизнь *с. 147* пополнением кадров монашествующих лицами, к монашеству призвания не чувствующими, в то же время нередко вело к трагическим последствиям. Один из таких печальных случаев, возникших на почве принудительного пострижения в монашество, рассматривался консисторией в правление епископа Сильвестра.

Овдовевший священник Димитрий Трофимов до разбора 1755 года священствовал в с. Богородском. Во время разбора 1755 года он по вдовству отослан был в Дмитровский Борисоглебский монастырь, а 15 июля следующего года, по приказанию епископа Амвросия, переведён в Волоколамский Иосифов, с тем чтобы постричь его в монахи. До пострижения велено было настоятелю монастыря Димитрия Трофимова к священнослужению не допускать

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 373 и 391.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 653.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 7.

[4] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 90, № 97.

Ср.: Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 2, дело № 9.

[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 117.

и, чтобы праздным ему не быть, определить его в монастырские труды. 3 апреля 1757 года священник Димитрий Трофимов из монастыря бежал, явился в консисторию и по допросе имел быть отослан обратно в тот же монастырь под караулом. Не желая возвращаться на прежнее место, Трофимов подал прошение Амвросию о пострижении его в монашество, после чего последовало определение отослать его в Верейский Спасский монастырь для пострижения. При подаче прошения Трофимов руководился, конечно, не жаждой монастырских подвигов, а желанием избыть дальнейшего пребывания в Иосифовом монастыре, а потому из консистории бежал, отправился в Москву и нанялся служить сперва в доме помещика
с. 148 Хрущова, а потом Зиновьева. Состоя в бегах, он в течение 8 лет нигде не исповедовался. В 1766 году Трофимов явился в консисторию, дал сказку о своей жизни в бегах и заявил, что «из Москвы пришёл он по случаю такому, что всем московским священно-церковнослужителям распубликовано пришлых священников в приходах их ловить». Трофимов заключён был под караул, и начался консисторский суд. Консистория мнением своим положила определить Трофимова без священнослужения под начал в Лукианову пустынь в беспрестанные труды монастырские до усмотрения настоятельского скована, при чём предупредить его, если он сбежит, то будет расстрижен и отослан к гражданскому наказанию на вечную ссылку. Епископ Сильвестр принял во внимание все обстоятельства, при которых совершилась подача Трофимовым прошения о пострижении в монашество и побег из консистории с последовавшими за тем скитаниями, и смягчил суровое консисторское постановление. «Оштрафовать его, — написал он в резолюции, предварительно пространно мотивировав своё определение, — как никем незапрещённаго в священнослужении, отсылкой в Лукианову пустынь в монастырские труды на один год, где будучи ему при трудах приходить в церковь на молитву ко всем божественным службам и во все четыре посты исповедываться и святых Таин сообщаться в алтаре в священническом облачении после служащаго священника, а самому в священнослужение отнюдь не вступать, и в каковом он священник находиться будет жития состоянии, о том тамошним настоятелю с братиею по прошествии каждаго
с. 149 полугода репортовать мне»... В главную вину Трофимову епископ Сильвестр поставил не его побег, а восьмилетнее уклонение от таинства исповеди.[1]

Высочайшим указом от 28 февраля 1765 года повелено было «епитрахильных и постихарных грамот не давать, кроме одних только тех, у которых настоящия при поставлении их в те чины грамоты утратятся, также и новопосвящённым и переведённым в епархии архиереям прежних данных тем священно и церковнослужителям грамот не подписывать, понеже такого обычая и в древния времена не было, и для того их в епархии отнюдь не забирать».[2] Общая подпись и свидетельствование ставленных, епитрахильных и постихарных грамот при епископе Сильвестре были, таким образом, последними в Переславской епархии.

Экстренное испытание в знании догматов и священнослужения. Проверка правоспособности наличного состава священно-церковнослужащих Переславской епархии в правление епископа Сильвестра производилась и в других случаях по отношению к отдельным лицам, заявившим себя в каком-нибудь отношении с отрицательной стороны. Например, священник Левкиева монастыря Иван Васильев похоронил по православному обряду потаённого раскольника и повенчал два брака без венечных памятей. В 1764 году было произведено расследование, священник был изобличён в совершённых преступных деяниях и, кроме того, в консистории на испытании оказался в книжном чтении «малоумеющим». На докладе
с. 150 консистории епископ Сильвестр положил резолюцию:

> Священник сей Иван Васильев, явившийся ко мне, и мною свидетельствован в чтении и оказался таков, как и в консистории, малоумеющим, однак священнослужение исправлять может, но на вопросы мне о самонужнейших христианских догматах ответствовать ничего не мог, так что ни о единстве Бога, ни о Лице Христове не знает; того ради отдать его для обучения экзаменаторской школы экзаменатору священнику Афанасию Ильинскому и доколе обучится велеть ему приходить для слушания преподаваемаго катихизиса в семинарию и церковь, а быть ему при

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 32.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 267, № 226.

> обучении на своём коште. Когда в твёрдость обучен будет, то представить мне для учинения о нём надлежащей резолюции.[1]

В 1766 году произведено было испытание всем священно-церковнослужителям в умении служить литургию преждеосвященных даров. Повод к такому испытанию дало прошение церковника погоста Кумыш Александровского уезда Тимофея Емельянова Лошкина о произведении его в тот погост во священника на место престарелого и маловидящего Ивана Андреева. Тимофей Емельянов при испытании в консистории найден был в гражданской печати весьма худ, несмотря на одобрительное свидетельство закащика протопопа Иосифа Селинского. Протопопа оштрафовали за это на пять рублей, а Лошкина отправили для обучения к Березину. Священник Иван Андреев оказался имеющим 65 лет от роду, ставленной грамоты с посвящения его в священники не имел и «хотя сыскиваем был неоднократно ко взятию грамоты, но чинил самовольныя отлучки и ослушании». В экзаменаторской *с. 151*
школе в своё время был наставляем, но за глубокою старостью наизусть на вопросы ответствовать не мог. В священнослужении Златоустовой литургии оказался неисправным, а о преждеосвященных объявил, что оных не служивал и служить не умеет. Переславская консистория,

> усмотря, что производящиеся священники и диаконы вне святыя четыредесятницы обучаются здесь Златоустовым литургиям, по отпуске же в дома, а паче сельские в дни тоя четыредесятницы обучаются ли от кого и умеют ли служить и служат ли преждеосвященныя литургии, находит сумнительным, чего ради Его Преосвященству всепокорно предлагает, не повелено ли будет заблаговременно до наступающей святой четыредесятницы учинить по Переславлю с уездом от консистории, а по другим десятинам от духовных правлений росписание, дабы все сельские священники и диаконы по очереди являлись в неделю по 3 человека и служили в понедельник, среду и пяток преждеосвященную литургию каждый по одному.

Кроме соборных церквей для пробных служений преждеосвященных литургий назначены были переславские и уездные монастыри. В городе Переславле испытывались священнослужители по Переславлю с уездом.

Результаты испытаний получились именно таковы, каких и ожидала консистория. По одному Переславлю с уездом составился длинный список священнослужителей, одни из которых в совершении литургии оказались неисправными, а другие и совершенно никогда её не служивали. Священник с. Заболотья посвящён был в 1749 году и служил только в пост первого года после посвящения, а потом до сего времени литургии преждеосвященных даров не со- *с. 152*
вершал. Священник с. Сваткова оказался исправным в служении, но со времени посвящения в 1756 году литургии преждеосвященных даров не служил «за неумением дьячка и пономаря в пении». Священник с. Зиновьева, Александровской десятины, вызванный в Успенский Александровский монастырь, литургии совсем не служил, — «за главною болезнью едва и бродить смог». О некоторых замечено: «незнамо, почему не служит, и к тому не явился». Из Гжатского духовного правления не только не прислана была ведомость, несмотря на двукратный указ, но и не репортовано о получении указа, хотя со времени посылки его прошёл год. По консисторскому определению, неисправные священнослужители были отосланы для обучения; не явившиеся к свидетельствованию призваны были к служению преждеосвященных литургий в следующем великом посте; Гжатское духовное правление постановлено было за небрежение оштрафовать.[2]

Выборное начало. Главнейшим фактором приходской жизни, оказывавшим могущественное влияние на весь ход и характер пастырского служения, являлось по-прежнему выборное начало. Ставленники подвергались экзаменаторскому научению и испытанию только после того, как представляли так называемые «желательные» прошения прихожан. Главную роль при составлении таких прошений играли, понятно, владельцы и управляющие имений, что в связи с общими условиями тогдашней экономической жизни вызывало *с. 153*
не только большие злоупотребления при выборе духовных лиц,[3] но и ставило священно-церковнослужителей в большую зависимость от местных помещиков. В правление епископа

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 204.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1766 г., по описи № 2, дело № 1.
[3] См. отзыв епископа Сильвестра о выборном начале в «Пунктах к составлению наказа». Приложения, п. 20.

Сильвестра мы видим несколько примеров того, как такая зависимость порождала часто произвол со стороны власть имеющих, унижала звание священно-церковнослужителей, делая их положение в высшей степени тягостным. Епархиальная власть при рассмотрении такого рода обид и притеснений действовала на основании существующих узаконений, но не проявляла такой настойчивости в защите интересов своего сословия, как это было при епископе Амвросии.

Помещики и отношение их к священно-церковнослужителям. В 1762 году церковник с. Хрептова Сергей Борисов, когда проезжал вблизи сельца Салкова, принадлежащего поручикам Илии и Петру Козлятьевым, был схвачен крестьянами, которых явилось человек до 20 с топорами и кольями, притащен в дом Козлятьевых, «которые, вышед на крыльцо, приказали людям своим, связав ему пономарю ноги и скинувши одежду всю, при них Козлятьевых бить нагого плетьми до крови... А когда же били, они Козлятьевы кричали: „бейте до смерти“ и притом бранили матерно и прочими сквернымі словами священника с. Хрептова Андрея Иванова и грозились бить его священника больше церковника, где бы он им ни попался». В консисторию поступило сразу два прошения — от церковника Борисова
с. 154 и священника Андрея Иванова. В консисторском присутствии битые места церковника были освидетельствованы и по осмотру явилось: «спина его и седалище сбиты так пренемилосердно, видно езжалыми кнутьями, что те спина сплошь и седалище сбиты, которыя чернокровавою и багровою кровью слились и запеклись, а рубашка в пребезмерной крови». В консистории постановили челобитье церковника, в силу указа 1759 года, отослать в Переславскую провинциальную канцелярию при промемории и депутате Переславской градской Спасской церкви священнике Иоанне Макарове, к учинению при нём, Макарове, по тому делу обидимому удовольствия. В пресечение опасности для священника с. Хрептова Андрея Иванова, дом Козлятьевых и прихожан сельца Салкова поручены исправлением мирских треб священнику села Пусторождествина.[1]

В том же 1762 году производилось в консистории другое аналогичное дело по жалобе на обиду помещиком с. Пусторождествина Николаем Палициным священника того села Феодора Перфильева и священникова сына. Давно уже, ещё прадедом помещика Палицина на церковной земле построен был помещичий дом, а взамен того священно-церковнослужителям отведено было около десятины помещичьей земли, на которой и возведены были священно-церковнослужительские дома и всякая постройка. Лет пять тому назад на показанной отведённой священно-церковнослужителям земле, позади попова двора, помещик Палицин «насильственно» поселил своего крестьянина, и когда поп заявил протест, то
с. 155 разметал поповы постройки и бил попова сына Григория Феодорова. Консистория, заслушав жалобу, поручила управителю Александровского духовного правления Иосифу Селинскому поехать в с. Пусторождествино и уговорить помещика, чтобы он попа и его сына удовольствовал и прощения испросил. Помещик наотрез отказался. «Пусть де, сказал он управителю, попов сын ищет и доказывает на него, что ему угодно, а Палицин не опасен». Постановлено сообщить о всём в Переславскую провинциальную канцелярию для дачи делу законного хода. Исход дела неизвестен.[2]

18 июля 1764 года поп с. Черленкова, Волоколамского уезда, Николай Васильев вместе с причтом был приглашён в дом помещика отставного капитана Ивана Шушерина для сообщения святых Таин и совершения молебна. По дороге дьячок случайно в разговоре обмолвился: «пусть поп едет, там ему дадут взбуду». По прибыли причта в дом помещика, последний велел священнику дароносицу положить на пристойном месте, а потом его священника между разговорами бранил всякою скверною бранью, что священник, видя и опасаясь какого-нибудь насилия, а также вспоминая неосторожные слова дьячка, хотел уйти из дому, но помещик схватил его за ворот и в присутствии причта и других лиц бил по щекам. Вырвавшись из рук помещика, Николай Васильев взял сумку с дарохранительницею и побежал из горницы. Люди помещика догнали Николая Васильева, втащили в дом и по приказу помещика все вышли вон, после чего Шушерин сумку с дароносицей
с. 156 бросил на пол, а его священника ухватил за волосы и бил палкою смертно. При осмотре

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., №25 и 72.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., №230.

в Волоколамском духовном правлении на теле священника действительно найдены были сильные боевые знаки. По выслушании в консистории последовало обычное стереотипное распоряжение.[1] — Волоколамская воеводская канцелярия дело повернула в неблагоприятную для священника сторону. Свидетельские показания не установили того, чтобы в сумке действительно хранилась дарохранительница со Святыми Дарами. Кожаная сумка, по-видимому, была с требником. Показания помещика набросили, далее, некоторую тень на поведение священника по приходе в дом Шушерина. Именно, священник будто бы, по приходе в дом помещика, повесил своими руками сумку в горнице и стал угощаться водкой, которую предложил всем хозяин. В разговоре Шушерин спросил Николая Васильева, почему ныне, в воскресный день, он не служил литургии. Священник Николай Васильев отвечал: «не моя де неделя». «К служении ты весьма ленив, — возразил помещик, — а взятки непомерныя с крестьян моих и прочих брать умеешь, о которых твоих обидах принуждены мы на тебя приносить Его Преосвященству всем приходом жалобу». С этих угрозительных слов и началась брань, которая и повела к побоям. — Обследовав в этом направлении дело, то есть завинив всецело священника, воеводская канцелярия передала акты с расследованием консистории. Консистория не сочла нужным поддержать своего подчинённого, обратила внимание только на то, что «Николай Васильев оное доносительство о бросании дароносицы затеял, желая отмстить за причинённые ему Шушериным побои», и приговорила священника *с. 157* к посылке в Волоколамский Иосифов монастырь в тягчайшую работу на полгода. Епископ Сильвестр несколько исправил несправедливость, допущенную консисторией. Священник Николай Васильев был отослан в монастырь в работу только на четыре месяца, но вместе с тем Сильвестром предписано было: «чтобы продолжающееся о биении онаго священника майором Шушериным дело в скорости было окончено, о том в Волоколамское духовное правление подтвердить указом».[2]

В 1767 году священник с. Бектышева Алексей Степанов подал в консисторию прошение на помещика с. Бектышева майора Александра Иванова Самсонова в том, что «означенный помещик в отлучку его попа прислал в его дом старосту с дворовыми людьми, с тем, чтобы он тот его дом, также и с хлебом житницу запечатал и поставил сторожу, а конский и рогатый скот на свой двор помещичий забрал, что ими и учинено». Просьба священника, возвратившегося в Бектышево, распечатать дом и житницу и возвратить взятый скот не увенчались никаким успехом. Наоборот, помещик, «не имея никакой причины, из того села высылает его вон», похваливаясь, что «будет его попа бить до смерти». Консистория, заслушав прошение, распорядилась переславскому протопопу Иоанну Иоаннову съездить к майору Самсонову, «и будучи с просителем, у него учтивым образом просить о распечатании дома и житницы». 7 января 1768 года протопоп репортом сообщил в консисторию, что он *с. 158* к Самсонову ездил, учтивым образом просил, но Самсонов на это ему объявил: «означенная священническая житница запечатана с тем, нет ли в ней каких то краденных в прошлых годах из дому его Самсонова пожитков и прочаго и когда им Самсоновым самоперсонально осмотрена будет и если ничего не сыщется, то от него Самсонова и распечатается... А священнический скот и прочее он Самсонов без резону не отдаёт». Священник Алексей Степанов с протопопом не пошёл в дом Самсонова, забоявшись насильственного задержания в доме.

9 января священник Алексей Степанов вступает с вторичным доношением в консисторию, в котором сообщает, что помещик Самсонов, захватя без него, священника, жену его Дарью да бывших у него в гостях зятя диакона с. Горок Юрьевского уезда Михаила Иванова с женою его Авдотьею Степановою, посадил на скотном дворе в железа. Зять с женою продержаны были четыре дня, а жена его священника содержится и поныне в цепи и железах. В тот же день приходские люди деревень Чернецких, что на Оселке и на Шахе, принадлежащие к с. Бектышеву, доношением представили в консисторию, что помещик Самсонов «выживает священника Степанова из того села вон и жительства нигде ему не даёт, а когда они по жительству его священническому из оных деревень придут, то он приказывает людем своим и крестьянам их ловить и сажать в цепь и железа, а после сам их Самсонов бил плетьми,.. за каковыми его Самсонова проступками желают они по близости

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 461.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 185.

с. 159 оных деревень быть в приходе с. Павловскаго». Консистория определила вторично послать протопопа Иоанна Иоаннова с увещанием к Самсонову; если же Самсонов не даст надлежащего удовлетворения, подать челобитную в Переславскую провинциальную канцелярию для рассмотрения дела в присутствии духовного депутата. В Бектышево особливого священника не назначать, «дабы поводу не было ему Самсонову священно-церковнослужителей обижать». Для прихожан обеих деревень исправлять требы в с. Павловском, но священнику с. Бектышева. Консисторское определение было утверждено.[1]

Аналогичных приведённым делам в Переславской консистории в период управления епископа Сильвестра возникало несколько. Все они, на основании закона 1759 года, отправлялись в провинциальную и воеводские канцелярии для обследования. Насколько возможно видеть из инцидента с Шушериным, обследование это, при слабой настойчивости, проявляемой со стороны духовной власти, светским ведомством направлялось далеко не так, как требовала бы простая справедливость.

Вмешательство светской власти в церковные дела. Иногда сама светская власть своим вмешательством в сферу чисто церковной жизни ставила епархиальное начальство в большое затруднение и вынуждала даже епископа Сильвестра, в общем уклонявшегося от всякого рода резкостей и крутых мер, прибегать к серьёзным прещениям и требовать соответствующей сатисфакции.

В 1764 году в городе Александрове была открыта соборная церковь. Согласно определе-
с. 160 нию епископа Сильвестра, соборною церковью избрана церковь Рождества Христова и к ней в протопопа определён был управитель Александровского духовного правления Иосиф Селинский, состоявший раньше при Богоявленской церкви; священник же Рождественской церкви перемещён был к Богоявленской. Протоиерей Иосиф Селинский представлял лицо известное в Александрове, как управитель духовного правления, и его перевод к собору встречен был прихожанами бывшей Рождественской церкви без противодействия. Недовольным остался только управитель вотчинного правления асессор Никита Соколов, духовником которого состоял священник, переведённый из Рождественской церкви к Богоявленской. Он собрал прихожан Рождественского собора, настроил их против протопопа Селинского и взял с них сказку, что «оному протопопу быть при оном соборе неудобно», и эту сказку от имени вотчинного правления представил в собственную Её Императорского Величества вотчинную контору. Но оттуда ответа не получил. Затаив злобу против протопопа, он 22 декабря присылал к Селинскому двукратно служителя и земского бурмистра с приказанием, чтобы «он протопоп в речённую соборную церковь входу не имел». Затем вызывал Селинского к себе на дом, но протопоп, опасаясь, как бы Соколов не учинил какого-нибудь оскорбления, к нему, управителю, не пошёл. В навечерие храмового праздника 24 декабря Соколов разослал сотских и десятских к соборным прихожанам с приказанием протопопа в домы их
с. 161 для исправления треб не допускать и у кого в доме быть прилучится, безмилосердно бить. За впуск протопопа в дом управитель вотчинного правления угрожал прихожанам жестоким наказанием. Ввиду таких угрозительных действий Соколова, протопоп Селинский вынужден был отказаться от совершения треб прихожанам и вошёл с жалобой в консисторию.

Консистория определила послать жалобу на Соколова в собственную Её Императорского Величества канцелярию, а до воспоследования решения оттуда представляла на благоусмотрение Его Преосвященства проступок Соколова, который, «будучи сам пастырскою овцою, осмелился не допускать в храм и приход своего духовнаго пастыря». Епископ Сильвестр не утвердил консисторского постановления и решил ещё раз обратиться к голосу совести виновного. «На первый случай, — написал он резолюцию, — к управителю Соколову из консистории послать указ с нарочным, дабы он от вышепрописаннаго незаконнаго поступка удержался бы, или бы о предпринятой им дерзости с объяснением, для чего он именно то чинить отважился, прислал известие».

Соколов ничего не ответил подателю консисторского указа, капралу, и никакого письменного известия в консисторию не прислал. 26 марта 1765 года епископ Сильвестр приказал:

> Понеже управитель Соколов о вышеписанном противозаконном своём поступке ни по давно посланному к нему указу требуемаго известия не присылает, ни сам по учинённому ему (как

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 7.

известно мне) Собственной вотчинной конторы от присутствующаго господина советника Кошева увещания пред обиженным им честным лицем прощения не просит, а потому не только единому оному обидимому лицу чрез лишение его определённаго дохода вящшую ещё наносит обиду, но и церковное правительство уничижает, а как вся тому обидимому сатисфакция зависит от моего защищения, то во отвращение оной и за презрение духовной команды принуждённым себя нахожу со означенным Соколовым поступить по изображённому Духовнаго Регламента в делах епископских 16-му правилу, что и учинить на первой случай таковым порядком: понеже объявленная обида происходит по злобе за переведение духовника онаго Соколова священника Алексея от Рождественской к Богоявленской церкви, следовательно по тому резону и в посольство Регламентом определённое того духовника употребить подозрительно, и для того к объявленному Соколову отправить Лукиановой пустыни отца игумена Аарона, коему по прибытии туда оному Соколову выговорить наедине с кротостью и увещанием, дабы он престал дела своего и удовольствовал лицо обидимое, испросив у него прощение, и если оной Соколов тому увещанию покорится и действительно по оному исполнит, то велеть явиться обоим как обидившему, так и обиженному с мировым прошением в консисторию; буде же он Соколов таковому увещанию не покорится и презорствовать власть духовную не престанет, объявить ему, что имеет быть отлучён от сообщения с православными во общих молитвах и по возбранении ему входа в храмы Божии запрещён будет причастия Святых Таин, и что учинено будет о том ему игумену отрепортовать мне.[1] *с. 162*

Корчёмные дела. Некоторое расстройство в приходскую церковную жизнь и значительные ограничения правового положения духовенства вносила утвердившаяся ко времени епископа Сильвестра практика забирать духовных лиц по так называемому корчёмному делу для объяснения и очной ставки в светские канцелярии без предварительного сношения с духовною властью. *с. 163*

9 февраля 1764 года в Переславскую консисторию была прислана даже особая промемория из Переславской провинциальной канцелярии. В ней Переславская консистория уведомлялась, что Московская губернская канцелярия по делу священника с. Тумы, Владимирской епархии, распорядилась, чтобы по корчёмным делам провинциальные и воеводские канцелярии забирали духовного чина людей к допросам и очным ставкам без сношения с духовными властями, дабы тем излишнего канцеляриям затруднения не наводить. Когда кто из людей того чина в корчёмстве изобличён будет, тот в силу Высочайшего указа 1751 года к надлежащему суду в консисторию отослан будет без задержания.[2] Таким образом, предварительные следствия над духовными лицами по корчёмному делу провинциальные и воеводские канцелярии стали совершать без сношения с духовною властью. Переславская консистория нашла распоряжение Московской губернской канцелярии юридически необоснованным и, опираясь на Высочайший закон 1721 года о судах над духовными лицами, указы о форме суда 1723 и 1725 годов и 1751 года о корчёмстве, сделала представление епископу Сильвестру о возбуждении им ходатайства о присылке по этому вопросу особого определительного синодального указа. Доношение от имени епископа Сильвестра было заготовлено и отправлено в Святейший Синод, но из последующих дел не видно, чтобы Переславская консистория получила разъяснение в том смысле, каков ей был желателен.[3] *с. 164*

В пунктах к составлению наказа депутату епископ Сильвестр имел в виду главным образом дела указанного рода, когда писал, чтобы «духовных персон по всем делам ведать в духовных правительствах» и «не забирать оных в суды гражданские до исследования в духовных местах»...[4]

Праздные церкви. Разного рода недоразумения, возникавшие между владетелями вотчин и священнослужителями, занимавшими места в их вотчинах, приводили иногда к тому, что приходские церкви довольно значительное время оставались праздны и прихожане вынуждались за исправлением треб обращаться в другие приходы.

В 1767 году, на основании справок, представленных из духовных правлений, в Переславской консистории составлена была так называемая ведомость о праздных церквах.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 36.
[2] Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 1, дело № 47.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 279.
[4] См. в приложениях.

В ведомость занесены были лишь церкви, остававшиеся праздными в течение большого промежутка времени. Таких церквей в епархии оказалось четыре: в сёлах Жукове и Ельцове,
с. 165 Дмитровского уезда, в с. Каллистове, Волоколамского уезда, и в с. Воздвиженском, Клинского уезда. В с. Возвиженском церковь оставалась праздною с 1733 года, в с. Каллистове с 1744 года. В докладах духовных правлений главною причиною запустения церквей выставлялась смерть священника: «в таком то году поп NN умер, а на место его к произведению во священники от приходских людей никто не представлен, также и из саможелающих никто не явился». Такое объяснение духовных правлений не выясняло, конечно, действительной причины запустения церкви. Необходимо было установить, почему это приходские люди в указанных сёлах не представили кандидатов и никто из саможелающих не явился к замещению освободившегося места, после того как епархиальная власть приняла ещё в предшествовавшее время такое горячее участие в укомплектовании приходов причтами. Консистория взглянула на дело глубже. Причину запустения церквей она усмотрела в нарушении вотчинниками данных обещаний о содержании церквей и причтов и предписала управителям духовных правлений съездить на места и запросить владельцев, согласны ли они церковные ветхости починить, а причтам отпускать приличное содержание, угрожая в противном случае закрытием церквей. Несмотря на серьёзность меры, проектируемой консисторией, некоторыми вотчинниками требуемого согласия не было дано. Так, в с. Воздвиженском, Клинского уезда, вотчинником состоял капитан Василий Неелов. Управитель духовного правления не застал его в с. Воздвиженском, но несколько раз, встречая в Клину,
с. 166 уговаривал дать ответ в смысле консисторского предписания, но «тот об оной своей церкви никакого рачения не прилагает и священно-церковнослужителям быть в ней не желает, да и желающих в оном селе церковников изгоняет напрасно, якобы от них оное произошло, а церковную землю, которая подлежит в силу указа отдаче в оброк охочим людям, он вотчинник Неелов упорством своим не отдаёт и владеет собою». В 1768 году консистория привела свою угрозу в исполнение.[1]

Материальное положение духовенства. Находясь в зависимости от вотчинников и прихожан, духовенство материально обеспечено было вообще чрезвычайно скудно. Некоторые данные для суждения по этому вопросу даёт нам дело, возникшее в связи с распределением причтового кружечного дохода в Можайском соборе. Для обновления ризницы и украшения собора епископ Амвросий, как упоминалось выше,[2] распорядился все причтовые, получаемые в Можайском соборе, доходы держать в особой кружке, кружку распечатывать по третям года и третью часть содержимого в ней отделять на церковные потребности. По вступлении епископа Сильвестра на Переславскую кафедру соборяне вошли с особым прошением об отмене такого порядка ввиду крайней скудости соборного дохода. Мотивируя свою просьбу, они привели точную цифру денежных доходов, полученных ими в 1759 и 1760 годах. — Именно, в 1759 году в течение года было вынуто 111 руб. 20¼ коп.; третья часть этой
с. 167 суммы вычтена, согласно указу епископа Амвросия, на церковные потребности, так что на раздел священно-церковнослужителям собора — протопопу, трём священникам, двум диаконам, двум дьячкам, двум пономарям, двум сторожам, всего 12 человекам, оставалось 74 руб. 20¼ коп, В 1760 году вынуто 123 руб. 39 коп., и на раздел поступило 82 руб. 20 коп. «От чего де, — жаловались соборяне, — не токмо дьячки, пономари и сторожа, но и священники претерпевают в домашнем содержании крайнюю нужду и недостаток». Согласно мнению консистории, третью часть, удерживавшуюся на исправление церковных ветхостей, приказано было отдать в раздел с угрозою, что «ежели паче чаяния и паки усмотрены будут, за неприлаганием ими соборянами рачения,.. какия в том соборе ветхости или в надобных церковных вещах недостатки, то вовсе та третья часть взята быть имеет у них соборян во умножение церковнаго дохода безповоротно».[3]

Не надобно забывать, что среди градских священно-церковнослужителей Переславской епархии можайское духовенство было обеспечено более других. Особенно бедственным пред-

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 2, дело № 35.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1768 г., № 4.
[2] См. с. 130.
[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 464.

ставлялось положение духовенства епархиального города, что признало и само епархиальное начальство; по крайней мере так сказано в одной из резолюций епископа Сильвестра.

В 1757 году наместница Князь-Андреевского монастыря Ираида, поп монастырский Иван Петров и церковный староста продали ветхую келью, бывшую на монастырском дворе, за 12 руб. 25 к. и деньги употребили на постройку церковной ограды. Продажа была учинена *с. 168* без разрешения Переславской консистории. Консистория постановила взыскать с каждого по десяти рублей и на те деньги построить вновь келью. Староста непослушанием денег не заплатил; наместница отказалась за бедностью. Штрафовали одного священника и, кроме того, за ту же провинность посадили его под караул. «Не вытерпев такого задержания», Иван Петров купил на свой счёт сруб за 12 руб. 50 коп. Но через недели три новая игумения Феогния заявила, что сруб этот для неё мал, и купила новый, взяв для этой цели те десять рублей, которые были взысканы в своё время с Ивана Петрова, и остальное доплатив из своих средств. Купленный священником Иваном Петровым сруб последнему оставалось только продать, что он и сделал, причём вместо десяти рублей получил всего семь. Между тем келья, устроенная Феогнией, по упразднении монастыря осталась пустою. В 1766 году священник Иван Петров обратился в консисторию с просьбою, в возмещение убытков и понесённых волокит, дозволить ему взять в своё распоряжение пустую келью. Консистория в просьбе отказала. Епископ Сильвестр на консисторском определении написал:

> Хотя означенное консисторское мнение, в разсуждении прописанных в нём обстоятельств, учинено и сходственно, но понеже объявленный проситель за проданную им монастырскую келью деньги не себе в корысть получил, но употребил на строение ограды, а по взыскании с него на постройку новой кельи денег сверх того штрафован и работою и чрез то двоякое наказание понёс, то в уважение *известной всех Переславских священников бедности*, которая, как ви- *с. 169* дим, и онаго просителя принудила вступить с такою просьбою, ныне на оную ему снисхождение учинить можно и просимую им келью, — поелику о ней от бывших с ним в строении той кельи сообщников просьбы нет, а церковным доходам от продажи той кельи большого приращения не предвидится, — ему просителю единому отдать дозволить.[1]

Высочайшим указом от 28 февраля 1765 года определена была такса, по которой священно-церковнослужители могли взимать плату за требоисправления, «дабы оные более положеннаго домогаться не могли, и себя в надлежащем по сану их порядке содержали».[2] Но такса эта не только не улучшила материального положения приходского духовенства, но скорее ухудшила его, так как плата за исправление треб указана была здесь самая минимальная.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 205.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 266, № 225.

Глава 6

Переименование церквей в соборы. — Упразднение церквей и домовые церкви. — Отношение к памятникам старины. — Осквернение церквей. — Неискусно писанные иконы. — Осмотр «неисправностей в церквах». — Мощи. — Богослужение. — Порядок архиерейских служб. — Звон к богослужению. — Отлучки священнослужителей от церквей в святую Четыредесятницу. — Незаконнорождённые. — Таинство миропомазания. — Причащение больных. — Исповедь священнослужителей. — Распоряжения о совершении браковенчания. — Хождение с иконами в день Пасхи по домам прихожан. — Пастырское учительство. — Указ епископа Сильвестра о проповедании слова Божия.

с. 170 **Переименование церквей в соборы.** Некоторые из городских церквей в правление епископа Сильвестра обращены были в соборы, частью в видах согласования с положением об учреждении Переславской епархии, частью ввиду особых обстоятельств, связанных с учреждением штатов.

Ещё при епископе Амвросии в 1760 году Переславская консистория вступила с особым докладом об учреждении собора в г. Александрове, основываясь на том, что в Высочайшем указе об открытии Переславской епархии Александрова слобода написана в числе городов. Из трёх церквей, существовавших в Александрове, консистория предлагала обратить в собор церковь Рождества Христова, «яко великоприходную и священно-церковнослужителями довольную». Епископ Амвросий велел «учинить по оному докладу», но за разными обстоятельствами дело затормозилось, и только при епископе Сильвестре в 1764 году состоялось переименование Александровской Рождественской церкви в собор. Протопопом
с. 171 к Рождественскому собору назначен был священник Иосиф Селинский, состоявший раньше священником при Богоявленской церкви, «яко довольно находится управителем в духовном правлении безподозрительно», а на место Селинского положено было перевести к Богоявленской церкви одного из трёх священников Рождественской церкви, «коему по жребию припадёт». Решение было приведено в исполнение, хотя, как знаем из изложенного выше,[1] исполнение это сопровождалось большими смутами в Рождественском приходе.[2]

В конце 1764 года, по резолюции епископа Сильвестра, велено было консисторией протопопу Преображенского собора Иоанну Иоаннову представить известия о времени построения собора и земельных крепостях. Протопоп Иоанн Иоаннов на запрос ответил кратким сообщением:

> В книге, имеющейся в Переславской провинциальной канцелярии, зовомой Торжественник, во описи значит, что оной Переславской Преображенской собор построен после царя и великаго князя Владимира Мономаха, сыном его князь Егорием Владимировичем Долгоруким в лето 6660 (1152) каменнаго здания, а об оном соборном строении и соборном учреждении никаких письменных известиев не имеется, а в 135 и 136 и 137 годех в данных на имеющуюся ко оному собору земли выписях точно написан Переславским Преображенским собором, да напредь сего в настоящей соборной церкви имелась придельная церковь во имя Благовещения Пресвятыя
> *с. 172* Богородицы, вместо котораго придела за теснотою во оной соборной церкви, по просьбе бывших

[1] См. выше, с. 222—223.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1763 г., по описи № 1, дело № 197.

протопопов, построена особливая деревянная тёплая церковь в то ж наименование для зимняго времени, в которой церкви ныне священнослужение и исправляется.

Со всех угодий, принадлежащих Преображенскому собору, и мельниц ежегодно собиралось от 110—115 рублей, из коих платили в Переславскую канцелярию за мельницы и рыбные ловли по 10 руб. 92 коп., остальные деньги делились по равным частям, причём протопопу, например, приходило по рублей 27 в год. Доходы церковные в 1764 году слагались из следующих поступлений. От свечной продажи и доброхотных подаяний — 33 руб. $40^3/_4$ коп.; от Переславской провинциальной канцелярии на воск и просфоры — 3 руб. 92 коп.; из Коллегии Экономии — ладану по шести фунтов; из Главной дворцовой канцелярии на вино церковное — по 1 руб. 36 коп. В том же году в расходе состояло: на вино церковное, на ладан, на воск для свеч, на изготовление свеч, за печение просфор, на дрова и угли — 52 руб. 81 коп. Недостающие израсходованные деньги взяты из остатков прошлого года.

Наведённые справки вызваны были исключительными условиями, в которых оказался Преображенский собор после введения штатов. В 14 и 17 пунктах Высочайшего указа о штатах было повелено, чтобы в тех городах, где архиереи жительство имеют, если есть два собора, то одному из них остаться на штатном содержании, а другим, которые хотя и более десяти рублей руги получают, но имеют приходские дворы, земли, сенные покосы, мельницы, рыбные ловли, или другие какие доходы, тем руги не производить, а довольствоваться им *с. 173* от приходов или получаемым доходом. В марте месяце 1765 года епископ Сильвестр вступил с доношением в Святейший Синод, в котором сообщал:

> При Переславском архиерейском доме соборною церковью на положенном штате осталась Горицкаго монастыря Успенская церковь, а в городе Переславле разстоянием от архиерейскаго дома более двух вёрст имеется вторая Преображенская соборная церковь каменнаго здания, построенная в 6660 году, при коей крестьян и приходских дворов не имеется, а довольствуются соборяне от принадлежащей к той церкви земли с угодии по писцовым книгам написанной, точию та соборная давняго строения Преображенская каменная церковь сооружена в глухом и не по пристойности собора месте, весьма теснаго и небогатаго здания, собранию народному при служениях соборных на молитвословие, а паче при преподавании народу катихизическаго учения охотно слышать желающему крайне невместительна; деревянная же при ней не токмо ничем от других приходских малых церквей неотлична, но и весьма тесняе и подлее. А вблизи самаго того собора и внутри города при большой перспективной дороге в пристойном месте состоял новаго здания во имя Сретения Владимирския Богородицы безвотчинной девич монастырь с каменною оградою и двумя каменными знатно пространными к многонародному на молитвословие и слышание поучительных слов собранию довольными церквами, которой монастырь за неположением в штат и за выведением монахинь в Переславский Феодоровский штатной монастырь остаётся ныне при всём том благолепном здании по малоприходству без призрительства, *с. 174* а собором быть против Преображенскаго по всем обстоятельствам приличнейший и удобнейший.

Ввиду изложенных резонов епископ Сильвестр ходатайствует пред Святейшим Синодом церкви бывшего Сретенского монастыря, «поелику им при таковой благолепности с произвождением всегдашняго священнослужения довольствоваться не от чего», причислить к Преображенскому собору, и как древнему Преображенскому собору, так и Сретенским монастырским церквам именоваться общеградскими соборными.

22 июля 1765 года в Святейшем Синоде приказали: «быть по означенному представлению Его Преосвященства». Таким образом, церкви Сретенского монастыря превратились в соборные. Тёплая Благовещенская церковь при Преображенском соборе оставлена была при нём по-прежнему, «для зимняго в оной церкви служения ранних литургий».[1]

В 1767 году, по определению консистории, колокола с деревянной колокольни Преображенского собора перенесены были в Сретенский монастырь, самую же колокольню приказано было разобрать, продать и деньги употребить на приобретение повседневного колокола.[2]

Через несколько лет был поднят вопрос о ремонте Преображенского собора.

---

[1] Архив Святейшего Синода. 1765 г., марта 30, № 55.
Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 1, дело № 194.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 1, дело № 98.

с. 175 **Упразднение церквей и домовые церкви.** Некоторые приходские храмы, даже в епархиальном городе, в правление епископа Сильвестра были закрыты, и здания их в качестве строительного материала перевезены в другие сёла, где в таких материалах чувствовалась надобность. Упразднение церквей происходило или вследствие малочисленного состава прихожан и связанной с этим недостаточной обеспеченности причта, или же ввиду крайнего обветшания храма, для возобновления которого прихожане отказывали в средствах. Так, в Переславле упразднена была церковь Рождественская на площади[1] и Спасская, сгоревшая в 1765 году. Прихожане сгоревшей Спасской церкви обратились в консисторию с просьбой о разрешении взять им для построения нового храма материал обветшавшей упразднённой церкви Рождественской. Но консистория, основываясь на указе 1757 года и исходя из того положения, что «Спасская церковь малоприходная, да не точию она одна, но почти все в городе Переславле церкви, потому что на немногих саженях сряду церковь от церкви и множество их без всякой нужды настроено, малоприходныя имеются», определила сгоревшую Спасскую церковь не строить, а на место престола этой церкви возвести пристойную безвходную часовню.[2]

В 1767 году закащик Серебужского заказа донёс, что в его заказе, близ погоста Закубежского, имеется ветхая запертая церковь, называемая в Шемякиной пустыни. Для описи
с. 176 церковного имущества и допроса священнослужителей Закубежского погоста отправлен был закащик и консисторский подканцелярист. Церковь оказалась во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. При описи церковного имущества в храм вошёл староста церковный, вотчины бригадира Феодора Зубова крестьянин Сергей Дмитриев, и заявил, что ключи от церкви имеются у него в доме по приказу его господина, в дачах которого оная церковь построена; некоторые церковные облачения, книги, три колокола и кропильник взяты им, старостою, назад тому года три и хранятся в житнице его господина. Священнослужители погоста Закубежского показали, что они служили пред образом Иверской Божией Матери в том храме молебны раза с три и что от отцов своих слыхали о бывших в той пустыни монашествующих, «а давно ли она запустела, того не знают». Приказано было церковь разобрать, а утварь передать в консисторию. Последнее оказалось трудно осуществимым, так как, во-первых, церковный староста не отдавал церковных вещей, ссылаясь на то, что они заперты в житнице его господина, а во-вторых, образ Иверской Божией Матери оказался в Закубежском храме, при образе приставлен был упомянутый выше церковный староста Сергей Дмитриев (действовавший независимо от старосты погоста Закубежского), который, по приказу господина своего, деньги, выручаемые от продажи свечей и прикладные от доброхотных дателей, забирал и своевольно относил в дом Зубова. После волокитной переписки, во время которой староста Сергей Дмитриев находил себе поддержку со стороны своего господина, образ Иверской Божией Матери передан был в храм погоста Закубежско-
с. 177 го. Староста Сергей Дмитриев согласился пожертвовать из собранных, а частью из своих денег 100 рублей на покрытие церквей погоста. Священные предметы, церковная утварь Благовещенского храма переданы были, по настоянию того же старосты, не в консисторию, а в Закубежский погост. Благовещенскую церковь разрешено было употребить на обжиг кирпича при постройке каменного храма в с. Иудине.[3]

В 1768 году консистория определила упразднить и употребить на топление и печение просфор деревянные церкви в с. Жукове, Дмитровского уезда, и с. Воздвиженском, Клинского уезда, ввиду упорного нежелания вотчинников, содержавших эти церкви, принять меры к обеспечению церквей и их клиров содержанием.[4]

Постройка новых храмов в тех случаях, когда имелось в виду образование самостоятельных приходских единиц, со стороны консистории всегда встречала противодействие.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1765 г., № 45.

См.: *Малицкий, Н. В.* Из прошлого Владимирской епархии / Н. В. Малицкий. — Владимир: Скоропечатня И. Коиль, 1906. — Т. 2.

[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 46.

[3] Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 1, дело № 46.

Пустыня в консисторских бумагах называется Шемякино, а в докладах закащика и священнослужителей погоста Закубежского — Шевякино.

[4] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1768 г., № 4.

См. выше, с. 224.

Принималась при этом во внимание, конечно, наличная многочисленность приходов и обусловленная этою многочисленностью необеспеченность церквей и причтов, о которой говорил Высочайший указ 1757 года. Так, консистория решительно отклонила намерение крестьян сельца Веслева построить в их сельце особую церковь с тем, чтобы образовать от с. Соломидина свой самостоятельный приход.[1]

Такие же ограничения консистория ставила в тех случаях, когда поднималась речь *с. 178* о постройке новых домовых церквей.

В 1766 году отставной артиллерии капитан Иван Яковлев Блудов вошёл в консисторию с прошением, где, указывая на дальность того сельца, в котором он жил (Козлово), от приходской церкви в с. Никитском, Дмитровского уезда (6 вёрст), [6 км] и на престарелость и болезненность своей матери, «которая за частыми припадками и несносными болезнями» в указанное село Никитское ездить не может, просил разрешения построить в сельце Козлове домовую церковь во имя образа Богородицы Троеручицы, обещая обеспечить причт соответствующей ругой. Консистория в просьбе отказала, ссылаясь на то, что «Высочайшими указами, хотя домовыя церкви строить дозволено для слабости здоровья, точию в сих законах о знатных персонах изображено, а означенный проситель капитан Блудов и мать его не такой знатности, чтобы им препятствовало, живши праздно, ездить на молитвословие в приходскую церковь». Епископ Сильвестр утвердил постановление консистории.[2]

Запрещая строить вновь домовые церкви, консистория руководилась главным образом Высочайшим указом от 5 октября 1723 года, так как указ императора Петра III 1762 года 5 марта, по которому без соизволения Его Императорского Величества в партикулярных домах церквей строить не позволялось,[3] был отменён 26 июля того же года.[4]

Отношение к памятникам старины. При постройке новых храмов пользовались обык- *с. 179* новенно материалом храмов обветшавших, предназначенных к разрушению. Если строилась церковь каменная, материал деревянных церквей употреблялся на обжиг кирпича. О сохранении памятников старины при этом по-прежнему мало заботились. Особенно много уничтожалось древних предметов церковной утвари.

В 1763 году, например, в Никитском монастыре потребовалось обложить серебром новое напрестольное евангелие. По просьбе настоятеля монастыря архимандрита Иеронима, материал для оклада взят был с очень старых икон, хранившихся в ризнице (числом 49), и с обветшавших царских врат, оставшихся от старой придельной церкви Преподобного Никиты.[5]

В том же году в Колоцком монастыре, по докладу архимандрита Иоасафа с братьею, разрешено было продать в лом много старых окладов, венцов, 97 средних и малых крестов и другие ризничные вещи, которые «хотя оказались тверды, но явились в излишестве». Не позволила консистория продать в частные руки только старинных монет; их на основании указа Петра Великого от 1721 года приказано было отдать в Москву на монетный двор за определённую цену.[6]

В 1764 году последовало уничтожение окладов, венцов и большого количества серебряных вещей в Переславском Борисоглебском монастыре, что на Песках. Серебро было сплавлено *с. 180* и употреблено для изготовления серебряной лампады и возобновления местных образов.[7]

Осквернение церквей. Обветшание церкви и малообеспеченность её содержанием являлись не единственным обстоятельством, которое вело к прекращению богослужения в таких храмах. Бывали случаи, когда в церкви временно прекращалось богослужение, это — при так

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 66.
[2] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 81.
[3] Архив Переславской духовной консистории. 1762 г., по описи № 2, дело № 31.
[4] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 29, № 26.
[5] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 132 и 160.
[6] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 296.
[7] Архив Переславской духовной консистории. 1764 г., по описи № 1, дело № 129.
Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1764 г., № 473.

называемом осквернении. Епископ Сильвестр очень внимательно относился к происшествиям такого рода и требовал, чтобы все подобные дела докладывались ему непосредственно.

В 1766 году в Переславской консистории были рассмотрены два доношения — священника Рождественской Переславской церкви внутри города Александра Иванова и с. Хупани Феодора Игнатьева. Первый священник доносил, что 25 декабря 1765 года во время служения всенощного бдения шестилетний мальчик осквернил церковь извержением («выблевался»). Второй сообщал, что 6 января 1766 года при выходе из церкви дьячком усмотрена на полу истекшая человеческая кровь, которая была немедленно выстругана и стружки положены на безвходном под трапезою месте. В обеих церквах богослужение было прекращено. Консистория, рассмотрев эти доношения, вступила к епископу Сильвестру с представлением о более скором и безволокитном решении всех дел этой категории.

с. 181

> Не соизволит ли Его Преосвященство, — писала консистория, — во означенных церквах ныне, так и где таковые же подобные нечаянные случаи Переславской епархии в церквах святых, кроме алтарей, осквернения впредь прилучатся, к очищению их с надлежащею, как в требнике изображено, молитвою, архипастырское благословение преподать, дабы чрез то священникам волокиты, а в священнослужении остановок не было, и о том во все духовныя правления послать указы, по которым велеть, когда где и какое церкви осквернение последует и дозволение ко очищению дано будет, из тех правлениев в консисторию за известие репортовать.

Епископ Сильвестр с приведённым определением консистории не согласился.

> Понеже таковых нечаянных случаев, — написал он резолюцию, — как по четверолетней моей в епархии бытности известно мне, мало и редко бывает, а на духовныя правления, в разсуждении многих в немаловажных делах проронов и упущениев, видно положиться не можно, дабы оныя, получа дозволение на разрешение церквей святых нечаянным случаем и не в крамоле осквернившихся, не могли отважиться по дружбам и по родству, или из какого либо лакомства разрешать оныя и в самых опасных случаях, а тем паче утаевать бываемыя между священно-церковнослужителями ссоры и безпорядки; того ради определяется означенныя осквернённыя две церкви церковною молитвою очистить и в них по прежнему служить; а впредь священникам в случае осквернения церквей, что не самими оными учинено будет, представлять непосредственно ко мне или в консисторию, присылая таковыя представления во облегчение их
с. 182 от волокит и убытков или чрез учреждённыя почты, или же с церковнослужителями. Что же от самих их произойдёт, то им с представлениями о себе и заявляться непременно.[1]

Неискусно писанные иконы. Из священных предметов церковной утвари особенное внимание епархиальной власти обращали на себя по-прежнему неискусноописанные иконы. В 1767 году в Переславль было прислано два указа Святейшего Синода: первый от 1 июня о том, чтобы «в иконных изображениях странныя и нелепыя непристойности как наиудобнее искоренены и пресечены быть могли»,[2] и второй от 20 июня, чтобы «преосвященные архиереи... имели наиприлежнейшее смотрение, дабы нигде святых образов непристойными изображениями писано не было».[3] По получении таких распоряжений высшей власти, епископ Сильвестр определил:

> По епархии в духовныя правления и заказы, в монастыри и пустыни разослать указы, с тем, чтобы в монастырях настоятели, а в соборах и церквах учреждённые блюстители благочиния, как и приходские священники каждый в домах своих прихожан учинили крепкий надзор, не найдётся ли где таковых икон странных и нелепых и по раскольническому умствованию писанных, и где сыщутся оныя, кроме местных, в церковных иконостасах находящихся, требовать в присылку в консисторию, а о имеющихся в иконостасах таковых иконах собрать имянныя
с. 183 ведомости. Что бы же означенныя непристойности вовсе искоренены и пресечены быть могли, как монастырским начальствующим, так духовным управителям и всем священнослужителям навсегда строго наблюдать, и если где такия противныя православной церкви иконы оказываться будут, оныя в консисторию отбирая, с показанием откуда взяты будут, присылать, под опасением за опущение такого суждения, какое за преступление указов положено, в чём всех священнослужителей обязать подписками.

---

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1766 г., № 3.

[2] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 397—398, № 351.

[3] Там же. — С. 404, № 357.

В городе Переславле протопоп Преображенского собора Иоанн Иоаннов, соборный священник города Рузы Степан Степанов и консисторский канцелярист Иван Плишкин уполномочены были освидетельствовать образа, привезённые на съезжую ярмарку, не окажется ли среди них писанных развратными и непристойными благолепиями. Через некоторое время в консисторию представлен был печатный на бумаге образ, изображающий Святую Троицу с тремя лицами и четырьмя глазами, отнятый у переславского купца Семёна Трухачёва. На допросе Трухачёв сказал, что образ его собственный, купленный им в Пскове. По осмотре в консистории, образ оказался иностранной работы, с надписью на исподи по-латыни и по-немецки. Консистория по этому поводу вошла с особым докладом к епископу Сильвестру, на котором Сильвестр написал:

> Изготовя доношение в Синод, представить к подписанию, при коем и образ для самоперсональнаго Их Святейшества разсмотрения отправить. В доношении изобразить, что означенный образ признаётся вывозным из заграничных мест, и для того, не соблаговолено ли будет воспретить указом вывоз таковых. *с. 184*

Представление епископа Сильвестра было принято во внимание, и соответствующий указ издан 17 августа того же года. [1]

Кроме этого образа, на съезжей ярмарке отняты были печатные на бумаге изображения Спасителя, Богоматери и святых угодников, писанные «смехотворным изображением», и при них молитвы, которые показались осматривавшим «сумнительными». При градском городничем с десятскими все эти листки были в лавке опечатаны. Молитвы оказались апокрифическими.

Заявления, поступившие из других мест, указывали на существование в церквах икон, писанных по раскольническому мудрованию, а также слишком обветшалых. Особенно много изъято было из церковного употребления икон последнего рода. Настоятель Никитского монастыря использовал этот случай генерального осмотра церквей для передачи в ризницу многих образов монастыря, признанных им «обветшалыми и неискусноописанными».

Иконы, собранные по Переславлю и уезду, переданы были для хранения в кафедральную ризницу, по Дмитрову и уезду — в Дмитровский Борисоглебский и Николаевский Песношский монастырь, по прочим городам и уездам: Волоколамску, Рузе, Верее, Клину, Гжатской пристани — в Волоколамский Иосифов монастырь.[2]

Вместе с неискусноописанными иконами изымались из церковного употребления, согласно *с. 185* указу Святейшего Синода от 1722 года, все резные изображения. В 1762 году из Рузского духовного правления представлено было в консисторию, что взятый из ветхой церкви Успения Пресвятой Богородицы резной образ Николая Чудотворца «за великостью его в консисторию не может быть привезён». Консистория определила

> В Рузское правление и Можайский монастырь послать указы, коими велеть Рузскому духовному правлению означенный образ отвезть для хранения в Можайский Лужецкий монастырь, а в том Лужецком монастыре оный принять и поставить в удобном месте с крепким смотрением, чтобы народу соблазна не было.[3]

Осмотр «неисправностей в церквах». Осмотр церквей Переславской епархии производился и до указа 1767 года по частным распоряжениям епархиальной власти, но он касался главным образом состояния престолов, антиминсов, достаточности укомплектования церквей богослужебными книгами.

Так, в 1765 году по Переславлю и Переславскому уезду для осмотра церквей был командирован протопоп Преображенского собора Иоанн Иоаннов. По возвращении из командировки он представил консистории длинный список сёл, в церквах которых замечены были им «неисправности». Список указывал главным образом на недостаточное снабжение церквей нужными книгами, но здесь встречались и пометки о колебании престола, ветхости *с. 186*

---

[1] Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государыни императрицы Екатерины Второй. — СПб.: Синодальная типография, 1910. — Т. 1: 1762—1772 гг. — С. 416—417, № 368.

[2] Архив Переславской духовной консистории. 1767 г., по описи № 2, дело № 46.

[3] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1762 г., № 243.

антиминса, полуразрушенном состоянии колокольни, папертей. Священники, в церквах которых найдены «неисправности», вызваны были в консисторию и с них взяты подписки в том, что замеченные недочёты будут исправлены.

В некоторых случаях обратились к предупреждениям и взысканиям более энергичного характера. Так, относительно церкви с. Большой Бремболы было показано: «В придельной церкви в алтаре престол колеблется, вверху по стенам многия разсадины, колокольня весьма ветха». Священник с. Большой Бремболы Симеон Миронов и диакон Михаил Михайлов, вызванные в консисторию, сказкою показали, что

> в показанной придельной церкви престол не колеблется, а состоит в твёрдости... с чего же речённый протопоп в ведомость оную престола колебание написал, того они священник и диакон не знают. А вверху в той придельной церкви и по стенам разсадины подлинно имеются и колокольня весьма ветха и склонна к падению, о возобновлении коих ветхостей и о постройке колокольни оный священник и диакон той церкви приходских людей просил, но они от того отказались, а церковных денег в сборе ничего не имеется.

По постановлению консистории в с. Большую Бремболу был вторично командирован протопоп Иоанн Иоаннов, причём для большего вероятия к нему прикомандирован священник Вознесенской градской церкви Иван Филиппов. По осмотре оказалось то, что было написано в ведомости раньше. Консистория постановила:

с. 187

> Не благоугодно ли будет Его Преосвященству, священника Симеона Миронова и диакона Михаила Михайлова за то, что они — первый как тоя церкви настоятель, а второй оной церкви священнослужитель не только о исправлении церковных ветхостей и о разобрании колокольни, склонной к падению, не старались, но и престол колеблющийся, где святыя и страшныя Тайны Христовы совершаются, не утвердили, а при взятии с них в консистории сказки лгали... отослать обоих в домовое правление в работу на месяц.

Приходским людям об исправлении ветхостей подтверждено было указом.[1]

Мощи. Кроме искоренения странных и нелепых непристойностей в иконных изображениях, предметом особенного внимания епархиальной власти, руководившейся в этом отношении указами Святейшего Синода, была забота о том, чтобы в церквах не хранились и не были предметом народного почитания реликвии сомнительного и ложного характера.

В 1766 году священник Рождественской Переславской, что внутри города, церкви Александр Иванов заявил жалобу на другого священника той же церкви Василия Петрова в том, что Василий Петров взял из Рождественской церкви неизвестно какие мощи, держит их у себя в доме и по просьбе приходящих людей совершает пред теми мощами молебны и освящает воду. Немедленно мощи взяты были в консисторию и освидетельствованы. Мощи оказались в бумажках, на которых были соответствующие надписи. Именно, на первой *с. 188* бумажке значилась надпись: «риза», а чья, за ветхостью бумажки нельзя было прочитать; на второй бумажке — мощи Александра Свирского, на третьей — Гурия, Казанского Чудотворца, на четвёртой — Сергия Радонежского мантия, на пятой — мученика Гурия, на шестой — мученика Пантелеймона. Когда бумажки были разодраны, в них оказалось: в первой — лоскуточек малиновой материи с зелёной кромочкой, а в остальных один воск. На допросе священник Василий Петров показал, что мощи эти присланы в Рождественскую церковь от дворцовой карлицы (имени и отчества её не назвал) при его предшественнике священнике Герасиме Феодорове, который умер лет двадцать тому назад. Священник этот вместе с Василием Петровым, бывшим в то время дьячком при означенной церкви по просьбе приходящих людей освящали воду, летом — в церкви, а зимой за стужею — в доме священниковом. Каждый раз по освящении воды мощи вынимались из бумажек, обмакивались в воду и тою водою Герасим Феодоров кропил фиником людей и давал ту освящённую воду пить. То же делал и он, священник Василий Петров, но кому именно то чинил, не упомнит, понеже то было весьма редко, в год раза по два, по три и по четыре. В свой дом из церкви он Василий Петров перенёс мощи в воскресенье второй недели Великого поста, «для такового же освящения воды от головной его священника болезни».

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1765 г., по описи № 1, дело № 182.

Прошлое поведение священника Василия Петрова говорило не в его пользу. В консистории имелось в производстве дело об обвенчании им незаконного брака. — Обсудив всесторонне дело, консистория нашла смягчающие вину обстоятельства в том, что мощи внесены *с. 189* были в церковь и при них стали совершаться богослужебные действия не им, Василием Петровым, а его предшественником, Герасимом Феодоровым. Ввиду того консистория полагала ограничиться ссылкой Василия Петрова в монастырь на год без священнослужения, с тем, чтобы по истечении года дать ему при другой церкви дьячковское место впредь до усмотрения его состояния. Дьячка и пономаря Рождественской церкви за то, что они не донесли своевременно о мощах, консистория, освободив ввиду их старости от телесного наказания, определила сослать на полгода в монастырские труды. Лоскуточек и воск с бумажками были запечатаны и отосланы в контору Его Преосвященства.

Епископ Сильвестр посмотрел на дело иначе и в длинной мотивированной резолюции высказал взгляд, значительно несогласный с тем отношением к священным реликвиям, которое у нас со времени Петра Великого усиленно насаждалось правительственною властью. Епископ Сильвестр устанавливает прежде всего, что

> за оным священником и церковнослужителями никакого подлога, ни о разглашении о том для своего скверноприбыточества умысла не открылось, а оказалось только то, что оныя бумажки с восковою материею в том виде, в каком оне в консисторию взяты, имелись в показанной церкви ещё при умершем в давных годех тоя церкви священнике Герасиме, присланныя... от некоей карлицы...; а понеже мощи святыя, а особливо в мелких частицах состоящия, и креста Господня стружки, сколько мне по нынешней моей здесь бытности от хранителя оных в Синодальной ризнице отца ризничаго иеромонаха Гавриила известно, за мелкость их обыкновенно кладутся *с. 190* в воск, или мастику, для того чтобы липкостью онаго без разсыпания удержаны быть могли, следовательно и о вышеявствующих взятых из Рождественской церкви восковых частицах, точно ли в них есть какия мощи, да по мелкости с восковою материею смешения различить того нельзя, или ничего нет, равно и о материальном лоскуточке, от чего он есть, в достоверности всех сих обстоятельств утверждать не можно, перваго за неимением о подлинности вероятию достойных свидетелей, а другого в разсуждении вышеизображеннаго о содержании мощей наибольше в восковой материи древняго обычая. А как многие из правоверных, получа где либо святыя мощи, или иную какую им только единым, в каком она есть виде, ведомую святыню, оставляют на благословение своему потомству, а приимшие то с усердием почитая быть истинну, одни по большей части воображая опасность себе греховную за неверствие, не дерзают любопытствовать, а другие, не имея к любопытству склонности, препоручают потомству, и так от единаго в другой род таковыя святыя вещи преходят без всякаго о них преследования, коим образом и в церквах хранящияся в крестах, при иконах и в других местах святыя мощи и прочее, при сменах от одного другим хранителем по описным книгам и надписям только где что положено, по взаимной между отдающею и приемлещею персонами друг к другу доверенности, а без точнаго, каков другим ризничным вещам приём бывает, сколько мне ведомо, свидетельства сдаются. По каковым между христианством обычаям и объявленных Рождественских священно- *с. 191* служителей в принятии по смерти прежняго священника без должнаго показания с называемыми мощами бумажек свидетельства и в недоносе о том священника ж, особливо за обмакивание оных именуемых мощей в освящённую воду с кроплением ею себя и требующих, и дачею пить по единому только его малоразсудству, но без всякаго умыслу, с примеру помянутым бывшим той церкви священником чинимаго, дальней винности не усматривается... довлеет оному священнику единое приложенное мною и первой за обвенчание им недозволеннаго брака епитимии... а дьячка и пономаря, как меньше ещё против объявленнаго священника погрешивших, оставить без штрафа. Но чтобы впредь они в подобных сему сумнительных случаях доносили консистории без всякаго упущения, под опасением неминуемаго по законам суждения, в том их обязать подписками. Чтобы же и определённые к смотрению церковнаго благочиния закащики и десятоначальники в порученных в ведомство их церквах об истреблении суеверия и всяких противозаконных вымыслов крепкое в силу данной им инструкции во всём имели наблюдательство, о том к ним подтвердить указами. Что же касается до вышеупомянутых именованных с мощами восковых частиц с лоскутком материи, оныя и с бумажками, в коих взяты, по напечатании при мне всех обще в бумажку собственною моею печатью, от конторы моей отослать в консисторию при сообщении с тем, чтобы они отданы были в домовую ризницу с роспискою и с подлежащим о них в описных ризничных книгах, дабы впредь будущему потомству за неизвестность не могло быть какого сумнительства, прописанием, кои хранить в той ризнице *с. 192* в пристойном честном месте, не утверждая их по вышеявствующим сумнительствам за под-

линную святыню и не повреждая никогда и ни по какой нужде положенной на оных моей печати.[1]

Богослужение. Епископ Сильвестр, как и его предшественник Амвросий, был сторонник церковного благолепия и истового, торжественнаго совершения церковных служб. Вскоре же по вступлении на кафедру им издано было распоряжение о лицах, назначаемых к участию в архиерейских службах, кроме праздничных и «знатных» дней. Диаконов в обычном архиерейском богослужении должно было участвовать семь, кроме протодиакона, и кроме того, ещё несколько семинаристов. Так как такого количества диаконов при кафедре не имелось, то к участию в архиерейском служении привлекались градские диаконы в известной очереди. Расписание священно-церковнослужителей, «кому принадлежит при Его Преосвященстве в служении быть», заканчивается особой общей инструкцией, касающейся благочиния при архиерейском богослужении.

О служении, как градским диаконам, так и прочим священнослужителям должно с вечера давать знать; а во время служения благочинному наблюдать, дабы диаконы (как сослужители алтарные) по узаконенному порядку стояли стройно, торопливых бы с места на место перебегов, и покри-

---

Здесь заканчивается опубликованный текст.

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1766 г., по описи № 1, дело № 42.

Приложения

Опись

катедральному Горицкому монастырю монастырскому строению всякому заводу и протчему что в 1754-м году имелось[1]

По прежним описным книгам	Ныне налицо и чего не явилось
В катедральном Горицком монастыре церковь соборная во имя Успения Пресвятыя Богородицы, каменная без глав и внутри столбы повредились, иконостасу не имеется, а старой из нея хранится в кладовых полатах.	Налицо.
У соборной же церкви колокольня каменная, верх шатром обоюдной главе. Глава крыта чешуёю муравленою, а закоморы и наугольники крыты тёсом и на той колокольнице колоколов:	Налицо до сего 1757 года имелась, а в сём 1757 году до нижняго пояса разобрана и строится вновь ризничный осмерик, колоколы ж сняты на столбовую колокольню.
Колокол благовестной большой весу в нём сто тридцеть пуд.	Налицо
Колокол благовестной весом пятдесят четыре пуда двадцать восемь фунтов.	Налицо.
Колокол благовестной весу в нём тридцеть пуд.	Налицо.
Колокол в семнатцеть пуд тридцеть восемь фунтов.	Налицо, расшибен, а кем неизвестно.
Колокол красной.	Налицо.
Два колокола перечасных.	Налицо один расшибен, а кем неизвестно.
Три колокола зазвонных.	Налицо один расшибен, а кем неизвестно.
На колокольне ж часы большие с перечастьем железные.	Налицо сняты и хранятся в кладовых полатах.
В монастыре ж церковь каменная с трапезою и с службами во имя всех святых о пяти главах. Главы обиты железом белым немецким, кресты на них железные с репьями позолочены. Церковь и трапеза и службы и сходы крыты тёсом.	Налицо искоех три наугольные главы в 1754 году в октябре месяце за ветхостию от бури свалились и розшибены с коих жесть обрана и хранится в кладовых полатах; а сходы забытность преосвященнаго Серапиона сламаны.

[1] Архив Переславской духовной консистории. 1754 г., по описи № 2, дело № 50.

По прежним описным книгам	Ныне налицо и чего не явилось
Церковь Иоанна Предтечи каменная о трёх главах. Главы обиты железом старым немецким, кресты железные в том числе на большей главе крест вызолочен поля и олтарь крыты тёсом.	Налицо до 1754 году, а в 1755 году до фундаменту разобрана и на том месте заложена и ныне строится с семью пределами Гепсимания.
На святых вратех церковь каменная во имя чудотворца Николая ободной главе. Глава обита железом белым, крест на ней построен медной литой вызолочен на церкви и на папертях и на сходах каменных крышки тесовые.	Налицо.
Кругом монастыря ограда ветхая каменная во многих местах с расщелинами.	Налицо.
Над передними святыми воротами деревянной штиль крыт тёсом с крестом железным ветхим.	
Над задними воротами башня бескрышки.	Налицо весьма ветхая.
Кругом монастыря три башни круглых.	Ветхи и как на них так и на ограде крышки.
Триж четвероугольных, ограда и башни крыты тёсом.	Весьма ветха на иных же многих местах на ограде от ветхости обвалилась.
Кельи архимандричье каменные крыты тёсом крышка гнутая. При них кельи деревянные крыты тёсом.	Згорели в 1753 году от несмотрения и небрежения за что некие как по делу в консистории явствует штрафованы.
У пруда кельи каменные братские одвух партаментах крыты тёсом.	До 1753 году имелись ветхи, а в том 1753 году от онаго приключившагося пожара инавящше обетшали зачем в 1754 году и разобраны до фундаменту.
Хлебных деревянных девять анбаров крыты тёсом.	В 1754-м году перенесены и перестроены при Данилове монастыре на житенном дворе имеются на лицо.
Под трапезою всех святых кладовая полата.	Налицо.
Два погреба брацких каменных, над погребами четыре кельи каменные.	Налицо.
Два ледника деревянные крыты тёсом.	Налицо.
Поварня да квасоварня братские каменные крыты тёсом.	Налицо весьма ветхи.
Кузница деревянная со всякою кузнечною збруею крыта тёсом.	Налицо, в 1755 году на иное место перестроена.
У задних монастырских ворот сарай, в котором поставляютца коляски и протчая всякая конская збруя, на верху подволока окно слуховое, крыт тёсом.	Налицо.

По прежним описным книгам	Ныне налицо и чего не явилось
Двор конюшенной деревянной, на том дворе ворота дощатые косящетые рублены в брус да прикалиток над ними башня крыта тёсом.	Налицо весьма ветхи.
Другие проежжие ворота.	Проежжие ворота за ветхостию вновь построены.
Келья деревянная передняя.	В 1755-м году вновь построена.
Другая келья деревянная задняя.	В том же году за ветхостю перестроена.
Промеж ими сени четырёх сажен и с тех обоих сеней наверх ход.	Налицо.
Наверху на сенях чарадак, келья и черъдак крыты тёсом.	Налицо.
От оных же ворот до сушил ограда клеткою.	Налицо.
У тех же ворот денник крышка на одну сторону крыт тёсом с скалою.	Налицо.
От тех ворот до стоел ограда с клеткою к той ограде приделан денник, крышка на одну сторону крыта тёсом скалою.	Налицо.
Стойло деревянное, мерою в длину десети сажен поперёг пяти сажен трёх аршинные на той длинной стене двери створные на крюках железные у них чепь железная плоская огибная.	Налицо.
В том же стойле девятнадцеть стоел забранных брёвнами сокошками узинкими.	Налицо.
В том же стойле чулан кладовой.	Налицо.
Поверх тех стоел трои сушила о трёх жильях кладовые для клажи конюшеной збруи у них трои двери на крюках железных у них же замки нутряные.	Налицо.
Перед ними выход, забрано в балясы покрыты на обе стороны тёсом скалою.	Налицо.
От того стойла срублена ограда склеткою.	Налицо.
Вторые стойла для всякой конюшенной клажи восков саней и протчаго мерою те стойла в длину двенатцети сажен поперёг пяти сажен среди стены ворота створные на крюках железных у них чепь накладная большая с пробоем железным в них двенатцеть стоел наверх лесница наверху того стойла сушила для клажи сена отрёх жильях две двери зъзамками нутряными, а третья свислым замком чепь накладная железная на крюках железных же; перед ними выход збалясами покрытый на обе стороны тёсом.	Налицо.
Сарай тележной мерою в длину шести сажен поперёг четырёх сажен ворота одинакие на крюках железных у них чепь железная двузвенная спробоем накладная, крыт соломою.	Налицо.
От тележного сарая до каменные стены денники лошадиные у них ворота дощаные в них ясли деревянные крыты соломою.	Налицо.

По прежним описным книгам	Ныне налицо и чего не явилось
Промежду денников ворота створные на сенной двор.	Налицо.
Кругом того сенного двора по городовому клетки на углу и в стене две башни посреди стены ворота створные на крюках железных над ними башня рублена в брус ворота и башня и стена крыты тёсом.	Весьма всё ветхо и затем наином месте конюшенной двор вновь строится.
Денежной казны сто шесть рублёв.	Налицо.
Катедральнаго разного скота конского.	
В катедральной конюшне вороных жеребцов шесть.	Налицо.
Меринов ежжалых разными шерстми тритцеть три.	Налицо.
На пустошах и по сёлам кобылиц разными шерстми шездесят две.	Налицо.
Жеребчиков дволетних разными шерстми восемь.	Налицо.
Кобылок разными шерстми шесть.	Налицо.
Приплоду 1753 году жеребчиков разными шерстми шесть.	Налицо.
Кобылок разными шерстми восемь.	Налицо.
Итого конского сто дватцеть деветь.	Налицо.
Рогатого.	
Коров дойных тритцеть пять.	Налицо.
Яловых недойных шеснатцеть.	Налицо.
Телиц дволетних двенатцеть.	Налицо.
Малых тёлочек двенатцеть.	Налицо.
Бычков больших двенатцеть.	Налицо.
Малых бычков восемь.	Налицо.
Итого рогатого девяносто пять.	Налицо.
Мелкого.	
Овец девяносто.	Налицо.
Баранов пять.	Налицо.
Ягнят четыре.	Налицо.
Козлов четыре.	Налицо.
Коз восмнатцеть.	Налицо.
Козлов малых два.	Налицо.
Коз малых две.	Налицо.
Итого сто дватцеть пять.	Налицо.
Свиней тритцеть восемь.	Налицо.
Боровов пять.	Налицо.
Поросят малых два.	Налицо.
Итого сорок пять.	Налицо.
Птиц.	
Гусей семнатцеть.	Налицо.

По прежним описным книгам	Ныне налицо и чего не явилось
Уток шездесят шесть.	Налицо.
За конюшенным двором скотной двор огорожен кругом заборами вовсех стенах забирано в столбы двор и избы и омшиники крыты соломою.	За ветхостию в 1755 году перестроен на иное место.
Мельница ветреная на ходу крыта тёсом.	За ветхостию разобрана.
Монастырских шесть овинов деревянные над гумнами взрубы крыты соломою.	Налицо.
Пять сараев кирпичных длинных крыты соломою.	Налицо.
Две печи кирпичные над ними шатры и надымники крыты тёсом.	Налицо.
В Переславском уезде залеского в новосельском стану от города Переславля-Залеского по большой московской дороге пустошь Собилка на той пустоши у дороги часовня каменная с шатром в ней крест Распятие Господне писан на красках из масла.	Налицо.
При той же часовне светлицы деревянные промежду светлицами сени отрёх дверях над сенми чардак крыльцо светлицы сени и чардак крыты тёсом ветхи.	Налицо.
Двор скотной нанём две избы круг двора заборы: всё навзрубах крыто соломою двои ворота дощаные.	Налицо.
Два анбара хлебных один крыт тёсом, а другой соломою у них у дверей замки нутряные.	Налицо.
Мякинница крыта соломою.	Налицо.
Четыре овина.	Налицо.
На пустоши Маринкине двор монастырской вънём две избы.	Налицо.
Круг двора заборы всё крыто соломою.	Налицо.
Два анбара хлебных один крыт тёсом другой соломой ветхой.	Налицо.
Мякинница крыта соломою.	Налицо.
Два овина крыты соломою.	Налицо.
В селе Ниле двор монастырской в нём изба, клетка; круг двора огорожено заборами над ним взрубы всё крыто соломою двои ворота дощаные.	Налицо.
Два анбара хлебных замки нутряные крыты соломою.	Налицо.
Мякинница крыта соломою.	Налицо.
Два овина.	Налицо.
В селе Перцове двор монастырской в нём изба перед нею сени круг двора заборы над ними взрубы крыто соломою.	Налицо.
Два анбара хлебных замки нутряные крыты соломою.	Налицо.
Два овина.	Налицо.
В селе Славитине двор монастырской вънём изба перед нею клетка промеж ими сени одна, стена крыто соломою.	Налицо.
Омшеник скотной.	Налицо.

По прежним описным книгам	Ныне налицо и чего не явилось
Погреб.	Налицо.
Другая изба перед нею клетка меж ими сени одна стена.	Налицо.
Двор огорожен заборами в столбы над ним рублены в клетки крыто всё соломою.	Налицо.
На том же дворе трои ворота да калитка дощаные.	Налицо.
Два овина, сарай крыты соломою.	Налицо.
Две житницы крыты соломою у них замки нутряные.	Налицо.
В Юрьевском уезде Польского в селе Загорье двор монастырской внѣм две избы перед ними по клетке, между ими сени двор кругом огорожен заборами над ними взрубы среди двора сарай всё крыто соломою.	Налицо.
Два анбара хлебных з замками вислыми.	Налицо.
Мякинница крыта соломою.	Налицо.
Два овина.	Налицо.
В Московском уезде в сельце Балабанове двор монастырской две избы перед одною избой сени чулан, погреб, кругом двора заборы над ними взрубы крыто всё соломою.	Налицо.
Два овина.	Налицо.
В Переславском уезде Залеского на реке Кубри приписной Успенской пустынной монастырь.	Налицо.
Келья деревянная перед нею сени отрёх стенах кельи и сени крыты тёсом у кельи крыльцо крыто драньём вокошках шесть окониц стекольчетых больших.	Налицо.
Две кельи, промеж ими сени спереградою в сенях по чулану крыльцо: крыто всё драньём.	Налицо.
Три житницы в том числе одна ветха крыта соломою у тех житниц два замка нутряные да глездун.	Налицо.
Конюшня, денник промеж ими два клевка крыты соломою двои ворота дощаные.	Налицо.
Монастырь огорожен заборами ветх.	Налицо.
Двои ворота передние и задние створные съкалитками дощаные крыты тёсом.	Налицо.
Погреб деревянной крыт соломою ветх.	Налицо.
При оном погребе омшеник.	Налицо.
За монастырём сарай сенной крыт соломою.	Налицо.
Баня с передбанником крыта драньём.	Налицо.
Два овина.	Налицо.
Мякинница крыта соломою.	Налицо.
Двор скотной на нём четыре избы промеж ими сени: четыре омшенника житница двор огорожен забором спорубами и сараями всё крыто соломою.	Налицо.
Двои ворота дощаные.	Налицо.

Опись Переславского катедрального Горицкаго монастыря домовым всяким вещам и конской збруи

По прежним книгам что состояло.	Ныне налицо, и чего неявилось.
Образ Николая чюдотворца штилистовой поля обложены окладом серебреным басебным в писании ветх.	Налицо.
Спосуды серебреной.	
Дюжина ложек серебреных весом сорок пять золотников.	Вналичности одиннатцеть, а вторая надесять утрачена Переславской духовной консистории копеистом Афанасьем Русиновым, которая с него и взыскивается.
Поднос весом фунт с половиною.	Налицо.
Солониц деветь весом сто девяносто деветь золотников и три четверти.	Налицо восемь, а девятой не явилось утрачена въбытность рухлядного монаха Ионы в 1751 году.
Коробка сахарная весом в пятдесят золотников с половиною.	Налицо.
Колпаков винных дюжина.	Налицо.
Лошка (серебреная) розливная весом семдесят золотников.	Налицо.
Сахарная чаевая ситка.	Налицо.
Оловянной.	
Торелей глубоких дюжина и восемь торелей.	Налицо тринатцеть, а семи не явилось.
Торелей старых плоских дватцеть восемь.	Налицо.
Торелей новых дюжина глубоких.	Налицо.
Блюд.	
Больших глубоких одиннатцеть.	Налицо.
Средних глубоких девять.	Налицо.
Средних плоских одиннатцеть.	Налицо.
Малых плоских шеснатцеть.	Налицо.

По прежним книгам что состояло.	Ныне налицо, и чего неявилось.
Кружек.	
Старых две.	Налицо.
Новых две.	Налицо.
Брацких разных глубоких и плоских блюд дватцеть четыре.	Налицо.
Стаканов оловянных четыре.	Налицо один, а трёх не явилось.
Кунганов три вътом числе один бескрышки.	Налицо.
Рукомойник.	Налицо.
Поднос.	Налицо.
Две солоницы весу два фунта.	Налицо две одна бескрышки.
Сутки зборные.	Неявилось.
Три уксусника в том числе един новой весу один фунт споловиною.	Налицо три уксусника.
Перешниц две.	Налицо.
Солоница старая ветхая.	Налицо.
Одна лошка.	Не явилось.
Два ножа да девять вилок старых.	Не явилось.
Ножей с вилками черены чёрные две дюжины.	Не явилось.
Скатертей.	
Камчатого узору две одна большая долгая в длину четыре аршина три четверти в ширину два аршина с четвертью; вторая в длину шесть аршин сполу в ширину полтора аршина.	Не явилось.
Салфеток новых дюжина.	Не явилось.
Две новые камчатого узору ярославской фабрики.	Не явилось.
Одна толстая узская клетчатая ветхая рознятая.	Налицо.
Салфеток камчатного узору одиннатцеть.	Не явилось.
Медной.	
Кунган один.	Налицо.
Иготь с толкачём малая одна.	Налицо.
Кофейник медной.	Налицо.
Три иготи медные с толкачами.	Налицо.
Двои скалки весовые одни с фунтом.	Налицо.
Три ендовы красной меди.	Налицо две, а третьей не явилось а утрачена монахом Ионою в 1750 году.
Коробка большая красной меди весом пуд четыре фунта.	Налицо.
Колокольцо маленькое розшибено.	Налицо.
Канфорка весом семь фунтов.	Налицо.
Куб с трубою и крышкою в четыре ведра весом дватцеть три фунта.	Налицо.
Два куба малых с крышками.	Налицо в них весу шеснатцеть фунтов.
Шесть шанданов в них весу одиннатцеть фунтов сполу.	Налицо четыре да рушник съемцу три, а двух не явилось.

По прежним книгам что состояло.	Ныне налицо, и чего неявилось.
Чаша скольцы весом четыре фунта сполу.	Налицо.
Железных гирь пять пуд в них один вдву пудовой, два по пуду, один полуподовик, один десятерик, один пятерик, один тройник, два по два фунта, один фунтовой.	Налицо.
Две жаровни чюгунные.	Налицо.
Два котла железные.	Налицо.
Ковёр шерстяной с разными травы большей.	Налицо.
Пистолетов четыре.	Неявилось, акем утрачены неизвестно.
Доска флямовая истанком.	Налицо.
Сукна зелёного четыре аршина.	Употреблено в конюшне на обои в колясках.
Два котла чюгунных.	Налицо.
Два котла железных.	Ветхи вместо ветхаго куплен в 1753-м году новой.
Один котёл железной у бани.	
В церкви Божией подсмотрением понамарей. Оловянной спосуды.	
Торелка глубокая.	Налицо.
Блюдо большее глубокое.	Налицо.
Поднос серетка насечена.	Налицо.
Во архиерейской келье спосуды.	
Коробка сахарная медная ветхая.	Налицо.
Оловянных.	
Торелей глубоких шеснатцеть.	Налицо.
Две крушки с крышками.	Налицо.
Три кунгана.	Налицо.
Один чайник новой.	Налицо малых два вьних весу два фунта.
Два чайника старых.	Налицо.
Медной.	
Иготь большая с толкачём.	Налицо.
Лахань большая плоская лощатая красной меди.	Налицо.
Лахань большая глубокая меди зелёной.	Налицо.
Таз малой зелёной меди.	Налицо.
Два подноса ветхие один малой.	Один налицо, а втораго не явилось.
Чайник большей с крышкою.	Налицо.
Три шандана.	Налицо.
Одни съёмцы.	Не явилось.
Коробка сахарная ветха.	Налицо.
Колокольцо ветхое.	Налицо.
Ножей с вилками пять пар.	Налицо.
Две скатерти одна банберековая другая камчатного узору.	Налицо ветхие.

По прежним книгам что состояло.	Ныне налицо, и чего неявилось.
Пять салфеток камчатного узору.	Не явилось.
Иготь малая с толкачём.	Налицо.
Кадило счепми.	Не явилось.
Два кунгана.	Налицо.
Лахань большая плоская лощатая красной меди.	Налицо.
Один шандан медной большей.	Не явилось.
Три стокана хрустальных.	Не явилось.
Погребец штиштофной.	Не явилось.
Ножей с вилками семь пар.	Не явилось.
Замков медных нутряных с ключами три с принадлежащими при них приправами.	Налицо.
Скоб медных четыре с личинами.	Налицо.
Во архиерейской поварне подсмотрением повара Якима Максимова спосуды оловянной.	
Блюд глубоких средних десеть.	Налицо.
Малое веко с крышкою.	Употреблено в посуду в 1752-м году.
Котлик с крышкою новой весу одиннатцеть фунтов.	Налицо.
Один котёл средней весу тринатцеть фунтов.	Налицо.
Четыре противня с крышками.	Налицо три в том числе один с крышкою весу дватцеть семь фунтов, а четвертаго не явилось а на двух крышек не явилось же а употреблён в дело посуды.
Один противень без крышки переделанной из котла.	
Три кострюльки в том числе малых две с крышками.	Налицо четыре весу дватцеть фунтов и та четвёртая кострюля зделана изъстарой спосуды.
Три сковоротки одна новая две старых бескрышек.	Налицо.
В брацкой поварне подсмотрением повара Якова Гаврилова спосуды медной.	
Два века плоские сушами железных весом дватцеть восемь фунтов сполу.	Налицо.
Два котла больших с подденками железными в них весу три пуда дватцеть восемь фунтов.	Налицо.
Три котла средних равномерных поушату весу пуд семнатцеть фунтов.	Налицо.
Ковшик весом три фунта сполу.	Налицо.
Два котлика малые весу семнатцеть фунтов.	Налицо.
Два противня один большей, другой малой.	Налицо.
Три сковородки бескрышек.	} Заветхостию употреблены
Один горшечик с крышкою.	} в дело посуды в 1752 году.
В полате.	
Сукна васильковаго тонского дватцеть аршин по рублю по шестидесят копеек аршин.	Налицо.

По прежним книгам что состояло.	Ныне налицо, и чего неявилось.
Трои сити кафтанные.	Налицо.
Байки двенатцеть аршин.	Налицо.
Стамеду васильковаго дватцеть аршин.	Налицо.
Крашенины васильковой дватцеть аршин.	Налицо.
Гарусу пятнатцеть палочек.	Налицо.
Трои шлифы.	Налицо.
Пуговиц полутумпаковых кафтанных десеть портищ с половиною.	Налицо.
Камзольных таковых же полутумпаковых тож число портищ.	Налицо.
Для выезду конюхом в дорогу мундир, кафтан васильковой, камзол красной.	Налицо.
Шпага ефес медной.	Налицо.
Сапоги новые.	Налицо.
Одеяло птичье пёстрое покрыто камкою зелёною.	Налицо.
Топоров железных десеть.	Налицо семь а у казначея иеромонаха Тимофея один. У столяров два.
Столярного железного инструменту.	
Четыре струга.	Взяты столярами
Один дорожник.	Сергеем Коловратовым,
Два шершебеля.	Иваном Михайловым
Шесть долот из них одно прямое три косых,	в Воскресенский
круглое одно, долблиное одно.	новоиерусалимский
Два топора.	монастырь.
Колёсного.	
Буравов четыре из них больших три один малой.	Налицо весьма ветхи и негодны.
Струг дворушной.	
Два долота косых токарных.	
Ещё круглое одно токарное.	
Два ресца железных колёсных бездерева.	
В катедральной кузнице подсмотрением кузнеца Якова Алексеева инструменту:	
Двои мехи новые.	Налицо.
Две наковальны.	Налицо.
Молотов.	
Боевой большей.	Налицо.
Однорушных три из них один потковной малой.	Налицо.
Клещей шесть в том числе обушных двои плотных три одни подковные.	Налицо.
Винтовальных две доски в том числе одна поменьше спятьми винтами, другая побольше без винтов.	Налицо.
Две фурмы для ожимки колясочных винтов из них одни оосми граней другая круглая на дереве.	Налицо.
Гвоздильни три.	Налицо.
Подстоновок тож.	Налицо.

По прежним книгам что состояло.	Ныне налицо, и чего неявилось.
Тиски одни.	Налицо.
Клюка малая для разгребания уголья.	Налицо.
И о тех оказующихся ивовся неявившихся вещах причьих оные рухлядных монахов бытностях утрачены его Преосвященству сентября 12 дня 1756 году предложена при докладе из описных книг выпись с показанием таковым, что рухлядных монахов у которых оные вещи хранились в лицах только имеется двое в Никицком монастыре монах Иерофей в Солбинской пустыне иеромонах Тимофей, а Иона и Николай в тех же годех померли. Изачию из них монахов бытность те вещи утрачены: за неотдачею ими оных при сменах: друг другу и за неприемом ими друг от друга по описям познать несчего.	
Конской збруи.	
Две шоры наборные.	Налицо.
Три узды наборные.	Налицо.
Двои возжи ременные шорные.	Налицо.
Возжи оленье.	Налицо.
Возжи одноколонные ветхие.	Налицо.
Две шоры с набором медным ветхи.	Налицо.
Две шоры без наборов ременные ветхи одне.	Налицо.
Три шоры одноколочные одни с набором ветхи.	Налицо.
Шесть шлей с наборами медными разного мастерства ветхи.	Налицо.
Хомутов с шлеями ременными и пеньковыми шеснатцеть.	Налицо.
Хомут наборной ветхой.	Налицо.
Две узды наборные ветхие весьма.	Налицо.
Узд ременных ветхих пятнатцеть.	Налицо.
Узда большая курская.	Налицо.
Три седла немецкие ветхие.	Налицо.
Два седла ветхих.	Налицо.
Потников четыре ветхие.	Налицо.
Недоусков ременных три в них два счепьми железными.	Налицо.
Одиннатцеть налобников цветных.	Налицо.
Четыре простыни в них две с круживом, а три бескружева обшиты крашениною.	Налицо.
Муштук ременной.	Налицо.
Семь медведин в них одна обшита кожею, а три весьма ветхи.	Налицо.
Одно клеймо железноекоим жеребят клеймят.	Налицо.
Одна полсть сермяжная ветхая.	Налицо.
Две епанчи ветхие сермяжные.	Налицо.
Четыре седелки новые.	Налицо.
Четыре попоны шерстяные ветхие.	Налицо.
Щит санной обит сукном вишневым.	Налицо.
Три пилы железные пиловальные.	Налицо.

По прежним книгам что состояло.	Ныне налицо, и чего неявилось.
В конюшне на жеребцах покрыто две попоны холстинные.	Налицо.
Две гребницы железные одна ветха.	Налицо.
Две косы синокосные в них одна ветха из них одна у Савватия.	Налицо.
Три косы соломорезные.	Налицо.
Скребок железной.	Налицо.
Епанча васильковая ветхая.	Налицо.
Два кафтана суконные разного сукна весьма ветхие.	Налицо.
Хомутин новых шесть.	Налицо.
Клещей красных пара ветхие.	Налицо.
Седло руское ветхое.	Налицо.
Клещей белых девять пар.	Налицо.
Крышка сподушки шорной с плащами медными.	Налицо.
Дуг вязовых четырнатцеть.	Налицо.
Двои клещи связаны с хомутинами.	Налицо.
Три колеса колясочные старинные.	Налицо.
Рогатина железная на дереве.	Налицо.
Шлей пеньковых двенатцеть.	Налицо.
Две полатки для дорожных покоев полотняные одна поменьшее.	Налицо.
Дуг одиннатцеть.	Налицо.
Шлей новых ременных три.	Налицо.
Тележных задов семь пар.	Налицо.
Колясочных четыре колеса.	Налицо.
Ободов колёсных колясочных задних четыре пары.	Налицо.
Тележных задних и передних колёс полпята стана.	Налицо.
Узд старых в конюшне четыре.	Налицо.
При рыбной ловле у еродиакона Савватия одна узда с хомутом.	Налицо.
В сельце Балабанове у дворника одна узда с хомутом.	Хомут налицо, а узда по объявлению дворника утрачена иеромонахом Аароном.
Новых узд три.	Налицо.
У нарятчиков две узды один хомут в старой большей конюшне.	Налицо.
Коляска дорожная на одних передах ветха в ней сукно зелёное с тесьмою белою.	Налицо.
Коляска не на ходу в ней сукно васильковое збелою тесьмою при ней моржи.	Налицо.
Три коляски санных ветхих только верхи обиты кожею.	Налицо.
Сани крытые обиты кожею в них сукно васильковое назади коженая сумка.	Налицо.
Сани крытые недокончаны один верх в них сукно васильковое.	Налицо.
Сани крыты в них сукно зелёное ветхи.	Налицо.
Козырных трои сани.	Налицо.

По прежним книгам что состояло.	Ныне налицо, и чего неявилось.
Обшивные четверы.	Налицо.
Дровены двои.	Налицо.
Коляска находу обшита кожею в ней сукно зелёное дорожная ветхая.	Налицо.
Два хода зимних под берлины окованые.	Налицо.
Ход зимней из поддорожного берлина.	Налицо.
Колясошной ход содними задними колясы.	Налицо.
Телег четыре ветхие.	Налицо.
В колясочном сарае.	
берлин новой обит кожею в нём сукно светлозелёное недокончан.	Налицо.
Возок городовой прежних властей находу бесколяс в нём сукно песочное.	Налицо.
Коляска полугаланка находу бесколяс в ней сукно васильковое.	Налицо.
Збруи.	
Шор с медными наборы нацуг сконтарями и съвозжами.	Налицо.
Одна пара шоры с медными наборами при них два контаря наборных.	Налицо.
Одни возжи простые ременные.	Налицо.
Хомутов с наборами медными три.	Налицо.
Узд с наборами три.	Налицо.
Двои при них возжи троешные ременные.	Налицо.
Хомутов простых съременными шлеями три.	Налицо.
Узд ременных простых три.	Налицо.
Две пары олестров пистолетных.	Налицо.
Кучерской васильковаго сукна кафтан с камзолом ветхие.	Налицо.
Две епанчи васильковых ветхие.	Налицо.
Два фонаря слудяных ездовые ветхие.	Налицо.
Одни козырные сани двойные на них полсть вишневаго сукна ветхая.	Налицо.
Коляска называемая полугаланка в ней обито сукно васильковое, а верх обит кожею на ходу без ремней на одних дрогах и бесколес.	1755 года октября 6 дня со оной коляски сукно из дрог железо снято и положено на возобновлённую дорожную коляску.
Коляска называемая галанка на дрогах в ней убито сукном зелёным, а верх кожею чёрною ветхая.	Налицо.
Коляска на ходу на ремнях в ней убито крашениной верх обит кожею безколяс.	Налицо.
Коляска самая ветхая безвсего, в ней сукно васильковое верх обит кожею.	Налицо.

Журнал консистории о приёме денег от поповского старосты[1]

По указу ея императорскаго величества Переславская Духовная Консистория слушав *с. 31*
щетной выписки учинённой изобъявленных при прошении верейския десятины от старосты поповскаго верейскаго Рожественскаго собора священника Петра Ефимова приходных книг по которой оказалось взборе им старостою поповским впервой сего 1759-го году половине окладных с четырёх церквей данных три рубли шездесят четыре копейки, с тех церквей казённых пошлин по семнатцети копеек с церкви шездесят восемь копеек полоняничных споповых и причетниковых одиннатцети дворов по четыре копейки здвора сорок четыре копейки, итого четыре рубли семдесят шесть копеек, со онаго числа нужнейших по копейке с половиною с рубля семь копеек одна четверть, со оных церквей на подмогу полковым попам по десяти копеек с церкви сорок копеек, спустовых церковных пяти земель оброчных сорок одна копейка, казённых пошлин спяти статей сорок копеек, итого восемдесят одна копейка, со оных зборов нужнейших одна копейка съчетвертью, итого окладных с церквей данных и спустовых церковных земель оброчных шесть рублёв пять копеек с половиною, неокладных сотпуска венечных памятей настоящих пошлин со ста одного отрока по двенатцети копеек с каждого двенатцеть рублёв двенатцеть копеек, с шеснатцети полутороженцов поосмнатцети копеек два рубли восемдесят восемь копеек, с семи двоеженцев по дватцети по пяти копеек рубль семьдесят пять копеек, с четырёх троеженцев по тритцети копеек рубль дватцеть копеек, итого со ста дватцети осми браков настоящих пошлин семнатцеть *с. 32*
рублёв девяносто пять копеек на лазарет то ж число семнатцеть рублёв девяносто пять копеек, обоего настоящих и на лазарет тритцеть пять рублёв девяносто копеек, на отвоз с каждого брака по три копейки три рубли восемдесят четыре копейки — всего окладной и неокладной денежной казны сорок пять рублёв семдесят девять копеек с половиною; приказали о приёме онаго числа денег и записке их в приход так же и о даче плательщику квитанции к консисторскому приходчику послать указ.

Адриан Архимандрит Лужецкий.
Дмитровский архимандрит Нифонт.

Подписано марта 23-го дня 1759-го года.

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1759 г., № 226.

Формуляр епитрахильным грамотам

с. 33 По сему формуляру требующым вдовым священником и диаконом давать епитрахильнии и постихарнии грамматы, а указы позволительные которые от себе консистория против примеру неведомо какова роздавала поотберать обратно.

(Резолюция епископа Амвросия.)

Епархии нашея уезду Залеского села такого: церкви такой то: вдовой священник имя-рек просил нашего смирения о даче ему для священнослужения и отправления в приходе ево мирских треб епитрахильной грамматы. По которому ево прошению данную ему священнику за подписанием Преосвященного: имя-река: в 1752-м году месяце: числе: о правильном его произведении во священника ставленую граммату освидетельствовав и святых отец правила добре и благоразсудне разсмотря, аще и ниедино вдовым священником и диаконом от священнодействия возбраняющее правило обретохом, обаче в соборном свитке в лето от сотворения мира 7175-е бывшими в России святейшими вселенскими и московским патриархами уставленном в девятой главе обретается яко издревле по уставу и чину Греко-российския церкве вдовствующим священно причетником служити божественныя литургии опаства ради и за умножением безчинно жительствующих запрещено бысть. Который чин онии святейшии патриархи в царствующем граде Москве разсмотревше, не токмо онаго не охудиша, но и ещё, яко сице добре устроися, согласно похваливше; первее повелеша следующия два правила с прочими наряду прописати, от них же перваго вселенскаго собора под числом третьим есть сие: отрече великий собор отнюдь ни епископу, ни пресвитеру, ни диакону, ни всякому сущему от причетников иныя жены в дому своём держати, но токмо матерь, или сестру, или тётку, сия бо три лица всякаго зазору кроме суть. Другое же Василия Великаго от послания того ж святаго к Григорию пресвитеру, еже в Кормчей книге под числом восемдесят седьмым сицево обретается: не подобает рече полагати претыкания брату или соблазна, темже иже в Никеи отцем последующе, иже не повелевают чюжия жены у себе в дому имети, отлучитися тебе от живущия у тебе жены повелехом, аще же не отступиши ея, ни исправив себе дерзнеш служити, да будеши проклят, и приемлющии тя, отвержени. Таже потом всилу святых правил сих и других
с. 34 не просто, но аще которым совесть их не зазирает ни в чесом, и аще имеют и имети будут житие чистое и безпорочное, сицевым невозбранно впредь служити, вопреки же по смерти жён своих аще кто от священнопричетников обличён будет в каковых делех, яже возбраняют священнодействия, то таковых отлучати и извергати соборне судиша. Не бо рече жены ради поп или диакон бывает и не жены ради умертвия запрещаются священнодействия, но за порок невоздержания или иных безместных дел, яже запрещают священнодействовати. Тем убо и мы святейшим оным патриархом и при них бывшему собору во всём согласующе, древняго же обычая якоже и они за опасность вышепрописанных правил ни какоже уничижающе ещё же и сия винословия пастырски приемлюще, что оный проситель ни дому своего распорядил ни домочад своих малолетных воспитал да и для воспитания их поручить кому от сродник своих вовся не имеет, ктомуж и кпроизведению на место ево во священника правильнолетних церковников под сей случай не обретается: (а о других писать что о ком по делу явится) а кроме его мирских треб исправлять поблизости нетже кому; благословили мы ему священнику по примеру протчих российских архиереов при означенной церкве вся священноиерейская действовать и приходския требы исправлять с нижеозначеннаго числа впредь на два года, по прошествии же дву годищнаго времени без потвердительнаго нашего благословения и повеления отнюдь священническая ему иерею

не исправляти, но явитися к нам яко к своему пастиру самолично и безпосылочно ради удобнейшаго ево благосостоянии усмотрения, понеже нам о ево житии и воздержании и исправлении уведати инако невозможно. Аще же о сём нашем заповедании вознерадит, и не по заповедем Господним и святых отец правилам и данной ему ставленой граммате жити начнёт, или аще у себе в дому, кроме матери сестры и тётки и присных чад своих, других каковых либо зазорных лиц станет держати, или что нибудь от возбраняющих священству деяти, а про то по сыску сиречь по нашему архиерейскому крепкому истязанию и по достоверных лиц свидетельству допряма явится, то как тогда по суду, так и прежде до суда сотворит себе сам чюждим священства. Чего ради ему в непрестанное памятствование таковых грозных запретительных правил дана сия епитрахильная граммата рукою нашею надписанная и печатию в Переславской нашей Горицкой Канторе утверждённая лета от сотворения мира 7262-го от воплощения же Бога Слова 1754 месяца.

Список учеников Переславской семинарии за 1755 г.

1755-го году с месяца сентября по 25 месяца октября ведомость переславской семинарии школ риторики и пиитики учеников священно и церковно-служительских детей, а кто они имяны, с коих мест и коликих лет чего обучалися, и каковыи во учении, о том явствует ниже сего

Скоих мест и кто имяны	Лета	Чего обучалися	Каковыи вучении
Школы риторики.			
Волоколамскаго уезду.			
Села Буйгорода церкви Богоявления Господня дьяконов сын Фёдор Богородцкий	24	Обучалися	Надёжен.
Села Елизарова церкви Сошествия Святаго Духа дьячков сын Асай Елизаровский	23	фигуре	Надёжен.
Левкиева монастыря церкви Успения Пресвятыя Богородицы дьяконов сын Фёдор Субботин	23	и слагали	Средственный.
Села Ботова церкви благовернаго князя Михаила Тферскаго попов сын Фёдор Ботовский	19	периоди.	Средственный.
Села Ивашкова церкви Успения Пресвятыя Богородицы умершаго попа сын Фёдор Воронцов	23	—«—	Понят.
Города Волоколамскаго церкви Пророка Илии умершаго попа сын Василей Сорокин	22	—«—	Явился Октября 22.
Переславскаго уезду.			
Села Слотина церкви Иоанна богослова дьячков сын Семён Камков	20	—«—	Надёжен.
Города Переславля церкви Вознесения Господня панамарёв сын Иван Яновский	21	—«—	Надёжен.
Александровой слободы церкви Покрова Пресвятыя Богородицы попов сын Иван Семёнов	19	—«—	Понят.
Села Рязанцова церкви архистратига Михаила умершаго попа сын Иван Козин	19	—«—	Средственный.
Села Ильинскаго церкви великомученика Георгия попов сын Дмитрей Березин	21	—«—	Не худой надежды.

Скоих мест и кто имяны	Лета	Чего обучалися	Каковыи вучении
Дмитровскаго уезду.			
Села Новаго церкви Покрова Пресвятыя Богородицы панамарёв сын Михаил Новлянский	20	—«—	Надёжен.
Церкви Николая чудотворца что в Сельцах попов сын Василей Никольский	24	—«—	Средственный.
Села Подмошья церкви Николая Чудотворца дьячков сын Михаил Подмошкин	22	—«—	Надёжен.
Села Поджигородова церкви архистратига Михаила дячков сын Григорей Патокин	20	—«—	Понят.
Села Заволножья церкви Воскресения Христова попов сын Пётр Садыков	21	—«—	Средственный.
Села Кропоток церкви Николая Чудотворца попов брат Егор Клоков	20	—«—	Надёжен.
Села Кузьмодемьянскаго церкви Косьмы и Дамиана попов сын Николай Васильевский	20	Неявился	з разбору.
Рузскаго уезду.			
Села Шестакова церкви Рождества Пресвятыя Богородицы попов сын Алексей Долгополов	23	Неявился	з разбору.
Школы пиитики.			
Переславскаго уезду.			
Села Смольнява церкви Преображения Господня попов сын Иван Святухин	17	Обучался Грамматикы Латинской и слагал Русскии верши.	Острой памяти.
Села Дмитровскаго церкви Димитрия Селунскаго дьячков сын Стефан Березин	21	Неявился	з разбору.
Села Нагорья церкви Николая Чудотворца попов сын Максим Нагорский	19	Неявился	з разбору.
Дмитровскаго уезду.			
Соборныя церкви Успения Пресвятыя Богородицы попов сын Михаил Зверев	18	Неявился	з разбору.
Села Васильевскаго церкви Василия Великаго попов сын Алексей Худяков	19	Неявился	з разбору.
Троицкой Нерльской слободы церкви Живоначальныя Троицы попов сын Иван Судницын	17	Неявился	з разбору.
Рузскаго уезду.			
Подмонастырной Теряевой слободы церкви святаго пророка Илии умершаго попа сын Алексей Скворцов	19	Обучался руской грамматикы и слагал рускии верши.	Понят.

К сей ведомости Переславской Семинарии школ Риторики и Пиитики учитель Дамиан Иванов руку приложил.

1755-го году с месяца сентября перваго числа по первое месяца октября число ведомость Переславской Семинарии школы грамматики учеников священно и церковно служительских детей, а кто они имяны с коих сёл и коликих лет чего обучалися и каковыи в учении ниже сего явствует

Коих сёл и кто имяны	Лета	Чего обучалися	Каковыи в учении
Дмитровския десятины.			
Города Дмитрова попа Никифора Родионова сын Иван Орлов	10	Латинской грамматики рудиментов.	Средствен, но часто болен.
Тогож города посля умершаго попа Матфеа Симионова сын Сергий Виноградов	15	Рудиментов.	Средствен.
Села Лавровки попов сын Григорий Порывкин	14	Рудиментов.	Надёжен.
Села Будимерова умершаго попа сын Фёдор Завъялов	14	Рудиментов.	Средствен.
Села Поджигородова умершаго попа сын Иван Лебедев	15	Рудиментов.	Надёжен.
Села Турбечева умершаго попа сын Сергей Ансеров	12	Рудиментов.	Мало надёжен.
Села Селевкина попов сын Сергий Смирнов	12	Рудиментов.	Мало надёжен.
Села Синькова дьяконов сын Пётр Синьковский	12	Рудиментов.	Средствен.
Села Подмошья дьячковы дети Пётр	17	Рудиментов.	Благонадёжен.
Ефим Орловы	14	Рудиментов.	Средствен.
Села Рожествина дьячков сын Ефим Городецкий	13	Рудиментов.	Весьма туп.
Погосту святаго пророка Илии что на Котыше дьячков сын Афанасей Крилов	14	Рудиментов.	Средствен.
Села Дубровок дьячков сын Иван Дубровский	13	Рудиментов.	Надёжен.
Села Альявидова попов сын Максим Путилов	14	Рудиментов.	Весьма непонятен.
Тогож села дьяконов сын Василей Беляев	12	Рудиментов.	Понятен.
Села Кутачь посля умершаго попа дети Фёдор	14	Рудиментов.	Средствен.
Спиридон Колоколовы	13	Рудиментов.	Средствен.
Тогож села умершаго дьячка сын Лукиан Суслов	15		
Погосту Воскресенскаго, что в Заволножье дьяконов сын Василей Армановский	12	Рудиментов.	Средствен.
Села Трунёвок умершаго дьячка сын Иван Курачкин	13		
Села Ильинскаго попов сын Сергий Ильинский	13	Рудиментов.	Мало надёжен.
Села Алексеевскаго попов сын Иван Патакин	13		
Села Семернина умершаго попа сын Герасим Воронцев	14	Рудиментов.	Весьма ненадёжен.
Можайския десятины.			
Церкви Вознесения Господня попа Петра сын Тихон Протопопов	12	Рудиментов.	Понятен.

Коих сёл и кто имяны	Лета	Чего обучалися	Каковыи в учении
Церкви пророка Илии попов сын Василей Заворыкин	11	Рудиментов.	Понятен.
Села Гиреева бывшаго попа сын Яков Вениаминов	10	Рудиментов.	Средствен.
Тогож села дьячков сын Лев Колесов	11	Рудиментов.	Средствен.
Села Купрова попов сын Пётр Рысин	13	Рудиментов.	Надёжен.
Гжацкия десятины.			
Гжацкой пристани церкви Богоявления Господня попов сын Пётр Гжацкий	14	Рудиментов.	Весьма понятен.
Села Чали умершаго попа сын Авраам Крапухин	12	Рудиментов.	Весьма понятен.
Села Воронцова попов сын Иоаникий Черногуров	11	Рудиментов.	Средствен.
Волоколамския десятины.			
Соборной церкви попов сын Прокофей Соколов	15	Рудиментов.	Средствен.
Села Бужарова попов сын Николай Поморцев	15	Рудиментов.	Надёжен.
Села Язвищ попов сын Иван Покровский	12	Рудиментов.	Средствен.
Села Шестакова диаконов сын Симион Поспелов	15	Рудиментов.	Мало надёжен.
Верейския десятины.			
Города Вереи церкви святых безсребреников попов сын Леон Климов	15	Рудиментов.	Надёжен.
Села Смолинскаго дьяконов сын Дорофей Куницын	10	Рудиментов.	Ненадёжен.
Тогож села попов сын Михаил Махаев	11	Рудиментов.	Туп.
Села Покровскаго попов сын Симион Жуков	15	Рудиментов.	Весьма туп.
Села Архангельскаго попов сын Прохор Мясоедов	11	Рудиментов.	Надёжен.
Села Некрасова попов сын Тимофей Линев	15	Рудиментов.	Весьма понятен.
Нерльския десятины.			
Погосту Живоначальныя Троицы, что на березниках попов сын Авраам Дрождин	12	Рудиментов.	Средствен.
Переславской десятины.			
Села Краснаго попов сын Василей Красносельский	11	Елементарей.	Надёжен.
Села Елпатьева попов сын Василей	12	Писать по латини. Елементарей.	Надёжен.
Села Даратников престарелого панамаря сын Фадей	13	—«—	Понятен.
Волоколамския десятины.			
Села Раменья попов сын Иван Величкин	10	Писать по руски. Елементарей.	Средствен.
Села Спасскаго панамарёв сын Флор	11	—«—	Весьма туп.
Села Ивановскаго умершаго попа сын Гавриил	11	—«—	Средствен.
Верейския десятины.			
Церкви святаго пророка Илии дьяконов сын Лука Озеров	12	—«—	Понятен, но часто бегает и ныне ещё не явился.

Коих сёл и кто имяны	Лета	Чего обучалися	Каковыи в учении
Церкви царя Константина попа Петра Павлова сын Фёдор Соловьёв	13	—«—	Мало надёжен.
Нерльския десятины.			
Погосту, что на березниках попов сын Максим Коноплёв	13	—«—	Часто болен.
Дмитровския десятины.			
Погосту великомученика Георгия, что в Конюшенной, умершаго дьячка сын Стефан Цветков	12	—«—	Надёжен.
Можайския десятины.			
Села Вешик дьячков сын Иаков Ильинский	12	—«—	Надёжен.
Села Сосниц панамарёв сын Никифор Никольский	12	Писать по руски.	Средствен.
Волоколамския десятины.			
Села Буйгородова попов сын Алексей Поспелов	11	—«—	Средствен.
Тогож села панамарёв сын Василей Палетаев	13	—«—	
Тояж церкви умершаго панамаря сын Симион Величкин	15	—«—	
Села Федоровскаго попов сын Иван Федоровский	11	—«—	
Верейския десятины.			
Села Понизовья церковников сын Симион Дроздов	10	—«—	
Тогож села умершаго дьячка сын Пётр Скворцов	13	—«—	
Села Сокольникова умершаго попа сын Иван Лисицын	11	—«—	
Села Тропарёва панамарёв сын Василей Протопопов	13	—«—	
Села Агрофенина дьячков сын Иван	14	—«—	Августа 20 отпущен для разбору и неявился.
Села Вышегорода дьячков сын Иаков	12	—«—	Июля 20 отпущен за болезнию в дом и ещё не явился.
Дмитровския десятины.			
Погосту, что на грязи умершаго попа сын Стефан Морозов	10	—«—	Весьма ненадёжен и всегда бегает и ныне ещё не явился.
Города Дмитрова церкви святаго пророка Илии дьячков сын Володимер Соколов	10	—«—	

К сей ведомости Переславской Семинарии школы Грамматики учитель Никифор Иванов руку приложил.

Список учеников Переславской семинарии, составленный 27 июня 1758 г.[1]

Школы риторики:

1. Симеон Камков. Переславского уезда, Александровской десятины, села Слотина, пономарёв сын, 25 лет. Обучается с 1747 года. Весьма благонадёжен. *с. 46*

2. Феодор Богородский. Волоколамского уезда, села Буйгорода, диаконов сын, 28 лет. Обучался с 1746 года. Весьма благонадёжен.

3. Михаил Новлянский. Дмитровского уезда, села Нового, пономарёв сын, 24 лет. Обучается с 1747 года. Весьма благонадёжен.

4. Николай Васильевский. Того же уезда, села Космодамианского, попов сын, 25 лет. Обучается с 1748 года. Весьма благонадёжен.

5. Пётр Гжатский. Можайского уезда, села Гжатския пристани, протопопов сын, 18 лет. Обучается с 1755 года. Весьма благонадёжен.

6. Стефан Березин. Переславского уезда, погоста Димитрия Селунского, дьячков сын, 25 лет. Обучается с 1747 года. Благонадёжен.

7. Иван Святухин. Переславского уезда, Александровской десятины, села Смольнева, умершего попа сын, 21 года. Обучается с 1749 года. Благонадёжен.

8. Максим Нагорский. Переславского уезда, с. Нагорья, попов сын, 23 лет. Обучается с 1749 года. Благонадёжен.

9. Иван Судницын. Дмитровского уезда, слободы Троице-Нерльской, попов сын, 21 года. Обучается с 1749 г. Благонадёжен.

10. Иван Яновский. Переславля-Залесского, Вознесенской церкви, пономарёв сын, 25 лет. Обучается с 1747 года. Не безнадёжен. *с. 47*

11. Исай Елизаровский. Волоколамского уезда, с. Елизарова, попов сын, 27 лет. Обучается с 1746 года. Не безнадёжен.

12. Иван Семёнов. Переславского уезда, Александровской слободы, Успенского девича монастыря бывшего попа сын, 23 лет. Обучается с 1747 года. Средствен.

13. Иван Козин. Переславского уезда, села Рязанцева умершего попа сын, 23 лет. Обучается с 1747 г. Средствен.

О всех их замечено: обучаются риторике и философии.

Школы пиитики:

1. Аврам Крапухин. Можайского уезда, Гжатской десятины, села Чали церкви Николая Чудотворца умершего попа сын, 15 л. Обучается с 1755 г. Благонадёжен.

2. Пётр Орлов. Дмитровского уезда, села Подмошья церкви Николая Чудотворца дьячков сын, 19 лет. Обучается с 1755 г. Благонадёжен.

3. Алексей Худяков. Дмитровского уезда, с. Васильевского церкви Василия Великого попов сын, 23 лет. Обучается с 1749 года. Надёжен.

---

[1] Архив Данилова монастыря. 1758 г. № 85. Орфография подлинника не соблюдена.

4. Михаил Зверев. Гор. Дмитрова соборной церкви попа Василия сын, 22 лет. Обучается с 1755 года. Надёжен.

5. Пётр Рысин. Можайского уезда, с. Купрова церкви Обновления храма Воскресения Христова попов сын, 17 лет. Обучается с 1755 г. Надёжен.

6. Ефим Орлов. Дмитровского уезда, с. Подмошья церкви Николая Чудотворца дьячков сын, 17 л. Обучается с 1755 года. Надёжен.

7. Иван Орлов. Гор. Дмитрова церкви пророка Илии попов сын, 14 лет. Обучается с 1755 года. Понятен.

8. Сергей Ансеров. Дмитровского уезда, села Турбичева церкви Архистратига Михаила умершего попа сын, 16 лет. Обучается с 1755 года. Средственной надежды.

9. Спиридон Колоколов. Дмитровского уезда, с. Кутачь церкви великомученика Георгия умершего попа сын, 16 лет. Обучается с 1755 года. Средственной надежды.

с. 48 10. Афанасий Крылов. Дмитровского уезда, с. Ильинского диаконов сын, 17 л. Обучается с 1755 года. Средственной надежды.

11. Иоанникий Черногуров. Можайского уезда, Гжатской десятины, с. Воронцова церкви Рождества Богородицы попов сын, 18 л. Обучается с 1755 года. Средственной надежды.

12. Лев Колесов. Гор. Можайска церкви пророка Илии дьячков сын, 14 л. Обучается с 1755 г. Средственной надежды.

13. Тимофей Линев. Верейского уезда, с. Некрасова церкви Казанския Богородицы попов сын, 18 л. Обучается с 1755 г. Не надёжен.

14. Авраам Дроздин. Дмитровского уезда, Троице-Нерльской десятины церкви Живоначальныя Троицы, что на Березниках, попов сын, 17 лет. Обучается с 1755 г. Не надёжен.

15. Василий Лебедев. Переславского уезда, с. Елпатьева церкви Вознесения Господня попов сын, 15 лет. Обучается с 1755 г. Не надёжен.

О всех их замечено: обучаются пиитике.

Школы грамматики:

1. Гавриил Спасский. Волоколамского уезда, с. Ивашкова, умершего пономаря сын, 15 л. Обучается с 1755 г. Весьма понятен.

2. Пётр Рязанцев. Переславского уезда, с. Рязанцева, умершего попа сын, 14 л. Обучается с 1755 года. Весьма понятен.

3. Иван Рузский. Рузского уезда, с. Аннина, попов сын, 20 лет. Обучается с 1756 г. Весьма понятен.

4. Василий Армановский. Дмитровского уезда, с. Воскресенского дьячков сын, 15 л. Обучается с 1755 г. Благонадёжен.

5. Пётр Камышев. Волоколамского уезда, с. Спасского, престарелого пономаря сын, 15 лет. Обучается с 1755 г. Благонадёжен.

6. Герасим Воронцов. Дмитровского уезда, с. Семернина, умершего попа сын, 18 лет. Обучается с 1755 г. Надёжен.

7. Иван Лисицын. Верейского уезда, с. Сокольников, умершего попа сын, 14 л. Обучается с 1755 года. Надёжен.

8. Игнатий Дроздин. Дмитровского уезда, с. Березников, диаконов сын, 14 лет. Обучается с 1755 года. Надёжен.

с. 49 9. Феодор Завьялов. Дмитровского уезда, с. Будимерова, попов сын, 16 л. Обучается с 1755 г. Надёжен.

10. Евфимий Городецкий. Дмитровского уезда, с. Рождествена, дьячков сын, 17 л. Обучается с 1755 года. Надёжен.

11. Василий Вознесенский. Переславского уезда, с. Ирошникова, попов сын, 15 л. Обучается с 1755 г. Надёжен.

12. Лука Суслов. Дмитровского уезда, с. Кутачь, умершего дьячка сын, 19 л. Обучается с 1755 г. Надёжен.

13. Иван Лебедев. Дмитровского уезда, с. Поджигородова, попов сын, 19 л. Обучается с 1755 г. Надёжен.

14. Яков Ильинский. Можайского уезда, с. Вешек, дьячков сын, 16 л. Обучается с 1755 г. Средственной надежды.

15. Сергий Виноградов. Гор. Дмитрова церкви Тихвинския Божия Матери умершего попа сын, 19 л. Обучается с 1755 г. Малонадёжен.

Школы фары.

1. Иван Покровский. Волоколамского уезда, с. Язвищ, попов сын, 16 лет. Обучается с 1755 г. Благонадёжен.

2. Афанасий Прытков. Гор. Волоколамска, соборной церкви Воскресения Христова умершего попа сын, 14 л. Обучается с 1755 г. Надёжен.

3. Иван Величкин. Волоколамского уезда, с. Раменья, попов сын, 14 л. Обучается с 1755 г. Надёжен.

4. Василий Полетаев. Волоколамского уезда, с. Буйгородова, пономарёв сын, 17 л. Обучается с 1755 г. Надёжен.

5. Симеон Жуков. Верейского уезда, с. Покровского, попов сын, 19 л. Обучается с 1755 г. Средственной надежды.

6. Михаил Махаев. Верейского уезда, с. Смолинского, попов сын, 16 л. Обучается с 1755 г. Средственной надежды.

7. Николай Поморцев. Дмитровского уезда, с. Бужарова, попов сын, 19 л. Средственной надежды.

8. Сергей Никитский. Дмитровского уезда, с. Ильинского, умершего попа сын, 17 лет. Обучается с 1755 г. Средственной надежды.

9. Феодор Соловьёв. Гор. Вереи, церкви Константина, попов сын, 17 л. Обучается с 1758 г. Средственной надежды.

10. Пётр Скворцов. Верейского уезда, с. Понизовья, умершего дьячка сын, 17 л. Обучается с 1755 г. Малонадёжен. *с. 50*

11. Стефан Цветков. Дмитровского уезда, с. Трунёвок, попов сын, 14 л. Обучается с 1755 г. Непонятен.

12. Пётр Крапухин. Можайского уезда, Гжатской десятины, с. Сежи, попов сын, 18 л. Обучается с 1755 г. Непонятен.

13. Иван Патокин. Дмитровского уезда, с. Алексеевского, умершего попа сын, 17 л. Обучается с 1755 г. Безнадёжен.

14. Максим Коноплин. Дмитровского уезда, с. Березников, попов сын, 17 л. Обучается с 1755 года. Безнадёжен.

15. Сергей Смирнов. Дмитровского уезда, с. Селевкина, попов сын. Обучается с 1755 г. Крайне туп.

16. Василий Протопопов. Верейского уезда, с. Тропарёва, пономарёв сын, 17 л. Обучается с 1755 г. Крайне туп.

17. Симеон Величкин. Волоколамского уезда, с. Раменья умершего пономаря сын, 19 л. Обучается с 1755 г. Крайне непонятен.

18. Дорофей Куницын. Верейского уезда, с. Смолинского, диаконов сын, 18 л. Обучается с 1755 г. Крайне непонятен.

19. Прокопий Соколов. Гор. Волоколамска, Крестовоздвиженского монастыря попов сын, 17 л. Обучается с 1755 г. Вовсе безнадёжен.

20. Венедикт Смирнов. Волоколамского уезда, с. Никольского, умершего диакона сын, 15 л. Обучается с 1755 г. Вовсе безнадёжен.

21. Владимир Соколов. Гор. Дмитрова, церкви пророка Илии, дьячков сын, 17 л. Обучается с 1755 года. Вовсе безнадёжен.

22. Матфий Покойский. Волоколамского уезда, Левкиева монастыря, диаконов сын, 15 л. Обучается с 1755 г. Вовсе безнадёжен.

23. Алексей Поспелов. Волоколамского уезда, с. Буйгородова, попов сын, 15 л. Обучается с 1755 года. Вовсе безнадёжен.

24. Симеон Поспелов. Волоколамского уезда, с. Шестакова, попов сын, 19 лет. Обучается с 1755 г. Вовсе безнадёжен.

25. Фаддей Строев. Переславского уезда, с. Даратников, престарелого пономаря сын, 17 лет. Обучается с 1755 г. Взят к Его Преосвященству в певчие сего 1758 г. генваря.

26. Иван Курачкин. Дмитровского уезда, с. Трунёвок, умершего дьячка сын, 17 л. *с. 51*

Обучается с 1755 г. Взят к Его Преосвященству в певчие сего 1758 г. генваря.

27. Феодор Колоколов. Дмитровского уезда, с. Кутачь, умершего попа сын, 18 л. Обучается с 1755 г. По указу Духовной Консистории за болезнью уволен сего июля 8-го дня.

28. Яков Вениаминов. Можайского уезда, с. Гиреева, попов сын, 15 л. Обучается с 1755 г. Взят к Его Преосвященству в певчие сего 1758 г. генваря.

29. Семён Дроздов. Верейского уезда, с. Косиц, диаконов сын, 14 л. Обучается с 1755 г. Умер сего 1758 г. июня дня.

30. Лука Озеров. Гор. Вереи, церкви пророка Илии диаконов сын, 16 л. Обучается с 1755 г. По указу Духовной Консистории за болезнью уволен вовсе сего июля дня.

Ведомость, учинённая в Переславской семинарии, находящихся учеников, обучающихся русской грамоте и письму

1. Егор Заборовский. Гор. Рузы, церкви Покрова, пономарёв сын, 16 л. Писать обучался.

2. Евгений Сабуровский. Дмитровского уезда, с. Сабурова, умершего попа сын, 15 л. Писать обучался.

3. Иван Катышев. Дмитровского Борисоглебского монастыря бывшего диакона сын, 13 лет. Писать обучался.

4. Андрей Немцов. Дмитровского уезда, с. Глухова, попов сын, 13 л. Писать обучался.

5. Николай Феодоровский. Волоколамского уезда, с. Феодоровского, попов сын, 16 л. Писать обучался.

6. Феодор Заболоцкий. Переславского уезда, с. Заболотья, дьячков сын, 12 л. Писать обучается.

7. Ларион Протопопов. Верейского уезда, с. Тропарёва, попов сын. Писать обучается слова.

8. Яков Козин. Верейского уезда, с. Вышегорода, дьячков сын. Писать обучается слова.

9. Алексей Протопопов. Того же села попов сын. Писать обучается слова.

10. Николай Величкин. Волоколамского уезда, с. Раменья умершего попа сын, 14 л. Учит псалтири 12 кафизму.

11. Иван Соловьёв. Рузского уезда, с. Долголядья, умершего попа сын, 15 л. Учит псалтири 13 кафизму.

с. 52 12. Феодор Соловьёв. Волоколамского уезда, с. Ряховского, умершего попа сын, 16 л. Учит псалтири 13 кафизму.

13. Александр Знаменский. Дмитровского уезда, Троицко-Нерльской слободы, диаконов сын, 15 л. Псалтирь твердит.

14. Стефан Рыжков. Рузского уезда, с. Пупков, дьячков сын, 13 л. Учит Часослов 9-ый час.

15. Гавриил Васильев. Переславского уезда, с. Коробовщины, пономарёв сын, 10 л. Псалтирь твердит.

16. Дементий Феодоров. Переславского уезда, с. Святова, диаконов сын, 10 л. Твердит часослов.

17. Феодор Иванов. Переславского уезда, с. Глебовского, попов сын, 12 л. Учится писать слова.

18. Александр Иванов. Переславского уезда, с. Усолья, дьячков сын, 13 л. Учится писать слова.

19. Глеб Максимов. Рузского уезда, церкви Покрова Богородицы умершего пономаря сын. Обучается писать склады.

Указ епископа Амвросия о выборных прошениях[1]

Понеже ис производящихся в духовной нашей консистории ставленических дел довольно *с. 53*
оказалось, что от разных помещиков и приходских людей о произведении представляемых притом церковнослужителей в священнические и диаконские чины прошении подаются необстоятельные и весма неисправные, а хотя в некоторых прошениях потребные обстоятельства и прописуются, но по консисторским справкам стеми обстоятельствы, а особливо о приходских дворах и о церковных землях многие являются несходства и утайки. — Ктомуж из оных представляемых ставлеников некие оказываются в книжном чтении крайне недостаточные, да и прошения о произведении их в разные церковные чины, от лиц помещичьих и приходских людей по большей части подаются чрез самых же тех церковно-служителей, а подлинно-ль те прошении от оных просителей, и не на площади-ли заочно составлены и подписаны, весма небезсумнительно, о чём всём при учинении справок и переписок излишнее затруднение и остановки происходят, и дабы оные непорядки пресечь, а имелось бы впредь в ставленических делах благоосновательное и доброуспешное производство, то определяется о всяком избираемом ставленике от господ помещиков, или в небытность их от управителей, прикащиков, и от приходских людей прошении писать следующим порядком: 1) Епархии такой-то, и в таком уезде, в такой десятине, и в таком то заказе, в таком городе или в таком селе, такова церковь во имя такое-то и имеется во всяком благосостоянии, и ко отправлению в ней священно-служения препятствия никакова не находится, при которой церкви имелся такой то священник или диакон и в таком то году волею Божиею умре, или куда и почему отбыл, или пришёл в глубокую дряхлость и священнослужения *с. 54*
исправлять подлинно ли не может; 2) на котораго место избран тоя-ж или от другой какой церкви прописывать имянно, какого отца сын и от роду сколько лет, действителный или недействителный причетник и имеет ли ставленую грамоту, и будеб не имел зачем; 3) должни оные просители по совести засвидетельствовать, что он состояния доброго: то есть не пияница, не бийца, в домостроении своём исправен и рачителен, не клеветник, не сварлив, в мотовстве, плутовстве и въворовских и других подозрительных приводах не обличён, и к расколу не подозрителен, книжному и писменному чтению, також церковному уставу и пению и писать довольно обучен, женат первым браком, на такой то не крепостной и сам ни за кем не положен в подушной оклад, а ежели б был положен, то самим помещикам прописывать точно со обязательством, что они такова ставленика с детьми ево, и с подушнаго окладу выключают вечно, и подушные деньги за всех где надлежит будут платить, и у состоявшихся присяг в прошлых 1741-м и 1742-м годех где и кем подлинно-ли приведён был; 4) при оной церкви приходских дворов столько то числом, церковной земли то-есть усадебной столько, пашенной столько, сенокосной столько-то имянно десятин, и оная земля у священно-церковников во владении вся-ли состоит; 5) других при той церкви церковно-служителей ближайших и достойнейших к такому чину, кроме онаго избранного, не имеется, а буде находятся, то к тому чину не представлены за таким то резоном, и об оном избранном ставленике спору ни от кого нет и не будет, а ежели какой ставленик избран будет на жилое место, и оное лицо для разсмотрения представлять обще с тем же избранным ставлеником; 6) дворцовых архиерейских и монастырских вотчин избираемым ставленикам

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1754 г., № 32.

сверх прошений приходских людей иметь от своих надлежащих команд о том их производстве писменные дозволительные утверждения. 7) И тако по получении прошения с таковыми как выше прописано обстоятельствы долженствует избранный ставленик со оным прошением явитись ведомства своего в духовном правлении управителю или закащику, которому прибыв наипаче в день воскресный в то место, откуду ставленику прошение будет дано, с самими приходскими людьми и приказчики, а о церковной земле и о дворах с священноцерковнослужительми действителными и недействителными чинить против данного прошения достоверныя справки, дабы отнюдь в том какой фальши или подлога не было, и ежели
с. 55 по справке то данное ставленику прошение окажется не подложное но во всём против оной справки сходственное, то управителю или заказчику как учинённую против прошения справку, так и о искустве книжного чтения свидетельство по священнической совести и по самой истинне оному ставленику подписав и дав присылать к нам или в духовную нашу консисторию ко учинению надлежащаго производства, и притом наблюдать чтоб ставленик одеяние и обувь всеконечно имел пристойное своему чину, а без таковых как выше прописано обстоятельств ставлеников отселе нам для вышеобъявленных резонов и напрасных волокит отнюдь не представлять. Чего всего о исполнении, и всем священно-церковно-служителем с подписками для объявления как в Переславскую катедральную кантору, так и во все духовные правления послать из консистории нашей указы с приобщением формуляров каким образом о тех ставлениках надлежит писать и по написании свидетельствовать оныи прошения.

Смиренный Епископ и Архимандрит Амвросий.
1754 года Марта 14-го дня.

В консистории получено марта 16-го дня 1754 года.

Ведомость о монастырях и монашествующих Переславской епархии, составленная в 1759 году[1]

Ведомость учинённая в ставропигиальном Воскресенском, Новый Иерусалим имянуемом, монастыре, сколько за оным мужеска полу душ и коликое число положено быть и ныне в наличестве состоит по чинам монашествующих, и на них к содержанию порцей определено и ныне в дачу происходит, и затем оных же порцей праздных находится.

За оным ставропигиальным Воскресенским монастырём положено в подушной оклад «13 782» души.

В том числе

во определённых на содержание оного монастыря вотчинах крестьянских 6 763 души.

да служних и служебнеческих (с коих никаких зборов не збирается) 304 души.

В прежденазываемых заопределённых вотчинах с коих окладные доходы положены в канцелярию синодальную экономического правления 7 019 душ, и с котораго числа приписной Карачевской Тихоновой пустыни крестьян 2 498 душ с 758-го году состоят в противности и никаких доходов и работ не отправляют и поныне.

По определению прежде бывшаго монастырского приказа в 1710-м году положено быть во оном ставропигиальном Воскресенском Новый Иерусалим имянуемом монастыре, с настоятелем монашествующих на порциях 100 человек.

Ныне налицо.	Число людей
Его преосвященство святейшаго правительствующаго Синода член преосвященный Амвросий епископ Переславский и Дмитровский и архимандрит онаго ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим имянуемаго монастыря.	
Наместник	1
Казначей	1
Эконом	1
При священнослужении и в послушаниях:	
Иеромонахов	20
Иеродиаконов	13

[1] Составлена на основании указа Святейшего Синода, присланнаго 9 сентября 1759 года. (Архив Переславской духовной консистории. 1759 г., по описи № 2, дело № 47.)

Поддиаконов	2
Монахов в церковных послушаниях и в больнице	13
Итого	52
Да за умалением монашествуюших исправляющих монашеския послушания бельцов.	
посвящённый в стихарь канархистр	1
да для чтения пения и послужения в тридцети церквах поддьяков	7
Церковных сторожей	10
При больнице трудников	4
Присланной в 744-м году маия 30-го при указе из бывшей духовной дикастерии в ссылку явившейся на богопротивных зборищах московской купец	1
Итого бельцов	23
а купно монашествующих и бельцов	75
На вышеписанных 100 человек в 710-м году порцей определено на каждого денег по 5 рублёв 500 рублёв хлеба по 5 четвертей 500 четвертей.	
Ныне же объявленным наличным монахом и бельцам 75-ти человекам производится в год денег 375 рублёв хлеба 375 четвертей.	
Да на убылых порциях находится определённых отставных:	
капитан	1
порутчик	1
прапорщик	1
гвардии подпрапорщик	1
капралов	2
мушкатёр	1
Протчих полков	
Капралов и рядовых битых и раненых на нынешних баталиях	12
Итого отставных	19
Оным отставным по их окладом производится жалованья денег 165 рублёв 87 копеек хлеба 76 четвертей 4 четверика.	
Всего в вышеписанном ставропигиальном Воскресенском Новый Иерусалим имянуемом монастыре имеется налицо монашествующих и бельцов и отставных офицеров и рядовых и содержащихся под караулом	94
Им производится жалованья денег 540 рублёв 87 копеек хлеба 451 четверть 4 четверика.	
Затем и против вышеписаннаго оклада на показанных наличных происходит в дачу денег излишества 40 рублёв 87 копеек.	
а хлеба хотябы подлежало быть в остатку 48 четвертей 4 четверика, но оной остаток при происходящем церковном строении за недостатком пожалованной тритцети тысящной и вышеопределённой денежной суммы на мастеровых издерживается и затем в сём ещё недостаток имеется.	

Ведомость учинённая в Переславской духовной консистории
сколько в Переславской епархии поимянно монастырей
и за которым мужеска полу душ имеется, також коликое число
в котором монастыре положено быть и ныне в наличестве состоит
по чинам монашествующих, и на них к содержанию порцей определено
и ныне ж в дачу происходит и затем оных-же праздных находится.

Определённых платёжем доходов в канцелярию
синодальную экономического Правления.

ПО ГОРОДУ ПЕРЕСЛАВЛЮ.

Троицкой Данилов училищной монастырь.

За оным положено в подушной оклад 3070 душ.

в том числе

в определённых на содержание оного монастыря вотчинах крестьянских 1874.

да служних и служебнических (с коих никаких зборов не збирается) 163 души.

В прежде называемых заопределённых вотчинах с коих окладные доходы платятся в канцелярию синодальную экономического Правления 1333 души.

По определению прежде бывшаго монастырского приказа в 1710-м году положено быть во оном Данилове монастыре с настоятелем монашествующих на порциях 73 человека.

Ныне налицо монашествующих.	Число людей
Архимандрит	1
Иеромонахов	4
Иеродиаконов	2
Казначей	1
Ризничей	1
Понамарь	1
Житенной	1
Хлебодар	1
Подкеларщик	1
Свечник	1
Посельских	2
Итого	16
Да за умалением монашествующих бельцов священно и церковно служителей и протчих исправляющих монашеские послушания.	
Поп	1
Диаконов	2
Уставщик поддьяк	1
Канархистров	2
Псаломщиков и головщиков	12
У роздачи кваса и пива чашников	2
У житенного и у хлебодара поддатней	2

Мукосей	1
Хлебенных	4
Итого бельцов состоящих в монашеских послушаниях	27
На вышеписанных 73 человека в 710-м году порцей определено на каждаго денег по 5 рублёв итого 365 рублёв хлеба по 5 четвертей 365 четвертей.	1
Ныне же объявленным наличным монахом 16-ти и бельцам 27 производится денег 188 рублёв хлеба 232 четверти.	
Да на убылых порциях находится определённых на пропитание отставных:	
Капитан	1
Прапорщиков	3
Лейб-гвардии солдат	3
Протчих полков капралов гранодеров драгун солдат матрозов	18
Итого отставных	25
Оным отставным по их окладом производится из убылых порцей жалованья денег 183 рубли 18 копеек, хлеба 114 четвертей 6 четвериков.	
Всего в предписанном Данилове монастыре имеется налицо монашествуюших и бельцов исправляющих монашеские послушании и отставных афицеров и рядовых	68
Им производится жалованья 371 руб. 18 коп. хлеба 346 четвертей 6 четвериков.	
И против вышеобъявленного оклада на показанных ныне наличных чинов происходит в дачу денег излишества 6 рублёв 18 копеек.	
Хлеба востатке 18 четвертей 2 четверика.	

За приписною ко оному троицкому Данилову монастырю вепревою пустынею в подушной оклад положено 106 душ.

В том числе крестьянских 86 душ.

Да служебниковых (с которых никаковых зборов не збирается) 20 душ.

В прежде-бывшей монастырской приказ по ведомостям в 1702-м году показано было во оной пустыне: строитель и братства монахов 10.

Ныне налицо.	Число людей
Строитель монах	1
Монахов престарелых и увечных (кои никаковых послушаней исправлять не могут) больничных	2
За умалением монашествующих бельцов.	
Попов	2
Дьячёк да понамарь	2
Трудников бельцов в разных послушаниях	3
Итого в приписной вепревой пустыне монахов и священно и церковно-служителей и трудников бельцов	10
По вышеозначенным 702 году ведомостям строителю с монахами, 10 человекам показано жалованья денег 50 рублёв хлеба 50 четвертей, а ныне монашествующим и бельцам производится жалованья денег 50 рублёв хлеба 57 четвертей.	
Сверх показанного в ведомостях 702-го году, производится излишняго хлеба 7 четвертей.	

Никицкой монастырь.

За оным положено в подушной оклад 2045 душ.

В том числе.

Во определённых на содержание оного монастыря вотчинах крестьянских 1198, служительских (с коих никаких зборов не имеется) 151.

Прежде называемых заопределённых (с коих окладные доходы платятся в канцелярию синодальную экономического правления) 696 душ.

По определению прежде бывшаго монастырского приказа 1710-го году положено быть во оном Никицком монастыре с настоятелем монашествующих 40 человек.

Ныне налицо монашествующих	Число людей
Архимандрит	1
Иеромонахов	
Правящий казначейскую должность	1
Ризничий и уставщик	1
Служащих	2
Присланной в монастырские труды иеромонах	1
Иеродиакон исправляющий житенное послушание	1
Монахов	
Просвиряк и трапезарь	1
Понамарей	2
Больничных	3
Итого	13
Да за умалением монашествующих, священников вдовых престарелых	2
Диакон	1
Церковников исправляющих в хлебодаренных и чашечных послушаниях	2
За неимением крылоских монахов определённых из монастырских служителей псаломщиков	13
Итого бельцов состоящих в монашеских послушаниях	18
На вышеписанных 40 человек в 710-м году порцей определено денег по 5 рублёв 200 рублёв хлеба по 5 четвертей 200 четвертей.	
А ныне объявленным наличным монашествующим 13, бельцам 18-ти производится денег 155 рублёв хлеба 162 четверти.	
Да на убылых порциях находится определённых на пропитание оставных:	
Подпорутчик	1
Лейб-гвардии капрал	1
Квартермистр	1
Салдат	1
Итого отставных	4
Оным отставным по их окладом производится из убылых порцей жалованья денег 35 рублёв 65 копеек $^1/_3$, хлеба 9 четвертей 4 четверика 4 гарца.	

Всего в предписанном Никицком монастыре налицо монашествующих и бельцов исправляющих монашеския послушании и отставных афицеров и рядовых	35
Им производится жалованья 190 рублёв 65 копеек 1/3, хлеба 171 четверть 4 четверика 4 гарца.	
За вышеписанным производимым жалованьем остатку денег на 2 порции 9 рублёв 34 копейки 2/3, хлеба на 5 порцей с половиною 28 четвертей 3 четверика 4 гарца.	

Волоколамской Иосифов монастырь.

За оным положено в подушной оклад 11 422 души.

В том числе служних и служебниковых, с которых никаких доходов не имеется 786.

Крестьян.

Во определённых для содержания монастыря вотчинах крестьян 1 953.

Во определённых же платёжем доходов в канцелярию синодальную экономического правления 8 683.

В том числе записавшихся в осташковское купечество 551.

По определению прежде бывшаго монастырского приказа в 710-м году положено быть монашествующих с настоятелем 39 человек.

Ныне налицо монашествующих	Число людей
Архимандрит	1
Келарь иеромонах	1
Казначей иеромонах	1
Иеромонахов	3
Иеродиаконов	3
Монахов	10
Итого	19
За умалением монашествующих бельцов в монашеских послушаниях:	
Понамарей	2
Просвиряк и псаломщик	1
Итого бельцов	3
На вышеписанных 39 человек в 710-м году порцей определено денег 195 рублёв хлеба 195 четвертей.	
Ныне же объявленным наличным монахом 19 и бельцам 3-м человекам производится денег 110 рублёв хлеба 110 четвертей.	
Да на убылых порциях находится определённых на пропитание отставных:	
Капитан	1
Подпорутчик	1
Подпрапорщик	1
Квартермистр	1
Лейб-гвардии капралов и салдат	3
Протчих полков капралов и салдат	5
Итого отставных	12

Оным отставным по их окладом производится из убылых порцей жалованья денег 107 рублёв 61 копейка хлеба 57 четвертей 3 четверика. Да сверх оных имеется присланных из разных мест при указех безумных и явившейся на богопротивных зборищах. Коим производится в пищу хлеба по 5 четвертей 40 четвертей.	8

В приписном ко оному Иосифову Волоколамскому монастырю Власьевском девиче монастыре монахинь которые издревле содержатся от Иосифова монастыря.

Ныне налицо монашествующих	Число людей
Наместница	1
Монахинь рядовых	4
Белиц	2
Итого	6
Оным производится в год хлеба 15 четвертей.	
Всего в предписанном Волоколамском Иосифове и в приписном Власьевском девиче монастырех монашествующих бельцов и отставных обер и унтер-афицеров и рядовых солдат и безумных налицо	49
Им производится жалованья 217 рублёв 61 копейка хлеба 222 четверти 3 четверика.	
И против вышеобъявленного оклада на показанных ныне наличных чинов происходит в дачу излишества денег 22 рубли 61 копейка хлеба 27 четвертей 3 четверика.	

Дмитровской Борисоглебский монастырь.

За оным положено в подушной оклад 1 217 душ.

в том числе

во определённых на содержание оного монастыря вотчинах крестьянских 485.

Прежде называемых заопределённых вотчинах 732.

По определению прежде бывшаго монастырского приказа положено быть во оном Дмитровском Борисоглебском монастыре с настоятелем монашествующих 20 человек.

Ныне налицо монашествующих	Число людей
Архимандрит	1
Казначей иеромонах	1
Иеромонахов	2
Ризничей монах	1
Крылоской монах	1
Итого	6
За умалением монашествующих бельцов в монашеских послушаниях:	
Попов	2
Диаконов	3

Канархистров и псаломщиков	5
Церковной сторож	1
Отставной от службы сержант	1
Итого бельцов	12
На вышеписанных 20 человек в 710 году порцей определено денег по 5 рублёв 100 рублёв хлеба по 5 четвертей 100 четвертей.	
Ныне объявленным наличным монашествующим 6 бельцам 12-ти итого 18 человекам производится денег 90 рублёв хлеба 90 четвертей.	
За оным производимым жалованьем остатку на убылые 2 порции денег 10 рублёв хлеба 10 четвертей.	

Борисоглебский монастырь что на Горе.

За оным положено в подушной оклад служних 26 крестьянских 200 итого 226 душ.

Во оном монастыре коликому числу монахов быть и на них порцей не положено, ибо тот монастырь имелся приписным к синодальному дому.

А ныне в том монастыре монашествующих налицо	Число людей
Игумен	1
Монах конюшей	1
За умалением монахов бельцов исправляющих монастырския послушании.	
Диакон	1
Дьячёк	1
В казначейской должности	1
Итого монахов и бельцов	5
Оным всем производится денг 10 рублёв 40 копеек, хлеба 41 четверть.	

Да сверх того от оного монастыря платится в канцелярии синодальной экономического правления по окладу деньгами за сухари за 25 четвертей по 30 копеек за четверть, толокна за 5 четвертей по рублю по 20 копеек круп овсяных за 5 четвертей по рублю по 30 копеек за четверть, с вотчинных крестьян денгами 4 рубли 6 копеек да за 15 подвод для привозу в Москву хлеба за каждую подводу по рублю, всего 39 рублёв 6 копеек.

А отставных салдат на пропитании не имеется.

Итого определённых платёжем доходов в синодальную экономическую канцелярию пять монастырей.

Да в Переславской же его преосвященства епархии монастырей неопределённых платёжем доходов в синодальную экономическую канцелярию, в которых и о монахах коликому числу быть не положено.

Можайской Лужецкой монастырь.

За оным положено в подушной оклад слуг 59, бобылей 196, тягольных крестьян 1 974 итого 2 229 душ.

В показанном Лужецком и в приписном Якиманском монастырях монашествующих налицо	Число людей
Архимандрит	1
Наместник иеромонах	1
В келарской должности иеромонах	1
Казначей иеромонах	1
Ризничей иеромонах	1
Служащих и престарелых иеромонахов	4
Иеродиаконов служащих и престарелых	4
Монахов больничных	3
Итого монашествующих	16
За умалением монашествующих бельцов, которые исправляют монашеские послушании:	
Диакон	1
Пономарей	2
Канархистров и псаломщиков	14
Гробовой	1
Квасовар	1
Чашник	1
Житенной	1
Рухлядной	1
Трапезной	1
Конюшенной	1
Хлебодар	1
Посельских	2
Огородной	1
Итого бельцов	28
Всего монашествующих и бельцов	44
Оным монашествующим и бельцам производится жалованья денег 230 рублёв сверх же того монахи и бельцы (кроме одних канархистров и псаломщиков и посельских) пищею довольствуются повсядневною вообще.	
А канархистрам, псаломщикам и посельским 14-ти человекам производится вместо пищи хлеба 92 четверти.	
Определённых на пропитание отставных	
Лейб-гвардии солдат	3
Напольных полков	3
Итого	6
Оным отставным по их окладом производится жалованья денег 44 рубли 97 копеек хлеба 31 четверть 7 четвериков. Всего в Лужецком монастыре имеется налицо монашествующих и бельцов исправляющих монашеские послушании и отставных	50
Им производится жалованья 274 рубли 97 копеек хлеба кроме общей трапезы 123 четверти 7 четвериков.	

Волоколамской Возмицкой монастырь.

За оным положено в подушной оклад служителей 45, крестьянских 413 итого 458 душ.

Ныне налицо монашествующих:	Число людей
Архимандрит	1
Казначей	1
Иеромонахов	2
Монахов	2
Итого	6
За умалением монашествуюших бельцов и священно-церковно-служителей:	
Священников	2
Диаконов	2
Дьячёк	1
Понамарь	1
Итого бельцов	6
Всего монашествующих и бельцов	12
Оным всем производится жалованья денег 35 рублёв хлеба (кроме монашествующих) бельцам по 15 четвертей, а монашествующия довольствуются общею пищею.	

Можайской колоцкой монастырь.

За оным положено в подушной оклад 1 065 душ.

Монашествующих налицо:	Число людей
Игумен	1
Казначей иеромонах	1
Ризничей иеромонах	1
Иеромонахов	2
Иеродиакон	1
Житенной монах	1
Рядовой монах	1
Итого монашествующих	8
За умалением монашествуюших бельцов, которые исправляют монашеские послушании.	
Понамарь	1
Псаломщиков	6
Конюшей	1
У продажи свеч	1
Хлебодар	1
При часовне	1

В разных послушаниях	5
Итого бельцов	16
Всего монашествующих и бельцов	24
Объявленным монашествующим и бельцам (кроме конюшаго, свечнаго, хлебодара, часовеннаго) производится жалованья денег 51 рубль а пища всем вышеписанным производится повсядневная вообще.	
Да отставных солдат имеется разных полков	3
Оным производится по их окладам денег в год каждому денег по 3 рубля по 66 коп. хлеба одному 3 четверти 1 четверик с половиною, а двое довольствуются пищею повсядневною вообще.	

Переславский Николаевской монастырь, что на Болоте.

За оным положено в подушной оклад 272 души.

Монашествующих налицо:	Число людей
Игумен	1
Архимандрит на обещании	1
Престарелой тогож монастыря игумен	1
Казначей иеромонах	1
Иеромонахов служащих	4
Иеродиакон	1
Монахов	
Понамарь	1
Больничной	1
Посельских	2
Подкеларщик	1
Итого монашествующих	14
За умалением монашествуюших бельцов исправляющих монашеские послушании.	
Поп	1
Канархистр	1
Псаломщик	1
Понамарь	1
Синодишной	1
Поваренных и хлебенных	3
Итого	8
Всего монашествующих и бельцов	22
Оным всем (кроме канархистра) жалованья ничего не производится, а довольствуются повсядневною пищею, да одежда и обувь даётся монастырская.	
А канархистру производится в год жалованья денег 3 рубли хлеба 8 четвертей.	
А отставных солдат на пропитании при том монастыре не имеется.	

Борисоглебской монастырь что на Песках.

За оным положено в подушной оклад 54 души.

Монашествующих налицо:	Число людей
Игумен	1
Иеромонах	1
Казначей монах	1
Монахов	
Ризничей	1
Понамарь	1
Житенной	1
Подкеларщик	1
Больничных	3
Итого монашествующих	10
За умалением монашествуюших в разных монашеских послушаниях бельцов	
Священников	2
Диакон	1
Канархистр	1
Трудников в разных послушаниях	17
Всего монашествующих и бельцов	29
Оным всем (кроме диакона и канархистра) жалованья ничего не производится, а довольствуются повсядневною пищею.	
А диакону и канархистру производится в год каждому ржи по 5, овса по 4 четверти.	
А отставных солдат на пропитании при том монастыре не имеется.	

Верейской Спаской монастырь.

За оным положено в подушной оклад 178 душ.

Ныне налицо монашествующих:	Число людей
Игумен	1
Иеромонах	1
Монах	1
Итого	3
За умалением монашествующих бельцов.	
Поп	1
Диакон	1
Дьячёк	1
Понамарь	1
Итого	4

Итого монашествующих и бельцов	7
Оным монашествующим и бельцам производится повсядневная пища да жалованья монахам денег по 3 рубля.	
А попу и диакону хлеба по 6 четвертей в год.	

Переславского уезду Залеского Лукьянова пустыня.

За оною положено исключённых по разбору церковников в подушной оклад 29 душ.

Монашествующих налицо:	Число людей
Строитель	1
Иеромонах	1
Иеродиакон	1
Казначей-монах	1
Крылоской	1
Житенной	1
Конюшей	1
Посельской	1
В часовнях у збору от доброхотных дателей	3
Хлебенных	2
Больничных	4
Итого	17
За умалением монахов бельцов в монашеских послушаниях.	
Священников	3
Ризничей-диакон	1
Диакон	1
Псаломщик	1
В часовне у збору	1
Больничной	1
Итого бельцов	9
Всего монашествующих и бельцов	26
Оным всем денежного и хлебного жалованья ничего не производится, а довольствуются повсядневною пищею и обувью и одеждою, а отставных солдат на пропитании не имеется	

Николаевская Солбинская пустыня.

За оною пустынею вотчин не имеется.

В той пустыне монашествующих:	Число людей
Строитель	1
Иеромонахов	2
Иеродиаконов	2

Монахов	
Казначей	1
Понамарь	1
На мельницах	3
Хлебенной	1
Повар	1
В трудах монастырских	1
В казённой	1
Больничных	2
Итого	16
За умалением монахов бельцов в монашеских послушаниях:	
В крылоском послушании	1
В кузнечной работе	1
Конюшей	1
Итого бельцов	3
Всего монашествующих и бельцов	19
Оным монашествующим и бельцам денежного и хлебного жалованья ничего не производится, а довольствуются повсядневною пищею и одеждою.	

Введенская Островская пустыня.

За оною пустынею вотчин не имеется.

В той пустыне монашествующих:	Число людей
Строитель	1
Иеромонахов	2
Иеродиакон	1
Итого	4
За умалением монашествующих бельцов в монашеских послушаниях:	8
Оные монашествующие и бельцы довольствуются повсядневною пищею от христолюбивых подаятелей	

Переславской Феодоровской девичь монастырь.

За оным монастырём положено в подушной оклад 1 333 души.

Во оном монастыре монахинь:	Число людей
Игуменья	1
Наместница	1
Казначея	1
Крылоских монахинь	10
Рядовых монахинь	24
Больничных	7

Рясофорных	40
Итого	84
Да белиц в монашеских послушаниях:	27
Всего монашествующих и белиц	111
Оным монашествующим игумении, наместнице и казначее вместо порции производится хлебного жалованья ржи по 3 четверти, гороху по четверику, пшеницы по четверику, а прочим монахиням и белицам против того в половину.	
При том же монастыре имеется для священно служения.	
Попов	5
Диаконов	2
Оным попам и диаконам производится жалованья попам по 4 рубли по 64 копейки с половиною диаконам по 2 рубли по 50 копеек итого в год 28 рублёв 22 копейки с половиною.	
Хлеба попам и диаконам ржи по 3 четверти овса по томуж итого в год 42 четверти.	

Успенской девичь монастырь, что во Александровой слободе.

За оным положено в подушной оклад служителей и работников 113 душ.

Во оном ныне налицо:	Число людей
Игуменья	1
Казначея	1
Крылоских монахинь	21
Рядовых монахинь и в больнице	83
Итого монахинь	106
В искусе белиц	285
Присланных при указех в подначальство	6
Итого белиц	291
Всего монахинь и белиц	397
Во оной монастырь поимянным указом производится жалованья денег по 1 469 рублёв по 16 копеек счетвертью хлеба по 1 655 четвертей по 5 четвериков соли по 300 пуд на год из котораго жалованья все монахини довольствуются пищею вообще.	
При том же монастыре имеется:	
Духовник иеромонах	1
Строитель иеромонах	1
Для священно-служения бельцов:	
Священников	7
Диаконов	2
Оным духовнику строителю священником и диаконам производится жалованья из вышеписанной же суммы в год всего денег по 63 рубли хлеба по 126 четвертей.	

Можайской Петровской девичь монастырь.

За оным положено в подушной оклад 140 душ.

Ныне налицо монашествующих:	Число людей
Игуменья	1
Монахиня	1
Итого	2
Белиц в разных послушаниях	7
Итого монахинь и белиц	9
Оным монахиням и белицам производится жалованья денег 12 рублёв хлеба 13 четвертей.	
При том же монастыре имеются:	
Священник	1
Дьячёк	1
Понамарь	1
Оным священнику, дьячку и понамарю производится жалованья всем по 8 рублёв на год.	

Волоколамской Варварской девичь монастырь.

За оным монастырём положено в подушной оклад 46 душ.

Монахинь ныне налицо:	Число людей
Игуменья	1
Казначея	1
Монахинь	9
Итого	11
Белиц	3
Итого монахинь и белиц	14
Оным монахиням и белицам производится хлебного жалованья 14 четвертей.	

Дмитровской Пятницкой девичь монастырь.

За оным монастырём вотчин не имеется.

Монашествующих ныне налицо:	Число людей
Игуменья	1
Монахинь	4
Белица	1
Итого	6

Оным монахиням производится от Дмитровской воеводской канцелярии руги всем по 4 рубли по 20 копеек на год. За таковою малою ругою пропитание имеют от христолюбивых подаятелей.	

Переславские безвотчинные девичьи монастыри
в коих находятся налицо монахини.

Князь-Андреевской.

	Число людей
Игуменья	1
Казначея	1
Крылоских	3
Рядовых	26
Итого монашествующих	31
Белиц	23
Итого монашествующих и белиц	54

Сретенской.

	Число людей
Игуменья	1
Казначея	1
Монахинь	39
Итого монахинь	41
Белиц	60
Итого монахинь и белиц	101

Вознесенской.

	Число людей
Игуменья	1
Монахинь	10
Итого	11
Белиц	30
Итого монашествующих и белиц	41
Во оных всех девичьих безвотчинных монастырях монахини и белицы довольствуются пищею от христолюбивых подателей и своим рукодельем.	

Список церквей и приходов, входивших в состав Переславской епархии в конце 50-х годов XVIII столетия[1]

Церкви в ведомстве Переславской катедральной конторы

Градской Переславский округ

1. Церковь Преображенская соборная.
2. Церковь Александроневская.
3. Церковь Анастасии великомученицы.
4. Церковь Богословская.
5. Церковь Варварская.
6. Церковь Введенская.
7. Церковь Вознесенская.
8. Церковь Всемилостивого Спаса.
9. Церковь Димитрия Солунского.
10. Церковь Екатерининская.
11. Церковь Златоустовская.
12. Церковь Ильинская.
13. Церковь Князь-Андреевская.
14. Церковь Князь-Владимирская.
15. Церковь Козьмодемьянская.
16. Церковь Константиновская.
17. Церковь Никиты великомученика.
18. Церковь Одигитриевская (Ямская).
19. Церковь Петромитрополитская.
20. Церковь Петропавловская.
21. Церковь Рождества Иоанна Предтечи.
22. Церковь Рождественская (в городе).
23. Церковь Рождественская (на площадке).
24. Церковь Святодуховская.
25. Церковь Сергиевская.
26. Церковь Симеоновская.
27. Церковь Усекновенская.
28. Церковь Филипповская.
29. Церковь Четыредесятницкая.

Всего 29 церквей.

Переславская десятина

1. Алексино с. церковь Покрова Божией Матери.
2. Алферьево с. церковь Николая Чудотворца.
3. Багримово с. церковь Николая Чудотворца.
4. Бехтышево с. церковь Введения Пресвятой Богородицы.
5. Биберево с. церковь Архистратига Михаила.
6. Благовещенский погост церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
7. Благовещенский погост на Дубне церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.

[1]Список составлен на основании документов Архива Переславской духовной консистории 1754—1761 годов. Систематического перечня церквей Переславской епархии в делах Переславской консистории не найдено. Один и тот же приход в разных архивных документах встречается иногда с различным наименованием его церковного престола. Объясняется это явление, вероятно, существованием в таком приходе двух или нескольких церквей, а по местам и сохранением в памяти народных воспоминаний о старой разрушившейся или сгоревшей церкви, на место которой выстроена была церковь новая, но посвящённая уже во имя другого святого. В таких случаях нами указывается то и другое название престола.

8. Богородское с.	церковь Рождества Богородицы.
9. Большая Брембола с.	церковь Пророка Илии.
10. Борисоглебский погост	церковь Бориса и Глеба.
11. Будовское с.	церковь Николая Чудотворца.
12. Вашка с.	церковь Николая Чудотворца.
13. Вепрева пустынь	церковь Успения Божией Матери.
14. Вертягино с.	церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
15. Вёски с.	церковь Николая Чудотворца.
16. Весково с.	церковь великомученика Георгия.
17. Воронцово с.	церковь Воскресения Христова.
18. Воскресенский погост в Волнине	церковь Воскресения Христова.
19. Воскресенское с.	церковь Воскресения Христова.
20. Глебовское с.	церковь Николая Чудотворца.
21. Глебовское с.	церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
22. Голопёрово с.	церковь Трёх Святителей.
23. Гольцово с.	церковь Николая Чудотворца.
24. Горки с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
25. Горки с.	церковь Пророка Илии.
26. Городище с.	церковь Рождества Богородицы.
27. Горшково с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
28. Давыдовское с.	церковь Воскресения Христова.
29. Даратники с.	церковь Успения Пресвятой Богородицы.
30. Дмитровский в Дуницах погост	церковь Димитрия Солунского.
31. Дмитровский в Кисме погост	церковь Димитрия Солунского.
32. Добрилово с.	церковь Богоявления Господня.
33. Дубнево с.	церковь Живоначальной Троицы.
34. Дубровины с.	церковь Николая Чудотворца.
35. Дьяково с.	церковь Живоначальной Троицы.
36. Елизарово с.	церковь великомученика Никиты.
37. Елпатьево с.	церковь Вознесения Господня.
38. Еромово с.	церковь Козьмодамианская.
39. Ерополчь с.	церковь Николая Чудотворца.
40. Ефимьево с.	церковь Николая Чудотворца.
41. Заболотье с.	церковь Покрова Божией Матери.
42. Закубежский погост	церковь Преображения Господня.
43. Заозерье с.	церковь Казанской Пресвятой Богородицы.
44. Запольское с.	церковь Преображения Господня.[1]
45. Зарой с. (Ялцово)	церковь Иоанна Богослова.[2]
46. Иванисово с.	церковь Покрова Богородицы.
47. Ивановское с.	церковь великомученика Георгия.
48. Ильинское с.	церковь Введения Божией Матери.
49. Ильинское с.	церковь Илии пророка.
50. Иоакиманский погост	церковь Иоакима и Анны.
51. Кабанское с.	церковь Рождества Богородицы.
52. Кабанское с.	церковь Пророка Илии.
53. Кадановский погост	церковь Преображения Господня.
54. Каллистово с.	церковь Пророка Илии.
55. Каменки с.	церковь Казанской Божией Матери.
56. Козлово с.	церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи.
57. Конюцкое с.	церковь Воскресения Христова.[3]
58. Копнино с.	церковь Николая Чудотворца.
59. Красное с.	церковь Вознесения Господня.

[1] В настоящее время в приходе с. Мергусова, Переславского уезда.
[2] В настоящее время в приходе с. Гор-Пневиц, Переславского уезда.
[3] Ныне в приходе с. Ивановского, Переславского уезда.

60. Красное Раменье с. — церковь Николая Чудотворца.
61. Кучки с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
62. Лучинское с. — церковь Николая Чудотворца.
63. Лучинское с. — церковь Евангелиста Луки.
64. Лыченцы с. — церковь Пророка Илии.
65. Любилово с. — церковь Рождества Богородицы.
66. Малая Брембола с. — церковь Воскресения Христова.
67. Малыгино с. — церковь Казанской Божией Матери.
68. Мергусово с. — церковь Сергия Радонежского.
69. Михайловское с. — церковь Михаила Архангела.
70. Михалёво с. — церковь Димитрия Солунского.
71. Мишутино с. — церковь Рождества Богородицы.
72. Нагорье с. — церковь Николая Чудотворца.
73. Нагорье с. — церковь Преображения Господня.
74. Насакино с. — церковь Неопалимой Купины.
75. Нестерово с. — церковь Преображения Господня.
76. Никольский погост в Кижиле — церковь Николая Чудотворца.
77. Никольский погост на Дубне — церковь Николая Чудотворца.
78. Никольское с. в Волнине — церковь Николая Чудотворца.
79. Никульское с. — церковь Николая Чудотворца.
80. Никульское с. — церковь Николая Чудотворца.
81. Нила с. — церковь Архистратига Михаила.
82. Новое с. — церковь Николая Чудотворца.
83. Новосёлка Гора с. — церковь Пророка Илии.
84. Новосёлки с. — церковь Рождества Христова.
85. Опарино с. — церковь Богоявления Господня.
86. Осипова пустынь — церковь Тихвинской Божией Матери.
87. Павловское с. — церковь Николая Чудотворца.
88. Парфёново с. — церковь Богоявления Господня.
89. Первитино с. — церковь Рождества Богородицы.
90. Перцово с. — церковь Воскресения Христова.
91. Петрищево с. — церковь Живоначальной Троицы.
92. Петровское с. — церковь Петра и Павла.
93. Поварово с. — церковь Введения Пресвятой Богородицы.[1]
94. Пожарское с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
95. Поймаши с. — церковь Николая Чудотворца.
96. Половецкое с. — церковь Рождества Богородицы.
97. Подберёжский погост (под берёзами) — церковь Илии пророка.
98. Покровский погост на Меленке — церковь Покрова Божией Матери.
99. Предтеченский погост (в Первитине) — церковь Рождества Иоанна Предтечи.
100. Рагозинино с. — церковь Николая Чудотворца.
101. Расловлево с. — церковь Воскресения Христова.
102. Рахманово с. — церковь великомученика Георгия.
103. Рожественское с. — церковь Рождества Христова.
104. Рожествино с. — церковь Рождества Христова.
105. Романово с. — церковь Воздвижения Креста Господня.
106. Романово с. — церковь Николая Чудотворца.
107. Рязанцево с. — церковь Архистратига Михаила.
108. Самарово с. — церковь Иоакима и Анны.
109. Святово с. — церковь Василия Великого.
110. Сигори с. — церковь Богоявления Господня.
111. Скоблево с. — церковь Николая Чудотворца.
112. Славитино с. — церковь великомученика Георгия.

[1] В настоящее время в приходе с. Бектышева, Переславского уезда.

113. Слободка Выползова с.	церковь Казанской Божией Матери.
114. Смоленское с.	церковь Успения Божией Матери.
115. Соломидино с.	церковь Покрова Божией Матери.
116. Спасское с.	церковь Преображения Господня.
117. Старое с. (Загорье)	церковь Благовещения Божией Матери.
118. Татариново с.	церковь Вознесения Господня.
119. Твердилково с.	церковь Рождества Богородицы.
120. Троицкая Отхожая слобода	церковь Живоначальной Троицы.
121. Троицкое с.	церковь Живоначальной Троицы.
122. Троицкий погост что на Выторoске	церковь Живоначальной Троицы.
123. Усолье с.	церковь Преображения Господня.
124. Успенская пустынь	церковь Успения Божией Матери.
125. Филимоново с.	церковь Димитрия Солунского.
126. Филипповское с.	церковь Иоакима и Анны.
127. Хомяково с. (Пречистенское)	церковь Казанской Божией Матери.
128. Хупань с.	церковь Иоанна Богослова.
129. Шеметово с.	церковь Николая Чудотворца.
130. Шеметово с.	церковь Казанской Божией Матери.
131. Шепелево с.	церковь Илии Пророка.
132. Ягренево с.	церковь Рождества Богородицы.
133. Яново с.	церковь Николая Чудотворца.
134. Фалелеево с.	церковь Димитрия Солунского.
	Всего 134 церкви.

Александровская десятина

1. Александровской слободы	церковь Богоявления Господня.
2. Александровской слободы	церковь Рождества Христова.
3. Андреевский погост	церковь Андрея Первозванного.
4. Андреевское с. (Туркино)	церковь Андрея Критского.
5. Андреевское с.	церковь Николая Чудотворца.
6. Аргуново с.	церковь Николая Чудотворца.
7. Афанасьево с.	церковь Воскресения Христова.
8. Бакино с.	церковь Николая Чудотворца.
9. Бакшево с.	церковь великомученика Димитрия Солунского.
10. Бачевка погост	церковь Николая Чудотворца.
11. Богородское с.	церковь Успения Божией Матери.
12. Бориса и Глеба погост	церковь Вознесения Господня.
13. Борково погост	церковь Иоанна Богослова.[1]
14. Бунаково с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.[2]
15. Вёски с.	церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
16. Воинова Гора с.	церковь Успения Божией Матери.
17. Волохово с.	церковь Бориса и Глеба.
18. Воскресенское с.	церковь Николая Чудотворца.
19. Гагино с.	церковь Димитрия Солунского.
20. Годуново с.	церковь Архистратига Михаила.
21. Горки с.	церковь Живоначальной Троицы.
22. Далматово с.	церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
23. Дуброва с.	церковь Происхождение древ Честного Креста.
24. Егорьевское с.	церковь Архистратига Михаила (и Благовещения).
25. Ельцы с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
26. Жигулино погост (Житенино)	церковь Николая Чудотворца.

[1] В настоящее время состоит в приходе с. Рясницына, Александровского уезда.
[2] В настоящее время состоит в приходе с. Соболева, Александровского уезда.

27. Жилино с.	церковь Николая Чудотворца.
28. Зиновьево с.	церковь Николая Чудотворца.
29. Ивановское Зубово с.	церковь Предтеченская.
30. Ивановское Прозоровских с.	церковь Живоначальной Троицы.
31. Ивановское Соболево с.	церковь Димитрия Солунского.
32. Ивановское Холуденевых с.	церковь Зачатия Иоанна Предтечи.
33. Ильинский погост в Грязевке	церковь Пророка Илии.
34. Ильинское с.	церковь великомученика Георгия.
35. Ирково с.	церковь Введения Пресвятой Богородицы.
36. Ирошниково с.	церковь Казанской Божией Матери.
37. Каринское с.	церковь Предтеченская.
38. Кишкино с.	церковь великомученика Никиты.
39. Ковырёво с.	церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
40. Копосово с. (Козлятьево тож)	церковь Преображения Господня.
41. Корела с.	церковь Николая Чудотворца.
42. Коробовщина с. (Никольское тож)	церковь Николая Чудотворца.
43. Крутец с. (Успенское тож)	церковь Успения Пресвятой Богородицы.
44. Лаврово с.	церковь Николая Чудотворца.
45. Локотково с.	церковь Казанской Божией Матери.
46. Мошнино с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
47. Мякишево с.	церковь Петропавловская.
48. Мячково с.	церковь Николая Чудотворца.
49. Никольское с.	церковь Николая Чудотворца.
50. Никульское с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
51. Новинки с.	церковь Успения Пресвятой Богородицы.
52. Новосёлки с.	церковь Рождества Христова.
53. Овчинино с.	церковь Николая Чудотворца.
54. Паньково с.	церковь Рождества Богородицы.
55. Пердобушка с. (Ям тож)	церковь Казанской Божией Матери.
56. Подлипа погост (и Подлипье)	церковь Живоначальной Троицы.
57. Покров с. (синодальное)	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
58. Покров с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
59. Пусторождествино с.	церковь Рождества Христова.
60. Рожествино с.	церковь Рождества Христова.
61. Романовское с.	церковь Воскресения Христова.
62. Рюминское с.	церковь Козьмодамианская.
63. Рясницыно с.	церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
64. Самарино с.	церковь Архистратига Михаила.
65. Семёновское с.	церковь Симеона Столпника.
66. Семково с. (Знаменское тож)	церковь Знамения Божией Матери.
67. Слотино с.	церковь Иоанна Богослова.
68. Смольнево с.	церковь Преображения Господня.
69. Соколово с.	церковь Вознесения Господня.
70. Спасское с.	церковь Преображения Господня.
71. Старая слобода	церковь Казанской Божией Матери.
72. Степаново с.	церковь Казанской Божией Матери.
73. Степанчиково с.	церковь Воскресения Христова.
74. Стогово погост	церковь Николая Чудотворца.
75. Тимофеевское с.	церковь Архистратига Михаила.
76. Титовское с.	церковь Димитрия Солунского.
77. Утрока погост (на Утроке)	церковь Архистратига Михаила.
78. Филипповское с.	церковь Николая Чудотворца.
79. Фёдоровское с.	церковь Казанской Божией Матери.
	Всего 79 церквей.

Троицкая десятина

1. Алексино с. — церковь Николая Чудотворца.
2. Андрианово с. — церковь Николая Чудотворца.
3. Бужаниново с. — церковь Николая Чудотворца.
4. Выпуково с. — церковь Иоанна Предтечи.
5. Гор Пневицы с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
6. Данутино с. — церковь Николая Чудотворца.
7. Дерюзино с. — церковь Николая Чудотворца.
8. Заболотье с. — церковь Николая Чудотворца.
9. Иудино с. — церковь Рождества Христова.
10. Константиновское с. — церковь Афанасия и Кирилла.
11. Константиновское с. — церковь Архистратига Михаила.
12. Кумыш с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
13. Макарово с. — церковь Живоначальной Троицы.
14. Махра с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
15. Махринский монастырь — церковь Стефана Чудотворца.
16. Нушпола с. — церковь Воскресения Христова.
17. Палиносово с. (и Палимусово) — церковь Николая Чудотворца.
18. Сватково с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
19. Селиванова Гора с. — церковь Николая Чудотворца.
20. Семёновское Шуйских с. — церковь Николая Чудотворца.
21. Снятиново с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
22. Хребтово с. — церковь Воскресения Христова.
23. Шарапово с. — церковь Архистратига Михаила.

Всего 23 церкви.

Церкви в ведомстве Дмитровского духовного правления

Дмитровский градской округ

1. Церковь соборная Успения Пресвятой Богородицы.
2. Церковь Василия Великого.
3. Церковь Введения Пресвятой Богородицы в Конюшенной слободе.
4. Церковь Ильинская.
5. Церковь Параскевы великомученицы.
6. Церковь Преображения Господня.
7. Церковь Сретения Господня.
8. Церковь Тихвинской Пресвятой Богородицы.

Всего 8 церквей.

Дмитровская десятина

1. Андреевское с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
2. Асаурово с. (Осаурово) — церковь Николая Чудотворца.
3. Батюшково с. (Никольское) — церковь Николая Чудотворца.
4. Борисово с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
5. Васильевское с. — церковь Василия Великого.
6. Введенский погост что на Грязи — церковь Введения Пресвятой Богородицы.
7. Ведерницы с. — церковь Живоначальной Троицы.
8. Внуково с. — церковь священномученика Ипатия.
9. Волдынское с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
10. Вороново с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
11. Волдынское с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
12. Вороново с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
13. Высоково с. — церковь Иоанна Богослова.

14. Гари с. — церковь Преображения Господня.
15. Георгиевский погост в Конюш. — церковь великомученика Георгия.
16. Говейново с. (Говеново) — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
17. Горки с. — церковь Николая Чудотворца.
18. Григорово с. — церковь Всемилостиваго Спаса.
19. Гульнево с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
20. Даниловское с. — церковь Николая Чудотворца.
21. Дубровки с. — церковь Пророка Илии.
22. Дьяково с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
23. Захарьино с. — церковь Вокресения Христова.
24. Ивановское с. — церковь великомученика Георгия.
25. Игнатово с. — церковь Николая Чудотворца.
26. Ильино с — церковь Пророка Илии.
27. Ильинское с. — церковь Рождества Христова.
28. Карпово с. (Дятелино, Воскресенское тож) — церковь Воскресения Христова.
29. Кикино с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы (Архистратига Михаила).
30. Кончинино с. — церковь Архистратига Михаила.
31. Круглино с. (Кроглино) — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
32. Куликово с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
33. Лавровка с. — церковь Тихвинской Божией Матери.
34. Льгово с. — церковь Введения Пресвятой Богородицы.
35. Михайловское с. — церковь Знамения Божией Матери.
36. Морозово с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
37. Никольское с. (Горки тож) — церковь Николая Чудотворца.
38. Никульское с. — церковь Николая Чудотворца.
39. Новое с. (на Дубне) — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
40. Новое с. (Бережки тож) — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
41. Новоспасское с. (Деденево) — церковь Всемилостивого Спаса.
42. Озерецкое с. — церковь Николая Чудотворца.
43. Ольявидово с. — церковь Живоначальной Троицы.
44. Орудьево с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
45. Перемилово с. — церковь Вознесения Господня.
46. Пересветово с. — церковь Николая Чудотворца.
47. Подболотье погост (Рождествено и Тимоново) — церковь Рождества Христова.
48. Подлипичье с. — церковь Казанской Божией Матери.
49. Подмошье с. — церковь Николая Чудотворца.
50. Подчерково с. — церковь Рождества Богородицы.
51. Рогачёво с. — церковь Николая Чудотворца.
52. Ртищево с. (Покровское тож) — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
53. Сабурово с. (Мамонтово и Феодоровское тож) — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
54. Селевкино с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
55. Сергейково с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы (и Рождества Пресвятой Богородицы).
56. Синьково с. — церковь Пророка Илии.
57. Спасское на Каменке с. — церковь Преображения Господня.
58. Тиханово с. (Жуково тож) — церковь Богоявления Господня.
59. Трунёвки с. — церковь Владимирской Пресвятой Богородицы.
60. Турбичёво с. — церковь Архистратига Михаила.
61. Фёдоровское с. — церковь Казанской Пресвятой Богородицы.
62. Хороброво с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
63. Шуколово с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
64. Юрьево с. (Волотково тож) — церковь Казанской Божией Матери.

65. Языково с.	церковь Рождества Христова.
66. Якотский погост	церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
	Всего 64 церкви.

Троицкий Нерльский заказ

1. Базулино с. (Богородское, Самкино тож)	церковь Смоленской Божией Матери.
2. Борисоглебский погост во Вьюлках	церковь Бориса и Глеба.
3. Будимерово (Будилово тож)	церковь Благовещения Богородицы.
4. Воронцово с.	церковь Сретения Господня.
5. Воскресенский в Заволноже погост	церковь Воскресения Христова.
6. Воскресенское у Плохих с.	церковь Воскресения Христова.
7. Егорьевский на Хотче погост	церковь великомученика Георгия.
8. Козмодемьянское, Зайцево тож, с.	церковь Козьмы и Дамиана.
9. Кропотки с. (Дмитровское)	церковь Николая Чудотворца.
10. Кутачь, Веретье тож, с.	церковь великомученика Георгия.
11. Минеево с.	церковь Воскресения Христова.
12. Никольский в Сельцах погост	церковь Николая Чудотворца.
13. Опухтино, Никольское тож, с.	церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
14. Поречье с.	церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
15. Раменье с. (Санное тож)	церковь Вознесения Господня.
16. Рожествено в Вьюлках с.	церковь Рождества Христова.
17. Семёновское с. (Константин.)	церковь Симеона Столпника.
18. Спасское на углу с.	церковь Преображения Господня.
19. Старобислово с.	церковь Воздвижения Честного Креста.
20. Троице-Нерльская слобода	церковь Живоначальной Троицы.
21. Троицкий погост на Березниках	церковь Живоначальной Троицы.
22. Яринское с.	церковь Успения Божией Матери (Архистратига Михаила).
	Всего 22 церкви.

Ново-Иерусалимский заказ

1. Алексеевское с.	церковь Николая Чудотворца.
2. Богородское с.	церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
3. Бужарово с.	церковь Преображения Господня.
4. Белавино с. (Ивановское тож)	церковь Смоленской Пресвятой Богородицы.
5. Васильевское с.	церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
6. Вельяминово с. (Жолобово)	церковь Сергия Радонежского Чудотворца.
7. Вертлинское с.	церковь Архистратига Михаила.
8. Высоцкое с. (Высокое)	церковь Архистратига Михаила.
9. Глухово с. (Богородское тож)	церковь Тихвинской Пресвятой Богородицы.
10. Дорошево с.	церковь Преображения Господня.
11. Ельцово с.	церковь Воздвижения Честного Креста.
12. Зеленино с. (Знаменское тож)	церковь Знамения Пресвятой Богородицы.
13. Ильинский погост на Катыше	церковь Илии Пророка.
14. Кленково с.	церковь Казанской Пресвятой Богородицы.
15. Колычево с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
16. Кочергино с.	церковь Воскресения Христова.
17. Куретниково с.	церковь Бориса и Глеба.
18. Лазаревский пог.	церковь Воскрешения Лазаря.
19. Лукьяновское с.	церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
20. Мёрзлое с.	церковь Воскресения Христова.
21. Мушкино с. (Семёновское, Синее)	церковь Живоначальной Троицы.
22. Назарово с.	церковь Живоначальной Троицы.

23. Никитское с. — церковь Преображения Господня.
24. Никольский погост на Лутосне — церковь Николая Чудотворца.
25. Никольское Хлопово с. — церковь Николая Чудотворца.
26. Новое Татищево с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
27. Обухово с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
28. Овсяниково с. — церковь Николая Чудотворца.
29. Поджигородово с. — церковь Архистратига Михаила.
30. Покровское с. (Лемпягино тож) — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
31. Половинино с. (Богородское) — церковь Казанской Божией Матери.
32. Пречистенский погост, что на Лутосне — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
33. Пречистенское с. (Поповское) — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
34. Рождествено с. — церковь Рождества Христова.
35. Рождественский на Сестре погост — церковь Рождества Христова.
36. Рыгино с. — церковь Знамения Пресвятой Богородицы.
37. Савельево с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
38. Сверчково с. (Никольское) — церковь Николая Чудотворца.
39. Семёновское с. — церковь Преображения Господня.
40. Семерлино с. (Семернино) — церковь Знамения Пресвятой Богородицы.
41. Сенежа с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
42. Соголево с. — церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи.
43. Спасское с. (на Лутосне) — церковь Преображения Господня.
44. Спасское на Нудоле с. — церковь Преображения Господня.
45. Телешёво с. (Спасское-Телешово) — церковь Всемилостивого Спаса.
46. Троицкое с. — церковь Живоначальной Троицы.
47. Чернеево с. — церковь Димитрия Солунского.
48. Якиманское с. — церковь Иоакима и Анны.
49. Яркино с. (Алексеевское) — церковь Обновления храма Воскресения Христова.

Всего 49 церквей.

Церкви в ведомстве Волоколамского духовного правления

Волоколамский градской округ

1. Соборная Воскресения Христова.
2. Благовещения Пресвятой Богородицы.
3. Воздвижения Креста Господня.
4. Живоначальной Троицы.
5. Илии Пророка.
6. Покрова Пресвятой Богородицы.
7. Рождества Христова.
8. Успения Пресвятой Богородицы.

Всего 8 церквей.

Волоколамская десятина

1. Архангельское с. — церковь Архистратига Михаила.
2. Ботово с. — церковь Благоверного князя Михаила Тверского.
3. Буй-город с. — церковь Богоявления Господня.
4. Белая Колпь с. (Андреевское) — церковь Андрея Стратилата.
5. Данилково с. (Воскресенское) — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
6. Елизарово с. — церковь Сошествия Святого Духа.
7. Ерополч с. — церковь Рождества Иоанна Предтечи.
8. Ивановское с. — церковь Знамения Пресвятой Богородицы.
9. Ивашково с. — церковь Спаса Нерукотворного Образа.
10. Ильинское с. — церковь Пророка Илии.

11. Казанское с. — церковь Казанской Пресвятой Богородицы.
12. Калистово с. — церковь Николая Чудотворца.
13. Козино с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
14. Левкиев монастырь с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
15. Лихачёво с. — церковь Николая Чудотворца.
16. Матрёнино с. — церковь Николая Чудотворца.
17. Муриково с. — церковь Преображения Господня.
18. Никольское с. — церковь Николая Чудотворца.
19. Плоское с. — церковь Преподобного Иоанна, ученика Григория Декаполита.
20. Покровское с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
21. Покровское с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
22. Раменье с. — церковь Рождества Иоанна Предтечи.
23. Рюховское с. — церковь Тихвинской Пресвятой Богородицы.
24. Середа Стратилацкая с. — церковь Феодора Стратилата.
25. Смолинское с. — церковь Живоначальной Троицы.
26. Спирово с. — церковь Введения Пресвятой Богородицы.
27. Суворово с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
28. Теряева Слобода с. (Дорок) — церковь Пророка Илии.
29. Тимашево с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
30. Фёдоровское с. — церковь Николая Чудотворца.
31. Хворостинино с. — церковь Николая Чудотворца.
32. Черлёнково с. — церковь Николая Чудотворца.
33. Шестаково с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
34. Язвищи с. — церковь Архистратига Михаила.

Всего 34 церкви.

Церкви в ведомстве Рузского духовного правления

Рузский градской округ

1. Соборная церковь во имя Воскресения Христова.
2. Борисоглебская.
3. Дмитриевская.
4. Покровская.

Всего 4 церкви.

Рузская десятина

1. Аннино с. — церковь Знамения Пресвятой Богородицы.
2. Ащерино с. — церковь Иоанна Предтечи.
3. Благовещенское с. — церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
4. Борзецово с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
5. Брыково с. — церковь Богоявления Господня.
6. Брыньково с. — церковь великомученика Георгия.
7. Воздвиженский погост — церковь Воздвижения Честного Креста Господня.
8. Воскресенское с. — церковь Воскресения Христова.
9. Горбово с. — церковь Казанской Пресвятой Богородицы.
10. Горбово с. (Одигитриевское тож) — церковь Одигитрии Пресвятой Богородицы.
11. Дуброва с. — церковь Всемилостивого Спаса.
12. Дьяково с. — церковь Бориса и Глеба.
13. Ивойлово с. — церковь Воскресения Христова.
14. Ильинское с. — церковь Пророка Илии.
15. Казаново с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
16. Каменки с. — церковь Иоанна Богослова.
17. Кожино с. — церковь Воскресения Христова.

18. Козлово с. (Семёновское) — церковь святых мучеников Флора и Лавра.
19. Колюбакино с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
20. Кремиченский погост — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
21. Лужки с. — церковь Николая Чудотворца.
22. Мытинки с. — церковь Рождества Христова.
23. Никольское с. — церковь Николая Чудотворца.
24. Новлянское с. — церковь Николая Чудотворца.
25. Пески с. — церковь Сретения Господня.
26. Покровское с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
27. Рождественский погост что на Мологоще — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
28. Сляднево с. — церковь Преображения Господня.
29. Соколово с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
30. Спасское с. — церковь Преображения Господня.
31. Старая Руза — церковь Преображения Господня.
32. Старая Руза — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
33. Старое Долголядье с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
34. Старое Кокошкино с. — церковь великомученика Димитрия Солунского.
35. Тархово с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
36. Тёплое с. — церковь Знамения Пресвятой Богородицы.
37. Троицкий погост что на реке Рузе — церковь Живоначальной Троицы.
38. Чернецкое с. (Васильевское) — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.

Всего 38 церквей.

Церкви в ведомстве Верейского духовного правления

Верейский градской округ

1. Соборная Рождественская церковь.
2. Георгиевская.
3. Ильинская.
4. Космодамианская.
5. Цареконстантиновская.

Всего 5 церквей.

Верейская десятина

1. Аграфёнино с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
2. Андреевское с. — церковь мученика Андрея Стратилата.
3. Архангельское с. — церковь Архистратига Михаила.
4. Бабичево с. — церковь великомученика Георгия.
5. Благовещенское с. — церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
6. Боболи с. — церковь Николая Чудотворца.
7. Болонино с. (Шиманово тож) — церковь великомученика Димитрия Солунского.
8. Борисов городок — церковь Обновления храма Воскресения Христова.
9. Вышегород с. — церковь Воздвижения Креста Господня.
10. Вышегород с. — церковь Ризположенская.
11. Вышегород с. — церковь Успения Божией Матери.
12. Георгиевский присёлок — церковь великомученика Георгия.
13. Дуброва с. — церковь великомученика Димитрия Солунского.
14. Елманово с. — церковь Воскресения Христова.
15. Заварыкино с. — церковь Казанской Пресвятой Богородицы.
16. Зеленино с. — церковь Рождества Христова.
17. Ильинское с. — церковь Илии пророка (Рождества Христова).

18. Илемна с. — церковь Живоначальной Троицы.
19. Косицы с. — церковь Преображения Господня.
20. Кременское с. — церковь Воскресения Христова.
21. Купелицы с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
22. Марьино с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
23. Некрасово с. — церковь Казанской Пресвятой Богородицы.
24. Никольский погост что на Луже — церковь Николая Чудотворца.
25. Одоевское с. (Пирютино тож) — церковь Воскресения Христова.
26. Покровское с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
27. Понизовье с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
28. Протасьево с. — церковь Николая Чудотворца.
29. Серединское с. — церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
30. Сивково с. — церковь Преображения Господня.
31. Синбухово с. — церковь Успения Пресвятой Богородицы.
32. Слепушкино с. — церковь Преображения Господня.
33. Смолинское с. — церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
34. Сокольниково с. (Антроповское, Копосово) — церковь Козьмы и Дамиана (Рождества Христова).
35. Спасского входоиерусалимского монастыря с. — церковь Входоиерусалимская.
36. Спасское, что в Загряжском с. — церковь Преображения Господня.
37. Старое с. — церковь Николая Чудотворца.
38. Тропарёво с. — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
39. Шапкино с. — церковь Апостолов Петра и Павла.
40. Юрьевское с. — церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.

Всего 40 церквей.

Церкви в ведомстве Можайского духовного правления

Можайский градской округ

1. Соборная Николаевская церковь.
2. Вознесенская церковь.
3. Живоначальной Троицы церковь.
4. Иоакиманская церковь.
5. Ильинская церковь.
6. Покровская в Ямской слободе церковь.
7. Происхождения древ Честного Креста церковь.
8. Успенская церковь.
9. Петровского девича монастыря церковь.

Всего 9 церквей.

Можайская десятина

1. Абрамово с. — церковь Происхождения Честного Креста.
2. Александрово с. — церковь Одигитрии Смоленской Божией Матери.
3. Алискино с. — церковь великомученика Димитрия.
4. Архангельское с. — церковь Архистратига Михаила (Одигитрии Пресвятой Богородицы).
5. Богородское (Александрово) — церковь Покрова Пресвятой Богородицы.
6. Бородино с. — церковь Рождества Христова.
7. Булычёво с. (Болычёво) — церковь Живоначальной Троицы.
8. Введенское (Клементьево тож) — церковь Введения Пресвятой Богородицы.
9. Галичино с. — церковь Преображения Господня.
10. Глазово с. — церковь Преображения Господня.

11. Горетово с.	церковь Живоначальной Троицы.
12. Городок с.	церковь Архистратига Михаила.
13. Горячкино с.	церковь Преображения Господня.
14. Грибово с.	церковь Нерукотворённого образа.
15. Губино с.	церковь Николая Чудотворца.
16. Дунино с.	церковь Усекновения главы Предтечи.
17. Знаменское, Ельня тож	церковь Знамения Богородицы.
18. Ильинское, что на Бодне	церковь Пророка Илии.
19. Корочарово с.	церковь Николая Чудотворца.
20. Криушино с. (Кривушино и Успенское тож)	церковь Успения Пресвятой Богородицы.
21. Купрово с. (Прокофьевское тож)	церковь Обновления храма Воскресения Христова.
22. Милятино с.	церковь Покрова Богородицы.
23. Мышкино с.	церковь Успения Богородицы.
24. Отяково с.	церковь Казанской Богородицы.
25. Покровское с.	церковь Покрова Божией Матери.
26. Поречье с.	церковь Рождества Богородицы.
27. Пушкино с	церковь Успения Пресвятой Богородицы.
28. Рожествено с.	церковь Сретения Господня.
29. Семёновское с.	церковь Николая Чудотворца.
30. Семенниково (Березники)	церковь Воздвижения Честного Креста.
31. Старое (Юрьевское тож)	церковь Смоленской Пресвятой Богородицы.
32. Тёсово	церковь великомученика Димитрия.
33. Шанский железный завод	церковь Рождества Христова.

Всего 33 церкви.

Церкви в ведомстве Гжатского духовного правления

Гжатская пристань

1. Соборная церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
2. Богоявленская церковь.

Всего 2 церкви.

Гжатская десятина

1. Будаево Городище с.	церковь Рождества Христова.
2. Брызгалово с.	церковь Сергия Радонежского.
3. Введенское, Межечино тож с.	церковь Введения Пресвятой Богородицы.
4. Вельнежа с. (Боброво)	церковь Николая Чудотворца.
5. Вешки с.	церковь Рождества Христова.
6. Власово с.	церковь Успения Пресвятой Богородицы.
7. Воробьёво с.	церковь великомученицы Параскевы.
8. Воронцово с.	церковь Рождества Пресвятой Богородицы.
9. Гиреево с.	церковь великомученика Георгия.
10. Глинки с. (Глинково)	церковь Рождества Христова.
11. Дор с.	церковь Николая Чудотворца.
12. Дровнино с.	церковь Богоявления Господня.
13. Дятлово с.	церковь Николая Чудотворца.
14. Златоустово с.	церковь Святого Иоанна Златоуста.
15. Илово с.	церковь великомученика Георгия.
16. Ильинское с.	церковь Илии Пророка.
17. Климово с.	церковь Святого Климента, папы Римского, и Петра Александрийского.

18. Клушино с.	церковь Николая Чудотворца.
19. Колокольня с. (Микулино)	церковь Введения Пресвятой Богородицы.
20. Кузовы с. (Спас)	церковь Преображения Господня.
21. Кулёшево с.	церковь великомученика Георгия.
22. Куршево с.	церковь Введения Пресвятой Богородицы.
23. Луково с.	церковь Казанской Пресвятой Богородицы.
24. Никольское в Загорье с. (Самуйлово тож)	церковь Николая Чудотворца.
25. Ореховка с. (Ореховня).	церковь Преображения Господня.
26. Острицы с. (Вострицы и Никитское)	церковь великомученика Никиты.
27. Петропавловское с.	церковь Петра и Павла.
28. Покровское с.	церковь Благовещения Пресвятой Богородицы.
29. Пречистенское с.	церковь Успения Пресвятой Богородицы.
30. Ренское с.	церковь Николая Чудотворца
31. Рождественское с. (Рождествено)	церковь Рождества Христова.
32. Савино с.	церковь великомученика Георгия.
33. Сежа с. (Вырубово тож)	церковь Николая Чудотворца.
34. Сосницы с.	церковь Николая Чудотворца.
35. Спасское что на Мешинове с.	церковь Преображения Господня.
36. Столбово с.	церковь Смоленской Пресвятой Богородицы.
37. Суботники с. (Неблюжье)	церковь Николая Чудотворца.
38. Чаль с.	церковь Николая Чудотворца.
	Всего 38 церквей.

А всего в Переславской епархии к концу 50-х годов XVIII столетия числилось 619 церквей.

Завещание Переславского епископа Сильвестра

с. 3 Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Понеже по Высокомонаршему благоволению имеем мы полное над своим имением властительство относительно к отказу онаго при кончине нашей кому или куда что при жизни разсудится: то памятуя неизбежный рок смерти и имея достоверныя оной провозвестия параличною немощью, судил завремянно остаток моего имущества за уничтожением прочаго излишества распорядить следующим кратким завещанием.

I

1. Книги, главное имущество, латинския и греческия и вообще школьныя, отказываю Его Преосвященству сей епархии митрополиту, по резону, что в ведомстве его имеются в разных местах детския училища, для употребления оных где и какия по его благоразсмотрению потребны будут в пользу учащихся. Российския ж церковной и гражданской печати книги в сей монастырь в пользу преемников по мне настоятельства и братии, равно как и для молитвеннаго по мне поминовения.

2. Другое моё имущество — духовныя картины оставляю в сём же монастыре на всегдашнее время.

3. Крест серебряный с распятием позолоченой — в монастырскую ризницу. О прочем что и кому к отказу следует под № 2 значится.

4. Денег на похороны отлагаю самое нужное число 200 рублей. И кто ежели будет при отправлении погребения архиерейская особа за труды ему 50 рублей и при том панагия с изображением нерукотвореннаго Спасителева образа на прозрачном камне. Двум архимандритам по 25 руб., на певчих архиерейских с поддьяки и прочих при нём 25 руб., служителям за могилу 15 руб., братии на стол 10 руб., на нищих, при похоронах обыкновенно случающихся, 10 рублей, на прочия мелочныя потребности, каковыя при похоронах случаются, 40 руб.

5. Буде же бы сверх прописанных остались ещё какия из моих денег, оныя употребить
с. 4 на содержание бывых при кельи моей в услужении и на другия потребности, какия встречаются по разсуждению казначея или кому приказан будет похоронный обряд от Конторы Святейшаго Синода.

6. Чрез кого погребсти тело ничего предназначить не могу, как об обстоятельстве, зависящем от разсуждения живых; а желательно, чтобы в том труд возъимел Его Преосвященство здешней митрополии викарий, отец архимандрит Симоновский и отец архимандрит Высокопетровский: коих и прошу высокопокорно предать земле от нея взятое.

7. В прочем усердно прошу 1) чтобы погребсти не в ином одеянии, как которое мною изготовлено, коим образом и предки наши того ж звания были погребаемы. 2) Не инде, как в устроенном мною пред церковью Знамения Пресвятыя Богородицы месте в палатке, где и надпись мною изготовленную велеть на стене прибить единственно для молитвеннаго мне пособия от входящих на молитвословие церковное.

II

Касательно прочей собственности моей отказывается следующее.

1. Часы карманные позолоченые с переворотною на них Страстей Христовых штукою отцу Архимандриту Новоспасскому.

2. Секретарю Ивану Петровичу купленный мною дом у бываго штатнаго служителя Алексея Батарина, коему и купчую отдать.

3. Находившемуся при мне в услужении долговременно и безпорочно Павлу Александрову: книги и рисовальные кунштты, на его имя написанныя за моею печатью; футляр большой с математическими инструментами и другими при том самонужнейшими вещами, в коем и роспись всему подробная имеется под моею печатью; прибор к изобретению на каждом месте меридиана, как то ватерпас и циркуль аглинской работы, магнит и прочия мелочи до того принадлежащия; часы серебряные малые с трёхгранною на цепочке печатью; подголовок и сундук с разными сортами лаков и притом 100 рублей денег.

4. Из платья лучшее отцу казначею с духовником, из коих последнему и постеля с прибором; а расхожее — исправлявшим при кельи моей церковное молитвословие послушникам и кому что ещё разсудится по разсмотрению казначея с духовником.

1802 года Июля 15 дня.[1]

[1] Архив Святейшего Синода. 1802 г., октября 30, № 799.

Расписание о содержании семинарии

Росписание учинённое впереславской духовной Консистории о содержании переславской епархии священно ицерковно служительских детей воучении всеминарии поштату числом сорока человек, исколько надоволствие их потребно вгод припасов, людей, иденег, выключая вакациальные дни накоторые семинаристы удаляются июля от 15-го дня сентября по 1-е число вдомы, иколикое число вгод собирается семинарской суммы ивсей налицо имеется оной.

	Руб.	Коп.
Каждому семинаристу кроватка, а всем на 5 лет 40 кроватей за каждую 50 копеек итого	20	—
А на год 4 рубли		
Каждому семинаристу на каждой год кафтан серого сукна на всех болших и малых накаждаго по 10 аршин итого 400 аршин закаждой аршин по 10 копеек итого	40	—
на шитьё ниток по 2 копейки на кафтан итого на	—	80
на подушку крашенины по 2 аршина итого 80 аршин по 4 копейки сполвиною зааршин итого на	3	40
2 рубашки вкаждую по 8 аршин а вдве по 16 аршин каждому а на всех 640 аршин по 4 копейки за аршин	25	60
Нашитьё ниток по 1 копеике сполвиною на рубашку, а навсе на	—	60
двои порты вкаждые по 3 аршина сполвиною, а вдвои по 7 аршин а навсех 280 аршин по 3 копеики зааршин на	8	40
нашитьё ниток накаждые по 1 копеике а навсе на	—	40
двои чулки анавсех 80 обувей за каждые по 20 копеек итого на	16	—
двои башмаки анавсех 80 обувей закаждые по 30 копеек итого на	24	—
Одне пряжки железные, анавсех 40 пряжек закаждые по 3 копейки итого на	1	20
На два года.		
Шуба вкаждую по 8 овчин, а во все 40 шуб 320 овчин за каждую по 24 копейки итого на	76	80
анагод 38 рублёв 40 копеек.		
Шапка анавсех 40 шапок ежели лисью малахай то закаждую по 80 копеек итого на	32	—
анагод 16 рублёв.		
Шляпа анавсех 40 шляп закаждую по 25 копеек итого на	10	—
а на год 5 рублёв.		
2 простыни вкаждую по 5 аршин авовсе 80 простынь 400 аршин по 3 копейки зааршин итого на	12	—

	Руб.	Коп.
анагод 6 рублёв.		
воилок холстом обшитой анавсех 40 воилоков за каждой коровей воилок по 8 копеек итого на	3	20
анагод 1 рубль 60 копеек.		
Наобшивку холста на каждой по 6 аршин анавсе 240 аршин закаждой по 2 копейки итого на	4	80
анагод 2 рубли 40 копеек.		
Одеяло сераго сукна холстом обшитое, сукна вкаждое по 5 аршин споловиною анавсе 220 аршин по 10 копеек зааршин итого на	22	—
анагод 11 рублёв.		
Наобшивку холста накаждое по 5 аршин споловиною. Анавсе 220 аршин закаждой по 2 копейки споловиною итого на	5	50
анагод 2 рубли 75 копеек.		
Штаны ирошные закаждые по 50 копеек азавсе 40 штанов	20	—
анагод 10 рублёв.		
Рукавицы козловыи чёрные сварегами закаждые по 25 копеек азавсе за 40 рукавиц	10	—
анагод 5 рублёв.		
Кушак закаждой по 25 копеек азавсе за 40 кушаков	10	—
анагод 5 рублёв.		
В питомство		
каждому нанеделю хлеба по 21-му фунту анавсех по 21 пуду. Авгод завыключением вакациальных 47 дней на 318 дней 954 пуда на каждой пуд почетверику муки ржаной итого 119 четвертей 2 четверика поторговой цене по 1 рублю по 4 копейки зачетверть итого на	124	2
Соли навсех по 3 фунта надень авгод 24 пуда 34 фунта по 40 копеек запуд итого на 9 рублёв 54 копейки.		
давпечение булок на 77 дней по 1 фунту надень 1 пуд 37 фунтов по 40 копеек запуд на 77 копеек обоего	10	31
Ввоскресные ипраздничные дни каждому пшеничная булка весом по 1-му фунту Генваря на 1 5 6 12 19 25 26 27 30 31. Февраля на 1 2 9 16 23. Марта на 2 9 16 23 24 25 26 27 28 29 30. Апреля на 6 13 16 20 21 27. Маия на 1 4 9 11 21 18 25. Июня на 1 8 15 22 23 24 28 29. Июля на 6 8 13. Сентября на 7 8 14 20 21 22 28. Октября на 1 5 12 19 22 26. Ноября на 2 9 16 21 23 24 30. Декабря на 6 7 14 21 25 26 28. Итого на 77 дней вкаждой день по 1 пуду итого 77 пудов закаждой пуд муки пшеничной сеяной по 40 копеек итого на	30	80
Вмясоед вдванадесятые высокоторжественные иввоскресные дни мяса вошти по 1-му фунту давсладкую уху пополуфунту итого пополтора фунта на каждаго: Генваря на 1 6 12 19 26. Марта на 23 24 25 26 27 28 29 30. Апреля на 6 13 20 21 27. Майя на 1 4 11 18. Июня на 29. Июля на 6 13. Сентября на 7 8 20 21 22 28. Октября на 5 12 19 26. Ноября на 2 9. Декабря на 25 26 29. Итого на 40 дней вкаждой день навсех по 1-му пуду по 20 фунтов итого 60 пуд по 50 копеек за пуд итого	30	—
Круп овсяных или грешневых накашу на всех по четверику надень анавсе 40 дней 5 четвертей, овсяные по 2 рубля за четверть итого на	10	—

	Руб.	Коп.
Масла коровья по 3 фунта на день ана 40 дней 3 пуда по 2 рубли запуд итого на	6	—
Впротчие дни вошти мяса по 1-му фунту накаждаго. Генваря на 2 3 4 7 9 11 13 14 15 16 17 18 20 21 23 25. Марта на 31. Апреля на 1 3 5 7 8 10 12 14 15 17 19 22 24 26 28 29. Маия на 3 5 6 8 10 12 13 14 15 16 17. Июня на 30. Июля на 1 3 5 7 8 10 12 14 15. Сентября на 1 2 4 6 9 11 13 15 16 18 23 25 27 29 30. Октября на 2 4 6 7 9 11 13 14 16 18 20 21 23 25 27 28 30. Ноября на 1 3 4 6 8 10 11 13. Декабря на 27 28 30 31. Итого на 98 дней на каждой день на всех по 1-му пуду итого 98 пуд по 50 копеек запуд итого	49	—
Вкашу круп овсяных или грешневых по четверику итого 12 четвертей овсяные по 2 рубли за четверик итого	24	—
Масла коровья навсех по 3 фунта итого 7 пуд 14 фунтов по 2 рубли запуд итого на	14	70
Впост.		
Вдванадесятые высокоторжественные ивпраздничные дни коренной осетрины или белужины накаждаго по 1-му фунту надень, анавсех Генваря на 31. Февраля на 1 2. Марта на 16. Апреля на 16. Маия на 25. Июня на 1 8 15 22 28. Ноября на 16 21 23 24 30. Декабря на 7 14 21. итого на 19 дней накаждой день по 1 пуду итого 19 пуд осетрины коренной по 1-му рублю по 20 копеек запуд итого на	22	80
Снятков вошти навсех по 1-му гарнцу надень итого 2 четверика 3 гарнца по 1 рублю по 20 коп. зачетверик итого на	2	85
Вуху свежей рыбы ценою против кореной осетрины вполы по 90 копеек надень итого на	17	10
вкашу круп овсяных или грешневых почетверику надень итого 2 четверти 3 четверика ценою овсяные по 2 рубли зачетверть итого на	4	75
Масла посного по 3 фунта надень итого 1 пуд 17 фунтов по 2 копеики споловиною зафунт итого на	1	42 1/2
Впростые постные дни кроме Генваря 5, Декабря 24 чисел ивеликого поста вошти снятков на всех поодному гарнцу надень итого Генваря на 8 10 22 24 27 28 29 30. Апреля на 2 4 9 11 18 23 25 30. Маия на 2 7 9 19 20 21 22 23 24 26 27 28 29 30 31. Июня на 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27. Июля на 2 4 9 11. Сентября на 3 5 10 12 17 19 24 26. Октября на 1 3 8 10 15 17 22 24 29 31. Ноября на 5 7 12 14 15 17 18 19 20 22 25 26 27 28 29. Декабря на 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23. Итого на 111 дней накаждой день по 1 гарнцу итого 1 четверть 5 четвериков 7 гарнцев по 1 рублю по 20 коп. зачетверик итого на	16	65
Гороху по 1-му четверику на день итого 13 четвертей 7 четвериков по 1 рублю по 84 копеики зачетверть итого на	25	53
Вкашу круп грешневых или овсяных по четверику на день итого 13 четвертей 7 четвериков ценою овсяные по 2 рубли зачетверть итого	27	75
Масла посного по 3 фунта надень итого 8 пуд 13 фунтов по 2 копейки споловиною зафунт итого на	8	32 1/2
Наварение кваса 16 варь солоду ржаного по 1 четверти по 4 четверика вварю ячного потомуж итого ржаного 24 четверти порублю зачетверть итого на	24	—
Ячного 24 четверти по 80 копеек зачетверть на	19	20
Хмелю по 4 фунта вварю итого 1 пуд 24 фунта по 5 коп. зафунт итого на	3	20

	Руб.	Коп.
Аквас варить истопникам.		
Капусты навсех по 4 ведра надень ана 318 дней 1 272 ведра по 1 копейке споловиною за ведро итого на	19	8
Свёклы вбураки по 1 четверику надень ана все 318 дней 39 четвертей 6 четвериков по 50 копеек зачетверть на	19	87 1/2
Для варения кваса котёл железной пятиполичной на 5 лет	12	—
Анакаждой год 2 рубли 40 копеек.		
Три тчана, заторник, дадва квасника на 5 лет по 1 рублю по 50 коп. закаждой итого	4	50
Анагод 90 копеек.		
Для спускания сусла корыто на 5 лет	—	50
Анагод 10 копеек.		
Для наливания кваса бочек дубовых на 3 года 15, закаждую по 50 копеек итого на	7	50
а на каждой год по 2 рубли 50 копеек.		
для носки воды 4 ушата на год по 7 копеек за ушат	—	28
8 вёдер нагод по 2 коп. споловиною заведро	—	20
для варения пищи 2 котла медные на 10 лет один в 15 адругой в 12 вёдер весом оба в 3 пуда по 27 копеек зафунт азапуд по 10 рублей по 80 копеек итого	32	40
накаждой год по 3 рубли по 24 копейки.		
Уполовник железной нагод	—	15
ухват железной на 5 лет	—	10
анагод 2 копеики.		
клюк железных на 5 лет 5: закаждую по 30 копеек итого	1	50
а нагод 30 копеек.		
Для колотья дров топор на 5 лет	—	25
анагод 5 копеек.		
Для щепания лучины косарь на 5 лет	—	10
анагод 2 копеики.		
Нахлебы квашня в 3 четверти на 5 лет	—	80
анагод 16 копеек.		
для покрывания квашни инатри мешка для ношения муки холста хрящёваго нагод 25 аршин по 2 копеики зааршин	—	50
Наоную ж квашню круг деревянной на 10 лет	—	50
анагод 5 копеек.		
для ношения же муки 4 лукошка на 5 лет по 5 копеек за лукошко	—	20
анагод 4 копеики.		
для сеяния хлебной муки ларь деревянной на 10 лет	1	50
анагод 15 копеек.		
2 решета болших нагод по 20 копеек решето	—	40
для сеяния ж пшеничной набулки муки сито пуховое нагод	—	50
для процеживания опары сито редкое нагод	—	9

	Руб.	Коп.
Для мешения набулки теста корыто, или доска на 10 лет	—	25
а нагод 2 копейки сполвиною.		
Для валяния хлебов чаш деревянных больших на 10 лет 25 закаждую по 25 копеек итого	1	25
анагод 12 копеек сполвиною.		
Для сажания впечь лопата на 3 года	—	15
анагод 5 копеек.		
Для пищи чаш посредственных нагод 10 по 4 копеики закаждую	—	40
Блюд 10 нагод же по 3 копеики заблюдо	—	30
Тарелок деревянных на 3 года 40 по 1 копеики закаждую	—	40
анагод 13 копеек счетвертью.		
Ложек деревянных нагод 40 закаждую поденге итого	—	20
Ножей столовых на 5 лет 10 закаждой по 3 копеики итого	—	30
анагод 6 копеек.		
Настолы скатертей съпеременою подве нагод в них холста простого 80 аршин по 3 копейки зааршин	2	40
Подсвечников железных натри года 10 закаждой по 10 копеек	1	—
анагод 33 копейки съчетвертью.		
Съемцов железных на 3 года 10 закаждой по 4 копеики	—	40
анагод 13 копеек съчетвертью.		
Вбаню шаек нагод 20 закаждую по 2 копеики сполвиною итого	—	50
Веников нагод 1 700 по 20 копеек за сто	3	40
Для воды на 2 года 2 тчана по 50 копеек затчан	1	—
анагод 50 копеек.		
Для письма бумаги семинаристам 1-го да 2-го номеров по 4 стопы, 3-го 6 стоп, запервой номер по 1 рублю по 30 копеек застопу на 5 рублёв 20 копеек, завторои номер по 1 рублю по 10 копеек застопу на 4 рубли 40 копеек, затретей номер по 90 копеек застопу 5 рублёв 40 копеек итого на	15	—
Чернил 4 ведра по 20 копеек заведро итого	—	80
Свеч сальных десяти фунтовых сентября с 1 апреля по 16 число 2 270 дадля печения хлебов и булок 130 свеч итого 2 400 свеч весом 6 пуд по 2 рубли запуд итого на	12	—
дров 200 сажен по 50 копеек за сажень итого	100	—
Итого навсе вышеписанные потребности и на пищу имеет быть	1 061	77 1/2
Азавыключением двух трёх пяти идесятилетних вещей наодин год	887	31 1/4
накаждаго семинариста имеет быть по	22	18 1/4
Даопределённаго жалованья вгод заобучение семинаристов.		
Даниловскому отцу архимандриту исеминарии ректору Иоанникию	200	—
Учителям.		
Первому реторическому и пиитическому священнику Герасиму Гусельщикову	120	—
Афонасью Ильинскому	50	—

	Руб.	Коп.
Диакону Дмитрею Березину	18	—
Учителям же рисовальному диакону Стефану Стефанову 50 рублёв дахлеба ржи по 10 четвертей закою даётся деньгами поодному рублю по 10 копеек зачетверть 11 рублёв итого	61	—
Прокуратору	30	—
дазахлеб зарож за 9 четвертей по 1 рублю зачетверть	9	—
Ячмени за 3 четверти по 80 копеек зачетверть	2	40
Овса за 3 четверти по 60 копеек зачетверть	1	80
пшеницы за 1 четверть	2	—
гороху за 1 четверть	1	84
гречи за 1 четверть	1	—
итого захлеб	18	4
Принём копеисту денег	15	—
дазахлеб затоликоеж число как ипрокуратору	18	4
Двум портным, двум поварам, одному столяру, четырём истопникам, двум портомойницам. Итого 11 человекам денег каждому по 3 рубли итого	33	—
дазахлеб ржи по 6 четвертей итого за 66 четвертей по 1 рублю зачетверть	66	—
Овса затоликоеж число по 60 копеек за четверть	39	60
Изоных 4-м истопникам наквас воду носить, квас варить исливать також пищу настол подавать ипротчие надобности справлять		
Итого определённого жалованья	668	68
Обоего спищею испротчими надобностями впервой год имеет быть вросходе	1 730	45 1/2
Азавыключением таковых вещей которые надву и трёх годичное иныеже напяти идесятилетнее время безъпокупки служить могут	1 555	99 1/4
Семинарских же денег от всех мест взборе бывает вгод	1 594	14 1/2
втом числе скатедралного Горицкого монастыря	150	—
На 40 же человек буде будет платёж иоткатедры 150 рублёв то включая ионые всумму собираемую ежегодно втысячу пять сот девяносто 4 рубли ичетырнатцеть копеек споловиною заросходом тысячи пяти сот пятидесяти пяти рублёв девяносто девяти копеек счетвертью		
оставатся имеет вгод напочинку строения и протчих надобностей	38	15 1/4

Даниловский Архимандрит и Семинарии Ректор Иоанникий.
Никитский Архимандрит и катедральный наместник Иероним.
Архимандрит Боголеп Городецкий.
Борисоглебский настоятель иеромонах Алипий.[1]

[1] Архив Переславской духовной консистории. Протоколы 1763 г., № 126.

Счёт содержания семинаристов в 1763 году

Щёт учинённой извыметки сочинённой впереславской семинарской экспедиции исприходной и росходной прошлаго 763-го года книг оприходе иоросходе насодержание переславской епархи семинаристов денежной казны бытности притом правящаго прокураторскую должность переславской духовной консистории канцеляриста Ивана Каменскаго 763-го апреля с 4-го 1764 году генваря по 1 число.

в приходе в 763-м году по приходной онаго года книге	Руб.	Коп.
Изкатедралного домовотчинного правления, оставших заупотреблёнными втом правлении на содержание семинаристов онаго 763-го года генваря с 1-го апреля по 4-е число расходами семинарского збору денег	5 187	53¾
Присланных приуказех испереславской духовной консистории воонную экспедицию,		
взысканных разных десятин и сёл здействительно определённых священно и церковнослужителей части исопределённых церковников насодержание семинарии	43	85
взысканных священно и церковно служителей заприбылыя дворы на содержание семинарии	3	7
взысканных заутайку присвидетельстве закащиков церковной земли	13	20
взысканных ззакащикоф задачу ставленникам несправедливых свидетельств	6	24
собранных зарозданные вцеркви книжицы истинныя основании христианския веры	405	60
издомовотчиннаго правления передержанных вкатедральныя росходы изсеминарских денег	34	30
собранных насодержание семинарии состоящих при церквах приходских двороф на 762 год	550	78
собранных с епаршеских монастырей насодержание семинарии на 762 год	291	70
акупно сцерквей и монастырей на 762-й год имелось взборе 842 рубли.		
Вприход в 1763 год.		
Всего в 1763-м апреля с 4 генваря по 1-е число 1764 года имелось взборе насодержание переславской семинарии кроме принятых и домовотчиннаго правления оставших вооном зарасходами семинаристов суммы денег	1 348	74
асостаточными зарасходами принятыми издомовотчиннаго правления шесть тысячь пятьсот тридцеть шесть рублёв двадцеть семь копеек три четверти	6 536	27¾
Извышеяфствующаго прихода употреблено врасход в 763-м году поросходной онаго года книге.		

	Руб.	Коп.
впокупку мяса свиного иговяжья свежаго исоленаго и баранья свежаго 155 пуд 21 ф. 1/2 поразным ценам на	81	85 1/2
рыбы коренной 33 пуда 34 фунта поразным ценам на	36	42 1/4
круп грешневых 35 четвертей 6 четвериков поразным ценам на	66	33 1/2
проса 4 четверти 5 четвериков поразным ценам на	11	16
соли 22 пуда поразной цене на	8	80
толчёной соли 2 фунтов дано	—	24
итого соли впокупку 22 пуда 20 фунтов 9 рублей 4 копейки.		
масла поснаго 10 вёдер 1/2 поразным ценам на	12	70
масла коровья 10 пуд 2 фунта поразным ценам на	20	86 1/2
луку 3 четверика на 34 коп.	—	34
кварению кваса хмелю 8 фунтов дано	—	40
вкислыя шти мяты на	—	6
накислыя шти и на квас солоду ржаного 18 четвертей 7 четвериков дано поразным ценам	19	12
ячного 18 четвертей дано	17	28
муки ржаной и ситной 97 четвертей 2 четверика дано	106	97 1/2
пшеничной 8 четвертей 7 четвериков 6 гарнцоф дано	17	93 1/2
овсяной 1 четверик дано	—	10
гороху 3 четверти 2 четверика 6 гарнцоф дано	6	68 3/4
ячменю 4 гарнца дано		6 1/2
ржи 6 четвериков 4 гарнца дано	—	71 1/2
пшеницы один четверик дано	—	25
капусты белой 194 кочня дапростой 140 гряд дано	20	4
заперевоску оной капусты ксеминарии дано	1	45 1/2
воону капусту анису 1 фунт дано	—	6
вдачу зарубку оной капусты	6	12
для клажи вбулки дрожжей на	—	3 1/4
мёду 10 фунтов дано	—	60
итого воупотреблении напокупку объявленной провизии 436 рублёв 64 копейки 3/4.		
Устроение семинарских покоев.		
в выдачу переславскаго Борисоглебскаго монастыря что напесках настоятелю иеромонаху Алипию збратиею закупленыя вприписной кооному Борисоглебскому монастырю осиповой пустыне для постройки прикатедре к жительству семинаристам деревянныя покои	70	—
ввыдачу плотникам заразбирку оных покоев	—	40
плотникам же засобрание и покрышку объявленных покоев заразныя вних пристройки	75	—
вооныя же покои наодверья, наокна и напротчее 4-х саженных бревён сосновых 41 бревно	8	70
пяти саженных 8 дано	4	—
трёх саженных 300 дано	30	—

	Руб.	Коп.
семиаршинных 200 дано	16	—
жердей «5» пяти саженных 60 дано	1	80
заперевозку означенных покоеф изосиповой пустыни къпереславской площади показанных брёвен ксеминарии дано катедральным вотчинным крестьянам и прежде данным им заоную перевоску 763 году марта 12-го дня денгам досталных	26	86
вдачу семинарской экспедиции копеисту посланному вразныя деревни для покупки тёсу и достройку семинарских покоев накорм лошеди	—	25
вдачу запривоску ккладке впоказанных покоях 4-х печей кирпича, щебню, глины и протчаго	12	—
впокупке всеминарские покои втрубы глиняных вещеи накрыши	—	35
вкладку оных 4-х печей вдаче каменщикам	15	—
вдаче кузнецам зазделанныя кладке печей клепала 11 пуд 28 фун. 1/4	18	73
започинку всеминарския покои печных железных дверец	—	15
започинку печей изачистку труб дано	—	80
вдаче заношение показанных новопостроенных покоеф напотолки земли изаобвалку оных покоев	9	—
для загребания впечах клюк железных пять дано	1	57 1/2
впоказанныя же новостроящияся покои втрубы чугунных вьющек скрышками и срамами 4 весом 5 пуд 13 фунтоф	1	60
надверцы кпечам листоф железных 4 весом 23 ф. дано	1	38
запривоз оных вьюшек илистоф вместе изрядов доподворья дано извощику	—	5
кпечам дверцов железных семь дано	6	28
всеминарския покои вокончины 10 стёкол	—	35
кооным же окончинам петел железных 3 пары дано	—	7
для обивания всеминарских покоях печей рогож рядных 8 дано	—	52
наприбивку оных рогож гвоздей 500 дано	—	15
вдачу столяру зазделание ввышеписанныя новостроящияся семинарския покои 19-ти окончинных рам	7	60
накрышку оных же покоев и напротчее тесу десятковаго 1 410 тесниц дано	84	60
пятковаго 22 тесницы дано	3	52
скал 2 300 дано	23	—
гвоздей троетёсных 1 361 дано	2	72
двоетёсных 10 560 дано	17	94 1/4
однотёсных 3 600 дано	3	60
скаловых 16 000 дано	4	80
ккладке показанных 4 печей кирпича целаго 7 000 дано	28	—
извести 20 четвертей дано	10	—
бутоваго камня полсажени дано	3	—
кдостройке оных же покоев икстроению семинарской бани тесу кровелнаго 1 063 тесницы длиною 6-ти аршин вотрубе от 4-х до 7 вершков дано	39	34 1/2
пятковаго 395 тесниц дано	61	22
пятковаго 50 тесниц дано	7	50

	Руб.	Коп.
кстроению бани брёвен сосновых длиною 10-ти аршин вотрубе от 6-ти вершков и выше, 200 дано	56	—
вдачю насосному мастеру напокупку коженных лоскутьеф ипочинку насософ для выливания изсеминарских потреб воды	—	8
оному же мастеру започинку означенных насосов	—	15
вдачю каменщику заделание в 762-м году всеминарском флигеле печи	1	—
для запирания семинарских покоев впокуплю вклас 2 замка	—	18
кповарне замок нутряной дан	—	28
заприбивку онаго дано столяру	—	3
вдачу столярам зазделанной ксодержанию семинарских денег сундук	—	50
заоковку онаго сундука изазамок изапочинку ключа вдачю кузнецу	1	70
започинку семинарскаго стола столяру дано	—	6
зазделание сундука ксодержанию лекарств изазделание вповарню весоф дано столяру	—	65
заприбивку онаго дано столяру	—	3
вдачу столярам зазделанной ксодержанию семинарских денег сундук	—	50
заоковку онаго сундука изазамок изапочинку ключа вдачю кузнецу	1	70
започинку семинарскаго стола столяру дано	—	6
зазделание сундука ксодержанию лекарств изазделание вповарню весоф дано столяру	—	65
кооному сундуку замок дан	—	8
изделание обоих оных сундуков клею четверть фунта дано	—	27 1/2
кзделанию кровати верёвок пенковых десеть сажен дано	—	10
итого воупотреблении наисправление объявленных строениеф 658 рублёф 95 копеек 1/4.		
вдачу запарение просеминаристов кваса двуварь	2	—
Ввыдачу жалованья учителям ипроизводимой вположенныя им оклады искатедральной суммы половинной части,		
Переславскаго Данилова монастыря архимандриту исеминарии ректору иоанникию в 200	99	99 3/4
риторической ипиитической школ, священнику Герасиму Гуселщикову во 120 рублёф	60	—
грамматической школы, Афонасью Ильинскому в 50 завремя бытности ево притой должности генваря с 1-го июня по 1 число	16	66 1/2
живописной науки учителю диакону стефану стефанову в 50	24	99 3/4
дахлеба ржи за 10 четвертей попереславским торговым ценам	4	60 1/2
Учителю же чтения российских книг иписма диакону Димитрию Березину в 18	9	—
Даизодной семинарской суммы производимаго жалованья		
Правящему прокураторскую должность канцеляристу в 30-ти рублёвой годовой оклад сего года апреля с 1 генваря по 1 число 1764 года	22	50
копеисту в 15-ти рублёвой годовой оклад запоследнюю 763 года половину	7	50

	Руб.	Коп.
истопникам ивану гончакову, андрею дапрокофью самойловым, михаилу брилову, поварам василью мазурину, ивану леонову воопределённое поросписанию вучреждении семинарии жалованье каждому денег по 3 дазахлеб попереславским торговым ценам зарож совсом пополам по 12 четвертей на майскую и сентябрскую трети	46	88
помянутым поварам василью мазурину, ивану леонову, дапрежде бывшим истопникам фёдору пысину, володимиру собакину, степану васильеву преждеопределённаго им жалованья замарт иапрель месяцы каждому по 33 1/4	1	66 1/4
оным же поварам мазурину, илеонову прибавочнаго заапрель месяц жалованья	—	89
итого вроздачу вышеписанных чиноф людем жалованья 303 рубли 2 к. 3/4.		
вдачу започинку посуды и впокуплю новой.		
котельному залужение поваренных котлоф	6	94 1/2
впокуплю для варения семинаристам пищи глиненых горшкоф	—	22 1/2
для сеяния муки два решета дано	—	5
уполовник железной дан	—	8
блюд деревянных 10 чашь 5 дано	—	50
ложек 45 дано	—	25
4 ковша дано	—	9 1/2
4 ведра дано	—	12
4 тчана капустных дано	2	25
вдачю за починку деревянных бочек и тчанов	3	35
итого употреблено напоправку инапокупку означенной посуды 13 рублёф 86 копеек 1/2.		
впокупке для письма семинаристам и всеминарскую экспедицию.		
чернил 3 ведра	—	62
бумаги 1 № 2 стопы 11 дестей		
2 № 2 стопы		
3 № 3 стопы		
итого всех оных сортов бумаги 7 стоп 11 дестей дано поразным ценам	8	37
полуалександрийской 2 дести дано	1	20
итого впокупке бумаги на 10 р. 19 коп.		
вдаче запереплёт всеминарскую экспедицию приходных и росходных книг	—	28
напрошнурование оных книг шнуру нитяного 10 аршин дано	—	1
щёты даны	—	5 3/4
впокупке для роздачи семинарским учителям исеминаристам сальных свеч весом 7 пуд 10 фунтов дано	13	5
итого употреблено напокупку чернил, бумаги, инапрочия вышеписанныя потребности 23 рубли 58 копеек 3/4.		
впокупке всеминарскую библютеку книг и протчаго паметных 12 книг и 12 же тетратей дано	15	—
коозначенным певческим тетратям бумаги раштрованной 2 дести 1/2 дано	—	30
для обёртки оных книг крашенины цветной 4 аршина дано	—	16

	Руб.	Коп.
запереплёты оных тетратей дано	—	72
отдано переславской духовной консистории подканцеляристу ивану шихиреву вместо издержанных им собственных ево денег напокупку всеминарию разных российских илатинских книг	5	55
печатных впереплёте вдесть миней месячных год один экземпляр дано	25	—
новых заветоф 10 экземпляров дано	17	70
запривоз оных книг оттипографской лавки доподворья дано извощику	—	6
печатных псалтирей совозследованием вдесть впереплёте 8 дано за каждую по 2 р. 60 коп.	20	80
отдано разнаго звания людем закупленыя наразных диалектах и российския книги, акакия именно значится воособливых реэстрах	340	94
живописных кунштов тушевальных больших 14, средниих 16, малых 5, грыдоровальных балших 3, средних 3, штыховальных больших 10 малых праздничных 15 апостольских 12 итого 78 кунштов дано	37	—
употреблено впроезд ректора для принятия вмоскве купляных всанкт петербурге наразных диалектах книг	3	25
итого употреблено напокупку книг икунштов инадачу припокупке оных извозчикам 466 рублёв 48 коп.		
впокупке всеминарскую баню веникоф 430 пар	—	98
для рубки дров ипротчаго два топора новыя даны	—	40
огнива дана	—	3
серы горючей на	—	1
два ремня к безмену даны	—	5
для взвешивания хлеба верёвок пенковых 13 сажен дано	—	13
вквасоварню рогож 4 даны	—	28
два фонаря даны	—	8
ношникоф жестяных 11 дано	2	10
для покрывания втрапезе семинарской столоф клеёнки чёрной 23 аршина дано	3	96
для поездок семинарскому расходчику засеминарскими потребностями сани облук даны	—	70 1/2
вдаче кузнецу зазделание всеминарскую поварню квесам крюков, сскобою, ксундуку пробоев, изапайку жестяных 5-ти ношникоф	—	25
итого употреблено навышепоказанныя разныя покупки 8 руб. 97 1/2 коп.		
впокупке кнагреванию семинарских покоев сосновых однополенных дроф 17 сажен дано по 55 коп. засажень	9	70
дрофже вышины и ширины 4-х и длины 2 аршинных 14 сажен по 1 р. по 60 к. сажень	22	40
вдаче взадаток заподряженныя дрова по 50 к. засажень за 250 сажен	70	—
итого впокупке дроф ивдачу запоставку впредь оных 102 р. 10 коп.		
Кшитью семинаристам платья впокупке.		
нарубахи холста лняного 694 аршина дано по разным ценам	26	77 3/4
напорты 305 аршин 1/2 дано	9	20
вдачю семинаристам безродным зашитьё рубах и портов изанитки	—	72

	Руб.	Коп.
вдаче семинарскому инспектору Афонасью Крылову напокупку сапогов, башмакоф и шапки	5	—
емуж напокупку сапогоф	1	—
кшитью семинаристам кафтаноф сукна сермяжнаго 532 аршина 1/2 дано по 11 коп. зааршин	59	76
запривоз оного сукна впокупке изряду доподворья извощику дано	—	7
крашенины синей 39 аршин дано	1	74 3/4
холста 27 аршин 1/2	—	95 3/4
портному за шитьё 46 кафтанов дано	9	40
ономуж портному напокупку свечь	—	25
содержащимся на казённом коште семинаристам сапогоф 22 пары дано	15	40
безродным семинаристам четырём чулков шерстяных русских 4 пары дано	—	80
шапок триповых зелёных 4 дано	1	80
рукавиц козловых 4 пары дано	1	—
кушаков 4 дано	—	84
кшитью нижних школ семинаристам 23 человекам чирикоф кожь яловочных чёрных 3, белых 3, подошвенная 1 дано	6	20
ремней 23 пары дано	—	23
зашитьё оных чирикоф дано	1	25
шуба овчинная новая дана	2	75
кшитью шубже овчин овечьих 269 овчин дано поразным ценам	71	4
употреблено семинарской экспедиции копиистом впроезд до александровой слободы запокупкою оных овчин	—	40
кшитью оных же шуб верх 15 дано	3	25
зашитьё 31 шубы дано портному	7	75
для покрытия старых тулупоф пестреди полосатой 43 аршина	5	16
портному запеределку изстарых вновь 14 тулупоф изапокрышку их пестредью дано	3	50
итого употреблено наисправление показанной одежды и обуви 236 рублёф 25 коп. 1/4.		
впокупке кживописной науке красок белил 3 пуда дано	7	50
вохры 10 пуд дано	3	50
вохрыж тёмной 10 фунтов дано	—	70
киновари 2 фунта дано	2	40
бокану веницеиского 1 фунт дано	7	50
шижтилю светлого 3 фунта	—	54
мумии 1 пуд дано	—	24
умбры 3 фунта дано 45 коп.	—	45
кости зженной 3 фунта дано	—	90
желти 1 фунт дано	1	80
прозелени 3 фунта дано	—	18
тилеверды 2 фунта дано	1	60

	Руб.	Коп.
пемзы 6 фунтов дано	1	20
урику 8 фунтов дано	—	56
лазори безхинисой 1 фунт дано	1	8
кистей хорьковых 400 дано	4	—
барсучьих 50 дано	1	—
щетинных водном пере 100 дано	1	20
вдвух перах 100 же дано	2	—
запривоз оных красок изрядоф доподворья дано	—	10
фланскова полотна 50 аршин дано	8	50
карандашу краснаго 4 фунта дано	—	60
кписанию шпалер масла посного полведра дано	—	60
гвоздей затяжных 200 дано	—	7
итого впокупке объявленных красок и протчаго на 48 рублёв 97 коп.		
вдаче переславскому лекарю залечение одного живописного ученика	—	40
лекарским ученикам напотребности при ползовании больных семинаристоф ножик складной дан	—	15
ножницы даны	—	15
холста напластыри 4 аршина дано	—	14
гребень костяной да гребёнка роговая дано	—	21 1/2
глиненых 9 горшкоф да 3 куфшина, рукомойник таз дано	—	12 1/2
2 чашки деревянных даны	—	4
лахань деревянная дана	—	8
подсвешник да съёмцы железныя дано	—	14
ковш деревянной	—	1 1/2
итого употреблено вдаче лекарю инапокупку ваптеку разных принадлежностей 1 руб. 45 к. 1/2		
отдано вкатедральное домовотчинное правление закупленые искатедральной казны всеминарию в 748-м, 749-м, 750-м, 751-м, 761-м и 762-м годех нароссийском и разных диалектах книги изапостроеннныя катедральным коштом для жительства семинаристам покои поучинённому вдержанных искатедральной нащёт семинарской, анесеминарской нащёт же катедральной суммы вразных годех росходы значащихся введомости приложенной при сообщении изоного домовотчиннаго правления рощёту	568	7 3/4
Итого в 763-м году апреля с «4» генваря по 1 число 1764 года употреблено впоказанные росходы две тысячи восемь сот семдесят рублёф тридцеть девять коп.	2 870	39
заозначенными росходами отпоказаннаго 1763-м в 764 год имелось востатке три тысячи шесть сот шесдесят пять рублёф восемдесят восемь коп. три четверти	3 665	88 3/4

Счёт содержания семинаристов в 1764 году

Щёт учинённой извыметки сочинённой впереславской семинарской экспедиции наприходной и росходной прошлаго 764-го году книг оприходе и росходе насодержание переславской епархии семинаристов денежной казны бытности притом правящаго прокураторскую должность переславской духовной консистории канцеляриста Ивана Каменева онаго 764 генваря с 1 сего 1765 годов генваря по 1 число.

В 764-м году в приходе по приходной онаго года книге	Руб.	Коп.
Остаточных заросходами отпрошлого 1763 к 764-му году подлежащих насодержание семинарии.	3 665	88 3/4
Присланных приуказех испереславской духовной консистории воную экспедицию:		
взысканных разных десятин церковных бобылей задвадцатую часть исприплоднаго хлеба на 763 год	12	21
собрано сепаршеских монастырей насодержание семинарии задвадцатую часть исприплоднаго хлеба на 763 год	309	13
сепаршеских церквей затридцатую исприплоднаго хлеба часть почислу состоящих прионых церквах приходских дворов на 763 год.	350	16 1/2
на 762 год	78	33
взыскано священно и церковнослужителей заприбылые вразных годех дворы насодержание семинарии	1	90 1/2
взыскано збогатших священно и церковно служителей засодержание детей с общим семинарским коштом за 763 год	129	28
взыскано сзаказчика заутайку церковной земли	—	40
взыскано ссвященника зачинимыя дьячку и пономарю обиды	2	—
итого в 764 году имелось в приходе кроме оставших от 763 съепарших монастырей сцерквей исцерковных бобылей заположенныя подуховному регламенту исприплоднаго хлеба части на 763 год 671 рубль 50 коп. сполвиною.		
на 762 год заприплодной же хлеб 78 рублёв 33 коп.		
за прибылые вразных годех дворы и заутайку церковной земли 2 рубли 30 коп. сполвиною.		
збогатших священно и церковно служителей засодержание детей их общим семинарским коштом на 763 год 129 рублёв 28 копеек		
ссвященника зачинимые дьячку и пономарю обиды 2 рубли.		
акупно всех оных зборов в 764 году имелось вприход 883 рубли 42 копейки.		

	Руб.	Коп.
всего вооном 764-м году показанных зборов составшимися от 763 года имелось вприходе четыре тысячи пятсот сорок девять рублёв тридцеть копеек три четверти	4 549	30 3/4
впокупке мяса баранья, говяжья, исвиного свежего и соленаго 331 пуд 13 фунтов по разным ценам	204	29
рыбы свежей разных родов на	7	40
рыбы коренной 54 пуда 25 фунтов поразным ценам на	50	27
масла коровья 17 пуд 21 фунт поразным ценам на	35	39 1/2
масла посного 30 пуд 35 фунтов поразным ценам на	30	27
соли 73 пуда поразным ценам	17	20
толчёной соли полпуда дано	—	23
итого впокупке соли 43 пуда споловиною дано 17 руб. 43 коп.		
луку 4 четверика поразным ценам	—	51
вкислыя шти мяты на	—	10
круп грешневых 27 четвертей просяных 6 четвертей		
обоего 33 четверти дано поразным ценам.	66	60
овсяных 2 четверика дано	—	63
ячных 1 четверик дано	—	25
гороху 1 четверик дано	—	25
пшеницы 1 четверик 1 гарнец дано	—	31
ячменю 3 четверика 4 гарнца дано	—	36 3/4
муки пшеничной 17 четвертей 3 четверика 6 гарнцев поразным ценам на	38	66
муки ржаной хлебной иситной 201 четверть 4 четверика поразным ценам на	225	68
муки гороховой 1 четверть 7 четвериков дано	3	—
солоду ржаного 35 четвертей 2 четверика поразным ценам на	40	38
ячного 29 четвертей 4 четверика 1 гарнец поразным ценам на	27	89 1/2
напраздник святыя пасхи яиц курячьих крашеных 285 по 25 коп. сто итого на	—	71 1/4
кпечению булок дрождей 6 вёдер дано	—	22
хлеба печёнаго 17 пуд 13 фунтов дано по 12 коп. запуд	2	8
капусты коченной 452 гряды дано сперевоскою ксеминарии	31	92
зарубление оной капусты дано	5	—
вооную капусту анису 2 фун. дано	—	12
мёду 10 фунтов	—	60
вдаче заколотье всеминарский погреб льду изапокупку онаго	2	60
итого кпропитанию семинаристов напокупку вышеозначенных столовых припасов инапротчее доприготовления и содержания оных потребностей употреблено 792 рубли 94 копейки.		

	Руб.	Коп.
Семинарским служителям и учителям вдаче на 764 год жалованья.		
Аимянно.		
Истопникам катедральной нагорной слободы жителям ивану гончакову андрею дапракофью самоиловым михаилу брилову, а поперемене онаго брилова григорью трофимову поварам василью мазурину ивану леонову воопределённое хлебное годовое каждому ржи совсом пополам подвенадцати четвертей итого шести человекам ржи затритцеть за шесть овса затакож число обоего засемдесят две четверти, жалованье посправочным спереславским магистратом ценам	56	33
денежного каждому по 3 рубли итого	18	—
асотданными захлеб денгами оным истопникам иповарам вдаче имелось 74 руб. 33 коп.		
переславскому провинциалному лекарю Августу Тейбелю заползование болных семинаристов 763 октября с 1 764 годов генваря по 1 число	35	58 3/4
заползование в 764-м году генваря с 1 июня по 1-е, апосле октября с 1 сего 765 году генваря по 1-е число	93	21
итого вдаче лекарю 128 рублёв 79 коп. 3/4		
семинарии ректору даниловскому архимандриту иоанникию в 200 рублёв	199	99 1/4
реторическому и пиитическому учителю александровской церкви священнику, апотом переславскаго успенскаго собора протопопу гуселщикову в 120 рублёв	120	—
Грамматическому учителю петру гжатскому в 25 рублёв	8	33 1/4
Катехизическому учителю катедралному священнику афанасию ильинскому в 40 рублёв	40	—
Российских книг учителю катедральному диакону дмитрию березину в 18 рублёв	18	—
Живописной науки учителю катедральному диакону Степану Степанову деньгами в 50 руб.	49	99 1/4
За 10 четвертей ржи посправочным с переславским магистратом ценам	11	8 3/4
Надсмотрщику над поступками семинаристов никитскаго монастыря слуге Ивану Игнатьеву в 12 рублёв	12	—
правящему прокураторскую должность переславской духовной консистории канцеляристу Ивану Каменеву в 30 рублёв	30	—
находящемуся в семинарской экспедиции консисторскому кописту давиду бурнашеву	16	88 1/4
итого вроздаче вышеписанных чинов людем жалованья 709 рублёв 41 копейка споловиною.		
семинарским учителям внаграждение сверх определённаго годового жалованья всилу особливых от Его Преосвященства резолюцей иприказаниев.		
реторическому и пиитическому учителю александроневской церкви священнику, апотом катедральнаго успенскаго собора протопопу герасиму гуселщикову задолговременыые ево вразных науках труды сукна дикова нарясу 7 аршин дано по 1 руб. по 40 коп. зааршин	9	80
камки голубой наполукафтанье 11 аршин споловиною дано по 90 коп. зааршин	10	35
денгами	30	—

	Руб.	Коп.
итого 50 рублёв 15 копеек.		
грамматическому учителю петру гжатскому замалопределённым жалованьем накафтан сукна кафейнаго 6 аршин по 1 руб. по 40 коп. зааршин	8	40
пуговиц полутумпаковых 2 портища по 24 к. запортище	—	48
стамеду 2 аршина по 50 коп. зааршин	1	—
гарусу четыре палочки по 3 коп. запалочку	—	12
итого на 10 рублёв.		
катизихическому учителю успенскаго собора священнику афанасью ильинскому запонесённыя приисповеди семинаристов труды	10	—
неполучающим жалованья семинаристам, обучающим нижния школы внаграждение трудов их.		
инспектору афанасью крылову заобучение нижних школ семинаристов	28	—
авраму крапухину	18	—
итого означенным учителям сверх жалованья внаграждение, анеполучавшим жалованья семинаристам внаграждение трудов их вдаче 116 руб. 15 коп.		
наразные семинарских покоев ипротчих строений исправление употреблено.		
вдаче столярам зазделание всеминарской лазаретной покой стола исеминарскому надсмотрщику кровати	—	45
зазделание всеминарскую экспедицию новаго авсеминарских покоях започинку стараго стола дасеми скамей	1	40
зазделание вбиблиотечной палатке пола окончин и дверей рам изапротчия поделки	5	—
для склеивания дверей и окончин впокупке клею полфунта	—	50
зазделание в 4 семинарские покои панелей, верхних инижних иокошечных карнизов, учителских 3 кафедр и осми больших парт	32	—
зазделание всеминарския покои стола дадвух скамей	—	25
зазделание всеминарскую баню вокна 14-ти оконичных рам	2	80
зазделание всеминарскую библиотеку 2 оконничных рам	—	80
завставление всеминарские покои окончин заприправление кдверям замков изапротчие втех покоях мелочныя поделки	2	—
задело всеминарскую библиотеку оборотнаго налоя	8	—
задело воонуюж библютеку книжных больших 3 шкафов	10	—
Кузнецам.		
започинку замка	—	13
зазделание всеминарскую библиотеку кдверям иокнам петел икрюков изапеределку вокна решёток из их материала	1	—
кстроению в бане печей клепаней идуг железных разных сортов 8 пуд 28 фун. сполвиною дано по 1 руб. по 40 к. запуд итого	12	19
впокупке замков к ним 9 дано	2	11
кокоичным семинарских покоев рамам крючков ипетел железных 80 пар дано	3	20
колечек лужёных 40 дано	—	40

	Руб.	Коп.
ктемже окончинам засовов железных сскобами 23 пары закаждую дано по 15 коп.	3	45
слесарных железных 4 наугольника петел дверных медных пара дазамочик медной дано	—	90
К печам.		
железныя двои рамы здверцами, новые	1	40
четверы дверцы маленькия даны	1	40
започинку двух старых печных затворов дано	—	65
ксеминарским покоям ибане крюков ипетел згвоздями железных на	18	59 1/4
кдверям скоб лужёных 5 дано	—	15
зазделание ксеминарским покоям разных мелочных поделок	—	15
задело ксеминарской бане кжелобам крюков дакдверям 16 скоб за 31 фун. по 3 1/2 коп. зафунт	1	8 1/2
железных печных 4 затворки дано за каждую по 35 коп. итого	2	20
дверных нутряных 3 замка сприбором дано закаждый по 80 коп. итого	2	40
слесарю, зазамок нутряной ижелезной библиотечной двери отдано	1	70
задело оной библиотечной двери дано кузнецу заматериал 16 пуд 83 фунта по 2 рубли по 10 к. запуд итого	35	33
задало библиотечной двери засовов сскобами за 15 фунтов сполвиною дано	—	54 1/4
кбиблиотечным шкафам слесарных 6 замков закаждый дано по 30 копеек итого	1	80
задвижек слесарных 6 пар закаждую дано по 15 копеек итого	—	90
петел коленчатых средней руки 24 пары закаждую дано по 15 коп. итого	3	60
Оконничных.		
започинку всеминарские покои окончин стёклами дано	—	24 1/2
завставлениеж вооные покои вместо ветхих 7 стёкол закаждое по 2 коп.	—	14
назамазание вбиблиотечной двери иокна стёкол мелу 20 фун. дано	—	14
завставления вбиблиотечныя окна и двери 151 стекло поразным ценам	6	79 1/2
внаружные рамы вкаждую по 40 итого 80 стёкол закаждое по 8 коп.	2	40
завставление всеминарские покои вготовые рамы в 22 окна впервые по 12 итого за 264 стекла закаждое по 3 коп. 3/4	9	90
завторые вкаждое по 6-ти итого за 132 стекла закаждое по 7 коп.	9	24
всеминарскую баню в 14 оконничных рам вкаждую по 9 стёкол итого за 126 закаждое по 3 коп. итого	3	78
вбиблиотечные шкафы 384 стекла закаждое дано по 8 коп. итого	30	72
впокупке дом деревянной для жительства катихизическому учителю священнику афанасью ильинскому усвященникаж гжатской пристани церкви богоявления господня ивана макариева дан	100	—
для подмазывания всеминарских покоях печей 3 алебастру 40 пуд, дано	6	—
проволоки железной 4 фунта дано	—	52
зазделание оных печей каменщику заработу дано	5	—
зазделание в библиотечной полате вновь окна изаподмазку той полаты алебастром дано каменщикам	2	—

	Руб.	Коп.
завставление железных дверей	1	55
втрубу глиняных вьюшек скрышками 5 дано	—	25
для закрывания труб крышек глиненых 17	—	17
кстроению вбане двух печей струбами иочага для согревания воды кирпича 6 000 дано по 3 руб. затысячу	18	—
накаменку камня пять возов дано	—	24
задело оных печей игорна дано каменщику заработу	14	—
кбелению впоказанных семинарских покоях потолков истен клею 3 пуда дано 1 руб. по 50 к. запуд	4	50
мел 64 пуда поразным ценам на	17	52
кварению левкасу горшков глиненых 6 дано	—	12
лахань деревянная дана	—	5
щетин свиных для подмазывания вооных покоях на	—	38
каменщикам заподмазку оных впокоях стен ипотолков дано	2	—
кмшению бани впокупке моху 76 телег	7	75
кпроизводившимся присеминарии строениям конат пенковой мерою 30 сажен дано	—	60
вдаче плотникам запостройку всеминарской бане, изадостройку семинарских покоев изадело пообиванию оных холстом подмосток	88	20
ккрышке семинарской бани инаобивку впокоях семинарских тéсом стен ипотолков икприбиванию и напротчие потребности гвоздей железных двоетёсных 6 100 гвоздей.		
дано поразным ценам на	9	93
однотёсных 8 300 гвоздей поразным ценам	8	8
скаловых 400 гвоздей поразным ценам	1	20
прибойных костылей 32 гвоздя дано	—	44
затяжных на прибивку холста 54 000 гвоздей дано по 18 к. затысячу	9	72
драниц 100 дано	—	28
скал 1 180 дано	7	7
кообиванию возначенных покоях стен и потолков холста толстаго 2 364 ар.	47	28
кстроению бани брёвен сосновых длиною 9 аршин вотрубе от 5 вершков 130	39	—
кооному́ж бани икпротчим семинарским строениям тёсу пятковаго еловаго исосноваго длиною пяти аршин вотрубе от 8 вершков 330 тесниц	48	15
кровелнаго еловаго исосноваго длиною 5-ти аршин вотрубе от 4 вершков 2 123 тесницы поразным ценам	85	62½
дано рабочим людям запрокопание канала ковпущанию изимеющагося внутри архиерейскаго дому пруда впостроенную заоградною стеною семинарскую баню воды	20	—
запровёртку брёвен ипропускание означенным каналом воды	6	—
наобсмоление оных брёвен смолы 6 горшков дано	—	65
пенки полпуда дано	—	25
кооным трубам решётка железная дана	—	5
два лоскутка коженых кделанию насоса	—	15

	Руб.	Коп.
заперевоску изасобрание присеминарской бане кзделанию горна для согревания воды катедральнаго овина	3	50
вдаче извозчикам запривоз вмоскве подворье идопереславля книг иных для семинарии покупок вещей изапривозже стряпчаго из переславля домосквы иотмосквы допереславля	8	98
итого навышеявствующия семинарския строения иисправлении употреблено 786 руб. 95 1/2 коп.		
впокупку всеминарскую библиотеку российских инаразных языках книг ивдаче впереплёт оных 934 р. 28	934	28
кпереплёту библиотечных книг итетратей бумаги пёстрой 2 дести дано	—	70
кообложению библии холста 6 аршин дано	—	18
занапечатание вчерниговской типографии присланных сюда изложения овере во 100 главах состоящих 1 000 книжиц изапровоз къразсылке поцерквам ироздаче ставленикам подлежащим дано	110	—
для дачи семинаристам		
паргаминовых образов 30 дано	4	80
московскаго почтамта вгазетной экспедиции заплачено заприсылку в 765 год всеминарскую экспедицию газет сприбавлениями	7	60
вмосковском университете заотпуск воономъже 765 году газет сприбавлениями	4	—
прошлых лет печатных санктпетербургских ведомостей для раздачи священноцерковно служителям клутчему чтению гражданской печати обучения закаждой год по 5 руб. итого	25	—
вдаче извозчикам запривоз книг ипосылаемых вмоскву ивсанктпетербург запокупкою оных переславскаго архиерейскаго дому разнаго звания людей	50	78
воупотреблении посланными запокупкою книг людми просебя напищу инапротчее содержание ивплатеже впочтамт спосланных всант петербург ивпереславль касающихся о выписании всеминарскую библиотеку книг писем весовых денег	19	12 1/2
вдаче консисторскому подканцеляристу ивану шихиреву вместо употреблённых им впоездку всантпетербург для покупки книг напокупку одежды иобуви собственных его денег	15	—
наувяску книг впокупке коробов сундук бечёвок рогоз ихолстов на	3	48 1/2
впокупке фуража надовольство домовых лошадей присылаемых понадобностям довыписания книг для семинарии касающихся	1	97
итого навышеписанную книг покупку инапротчие притом потребности издержано 1 176 руб. 92 коп.		
Посеминарской экспедиции воупотребление.		
вдаче запереплёт семинарских приходных и расходных книг	—	20
напрошнурование оных впокупке нитяного шнура	—	3
для письма всеминарской экспедиции дел бумаги 2 № 19 дестей, 3 № 3 дести дано	1	22
1 № 3 дести дано	—	22 1/2
итого посеминарской экспедиции воупотреблении 1 руб. 67 коп. 1/2		
впокупке всеминарии салных свеч 8 пуд. щётом 3 200 свеч поразным ценам на	14	40

	Руб.	Коп.
для письма семинаристам бумаги ярославской фабричной 1 № 9 стоп и 10 дестей поразным ценам на	12	45
2 № 6 стоп 10 дестей поразным ценам на	7	85
3 № 5 стоп дано	4	70
немецкой полстопы дано	1	50
чернил простых 9 вёдр дано	—	90
итого впокупке свеч бумаги и чернил на 41 руб. 80 коп.		
Насеминарския разныя потребности употреблено.		
впокупке лопат деревянных 4 дано	—	8
верето рогожное 1 дано	—	10
рогож 8 дано	—	56
вбаню веников 1 100 гнéзд дано	2	5
для поездок засеминарскими потребностями колёс стан дан	—	95
вооные колёса втулок железных 8 дано	—	16
поддосток железных 4 дано	—	7
обоймиц 10 дано	—	10
обручей 8 дано	—	8
тяжи пенковые даны	—	6
возжи пенковые даны	—	3

Географический указатель

Агрофенино село 258
Аксентьево деревня 59
Александров город . 7, 141, 209, 222, 226, 254
Александрово село 138
Александровская десятина ... 71, 79, 121, 142, 161, 173, 177, 219
Александровский уезд 79, 215, 219
Алексеевское село 256, 261
Алексино село 174
Альявидово село 256
Андреевский погост 143
Андреевское село 125
Аннино село 260
Архангельское село 257
Афанасьево село 215, 216

Бакино село 121
Бакшево село 59, 76, 161
Балабаново деревня 242, 249
Балакирево сельцо 34
Бектышево село 221, 222
Белгород город 105, 106
Березники погост . 117, 208, 209, 260, 261
Богородское село ..... 156—158, 217
Болашково село 147
Бородино село 95
Ботово село 254
Брембола Большая село 118, 143, 232
Брембола Малая село 36
Будаево село 156
Будимерово село 256, 260
Будово Городище село 34
Бужарово село 257, 261
Буйгород село 254, 258, 259, 261

Васильевское село (Дмитров) ... 255, 259
Васильевское село (Руза) 130
Вашка село 144
Введенский погост 195
Верейская десятина 79, 122, 125, 134, 142
Верейский уезд 55, 58, 108
Верея город ... 7, 58, 61, 71, 79, 173, 174, 183, 231
Веслево деревня 229
Вешки село 177, 258, 260
Вёкса река 189
Вёски село 40, 42, 174, 182
Владимир город 3, 21, 183
Воздвиженское село 224, 228
Вознесенское село 156
Вологда город 9, 65, 79
Волоколамск город 7, 71, 79, 212, 231, 254
Волоколамская десятина 34, 79, 138, 154, 173, 178
Волоколамский уезд ... 58, 141, 205, 211, 220, 224, 254
Воронцово село 35, 156, 257, 260
Воскресенское Волнино погост 256
Воскресенское село 260
Выползова слободка 142
Вышегород село 258, 262

Георгия в Конюшенной погост 258
Гжатск город 7, 71, 79, 117, 173, 178, 191, 203, 231, 257, 259, 316
Гжатская десятина 79, 117, 122, 154, 156, 177, 178
Гиреево село 117, 122, 257, 262
Глебовское село 262
Глухово село 262
Голопёрово село 135, 136
Горки село (Юрьев) 221

Даратники село 257, 261
Дерюзино село 216
Дмитров город 7, 17, 71, 79, 134, 141, 231, 256
Дмитровская десятина .. 79, 179, 195, 213
Дмитровский уезд ... 25, 60, 79, 117, 122, 137, 154, 173, 183, 202, 208, 224, 228, 229, 255
Дмитровское село 255
Долголядье село 262
Дровнино село 136
Дуброва село 161
Дубровицы село 37
Дубровки село 256
Духовская слобода 99

Егорьевский погост 177
Елизарово село (Волоколамск) .. 254, 259

Елпатьево село 257, 260
Ельцово село 224

Жилино село 34, 35
Жуково село 224, 228

Заболотье село 179, 219, 262
Заволножье село 255
Загорье село (Юрьевский) 242
Закубежский погост 228
Запольское село 56
Зарой село 154
Зиновьево село 219
Знаменское село 77

Ивановское село 257
Ивашково село 211, 254, 260
Ивойлово село 130
Игнатьево деревня 161
Илии на Котыше погост 256
Илово село 177
Ильино село 35
Ильинский погост 129
Ильинское село (Дмитров) . 256, 260, 261
Ильинское село (ПЗ) 44, 254
Ирошниково село 260
Иудино село 228

Казаново село 130
Калистово село (Волоколамск) .. 154, 224
Каллистово село (ПЗ) 57
Кашинский уезд 158
Киев город 8, 9, 106
Кистемский стан 80
Клин город 224, 231
Клинская десятина 178
Клинский уезд 173, 177, 224, 228
Кожино село 207
Козлово деревня (Дмитров) 229
Козлово село (Руза) 130
Константиновское село 214
Коренки деревня 155
Коробовщина село 129, 262
Косицы село 58, 262
Космодамианское село 259
Кострома город 9
Красное село 49, 95, 257
Кропотки село 255
Кузьмодемьянское село 255
Кумыш погост 141, 219
Купань село 230
Купелицы село 138
Купрово село 257, 260
Кутачи село 256, 260, 262

Лавровка село 256
Лаврово село 129
Лебедево деревня 61
Лейпциг город 104
Лисицыно деревня 60
Лихачёво село 34, 174
Лучинское село 95
Львов город 65

Маринкина пустошь 241
Минеево село 183, 184
Можайск город ... 7, 71, 76, 79, 130, 139, 159—161, 176, 177
Можайская десятина 76, 79, 177, 178
Можайский уезд 60, 122, 177, 216
Москва город .. 29, 36, 38, 52, 65, 66, 69, 72, 85, 91, 101, 104, 106, 107, 109, 116, 127, 135, 136, 139, 147, 148, 152, 154, 165, 166, 169, 171, 174, 175, 179, 182, 184, 187—189, 197, 204, 218, 229, 318
Муриково село 138
Мышина деревня 158
Мякишево село 142

Нагорье село 95, 255, 259
Назарьево село 52
Насакино село 37
Некрасово село 257, 260
Нерль Волжская река 189
Нестерово село 174
Неумоино деревня 161
Никитское село 229
Никольский на Луже погост 122
Никольское село (Волоколамск) 261
Никольское село (ПЗ) 36, 206
Никульское село (Александров) 129
Нила село 241
Новгород город 9, 202
Новгород-Северский город 9
Новгородский уезд 201
Новинки село 129
Новое село (Дмитров) 255, 259
Новоиерусалимская десятина 79, 179

Обухово село 122
Овчинино село 182
Оксентьево деревня 161
Ореховна село 154
Орловский уезд 136

Павловское село 222
Паньково село 40, 41
Парфёново село 52
Переславская десятина .... 17, 18, 55, 72, 78—80, 111, 154
Переславский учебный округ 72
Перцово село 39, 241
Пески село (Руза) 130

Поджигородово село 255, 256, 260
Подмошье село 255, 256, 259, 260
Покровское село 257, 261
Понизовье село 258, 261
Поповкино деревня 58
Пречистенское село 137, 156
Протасьево село 41, 134
Псков город 231
Пупки село 262
Пустое Рождество село 220
Пушкино село 122

Раменье село 141, 205, 211, 257, 261, 262
Рождества Богородицы погост 25
Рождествено село 256, 260
Руза город 7, 51, 71, 79, 173, 174, 204, 231
Руза река 177
Рузская десятина 51, 79
Рузский уезд 130, 207, 255
Рыбная слобода 47
Рязанцево село 42, 51, 254, 259, 260
Ряховское село 262

Сабурово село 262
Савельево деревня (ПЗ) 189
Савельево озеро 189
Савельево село (Дмитров) 154
Салково деревня 220
Самарино село (Александров) 142
Самарово село (ПЗ) 124, 139
Санкт-Петербург город ...38, 65, 66, 105, 137, 146, 161, 166, 183, 186, 201, 318
Сватково село 219
Святово село 262
Сежа село 261
Селевкино село 256, 261
Сельцо село 255
Семернино село 256, 260
Семёновское село 140
Сеньково село 202
Серебужский стан 80
Сигорь село 95
Сийский погост 201
Синьково село 256
Славитино село 241
Слотино село 254, 259
Смолинское село 257, 261
Смольнево село 255, 259
Собилка пустошь 73, 158, 241
Сокольники село (Верея) 258, 260
Соломидино село 229
Солунский погост 259
Сомино озеро 189
Сосницы село 258
Спасское село (Волоколамск) 119, 257, 260
Спасское село (Руза) 130
Старая Руза село 25
Столбово село 180
Суздаль город 3

Тверь город 204
Теряева слобода 255
Троице-Нерльская десятина ..71, 79, 158, 179
Троице-Нерльская слобода ..75, 183, 255, 259, 262
Троицкая десятина 26
Троицы на Березниках погост ...257, 258
Тропарёво село 142, 258, 261, 262
Трунёвки село 256, 261
Тума село 223
Турбичево село 256, 260

Усолье село 52, 189, 262
Утроково (?) село 180

Фалалеево село 37
Феодоровское село 258, 262
Фокина улица (Москва) 189

Харьков город .....100—102
Хомяково село 154
Хребтово, Хрептово село 78, 220

Цыплино деревня 125

Чаля село 257, 259
Черленково село 220
Чернецкое деревня 221
Чихилеево деревня 60

Шапошницы деревня 143
Шарапово село 137, 216
Шестаково село 255, 257, 261

Юрьевский уезд 221

Язвищи село 257, 261
Ям село (Александров) 38
Ямская слобода 41, 52, 53

Именной указатель

Аарон игумен Лукианов 223
Аарон иеромонах 105, 146, 174, 249
Аарон монах 150
Августа монахиня 50
Аврамий архимандрит Возмицкий 174
Аврамий Галицкий архимандрит 16
Агапов А. крестьянин 58
Агапов И. солдат 133, 134
Адриан архимандрит Лужецкий .. 70, 251
Адриан иеродиакон ... 69, 70, 72, 73, 130
Адриан патриарх 126
Адрианов С. протопоп 77, 160
Александра игумения Фёдоровская ... 44, 48, 49, 147
Александров П. слуга 297
Алексеев А. сторож 176, 177
Алексеев Г. харчевник 156
Алексеев Н. священник 37
Алексеев Я. дьячок 134, 135
Алексеева Д. крестьянка 139
Алипий игумен Борисоглебский 169, 170, 303
Алипий иеромонах 175, 187
Амвросий Зертис-Каменский епископ . 13, 65—76, 78—92, 94—96, 99—117, 119—125, 127—151, 153, 154, 157, 159—162, 165, 166, 175, 178, 182, 188, 192, 195, 200, 203, 213—215, 217, 218, 224, 226, 234, 252, 264, 265
Андреев А. канцелярист 16, 72
Андреев В. священник (Савельево) .. 154
Андреев В. священник (Самарово) ... 124
Андреев В. слуга 66
Андреев И. священник (Кумыш) 141, 219
Андреев И. священник (Перцово) 39
Андреев И. священник (Шарапово) .. 216
Андреев М. священник 182
Андреева Л. крестьянка 56, 57
Андрей Смоленский святой 152
Анна Петровна великая княжна 74
Ансеров С. семинарист 199, 256, 260
Антоний иеромонах 146
Антоний монах 215
Антоний Платковский архимандрит ... 16
Армановский В. семинарист 204, 256, 260
Арсений иеромонах 96
Арсений Могилянский епископ ..... 7—9, 12—16, 20—29, 32, 33, 38, 39, 52, 57, 153, 154, 161
Артамонов М. крестьянин 58
Архиппов С. священник 156
Асибинский Е. монах 30
Афанасьев А. священник 38
Афанасьев И. священник 134, 135
Афанасьев П. семинарист 118
Афанасьева П. крестьянка 59

Батарин А. чиновник 297
Бейер Г. И. учитель 200
Беляев В. семинарист 256
Березин Д. диакон 200, 205, 212, 213, 219, 254, 303, 314
Березин С. семинарист 107, 255, 259
Бланк К. архитектор 82
Блудов И. Я. капитан 229
Богданов С. П. купец 157
Боголеп архимандрит Борисоглебский 169, 170, 303
Боголеп игумен Лукиановский ... 68—70, 150, 151
Богородский (Богородицкий) Ф. семинарист 100, 254, 259
Борецкий В. священник 97
Борисов А. крестьянин 184
Борисов Г. поручик 57
Борисов Д. копиист 109, 175
Борисов С. церковник 220
Борисова В. майорша ..... 56—58
Ботовский Ф. семинарист 254
Брилов М. истопник 308
Бурнашев Д. копиист . 173—175, 197, 314
Бутылицкий Е. экзаменатор 212

Варварин И. купец 131
Варлаам иеродиакон 158
Варлаам монах 36
Васильев В. купец 150
Васильев Г. семинарист 262
Васильев Д. В. переславец 152
Васильев Д. дьячок 139

Васильев Иван священник 138, 218
Васильев Илья священник 36
Васильев Иосиф протопоп .. 80, 120, 178, 181
Васильев Иосиф священник 95
Васильев К. священник 41, 134
Васильев Никита священник 34
Васильев Никифор священник 38
Васильев Николай священник ... 220, 221
Васильев Николай чиновник консистории 68, 71, 72, 74, 86, 170
Васильев П. крестьянин 34
Васильев П. священник 138, 139
Васильев С. истопник 308
Васильева А. крестьянка 158
Васильевский Н. семинарист 255, 259
Велагрия игумения Вознесенская 73
Величкин Д. семинарист 261
Величкин И. семинарист 257, 261
Величкин Н. семинарист 262
Величкин С. семинарист 258, 261
Вениаминов О. дьячок 117
Вениаминов Ф. пономарь 117
Вениаминов Я. семинарист . 117, 257, 262
Верещагин В. копиист 81, 173
Взимкова Н. И. монахиня 147
Виноградов М. С. священник 256
Виноградов С. М. семинарист .. 203, 256, 261
Винокуров Л. палач 56
Вицовский Г. иеромонах 29
Вишняков И. семинарист 204, 205
Владимир иеромонах 175
Воейков капитан 42
Вознесенский В. семинарист 203, 260
Воинов Л. секунд-майор 109
Вонифатий священник ..... *см.* Борецкий
Воронин Г. канцелярист 76, 143
Воронцов Г. семинарист 203, 256, 260
Воронцов Ф. семинарист 254

Гавриил митрополит Петербургский .. 168
Гаврилов Е. крестьянин 55
Гаврилов Я. повар 246
Галактион архимандрит Никитский .. 169
Гейстер Л. врач 109
Геннадий архимандрит Возмицкий ... 119
Геннадий иеромонах 16
Геннадий Кратинский епископ .. 202, 203, 205, 207
Герасим иеромонах 134, 139
Герасим монах 47
Герасимов Д. священник 34
Герман иеромонах 149, 150
Гермоген игумен Колоцкий, архимандрит Данилов 68, 70, 96, 146
Гжатский П. учитель . 107, 197, 203, 212, 257, 259, 314, 315
Глазов П. столяр 209, 210
Глинский купец 124
Голицын П. Я. князь 13
Голубев С. профессор 8
Гончаков И. истопник 308, 314
Гончаков П. копиист 173, 175
Гончаков подьячий 19, 20
Гончаков С. копиист 77
Городецкий Е. семинарист 256, 260
Григорьев А. диакон 109
Григорьев В. священник (Дуброва) ... 161
Григорьев В. священник (ПЗ) ... 133, 134, 152
Григорьев Д. В. переславец 152
Григорьев И. конюх 81
Григорьев И. священник 56, 57
Григорьев П. священник 138
Григорьев Т. священник 160
Григорьев Т. служитель 134
Гурий строитель Борисоглебский 48
Гусев И. учитель 203
Гусельщиков Г. И. учитель ..... 102, 106—108, 115, 119, 120, 197, 199, 200, 202, 302, 314

Дамаскин иеромонах 215
Димитрий архиепископ Новгородский 201, 202
Димитрий Ростовский святой 67
Диомид священник 40
Дмитриев А. священник 77
Дмитриев И. купец 66
Дмитриев С. крестьянин 228
Добронравов В. Г. педагог 83
Долгополов А. семинарист 255
Драгинский П. подканцелярист 95
Дрождин ..... *см.* Дроздин
Дроздин А. семинарист 208, 209, 257, 260
Дроздин И. семинарист 209, 210, 260
Дроздов С. семинарист 258, 262
Дубровский И. семинарист 256
Дубянский Ф. Я. протоиерей 161
Дураков А. художник 85
Дьяков Я. семинарист 99
Дьячков В. копиист 175
Дьячков Д. Ф. учитель .. 97, 99, 100, 116

Евгений Асибинский монах *см.* Асибинский
Евграфия монахиня 49
Евдокимов И. учитель 101, 102, 109
Евдокимова К. крестьянка 156
Евсевий монах 46, 47
Евфимиев П. протопоп 155
Евфимиева Е. крестьянка 156

Евфросиния наместница Фёдоровская 149
Егоров Г. канцелярист 173
Егорова Д. мещанка 60
Екатерина II императрица ... 66, 166, 192
Елизавета Петровна императрица ... 7, 8, 24, 65, 165, 166, 200
Елизаровский И. семинарист ... 100, 107, 254, 259
Емельян иеродиакон 111
Ермолаев П. священник 125
Еропкин П. Д. генерал 65, 66
Ерофеев И. священник 35
Ефимов П. священник 61, 251

Жильцов Г. солдат 183
Жуков И. архитектор 12, 13
Жуков С. семинарист 257, 261
Жуков Я. И. резчик 85

Заболотский Ф. семинарист 205, 262
Заборовский Е. семинарист 262
Заворыкин В. семинарист 257
Завьялов Ф. семинарист 204, 256, 260
Зверев М. семинарист 255, 260
Зиновьев дворянин 218
Знаменский А. семинарист 262
Зубов Ф. бригадир 228

Иакинф архимандрит Дмитровский ... 70
Иакинф Карпинский архимандрит Данилов . 75, 103—105, 107, 109, 114, 118, 146
Иаков Певницкий игумен Никольский 16, 20, 68, 70, 72, 73, 102, 150, 151
Иванов Александр священник ... 230, 232
Иванов Александр семинарист 262
Иванов Алексей дьячок 37
Иванов Алексей священник 61, 157
Иванов Андрей священник (ПЗ) 32
Иванов Андрей священник (Хребтово) 78, 220
Иванов Б. священник 38
Иванов Г. пономарь 36
Иванов Г. учитель 203
Иванов Д. учитель .... *см.* Малышевский
Иванов Иван ключарь 16, 42
Иванов Иван священник (Дровнино) . 136
Иванов Иван священник (ПЗ) 42, 129
Иванов Иван священник (Самарино) . 142
Иванов Иларион священник 19, 20
Иванов Илия священник 41, 53
Иванов Иоаким священник 156
Иванов К. священник 135, 136, 183
Иванов М. диакон 221
Иванов Н. учитель ..... 258, *см.* Родович
Иванов П. дьячок 142
Иванов П. священник 140
Иванов подвижник 59
Иванов С. дьячок 183, 184
Иванов С. крестьянин 61
Иванов С. священник 154
Иванов Ф. священник 179, 183
Иванов Ф. семинарист 262
Иванов Я. дьячок 39
Игнатьев И. диакон 120, 140
Игнатьев И. крестьянин 197, 206, 314
Игнатьев И. священник 117
Игнатьев копиист 173
Игнатьев Ф. священник 230
Иероним архимандрит Борисоглебский, Никитский 75, 105, 169, 170, 175, 214, 215, 229, 303
Иерофей монах 248
Иессей игумен Лукианов 46
Извеков М. воевода 159, 160
Иларион иеромонах 68, 69, 120
Ильин Я. резчик 13
Ильинский А. священник .. 107, 108, 197, 199, 200, 202, 203, 212, 214, 218, 302, 314—316
Ильинский И. семинарист 258
Ильинский С. семинарист 203, 256
Ильинский Я. семинарист 260
Иоаким священник 74
Иоанникий архимандрит Данилов ... 169, 170, 175, 199, 201, 202, 206, 303, 314
Иоанникий иеромонах 190
Иоаннов И. протопоп .. 70, 169, 170, 217, 221, 222, 226, 231, 232
Иоасаф архимандрит Колоцкий .. 176, 229
Иоасаф епископ Белгородский 105
Иоасаф священник 174
Иовлев И. священник 137
Иона монах 243, 244, 248
Иосиф Волчанский архиепископ 8
Иосиф Золотой епископ 10
Иосиф игумен Лукианов 47, 75
Иосиф игумен Спасский 159
Иосиф иеромонах 103
Иосифов М. священник 156, 181
Ираида настоятельница Князь-Андреевская 225
Иринарх иеромонах 150
Исаакий иеромонах 47

Казанович П. монах 13
Калиновский С. ректор 65
Каллистрат архимандрит Данилов, Никитский 74, 75, 102, 103, 105, 115
Каменев И. канцелярист .. 173—175, 196, 312, 314

Каменский В. иеромонах 65
Камков С. учитель 100, 102, 107, 108, 254, 259
Камнев канцелярист 187
Камышев П. семинарист 260
Катков И. купец 131
Катышев И. семинарист 262
Катышев П. семинарист 200
Кириллов К. дьячок 135
Климов Л. семинарист 257
Клоков Е. семинарист 255
Ключарёв С. студент 120
Кожинский В. семинарист 207
Козин И. семинарист 107, 254, 259
Козин Я. семинарист 262
Козлов В. семинарист 195
Козлятьев И. поручик 220
Козлятьев П. поручик 220
Колесов Л. семинарист 174, 200, 257, 260
Коловратов С. столяр 247
Колоколов С. семинарист 256, 260
Колоколов Ф. семинарист 256, 262
Колпаков солдат 180
Колчин М. копиист 78
Коноплёв ..... *см.* Коноплин
Коноплин М. семинарист .. 209, 210, 258, 261
Константинов К. крестьянин 55
Конюхов Ф. расходчик семинарии 113
Кошев чиновник 223
Крапухин А. семинарист ... 197, 257, 259, 315
Крапухин П. семинарист 261
Красносельский В. семинарист 257
Кремишенский К. семинарист 203
Крыжев Д. художник 204
Крылов А. инспектор семинарии 197, 200, 206, 256, 260, 310, 315
Крылов А. иподиакон 120
Крылов Г. певчий 187, 188
Куницын Д. семинарист 257
Курачкин И. семинарист ... 207, 256, 261

Лебедев В. семинарист 260
Лебедев И. семинарист 256, 260
Леонов И. повар 308, 314
Леонтьев Г. дьячок 117
Линев Т. семинарист 257, 260
Лисицын И. семинарист 258, 260
Лобанов-Ростовский И. И. князь 211
Лодыженский Ф. А. поручик 136
Лошкин Т. Е. церковник 219
Лукианов М. священник 38
Лукин И. священник 154
Львов Е. регистратор 178
Львов И. копиист 178
Львов П. священник 215

Мазурин В. повар 308, 314
Макариев И. священник 316
Макарий иеромонах 174
Макаров А. прапорщик 34
Макарьев И. священник (кафедральный) 102, 109
Макарьев И. священник (Спасский) .. 18, 220
Максаков Д. банщик 99
Максимов В. священник 142
Максимов Г. семинарист 262
Максимов П. диакон 58
Максимов Я. повар 246
Малышевский Д. И. учитель 101, 255
Манассия архимандрит 181
Марк игумен Колоцкий 70, 159, 160
Марк иеромонах 151, 152
Маркеллов Я. крестьянин 60
Марков Т. священник 215, 216
Мартынов Д. сторож 160
Матвеев М. священник 141
Маторин С. крестьянин 147
Махаев М. семинарист 257, 261
Метлин И. Ф. архитектор 190
Миронов С. священник 232
Митрополия игумения Успенская 49
Михайлов В. священник 52
Михайлов Иаков священник 124
Михайлов Иван священник ... 40, 42, 174
Михайлов Иван столяр 247
Михайлов М. диакон 143, 144, 232
Михайлов М. священник 122
Михайлов Н. дьячок 141
Михайлов С. диакон 141
Михайлов Я. священник 139
Морозов С. семинарист 258
Мушинский Е. учитель 91, 106
Мясоедов П. семинарист 257

Нагорский М. канцелярист 107, 173, 255, 259
Нарышкин П. К. камергер 204
Насонов В. солдат 133
Наумов А. секретарь 71, 170
Наумов П. протопоп 135, 179
Наумов П. священник 40
Недликов А. бухгалтер 16
Недосекин Н. служитель 86
Неелов В. капитан 224
Нектария игумения Фёдоровская 149
Немцов А. семинарист 262
Нестеров К. семинарист 115
Никанор архимандрит Лужецкий 46
Никанор игумен Борисоглебский .. 68, 72
Никитин И. протопоп 178

Никитин М. священник 95
Никитин П. священник 178
Никитский С. семинарист 261
Никифоров К. священник 140
Николай архиепископ Владимирский .. 83
Николай иеромонах 134
Николай монах 248
Никольский В. семинарист 255
Никольский Н. семинарист 258
Никонов А. священник 158
Нифонт архимандрит Никитский . 12, 68, 72, 73, 82, 99, 100, 102
Нифонт Червинский, архимандрит Дмитровский Борисоглебский 70, 251
Новлянский М. диакон 107, 178, 200, 206, 255, 259

Озеров Л. семинарист 257, 262
Орлов Г. Г. граф 66
Орлов Е. семинарист 256, 260
Орлов И. Н. семинарист 256, 260
Орлов Н. Р. священник 256
Орлов П. семинарист 256, 259
Осипов А. церковник 36
Осипов И. подканцелярист 22
Осипов С. священник 37
Охотин А. служитель 144

Павел архимандрит Борисоглебский .. 19, 36, 54, 59, 69, 70
Павел иеродиакон 48
Павел Казанович монах ... *см.* Казанович
Павлова Ф. крестьянка 55
Палицин Н. дворянин 220
Палицына П. И. дворянка ..... 208—210
Панкратий архимандрит Данилов, Иосифов ..... 16, 26—28, 96, 145
Панкратий Чарныйский архимандрит Лужецкий 70, 78
Парфений епископ Смоленский 201
Патокин Г. диакон 206, 212, 255
Патокин И. семинарист 203, 256, 261
Патрикеев И. подрядчик 85
Пахомий архимандрит Иосифов ... 69, 70, 146
Пахомий игумен Лукианов 13
Пашин Д. Я. переславец 152
Певницкий И. игумен 59
Перфильев Ф. священник 220
Петров Алексей иконописец .. 85, 87, 158
Петров Андрей дьякон 37
Петров Антон дьячок 135
Петров В. священник 232, 233
Петров Е. священник 40, 41
Петров Иван дьячок 42
Петров Иван копиист 172
Петров Иван пономарь 160
Петров Иван священник 225
Петров Исаакий священник 212
Петров М. священник 42, 51
Петров П. священник 142
Петров С. пономарь 142
Петров С. священник 216
Петров Ф. дьячок 34
Пётр Могила митрополит 28
Платон митрополит Московский 167
Платон Петрункевич епископ 21, 103
Плишкин И. канцелярист 231
Плишкин М. канцелярист 173, 216
Подмошкин М. семинарист 115, 255
Покойский М. семинарист 261
Покойский С. протопоп 30
Покровский И. семинарист 257, 261
Полетаев В. семинарист 203, 258, 261
Поморцев Н. семинарист 257, 261
Порывкин Г. семинарист 256
Посной А. крестьянин 53
Поспелов А. семинарист 258, 261
Поспелов С. семинарист 257, 261
Прокла игумения Вознесенская 73
Прокла игумения Князь-Андреевская 152
Прокопьев И. поручик 155
Прокофьев Т. диакон 77
Прокофьев Ф. дьячок 56, 57
Протопопов А. семинарист 262
Протопопов В. семинарист 258, 261
Протопопов дворянин 180
Протопопов И. канцелярист 58
Протопопов И. семинарист 108
Протопопов Л. семинарист 262
Протопопов Т. семинарист 256
Прохоров И. церковник 211
Прохорова В. крестьянка 60
Прытков А. семинарист 261
Путилов И. священник 214
Путилов М. семинарист 256
Пысин Ф. истопник 308

Рафаил Заборовский митрополит 9
Редриков И. дворянин 143, 144
Репьев А. подканцелярист 16
Родович Н. учитель ... 101, 102, 104, 106, 115, *см.* Иванов Н.
Рудакова дворянка 37
Рузский И. семинарист 260
Рурский И. художник 204
Русинов А. копиист 20, 243
Рыжков С. семинарист 262
Рысин П. семинарист 257, 260
Рязанцев П. священник 209, 260

Сабуровский Е. семинарист 204, 262
Савватий иеродиакон 74, 249

Саввин А. священник 137
Садыков П. семинарист 255
Самойлов А. истопник 308, 314
Самойлов П. истопник 308, 314
Самсонов А. И. майор 221, 222
Свирелин А. И. протоиерей 3, 96, 115
Святухин И. священник 107, 212, 255, 259
Севастьянов Е. священник 34
Селинский И. протопоп 143, 176, 219, 220, 222, 226
Семёнов А. протопоп 95, 174
Семёнов И. диакон 160
Семёнов И. семинарист 107, 254, 259
Семёнов Н. канцелярист 157, 176
Семёнов Ф. протопоп 159, 160
Семёнова Н. послушница 49
Серапион казначей 151
Серапион Лятошевич епископ ... 8, 9, 11, 12, 14—16, 18, 19, 22, 23, 25, 26, 28—33, 35, 37—39, 41, 42, 44—49, 52, 54, 55, 57, 58, 65, 79, 82, 93, 96—98, 100, 121—123, 132, 140, 145, 154, 161, 162
Сергеев А. священник 95
Сергий архиепископ Владимирский 3
Сильвестр Кулябка архиепископ 165
Сильвестр Страгородский епископ .... 71, 105, 106, 125, 127, 165—175, 177, 180, 181, 183, 184, 186—192, 194—199, 201—205, 207, 210—218, 221—223, 225—227, 229—231, 233, 234, 296
Симеонов П. священник 178
Симеонов С. диакон 119
Синьковский Д. Н. учитель 200, 202, 203
Синьковский П. семинарист 256
Скворцов А. семинарист 255
Скворцов П. семинарист 258, 261
Скибинский С. монах 29
Смирнов В. семинарист 261
Смирнов М. И. историк 3
Смирнов М. семинарист 203
Смирнов С. семинарист 256, 261
Собакин В. истопник 308
Соколов А. семинарист 116
Соколов В. семинарист 258, 261
Соколов Н. чиновник 222, 223
Соколов П. семинарист 257, 261
Сокольский Г. секретарь консистории . 16, 68, 69, 71, 89, 100, 101, 134
Соловьёв И. семинарист 262
Соловьёв П. П. священник 258
Соловьёв Ф. П. семинарист 258, 261
Соловьёв Ф. семинарист 262
Сорокин В. семинарист 254
Спасский Г. Д. семинарист 193, 197, 200, 205, 211, 260
Степанов А. священник 221
Степанов Г. священник 183
Степанов М. диакон 156
Степанов Н. дьячок 37
Степанов Н. священник 214
Степанов повытчик 65
Степанов Сергей диакон 208, 210
Степанов Симеон священник (Богородское) 156, 157
Степанов Степан священник (Руза) .. 231
Степанов Степан учитель .. 110, 111, 200, 203, 204, 303, 314
Степанов Т. священник 118
Степанова А. попадья 221
Степанова Ф. мещанка 56
Стефан Скибинский монах *см.* Скибинский
Стефанов Л. священник 76
Стефанов С. священник 35
Стрельцов И. копиист 183
Строев Ф. семинарист 261
Струнин В. копиист 173
Струнин И. копиист 99, 182
Струнин И. подьячий 176
Струнин С. канцелярист 173
Субботин Ф. семинарист 254
Суворов Н. И. историк 9
Судницын И. семинарист ... 107, 255, 259
Сунбуров бурмистр 180
Суслов Л. семинарист 203, 256, 260

Тейбель А. врач 197, 314
Тимофеев П. диакон 122
Тимофей архиепископ Александрийский 126
Тимофей иеромонах 247, 248
Тимофей митрополит Московский 166
Титов И. священник 47
Тихонов И. пономарь 160
Топольский Н. И. учитель ..... 106—108
Трофимов Г. истопник 314
Трофимов Д. священник 217, 218
Трофимов Ф. священник 58
Трубин И. семинарист 203
Трухачёв С. купец 231
Тюменев приказчик 40

Уваров А. Ф. майор ..... 56—58
Ульяния монахиня 45
Усков Ф. солдат 32
Ухтомский Д. В. архитектор 190
Ушаков М. художник 204
Ушаков поручик 116
Ушаков С. иконописец 13, 83
Ушаков С. солдат 61

Федоровский И. семинарист 258
Феогния игумения Князь-Андреевская, Фёдоровская 147, 149, 225
Феодоров В. протопоп 20, 59, 68, 140
Феодоров Г. священник 232, 233
Феодоров Дементий семинарист 262
Феодоров Дмитрий священник 160
Феодоров К. крестьянин 36
Феодоров С. сторож 160
Феодоров Ф. диакон 136
Феодоров Ф. протопоп 178
Феодоровский Н. семинарист 262
Феодосий иеромонах 151, 152
Фёдоров В. протопоп 16
Филарет архимандрит Никольский .. 151, 214
Филиппов И. священник 232
Фомин И. подьячий 147
Фомин Ф. служитель монастыря 53

Халезов И. расходчик семинарии 113
Харлампиев И. пономарь 117
Хвостов Д. И. граф 88
Хрептов М. семинарист 207
Хрущов дворянин 218
Худяков А. семинарист 255, 259

Цветков С. семинарист 118, 258, 261

Червинский В. протопоп 17
Черкасский И. А. князь 142, 143
Черногуров И. семинарист 257, 260
Чистяков М. канцелярист 135, 181

Шемякин генерал-майор 40
Шихирев В. копиист 173
Шихирев И. подканцелярист ... 173, 175, 309, 318
Шишкин И. канцелярист 199
Шпачинский Н. священник 8
Шушерин И. капитан ..... 220—222

Щербачёв П. капитан 159, 160

Эсфирия игумения Успенская 147

Юрий Долгорукий князь 226
Юсупов Б. Г. князь 118

Яйцов Я. расходчик семинарии 113
Яким священник 103
Якимов В. священник 58
Якимова М. крестьянка 55
Яковлев А. священник 41
Яковлев И. архитектор 87
Яковлев И. диакон (Можайск) 160
Яковлев И. диакон (ПЗ) 140
Яковлев С. диакон 117
Яковлев С. священник 213
Янов капитан 143
Яновский И. семинарист 254, 259

Предметный указатель

библиотека семинарии ..... 109, 110, 196—199, 201
богадельня 59, 190, 191
бухгалтерия монастырей 147

венечная память 11, 17, 18, 40, 55, 57, 71, 79, 80, 92, 120, 128, 137, 138, 154, 175, 179—181, 213, 218, 251
взятка 181
воровство, кража 34, 40, 45, 74, 138
ворота Варварские (Москва) 65
ворота Мясницкие (Москва) 189
ворота Тайницкие (Москва) 52
врач 194, 197, 199, 205, 207

десятоначальник 18, 19, 32, 58, 67, 68, 78, 79, 233

евхаристия 124

закащик . 18, 67, 68, 76—80, 95, 103, 111, 112, 119—122, 127—129, 131, 142, 143, 151, 161, 175, 176, 179, 181, 183, 196, 206, 210, 212—214, 217, 219, 228, 233

икона
- Богоматерь Боголюбская 65
- Богоматерь Владимирская 129
- Богоматерь Смоленская 158
- в Успенском соборе 83, 85
- из богадельни 191
- плохо писанная .. 128, 129, 230, 231
- при Варварских воротах 65
- привески к иконам 58
- раскольников 158, 231
- резная 231
- Рождество Христово 129
- Спаситель 158
- якобы чудотворная 58

инвалиды в монастырях 45, 145
иподиакон 123

катехизис ..... 27—29, 119, 197, 212
книги .28, 29, 91, 107, 110, 196, 197, 205, 226, 229
Коломенский полк 155
корчёмство 47, 103, 141, 143, 223

миро 127, 128, 130, 137, 179
мощи святые 152, 160, 232, 233

налоги
- алтынный сбор 71
- на консисторию 71, 186
- на семинарию 94
- оброк с крестьян 187
- отмена их 188
- срок подачи налогов 80

певчие 15, 91, 106, 109, 111, 148, 187, 193, 200, 206
подвижник ложный 59
пожар 45, 72, 81, 132, 142, 146, 161, 176, 177, 184
поповский староста 17, 18, 55, 71, 79, 80, 128, 176, 179—181, 251
прелюбодейство 49, 50, 139
прокуратор семинарии 193, 194, 196
пьянство 32, 35—38, 42, 46, 48, 58, 78, 99, 100, 117, 130, 133—135, 137, 140, 141, 147, 150—152, 177, 184

раскольники ....54, 60, 61, 119, 127, 130, 155—158, 161, 176, 218, 230, 231
рисование учебное 110, 111, 200, 203
рыбная ловля 11, 74, 187, 189, 227

самозваный священник 122
секуляризация 88, 162, 188, 189
солдат .. 14, 15, 19, 20, 22, 23, 32, 53, 57, 61, 65, 68, 95, 117, 133, 143, 145, 155, 156, 180, 182, 183, 222
ставленная грамота 29, 34, 40, 90, 91, 121, 122, 135, 140, 142, 156, 174, 215, 216, 218, 219, 263
суеверие 58, 60, 61, 65, 157, 158, 161

тюрьма 34, 183

убийство 66, 125, 180

цены 97, 98, 110, 112, 138, 196, 197

чума 65

экзаменатор 29, 30, 68, 69, 106, 119, 120, 186, 202, 212—214, 218, 219

ямщик 52

Указатель организаций

академия Киевская 7, 65, 107, 108
академия Московская ... 7, 21, 29, 65, 97, 100, 107, 108, 116
архив Переславской консистории ... 3, 71, 169, 173

воеводская канцелярия Волоколамская 221
воеводская канцелярия Дмитровская . 183
воеводская канцелярия Можайская .. 139
военная коллегия 117

Главная дворцовая канцелярия 227
Главный комиссариат 155
Главный магистрат 124, 131

домовое правление ..... *см.* Переславский казённый приказ
духовное правление Александровское . 17, 36, 38, 40, 41, 72, 76, 79, 175—177, 182, 215, 216, 220, 222
духовное правление Верейское 17, 19, 20, 58, 61, 79, 95, 178, 183, 189
духовное правление Волоколамское ... 17, 79, 80, 178, 181, 189, 221
духовное правление Гжатское . 17, 23, 34, 68, 79, 125, 156, 157, 175—178, 189, 219
духовное правление Дмитровское . 17, 23, 35, 79, 118, 135, 140, 175, 179, 181, 189
духовное правление Клинское 178
духовное правление Можайское ... 17, 23, 58, 76—79, 95, 131, 138, 159, 176, 178, 215
духовное правление Переславское 125
духовное правление Рузское 17, 51, 58, 79, 130, 231
духовное правление Троице-Нерльское 75, 79

коллегия экономии . 11, 12, 179, 189, 190, 198, 227
Комиссия об уложении 168, 211, 223
консистория Белгородская 101
консистория Вологодская 9
консистория Московская 8, 66, 118
консистория Переславская ..... 3, 14—20, 22—26, 28—30, 32—42, 44—62, 67—72, 74—80, 82—84, 86, 87, 89—96, 98—112, 114—118, 120—125, 127—131, 133—144, 147—152, 154—162, 169—193, 195, 199—201, 203—233, 243, 267, 314
консистория Суздальская 3
контора архиерейская (Переславль) .. 174
контора домовая (Новый Иерусалим) . 69, 72, 73, 124
контора Московская корчёмная 143
контора Переславская кафедральная .. 67, 68, 72—76, 78—81, 91, 101—103, 108, 110—112, 114—117, 122, 124, 128, 133, 135, 140, 141, 144—146, 148—153, 160—162, 176, 253
контора синодальная (Москва) 66, 87, 104, 116, 125, 143, 155, 166, 167, 174, 185, 188, 214, 296

Московская гимназия 203
Московская губернская канцелярия .. 223
Московская провинциальная канцелярия 155
Московский университет 116, 203

Переславская провинциальная канцелярия 35, 36, 143—146, 187, 199, 212, 220, 222, 223, 226, 227
Переславский казённый приказ ... 75, 90, 102, 109, 113, 114, 174, 175, 193
Переславское духовное училище 88

семинария Александро-Невская .. 65, 105, 106, 165
семинария Белгородская 103
семинария Владимирская .. 4, 21, 98, 110
семинария Коломенская 104
семинария Новгородская 104, 201
семинария Переславская ... 4, 26—28, 72, 89, 93—119, 145, 161, 162, 166, 178, 192—208, 211, 212, 255, 258

семинария Ростовская 203
семинария Суздальская 4, 110
семинария Тверская 7, 207
семинария Троицкая 21—27, 29, 51, 93, 97, 106, 119
Сенат 143, 147, 180
Синод 7—9, 11, 18, 51, 53, 58, 71, 72, 77, 82, 87, 88, 91, 105, 106, 110, 128, 129, 137, 146, 148, 155, 161, 165—168, 170, 177, 180, 183—185, 198, 200, 212, 223, 227, 230—232

Тайная канцелярия 133
типография Московская 204
типография Черниговская 197

Харьковский коллегиум ..7, 100, 101, 103

Указатель монастырей

Александро-Невская лавра 137
Андроников монастырь 167
Антониев монастырь 201

Богоявленский монастырь (Киев) 8
Борисоглебский монастырь (Дмитров) 19, 20, 36, 69—71, 94, 99, 103, 145, 169, 174, 175, 195, 217, 231, 262, 271
Борисоглебский Нагорный монастырь . 35, 48, 68, 71, 72, 94, 152, 169, 170, 195, 272
Борисоглебский Песоцкий монастырь . 12, 41, 53, 71, 91, 94, 115, 133, 169, 170, 191, 196, 229, 276

Варварский монастырь (Волоколамск) 94, 280
Введенская пустынь 40, 71, 140, 278
Введенский монастырь (ПЗ) 142
Вепрева пустынь 268
Власьевский монастырь 271
Возмицкий монастырь 15, 17, 71, 94, 119, 138, 174, 274
Вознесенский монастырь (ПЗ) 73, 148, 281
Воскресенский монастырь ..... *см.* Новый Иерусалим
Вяжицкий монастырь 104
Вязмицкий монастырь 178

Георгиевский монастырь 147
Голутвин монастырь 104
Горицкий монастырь 7, 11—14, 16, 29, 34, 53, 72—75, 81—84, 87—89, 91, 94, 99, 115, 140, 148, 158, 162, 188—190, 195, 196, 198, 206, 237, 303

Данилов монастырь . 3, 16, 19, 25—28, 36, 45, 53, 66, 71, 72, 75, 84, 93, 94, 96—103, 105—107, 112, 115, 116, 118, 144—146, 169, 170, 174, 175, 189, 199, 201, 202, 214, 238, 267
Донской монастырь 65, 66, 104

Иосифов монастырь . 9, 15, 26, 28, 30, 40, 68—71, 94—96, 136, 145, 146, 174, 195, 217, 218, 221, 231, 270

Калязин Макарьев монастырь 8
Карачевский монастырь 265
Киево-Печерская лавра 65, 97
Кирилло-Белозерский монастырь 104
Князь-Андреевский монастырь ... 49, 129, 149, 152, 225, 281
Колоцкий монастырь ... 68, 70, 71, 94, 99, 146, 150, 159, 176—178, 229, 274
Крестовоздвиженский монастырь 261

Левкиев монастырь 181, 218, 254, 261
Лужецкий монастырь .. 15, 17, 46, 70, 71, 78, 94, 177, 195, 231, 272
Лукианова пустынь .... 13, 17, 20, 35, 46, 68—71, 73, 74, 137, 141, 142, 150—152, 157, 218, 223, 277

Можайский монастырь .... *см.* Лужецкий

Никитский монастырь .. 8, 14, 16, 19, 46, 47, 53, 68, 71—73, 82, 94, 96, 99, 103, 106, 145, 146, 166, 169, 170, 195, 197, 206, 210, 214, 215, 229, 231, 248, 269, 314
Никольский монастырь (ПЗ) .. 16, 20, 38, 40, 41, 46, 48, 59, 68, 70—73, 94, 136, 149—152, 191, 214, 275
Никольский монастырь (Рыльск) 104
Никольский Песношский монастырь . 231
Новгород-Северский монастырь 9, 161
Новоспасский монастырь 104
Новый Иерусалим монастырь . 65—73, 83, 85—88, 101, 102, 107, 120, 133, 134, 136, 150, 151, 156, 157, 162, 167, 168, 175, 176, 186, 247, 265

Осипова пустынь 115, 196
Островская пустынь 20
Отроч монастырь 8

Петровский монастырь (Можайск) 45, 94, 195, 215, 280
Покровский монастырь (Харьков) 103

Пятницкий монастырь 128, 280

Сковородский монастырь 201
Сольбинская пустынь 41, 48, 71, 117, 150, 152, 182, 248, 277
Спасский монастырь (Арзамас) ..102, 103
Спасский монастырь (Верея) .71, 94, 159, 178, 195, 218, 276
Спасский монастырь (Севск) 104
Сретенский монастырь 50, 57, 59, 227, 281
Страстной монастырь 50

Троице-Сергиева лавра ...7, 9, 12, 13, 16, 22—24, 26, 27, 29, 30, 60, 61, 73, 93, 94, 96, 106, 190

Успенский монастырь (Александров) ..49, 71, 94, 147, 148, 177, 202, 219, 259, 279
Успенский на Кубре монастырь 242

Фёдоровский монастырь .....38, 44, 45, 48—50, 53, 59, 71, 94, 95, 103, 139, 147—149, 191, 227, 278

Чудов монастырь 65, 66

Шемякина пустынь 228

Юрьев монастырь (Новгород) ... 104, 202

Церковный указатель

Александра Невского церковь (ПЗ) ... 90, 106, 212

Белоградская епархия 105, 106
Благовещенская церковь (ПЗ) ... 226, 227
Благовещенская церковь (Шемякина) 228
Благовещенский собор (Гжатск) 136, 155, 178, 191
Богословская церковь (ПЗ) 42
Богоявленская церковь (Александров) 222, 223, 226
Богоявленская церковь (Гжатск) 157, 191, 203, 257, 316

Владимирская епархия 102, 223
Вознесенская церковь (Можайск) 256
Вознесенская церковь (ПЗ) . 32, 232, 254, 259
Вознесенская церковь (СПб.) 137
Воскресенская церковь (Клин) 178
Воскресенский собор (Волоколамск) . 178, 257, 261
Воскресенский собор (Н. Иер.) 134
Воскресенский собор (Руза) 204
Всех Святых церковь (Горицкий) . 13, 74, 83, 84, 88, 189, 237
Всех Святых церковь (СПб.) 201

Георгия церковь (Горицкий) 13, 84
Гефсимания церковь (Горицкий) 74, 83, 84, 87, 88, 189, 238

Екатерины церковь (ПЗ) 37
епархия ..... *см.* по названиям епархий

Знаменская церковь (Андроников) ... 167, 296

Ильинская церковь (Верея) 257, 262
Ильинская церковь (Волоколамск) ... 254
Ильинская церковь (Дмитров) .. 258, 260, 261
Ильинская церковь (Можайск) .. 257, 260
Ильинская церковь (ПЗ) 142
Иоанна Предтечи церковь (Горицкий) 13, 84, 238

Киевская епархия 7
Козмодамианская церковь (ПЗ) 42
Константина церковь (Верея) 258, 261
Космодамианская церковь (Верея) 61, 62, 257
Крутицкая епархия ... 65, 71, 87, 92, 114, 145, 162, 166, 170, 175, 177, 178, 180, 185, 188, 202, 205, 216

Можайская епископия 8, 9, 30
Московская епархия 7, 11, 22, 26, 118, 180

Никитская церковь (ПЗ) 173, 229
Никольская церковь (Горицкий) .. 84, 89, 174, 190, 238
Никольская церковь (Москва) 52
Никольский собор (Можайск) .. 110, 130, 131, 159, 160, 224
Новгородская епархия 201, 202

Покровская церковь (Александров) ... 254
Покровская церковь (ПЗ) 37
Покровская церковь (Руза) 262
Псковская епархия 180

Рождества Богородицы церковь (ПЗ) . 228
Рождества Богородицы церковь (Руза) 25
Рождества Христова собор (Александров) 129, 141, 209, 222, 223, 226
Рождества Христова собор (Верея) .. 157, 251
Рождества Христова церковь (ПЗ) ... 230, 232, 233

Свято-Духовская церковь (ПЗ) 37
Сергия Чудотворца церковь (ПЗ) 89
Симеоновская церковь (ПЗ) 40
Смоленская епархия 180
Софийский собор (Вологда) 9
Софийский собор (Киев) 9
Спасо-Преображенская церковь (Дмитров) 134
Спасо-Преображенский собор (ПЗ) ... 16, 18, 70, 140, 153, 169, 170, 179, 191, 199, 220, 226, 227, 231
Спасская церковь (ПЗ) 228

Сретенская церковь (Дмитров) 141
Сретенская церковь (ПЗ) 89, 90

Тамбовская епархия 16, 71
Тверская епархия 101, 177
Тихвинская церковь (Дмитров) 261

Успения Богородицы церковь (Руза) .. 231
Успенский собор (Горицкий) .. 12, 13, 83, 85—88, 91, 185, 189, 202, 227, 237, 314
Успенский собор (Дмитров) 255, 260
Успенский собор (Москва) 104, 106

Филипповская церковь (ПЗ) 47

часовня Борисоглебская (ПЗ) 37
часовня Иоанна Блаженного (Можайск) 159, 160
часовня Крест (ПЗ) 241
часовня ложная (Можайск) 161
часовня Никольская (ПЗ) 37
часовня раскольников (Игнатьево) ... 161
часовня раскольников (Неумоино) 161

Оглавление

Предисловие 3

I. Переславская епархия при архиепископе Арсении и епископе Серапионе (1744—1753 г.)

1. Открытие епархии, епископ Арсений, епископ Серапион 7
2. Экономика кафедры, перестройка Горицкого монастыря 11
3. Органы епархиального управления 16
4. Обучение семинаристов, открытие своей семинарии 21
5. Обучение священников 27
6. Жизнь приходского духовенства 31
7. Жизнь монахов 44
8. Жизнь прихожан, церковные таинства, суеверия 51

II. Переславская епархия при епископе Амвросии Зертис-Каменском (1758—1761 г.)

1. Епископ Амвросий 65
2. Органы епархиального управления 69
3. Экономика кафедры, перестройка Горицкого монастыря 81
4. Переславская семинария 93
5. Поставление в священники 119
6. Жизнь приходского духовенства 124
7. Проступки духовенства и взыскания 133
8. Жизнь монахов 145
9. Жизнь прихожан, раскольники, борьба с чудесами 153

III. Переславская епархия при епископе Сильвестре Страгородском (1761—1768 г.)

1. Епископ Сильвестр 165
2. Органы епархиального управления 169
3. Экономика кафедры, перестройка Горицкого монастыря 185
4. Переславская семинария 192
5. Жизнь приходского духовенства 211
6. Состояние церквей, церковные таинства, пастырство 226

Приложения

Опись катедральному Горицкому монастырю, что в 1754-м году имелось 237
Опись Переславского катедрального Горицкаго монастыря домовым всяким вещам и конской збруи 243
Журнал консистории о приёме денег от поповского старосты 251
Формуляр епитрахильным грамотам 252
Список учеников Переславской семинарии за 1755 г. 254
Список учеников Переславской семинарии, составленный 27 июня 1758 г. 259

Указ епископа Амвросия о выборных прошениях 263
Ведомость о монастырях и монашествующих Переславской епархии, составленная в 1759 году 265
Список церквей и приходов, входивших в состав Переславской епархии в конце 50-х годов XVIII столетия 282
Завещание Переславского епископа Сильвестра 296
Расписание о содержании семинарии 298
Счёт содержания семинаристов в 1763 году 304
Счёт содержания семинаристов в 1764 году 312

Географический указатель 320
Именной указатель 323
Предметный указатель 330
Указатель организаций 331
Указатель монастырей 333
Церковный указатель 335